

Эолова арфа

литературный альманах

выпуск 5

Издание
Нины Красновой
Москва
2012

ББК 84 Р7

Э 69

Главный редактор Нина Краснова

*На обложке воспроизводится картина
художника Александра Трифонова "Актёр", холст, масло, 100 х 80 см, 2012 г.*

Э 69 Эолова арфа

Эолова арфа: Литературный альманах Выпуск 5 / Главный редактор
Нина Краснова. - М., 2012. - 496 с.

В 5-м номере "Эоловой арфы" читатели смогут прочитать новый старый (т. е. ранний) дневник Валерия Золотухина за 1961 год, тогда ещё студента ГИТИСа, литературные заметки Нины Красновой о книге Валерия Золотухина "Болезнь", миниатюры Кирилла Ковальджи о Марине Цветаевой, о Сергее Есенине и т. д., заметки библиографа Маргариты Прошиной, эссе Тамары Жирмунской об Арсении Тарковском, посвящённое 105-летию со дня рождения поэта, художественную прозу Юрия Кувалдина, Ваграма Кеворкова, Надежды Мухиной, Эмилия Сокольского, Владимира Пустовитовского, сказки Нелли Новиковой, стихи "шестидесятников" - Александра Тимофеевского, Татьяны Кузовлевой, покойного Николая Новикова, и "девятиностодсятников" - Евгения Лесина, Андрея Щербака-Жукова, Елены Исаевой, Анны Гедьмин, Германа Гецевича, а также статьи Юрия Крохина и Зульфии Алькаевой о поэзии, сочинения семейного творческого "клана" Шведовских - Татьяны и её сыновей, Феликса и Олега... записки культуролога, театрала Петра Кобликова и много чего ещё интересного. Среди авторов альманаха - не только москвичи, но и, как и в предыдущих номерах, рязанцы - Алексей Бандорин, Людмила Салтыкова, Виктор Крючков, Ольга Сидорова, Владимир Орлов, и жители других городов и краёв, в том числе и зарубежья...

© Нина Краснова, 2012

ISBN 978-5-85676-145-9

ББК 84 Р7

Валерий Золотухин

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

"Бросок на Восток" Валерия Золотухина, датированный 1961 годом, это дневник не народного артиста России и не члена Союза писателей Москвы, кем в 1961 году Валерий Золотухин, которому тогда исполнилось 20 лет, ещё не являлся, а дневник Валерия Золотухина - студента 3-го курса ГИТИСа, охватывающий период жизни будущего народного артиста и писателя всего в два месяца, с 6 июля 1961 по 8 сентября 1961 года. Путевые заметки, где автор пишет о том, как он в составе концертной бригады, со своими однокашниками, летом 1961 года, во время каникул, ездил на гастроли в самые отдалённые точки нашей страны, и в "места отдалённые", по маршруту: Москва - Иркутск - посёлок Мирный - Якутск - Магадан - Колыма, с посёлками Мянуджа, Сусуман, Полевой, Бурхала, Ягодное, Оротукан, Атка, с алмазными залежами, с "золотыми приисками", с лагерями заключённых, с клубами, красными уголками, с курортом всесоюзного значения под названием Талая... и где он описывает - сам для себя и для будущих читателей - свои впечатления, связанные с этими гастролями, встречи с людьми, курьёзные случаи, и всё, что представляется ему интересным, причём всё это сейчас, по истечении времени, не только не перестаёт быть интересным для читателей, а - становится особо интересным и особо ценным, как художественный и уже исторический документ 60-х годов XX века, в котором личная жизнь молодого артиста переплетена с жизнью страны.

9 июля 1961 года студент ГИТИСа Валерий Золотухин пишет:

"(В Мирном) Встретила нас девушка, зам. директора... и Егор Семенович (добровольный "экскурсовод") повёл нас в столовую, по пути рассказывал о Мирном (и об алмазах). В столовой все посетители были почему-то пьяные, и даже Е.(гор) С.(емёныч) оказался нетрезвым... Одна баба продала в Ленинграде маленький алмазик (из Мирного), сразу же... дали (ей) 15 лет (тюрьмы)... Американцы говорят, что Мирный может кормить 3 СССР..."

16 июля 1961 года Валерий Золотухин пишет:

"Когда люди долгое время находятся вместе, особенно в такой работе, как наша, они ужасно надоедают друг другу..."

4 августа 1961 года Валерий Золотухин пишет:

"Выпили со Славкой "Перцовки". Купил книжку "По колымской трассе". Вечером смотрели фильм "Девичья весна" - чёрт-те что, ни богу свечка, ни чёрту кочерга".

А 7 августа 1961 года он пишет:

"Ничего интересного за это время не произошло..."

...после войны сюда (на Колыму) было сослано много талантливых... артистов, которым по разным причинам пришлось работать в оккупированных районах. Здесь были и Рознер, и Русланова, Козин... не выходит с Колымы..."

эолова арфа

"Когда я пишу эту страницу, радио передаёт сообщение ТАСС - успешно проведено приземление второго космического корабля "Восток-2, пилотируемого Титовым Г. С. (...) В такой век мы живём! Скоро люди будут приземляться на луне, Марсе, Венере и т. д. А может, прилуняться? Примарсяться? Привенеряться?.."

А 22 августа 1966 года он пишет:

"78-й концерт. Атка. (...)

Кончатся наши гастроли, интереснейшие, незабываемые... до более ярких впечатлений. И с ними кончается мой дневник.

Всего увиденного, безусловно, невозможно описать, тем более, что я не обладаю писательским даром: я - артист, и пишу только потому, что хочу оставить в моей памяти интереснейшие моменты моей жизни, и ещё потому, что люблю это делать и занятие писаниной доставляет мне удовольствие".

"Писанина" "бедного студента" Валерия Золотухина с "интереснейшими моментами" его жизни, безусловно, доставит удовольствие и читателям и будет интересна им и своим фактическим материалом, и художественными наблюдениями и рассуждениями автора, и портретами людей, которые он рисует, и автопортретами самого автора, который хоть и говорит, что он не обладает "писательским даром", но в этом с ним никак нельзя согласиться.

Нина КРАСНОВА,
4 июля 2012 г.,
Москва

БРОСОК НА ВОСТОК

(дневник, 6 июля 1961 г. - 8 сентября 1961 г. и 25 июня 1962 г.)

Наконец-то все мучения, связанные с подготовкой и отправлением бригады, позади. Нас прослушали, признали программу блестящей и в два-три дня оформили все документы для нашего отъезда. Маршрут - лучшего не придумаешь: Якутск - Магадан - на 50 концертов. Приблизительно это значит: посмотреть тайгу, реку Лену, алмазные прииски, Охотское море, понюхать океан и т. д. Кроме того, роскошный транспорт - ТУ-104, к этому нужно особо прибавить - ставка за концерт - 5,0 руб. и 2,8 суточные (2 руб. 80 коп.). В общем, путешествие предвещает много интересного и полезного.

МОСКВА - ИРКУТСК

6 июля 1961 г.

Вылет назначен на 6-е в 10.55 вечера. Все вещи мы со Стасом заколотили в ящики и сдали в камеру хранения. В комендатуре общежития теперь свой человек - Слуцкий.

валерий золотухин путевой дневник

С первых же шагов нашего путешествия нас постигли неудачи - вылет задержался на 3,5 часа. Надо сказать, что ТУ-104 - шикарная техника, это второй самолёт, на котором я имел удовольствие лететь (первый был кукурузник) и который произвёл на меня приятное впечатление, как средство передвижения: первый - безопасностью полёта и относительной скоростью, второй - комфортом и феноменальной скоростью и относительной безопасностью полёта.

Больше всего в ТУ-104 мне понравился туалет, в котором лететь гораздо приятнее, нежели в своём кресле. Сравнительно с кукурузником его почти не болтает, и лишь при посадке сердце слегка замирает, но это даже приятно, хотя Стас не выдержал и наблевал, правда, культурно, в пакетик, но наблевал от этого приятного ощущения.

До посадки мне казалось, что я с успехом мог бы заменить Гагарина в его полёте, но при спуске в 10.000 метров в ушах у меня началась такая свистопляска, что не мил мне был белый свет. От резкой перемены давления уши очень болят, и можно одуреть. Первая посадка была в Свердловске, и там снова нас постигли неприятности: мы простояли 4 часа, а летели до него 2 часа. Причиной был отказ Новосибирском принять нас ввиду нелётной погоды.

До Новосибирска летели опять же два часа. Мы гораздо больше находились на земле, чем в воздухе, по этому поводу наш бригадир очень хорошо заметил: "Мы всё время стоим и вдруг иногда летим, и тем не менее мы чудовищно быстро пересекаем нашу страну вдоль".

Самые большие неудачи нас постигли в Иркутске, в котором мы застряли неизвестно насколько (сутки уже просидели). Дело в том, что трасса Иркутск - Мирный перегружена, и билеты на Мирный проданы вплоть до 15 июля, нас хотели перебросить в 4 дня, каждый день по два человека, но мы на эту глупую затею не пошли, т. к. сроки нас жмут сейчас, а потом мы их будем жать, чтоб освободиться дней на 5 раньше.

Чтобы не терять время, мы решили посмотреть город и начали с ресторана "Арктика". Ресторан очень бедный, значит, нечего говорить, в смысле обслуживания, о городе. Историю города лучше всего узнать у таксистов, которые знают всё, а если чего и не знают, то не постесняются соврать. Таксисты нам рассказали о том, что город был деревянным, дрянненьким, пока не пообещался приехать Эйзенхауэр, у которого дед или дядя имел когда-то здесь золотые прииски. В городе не было ни одной асфальтированной улицы, по главной улице было просто опасно ездить. В полтора месяца главные магистрали города были асфальтированы, старые домишки по пути от аэропорта были снесены, неприглядные места были обнесены забором. Работа кипела днём и ночью, здесь были и москвичи, и ленинградцы и пр.

Иркутчане должны быть благодарны Эйзенхауэру, т. к. город с его лёгкой руки принял нормальный европейский вид. Ему строили четыре виллы: три в городе и одну на Байкале.

До Байкала от Иркутска 60 км. Путешествие на такси стоит туда и обратно 15 руб. новыми. Спали на раскладушках, укрываясь матрацами. На

элова арфа

следующий день мы пошли с Романовским в филармонию предложить свои услуги (бригада), т. к. неизвестно, сколько мы просидели в Иркутске, тем более, что завтра у иркутчан праздник - 300-летие города. Директор выслушал наше предложение и, очевидно, захотел использовать нас в этом празднике. Говорят, город можно узнать по краеведческим музеям и, особенно, по базарам. И тот, и другой мы посетили. В первом мы ознакомились с географией области, во втором - с её экономикой.

На базаре, кроме "хреновой редиски", почти ничего не было. После похода мы вернулись в порт.

9 июля 1961 г.

Иркутск основательно поднабрал нам. Ещё одну ночь нам пришлось провести на вокзале. На этот раз раскладушек нам уже не дали, и пришлось устраиваться, как подскажет собственное воображение. Василий звонил директору Якутской филармонии, его нет дома, он не чешется и, по сообщению квартиранта, уехал на дачу. Очевидно, судьба нашей "биржи" его нимало не беспокоит. Его величество не только не выслало нам денег для проезда до Якутска, но не соизволило даже дать телеграмму. Утром выяснилось, что нам дают внереисовый почтовый самолёт ЛИ-2, который через 6,5 часов должен доставить нас в Мирный. Несмотря на все капризы судьбы наша "биржа" сохраняет относительный оптимизм.

Романовский заявил, что с Сибирью, кроме "даёшь на даёшь", никаких дел у него нет и не будет.

Только подошла моя очередь в буфете, как раздался голос диктора: "Пассажиры внереисового самолёта № 22607 маршрута "Иркутск - Мирный" просим пройти к автобусу". Завтрак пришлось оставить, схватить чемоданы и - в автобус.

ЛИ-2 - приличный самолёт. Чувствовал я в нём себя превосходно, если не считать того, что хотелось безумно жрать.

Стас и Наташка при посадке регулярно травят.

Экипажу послали такую телеграмму: "Поздравляем экипаж с днём воздушного флота. Желаем счастья, здоровья, успехов в работе.

Мы довольны, мы довольны,
Что летим в таком Линкольне,
Ох, она, Россия-мать,
Всю бы жизнь нам так летать.

Хочешь - вира, хочешь - майна,
Хочешь - мёртвая петля,
Что угодно выбирай-ка,
Нам же лучше всё ж - земля".

Телеграмму передали в гигиеническом пакете.

От Иркутска до Мирного 1.300 км, скорость 250 км/в час. Ветер боковой. Под нами всё время тайга, жильё настолько редко, что берёт ужас

валерий золотухин путевой дневник

при мысли вдруг свалиться из самолёта и очутиться одному в этих диких пространствах. Остановку нам "лайнер" сделал в Витиме, небольшой населённый пункт на берегу Лены. Все жители были на сабантуе и даже, по выражению одной маленькой виттимчанки, "пили водку".

Через час тайга пошла на убыль, и, кажется, началась тундра...

Наконец, наш самолёт идёт на посадку, и через несколько минут мы окажемся в пункте своего назначения, "царстве алмазов", фантастическом Мирном. Посадка.

МИРНЫЙ

Первое, на что мы обратили внимание после того, как вылезли из самолёта, - холод, пришлось достать плащи. Нас никто из администрации не встретил, но, как всегда в посёлках, находящихся вдалеке от большой земли, отыскиваются добровольные экскурсоводы, которые рады познакомиться и поговорить с людьми, прибывшими в их город. Нашего "экскурсовода" звали Егор Семёныч. Оказалось, что он тоже москвич и приехал в Мирный этой зимой на 5 лет. Шофёр. Он посадил нас в автобус, что было не так-то просто сделать, потому что народу на стоянке было на три автобуса. Автобус был новенький, очевидно, его получили всего несколько дней назад, и он ещё проходил обкатку ребятишками. Шофёр был и контролёром. Делал он так: заходил в автобус, давал команду ребятишкам, они закрывали двери, а он торговал билетами, которые брали по желанию. Затем ребятишки открывали двери, он выходил, садился в кабину, и автобус трогался. Егор Семёныч привёз нас в клуб "Алмаз". Встретила нас девушка, зам. директора. Разместили в спортзале, и Егор С. повёл нас в столовую, по пути рассказывая о Мирном, знакомя с его достопримечательностями: парикмахерской, почтой и пр. административными учреждениями. В столовой все посетители были почему-то пьяные, и даже Е. С. оказался нетрезвым. Кассирша, лет 35-ти, приехала сюда из Ленинграда. Чувиха, очевидно, прошла "огонь, воду и медные трубы". Каждого уже по привычке встречает холодным, убивающим взглядом, говорящим, что, кроме деловых отношений, ничего не может быть. При случае не замедлит дать в морду.

Из столовой Е. С. повёл нас другой дорогой и снова рассказал о Мирном и об алмазах:

- Я вот живу здесь сколько, ни разу не видел этих алмазов. Да и никто их тут не видел. Ты думаешь, алмаз - это что такое? Взрывавай руду и собирай его? Эге... Не поймёшь, кто за кем следит. Ты взял только в руки эту пыль алмазную, и завтра тебе - 25 лет (тюрьмы). Ты только взял её и не думал продавать вовсе. Одна баба продала в Ленинграде маленький алмазик, сразу же взяли (её), привезли сюда и дали (ей) 15 лет. Американцы говорят, что Мирный может кормить 3 СССР. Запасов здесь на 70 лет. Но люди тут долго не живут. Года 3-4. Кислороду тут не хватает 20%, и холод с сентября и по самый июнь градусов 50-60 как завернёт.

эолова арфа

Но работа ни на час не останавливается. Зелень расцветает поздно и очень не надолго. В общем, жизнь тут трудная. Вот вы приехали, и на душе как-то легче стало.

Зашли в промтоварный магазин. Висят шикарные пальто, плащи, костюмы. С улицы несётся весёлая музыка "Расцветали яблони и груши". Мирный строится и в длину, и в высоту, и в ширину, и в глубину.

Иногда приходит в голову мысль, что это сон, что никакого Мирного нет. На тысячи км кругом тайга, тундра. Большую землю жители называют материком. Живут чёрт знает в чём. Достать палатку можно по благу только, и то (!) - великое счастье. Земля оттаивает на три метра, дальше - вечная мерзлота на 300 м. Строится аэродром, говорят, Мирный будет принимать ТУ-104. В любой мороз и ветер ребяташек привозят в школу и развозят после занятий по домам. Пьют здесь все ужасно много, и мужики, и бабы. Вечером сходили в баню. Вода - как шёлк. Устроили нас в спортзале, как в гостинице. На каждого - раскладушка, две простыни и покрывало. Вокалистам выдали два тулупа. Жизнь началась привольная. Мирный - золотonosная жила не только по добыче алмазов, но и для нас, артистов. Каждый день даём по три концерта при полном зале. Свободное время заполняем анекдотами, руганью, спорам. После первого концерта нас пригласили молодые специалисты посетить их уголок. В час ночи мы прибыли к ним на квартиру, захватив с собой две бутылки спирта. На стене у них висел чудный плакат - "Путь из Москвы в Мирный". Человек бежит от цивилизации к белому медведю. Его путь усыпан песнями, гитарой, домино. Потом вступают бутылки, шпроты, тайга, тундра и, наконец, - АЛМАЗЫ. На этом банкете, как выяснилось после, мы играли незавидную роль. Оказывается, в другой комнате спали их чувихи, с которыми они поругались и решили пригласить нас назло им, а мы по их воле должны были заниматься ананизмом. Но как сказал Романовский: "Я счастлив, что я немножко кирнул". Спал я убийственно в эту ночь. Каждый член нашей биржи - индивидуум, очень непохожие друг на друга люди, о них стоит рассказать о каждом в отдельности. Но это потом. А пока моя симпатия - Романовский - "эстет", прошёл в стажёрскую группу Большого театра. Его девиз: "Не портите друг другу нервы, это влияет на голос". Его невозможно вывести из себя, и если он возмущается, то совершенно безобидно, никого не пытаюсь оскорбить. Как-то мне пришлось его видеть в минуты вдохновения, когда он вскочил с раскладушки и, вращая зрачками, по-настоящему возбуждённо начал произносить обвинительную речь: "Первое, что я сделаю, когда вырасту большим, т. е. буду "народным", это приду в Большой зал консерватории и набью рожу главному администратору. Потом перепишу фамилии всех театральных администраторов и, если узнаю, что они придут на мой спектакль, попрошу, чтобы их выставили в три шеи. А всем деятелям в филармонии наплюю в морды. Сколько они измывались надо мной, гады. Зажимали всю мою деятельность.

- А где ты работал до этого?

валерий золотухин путевой дневник

- Ох! Где я только ни работал. Я работал даже кассиром в цирке. Ты знаешь, я так хорошо пожрал, что чувствую себя человеком. Я вижу в воздухе. Наташа! Не пукай губками.

11 июля 1961 г.

Продукты в Мирном дорогие. Банка стужёнки в Москве стоит 55 коп., а здесь 62 коп. Ничего из продуктов посылать отсюда нельзя, посылки вскрывают и возвращают обратно. Обеспечивается Мирный хорошо. Концерты проходят с большим успехом.

Все охамели: разницы между нами и девушками не чувствуется. Рассказывают сальные анекдоты, все вещи называя своими именами.

12 июля 1961 г.

Дали за три дня 8 концертов. Питаемся консервами. Весь Мирный усыпан консервными банками. Ими можно мостить дорогу. Наша биржа опустошает ежедневно с полсотни банок. Романовский призвал быть истинными комсомольцами: собрать все (пустые) банки, увезти в Москву и сдать в утиль для постройки самолёта.

Наш балалаечник Быстренин очень непосредственный человек, до странностей. Все шутки воспринимает всерьёз, но не обижается, а пытается и в каждом каламбуре найти смысл. Романовский говорит, что он отличный музыкант, насколько он сделал колоссальные сдвиги в области своей балалайки, настолько он отстал в своём интеллектуальном отношении. Быстренин воспринимает мир, как большой ребёнок. Он далёк от всяких проблем "быть или не быть", не задумывается над смыслом жизни и не ищет в ней удобств. Весь его мир сосредоточен в балалайке, в музыке. На эту тему он может спорить сколько угодно, и завести его можно в одну минуту. Каждый из нас старается посмеяться, похохмить над ним, но все его любят за незлобивость, прямодушие и порядочность, хотя ему часто попадает за удивительную нерасторопность и рассеянность. Вот уже два дня он носится со своим ячменём, парень просто растерялся. Каких только средств ему не предлагали: и погреть, и плюнуть в глаз, и стукнуть, носить очки и поссать в глаз. Лечит его, главным образом, Романовский. Можно уписаться от смеха над этим процессом хирургии почти по Чехову.

- А ты чем мне будешь мазать? А ты, что, сначала будешь мазать и потом капать? А как ты будешь капать?

- Да лежи ты, идиот. Через жопу я тебе буду капать в глаз!

- Да, н-н-ну... не ври!..

Романовский любит его и больше всего подшучивает над ним.

- Дурак, идиот, сундук с клопами, ты опять не грел глаз.

- Д-д-да, не-е было время.

- В шахматы у тебя есть время играть, а глаз погреть - нет! Тебя ж родная мать не узнает, а невеста тебя к чёрту пошлёт, идиот.

эолова арфа

- Слава! Покапай мне в глаз.
(Это в два часа ночи.)

13 июля 2010 г.

11 палок за 4 дня. Первый концерт идёт хуже всего, а самый последний, как ни странно, на ура. Ходил сегодня, рисовал Мирный.

На концерте Романовский. Романовский невозмутимо заводит Берёзкину. Та кипитесь и говорит ерунду.

- Послушай, знаешь что? Иди ты в жопу!

Романовский: - Василий! Она меня послала в жопу. (К Берёзкиной.)
Мать твою ёб!

Ребята заразились рисованием на концертах.

14 июля 1961 г.

Концерты в клубе "Геолог". Он мне нравится больше, чем "Алмаз", хотя весь деревянный и смахивает на колхозный: три лампы и две кулисы. Нравится тем, что в нашем распоряжении целое фойе, где можно свободно разместиться и не вертеть задами перед носом друг друга, а потом - можно выйти на улицу подышать свежим воздухом, порисовать и полюбоваться Эриляхом. Эрилях - небольшая речушка, которая соединяется с Батуобией, а та в свою очередь с Вилюем. Геолог Хабаровский пошёл вверх по Вилюю за спутником алмаза - перопом. Пероп привёл его к трубке Мира, одной из самых богатых в мире по содержанию алмазов. Дал шифрованную телеграмму: "Закурил трубку, табак отличный". Его именем назвали лог, по которому нагорные воды стекают в Эрилях.

Программа принималась очень хорошо. После концерта к нам в гости зашёл аспирант якутского филиала академии наук Иван Александрович Лапухтин. Сказал, что он вообще поклонник очень немногих артистов, но мы его покорили своей молодостью и в то же время мастерским исполнением, искренностью.

Пока мы переодевались, вскрывали банки и потихоньку ужинали, он рассказывал нам историю алмаза: его прошлое, настоящее и будущее. Наша беседа продлилась до 1 часа ночи. Каких только вопросов мы ему не задавали?! От теории возникновения до сувенира. Копаться на трубке, что-то подбирать, разглядывать и т. д. - рассматривается как хищение алмазов. Если ты нашёл алмаз и сам принёс его, то создаётся много недоверия и волокиты: может быть, ты нашёл не один алмаз, а два и т. д. Лучше всего не связываться с ним, и если нашёл, то брось его на трубку - оттуда он никуда не денется и попадёт туда, куда положено.

В восьмистах километрах от Мирного нашли трубку Айхал, по содержанию в три раза богаче трубки Мир.

Утром 15 июля Иван Александрович повёл нас на трубку Мир и Спутник. Рассказывал очень много о технологии добычи алмазов и её перспективе.

валерий золотухин путевой дневник

В 1 час дня мы выехали в автобусе в посёлок Деря, занимающийся дорожным строительством, в частности трассы Мухтуя - Мирный, которую называют артерией Мирного. Работа идёт в невообразимо сложных условиях. Из 240 км 120 км трассы идёт по морям, где прокладка без предварительного настила брёвен невозможна. Стоимость одного километра возрастает до одного миллиона рублей, в то время, как стоимость 1 км трассы Москва - Минск - 135 тысяч рублей (в старых деньгах).

ДСР-2 расположен на берегу речушки Батуобии. Место очень красивое, напоминает Урал. Около самой реки стоит клетка с Машкой, так местные называют медведицу, которую поймали маленьким медвежонком и откармливают на мясо.

Публика инертная, много плохой "цивилизации", москвичей и пр., которые всё видели, всё знают.

На втором концерте все осмурели. Романовского объявили 3 раза, и все не вовремя, из зала: "Да у них нет Романовского". У Быстренина всю дорогу срывалась струна, и со сцены он ушёл контуженый. У меня уже из горла вытащили колбасную бумагу. Концерт расхлябился.

На библиотечной полке увидел том стихов Тютчева, нашёл библиотекаршу и предложил ей продать его мне. Но библиотекарша оказалась молоденькой девушкой и, очевидно, не насмелилась сделать такой жест, т. к. была порядочным человеком, - она просто подарила его мне.

Идёт к концу 16-й концерт, но числится он как 21-й - разменяли 3-й десяток.

Ура! Мы ломим!

Концерт окончен, нам на сцену выносят цветы, выходят люди и, расстроганные, благодарят нас за концерт. Это была самая приятная благодарность зрителей за все концерты, которые мы дали.

Разоблачаемся в темпе престиссимо из концертных костюмов, складываем их в чемоданы, надеваем робы и - в автобус. Едем во втором часу ночи, кругом светло-белые ночи, впервые я увидел их здесь.

Прохладно, просто холодно. Туман поднимается от марей и в логах. Мари - это место от выгоревшей тайги, почва настолько размякла, что не выдерживает никакой тяжести. При прокладке трассы Мухтум - Мирный в марях ушло с трубой два трактора, и никто не подумал их вытаскивать, потому что это оказалось бы дороже в несколько раз их самих.

Температура на земле ночью снижается до 0-2-х градусов. Речушку Батуобию можно переехать, настолько она мала, но холодна страшно: зайдёшь по щиколотки, постоишь чуть-чуть, и ноги ломит. Едем быстро, догоняем гружёный тюками газик, просим уступить дорогу. Но не тут-то было - в тайге закон - не уступать дорогу, не пропускать вперёд никого, и задний чихает всю дорогу в пыли.

Романовский делает предположение:

- А знаете, почему они не пропускают вперёд: вдруг что-нибудь случится, а задний должен помогать, иначе сам не пройдёт.

- Да ну, просто из упрямства, выскочить бы, рожу набить ему.

элова арфа

Но вдруг на наших глазах свершается чудо - нам уступает дорогу, мы с огромными усилиями обгоняем и устремляемся дальше.

Я рассказываю тем, кто не был с нами на трубке, новое из истории алмазов:

- Каждая машина руды стоит примерно 4 тысячи рублей, и в каждой машине гарантировано содержание алмазов. Во всём мире ежегодно добывается около 6 тонн алмазов. Весь лог Хабардина и часть речушки Эрилях будет промываться, т. к. воды унесли много алмазов.

В разговоре принимают участие все. Никто не остаётся равнодушным, когда речь заходит о труде геологов, да и всех людей, работающих в невероятно трудных условиях сурового таёжного края.

- Вы представляете себе, что это такое, - возбуждённо говорит нам "бугор" Василий, - холод, слякоть кругом, овод, мошка, комар, разная холера житья не даёт. Хоть влево ступай, хоть вправо, всё равно один конец, палатку поставить негде, а они идут, идут, ищут дыру в небе. Сколько их погибает, надо же выбрать такую профессию! А представьте себе, человек лет 25 ходил, искал и ни черта не нашёл за свою жизнь - вот тоска-то, наверное.

- Ну, люди, понятно, у них задача, цель, в общем, дело. А зверьё?! Ведь им не слаще здесь!!

В 3 часа мы дома. Без лишних разговоров кидаемся в постели и как убитые засыпаем. Максимально используем каждую свободную минуту для отдыха, завтра в 11 часов детский концерт.

16 июля 1961 г.

Пол-одиннадцатого - все вскакивают, как ошпаренные. Быстро плескаем себе на носы, одеваем фраки и без пяти одиннадцать все на строе. Детишки от 4-х до 8-ми лет. Василий перешёл на детский юмор: "Выступают баянисты Леонид Смирнов и Юрий Прасолов. А вот отгадайте, который из них Смирнов?"

- Вон! Длинный!

- А вот и не отгадали! Длинный - это Прасолов.

- Ага! Ты знаешь!

Или: "Кузнецов. "Полька" обстень, обдверь"...

Гастроли в Мирном закончены. Ровно неделя прошла со дня нашего приезда, за это время мы дали, с Божьей помощью, 24 концерта, завтра, т. е. 17/VII-61 г. в 10.45 московского времени мы вылетаем в Якутск. Все на своих местах. Романовский в постели разглагольствует о жратве, Быстренин после игры в шахматы держит палку мою, воткнув её в ноздрю, Василий наворачивает анекдоты, одновременно запихивая в рот куски хлеба с паштетом или колбасным фаршем, чувихи валяются на кроватях.

Романовский всё задаёт ребусы Быстренину, а балалаечника завести легче всего:

- Ты! Слушай! Пройди по кроватям с палкой и убей его, чтоб он не измывался над тобой.

валерий золотухин путевой дневник

- Слушай, Витька, где ты был?
- Сидел, толковал с Цыганом.
- Да ты что?! Коллективно срать столько времени нельзя, мы уже 3 партии в шахматы сыграли, рассказали по паре анекдотов, а тебя всё нет.

Когда люди долгое время находятся вместе, особенно в такой работе, как наша, они ужасно надоедают друг другу: ругаются, подковыривают, оскорбляют, потом мирятся, и всё сначала. Граница между нами и нашей прекрасной половиной окончательно стёрлась.

Василий даёт урок наставления Наташке: "Ты - ужасно скучный человек, вы будете плохо жить с мужем".

- В каком смысле?

- В прямом. Ты - неинтересная, не увлекающаяся натура. Ну, скажи, что тебя волнует в жизни? Что ты любишь, ненавидишь? Ведь тебе всё равно, хоть трин-трава, хоть трава-трын.

- У меня пора увлечений прошла.

- Вот именно! Я тебе не завидую. У меня есть один дружок, интересный человек. Влюбился он в одну женщину, заведующую кафедрой иностранного языка кишинёвского пединститута и в конце концов женился на ней. Он её действительно любил, по-настоящему любил, но её, кроме дойч, инглиш и т. д., ничего не интересовало, такая вялая, безразличная к жизни чухиха: как в постель, так скука, и он развёлся.

ЯКУТСК

17 июля 1961 г.

Отправил письма, ответы жду на Магадан.

В 4.45 вылет в Якутск. Василий с баянистом накрился не в жилу. Окончательно перестал уважать летательный транспорт - не можешь точно знать, когда вылетишь, опять вылет задержался на целый час. "Бугра" вместе с собутельником и лучшим другом Лёшей-баянистом причесало песочком и гравием от прошедшего самолёта, а заодно и нас.

Мой сосед по самолёту бежит из Мирного обратно в Якутск, кой-как протянул 7 месяцев: снабжение плохое, да и заработка нет.

В Алекминске делаем посадку, очень красивое местечко на берегу Лены. Туалет бревенчатый, как избушка на курьих ножках бабы-яги, но внутри - типичный сортир.

В Якутске - грязь по колено, кое-как добрались до автобуса, который пришлось брать штурмом. Как и следовало ожидать, "в Якутске нас никто не встретил, а ночь тёмная была"...

Автобус странный - "летит - земля дрожит, станет - три дня стоит".

Водители матерятся, проклинают своих братьев, которые работали на нём в другой смене и поднаслали своим ближним.

элова арфа

Во время вынужденной стоянки Василий попробовал дозвониться до директора КЭБа, но попытки не увенчались успехом.

Перевели на другой автобус (часть отстала) и помощью Всевышнего добрались до "Леночки", гостиница "на московский лад", недавно пущенная в эксплуатацию. Но и здесь наши мучения не кончились, а только прибавились - мест нет, гостиница закрыта для пленума обкома. Желудки у всех пусты, пришлось вскрыть банки "НЗ" и поделиться со всеми. Хлебом набили карманы, заморили червяка и стали коротать первую якутскую ночь. Романовский, пока все волновались, ходили к администратору, проектировали, не теряя времени и, как всегда, старался использовать его в полезных целях: достал мыло, щётку, полотенце и полчаса занимался своим туалетом, а потом ушёл искать почту. Он с каждого посадочного пункта даёт телеграмму жене и матери, что жив-здоров, прибыл туда-то.

Быстренин, как всегда, предмет юмора. У кого плохое настроение, его можно исправить, поговорив с ним, всё равно о чём.

- Быстренин зашёл в туалет и везде выключил свет. Почему?
- Да не ври ты!
- Ну, как же "не ври", я же видел, что у тебя в туалете света нет.
- А я не заметил, мне всё было видно.

Камаев и Зуйков подцепили каких-то чувих и провозились с ними всю ночь: гуляли, говорили и на этом остановились.

Василий пошёл искать дикторскую квартиру, в ней оказался тот же квартирант, с которым он говорил из Иркутска. Директор снова был на даче и, конечно, не знал, что "чёртова дюжина" молодых артистов, как от Бога, ожидает его вестей.

Телеграмма в КЭБ пришла 18-го в 10 утра, опоздала на целый день, и вот неизвестно, по чьей вине мы кимарили над чемоданами 10 часов. Провинциалы, при всей непосредственности, вредный народ, по отношению к москвичам. Им кажется, что москвичи всегда требуют каких-то привилегий, а мы ничего, кроме человеческого отношения к нам, не просили. Администрация могла устроить хотя бы наших женщин, тем более, что наверху было много диванов, но её больше волнует судьба диванной обивки, чем состояние людей.

Но нет худа без добра, нам снова улыбнулась Фортуна: нас увезли на дачу, выдали раскладушки, только без постели.

В Якутске даём три концерта и 20-го вылетаем в Магадан, билеты на руках.

18 июля 1961 г.

Живём на дикторской даче, место называется Сегерлях, а жители Якутии прозвали его полуостровом Тайванем. Тайвань представляет собой полуостров длиной метров 800 и шириной 200 метров, окружённый со всех сторон проточным заболоченным озерком. Тайвань - дачное место якутской интеллигенции. По соседству с нашей резиденцией живёт

валерий золотухин путевой дневник

народный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств Туралысов. 32 года проработал гл. художником якутского драматического театра. Учился в своё время у Кончаловского, творческие командировки проводил под наблюдением Федоровского. Был с женой на нашем концерте и остался весьма, весьма доволен. Туралысов сказал нам такую якутскую поговорку - "Родню - подальше, прурубь поближе", в беседе в его поселении на Тайване, он же посоветовал нам посетить музей.

Что можно сказать о Якутске? На меня он произвёл неблагоприятное впечатление, и даже при советской власти мы не сделаем большой ошибки, назвав его ссылкой. Телеграмма идёт туда 2 дня, поговорить с Москвой можно только через 4 суток после заказа, на улицах грязь по колено, тротуары гнилые - чуть оступился и по шею в воде. Дома деревянные и одноэтажные, каменные только в центре, ввиду вечной мерзлоты их строят, как и в Мирном, на железобетонных сваях. Интересно, что улицы центральные вымощены деревянными бакулками.

Когда я рисовал Якутск с крыльца театра, ко мне подошёл заведующий сценой, посмотрел и сказал: "Вы очень верно делаете набросок, на первом плане Вы поместили уборные. Правильно Якутск не напишешь". В его выражении было столько желчи по отношению к Якутску, что мне стало жаль этот древний городишко, в котором с 1872 по 1882 год чахнул больной Чернышевский, позднее Дзержинский и многие полит. ссыльные, в том числе Ярославский, организовавший с группой товарищей краеведческий музей, носящий его имя. Музей мы посетили с Романовским и Бвстрениным, и здесь Романовский остался на высоте, он вырвал в качестве сувенира последний ноготь у белого медведя и клык бурого, который отдал мне после того, как тот раскололся.

В музее мы увидели много интересного и редкого: например, почти целый скелет мамонта, черепа древнейших животных, рыб, случайно забредшего из уссурийского края тигра, шаманские костюмы, погребения якутов, юрты, в которых они рождались и умирали, орудия труда и охоты, которые снабжали их пищей, редкие фотографии, свидетельствующие об ужасе царского произвола над ссыльными и коренным населением. В этом году Якутску исполнилось 325 лет, возник он как острог на реке Лене, но вырос и стал походить на город только после Великой Отечественной войны, но и до сих пор в 10 часов вечера из него невозможно послать телеграмму, всё закрыто.

Директор филармонии отказался платить нам квартирные, т. к. мы не представили никаких на это документов, когда же на него насели, он чуть было не зажал нам оплату 12-ти переработанных концертов, но потом успокоился, собрался с мыслями и подписал все документы, разрешающие оплату.

19 июля 1961 г.

В этот день у нас было два концерта с перерывом на час, в который мы успели перекусить и запастись в дорогу. Надо сказать, что снабжают

эолова арфа

Якутск хорошо, столовая не уступает многим московским по репертуару, вкусности и чистоте обслуживания, единственное, что смущает меня, - цены, средний обед стоит 1 р. 15 к. - 1р. 20 к., в Москве за такую цену можно покушать в ресторане или в шашлычной. На улице продают непонятный по вкусу дорогой морс.

Концерты прошли с большим успехом, и, как всегда, второй лучше первого в несколько раз, потому что публики на втором концерте всегда больше в два-три раза. Мы уже убедились, что концерт делает публика, она задаёт ему настроение, темп, от которых зависит качество и успех концерта.

После концерта мы уложили чемоданы, чтобы встать утром в 5 часов и за час до отлёта прибыть на аэродром.

МАГАДАН

20 июля 1961 г.

В 6 часов утра мы покидали Якутск, в последний раз проезжаем по нему на автобусе КЭБа, Красноярского производства. Каждый старается острить в меру своих способностей по адресу Якутска. Кто-то даёт смешное прозвище ему - город Глупов.

На аэродроме снова ожидание каких-нибудь казусов со стороны воздушного флота, но на этот раз, кажется, всё благополучно, наш ИЛ-14 подкатывает к вокзалу, дежурная объявляет посадку. Камаев и Зуйков лобызают якутских чувих в последний, кажется, раз. Да, конечно, в последний. Земля не так мала, чтобы много раз встречаться со своими знакомыми, хватит и одного, а жаль иногда. Камаеву, наверно, жаль, премиленькая у него знакомая.

- Я не понимаю, как можно так, только познакомились, и уже - роман, - говорит Светка Берёзкина.

- Да ведь они здесь ничего не видят, для них каждый приезжий - Евгений Онегин, - отвечает Фёдоров.

Мы садимся в самолёт, он стартует и берёт курс на Перелех, с которого мы должны будем пересесть на другой борт и вылететь в Магадан.

В Перелехе мы чуть не оставили Рудика, диспетчер разрешил только 12 мест, а нас - чёртова дюжина. Но мы заташили его в самолёт и уговорили пилота не высаживать нашего жонглёра. В самолёте с нами села одна чувиха, которая не давала никому покоя: ко всем приставала, хохотала, несла всякую чушь и т. д.

Я страшно хочу спать - самолёт болтает, как старый автобус по древней дороге, да ещё эта идиотка трещит без умолку.

Магадан нас не принимает на аэродром "13 км", ввиду низкой облачности, мы вынуждены приземляться на 47 км. Только успели выйти из самолёта, перенести вещи в вокзал, как пришёл автобус, который доставил нас в гостиницу "Магадан".

валерий золотухин путевой дневник

Администрация театра бронировала для нас чудесные номера. В каждом номере две шикарные деревянные кровати, горячая-холодная вода, стол, две тумбочки, три стула, платяной шкаф с зеркалом во всю длину, радио и т. д. Мы с Романовским заняли 51-й номер, заказали ванну, а сами тем временем ознакомились с магаданским гастрономом, взяли бутылку коньяку, шоколад и пирожное. После принятия ванны оделись во фраки, открыли коньяк, выпили грамм по 80 и спустились в ресторан, где для нас были бронированы места.

В ресторане наша "биржа" кутила уже за двумя столами на всю катушку вместе с пилотом Сашей и администратором. Официантка носилась, как метеор, не успевая подносить коньяк и шампанское.

Нам с Романовским за этими столами места не оказалось, и мы заняли отдельный стол на два человека. Вскоре нам принесли бутылку шампанского, икру кетовую, заливную горбушу (моя любимая закуска), яичницу, и мы начали помалеху тянуть шампанское и вспоминать цивилизацию, изредка поглядывая на нашу "биржу", которая всё больше пьянела, расходилась и устраивала там-тарарам. Кому-то уже сделали замечание, что в Магадане так не танцуют, на что последовал ответ: "Учитесь!" Покинув ресторан, они пошли в кино, мы же со Славкой вернулись в номер, выдвинули стол на середину, забрались в кровати и стали не торопясь добывать коньяк, смакуя и блаженствуя.

На концерте Лондона Славка отошёл в мир грёз, я же дослушал его до конца, но ещё долго не мог уснуть, приятно ощущая свежесть и похрустывание простыней. После долгих мытарств в пыли и грязи мы вновь обрели чистую постель и оценили значение благополучного жилья.

21 июля 1961 г.

В 9 часов мы были уже на ногах. Славка встаёт рано и не даёт мне валяться, сделали необходимый туалет и отправились в кафе, где вкусно позавтракали рыбными блюдами. После кафе взяли курс к морю.

Магадан - морской порт, заложенный в 1933 году. В войну сюда приехало очень много эвакуированных, и потому здесь можно встретить любую национальность. Город расположен на двух возвышенностях, разделённых ложиной, от которой начинается центральная улица - проспект Ленина. В конце проспекта стоит магаданская Эйфелева башня - телевизионная вышка.

Дома Магадана окрашены белой краской, которая придаёт городу чистый, опрятный вид.

Климат морской, зимой морозы редко бывают ниже 27 градусов, лето - не жаркое, часто идут дожди. Воздух влажный, облака низкие.

Густой туман вечером заставляет водителей включать полный свет во избежание катастрофы. Говорят, по климату Магадан схож с Ленинградом.

По пути к морю, переходя через грязь в своих босоножках, Романовский сломал мою палку. На три части, бедная, хрустнула. Если бы он,

элова арфа

анафема, знал, что значит для меня эта палка и не закопчённое светлое пятно на ней. Через всю страну она пролетела со мной и стала дорога не только мне, но и всей "бирже", и вот те на!!

Море в своей жизни я увидел первый раз (кстати, в гостинице я живу в первый раз), правда, это только бухта капитана Нагаева, но тем не менее - небывалое зрелище. Оно всё время о чём-то недовольно переговаривается с берегами. Смотришь на него, и в груди поднимается чувство гордости и зависти к этой могучей "свободной стихии", покоряющей-ся необыкновенно смелым и сильным людям.

Володя: "С морем шутки плохи, море слёз не понимает".

Почти до самого порта, километра 4, мы прошли по его побережью, и всё время наше внимание и мысли были прикованы к суровой красоте горько-солёной громадины.

Время было на исходе, в два часа мы должны были встретиться с директором театра. На такси мы добрались до гостиницы, и наша "биржа" в полном составе отправилась на беседу с "хозяином". Директор произвёл впечатление делового, весёлого человека, красивый мужчина, лет 45-ти, по возможности не прочь побаловаться с молодыми актрисами.

Вечером первый выездной концерт по трассе.

Когда мы вечером покидаем номер, Славка зажигает ночник. Для уют-а! "Дома нас ждут". С этой же целью мы повесили на стену нашу рекламу: "Молодёжь на эстраде".

22 июля 1961 г.

С концерта приехали в два часа ночи, концерт прошёл с грандиозным успехом - 72 км, стекольный завод, каждый номер принимался феерически. В зале сидела половина бывших и полузаключённых. После концерта долго ждали забулдыгу-администратора, любителя выпить за чужой счёт. Он всем своим должен по 2-3 рубля, но пока никому не отдал. Правая рука у него всё время в воздухе, успокаивающая рука: "Всё в порядке, всё в порядке". На самом деле никогда ничего вовремя не сделано. В театре он работает вторым художником, а должность администратора занимает временно, до приезда главного "кита", деловой бабы, заделывающей в день по несколько концертов.

Для нашей "биржи" этот несчастный алкоголик сделал доброе дело - купил 50 пачек ароматных сигарет, но на два рубля накрыл Василия.

"Бугор" предложил после приезда с трассы пригласить его в номер, накурить до голубой слезы, снять штаны и нарисовать химическим карандашом на заднице чайку.

Днём знакомились с городом. Довольно приличный книжный магазин: две громадные полки самых различных стихов, среди них большое количество томиков Гильена. (В Москве его невозможно купить.) Васильев, Гудзенко. Совершенно случайно обнаружил Тютчева с хорошей вступительной статьёй, купил и подарил нашему бригадиру Василию Фёдорову (он очень завидовал мне, когда я, по существу, выпросил Тютче-

валерий золотухин путевой дневник

ва в библиотеке 42 км. "Мухтуя-Мухтуя я не знаю... ничего", а на следующий день в букинистическом отделе приобрёл Козьму Прутоква.

Вечером на "Палашке" два концерта - по трассе 82 км. Ужинали после второго концерта в 12 часов в замечательной столовой.

Из Магадана с нами приехала машинистка театра Люба, обрабатывал её Лёшка-баянист, в восторге от концерта.

По пути на палатку Василий читал вслух К. Прутоква, все хором ржали. Когда читаешь один, не получаешь такого удовольствия, как от коллективного театрализованного чтения, тем более, что Васька читает здорово. На обратном пути Быстренин вспоминал детскую шутиху "топайте кверху жопой" к сказке Пушкина. О царе Салтане. Она нашла самую горячую поддержку у всей "биржи", заодно вспоминали великолепный пушкинский стих: "Ветер по морю гуляет, топай-топай, и кораблик подгоняет кверху жопой" и т. д.

Всю дорогу стоял гомерический хохот. В гостиницу приехали только в три часа, а легли в 9.30.

23 июля 1961 г.

К половине десятого нужно было быть в автобусе. Мы поднялись со Славкой в 9 часов, умылись, собрались, позавтракали в буфете. (Видели там совершенно необыкновенную девчущку лет 4-5-ти с молодой мамашей. Нужно было видеть, как эта крошка кушала котлету, отрезая вилок небольшие кусочки и посылая их в рот. Делала она это так изящно, что мы с Романовским невольно вылупили на неё глаза.)

"Биржа" Васисуалиева (так все зовут друг друга) безмятежно дрыхла, но и администратор что-то тянул кота за хвост. В это утро мы должны были идти на катере по морю в рыбацкий посёлок Ола. Автобус пришёл только в половине 12-го, за это время мы успели вздремнуть ещё немножко, и повёз нас на эродром. План действий изменился, мы летим в Олу самолётом. Но Ола отказалась нас принять ввиду погоды, и вот мы, не солоно хлебавши, вернулись в гостиницу. В этот день мы уже не работали, а жаль, нам хочется по возможности скорее вылететь в Москву, хотя бы самую малость отдохнуть перед учебным годом.

На базаре купили за полтора рубля в качестве сувенира небольшого краба и тоже взял их в знак сувенира, сделав из панциря замечательную пепельницу. Но в ювелирном магазине он козырнул: в память о Севере купил на 35 рублей моржовый клык, расписанный бытовыми сценами из жизни чукчей Уэленской работы.

В 12 часов ночи смотрели фильм "Собор Парижской Богоматери". Лоллобриджиде так далеко до Эсмеральды, как мне до испанского короля. Но Квазимодо покорила и обрадовал, сукин сын.

24 июля 1961 г.

С утра Романовский записал на радио девять вещей по 5 руб. за каждую. В 8 часов концерт по телевидению. После концерта пошли в гости

элова арфа

к заведующей муз. отделом магаданского радиовещания. Нас встретила старушка Ольга Петровна, мать хозяйки Светланы Владимировны.

Ольге Петровне 79 лет, из них 20 она безвыездно прожила на Колыме, куда приехала в 1941 году за непоседливой дочкой, потеряв в Киеве замечательную квартиру. Старушка необыкновенно обаятельна и совсем не патриархальна, говорит хорошим русским и даже современным языком, которому можно только позавидовать: фраза красивая, законченная, иногда только забывает и теряет последовательность мыслей, о чём не постеснялась предупредить.

Её родители, она сама, потом и дочь - большие любители кошек. В суровый 1941 год она везла свою любимую кошку через всю страну из Киева в Магадан. И сейчас у них в доме две уникальные кошки: мать и сын. Мать трехцветной масти, такие кошки, по преданию, приносят в дом счастье. Один американец, говорят, давал в России громадный куш - в половину своего состояния, за трехцветного кота, но такого кота не нашли, трехцветные бывают только кошки. Десятилетний её сын так поразил нас с Романовским своими размерами, что мы не стеснялись измерить его: длина от копчика до кончика носа - 56 см, талия, как у хорошенькой девочки, - 63 см, хвост - 30 см, объём головы - 30 см... Веса точно мы не могли измерить, но что-то порядка 8-ми кг. Ольга Петровна не может его поднять. Как собака, откликается на кличку Ус, удивительно чистоплотен, следит не только за собой, но и за своей мамашей, помогая ей каждое утро делать туалет. Ус разжирел оттого, что он ни черта ни делает. С детства его лишили того, что должно было говорить о нём как о "мужчине", и он, бедный, не имеет представления о страсти и чарах прекрасного пола и только думает о своём желудке и о хорошей постели.

В половине одиннадцатого вернулись из кинотеатра хозяева, и мы сели пить чёрный кофе, который и был, собственно, предлогом нашего визита.

Муж Светланы Владимировны намного моложе её, разница ощущается в их отношениях. Она ласковая и внимательная, он - холоден и безразличен. Ловлю себя на мысли, что мне жаль её, глядя на серебро её седины, - обидно. зачем нужно ему обижать её дерзостью?!

А может быть, я ошибаюсь, ведь с первого взгляда трудно определить человеческие взаимоотношения.

Стол сервирован просто, но со вкусом. После кофе, пока Светлана Владимировна молола нам кофейные зёрна, слушали последние записи В. Козина. Чтобы не обидеть хозяев, т. к. Козин бывает в этом доме и любим здесь, мы со Славкой восхищались его исполнением. На самом же деле оно очень далеко от искусства. Это сопливое искусство, случайно пережившее свой век, и в нашу стремительную грохочущую эпоху на него никто не обращает внимания, и если где-то оно и вылезит в более или менее талантливом ореоле, то только раздражает, как репейник, приставший к костюму.

валерий золотухин путевой дневник

25 июля 1961 г.

В 8 часов утра автобус уже стоит у подъезда гостиницы. Наша "биржа" выезжает на трассу. Провожает нас и делает последние наставления сам "хозяин".

- Не отпускайте своих дам гулять одних, а то их могут украсть, жениться, а потом попробуй докажи правоту.

- Вы зря это сказали им, они теперь нарочно будут убежать одни.

- Ну, не думаю, насчёт Бахуса и всего прочего, мужчины понимают, о чём я говорю, должен быть сухой закон. Ну, счастливого пути, надеюсь, что всё будет в порядке!

И вот мы на трассе, дорога, хоть катись боком, только пыли много. Поворачиваем с основного пути влево, на южную трассу.

Василий рассказывает о лошадях, все слушают, разинув рты, особенно то место, где речь идёт о спуске. Чтобы установить охоту кобылы, к ней подводят "пробника", а потом уже племенного жеребца, все откровенно завидуют "пробнику" и косо смотрят на Камаева, который всё время трётся около Н. Ирлач и с этого дня получает прозвище "пробник".

Дорога трудная, преодолеваем перевалы кое-как; охлаждения почти никакого нет, ветер попутный, в результате перегревается и вода кипит. Вынужденная остановка - плохая подача горячего. Пока Володя делает прокачку, мы разбредаемся в разные стороны от дороги, справляем нужду, фотографируемся, таскаем банкой воду в радиатор. Мусин поймал курапачонка, и мы всей кодлой сфотографировались. Стаса ругают, на чём свет стоит, за то, что он не обладает творческим воображением фотографа-художника и снимает только улыбки, ставя в определённую позу наши фигуры.

Сигнал шофёра, и мы едем дальше. Ландшафт безотраден, кругом лысые скалы с редкой растительностью, но там, где есть хоть немножко почвы, она распускается, как в замечательном оазисе. Иногда даёшься диву: совершенно голый валун на крутом лысом склоне, и на нём - зелёная лиственница или стелющаяся сосна, каким ветром их занесло туда, и долго ли им удастся пожить на этом свете?

Опять остановка, уже третья, и всё из-за плохой подачи. У Володи примета: как дорогу перебежал бурундук - конец, обязательно что-то случится. И, действительно, мы останавливались столько, сколько дорогу за 180 км перебежали бурундуки.

Самые отважные поднимаются на сопку к снегу и фотографируются, с ними увязалась и Наташка, в наказание ободрав о щёбёнку туфли.

Автобус отремонтирован, Володя матерится трехэтажным матом, т. к. приходится долго ждать, пока они спустятся. Но мат их несколько не смущает, в руках они держат чистейший снег.

Автобус идёт нормально, очевидно, это была последняя остановка. И вот мы в Усть-Омчуге - районный центр. На улице видим безвкусную, дешёвую клубную рекламу, написанную от руки: "Только один день. Концерт московских артистов, молодёжь на эстраде, цена билета 2 руб."

эолова арфа

Встречаемся с администратором, которая должна организовать нам 53 концерта. Гром-баба, не зря грузины её чуть не прирезали на Чукотке, видать, прошла ад и рай.

Устраиваемся в гостинице, ужинаем в столовой со странной вывеской: "Обеды хорошего качества". Почему? Значит, должна быть вывеска с противоположным названием?!

В кассе не взял сдачу с пяти рублей, но кассирша поверила мне и простила моё ротозейство.

Концерты прошли успешно.

По окончании приходит директор клуба, он же художественный руководитель, поздравляет нас и делает свои замечания. У всех директоров клубов мания быть запанибрата с артистами, этим они, наверное, хотят сказать, что их деятельность не далека от настоящего искусства и они тоже когда-то баловались на сцене. Мы деликатно благодарим его и удаляемся на отдых.

У Мусина свинячья привычка портить в комнате воздух. "А я же, - говорит, - около своей кровати". По его выходит, около своей кровати можно насрать и заставить всех вкушать блаженный аромат. Вместе с Рудином прокиряли все деньги, Рудику 17 лет, что он думает, у него руки трясутся, когда он подкидывает свои палки, а ведь это его профессия. Однажды он сказал: "Вот я потренируюсь, Вася, буду бросать 5 палок". На что тот ответил, придав его словам другой смысл: "Ты хоть одну научись бросать по-человечески".

Жрём по-прежнему консервы и рыбу. Репертуар примерно такой: банка рыбных консервов в масле, фруктовый компот, обычно - ананасовый, а если его нет - яблочный и хлеб. Со Славкой Романовским балуемся сейчас чёрным кофе.

Быстренин и Пеньков стали закадычными друзьями на почве шамат. Играют турнир из 24-х партий, где бы ни были и что бы ни делали, они с пенной у рта спорят о шахматах. Иногда споры носят серьёзный характер:

- Ты знаешь кто? Дуб! Я с тобой больше не играю!

- Ты сам дуб, переживаешь по сорок раз, а на меня сваливаешь. Я сам не буду с тобой играть.

В общем, получается два дуба, но через несколько минут их снова можно увидеть за шахматной доской. Ложась спать в 3 часа, они не перестают спорить в темноте шёпотом:

- Вот если бы я пошёл, Стас, той пешкой...

- Ну, и ничего бы не было. Я тебе там уже яму приготовил!

- Да ну, не ври, у меня там ферзь стоял, хочешь, поставим позицию?!

валерий золотухин путевой дневник

КОЛЫМА

26 июля 1961 г.

В 11 часов выезд. Отъехали 7 км, вспомнили, что забыли в гостинице афиши. Сходим с автобуса. Володя с администратором и с циркачами возвращается за афишами. Камаев уходит до ветра, мы не раз уже опаздывали из-за этого, целый час сидит торгуется с цыганом.

В автобусе пыль - соседа не видно, в носу и ушах как будто барсук ночевал, пыль хрустит даже на зубах. Невыносимая жара. Дорога идёт между сопок, всё время на подъём. Останавливаемся, читаем: "Водитель! будь осторожен! Крутой перевал! Проверь тормоза! Высади пассажиров!"

Вылазим из автобусов и пересекаем сопки напрямик. Снова материм Стаса за неумение выбирать кадры, но он, бедный, язык на плечо высушил, расклеился совсем, старик.

Проезжаем заброшенные женские и мужские лагеря, ужасное зрелище! Кладбище человеческих пристанищ угнетает больше, чем кладбище самих человек. Лагеря расположены между голых, кровавых сопок, опутаны двумя рядами колючей проволоки. Бараки разваливаются от времени и непогоды, уныло провожая путников чёрными решетчатыми окнами. Здесь же отвалы и хвосты породы из-под золота.

На самой вершине громадной сопки - метеорологическая станция, кто-то сказал, что там разрабатывают урановую руду, как работающим не разрешается спускаться, пищу и всё прочее доставляет вертолёт. Вдруг видим на дороге необыкновенных размеров странные кости. Просим остановить автобус, выскакиваем, осматриваем их. Кто-то предполагает: "Мамонт".

- Кит, - поправляет шофёр.

Сколько фантазии проявляет каждый, изошряясь в предположениях! Впоследствии выяснилось, что это были кости кашалота, которого выбросило на берег, изрезанного касатками. Длина - 16 метров. Из него натопили 20 тонн жира, а мясо привезли на птицеферму...

Дорога трудная, в стороне от трассы, ведёт на богатые золотые прииски им. 40 лет Октября.

Проезжаем бесчисленные множество горных речушек, ручьёв, которые берут начало высоко в горах от таяния снега и от природных ключей. С каким упорством они пробивают себе дорогу в жизнь, к морю. Смотришь, как будто исчез ручеёк, иссяк от бесчисленных преград и трудностей, обессилел, а потом вдруг видишь - сочится где-нибудь под камнем или корневищем деревьев, и вот уже снова набирается, шумит, радуется и поёт тружу гимн бессмертия.

Подъезжаем в посёлку Ветреный. Не нравятся мне эти золотопромышленные селения, хотя я с большим уважением отношусь к людям, работающим в тяжёлых условиях северного, колымского края. Не нравятся потому, что в них нет настоящей, осёдлой жизни, Все строения, промышленные и жилые - временные сооружения. Да и люди в большинстве своём не думают здесь обосновываться на постоянную жизнь,

элова арфа

считая своё пребывание в этом крае временным, хотя многие уже осели и только вспоминают свою забубённую молодость, когда они по комсомольскому призыву приехали обуздывать суровую, но богатейшую страну.

Вот я и написал, что мне не нравится такая неприкаянная жизнь, а сам думаю: "А может быть, в этом-то смысл, красота человеческой жизни: сделал дело, не спускай рукава, а иди дальше, делай больше, "нынче - здесь, завтра - там". Да и сам-то я выбрал себе беспокойную профессию, которая, как море, - не понимает ни слёз, ни мольбы, давая одним всё, других безжалостно разбивая своим могучим прибоем о скалы безывестности.

На концерте. Стас поскандалил с Наташкой из-за того, что она ужасно фальшивит, и потому не стал в танце бросать с ней батманы. Глупо! Одна делает накладку, другой усугубляет её идиотскими капризами.

Прасолов сыграл к народной английской песне вступление русской народной песни "Волга-реченька", но потом благополучно выскребся; хорошо, что совпала тональность.

После первого отделения Василия вызвала некая певица для такого разговора:

- Вы 33-ю аптеку знаете в Москве?
- Да, знаю! Это напротив нашего училища.
- Вы Щепкинское кончаете?
- Нет, Щукинское!
- Ах, да, щукинское. Вы письмо не можете передать? А то, Вы знаете, боюсь, что по почте не дойдёт!

27 июля 1961 г.

С утра Быстренин на спор полез на сопку. Этого чудака заводят, как хотят. За две конфетки он забрался на самую вершину за 7 минут. Теперь Быстренин стал критерием высоты сопки: "Интересно, за сколько бы балалаечник залез вон на ту сопку?" Он сразу поднимает голову и с видом специалиста осматривает её.

Вечером спустились на катере по Колыме в посёлок "40 лет Октября" на два концерта. Колыма - не судоходная река, течение быстрое, часто пересекаемое порогами, но зимой она замерзает, и движение осуществляется по ней.

Удивительно, когда нас отправляли, нам говорили, что передвигаться придётся на собаках и на оленях и только по рекам. Мы же видим здесь великолепные трассы и вполне, пока, современные средства передвижения - автомобили.

В посёлке, куда мы прибыли, веселье в самом разгаре. Этот участок, оказывается, выполнил годовой план добычи золота, а это событие здесь отмечается как самый большой праздник: сюда забрасывают в этот день всякого рода спиртное, самые разнообразные продукты и т. д.

Начальник прииска т. Батурин в прошлом отбывал срок на Колыме

валерий золотухин путевой дневник

и с тех пор связал с ней свою жизнь около 28-ми лет уже, умный, простой мужик, награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Трезвых на 100% в зрительном зале не было, но все сидели смиренно и были настроены миролюбиво. Концерт прошёл с блеском. После первого концерта нам организовали шикарный обед. Кетовой икры было столько, что поначалу у нас глаза на лоб полезли. Но наша "биржа" всё-таки хамьё. Некоторые думали, что икру поставили на всех, побросали борщи и схватились за икру, лопатой намазывая её на куски хлеба. Со стороны, наверно, это было противное зрелище, жадность превышала волчью. После всего начались счёты. Боже мой! Хорошо, что мы с Романовским брали всё отдельно.

- Я пила только полстакана воды, только полстакана и 50 г икры, не больше, и т. д. и т. п.

- А кто же всю икру с тарелки съел?

Чуть не передрались от избытка совести и честности.

Второй концерт прошёл с феноменальным успехом. Нас пришли поздравлять, благодарить ведущие работники прииска, в том числе начальство. Один очень симпатичный дядька с подбитым глазом, с орденом Ленина на груди, сказал мне: "Женщины от вас в восторге, шепчут мне на ухо - "какой красивый мальчик". А может быть, встретимся когда-нибудь, сынок, а?! Ведь что ни бывает в жизни".

Тридцать лет он проработал на Кольме.

Написали на афише блестящий отзыв, без редактирования можно поместить в газете.

Циркачи - Мусин и Лапин - ушли куда-то. Всем пришлось их ждать, но потом плюнули и поехали без них, но случайно встретили с каким-то пьяным человеком по дороге. Васька нервничает, ни с кем не разговаривает нормально. К тому же на обратном пути, на катере он оставил свою папку с документами и опять же обвинил всех в неорганизованности.

- Вот я пойду пешком, всю ночь прохожу, но докажу, какая у нас дисциплина.

К чему такой каприз, и кому это нужно такое доказательство? Дисциплина и авторитет, очевидно, достигается по-другому, но как?!

28 июля 1961 г.

Выезд в 10 часов. Снова циркачи задерживают. По пути заезжаем в контору. М. Павловна ставит печати на отзывах. Опять штурмом берём перевал, где-то между сопок я оставил майку, но возвращаться за ней не хотелось.

Рудник. Белово. На концерте разбираем вопросы половой жизни, кто когда первый раз познал женщину, мужчину, о разных половых извращениях. Васька рассказывает случай, что у друга была чувиха, которая перед тем, как лечь в постель, заставляла гонять себя голой вокруг стола и бить венником по заднице...

После концерта лёгкий ужин в постели. Надо сказать, что о нас всё-таки заботятся, куда бы мы ни приезжали, везде нам готов "и стол, и

элова арфа

дом". Вместе с нами расположился Володя, в углу, рядом с Мусиным. У него медвежий голос. Когда он разговаривает, трясутся койки и невозможно уснуть.

- За свою жизнь я прочитал три книги: "Конец осинового гнезда", "Генерал Доватор" и ещё какую-то, не помню. Да и то, читал в больнице, когда запретили в карты играть. А "Генерала Доватора" нашёл на дороге, ночью наткнулся на неё.

- Неужели тебя никогда не тянет почитать?

- Я мать родную "не почетал", из-за чего и на Колыму попал.

- Как "не почетал"?

- Поговорка есть такая. В 1946 году срок получил за то, что хлеб колхозный из амбара таскал. Дырку в стене провертели и - в наволочку. 5 лет дали за групповую. А ты думал, что я тут родился? Голод был тогда, а нас у матери на руках 5 штук осталось, да прибавь, что подыхать не всегда хочется. А жизнь - она не разбирает, многие тогда в таком положении были.

- А сейчас как живёшь? Баба есть?

- Ну, а куда денешься? Трое ребятшек уже, старший в 5-й класс пойдёт, младший - в первый.

- А заработка хватает?

- Да где там хватит, когда сам пятый. А они ведь пацаны как месяц, так ботинки. Каждую зиму по три портфеля снашивают, сядет на него задницей и - с горы. Нынче старший чуть не утоп из-за этого. В порту кочегарка стоит, а труба с водой паром отходит в бухту, и в этом месте вода никогда не замерзает. И вот они из школы шли и решили прокачаться, а мой всегда впереди. Сел на портфель, раскатился и - в воду. Хорошо, кочегар увидел, а то бы сыграл в ящик.

- А жена работает?

- Да что там - 73 рубля приносит. Вот грузины живут - будь здоров. Ты обрати внимание, какие у них дороги. Тропка, может быть, один грузин ходит, и то бетонирована, а у нас - курвы...

У кого что болит, тот про то и говорит. Поговорили о правилах уличного движения и уснули.

Утром Романовский, он, как обычно, встаёт раньше всех, отправился изучать процесс добычи золота, и я жалею, что не пошёл с ним. Ему удалось спуститься в шахту и везде полазить в сопровождении сменного инженера. После этой экскурсии у него три дня болели ноги. Когда Славка лез по вертикальной лестнице длиной 100 м и ноги уже не слушались, он заставил себя так забираться: "Лезь, гнилая интеллигенция, работай, сволочь".

Я залез на сопку, разделся и решил набросать живописно расположенный в долине пос. Белово, но набросок не получился, и я перешёл на писанину.

Наконец, дождалась обеда. С сопки мне видно, как наша "биржа" гуськом пробирается в столовую, предварительно посетив туалет, освобождая место под пиво. После обеда - набок. Володя удивляется: "Как вы

валерий золотухин путевой дневник

можете столько спать? Через два года вы будете люди белой и тонкой кости, тяжелее своего ботинка ничего поднимать не будете. А я бы сделал так: вечером даёшь концерт, а с утра, перед отъездом, часочка на два туда, где потяжелее”.

В 6 часов отъезд в Транспортный. Где-то потерял билет, Володе подарил шёлковую сорочку, которую когда-то мне сшила матушка, мужик ничего не взял в поездку, кроме одной рубахи и телогрейки, перемыться не в чем.

Дали подряд два концерта, устал чертовски, сижу в автобусе, кимарю, на ночевку едем в другой посёлок.

Разбудил меня крик: "Заяц!" Вскочил с сидения, смотрю, действительно: перед самым буфетом, по середине дороги чешет косой, насмерть перепуганный, и не может, глупый, убежать в сторону со света: боится темноты, дурак. Раз! Попал под колёса! Ребята выбежали, бегут за ним, а у него нога болтается задняя, лёгким испугом отделался, называется. Поймали, завернули в пиджак, а он пищит, бедный, как ребёнок, никогда не слышал, как зайчата плачут, чтобы не мучился, стукнули ему по загривку три раза, и он замолчал. Приехали на место. Лёшка снял шкурку с него, а на завтрак в столовой нам приготовили на второе великолепную зайчатину.

31 июля 1961 г.

О наших делах.

Пока нам нельзя позавидовать. В среднем в каждые два дня три концерта. Если будем так работать, то ни за что к 20 августа не дадим, как предполагалось, 50 концертов. Переезды и уж больно трудная публика. Коренного населения нет, люди съехались с разных концов Советского Союза, большинство с громадным самомнением, везде побывавших и всё повидавших калымщиков. Их ничем не удивишь, и работать для них нет никакого настроения. Да к тому же в Сусумане повалилась эстрадная группа москвичей Боброва и Гринвальда.

В "Магаданской правде" появился разгромный подвал о работе этого коллектива, камня на камне не оставила автор статьи от концерта этой бригады. И надо же беде случиться, наша "биржа" следует по одному и тому же маршруту с этой провалившейся группой. А зрители не разбирают, для них все москвичи одинаковы: нас путают с ними, и касса страдает от дурацкой репутации.

Суточных явно не хватает, многие уже перебрали их, а работать ещё до 20-го августа.

Наша "биржа" проводит шахматный турнир. Шахматы стали самым популярным занятием, даже анекдоты отступили на второй план. Из четырёх возможных я выиграл у Пенькова и Быстренина, проиграв Мусину и глупейшим образом Фёдорову, подарив ферзя в тот момент, когда он уже сдавал партию.

Интересная игра у меня была с Прасоловым, вокруг нас собралось человек 8: некоторые болели за меня, большинство за Прасолова. Игра

элова арфа

проходила в колоссальном темпе и при таком азарте, что когда на доске осталось лишь два короля, всё ещё раздавались возгласы:

- Шахуй его, шахуй!

Потеха!

Быстренину явно не везёт, он заработал уже три баранки.

Хочется скорей в Москву. Домой, если мы полетим через Тикси, я наверняка не попаду. Два человека постоянно занимают мои мысли: удивительно, я вижу их во сне, всё время думаю о них, и мне становится как-то не по себе - неужели я вру кому-нибудь из них?

Дописываю пятидесятый лист путевого дневника. Вторую его половину должны составить психологические фокусы.

1 августа 1961 г.

Первое августа 1961 г.! Сидим в пос. Матросово уже третий день. Жара. Наша "биржа" окончательно осмурела от безделья. Весь день валяемся по кроватям, спорим о шахматах, заводим Быстренина, рассказываем анекдоты и только вечером едем на концерт.

Вот и сейчас: Прасолов играет на баяне, Романовский спит, Стас читает Ленина, Зуйков - Пруткова, Мусин увёз из какого-то клуба книжку для начинающих играть в шахматы и сидит, разбирает партии, Фёдоров гладит.

К тому же у всех изжога: столовая отвратительная - мясо тухлое и вонючее во всех вариантах. Василий родил по адресу столовой каламбур:

- Что такое сверхнаказание?

- Съесть пять матросовских бифштексов.

Вчера перед концертом на улице случайно стал свидетелем разговора двух супругов:

- Разве хорошие сюда приедут?

- Халтурщики!

- Да, конечно!

Епишкина мать! Живут как в лесу, ничего не видят, не слышат и, ещё не посмотрев концерт, выносят такое кредо. Попробуй работать для такой публики с полной отдачей. Одно отвращение вызывают только их кислые, безразличные рожи. Живут здесь из-за длинных рублей и всех меряют (мерят) на свой аршин.

На одном концерте в окно артистической показалась перекошенная от злости пьяная рожа, тупая, не скромничая в выражениях, на весь посёлок:

- Почему детей не пускаете на концерт, им тоже культура нужна. Я сам искусственник, занимаюсь этим много лет и понимаю кое-что.

Мы попробовали ему объяснить, что это не наше дело, что на вечерние сеансы вообще дети не допускаются и всеми этими вопросами ведаёт администратор, но это его нимало не остановило:

- Ах, эта толстожопая свинья! Где вы её подобрали, она вам весь народ распугает.

валерий золотухин путевой дневник

Сегодняшней ночью не спали до 4-х часов утра, играя в шахматы, развлекаая друг друга всякими хохмами. В частности, Мусин чуть не полез на сопку без ботинок за бутылку водки, но вовремя остепенелись все. Могли бы наделать беды. Около этой сопки расположена шахта, и чёрт его знает, какой-нибудь дурак чикнул бы из автомата, и поминай, как звали, разбираться даже не будут. Нормальный человек ведь не полезет ночью на такую громадную сопку, да ещё босиком.

Администратору не понравился последний концерт, и она пообещала отправить нас 16-го в Москву. Но мы устроили ей хохму, что она никогда больше не увидит административного портфеля.

Вечером два концерта в Омчуге. В турнире я занял второе место. Первое место занял Мусин, последнее, седьмое - Быстренин, ему последнее время чертовски не везёт, он всем проигрывает и не может отыграться.

2 августа 1961 г.

Сегодня мы работаем необычный концерт: концерт в лагере заключённых. Откровенно говоря, было не по себе, чёрт его знает, что у них на уме, а вдруг проиграют кого-нибудь из нас, да мало ли что может быть, к тому же не знаем ни лагерных порядков, ни законов.

Наш автобус останавливается около КПП - контрольно-пропускного пункта, мы выходим и направляемся к проходной. Те, у кого есть документы, сдают их - вход с документами на территорию лагеря воспрещён. Несколько человек солдат следят за нашим входом. И вот мы на территории. Невольно озираюсь по сторонам: внутри чем-то резануло - налево от нас, за несколькими рядами "колючки" толпа заключённых. Стриженные, с полудиким выражением на лице, они пожирают нас тёмными впадинами глаз. По спине поползли мурашки - я проклял в эту минуту тех, кто позаботился об организации такого демонстрационного выхода. Эти люди за "колючкой" завидовали нам, ненавидели нас, были рады и не рады нашему приезду и не скрывали этого в своих взглядах и выражениях. Мне почему-то стало стыдно, противно, я не знаю, как встречаться глазами с такими людьми, что и как им говорить, и первое желание, которое у меня возникло в эту минуту, - скорее провести концерт и вырваться отсюда.

Привожу себя в порядок, вышел чиститься на крыльцо: профессиональное любопытство даёт о себе знать... Ворота "колючки" открываются, и толпа с криками бежит занимать места.

Концерт начался, раздаются звуки поздравительной песни, и мы все выходим передать горячие слова приветия и наилучших пожеланий от нашей Москвы. Осматриваю зал, он полон стриженных голов с полуоткрытыми ртами, он, как многоликий спрут, прихлынул к сцене и вцепился в неё жадными щупальцами глаз. Аплодисменты щедрые, значит спрут настроен миролюбиво.

В перерыве между номерами выхожу на улицу, осматриваю территорию лагеря. У заключённых есть своя доска почёта, повсюду порядок, лозунги, транспаранты.

элова арфа

"Сквернословие - зло! С ним нужно решительно бороться!"

"Достоинно встретим XXII съезд партии!" и др.

В антракте нас окружают "узники". Расспрашивают о Москве, о материке, ищут земляков. И снова "мурашки" по спине бегут, непрерывно оглядываюсь назад, а вдруг... хотя кругом охрана. Один заключённый остроумно заметил: "Скажите этому парню, который пел "Дивлюсь я на небо, что я уже 11 лет на него "дивлюсь", хочется другого чего-нибудь".

Сравнительно молодой "урка" разговаривает со мной и Лёшкой-баянистом.

- А пальцы-то дрожат, а ты не бойся, спокойнее, твой напарник спокойнее. Потом просит меня нагнуться:

- Как у вас насчёт... - он сказал какое-то слово, значение которого я не понимаю и ещё раз переспрашиваю:

- О чём Вы говорите?

- А, ладно! Понятно!

Лагерь строгорегимный, в нём отбывают наказание 400 человек долгосрочников, которые сидят за тяжкие преступления. Через несколько дней сюда придёт группа "ОО" - особо опасные. Недавно здесь был убит конвоир, проиграли в карты.

Директор Дома культуры, тоже заключённый, отлично знает Туманова, его жену и весь театр оперетты.

Наших женщин не отпускают со сцены; им приходится работать в три раза больше, чем на обычных концертах, но и мы не остаёмся в обиде: каждый номер встречается скандированными аплодисментами. Концерт окончен. Мы прощаемся. У осветителя забинтованная рука.

- Что с рукой? - спрашиваем.

- На пиле поранил нечаянно, столярничал, здесь у нас цех есть. Ну, ничего, до свадьбы заживёт, шесть годков ещё осталось, пройдут незаметно.

Капитан ласково говорит:

- Это наш Миша Колесников, весной именную грамоту получил за самодеятельность, талант в себе открыл.

- Сколько сидит Миша?

- Тринадцать.

- До свадьбы, говоришь, 6 лет осталось!

- Да! Чепуха! Тринадцать лет прошло, а 6 пройдут незаметно, как во сне.

Выходим на улицу, наших снова окружила толпа стриженных. Капитан кричит:

- Хлопцы, а ну, расступись, пропустите гостей, а то больше не придут.

- До свиданья, до свиданья... Привет Москве... Встретимся на воде - выпьем... Спасибо... Приезжайте ещё... Привозите больше девушек.

Садимся в автобус, последним взглядом провожаем лагерь "отверженных". Завтра в 6 часов покидаем скучнейшее место из всех, которые мы проехали, - Матросово.

валерий золотухин путевой дневник

Люди странные здесь, ей-Богу. Выдался чудесный денёк. Мы решили позагорать, тем более, что лето встречали и провожаем в смокингах, и поиграть в волейбол. После игры моемся в одних трусах около нашей "виллы". Мимо идут женщины и кричат:

- Мы сейчас позовём дружинников, вы что, на пляже?
- Ну, что особенного?

Перегон в 350 км, Володя нажимает на всю железку:

- Вы меня должны понять. Как километр, так ближе дом, ребятишки, баба.

4 августа 1961 г.

Мяунджа.

Концерта нет. Выпили со Славкой "Перцовки". Купил книжку: "По колымской трассе". Вечером смотрели фильм "Девичья весна" - чёрт-те что: ни Богу свечка, ни чёрту кочерга.

7 августа 1961 г.

Ничего интересного за это время не произошло. Володя уехал на своей колымаге в Магадан, вместо него работает Гена - шофёр первого класса, молчаливый, выжимает по трассе 100 км, автобус новый. Гена - мой земляк, из Бийска.

Публика (я уже который раз пишу о ней в своём дневнике, да это и понятно, публика - неотъемлемая часть моей жизни) действительно избалована; после войны сюда было сослано много талантливых, настоящих артистов, которым по разным причинам пришлось работать в оккупированных районах. Здесь был и Рознер, и Русланова. Козин вообще не выходит с Колымы, артисты оперетты Львова, Одессы и др. Народ нахватался верхушек и теперь всякий коллектив встречает с недоверием, предвзято. Администратор жалуется, что здесь очень трудно работать: и действительно, про Боброва написали в газете, а на Золотухина не идут.

В Сусумане встретил электрика - друга Матвеева. Отсидел 13 лет, а дали 25. И всюду, где бы он ни сидел, за ним ездила женщина, которая и сейчас живёт с ним, старше его на 8 лет, красивая баба, немножко полновата от возраста.

60% населения на Колыме - бывшие преступники. Можно ожидать, что угодно: едем с концерта, в метрах трёх от дороги - костёр, около него - уполномоченный, рядом в траве - человеческий труп. Убийство - когда, почему, кем?!

Когда я пишу эту страницу, радио передаёт сообщение ТАСС - успешно проведено приземление второго космического корабля "Восток-2", пилотируемого Титовым Г. С. Корабль совершил 17 оборотов вокруг земли, 25 часов в полёте, пролетел расстояние вдвое большее, чем рас-

элова арфа

стояние до Луны. Грандиозно! В такой век мы живём! Скоро люди будут приземлять на Луне, Марсе, Венере и т. д. А может, прилуняться? Примарсаться? Привенеряться? И рядом война, какая несуразица! Кому, зачем нужно держать нас в страхе, в неведении завтрашнего дня?!

9 августа 1961 г.

В кинотеатре потерял ручку, кому-то из пацанов она, очевидно, понравилась. Через полтора часа мы покидаем Мяунджу, что в переводе я якутского - сердце. Мяунджа - энергетический центр Колымы, снабжающий электричеством весь валютный цех страны. Надо сказать, что мы неплохо прожили здесь. Главное - есть ванная, горячая вода, чёрная, пахнет сероводородом, но хорошо отстирывает.

Вчера из Сусуманского лагеря убежало 12 заключённых. Побег подготовлен, очевидно, целой организацией на воле, т. к. в условленном месте им было приготовлено оружие и одежда. В "золотой кассе" убили часового и взяли всё золото. Это из тех, которые должны отсидеть по 50, 75 и даже 125 лет. Терять им нечего, и живыми они, конечно, не дадутся.

Ручку, оказывается, не украли. Зря я грешил на пацанов - это Стас сыграл со мной злую шутку.

Часового убили не сбежавшие заключённые, а свои же друзья, смеявшиеся караул. Всю суточную добычу - 80 кг золота - положили себе в карман на сумму 5 миллионов рублей. Кто бы мог подумать на них?

Бабка около магазина продаёт морковку, отрывает со стены кусок афиши с моей фамилией и заворачивает в неё свой "продукт".

Наташка придумала себе рифму: "Наша Наташка... в жопе деревяшка".

11 августа 1961 г.

Сусуман.

Марина Павловна, наш администратор, никогда не возила такую шумную бригаду.

Подъезжая к посёлку и до самого клуба, "биржа" в 13 глоток поёт: "Соловей, соловей - пташечка...", заявляя о своём прибытии. Люди, что бы они ни делали, отрываются от своих занятий и с недоумённой улыбкой провожают наш автобус. Первые встречают нас "туземцы", так мы прозвали кучи ребятишек, которые с самого утра ждут на крыльце клуба приезда артистов.

Удивительно, на целине нас встречали толпы пацанов, а здесь больше девчонок.

Колыма - валютная кладовая СССР. Мы проехали уже не одну сотню километров, и везде нас провожают с обеих сторон отвалы, горы промытой породы. Некоторые уже покрылись кустарником. Просто диву даёшься - какой труд вложен в эти хвосты и сколько золота выкачали из них.

валерий золотухин путевой дневник

Романовский предложил провести сбор впечатлений от поездки. Каждый должен написать на листе бумаги, по возможности короче, своё мнение о нашем путешествии, запечатать в конверт и отдать мне, чтобы я потом занёс его в свой дневник. Обязательно должно быть написано мнение о людях нашей "биржи", во всяком случае о тех, кто либо нравится, либо нет. Я обязательно проведу такую викторину.

В Сусумане ужасная гостиница. Туалеты такие, что в них противно заходить: грязные, оплёванные. Не только в ванной, но даже горячей воды нет. А холодная вода может остановиться тогда, когда у тебя полный рот пасты зубной.

12 августа 1961 г.

Кидаем 58-ю палку. "Биржа" перегрызлась в дребезги, разбившись на несколько группировок. Васька мало приспособлен к должности руководителя: груб, невыдержан, не хочет никого слушать, материт всех подряд. Грозится не отпустить меня домой, а если уеду без его разрешения, задержит расчёт всей бригаде.

Деньги у всех кончаются, а он не берёт у администратора.

Ленке написал письмо в стихах, сочинял после принятия зверобоя. Концерты идут самотёком, по воле Божьей, никакой творческой дисциплины. Ужасная тоска, хочется домой. Живём, как в дыре, радио не слышно, газеты приходят на три дня позже. А в мире-то что творится!

Вчера по радио снова говорил Хрущёв о необходимости срочного заключения мирного договора с Германией. Неужели будет война?! Третья мировая за один 20-й век, не много ли? Ни одно поколение этого века не избежало ужасов войны. Ничего не хочется делать. К чему? Всё валится из рук.

В Сусумане купил Кольцова. Обедаем в ресторане, почти каждый день козыряем. В гостиницу возвращаемся поздно ночью, когда она превращается в постоялый двор. На диванах, под лестницами на раскладушках, на столах разбросаны человеческие тела. В туалете вонь - глаза режет.

14 августа 1961 г.

В 2.30 выехали из Сусумана на Полевой. В посёлке уже два года в клубе нет кассира. Люди приходят, кладут деньги, отрывают билеты и идут на представление. Я спрашиваю у заведующего клубом: "А если не хватит денег в кассе, кто за это отвечать будет?"

- Так не бывает.

- Ну, а если вдруг случится?

- Да не бывает так, не может быть этого.

Она посмотрела на меня широко открытыми удивлёнными глазами, как будто спрашивая: "Неужели непонятно?" И мне, человеку с цивилизованной Москвы, стало стыдно, что я не понимаю таких обыкновенных вещей.

элова арфа

Мы - люди ночной профессии. В 2 часа ночи мы начинаем жить: приезжаем в гостиницу, ужинаем в ночной столовой, рассказываем анекдоты - в общем, начинаем жить. Люди под лестницей просыпаются, шипят на нас, матерят, на чём свет стоит, артистов. В гостиницу принимают нас с неохотой, никому мы не даём покоя.

Перед сном Быстренин рассказывает случай, как его дружок из Минской консерватории зашёл в девичью комнату, отвернул крышку радиоприёмника, настрал в него, привернул крышку и повесил приёмник на прежнее место. Полгода в комнате стояла вонь, не могли понять, откуда она идёт. По мере засыхания вонь стихала, но как только поворачивали ручку усилителя, вонь усиливалась. Девки чуть с ума не сошли от позорного запаха. В конце года, когда начали ремонтировать приёмник, случайно обнаружили "клад", засохший кусок человеческого помёта.

Бурхала. Быстренин доучивает 7-й урок немецкого языка. Романовский читает Шекспира "Ричард III". Берёзкина читает очередной детектив. В артистическую зашёл мужчина лет 35-ти, с интеллектуальной лысиной до макушки, со сросшимися бровями и впадиной на лбу, в узких брюках, грубошерстном пиджаке-букле и рубашке на выпуск. Туфли жёлтого цвета заграничного пошива, сбиты вовнутрь, заметно, что к ним давно не прикасалась щётка.

В суматохе перед концертом, когда одни вытаскивают костюмы, другие ваксят туфли, третьи расставляют шахматы, нас мало интересуют люди, которые заходят к нему поговорить, называясь москвичами. Так было и с этим человеком, который скромно стоял в углу, стараясь найти подходящий момент, чтобы заговорить с нами, но мы занимались своими обычными делами и не обращали на него внимания. Наконец, он неловко заговорил:

- А вы давно из Москвы?
- Месяц с лишним.
- О... Раньше меня ещё, значит, вы не знаете, что нового там сейчас...
- А Вы, если не секрет, по каким делам на Колыме очутились?
- В творческой командировке. Я - художник-график.
- И надолго?
- На три года договор подписал.
- На три года?! А семьи... нет?
- Как нет?.. Скоро приезжает жена, две девочки.
- Ого!.. Трудно будет.
- Почему трудно? Холодно только, да зима длинная, так одевайся теплей. Зато очереди ни за мясом, ни за молоком, вообще очередей нет.
- А с работой как?
- Творческих рисунков ещё нет, все в плане, две недели только прошло, пока оформляю клуб, но работа интересней. Люди здесь очень интересные - вот в чём смысл. Люди - самое главное. Каждый человек - это характер, образ, садись пиши, или играй. Много бывших заключённых людей с несколькими жизнями. За несколько дней я познакомился

валерий золотухин путевой дневник

с некоторыми. Один мужик отсидел 15 лет, из политических. Вышел и давай вкалывать - через несколько лет - куча грамот, сейчас бригадир бригады коммунистического труда, коммунист, естественно, и недавно Героя Труда получил. Другой - начальник прииска, пенсию давно заработал, 60 лет старику, а не хочет уходить: "Не могу, - говорит, - бросить коллектив, вся жизнь прошла с ним".

Настоящий энтузиаст своего дела. Правительство дачу построило ему под Ленинградом, семья там, а он здесь.

Входит Василий:

- Готовьтесь, ребята, через 10 минут начинаем. Поужинали славненько, бараниной побаловались.

Быстренин: - А п-п-пейзаж не пишете?

- Я не люблю пейзажи. Вы видели последнюю выставку Пименова?

Василий: - А что? Я видел, мне очень понравилось.

- А что именно?

Василий: - Ну, не всё одинаково, но, в общем, выставка произвела на меня большое впечатление. Я не пропагандирую своих убеждений, это моё личное мнение.

- Правильно делает, там барахла много. В кабинете за стаканом чая с лимоном хорошей картины не напишешь.

Василий: - Ну, а что можно здесь написать?

- Проездом не увидишь.

Василий: - Два пейзажа, и вся Колыма.

Быстренин: - Вася, главное - люди.

Василий: - А что же, среди буфетчиц искать характеры, интересных людей?

- И среди заведующих клубом, подобно этому - тоже нечего искать понимающих Пикассо.

Василий: - Нам нужен характер, личность, а его знания, рационализаторские предложения нас мало волнуют, так же, как и им нужно тоже искусство, а не наши души.

- Ох, как хорошо сказано. Всё правильно, словесно Вы подкованы хорошо.

Василий: - Да, я и практически с ними имел честь в Дудинке познакомиться. (Пауза.) Когда в Москву?

- Будущим летом.

Василий: - Здесь от скуки умереть можно, а творческому человеку нужен рядом из понимающих кто-нибудь.

- А зачем кто-нибудь?

Василий: - Ну, а как же? Вы же должны с кем-то советоваться, с чем-то сравнивать. у кого-то учиться.

- Зачем?! Я уехал от всего этого. От разных заседаний, дружеских советов и пр. Они только нервы портят и ничего полезного дать не могут.

Василий: - И тем не менее в вакууме работать нельзя, а здесь яма с дырой в небо. Только через три года вы можете узнать, что нового в цивилизованном мире.

элова арфа

- Почему через три? Каждый год можете брать отпуск, оплачивайте дорогу и, пожалуйста, езжайте.

Василий: - А где же столько денег взять?

- В деньгах разве дело? У вас это сложнее, у нас проще. Недавно я получил за два года 120 тысяч, пока мне хватит.

Василий: - Построили бы себе дачу где-нибудь в интересном месте и работали бы спокойно, больше бы сделали.

- И дача есть, и многое другое, но всё это не имеет отношения к творчеству, иногда даже мешает. Я жил несколько лет на Кавказе, 8 лет - в Туркестане, 5 лет - в Забайкалье. Каждый пусть останется пока при своём мнении, но я искренне желаю, чтобы оно у вас переменялось.

Он вышел. Каждый думал по-разному о споре. Я почему-то был на стороне художника и невольно завидовал ему где-то внутри.

- Ох, арап! Нужны ему характеры, как собаке триппер. Золото качать приехал.

17 августа 1961 г.

Ягодное.

Мучила бессонница. Что-то болело сердце. С Быстрениным возились, друг с друга стаскивая одеяло, до 4-х часов утра.

Днём мылись в баньке неплохо. Даже попарились малость. Но парок, конечно, не тот, не наш, не сибирский. Да и венчик жидок, как козлиная борода. По-хорошему, конечно, нужно было засадить стопаря после баньки, но вечером два концерта, нельзя!

Ягодное мне больше нравится, нежели Сусуман, гостиница уютнее, туалет на улице и, естественно, не такой вонючий, место живописнее, но публика невежественна до изумления. На арии "Игоря" три раза принимались хлопать, и всё не в ту степь.

18 августа 1991 г.

Оротукан.

Семидесятый концерт. Стас, как и прошлый год, гнёт из себя загогулину. Удивительно неумный человек, когда он "острит" в автобусе, мне делается неловко и стыдно за ГИТИС.

Палку, которую мы вырезали с Романовским в Мянундже, когда собирали голубику, я решил везти в Москву взамен "Истринской". Палка листовенная, с двумя экзотическими суками. Из одного Лёшка-баянист вырезал собачью морду.

Накопилось много книг. В Ягодном купил Блока 11-й том, Ленина "О литературе и искусстве", Кралину "Юбилей".

Объединились с Быстрениным, который за это время натаскал полчемодана нот, взяли из магазина ящик из-под конфет, сложили в него книги, ноты, упаковали наглухо и теперь таскаем, как чемоданчик, наши приобретения на Кольме.

валерий золотухин путевой дневник

Не помню точно день рождения Анхеля, но где-то между 15-21 августа. Сегодня поздравил его ангелом и выпил за его здоровье бутылку вина. На глаза попала справка из ГИТИСовского медпункта, на которой как-то на занятиях записал слова Анхеля: "Вы - не люди и не человеки. Не обобщайте, пожалуйста... Вы - артисты, а не человеки... Вы - мученики. Мало ли, что вы не любите, мы это любим... И улыбайтесь... Забудьте, что вы - нормальные люди".

В "Огоньке" прочитал беседу нашего журналиста с Хемингуэем: какая умница, настоящий человек и гениальный художник! Во многом узнал Анхеля.

24 августа предполагается вылет в Москву. За переработанные концерты, очевидно, получим расчёт в Магадане, так что домой полетим не с пустым карманом. Хочу на несколько дней залететь в Б. Исток к матери, не знаю, как это удастся. Нужно сделать так, чтобы я по этому же билету улетел из Б. Истока в Москву. Из Новосибирска до Б. Истока придётся доплачивать. А мать ждёт.

Я знаю, родная,
Ты ждёшь меня,
Ты очень, очень ждёшь.
Ходишь на пристань,
Пароходы встречаешь,
Варенье, грибы
Для меня бережёшь.

Я скоро приеду
И тебя поцелую,
Уткнусь в твои руки
В бороздках морщин
И снова уеду
Скитаться по свету,
За счастьем гоняться
В дебрях годин.

А заехать к старикам надо. Чёрт его знает, что может случиться. Да хотя бы из-за приличия надо заехать, уже не говоря, что и я, и они сковались друг по другу. Сено отец, наверное, поставил: продал бы корову к чёрту, сам мучается и матушке с коровой забот задаёт. Но я чувствую, что мать сама не хочет жить без хозяйства. Крестьяне по происхождению и по своей натуре, они не представляют свою жизнь без хозяйского двора.

А пока мне больше всего хочется вернуться в Магадан и получить письма, одно другого дороже. А вдруг из трёх предполагаемых будет два, или того хуже - одно! Но этого не может быть, и я не хочу себя заранее огорчать.

Добиваем 71-ю палку, хотим эту цифру довести до 80-ти. Болит голова, и с желудком что-то неважно.

элова арфа

20 августа 1961 г.

74 концерта. Позади уже 2000 км! Дорога, так называемая, трасса не безопасная: крутые перевалы, спуски, подъёмы над самой пропастью, под каждой сопкой валяются разбитые ящики, кузова, баллоны... как разинул рот, так и сыграл в ящик.

Чем ближе к Магадану, тем холоднее. Под одним суконным одеялом невозможно спать - холодно. Осеннее настроение чувствуется и в растительном мире: с каждым километром появляется больше золота в одеянии сопок, в обрамлении речушек, долин и т. д.

Природа Колымы скромная, небогатая, но суровая и строгая, так же человеку или другому живому существу нужно иметь в характере, в натуре своей то же качество, чтобы быть с ней в дружбе, взаимно удовлетворять друг друга. Слабому здесь нечего делать: он либо погибнет, а скорей всего постарается быстро распрощаться с этим, далеко не тепличным краем. Если же человек прижился в нём на долгое время, он получает прозвище - колымчанин, которым гордится так же, как сибиряк - Сибирью, волжанин - Волгой, туляк - самоварами.

Чтобы скоротать время на концертах и вообще, "запоём" играем с Быстриным в шахматы, до одурения играем, до того, что голова раскалывается на несколько частей.

В голове бродят разные сумбурные мысли: стоит ли заезжать домой на несколько дней, а не лучше ли сразу в Москву, зимой сдать досрочно экзамены и поехать в Б. Исток недели на две. А сейчас лучше вызвать в Москву мать, ей очень хочется хоть под старость лет посмотреть большой мир. В общем, время покажет, осталось всего три дня, многое будет зависеть от писем, которые должен получить в Магадане. Надя должна захватить к моему старикам и написать мне о них. А пока мы уже на Талой. Талоя - курорт всесоюзного значения. Говорят, очень похоже на кавказские места: кругом высокие горы, лес, лечебные воды - тальные.

21 августа 1961 г.

75-й концерт в лагере отверженных. Какой парадокс: курорт, и рядом другой курорт - лагерь заключённых. К лагерю подъехали в тот момент, когда их привели с работы и обшаривали кругом во избежание всяких эскессов, чтобы они не принесли с работ какой-нибудь инструмент или водку.

Не люблю, всё нутро против того, чтобы работать в лагере.

Неподалёку от Талой - сопка Дунькин пуп. Своё странное прозвище она получила в наследство от бабы Дуньки, которая жила в избушке у её подножья. Рассказывают, что когда старатели возвращались с промывки, просились переночевать и на всё остальное, в плату им за все удовольствия они должны были насыпать на пуп молодой Дуньки золото. Отсюда и произошло название - Дунькин пуп.

валерий золотухин путевой дневник

22 августа 1961 г.

78-й концерт. Атка. Странное ощущение, не могу собраться с мыслями, чтобы в последний раз на трассе сделать кой-какие заметки в своём дневнике. Идёт последний концерт. Зрители хохочут до слёз.

Василий читает Шолохова "Калган" - хорошо, и что мне нравится - не всегда одинаково, каждый раз добавляет что-нибудь новое, свежее.

После концерта переодеваемся, садимся по своим местам в автобусе (хотя есть предложение - занять любые, по желанию) и делаем перегон в 200 км прямоком на Магадан. У всех радостное, весёлое настроение, по окончании концерта каждый запас по мере своих возможностей спиртное - последний перегон хочется сделать как можно веселей.

Кончается! Кончаются наши гастроли, интереснейшие и незабываемые, конечно, очень надолго, до более ярких впечатлений. И с ними кончается мой дневник "Бросок на Восток".

Всего увиденного, безусловно, невозможно описать, тем более, что я не обладаю писательским даром: я - артист, и пишу только потому, что хочу оставить в моей памяти интереснейшие моменты моей жизни, и ещё потому, что люблю это делать и занятие писаниной доставляет мне удовольствие.

На этом листе дневник ещё далеко не закончен, а может быть, он только начинается, потому что впечатление только в том случае получается полным, когда пройдёт несколько времени, оно сконцентрируется, осядет и только тогда получит полную форму выражения.

Очень хочется дать образную характеристику каждому представителю нашей "биржи", записать идеи Романовского, Быстренина, рассказать об ужасно смешном, высосанном из пальца концерте на "Чёрном озере", когда Марине Павловне приходилось нянчить ребятишек зрителей и она перепутала коляски, и ещё очень о многом.

А пока идёт концерт, зрители опять хохочут до неприличия, выделяется голос какой-то бабы, которая визжит от удовольствия, как поросёнок, - на сцене акробаты-эксцентрики: Валерий Мусин и Вячеслав Зуйков.

Впечатления, записанные на бумаге членами "биржи", потихоньку собираются в моём кармане, скоро я их запишу в дневник.

Частушки - конец программы!

ИРКУТСК - МАГАДАН - БЫСТРЫЙ ИСТОК

25 августа 1961 г.

Иркутск!

Гастроли закончены. До 80-ти концертов не хватило две палки. После Атки - сразу Магадан.

Я, Романовский и Быстренин (надо сказать, что мы сдружились и теперь уже не можем друг без друга) вновь побывали в гостях у Светланы Влади-

элова арфа

мировны. Выполнили обещанное - отметить наш отъезд коньячком, правда, коньяк достали через директора гастронома, т. е. по благу, козырнув титулом - артисты. Время провели очень здорово, споря о проблемах существования, ставшим перед нашим поколением, о поэзии, музыке и т. д.

Некая женщина, которая пришла позднее, присутствовала при нашем споре и была его рьяной участницей, всё время сводила разговор на сексуальные пикантные темы. Муж её уже полтора месяца был в командировке, и ей, очевидно, безумно хотелось, чтоб её кто-нибудь шпокнул; у неё был бальзаковский возраст, последний яростный приступ половой похоти. Здесь же мы невольно стали свидетелями её разговора с мужем по телефону:

- Приветик, Санечка! Скажи, что мне делать: взять матрац, подушку и к тебе...

- А ты не думаешь, что я могу клонуть на заместителя?

- Не советуешь! Кому: мне или ему?

- Обоим! Я тебе звоню три раза. Где ты пропадаешь? Я начинаю беспокоиться...

- Ну, ты меня целуешь?

- Ну, не обижайся, Санечка!

- Всё в порядке... Ну, ну, пока, родной.

Спустя несколько минут Николай, глядя на кота Уса, а потом на эту даму, изрёк: "Кошки глупы, как женщины".

Ночью в гостинице бузил пьяный Мусин. Выкинул в окно графин, стакан, шахматы, подаренные мной Быстренину. Потом плакал, извинялся перед Быстрениным, просил помочь ему, ломал стулья и снова плакал. По его словам, из всей нашей "биржи" он любит и уважает только двух: меня и Романовского, и тем не менее в Москве он обещает заставить меня плакать так, как он плакал этой ночью.

И всё-таки он мне нравится: есть в нём что-то такое, которое не может заставить равнодушно смотреть на его смур.

Часто ловлю себя на мысли, что делаюсь Дон-Кихотом. Я верю в человека, как бы он ни разубеждал меня в этом. Верю! Но иногда не хочется этого делать, и тогда - тоска.

Короче, наша "биржа" только что вылетела в Москву, я лечу домой и сижу один на вокзале и дописываю последние страницы этого дневника. Нет смысла его растягивать, тем более, что бросок на Восток закончен и я возвращаюсь на Запад. Сейчас я запишу в свой дневник впечатления моих товарищей, которые мне удалось собрать.

Романовский:

- Всё, что я увидел в поездке, замечательно. Из бригады мне нравятся Валерка Золотухин и Быстренин. (Кто такой Юрий Прасолов?) В основном страшная скука. Всё понятно.

валерий золотухин путевой дневник

Берёзкина:

- Двое настоящих подонков. Но даже они не смогли омрачить нашего интересного и, в общем, весёлого путешествия. А в жизни всё так здорово, что жить хочется в 10 раз больше. ГИТИСовцы, счастливого всем плавания по жизни! Ура!

Наташа Иртлач:

- Очень довольна, что побывала на Колыме. Увидела людей, посмотрела, где они живут. Люди везде одинаковы. Но впечатления омрачены плохим отношением людей друг к другу у нас внутри бригады. Впервые попадаю в такой коллектив, где есть люди, которые не имеют права быть актёрами. Актёр - это прежде всего чистый, честный и не грубый человек, я бы сказала - эстет! А какое право имеет называться актёром тот, кто нечистоплотен и груб в жизни? Чему он будет учить зрителя? Кто ему поверит?

Пеньков:

- Мои впечатления? Честно говоря, были бы неплохими, если бы ещё не предстоящий полёт на самолёте. А в общем - среднее. Много было шума, мало дружеских отношений.

Кто в этом виноват - судить истории. Я лично многое видел впервые, и это меня радует, а особенно меня радует то, что долгожданный отдых не за горами.

Мусин:

- Мусин - грубиян, пьяница.

Берёзкина - вспльчивая особа, но человек.

Иртлач - честная давалка.

Смирнов - рубаха-парень.

Прасолов - работяга.

Фёдоров - копеечник, себе на уме, пижонистый Плюшкин.

Камаев - воплощение гнусности и хитрости, гад, гнида.

Латтик - ребёнок.

Зуйков - индивидуальный частник.

Пеньков - философ и телёнок.

Быстренин - упрямейший матершинник..

Золотухин - интеллигентный крестьянин, простота.

Романовский - справочник, но умная голова.

P. S.

Прасолов... но в тихом омуте черти водятся.

Я собирался написать образные портреты каждого из участников нашей бригады, но решил этого не делать: лишняя и никчемная затрата времени. Лучше сказать короче, в два-три слова и самое главное:

Фёдоров - талантлив, хам.

Камаев - талантлив - не знаю,

груб - утверждаю.

Иртлач - О, театр священный, плачь,

В твои двери входит Иртлач.

Советую срочно профессию переменить,

эолова арфа

Ибо преступление - тебе актрисой быть.
 Берёзкина - грубая баба, на неё обижаться не надо.
 Пеньков - Рано заплесневел,
 Состарился рано.
 Живи интереснее
 И не ради кармана.
 Латтик - Если будешь так кирять,
 Пять палок тебе не бросать.
 Быстренин и Романовский - Я вас люблю. Вы - хорошие люди.
 Прасолов - Хороша порода
 во всех поворотах.
 Смирнов - Живи своим умом,
 а не соседским.
 Зуйков - Ни то, ни сё.
 Мусин - Мне жаль тебя.

Ну, вот и всё. На этом я поставлю точку. Грустно. Всё-таки было очень здорово. Если бы мне пришлось повторить эту поездку, я бы повторил её без изменений. Грустно ещё потому, что кончается "Бросок на Восток". Он был мне неизменным спутником в часы короткого отдыха.

Завтра - Б. Исток! В Москву думаю вернуться 10 сентября.

Б. Исток. Пьянки, охота, баня. Друзья разъехались. Когда я пою, отец плачет. Ездил в Паутово. Пел дяде Ване "Степь да степь кругом". Когда-то он лежал и "подыхал" в госпитале в Уфе, и вдруг по радио запел Лемешев эту старую песню, и только благодаря ей, по его словам, он остался жив. Плачет. Я никогда не испытывал такого волнения, и здесь меня вдруг осенило: так вот почему мне удаются русские песни - мужицкая, грубая, но насколько душевная среда, и я в ней родился и вырос, и хотя я далеко в Москве и уже почти переродился - корни мои в этой среде, в мужицкой.

МОСКВА

8 сентября 1961 г.

Москва. На два дня раньше, чем предполагал.

4-й курс! Боже мой! Время, немножко потише, а то я не выдержу и упаду!

Конец.

Сентябрь 1961 г.

(Подпись)

валерий золотухин путевой дневник

25 июня 1962 г.

Никогда не думал, что мне придётся вернуться к записям в этот дневник, да к тому же - к записям траурным. Вчера узнал, что скоропостижно скончалась Марина Петровна, наш администратор. Ей это никак не идёт! Молодилась, делала каждое утро зарядку, и вот тебе - на!..

Хороших слов, красивых мыслей стая,
Живём в неповторимые года,
Но пролетарской простотою
Мы любим похвалиться иногда.

И хоть пора лаптишек миновала,
В профессорах бывшие пастухи,
Мы говорим, что понимаем мало
Симфонии, поэмы и стихи.

Нина Краснова

"БОЛЕЗНЬ" ВАЛЕРИЯ ЗОЛОТУХИНА

(О 60-й тетради дневника в 18-й книге Валерия Золотухина "Болезнь...":
Дневники. Книга 18. - Нижний Новгород: ОАО "Нижеполиграф" 2012. - 480 с.)

- Почему Ваша книга называется "Болезнь..."? Что это означает? - спрашивают читатели у Валерия Золотухина.

Болезнь - это и любовь, и душевные страдания и переживания, и тяжёлые отношения и разрыв и разлад с близкими людьми, и тоска, и уныние, и болезнь как таковая (физическое нездоровье, например, какой-нибудь грипп), и пьянство, и алкоголизм, и сама жизнь.

...Когда Андрея Вознесенского спрашивали:

"Как называется Ваша болезнь?" - Он отвечал:

"Моя болезнь называется - жизнь".

На обложке книги Валерия Золотухина "Болезнь"

- малоизвестная репродукция картины А. Саврасова

"Грачи прилетели. Пейзаж с церковью" 1894 года, которая висела на стене больницы в Соловьёвке, где герой находит себе прибежище от суеты сует и от стрессов и душевное успокоение.

Нина КРАСНОВА,

31 мая 2012 г.

60-я тетрадь дневников Валерия Золотухина, которая вошла в его новую книгу "Болезнь" (уже 18-ю по счёту!), охватывает период жизни этого "кумира миллионов", этого гениального артиста и писателя, с 8 марта по 27 июня 1994 года.

"А тетрадь-то, между прочим, будет важная..." - говорит сам себе и своим потенциальным читателям Валерий Золотухин в первых же строках этой тетради.

Но какие тетради у него - не важные? Они у него все - важные, с самой первой, которую он писал в 1958 году, на первом курсе ГИТИСАа, и до самой последней, в каждой из них он пишет новые страницы и главы своей жизни, которая неразрывно связана с искусством, и с театром, а больше всего - с Театром на Таганке, и с кино, и с литературой, и с культурой, и с жизнью своей страны, и с жизнью дорогих и близких ему людей, в том числе и своих любимых женщин, жён, детей, коллег, партнёров по сцене и собратьев по перу.

Чем же 60-я тетрадь представляется автору особенно важной? Тем, что "в ней... должна разыгаться... вся драматическая развязка скандала -

нина краснова "болезнь" валерия золотухина

дележа на Таганке", в результате раскола этого Театра в 90-е годы на сторонников Николая Губенко и сторонников Юрия Любимова. Она и разыгрывается.

Николай Губенко и его группа забирают себе половину помещения Театра и называют ее "Содружество актёров Таганки" и работают под маркой и брэндом Таганки. А группа сторонников старой Таганки и Юрия Любимова во главе с Валерием Золотухиным занимает другую половину помещения и просит своего шефа Юрия Любимова, который был лишён российского гражданства и на несколько лет уезжал из России за границу и работал там, вернуться со своей женой Каталин, нерусской венгеркой, в Москву и взять бразды правления Театром в свои руки, и пишут ему письмо, как запорожские казаки султану:

"Приезжай, голубчик! Мы всех лошадей на дороги выставим. Мы Бога будем молить день и ночь, чтобы дал он нам с тобой свидеться. Сохрани тебя Бог от болезней, злых людей и от пожара".

Валерий Золотухин обращается еще и к Господу Богу, который еси на небеси: "Господи! Помогите нам, спаси и сохрани (нас и Таганку)". И сам пытается спасти и Таганку, и артистов, и самого себя. "Если не я, то кто (сделает это за меня)?" - спрашивает он сам себя, как спрашивала себя Орлеанская дева Жанна Д'Арк, которая хотела спасти свою Францию. Если не я - никто... На Бога и на Любимова надейся, но и сам не плошай.

В ожидании Любимова и новых ролей многие артисты, не выдерживают своего "повешенного состояния", неопределённости и невостребованности и сливаются, "отгоревшие звёзды погасли и никому не нужны и неинтересны".

...Сейчас всё это и само письмо артистов Юрию Любимову 1994 года нельзя читать без грусти. Тогда, в 1994 году, артисты надеялись на Любимова как на Бога и просили Любимова вернуться к ним, и он к ним вернулся и работал, как раньше, а в 2011 году он, после своего конфликта с артистами в Чехии, уже не первого конфликта Любимова с труппой, но послужившего последней каплей в чаше, заявил: "Я больше не хочу и не буду работать с ними!" - А потом уже артисты, которым надоел диктат Любимова, и особенно диктат его жены Каталин, которая, как старуха из сказки о рыбаке и рыбке, решила стать "владычицей морскою", то есть абсолютной хозяйкой Таганки и разогнать всю труппу, "очистить Театр от труппы", и посадить артистов на контрактную систему и приватизировать Таганку, заявили: "А теперь мы и сами не хотим больше работать с ним!" - И Любимов ушёл с Таганки "по собственному желанию" и рассчитывал, что артисты спохватятся и опять будут звать его на царство, как когда-то, но теперь этого не случилось. И, по мнению самих артистов, на 98 процентов в этом виновата Каталин. В любой истории ищите корень зла, то есть "шерше ля фам", как говорят французы.

Тогда, в 1994 году, Любимов был для своих подчинённых еще царь и Бог.

элова арфа

Но когда сейчас читаешь дневник Валерия Золотухина, видишь, что уже и тогда у артистов в отношениях с Любимовым не было идиллии и возникла такая трещина, которая со временем увеличилась и позволила выплеснуться из чаши этих отношений всем отрицательным эмоциям, накопившимся там за годы и десятилетия, и что все проблемы Таганки, которые обнаружили в 2011 году, существовали уже и тогда. И уже тогда Валерий Золотухин брал многие из них на себя и пытался решить их...

"Группа просит (меня) не бросать ее в это тяжелое время подвешенного состояния... Позиции свои я отстаивать собираюсь, что называется - до последней капли крови..." - записывает Валерий Золотухин в своём дневнике 1994 года. И отвоёвывает с артистами у Николая Губенко три сцены Таганки... и спасает старую Таганку...

...Новая тетрадь Валерия Золотухина важна и интересна не только потому, что там разыгрывается драматическая развязка - дележа Таганки, но и потому, что там идёт развитие действия каких-то сюжетов его жизни и наступает кульминация и развязка этих сюжетов и на фоне их возникают новые сюжеты и сюжетные линии и разыгрываются новые драматические, а иногда и комические события в жизни Валерия Золотухина, с новыми и старыми героями и персонажами... Да и просто потому, что дневники Валерия Золотухина интересны и важны сами по себе... один интереснее и важнее другого, и не знаешь, какой из всех интереснее и важнее и лучше и ценнее всех.

...Некоторые герои и персонажи предыдущих дневников в 18-й книге оказываются прикованными к постели каждый своими болезнями:

Друг и земляк Золотухина Ащеулов лежит парализованный и так и пишет автору: лежу парализованный.

Артист Филатов, второй муж первой жены Золотухина Нины Шацкой, лежит с инсультом.

Композитор Мигуля, который занимался бизнесом и которого партнёры или конкуренты (если только это не синонимы) взорвали в машине, теряет дар речи и не может двигаться.

Жизнь постепенно уходит из них, и они постепенно уходят из неё.

Такова жизнь людей... Жизнь вообще, и в нашей стране, в частности.

...А поэтесса Надя Кондакова занимается Московимуществом...

...А Юрий Любимов в Греции "Вишнёвый сад" ставит...

...А Валерий Золотухин играет в спектаклях "Павел I" в Театре Армии и в спектаклях "Доктор Живаго" и "Годунов" на Таганке. И, как некраковский корабейник, продаёт свои книги "под крышей дома своего", под крышей Таганки, - "Дребезги" и дневники: "Торговую книжками и собой... Книги идут, когда я за прилавком". (22 июня 1994 года читатели купили у него аж 50 его книг! 19 - "Дребезгов", и 31 книгу дневника.)

...А сын Валерия Золотухина Денис ухаживает за девушками...

...А сын Валерия Золотухина Серёжа учится в школе и получает аттестат зрелости. "А сыночек-то выше меня", - отмечает в дневнике отец.

нина краснова "болезнь" валерия золотухина

Рост у Серёжи - уже 186 см, "и лапоть 46 размера", больше, чем у дяди Стёпы, про которого мы знаем, что "сорок пятого размера надевал он сапоги". У Серёжи - "страшное детство", констатирует Валерий Золотухин, "страшное детство - между припадками эпилепсии и пьянством одной и блядством другого (под одной имеется в виду мать, а под другим - отец)".

...Что меня всегда потрясало и потрясает в дневниках Валерия Золотухина, и восхищает и располагает к нему всей душой, это его предельная откровенность, искренность и самокритичность, я бы даже сказала - самоистязательность, самоказнительность, которая сродни пугачевскому (перед казнью): "Прости меня, народ православный, в чём согрешил я тебе...", и есенинскому: "Прости меня... за всё в чём был и не был виноват"...

"И отчего я... непутёвый такой?" - вопрошает Валерий Золотухин и говорит (пишет) о себе, что он "греховодник и сладострастник"... И при этом (хотя он греховодник и сладострастник не более, чем все мужчины) подкрепляет свои слова примерами, то есть своими поступками, о которых он рассказывает своему гипотетическому читателю, как на духу, то есть которые описывает своим суперчестным пером, на что я даже не знаю, кто ещё в нашей стране и во всём мире мог бы решиться, кроме него? Только Пушкин в своих "Тайных записках Пушкина".

Золотухин в своих книгах выводит на чистую воду и самого себя, и окружающих его людей, в том числе и самых близких, чтобы познать себя через людей, а людей - через себя. И говорит о себе и о людях, и вообще о жизни, "правду и только правду", как прокурор, которого он играет в спектакле "Прокурорская притча" в Театре Луны. Он говорит такую правду, какую он знает, видит и какую представляет себе и какую понимает.

Поэтому я очень удивилась, когда прочитала в журнале "Итоги" за 26 сентября 2011 года, слова Юрия Любимова слова о том, что Золотухин - "литературная шпана", "книжки лживые пишет, сам торгует ими перед спектаклями и в антрактах, распространяя своё враньё не только об ушедших, но и о живых. Я как-то спросил его: "Не боишься, что обогатятся люди соберутся вместе и набьют тебе морду?" А он говорит: "За это пользуется спросом".

Эти книги потому (то есть не только потому, но и потому) и пользуются спросом, что они непривычно честные, и что автор говорит и отображает в них "правду и только правду". Вот бы все писатели писали у нас такие "лживые" книжки, какие пишет Валерий Золотухин! Повернулся же у Любимова язык сказать про них такое! Я думаю, Юрий Петрович сказал это потому, что он не на всех страницах этих книжек сам себе нравится. Но, как говорится, нечего на зеркало пенять, коли твоё лицо там не во всех ракурсах красиво и фотогенично и в некоторых ракурсах кажется тебе кривым.

Притом же Валерий Золотухин в своих книгах никого ни в чём не осуждает, никому не читает никаких проповедей, никаких нотаций, ни-

элова арфа

какой морали и "правил поведения за столом" со своими партнёрами и так далее. "Оставь проповеди проповедникам", - говорит он сам себе. Он никого не судит Страшным Судом. И ни в кого не кидает камней, даже и в своих недоброжелателей, следуя библейским заповедям: не судите, да не судимы будете; и кто без греха, пусть бросит камень (в того, кто с грехом).

...Валерий Золотухин пишет свой дневник каждый день в течение сорока с лишним лет, под девизом "Ни дня без строчки!", ни дня без строки текста!

Свою тягу и страсть к писательству Валерий Золотухин с юмором называет "графоманией": моя "графомания меня спасает иногда от тоски и стакана" и помогает мне "затаиться и уйти на дно" (уйти в свой внутренний мир, где меня никто не достанет), - говорит (пишет) он.

...Людмила Абрамова сказала когда-то: Золотухин стал писать дневник, чтобы стать писателем. А он говорит: нет, я стал писателем, чтобы писать дневник, и каждый день только и жду вечера, чтобы записать в дневник, что произошло в моей жизни за день.

...Для Валерия Золотухина нет маленьких тем. Каждое лыко у него ложится в строку. И из этого лыка сплетается и возникает книга, в которой всё важно: и то, что творится в Театре на Таганке, и то, что творится у автора дома, и то, что Валерий Золотухин по утрам делает зарядку для тела (стоит на голове) и зарядку для души (читает молитвы), и то, что сын Валерия Золотухина Серёжа получил тройку по географии, и то, что Валерий Золотухин берет с собой в больницу икону Святого патриарха Тихона, и то, что у Валерия Золотухина сломалась машина, "лопнул трос сцепления"... и то, что Валерию Золотухину надо выступать, а он не в голосе, у него "несмыкание связок", и то, что Валерию Золотухину не спится, и то, что он запил, а потом протрезвел... и то, что Валерий Золотухин горит между двух огней, между женой и любовницей, и то, что в России идут реформы... и то, что Валерий Золотухин восстанавливает церковь в своем родном селе Быстрый Исток, на Алтае и уже возвёл фундамент, а на стены денег нет...

...Основное место действия 18-й книги дневников Валерия Золотухина - старая Таганка, где артисты готовятся встретить и встречают свой 30-й сезон и репетируют и играют спектакль "Доктор Живаго" с Валерием Золотухиным в роли Доктора Живаго, и больница в Соловьевке, где наш герой хочет найти покой и прячется от мира и пытается спрятаться от всех проблем не в чеховской палате номер 6, а в палате номер 10 и лечит своё расшатанное здоровье и свой голос и свои расшатанные нервы ("Я стал психом... Это нервы, Валера, всё это нервы..." - ставит он диагноз сам себе). И пьёт таблетки, которые мало помогают ему... И всеми силами пытается вернуть себе свою нормальную физическую форму... И

нина краснова "болезнь" валерия золотухина

каждое утро делает зарядку, и стоит на голове (я без этого "не мужчина"), и каждое утро молится Богу...

"Только бы (мне) не запить", - говорит он сам себе своими словами и стихами Высоцкого:

"Не спится мне. Ну как же мне не спиться?
Нет, не сопьюсь..."

...Больница становится для главного героя книги домом, убежищем от стрессов и от людей, которые мотают ему нервы, в том числе и от любимых женщин и от любимой жены:

"Господи! Господи! Нигде житья нет. Только в больнице", - восклицает он на одной из страниц книги. А на другой пишет:

"Вот я и дома, в больнице, и слёзы на глазах скорые. Всё мне здесь мило, всё привычно, удобно, уютно. И вешалка со спортивным костюмом, и Серёжины штаны, и кровать, заваленная бумагами, и фотография Тихона... и тишина... и никто (меня) не допрашивает..." - где и с кем ты был? И никто (меня) не ругает. "И ни от кого не слышно" таких слов в свой адрес, как "дерьмо, уродина, подлец, негодяй и т. д.". "Как хорошо здесь, как одиноко..."

...У Валерия Золотухина в дневниках есть свой ангел-хранитель в лице Татьяны Л., которая там и книги его помогает ему в Театре или где-то еще продавать, и кусты жасмина и кукурузу и картошку на Десне (у него на даче) с ним сажает, делает ему "огорода-садотерапию" и "лунотерапию", и ходит к нему в больницу, и приносит ему туда мандарины, цветы:

"...Прискакала Л(...), верная моя, бескорыстная добрая душа...

гвоздики принесла чудесные... Приехала Л(...), меняла воду цветкам...

Снова была Танька, положила мандарины и смылась... Не баба, а золото... Вот мой ангел-хранитель... Татьяна, ангел мой хранитель... На метле переносится с места на место... Таньке памятник ставить надо... Танька - я ей памятник поставлю при жизни..."

Как сказал бы Маяковский? "Пускай нам (вам) общим памятником будет..." - что? не социализма, а дневник Валерия Золотухина.

Комментарии Валерия Золотухина к образу Татьяны Л.:

"...Л(...) приносит с собой покой, простоту и мудрость суждений...

...Кто-то ещё смеет смеяться над ней..."

Как, например, одна девушка, которая говорит (я не помню, на какой странице она это говорит. - Н. К.):

- Подружкой Тани Л(...) я быть не хочу.

Комментарии Валерия Золотухина к образу Татьяны Л(...):

"...Напрасно кто-то, возгордившись, считает, что быть или называться подругой Л(...) - не по чину, что это куда как другой уровень...

Танька Л. с её добротой, умом и щедростью человеческого сердца не имеет к себе уважения со стороны подобных".

Зато она умеет любить и быть нужной тому, кого она любит. И в одной из своих записок она пишет ему коротко и просто:

эолова арфа

"Я буду любить вас. Таня".

Очень светлый, симпатичный и трогательный получается у Валерия Золотухина под его пером образ этого ангела-хранителя в лице конкретной земной женщины.

И рядом с ней образ девушки из Уфы, Людмила, Л. А., которую автор воспел в своих предыдущих дневниках и в своих письмах к ней как Богиню и как Совершенство, невольно тускнеет и меркнет. И когда эта девушка Л. А., звонит жене автора домой и играет у неё на нервах и просит позвать к телефону Людмилу (саму себя) и когда она закатывается в дом к нему и к его жене Тамаре и сидит смотрит там телевизор, то невольно соглашаешься с эмоционально-критической характеристикой, какую даёт этой девушке из Уфы мать Тамары, тёща: "...она без предела наглая, вульгарная, циничная баба, которая поставила цель добиться своего" (отбить мужа у жены, прославленного артиста). То есть - стерва она, и больше никто. И невольно становишься на сторону Тамары, которая говорит девушке из Уфы: "Вон отсюда, блядь тонкогубая... Тонкогубая проститутка, блядь... Девка по вызову..." И невольно смотришь на девушку из Уфы глазами Серёжи, которому она нисколько не нравится и который не видит в ней ничего необыкновенного и красивого и который говорит о ней, что она - "обыкновенная тёлка, пройдёт - не заметишь".

И невольно думаешь: как же влюблённый мужчина, да ещё если он артист не только по своей профессии, но и по своей натуре, то есть если он по натуре художник, человек с воображением и фантазией, как же далеко он может зайти в своем идеализировании образа женщины, которая на самом деле далеко не идеал, а скорее даже антиидеал, но ему она кажется идеалом и Совершенством, пока он любит её и пока не разует на неё свои глаза. "Кого мы любим, когда мы любим?" - написал один поэт, фамилию которого я не помню. Мы любим того, кого представляем себе в своём воображении и кого создаём в своих фантазиях... и кто на самом деле, может быть, совсем не такой, каким мы видим и создаём его. Каждый влюблённый - это художник, который рисует сам себе портрет своего предмета любви, и дорисовывает и прорисовывает и выявляет в нём то, чего, может быть, в самой модели и нет, но что видит или хочет видеть в ней художник, и чем больше у влюблённого талант художника, тем красивее получается у него портрет.

Автор хочет похоронить в себе свою любовь к Л. А., которая принесла ему столько радостей, но и столько страданий. И он говорит себе, то есть пишет в своем дневнике: "Я похороню эту любовь". Но похоронить - не значит избавиться от неё. Вот в чём дело-то. Может быть, только со временем это удастся. Особенно если вышибить клин клином.

Но как литературная героиня - девушка из Уфы, без сомнения, великолепна!

И ей, этой девушке из Уфы, как и своему ангелу-хранителю Тане Л., Золотухин ставит свой памятник, и даже не один, а много памятников, в каждой книге дневника - по памятнику.

нина краснова "болезнь" валерия золотухина

Да и всем героям и персонажам своих дневников, и положительным, и отрицательным, и отрицательно-положительным, и положительно-отрицательным, он ставит памятники или бюсты, каждому - свой, и каждому - свои... И все они остаются не только в истории жизни Валерия Золотухина, но и на скрижалях истории Вечности, как реальные люди, которые стали литературными героями и персонажами прозы Валерия Золотухина.

...Маяковский мечтал когда-то принести потомкам "сто томов своих партийных книжек", которые и будут памятником ему, как "построенный в боях социализм".

Валерий Золотухин принесет потомкам сто томов своих не партийных книжек дневников, которые будут памятником и ему, и людям его (то есть нашего) времени.

..."Или уж прям я такой старый?" - спрашивает Валерий Золотухин в своем дневнике 1994 года, где ему всего-то 51 год. Валерий Золотухин - принадлежит к категории людей, которые всегда молоды, сколько бы лет им ни стукнуло. Он молод и сейчас, в свои 70 лет.

"На Вас время не действует. Вы (с годами) остаётесь таким же молодым (как всегда), а внутренне совершенствуетесь", - сказала Валерию Золотухину одна из его поклонниц.

Что - да, то - да. И к этому нечего добавить. Кроме того, что пожелать Валерию Золотухину и дальше оставаться таким и быть таким всегда!

...В 18-й книге дневников Валерия Золотухина, как и во всех его книгах, - уйма мудрых мыслей, афоризмов, крылатых выражений, и его авторских и не его авторских, которые стали девизами его жизни и которые могли бы стать девизами каждого человека. Меня так и подмывает выписать в столбик некоторые из них:

"Удачу нужно делать самому и ежесекундно".

"Обиды мешают дело делать".

"Кто осуждает других, тому нет оправдания" (Феофан Затворник).

"Человек сам себя спасает".

"Пожелай (своим) недоброжелателям добра".

"Зло множит зло".

"Не терять присутствие духа в самых плачевных обстоятельствах".

"Президенты приходят и уходят, а искусство вечно".

...Валерий Золотухин - православный человек, который ходит с крестом на шею и живёт с Богом в душе. Каждый свой день он начинает с зарядки и молитвы. И почти на каждой странице он обращается со своими молитвами к Богу, молится ему и за себя, и за свою семью, и за своих коллег, партнёров по сцене, и за Таганку:

"Заходил я в церковь и Богу молился за всех нас. За всех нас..."

Он молится не только в церкви, но и - в основном - у себя дома... Причем - сам для себя, наедине с собой и с Богом, не на показ перед

элова арфа

кем-то, а когда никто из своих родных и близких и никто из посторонних людей не видит его.

Молитвы входят в его жизнь и в его прозу как органичная часть этой жизни и этой прозы. И окутывают её своей аурой и освещают своим светом и отсветом и придают ей свою неповторимую стилистику.

Если выписать молитвы Валерия Золотухина в столбик, получится молитвенник Валерия Золотухина:

Господи! Спаси и помилуй меня, грешного...

Господи, спаси и сохрани милую жену мою... сына моего Дениса, сына моего Серёжу... мать мою...

"Господи! Дай мне сна не в смерть, спокойного и бодрящего..."

"Господи! Благослови меня на день грядущий! Дай лёгкости... скорости, дай покоя и талантливости..."

Господи, "помоги ты начальству решить в нашу пользу вопрос" (о Таганке)! Господи! "Спаси и сохрани партнёров моих по "Павлу I"... и по "Доктору Живаго"..."

...Как и в предыдущей своей книге, Валерий Золотухин в своей 18-й книге продолжает изыскивать средства на строительство церкви в своем родном селе Быстрый Исток на Алтае, ходит в высшие инстанции, обивает пороги мэров и губернаторов, министров, продаёт свои книги и откладывает деньги за книги - на церковь, и обращается к Господу Богу, чтобы тот помог ему во всём:

"Господи! Помоги... дай изыскать возможность сдвинуть дело Храма Пресвятой Богородицы с фундамента дальше, к стенам..."

...Не для себя же церковь строю, Твое имя, Господи, славить будем..."

Церковь когда-то, в 30-е годы, разрушил в Быстром Истоке отец Валерия Золотухина, председатель колхоза... И вот теперь сын хочет восстановить то, что разрушил его отец. То есть "государство разрушало храмы", руками отцов, руками иванов-дураков, не помнящих родства, "а дураку волю дай - он лоб расшибет". Отец Валерия Золотухина "был политруком в армии", а власть политрукам была дана палаческая, "по известному указу Сталина и его банды"...

Валерий Золотухин приветствует демократизацию в России: "Ну возможно ли было затевать строительство церкви в Быстром Истоке без начала демократизации и когда у власти стояли коммунисты? Ну нет же!" Хотя в наше время и коммунисты вроде как перестали быть атеистами и ходят в церковь ставить свечки Богу и Богоматери.

...Людмила Абрамова, гражданская жена Владимира Высоцкого и мать его детей, сказала когда-то о книге Валерия Золотухина "Всё в жертву памяти твоей", а потом и о "Секрете Высоцкого", а потом и о "Таганском дневнике", что это (каждая из этих книг) - лучшая книга о Владимире Высоцком! Никто не сумел показать Высоцкого таким, какой он был, как сумел это сделать в своих дневниках Валерий Золотухин. Кстати, я своими ушами слышала, как она говорила это на вечере памяти Вы-

нина краснова "болезнь" валерия золотухина

соцкого 19 ноября 2004 года, когда я выступала на этом вечере с ней и с Валерием Золотухиным.

В каждой своей книге Валерий Золотухин так или иначе касается темы Высоцкого, касается он её и в своей 18-й книге дневников. Пишет о том, как Любимов когда-то, в 1975 году, назначил Валерия Золотухина на роль Гамлета, на роль дублёра Высоцкого-Гамлета, как космонавта, потому что Высоцкий тогда то и дело уходил в запой и срывал спектакль, а если артист по какой-то причине не может выйти на сцену и играть в спектакле, который стоит в афише, режиссёр может выпустить на сцену другого артиста, заменить одного артиста другим, чтобы не сорвать спектакль, это в театре - самое обычное и самое привычное дело. Так, в "Маркизе де Саде" Шарлотту де Корде играет то Ирина Линдт, то Александра Басова, а директора Шарантона - то Феликс Антипов, то Роман Стабуров... (А в "Венецианских близнецах" сеньорину Беатриче играет то Марфа Кольцова, то Галина Трифонова, а братьев-близнецов Дзанетто и Тонино - то Дмитрий Высоцкий, то Александр Лырчиков, а в "Калеке с Инишмана" - девушку Хелен играет то Александра Басова, то Елизавета Высоцкая, а Мамашу играет то Марина Полицеймако, то - из Театра Губенко - Татьяна Жукова-Киртбая, а Пустозвона - то Сергей Трифонов, то Виктор Семенов, а тетушек Кейт и Эйлин - то Татьяна Сидоренко и Маргарита Радциг, то Анастасия Колпикова и Екатерина Рябушинская, а Мальша Бобби - то Михаил Лукин, то Константин Любимов... - Н. К. 31.05.2012.) И вот Юрий Петрович Любимов, чтобы подстраховать "Гамлета" и чтобы проучить Высоцкого, приучить его соблюдать дисциплину, повесил на Таганке приказ от 14 декабря 1975 года - о вводе Валерия Золотухина на роль Гамлета. Сыграть Гамлета друг Высоцкого Золотухин так и не сыграл, но шишек за то, что чуть было не сыграл его, получал много, от людей, которые не знают специфики театров и не знают, что почти все артисты в театрах время от времени играют во вводах, чтобы спасти спектакль и не подвести зрителей. И до сих пор эти шишки у Золотухина не заживают, потому что время от времени кто-нибудь бьёт да бьёт по ним с новой силой, как обухом по голове (а первым ударил его режиссёр Эльдар Рязанов, у которого оказалась очень тяжёлая рука).

И вот в журнале "Итоги" за 26 сентября я прочитала беседу Юрия Любимова, в которой Любимов говорит, что Высоцкий доставлял "Таганке" "много забот":

- ...До "Таганки" Володя пробовал работать в разных театрах, но нигде подолгу не задерживался, отовсюду вылетал (потому что был пьющий). Меня пытались отговаривать (брать его на Таганку" - то есть советовали не брать его), дескать, (ты) вешаешь ярмо (себе) на шею. Я отвечал: "Одним пьющим больше или меньше - это в России погоды не делает"...

Любимов уговаривал Высоцкого бросить пить, уговаривал его зашиться, возил его по больницам, даже изгонял его с "Таганки", но потом вернул назад... Высоцкий срывал спектакли (и, например, в одном из них за него во вводе Золотухин играл Керенского). А на гастролях во Фран-

эолова арфа

ции Высоцкий чуть было не сорвал "Гамлета". Врачи сделали ему уколы, и он еле-еле, но сыграл Гамлета.

Корреспондент спрашивает Любимова, мог ли Любимов заменить Гамлета Высоцкого кем-нибудь другим? Любимов ответил, что замена была исключена, "абсолютно!"

- Да и потом: зритель ведь шёл на Высоцкого. Ради Владимира я и взялся за постановку ("Гамлета"), только он мог сыграть эту роль... Я уже говорил, что не считаю Владимира Семёновича выдающимся артистом, но в каких-то ролях он... был неподражаем.

Нет, не только Высоцкий мог сыграть Гамлета! Его мог сыграть, по-своему, по-золотухински, и Золотухин! Потому Любимов (потом?) и назначил его на эту роль и вывесил приказ о вводе Золотухина на эту роль. А что Золотухину так и не дали сыграть Гамлета - это трагедия, и для него, и для зрителей, которые так и не увидели его в этой роли, которая могла бы стать одной из его коронных ролей.

...Кто-то говорил, что Золотухин и Доктора Живаго - этого интеллигента до мозга костей - сыграть не сможет, что ему только Бумбараша играть или Кузькина... И что?.. Кто играет Доктора Живаго на Таганке уже много лет? И кто скажет, что Золотухин - не Доктор Живаго? Зрители теперь только Золотухина и представляют этим героем и не представляют, кто ещё мог бы сыграть его, да ещё так, как Валерий Золотухин. И Доктора Живаго они теперь представляют Валерием Золотухиным.

У меня есть стихи на эту тему, которые я сочинила, правда, не в 1994 году, а в 2004, когда первый раз увидела Валерия Золотухина в роли Живаго, на Таганке:

О СПЕКТАКЛЕ "ДОКТОР ЖИВАГО" в Театре на Таганке

Валерию Золотухину

После "Живого" сыграть "Живаго",
После Кузькина - интеллигента? -
Ведь на это нужна же отвага,
Та ещё или та и энта.

Но Золотухину всё по силам,
В нём и Кузькин живёт, и Живаго,
Зная цену посулам, посылам...
А "юпитер" - это же Вега.

Слёзы мои - не из лужи влага.
И сияет в своём ореоле
Золотухин - в роли Живаго,
А Живаго - в обратной роли:
Золотухина...

нина краснова "болезнь" валерия золотухина

...Спектаклем "Доктор Живаго" в 1994 году закрывался 30-й сезон на Таганке. Валерий Золотухин очень волновался перед этим спектаклем и даже клал себе под подушку текст своей роли и спал на нём, и так и записал в своём дневнике 1994 года: "Спал на экземпляре Живаго, чтобы текст через подушку перетек в голову", "Живагой" закрывается 30-й сезон

У меня один выход - сыграть гениально".

Утром в день спектакля Валерий Золотухин записал в своём дневнике: "Господи! Пошли труппе моей лёгкости и скорости! Не омрачи плохим спектаклем последний спектакль "Живаго" в сезоне многотрудном, многонервном и страдальном".

А вечером Валерий записал в своём дневнике: "- Сегодня был лучший спектакль, - сказала мне Жанова", "Живаго" сыгран с плюсом",

"Лучший из моих спектаклей - Живаго. Победа! Триумф!", "Сегодня начну спать на тексте Павла I" (чтобы и этот спектакль сыграть гениально! - Н. К.).

...Валерий Золотухин настолько вживается в роли своих героев, что начинает не только на сцене, но и в своей прозе, в своих дневниках говорить их словами, их фразами. Например, когда Валерий Золотухин думает, что ему делать в такой-то ситуации, он пишет: надо "продумать распорядок действий"... а когда Валерию Золотухину кто-то из артистов копает яму, он пишет: "Пусть роют яму мне по росту"... а когда он читает старые письма от Жени Сабельниковой и думает о ней, он пишет: "Закатилось мое солнце ясное, прелесть моя незабвенная"... а когда он думает о том, что он не отвоевал свою возлюбленную у своего соперника, как Живаго не отвоевал свою Лару у Комаровского, он пишет: "Отрексся, уступил..." - То есть он говорит стихами Пастернака. А на других страницах дневника он говорит стихами Мандельштама: "Я больше не ревную... Но я тебя хочу...", а на других страницах он не говорит, а поет словами песни: "Ах, зачем эта ночь так была хороша!.."

Все эти цитаты, все эти центоны, которые он вставляет в свои дневники, обогащают литературный язык этих дневников, придают ему поэтический шарм и блеск...

...Я убеждена: если автор лишён чувства юмора, он не может написать интересную книжку, даже если он и очень умный, образованный, начитанный, эрудированный. Я бы даже сказала, что если человек лишён чувства юмора, он не может быть умным, потому что чувство юмора есть составная часть ума, компонент, отсутствие которого делает умного человека с талантливыми задатками недоразвитым, скучным, занудным и не талантливым.

У Валерия Золотухина в его книгах, в каждой из них, - юмора хоть отбавляй. Этот юмор помогает автору не впасть в хандру "при виде всего, что творится дома", то есть дома и в буквальном смысле, и в переносном, и в своем родном жилище, и на Таганке, и в России и так далее, и

элова арфа

от чего нельзя не впасть в хандру, и чтобы не заразить ею читателя. И чтобы, с одной стороны, оттенить и усилить этим юмором какие-то драматические моменты, а с другой стороны - нейтрализовать и ослабить их, чтобы никого не перегрузить и не подавить ими. И чтобы просто воздействовать на читателя этим юмором как шоковой, оздоровительной смехотерапией.

Вот несколько примеров такого юмора:

"Саша-массажист - умный, начитанный, всякое кино знает, а массаж делает плохо"...

Пациент больницы "бегал (по процедурным кабинетам) за старушкой (за медсестрой), еле поспевал..."

"Fallos extraordinaris - гриб по латыни: весёлка обыкновенная". Комментарий автора: то, что у латинян считается экстраординарным, у русских считается обыкновенным.

"Настроение поднимается вместе с членом".

Как тут (не лишённому чувства юмора) читателю не улыбнуться? Ха-ха-ха!

Есть в прозе Валерия Золотухина и более утончённый юмор, но я не буду выписывать все примеры подряд... Выписала только те, которые попались мне под руку.

...Литературная фактура прозы Валерия Золотухина, её литературная ткань состоит из разных нитей, вязей, цветов, узоров и художественных фигур... в ней сочетаются и слова высокого стиля, вплоть до библейских, и ненормативные слова, и диалекты, и жаргоны, и авторские неологизмы ("волокиция", "скандёж"), и русские пословицы, поговорки, фразеологизмы, и частушки, и цитаты из поэзии Серебряного и Золотого и Бронзового века, и строки песен и романсов, и молитвы, и из всего этого получается превосходная нерукотворная литературная ткань золотухинской выделки, секрет которой знает только сам автор, да и он сам не знает, потому что творит по вдохновению, по наитию и сам себя повторить ни в чём не может.

...Если писатель говорит (пишет) "правду и только правду", и пишет со всей своей искренностью и откровенностью, это не значит, что он может написать хорошую книгу, если он при всём при этом не владеет русским языком и всеми его стилями, то есть литературным искусством. Валерий Золотухин владеет русским языком и литературным искусством, как сам Бог, который умеет положить слова на душу... и тронуть душу этими словами, и зацепить её за живое... и пронзить её до боли и заставить читателя сопереживать автору, и плакать и смеяться вместе с ним. И поэтому от его книг нельзя оторваться, а не только потому, что он пишет там "правду и только правду".

...А Юрий Любимов, который теперь уже не глава Таганки, а экс-глава, в своей беседе с корреспондентом, всё в том же журнале "Итоги" за

нина краснова "болезнь" валерия золотухина

26 сентября 2011 года, кидает камни и булыжники в огород Валерия Золотухина, уже не только артиста, но и худрука и директора Таганки, и говорит:

"Теперь бунтари, жаждавшие свободы от Любимова, поставили над собой Золотухина. Конечно, с ним (им всем) полегче, чем со мной. Валерий Сергеевич был талантливым человеком, актёром хорошим, а стал халтурщиком первостатейным... Сейчас вот заявил, что за три года заменит весь репертуар, который я нарабатывал десятилетиями. Чистой воды хлестаковщина! Угробить театр можно быстро, поднять его снова вряд ли получится. Останутся лишь воспоминания да автографы (знаменитостей) на стенах моего кабинета. Теперь уже бывшего".

Худруком и директором Театра на Таганке, то есть своим начальником и предводителем выбрали Валерия Золотухина сами артисты, вся труппа. А кого было и выбирать, как не его? - который у всего коллектива Театра на Таганке пользуется самой большой любовью и самым большим авторитетом и который всю жизнь решал проблемы Таганки и защищал интересы артистов и всего Театра даже и просто как председатель профкома? Золотухин не рвался занять место и трон Любимова. Тем более, что у Золотухина есть свой Молодёжный театр на Алтае, Золотухин уже много лет является худруком этого театра, а к своему юбилею, к 21 июня 2011 года, получил от земляков в подарок новое помещение театра - дворец! Золотухин от добра добра не ищет и не искал. Но если сам коллектив Таганки выбрал его своим главой и позвал его на царство, то чего же ему отпираться от этого и бросать своих товарищей "в минуту жизни трудную" на произвол судьбы? Он и принял скипетр и шапку Мономаха из рук своих товарищей. А Юрий Петрович оскорблён этим. И вместо того, чтобы порадоваться за своего воспитанника, преемника, престолонаследника, кидает в него камни и катит на него бочку, как Карabas-Барabas. И обзывает его халтурщиком, и не верит, что Валерий Золотухин поднимет Таганку. Не верит. Но у Валерия Золотухина от этого корона с головы не упадёт. Как сказал кто-то, она у него к голове "гвоздями прибита".

А обо всём, что сейчас происходит на Таганке, Валерий Золотухин, этот вечный Домовой и летописец Таганки, пишет новый дневник и напишет новую книгу.

Кстати сказать, не Юрий ли Петрович Любимов грозился отнять у Таганки весь её репертуар, то есть и запретить артистам играть все "любимовские" спектакли? А теперь он, видите ли, недоволен тем, что Золотухин собирается за три года заменить весь этот репертуар?

"Таганка кончилась!" - сказал Любимов в одном из своих интервью, когда в июле 2011 года покинул стены Таганки и прихватил оттуда с собой хрустальную люстру из фойе и увёз все скульптуры Пушкина, которые стояли на ступеньках внутренней лестницы, и бюст Пушкина, который занимал весь угол в фойе.

"Таганка жива и будет праздновать юбилей!.. Победа на моей стороне!" - записывает Валерий Золотухин в своём дневнике 1994 года. -

эолова арфа

"Труппа просит (меня) не бросать ее в это тяжелое время подвешенного состояния...".

"Позиции свои я отстаивать собираюсь, что называется - до последней капли крови..."

То же самое Валерий Золотухин мог бы записать и сейчас, в дневнике 2011 года. И добавить к этому слова Маренго: "В 2 часа я проиграл (сражение), но в 4 часа выиграл!" - то есть спас Таганку... Спектакли там сейчас идут, как и шли. И не только на Большой, но теперь ещё и на Малой сцене, и артисты сейчас играют ещё лучше, чем раньше, потому что над ними сейчас никто не стоит с кнутом, а в залах Таганки каждый день - аншлаги!

...В автографах на своих книгах Валерий Золотухин пишет своим поклонникам: "Спаси и сохрани Вас Бог".

Спаси и сохрани и Вас Бог, Валерий Золотухин! И помоги Он Вам во всех Ваших делах - и на Таганке, в должности артиста, худрука и директора Театра, и везде, на всех Ваших путях!

И дай Вам Бог поднять Таганку и её престиж, чтобы она стала лучше, чем была!

И дай Вам Бог написать ещё столько же дневников (сколько их у вас сейчас есть - 120 тетрадей?), и ещё полстолько, и ещё четверть столько... и так далее... и их все тоже издать в Нижнем Новгороде, в ФГУИПП "Нижполиграф"! А мы будем ждать их, чтобы и их все прочитать... и поставить на полку с книгами великих писателей и артистов, где Вашим книгам самое место...

12 - 14 октября 2011 года
и 31 мая 2012 г.,
Москва

"Наша улица" № 151 (6) июнь 2012 г.

Татьяна Николина

Татьяна Николина родилась в Москве. Училась в Московском педагогическом институте им. Н. К. Крупской. Печаталась в журнале "Детское чтение для сердца и разума", в альманахе "Эолова арфа". Автор книги стихов "Поле притяжения Таганки" (Москва - Вашингтон, 2008) и книг для детей "Улыбка рассадой", "Для чего?", "Разноцветные лягушки" (2012).

ПРОШЛО СТО ЛЕТ

"Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет..."
Александр Блок, 1912

Темно
Погас фонарь
Спит дом
Закрылась
И аптека

На улице два одиноких человека
Пригнувши плечи
Идут-бредут не ожидая встречи
И шепчут приготовленные речи

Но кто они?
Друзья? Враги?
И что за речи?
И почему не ожидают встречи?
И почему идут пригнувши плечи?

Не будет знать о том
Погаснувший фонарь
Уснувший дом
Не будет знать закрытая аптека
Хотя и создана была для человека

Пригнувши плечи
Приготовленные речи
Два человека
Не ожидают встречи

эолова арфа

ИРИНЕ ВДОВИНОЙ

"...поэзия...
Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё!
И не от нас она зависит,
А мы зависим от неё..."
Николай Рубцов. "Стихи"

Своей душе свободу подарите,
Не ожидая отклика в чужой,
И без сомнения творите,
Вы дар имеете большой.

Признание, известность, славу
С поэзией нельзя сравнить,
Рожденье строк эмоций лаву
Нам помогает, Вы правы, излить.

А те, кто слышит, отзовутся,
Кто дышит тем же, чем и мы,
Позднее, раньше ли найдутся
Родные души и умы.

2009

На заметки Нины Красновой в "Живом журнале"

НИНЕ КРАСНОВОЙ И АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ

На фотографию Нины и Анатолия на фоне картины
Александра Трифонова "Над вечным покоем"

Такие пейзажные лица!
Есть воздух, простор и свет,
Душа сквозь глаза серебрится,
А возраста словно нет!

ЖЕНЩИНА В МЕТРО ЧИТАЕТ РИММУ

"Мне не надо просить
ни ночлега, ни хлеба, ни света..."
Римма Казакова

Скоро год, как Римма людям незрима,
Но душа её в стихах ощутима,

татьяна николина стихи

Хоть не просто она жила,
Не растратила дар - приумножила.

Неизведанный мир поэта -
Это новая "часть света".
Женщина в метро читает Римму,
И присутствует Римма незримо.

2009

НА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

"Он - надежда. Он - Русь. Он - её Вознесение".
Виктор Боков. "Памяти Есенина"

Здесь Рязань, Россия -
Звучная стихия
Родила из света
Русского поэта.

Жив Сергей Есенин - слова покровитель,
Он земли рязанской - надежда и хранитель.

Здесь из слов и света
Родила поэта
Русская природа
Для всего народа.

2009

ЛОЛА ЗВОНАРЁВА

Лола
От колокола
Имя отколола

Лола Звонарёва
Дочка Звонарёва
Из племени звонарёва

И звенит Лола
И звонит Лола
В осколок колокола

эолова арфа

Потому что Лола
Лола Звонарёва
Не может не звенеть

Потому что Лола
Должна звенеть
И петь!

2009

"ТРИ СЕСТРЫ" АЛЕКСАНДРА ТРИФОНОВА

На эссе с фотографиями Нины Красновой
с выставки художника Александра Трифонова

Летят по струнам птицы оригами
Из памяти воссозданы руками

Как будто косточки на счётах
Но безо всякого расчёта

Всего одно у них предназначение
Горизонтали строгой подчинение

Без тени фоном желтизна
Судьбы завидна прямизна

Три звука рама полотно
А что вокруг им всё равно

Летят по струнам сёстры оригами
Мирега Ори и Огами

2010

ИГОРЬ СНЕГУР

На эссе Нины Красновой с выставки художника Игоря Снегура

Мирочувствования планетарный закон,
Взаимодействие сфер эмоций - это он.

Игорь Снегур
классик авангарда
и рецептуализма
король фигур

татьяна николина стихи

и лидер
абстракционизма

Через мироощущение
в искусство
его девиз
а дело
дарить
в линиях
чувство

Визуализируя невизуальное
и не привлекая симметрию
беспредметно выражая идеальное
он эмоции облёк в геометрию

Граница цвета
слияние форм
нельзя без света
но можно без норм

Нет без работы
ни выдоха
ни вдоха
он шестидесятник
он
эпоха

2009

На "Дневники" Валерия Золотухина

ЗОЛОТОЕ ЗЕРНО

"Одолжите... машину с золотым зерном..."
В. Золотухин. "Таганский дневник"

Одолжите машину с золотым зерном,
Я скатаю на ней в моё детство,
Оно стало волшебным сном,
Драгоценных мгновений наследство.

По следам золотым вернуться,
Погулять по родной стороне
И в минувшие дни окунуться,
Ах, как хочется, хочется мне!

элова арфа

Золотое зерно пшеницы
Не рассыпалось, не растерялось,
Сохраняют его страницы,
Чтобы внукам по горсти досталось.

ЛИЦЕДЕЙСТВО

"Прячу моё горе... в работе".
В. Золотухин. "Возвращение "Живого"

Я в ладу со своим ремеслом,
Жгите, рвите меня на части,
Мне несказанно повезло -
В лицедействе нашёл я счастье.

Словно "мёртвой-живой" водой
Оно раны мои оmyвает,
Поднимает над горем-бедой,
Боль грехов бесконечных снимает.

Со своим ремеслом я в ладу,
Из житейских пучин выплываю,
Им богат я, хотя не краду,
Им живу я и с ним выживаю.

ЛЕНТА МЁБИУСА

"...эгоизм и альтруизм образуют своеобразную
ленту Мёбиуса..."
"Весь вечер склеивал ленту-лист Мёбиуса..."
В. Золотухин. "Возвращение "Живого"

Куда уходит вечность?
В бесконечность.
А бесконечность?
Переходит в вечность.
Так лента Мёбиуса
раскрывает
скоротечность,
земного времени
условность и беспечность.

татьяна николина стихи

МОЗОЛЬ

"Надо искать возможность... записывать хоть самую чепуху,
чтобы мозоль на пальце не опала".
В. Золотухин. "Серёжа"

На дворе компьютерный век,
У него на пальце - мозоль от ручки.
Любит свечи, конторку и снег,
И когда рядом внуки и внучки.

Дань чернилам, перу? О, нет!
Это с давних времен традиция,
Дню прошедшему в прозе сонет,
Благодарная жизни транскрипция.

ФОРТОЧКА

"...раз что-то свербит - делаю, чтоб не свербило..."
"...показалось, что дует - закрываю окно не для того,
чтоб не простудиться, а чтоб не думать, что может дуть..."
В. Золотухин. "Мечта о Тихом океане"

Закройте форточку, господа,
Не нужно думать, что может дуть,
От мысли назойливой много вреда,
Она ведёт вас на ложный путь.

Зачем вам лишнее беспокойство?
Что-то свербит - всё равно что болит,
Значит, бессонница, значит, расстройство,
Сделал - и в сторону. Пусть не свербит!

Кирилл Ковальджи

Прозаические миниатюры

Кирилл Ковальджи - известный поэт, родился 14 марта 1930 года в селе Ташлык, в Бесарабии, которая входила тогда в состав Румынии. Окончил Литературный институт им. М. Горького (семинар Е. А. Долматовского). Печатается с 1947 года. Автор около тридцати книг, среди которых "Испытание" (1955), "Пять точек на карте" (1965), "Лиманские истории" (1970), "Кольца годовые" (1980), "Лирика" (1993), "Невидимый порог" (1999/2000), "Обратный отсчёт" (2003), "Зёрна" (2005), "Избранная лирика" (2007), "Литературное досье" (2010), "Дополнительный взнос" (2012) и др. Член СП СССР с 1956 года. Член Союза писателей Москвы. Руководитель Интернет-журнала для молодых писателей России "Пролог" при Фонде СЭИП. Лауреат премии "Венец" Союза писателей Москвы. Автор альманаха "Эолова арфа" с 1-го выпуска.

ДВЕ МАРИНЫ?

Не судите, да не судимы будете...

Поражен историей Марины Цветаевой с "большевиком" Борисом Бессарабовым. Парню было лет 18, ей лет на десять больше. Он прожил долгую жизнь, умер в 1970-ом. Я не знаю, что, как и кому рассказывал он о Цветаевой. Но это не так уж важно.

Важно, что нежно и страстно писала о нем Марина Ивановна, все это есть в "Записных книжках". Но потом, потом!...

Достаточно столкнуть два документа.

Но сначала - слово Ариадне Сергеевне, дочери Марины Цветаевой, в её воспоминаниях эта встреча выглядит так: Борис -

"...герой поэмы сам постучался в двери поэта. В комнату вошел молодой красноармеец, по-крестьянски румяный и синеглазый... Мы пили желудёвый кофе с солдатскими сухарями, слушали рассказы о мальчишеских и героических его днях - среди революции и гражданской войны, о беспримерных бедах и победах... Юноша, он любил эту землю... Говоря о земле, он помогал словам ладонями, лепил фразы, как пекарь - хлебы, и обещал этот хлеб нам, всем, сей России, всей земле. Цветаева слушала, задумываясь, любясь рассказчиком и его грядущими хлебами..."

Теперь обратимся к документам Марины Ивановны.

1.

Из записной книжки, февраль 1921 года:

"Мне хорошо с Борисом. Он ласков, как старший и как младший. - И мне с ним ДОСТОЙНО. ...Аля его обожает..."

Из письма к Борису в день его отъезда.

"Борюшка! - Сыночек мой!

Вы вернётесь! - Вы вернётесь, потому что я не хочу без Вас...

...Борис - Русский богатырь! - Да будет над Вами мое вечное московское благословение. Вы первый богатырь в моем странноприимном дому.

кирилл ковальджи прозаические миниатюры

- Люблю Вас. -

Тридцать встреч - почти что тридцать ночей! Никогда не забуду их: вечеров, ночей, утр, - сонной яви и бессонных снов - всё сон! - мы с Вами встретились не 1-ого русского января 1921 г., а просто в 1-ый день Руси, когда все были как Вы и как я!

Борис, мы - порода, мы - неистребимы, есть еще такие: где-нибудь в сибирской тайге второй Борис, где-нибудь у Каспия широкого - вторая Марина.

И все иксы-игреки, Ицки и Лейбы - в пейзах или в островерхих шапках со звездами - не осият нас, Русь: Бориса - Марину.

Мое солнышко!

Целую Вашу руку, такую же как мою.

Спасибо Вам, сыночек, за - когда-то - кусок мыла, за - когда-то - кусок хлеба, за - всегда! - любовь! ... и за тетрадочки, и за то, как шивали, и за то, как переписывали Царь Девуцу, - и за то, как будили и не будили меня!

Я затоплена и растоплена Вашей лаской!

Вы - как молотом - выбили из моего железного сердца - искры!

До свидания, крещеный волчек! Мой широкий православный крест над Вами и мое чернокнижное колдовство.

Помните меня! Когда тронется поезд - я буду улыбаться - знаю себя! И Вы будете улыбаться - знаю Вас! - И вот: улыбка в улыбку - в последний раз - губы в губы!

И, соединяя все слова в одно: - Борис, спасибо!

Марина."

2.

"Сводные тетради", выписка из письма Сергею Михайловичу Волконскому:

"Сижу и внимательно слушаю свою боль... я невинно решила, что Вас жду.

Но слушаю не только боль, еще молодого красноармейца (коммуниста), с которым дружила до Вашей книги, в котором видела и Советскую Россию и Святую Русь, а теперь вижу, что это просто зазнавшийся дворянин, а прогнать не могу. Слушаю дурацкий хамский смех и возгласы, вроде: - "Эх, чорт! Что-то башка не варит!" - и чувствую себя оскорбленной до заледенения, а ничего поделать не могу."

Запись 14 декабря 1921 года:

"Егорушку из-за встречи с С. М. В. не кончила - пошла Ученик и всё другое. Герой, с которого писала, верней дурак, с которого писала героя - омерзел."

("Егорушка" - поэма, связанная с образом Бориса, С. М. В. - упомянутый Волконский).

элова арфа

Не стану комментировать. Скажу только, что это не аннигиляция: искренность Марины Цветаевой вне сомнений. Две Марины? Безоглядная воспламеняемость (первая) и беспощадный ум (другая). Признаюсь, всё это совершенно непостижимо для моей мужской сущности. Ни такой взлёт обожания, ни такая тотальность разочарования.

Или дело не столько в женщине, сколько в чрезмерности исключительной личности?

Далее Ариадна Сергеевна вспоминает:

"...командировка его была недолгой; поэт и герой поэмы вскоре расстались навсегда. Почти пять десятилетий спустя он разыскал меня - совсем седой и всё еще синеглазый человек, всю жизнь посвятивший земле, агрономом из "глубинки". Он не сказал мне: "Узнаёте?" - слишком много лет прошло для узнавания! - он спросил: "Помните?"

Помнили мы оба".

Опубликованы эти строки в 1981 году, этим объясняется их "идейная" приглаженность и даже сентиментальный налёт. А ведь было о чём - трагическом! - поговорить с бывшим красноармейцем! Большевики погубили родителей Ариадны Сергеевны и ей самой сломала жизнь тюрьмой и ссылкой. И все-таки...

Кроме правды фактической, кроме правды житейской есть еще правда поэтическая. Вот она, - она осталась и останется в этих строках, навеянных Борисом Бессарабовым, из незавершенной поэмы "Егорушка":

Где меж парней нынешних
 Столп-возьму-опорушку?
 Эх, каб мне, Маринушке,
 Да тебя - Егорушку!

За тобой без повисту -
 Вскачь - в снега сибирские!
 И пошли бы по свету -
 Партии богатырские!

Не видала б горюшка
 Русь по день по нынешний -
 Каб тебе, Егорушке,
 Да меня, Маринушку!

РОЗОВЫЙ И КРАСНЫЙ...

В 1921 году Есенин написал знаменитое:

...Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
 Будто я весенней гулкой ранью
 Проскакал на розовом коне...

кирилл ковальджи прозаические миниатюры

А в том же году Василий Александровский "отозвался":

...видел в предутреннем сне,
Как Октябрь наездником красным
Пролетел на стальном скакуне...

Что кому снилось...!

СЫРОЕД

Мой друг, поэт А. стал горячим пропагандистом сыроедения, утверждал, что избавился от семнадцати болезней и теперь может бегом взлетать по ступенькам на двенадцатый этаж. Носил с собой в гости авоську с овощами и фруктами, увидев на столе курицу или что либо другое мясное, возмущенно восклицал: "пожиратели трупов!". И добавлял, - овца ест травку, зачем же вы едите травку через овцу, когда можете прямо... Что ест слон? А какой он большой и мощный! Значит, в растительной пище есть всё необходимое для жизни, для здоровья, для силы!

Он почти убедил нас, мы с женой в ежедневном рационе резко увеличили долю сырого продукта, надо признаться, стали чувствовать себя легче, лучше. И тоже стали в какой-то мере пропагандистами нового образа жизни. Но не такими истовыми, как он. Алик загорелся настолько, что стал фанатиком, интересы его сузились, ни о чём другом он долго не мог говорить, то и дело сворачивал на то, в каком заблуждении находится всё человечество...

Сыроедение круче вегетарианства, оно не признает ничего вареного и жареного...

Алик действительно похудел, помолодел, в глазах появился блеск - правда, с налетом одержимости... Злые языки намекали, что он в интимных отношениях стал сезонным, то есть - только весной...

Однако я не к тому, чтобы обсуждать плюсы и минусы увлечения моего друга. Я о другом. В Софии я встретился с Георгием Джагаровым, бывшим моим сотоварищем по Литинституту, а в ту пору уже председателем союза писателей Болгарии и близким другом Тодора Живкова. Джагаров, поэт и драматург, был статным, красивым мужчиной, волевым, целеустремленным. Слово за слово, я ни с того ни с сего стал хвалить сыроедение, повторил убойный аргумент Алика: какой, дескать, слон могучий, а ест одну травку... Джагаров улыбнулся, сверкнув глазами: слон неуклюжая туша, а хищники - львы, тигры... Они прекрасны!..

Я тут же вспомнил пушкинского Пугачёва - притчу о вороне и орле... К сожалению, приходится согласиться, что зачастую зло выступает вовсе не в образе чёрта с рогами. Я с моего бессарабского детства помню победительные речи Гитлера он, каюсь, мне импонировал (о Сталине я в моём бессарабском 1939 году понятия не имел).

элова арфа

Видели фильмы Лени Рифеншталь? Зло бывает зачаровывающим, возбуждающим. Хищная воля к власти, как и сама власть, соблазняла на моем веку целые народы, а не только отдельных людей...

Говорят, у Сталина были желтые глаза, как у тигра.
Так-то оно так, но людоед Гитлер был вегетарианцем!

АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ:

"Нет человека, без которого вселенная могла бы обойтись, каждый человек - словно камушек в колоссальной, дивной мозаике. Вы знаете, что бывает, если один камушек выпадает: постепенно мозаика начинает трескаться, и все камни выпадают. И поэтому каждый человек - единственный, неповторимый, не только в его знании Бога".

Легко сказать. Рад бы присоединиться к этому поэтическому образу, но я только что упоминал Гитлера - вот уж камушек, без которого могла обойтись дивная мозаика!

Николай Фёдоров, мечтая о воскрешении всех покойников, тоже изволил не думать о преступниках, безумцах и т. п.

Человеческая жизнь бесценна. Не все люди - человеки!
Мучительный этот узел не распутать и не разрубить...

ПЕРЕВОДЧИК

Прочитал "Переводческие байки" Гены Русакова в "Знамени", вспомнил свои случаи. Как-то в начале шестидесятых годов я сопровождал румынскую писательскую делегацию в Белоруссию и Литву... При отъезде из Минска был банкет, я переводил синхронно туда и обратно час, другой, и вот где-то уже за полночь встаёт и произносит длинный тост академик Глебка. Я сходу шпарю и вдруг слышу легкий смехок, спохватываюсь и понимаю, что... перевожу с русского на русский.

Как я сразу не понял? У академика, кстати, глаза стали квадратными! А дело было в том, что я... не повторил ни одной его фразы - я "работал", я вдохновенно улучшал - сокращал, украшал академическую речь, потому мне и казалось, что перевожу...

В другой раз я обедал в ЦДЛ с симпатичной румынкой, Джорджетой Хородинкэ, секретарем Союза писателей. К нам подсел Евтушенко и распелся. Я отложил еду и стал переводить. В определенный момент, чтобы выиграть время и глотнуть пережёванное, я забежал с переводом вперёд. Женя, весьма способный к языкам, овладевший между прочими испанским и итальянским, языками родственными румынскому, тут же среагировал:

- Я это еще не сказал!..

кирилл ковальджи прозаические миниатюры

- Прости, - ответил я, - я догадался, что ты хочешь сказать...

Ещё был случай. Фуришет с иностранными писателями в ЦДЛ. Чешская поэтесса на ломаном русском что-то говорит румыну, я перевожу, она, слегка подвыпившая, увлеклась и незаметно для себя перешла на чешский. Я из вежливости продолжал переводить, по контексту улавливая смысл. Прошло минуты две, пока она не поняла, что происходит... Ахнула, извинилась.

АМЕРИКАНСКОМУ СОЛДАТУ...

Понимал ли я, кто начал войну в Корее? Понимал. Бросалось в глаза стремительное продвижение северокорейцев в ответ на "нападение" южан. Так не бывает. Кабы такой ответ да на нападение Гитлера!

Почему же я написал гневное стихотворение против американцев? Дело в том, что я искренне "болел" за северян и считал, что нечего американцам вмешиваться в корейские дела. Социализм был исторически "обречён" на победу, это научно доказал Маркс, а что в борьбе применяются нечестные методы и пропаганда врёт - в этом не находил ничего удивительного, я-то посмотрелся всякого по обе стороны фронтов.

Стихотворение "Американскому солдату" я написал на каникулах летом в Белгороде-Днестровском и понёс тёпленькое в редакцию газеты "Знамя Советов", где меня ценили и любили. Я был доволен написанным - сколочено крепко, на уровне, не уступающем тогдашним московским образцам. В редакции должны были меня поздравить, газете такие стихи делают честь, номер можно послать в Москву, хоть в "Правду"...

К моему удивлению, стихи забраковали. Оказывается, уже первая строка, обращённая к американцу, была крамольной:

Ты победил, стреляя в агрессора.
Довольный собою,
немножко пьян,
Под клики приветствий,
по трапу с крейсера
Ты в 45-ом
сошёл в Пусан.

Я имел виду, что американский солдат победил в войне против немцев и японцев. Напомнить об этом было необходимо для ударной концовки: "Ставши агрессором, ты побеждён!". Но в ту пору уже нельзя было ничего положительного говорить о бывших союзниках. А я не мог понять, почему в редакции (и, наверное, не только в редакции!) боятся крупницы исторической правды.

Стихи остались неопубликованными, - американский солдат так и не узнал, что я его пригвоздил к позорному столбу...

эолова арфа

ЮЛИУС ЭВОЛА

Этот тип в "Языческом империализме" формулирует то, о чём прочие имперцы умалчивают: "Империя будет существовать для личности, для высшей личности, для личности, которая может сказать: "Государство - это Я". ...Государство, нация - и даже "традиция" - это только абстракции... они становятся реальными только в реальности отдельных личностей, которые выдвигают себя... и которые делают единством то, что было множеством, хаосом, смешением, господством безличной силы".

Двадцатый век показал, что собою представляют эти "высшие личности". Видел я Чаушеску - "воплощение" самой Румынии, видел его карикатурное гротескное величие и ужасный трагический конец.

Вспоминается лихое высказывание Александра Зиновьева: "Метили в коммунизм, а попали в Россию".

Проговорился. Советскую империю откровенно назвал Россией. Вот потому и не устояла империя, что лгали, будто это союз равноправных республик. Революция обернулась новым самодержавием. Метили в тоталитарную империю - в неё и попали. Россия осталась в границах РСФСР. Обидно? Споры нет. Зато обнаружили, что Россия - это не Эстония, и не Туркмения... Спросите их: куда метили, куда попали!

О ЧЁМ МЕЧТАЕТ ПРОЛЕТАРИЙ

Читаю (выборочно) "Избранные философские труды" Асмуса. Валентин Фердинандович был преподавателем логики у нас в Литинституте. Мне он был весьма симпатичен. Но в книге высокопрофессиональная жвачка. Бедный В. Ф. был вынужден сводить Шпенглера к "выразителю интересов прусского юнкерства". Но при тогдашней схоластике масса полезной информации в цитатах. Маркс пишет: "Когда французская буржуазия свергла господство аристократии, она дала возможность многим пролетариям подняться над уровнем пролетариата, но лишь таким образом, что они стали буржуа".

Сам не понял своей догадки. Ее сформулировал Герберг Маркузе: "Каждый пролетарий мечтает стать буржуа". А Маркс делал прямо противоположный вывод. Дескать, пролетариат "с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже существования своего собственного класса", а потому пролетарии "должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность". Вся логика Маркса выглядит железной, только если противоречия между трудом и капиталом являются непременно антагонистическими. Как волки и овцы, которыми оперирует Бухарин в "Азбуке коммунизма". Но волки и овцы - дети одной и той же природы, которая "регулирует" жизнь. Уже не говоря о том, что в человеческом обществе овцы запросто становятся волками (появление нового номенклатурного класса при "социализме", новых русских при "новом" рыночном укладе). И где вообще пролетариат, этот мифический гегемон?!

кирилл ковальджи прозаические миниатюры

СУДЬБЫ ПОЭТОВ

Марину Цветаеву приняли не в Союз писателей, а только в группком, и то после долгой волянки. Мандельштам погиб исключенным из Союза писателей, Пастернак умер исключенным из Союза писателей, Ахматову исключали. Трагически окончилась жизнь Гумилёва, Есенина, Маяковского. Да и Блока - тоже (он после революции был "уплотнен", вынужден был продавать книги, на лечение за границу его не пустили). Это - как раз лучшие русские поэты двадцатого века.

Зоргенфрей пишет о Блоке: "...всяческое литературное мастерство, все формально-поэтическое вызывало в нем отрицательное чувство... Достижения в области стихотворной техники оставляли его глубоко равнодушным, если с ним не связывались достижения иные". Как хорошо!

У Блока бедный словарь, в сущности - книжный (словарь Клюева куда богаче!), но он из всего нескольких сотен слов сотворяет чудо - волшебник!

Мария Бекетова о Наталье Николаевне Волоховой: "...дивное обаяние... Но странно, все это сияние длилось до тех пор, пока продолжалось увлечение поэта. Он отошел, и она сразу потухла". Актриса В. Веригина добавляет: "То же самое мне говорила мать Александра Александровича. Однако это неверно, верно одно, что Снежная дева потухла, ушла, но сама Волохова осталась той же яркой индивидуальностью..." Что же неверно? Что Волохова без Снежной девы? Что Анна Керн после Пушкина?

Александр Гладков: "Из разговора с Н. Я. Мандельштам" (дек. 1960 г. Таруса).

- Надежда Яковлевна, я очень люблю одно из тончайших стихотворений О. Э. Мандельштама "Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...". Я хотел бы, чтобы вы мне рассказали об его биографическом контексте...

- Очень просто. Оська уехал от меня из Крыма и где-то таскался по бабам..."

ПЕРВЫЙ СЛОН РОДИЛСЯ В РОССИИ

Ирина Сураг отмечает, что "народная этимология сближала слова "Русь" и "Ерусалим" как родственные, однокорневые... В русских духовных стихах Иерусалим стоит посреди Святой Руси... Христос родился на Святой Руси..." Она же замечает, что только Русь назвала себя святой и цитирует Карташева: "Англия охотно величает себя "старой", Германия "ученой", Франция "прекрасной", Испания "благородной"".

Выходит, я зря смеялся над соседской тетей Катей, когда та называла Деву Марию русской - оказывается, это - в генах...

Маргарита Прошина

ЗАДУМЧИВАЯ ГРУСТЬ

заметки

Маргарита Васильевна Прошина родилась в Таллинне. Окончила институт культуры. Заслуженный работник культуры России. Автор многочисленных поэтических заметок под общим заглавием "Задумчивая грусть". Постоянно публикуется в журнале Юрия Кувалдина "Наша улица".

ПИСАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННО

За окном - февральская метель, она создаёт ощущение лёгкой грусти и, в то же время, радостной свежести и чистоты. Хочется поделиться со всем миром праздничным настроением и ожиданием счастья. И утки на пруду, заснеженном, покрытом льдом, создают эту атмосферу счастья. Однако зеленовато-синих селезней там больше в три раза, чем уток, и поэтому счастье не вполне мажорно. Хочется любоваться зимой, и ещё больше читать хороших книг, потому что, как говорит писатель Юрий Кувалдин в интервью с поэтессой Людмилой Осокиной: «Писатель вообще начинается с читателя. Загораясь от книги Достоевского или Кафки, он пишет свое на таком же высоком художественном накале, как, к примеру, писал «Москва-Петушки» Венедикт Ерофеев, вдохновившись Евангелием от Иоанна».

БУДЬТЕ КАК ДЕТИ

Потёмки, как некоторые думают, обволакивают чужую душу. И даже больше того, очень замечательно всю жизнь провести в потёмках. Никто ничего не видит. И ты счастлив. Ибо неведение - есть детское состояние души, к которому всегда и всюду призывал Христос: «Будьте как дети!» Мы и ходим как дети, вывесок прочитать не можем. Бросаемся за поездом метро, как будто он последний, как будто поездов больше не будет, с остолбенелым взглядом, ничего не видящим, сшибая всех, кто попадает на пути, и влетаем в тут же за спиной закрывающиеся двери, едем, как это всегда и случается со спешащими, не в ту сторону. Мы же как дети, какой с нас спрос?!

РАМКА

И весна, и солнце. Помню, когда я работала рядом с Третьяковской галереей, мы с подружками выходили на солнышко. Мы бегали в буфет Третьяковки, раздетые, пить кофе. И каждый раз замечали, что народу

маргарита прошина задумчивая грусть

шло в галерею всё больше. Люди как будто просыпались, и как цветы тянулись к прекрасному. И вот какое-то время назад я побывала в Новой Третьяковке на Крымском валу на превосходной ретроспективной выставке Исаака Левитана, где меня буквально ударила весной картина «Март». Печальная, задумчивая лошадь у крыльца, снег, солнце, первые ручейки. Мир можно познать только через искусство. Сама жизнь не имеет никакой ценности, она разлита без всякой художественной границы. А мы видим даже сны в рамках художественной законченности.

ВЬЁТСЯ ЛЁГКИЙ ВЕЧЕРНИЙ СНЕЖОК

Помните фильм Михаила Козакова «Покровские ворота», которому в этом - 2012 - году исполняется 30 лет? Как он создаёт совершенно домашнюю атмосферу? После блестящей сцены с «арсисом третьей стопы», великолепно сыгранной Орловичами – Елизаветой Никишихиной и Игорем Дмитриевым, - камера крупно берёт решетку окна, за которым вьётся лёгкий вечерний снежок... Какое наслаждение слушать нежное, проникновенное пение, праздничный, хрустальный голос замечательной певицы 40-50 годов Зои Рождественской. Её виртуозное владение природным инструментом, дивным сопрано доставляет огромную радость. Зоя Рождественской подвластно всё от оперных арий до джазовых композиций. Она обладает высокой исполнительской культурой и безупречным вкусом.

«ВОСЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ» ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ

Смотреть этот фильм Федерико Феллини можно всегда, и каждый раз всё больше наслаждаться тем, как тонко мастер показывает процесс рождения фильма. Поражает в фильме всё: свет, оттенки белого и чёрного, монтаж - искусство режиссёра. Невозможно представить этот фильм без музыки Нино Рота, она придаёт фильму удивительное настроение. Федерико Феллини показывает сам творческий процесс, как рождаются образы. Трудно художнику подняться над толпой обывателей и праздно шатающихся без целей и всякого смысла. Каждый раз при просмотре этого фильма, открывается что-то новое, он вне времени как подлинное искусство.

ДНЕВНИК ЮРИЯ НАГИБИНА

Читаю «Дневник» Юрия Нагибина, изданный в издательстве «Книжный сад», поражаюсь его таланту видеть суть человека, искренности, уметь гордиться успехом своих коллег. Юрий Нагибин повествует о своей жизни, о близких людях, о взаимоотношениях просто, как бы от-

элова арфа

странённо. Самое трудное в жизни — это взаимоотношения с родными людьми, и как он, верно, пишет: «близким людям не мешало бы жить друг с другом так, будто у каждого из них подозревают опухоль». Воспоминания и мемуары знаменитых людей и их современников — моё самое любимое чтение. Часто они носят исповедальный характер, передают аромат эпохи, и, в отличие от литераторов и критиков, которые берут на себя право оценки авторов и произведений, не претендуют на истину.

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Сольный концерт Анатолия Шамардина и виртуозного струнного ансамбля «Милос» состоялся вечером 4 апреля в Центральном клубе МВД России. При полном аншлаге поклонники чарующего голоса певца наслаждались золотыми шлягерами народов мира. Анатолий Шамардин пел только о любви на разных языках, и слушатели понимали его без перевода, ведь, по словам Сильвы Капутикян:

Язык любви - один и тот же всюду.
Не знаешь ты армянского и всё же,
Когда я по-армянски буду шептать люблю,
Невольно ты поймёшь.

Проникновенное исполнение, нежный голос и обаяние исполнителя как бы перенесли слушателей в лето к звёздному небу и шуму морского прибоя.

В ТОРГОВОМ ДОМЕ ТРЫНДИНА

Я с Анной Гришуниной, заместителем директора библиотеки Плехановского института, от клуба МВД на Большой Лубянке пошла вниз к Лубянской площади. Вечер был синий, как у Михаила Анчарова вещь, которой мы зачитывались в юности «Этот синий апрель», кстати говоря - эту вещь хотели ставить в студии Владимира Высоцкого и Геннадия Яловича. Мы шли почти по сухому московскому асфальту, любуясь фасадами старых московских домов. На некоторых лепных карнизах сидели голуби. Дома я посмотрела историю дома № 13, в котором расположен ныне клуб МВД России, по Большой Лубянке, оказывается, он принадлежал одному из богатейших граждан Москвы купцу Трындину. Там, где играли в начале 60-х годов свои спектакли молодые Владимир Высоцкий, Георгий Епифанцев, Валентин Никулин, Елена Ситко и будущий писатель, студиец Юрий Кувалдин, у Трындина был огромный, как ныне говорят, торговый центр, где продавалась оптика, которая в то время была столь же нова, как ныне компьютеры и мобильники. Обо всем

маргарита прошина задумчивая грусть

этом мне рассказала перед началом великолепного концерта Анатолия Шамардина Нина Краснова, пригласившая нас на этот вечер. Анна Гришунина сказала, что, несмотря на иноязычные изыски певца, ей больше всего понравилось в его исполнении знаменитое танго «Утомленное солнце». Мы шли, и дышали предвкушением неминуемой весны.

МИР ПИСАТЕЛЯ

Прочла новую книгу Юрия Кувалдина «Нахтигаль», в которую вошли рассказы и эссе, написанные в 2010 – 2012 гг. Мир писателя так увлек меня, что захотелось читать и перечитывать другие его произведения. Юрий Кувалдин создаёт и постоянно пополняет энциклопедию Москвы и московской жизни, вместе с героями читатель идёт по улицам и переулкам старой Москвы, живет и работает в спальных и промышленных районах. Юрий Кувалдин художественно пишет историю страны второй половины двадцатого начала двадцать первого века. Писатель малыми средствами передаёт тончайшие психологические оттенки душевных переживаний героев, очень рекомендую читать Юрия Кувалдина.

В ДУХЕ ШЕХТЕЛЯ

Я надела розовый платочек, помня, что женщинам с непокрытой головой в церковь путь заказан. Отголоски татарского, как говорит писатель Юрий Кувалдин, обычая надевать женщинам хиджаб, а на молебне падать на пол на колени, опуская голову на руки, прижатые к полу. Русский язык как соединение татарского с латынью. Эта церковь западного стиля, с шатровым куполом, хотя одна или две головки Господа стоймя стоят высоко. На лестнице и на паперти церкви Воскресения Христова в Сокольниках расстелено сено, в вазах стоят березовые ветви, посетителей мало, в тяжелых деревянных резных окладах картины, которые можно бы было считать иконами, не получается. Церковь в стиле модерна Федора Шехтеля начала века, хотя сам Шехтель к этой церкви отношения не имеет, но дух его передан. Серебряный век, стихи Александра Блока, живопись Врубеля и Левитана, и сказочников Васнецовых, во всем как бы виден след русских сезонов в Париже. Я умиротворилась, и счастливая пошла к метро «Сокольники».

Тамара Жирмунская

"СПАСТИ ШМЕЛЯ!"
(Арсений Тарковский)

эссе

Тамара Жирмунская - известная поэтесса-шестидесятница, племянница академика В. Жирмунского, родилась 22 марта 1936 года в Москве. Окончила Литературный институт им. М. Горького (семинар Е. А. Долматовского). Печаталась в журналах "Новый мир", "Континент", в альманахах "Истоки", "До и после", "Кольцо А", "Коростель", "Родная речь", "Юрьев день", "Эолова арфа" и т. д. Автор книг "Район моей любви" (1962), "Забота" (1968), "Грибное место" (1974), "Библия и русская поэзия" (1999), "Короткая пробежка" (2001), "Ум ищет Божества" (2006), "Я - сын эфира, Человек..." (2009) и т. д. Член СП СССР с 1963 года. Член Союза писателей Москвы. Лауреат премии "Венец" Союза писателей Москвы. С 1999 года живёт в Германии.

Из письма Тамары Жирмунской Нине Красновой.
19.05.2012. 16:25. Мюнхен

Нинок! Рада, что ты нашлась.

Саша (дочь Т. Ж. Сандра Мясникова. - Н. К.) передала мне твою просьбу (чтобы Т. Ж. и С. М. прислали мне что-то своё для альманаха. - Н. К.). Посылаю рассказ Саши "Дым отчества". И своего Тарковского. 25 июня с.г. ему - 105 лет.

Стихов давно не пишу. А те, что собраны в "КИВИ", ты знаешь и потихоньку печатаешь, за что спасибо. (...)

Я держусь. А куда деваться?

Держись и ты!

Обнимаю.

Тамара (Жирмунская).

"СПАСТИ ШМЕЛЯ!"

Апрель 1977 года... Еду с Тарковскими, Арсением Александровичем и Татьяной Алексеевной, на вечер Анны Ахматовой. С нами - поэт Марк Максимов. Всю дорогу - анекдоты, забавные случаи из литературной жизни. Юрий Олеша, рассказывает Тарковский, однажды приехал в Малеевку (дом творчества писателей - Т.Ж.). Деньги на путевку достал для него друг, продавший ради этого дорогой музыкальный инструмент. Все были счастливы: наконец-то Олеша сядет за работу... Но через два дня увидели его с чемоданом у выхода. "Меня давят эти колонны", - объявил Ю. О. и уехал. Максимов подхватывает: встретил Олешу в Елисейском магазине. "Те-с, - приложил тот палец к губам, - тут торгуют... трупами". У Марка глаза полезли на лоб: "Какими трупами?!" "Разве сыр - не труп молока?!" - на полном серьезе отвечивал автор "Зависти" и брезгливо поморщился.

Едем на такси, и мне странно видеть за рулем не Татьяну Алексеевну, а какого-то незнакомого дядю. Обычно рулит она. По Минскому шоссе из Перedelкина к Москве и обратно. По баковским и солнцевским (от Баковки и Солнцева) проселочным дорогам в поисках магазин-

тамара жирмунская "спасти шмеля" (арсений тарковский)

чиков, где можно купить недорогую дефицитную одежду. К станции - отовариться чем-то вкусным для гостей, себя и Арсюши.

...Мы уже въехали в черту города, миновали Рублевское шоссе. Прибудем в ЦДЛ часа за полтора до начала вечера. Вызванная к дому творчества машина примчалась за нами как на крыльях. Такси недавно подождали, многие - простаивают.

- Колеса должны крутиться, - говорит Марк Максимов, - иначе транспорт себя не оправдывает.

- Танюша, ты помнишь... - А. А. называет неизвестное мне имя. - Вот кто был настоящим маньяком такси. В семье нищета, а он берет авто, чтобы доехать от магазина до дому.

- Не всем везет, как тебе, - рассудительно замечает Т. А.

Одиннадцать лет прошло после смерти Ахматовой. Тогда, в мартовском Ленинграде, Арсений Александрович выступал на панихиде; слуховая память зафиксировала его надтреснутый, - щербинка с острыми несовпадающими краями, - ни на кого непохожий голос. "Мучительно выталкивал из себя слова..." - это прямо о нем, действительно, глубоко пережившем ее кончину. Был он и на отпевании у Николая Морского. Вот откуда:

И эту тень я проводил в дорогу
Последнюю - к последнему порогу,
И два крыла у тени за спиной,
Как два луча, померкли понемногу...

С Анной Ахматовой Тарковского сблизил роковой 46-й год, когда после Постановления ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград" пошла под нож готовая книга ее стихов. В то незапамятное время полагалось всюду искать, "разоблачать и обезвреживать" своих "Зошенко и Ахматову". Потому погибла и уже подготовленная к изданию первая книга стихов Тарковского. В годы официального затмения и полуофициального "воскресения из мертвых" общение опальных поэтов не поощрялось. Но пути их пересекались, к обоюдной радости. Именно она дала Арсению Александровичу чисто ахматовскую характеристику:

- Посмотрите на этого человека! Он кладет носовой платок в карман нескомканным!..

Из-за наплыва народа вечер перенесли из Малого зала в Большой. Вел его Константин Ваншенкин. Он отнес Ахматову к той категории художников, которые создают вокруг себя мощное магнитное поле. Похвалил администрацию Дома литераторов за то, что отстояла (?! - Т. Ж.) вечер от посягательств телевидения. С удовлетворением отметил, что налет ажиотажа, сенсационности вокруг имени Ахматовой рассеялся.

Тарковский выступал одним из первых.

- Сказать по правде, я боюсь воспоминаний... - так он начал, и я, не на шутку увлекшись этим огнеопасным жанром, по сю пору вижу предо-

элова арфа

стерегающее выражение его глаз. Но так хочется вернуть из небытия хотя бы на миг тени дорогих людей, что переступаешь через табу, мобилизуешь мозг и сердце, листаешь старые записи, подвергая их единственно цензуре немилосердного отбора, склеиваешь выуженные островки живым веществом любви. Не посетуйте на меня, Арсений Александрович и Татьяна Алексеевна!

Тарковский говорил о неприкосновенности личной жизни поэта. Его всегда пугало, когда публиковались письма Пушкина к жене. Если нельзя читать чужие письма, не следует ли из этого, что надо быть осторожным и с воспоминаниями...

Я оглядывала президиум. Согласно кивал головой Алексей Баталов - в пике своей славы. Сопереживала с оратором Маргарита Алигер. Специально приехавшая из Ленинграда Лидия Гинзбург излучала спокойствие человека, великолепно осведомленного в предмете обсуждения. Несколько особняком держалась Наталия Ильина. Посвечивала лиловой сединой балерина Татьяна Вячеслова. Александр Тышлер и Владимир Медведев олицетворяли собой театральную и книжную жизнь страны с 20-х до 70-х...

Арсений Александрович уже перешел к стихам. Назвал поэтический голос Ахматовой благородным. Способность к гармонии, сказал он, была утеряна символистами и вновь найдена Ахматовой. У нее стихотворение возникает совершенно естественно, как будто его надиктовали. Такое присуще было одному Пушкину. Вот изумительное ахматовское четверостишие... (Тарковский прочел "И дикой свежестью и силой / Мне счастье веяло в лицо, / Как будто друг, от века милый, / Выходил со мною на крыльцо".) А потом читал свое: "Я кончил книгу и поставил точку...", "Когда у Николая Морского...", "Домой, домой, домой...", "По льду, по снегу, по жасмину..." и, наконец, "И эту тень...".

На обратном пути в Переделкино Татьяна Алексеевна критиковала мужа: слишком много говорил и читал, заткнул рот Эмме Герштейн... Мы с Марком тщетно пытались восстановить справедливость. Защитил себя сам обвиняемый:

- Почему же заткнул? Герштейн и не собиралась выступать. Слишком много воспоминаний - трудно выбрать...

Поладили они на том, что нашли общего козла отпущения. Из стройного хора выступавших выбивался сотрудник ЦГАЛИ. Он уличал в ошибках Виктора Максимовича (полуоборот Т. А. в мою сторону)!! Дмитрия Максимова! Споры нет, в руках у него уникальный материал, но распорядился он им не по-хозяйски...

Перedelкинский ужин мы, понятное дело, пропустили, но в холле, на подносе, стояли накрытые тарелками четыре порции - для Тарковских, Марка Максимова и меня.

Перед сном я попросила у Тарковского весь ахматовский цикл, и он дал мне свои стихи, целую тетрадь, на подержание, даже не сказав на-

тамара жирмунская "спасти шмеля" (арсений тарковский)

сколько. Благо мы жили визави в конце длинного узкого коридора писательского общежития, облагоустроенного красивым названием. Раза три, приехав на полный срок в дом творчества, я попадала в одну и ту же комнату № 47. Помещение было неважнецкое, смахивало на узкий гроб, правда, под высокой крышкой. То, что напротив, в таком же 48-м, почти постоянно жил Арсений Александрович, а рядом с ним или через две стены от него стучала на пишущей машинке Татьяна Алексеевна, сбивало спесь. Ну уж если Тарковские...

Я не задержала стихов. Прочла в ту же ночь, переписала для себя самые пронзительные. Да, их надо читать глазами. Там, на вечере, я больше вслушивалась в модуляции голоса поэта, страдала вместе с ним, потому что он читал свои стихи, страдая... А смысл? Такой прихотливый, такой пугающе-трезвый смысл тогда ускользал от меня, и, наверное, не от меня одной.

...Что, если память вне земных условий
Бессильна день восстановить в ночи?
Что, если тень, покинув землю, в слове
Не ждет* бессмертья?
Сердце, замолчи,
Не лги, глотни еще немного крови,
Благослови рассветные лучи.

*В книге "Белый день" (М., "Эксмо-Пресс", "Яуза", 1998) напечатано не "ждет", а "пьет". Оставляю, как было в рукописи.

После одного разговора (речь о нем впереди) я стала считать А. Т. горячо верующим христианином. В этом качестве он интересовал меня не меньше, чем поэт. Но ведь христиане, насколько мне известно, верят в жизнь вечную. Даже Пушкин, о вере и безверии которого было столько споров, писал, что "душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит", а в заключительном стихотворении ахматовского цикла поставлены под сомнение и жажда бессмертья в слове, и сама посмертная память.

Напрямую задать А. Т. свои вопросы я стеснялась. Вот, подумает, дуручка, а еще племянница Виктора Максимовича! Понадобилось почти двадцать лет, чтобы, работая над книгой "Библия и русская поэзия", я осознала, что сомнения и метания едва ли не самого философского поэта нашего времени Арсения Тарковского разделяли Державин и Братынский, Лермонтов и Блок.

Но в такие темные и глубокие воды ныряла я не часто. Обычно, сделав скромную ежедневную дозу литературной работы, прогулявшись после обеда, во второй половине дня и только по приглашению заходила одна или с дочкой в комнату А. А. Боже! Чего тут только не было! Вазочки, шкатулки, картинки на стенах, сухие цветы, альбомы, расписной пузатый чайник, коробки с таинственными наполнителями. Все это напоминало мне почему-то "Игрушечную лавку" Герберта Уэллса - есть у

элова арфа

него такой рассказ. Когда через десяток лет (Тарковские уже перебрались в дом ветеранов кино в Матвеевском) я за какой-то надобностью заглянула в № 48 к новому постояльцу, голизна стен и казенность обстановки тяжело ударили по сердцу. Все прекрасное исчезло, будто и не бывало. Точно как в том фантастическом рассказе.

Тарковский нежно относился к моей дочери Саше. Было ей тогда 12 лет. Как-то раз мы наперебой принялись рассказывать ему, что решили остричь Сашины длинные косы, очень нравившиеся А. А.

- Надоело заплетать... Сейчас модны короткие стрижки... Волосы мы сохраним... Оставим на память...

- Да, это очень важно, - откликнулся хозяин. - Можно будет сделать из них... бороду и усы.

В другой раз он поинтересовался, долго ли растут девочки. Не будет ли Саша, или, как он ее называл, Александра Павловна, слишком высокой?

- Я всегда мечтал быть высоким. Но у меня ничего не получилось.

- Зато вы красивый, - утешила его девочка.

- Ну какой я красивый! Старый, дряхлый и плешивый...

Узнав, что у нас дома живет кошка, А. А. поделился с нами детским воспоминанием. Однажды он свою любимую кошку... подоил в чайную ложечку. И попробовал молоко.

- Какое оно на вкус? - загорелась Саша.

- Солёненькое...

Взаимная симпатия А. Т. и моей дочери увенчалась таким образом. Она подарила ему свое фото, где изображена в балетной пачке, покрытая, как святая Инесса, еще не остриженными волосами. А он дал согласие ответить на вопросы ее школьного дневника. Ответы, по счастью, сохранились.

1. Как тебя зовут? В каком классе и в какой школе ты учишься?

- Арсений Тарковский, класса нет и школы, увы, нет.

2. С кем ты дружишь?

- Мои друзья - девочка Уля Огородникова (7 лет) и Александра Павловна, она же Сашенька.

3. Цель твоей жизни?

- Моя цель жизни - достичь такого могущества, чтобы никто не имел права шлепать меня, ставить в угол и, вместо троек, писать у меня в дневнике двойки.

4. Твой идеал?

- Возраст: лет 12. Длинная. Худенькая. Ротастая. Зовут Сашенькой.

5. Кем ты собираешься стать?

- Покойником, довольно терпеливым.

6. Чего ты желаешь хозяйке дневника?

- Счастья, здоровья, колоссального богатства и, кроме всего этого, полнейшего исполнения всех желаний. И еще - иметь лошадь или хотя бы ослика и очень хорошую и умную собаку.

7. Какой у тебя характер?

- Очень плохой.

тамара жирмунская "спасти шмеля" (арсений тарковский)

8. Кто твой любимый поэт?
- Пушкин и еще несколько не - Пушкиных.
9. Как ты относишься к поп-музыке?
- Поп-музыки не люблю, а хорошую музыку люблю, даже если она современная.
10. В каком кружке ты состоишь?
- В очень тесном кружке.
11. Твое хобби?
- Мое хобби даже не совсем хобби: музыка, астрономия, чтение книг по археологии, расшифровка древней письменности, стирка трусов и носовых платков. Глажение утюгом двух последних предметов одежды.
12. Любишь ли ты танцевать?
- Люблю, но у меня это плохо получается, хотя я стараюсь делать это, как Анна Павлова. Сносно у меня получается только "Умирающий лебедь" Сен-Санса.
13. Твоя любимая игра?
- Выборы Бюро секции переводчиков в Союзе писателей.
14. Твое любимое занятие?
- Читать в постели, что очень вредно.
15. Твое любимое блюдо?
- Пудинг с собайоном.
16. Когда ты родился?
- Очень давно: не успело пройти восьми лет с начала нынешнего века, как мой папа сказал: "Посмотрите, у нас что-то родилось новенькое!"
С глубоким уважением к хозяйке дневника - А. Т. (подпись).

В конце апреля Александр Межиров привез в Переделкино на встречу с Тарковским свой семинар с Высших литературных курсов. "Игрушечная лавка" не вместила бы всех приехавших, - встречу перенесли в Красный уголок в помещении конторы, на второй этаж. Тарковский взбирался по лестнице с большим трудом. Весна еще не вошла в полную силу, рамы не выставляли. Между стеклами бился и жужжал крупный шмель. А. Т. сразу обратил на него внимание. Сначала своей палкой, потом линейкой попытался достать его. Оповестил всех присутствующих:

- Самое важное сейчас - спасти шмеля...

Некий великовозрастный литературный птенец, отогнув гвоздик, высадил раму, и шмель улетел на свободу...

- У-у-х! - облегченно вздохнул А. Т.

Межиров - только что с очередного писательского пленума, - по собственному признанию, повторил сказанное им в большой аудитории: сроки созревания поэта и внешние условия не всегда совпадают. Вспоминал Сквороду: "Старость - это награда". Цитировал Самойлова: "Спасибо тем, кто нам мешал, / И слава тем, кто сам решал, / Кому не помогли".

Все это было преамбулой к чтению Тарковского. Читал он много - сидя, по тетради. Нервична была его правая нога, и тем каменнее, непо-

эолова арфа

движнее выглядела левая - протез, доставлявший ему великие муки. Особенно запомнились мне "Жили-были" (Межиров тут же громогласно выразил свой восторг): "Тот жил и умер, та жила / И умерла, и эти жили / И умерли; к одной могиле / Другая плотно прилегла. / Земля прозрачнее стекла, / И видно в ней, кого убили / И кто убил: на мертвой пыли / Горит печать добра и зла..." (не знаю лучшего, более естественного и виртуозного сонета в современной поэзии. Т. Ж.), "В магазине меня обсчитали..." (редкий у Тарковского чисто бытовой зачин), "Просыпается тело..." О последнем - отдельно. Оно - об отречении апостола Петра...

Однажды я засиделась у Тарковских до позднего вечера, потому что А. А. был в ударе, Т. А. в добром расположении духа и беседа текла в самом желательном для меня направлении. У меня был с собой журнал "Америка", где шла дискуссия о человеческом мозге: что он такое - просто центральный отдел нервной системы или генераторная лампа, преобразующая в энергию мысли некую высшую духовную энергию?

А. А. и Т.А., к моей радости, оказались "идеалистами". Рассказывали: недавно в подмосковном Пущине они беседовали с замдиректора Института белка. На их вопрос о моменте перехода неорганической материи в органическую и далее - в мыслящую органическую он ответил примерно так... Теоретически возникновение органической жизни и ее высшей формы не исключается, но практически равно нулю. Если телевизор разобрать на лом, сложить в мешок и бросить на свалку, сколько шансов, что части сами собой организуются в нечто целое, образуют прежнее единство?

Прежнее Единство - другое название Бога, я его больше не встречала. О Боге запредельном, ветхозаветном не говорили. Разговор перекинулся на Христа и его учеников, на "роковой треугольник": Тиберий, Христос, Пилат. Пилат хотел отпустить Христа, но разве Тиберий, удачливый организатор Тайной полиции, мог смириться с заявлением "Иисус - Царь иудейский"? Почему-то А. А. был уверен, что и Иисус Христос был "царем" в Кумранской общине, и Предтеча, Иоанн Креститель, - именно там были приняты омовения, общая трапеза. А я была слишком мало подготовлена, чтобы это опровергать. Да и зачем?! О Христе он говорил, как о реальном человеке, горячо, заинтересованно, о поведении Его учеников - сокрушаясь сердцем. Апостол Петр, как известно, трижды отрекся от Христа, пока не пропел петух. Не забудем все же, что Петр вместе с Иоанном, чуть поотстав, сопровождали стражу, когда другие ученики разбежались.

Не знаю, как воспринял стихотворение о Петре межировский семинар, - написанное за полгода до нашей беседы, оно было и остается для меня яркой кометой, с таким же ярким хвостом - комментарием. Слышу в нем интонации автора. Отношу к разряду исповеднических.

Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,

тамара жирмунская "спасти шмеля" (арсений тарковский)

Крикнул третий петух.
 Сел старик на кровати,
 Заскрипела кровать.
 Было так при Пилате,
 Что теперь вспоминать.
 И какая досада
 Сердце точит с утра?
 И на что это надо -
 Горевать за Петра?
 Кто всего мне дороже,
 Всех желаннее мне?
 В эту ночь от кого же
 Я отрекся во сне?
 Крик идет петушинный
 В первой утренней мгле
 Через горы-долины
 По широкой земле.

Это, конечно, сказано о себе. От кого же отрекся автор и почему это так его мучило? Можно строить любые предположения, подставлять разные имена, от Христа до тех женских и мужских, что введены в орбиту поэта, все равно занятие это праздное. И не целомудренное. Тарковский вовсе не хотел, чтобы его расшифровывали. Иначе не написал бы за десять лет до того: "Мне бы только теперь до конца не раскрыться..."

Хочется успокоить поэта: его тайна не раскрыта, хоть и выпущена им на волю, доверена всей земле, если не всей вселенной.

Мне кажется, отстранение от сугубой конкретности, желание не посягать на прикровенную тайну бытия и отдельного человеческого существования роднит творения Тарковского-отца и Тарковского-сына, в другом жанре, другими художественными средствами подтвердившего свое двойное сыновство: кровное и религиозное.

На том памятном мне семинаре Арсений Александрович не только говорил, развертывая свиток своей жизни, но и слушал. Звучали имена новых поэтов, Межиров увлеченно читал строки Юрия Кузнецова об ошибочно выбранном историческом пути, о страшной подмене, которую тогда, в конце 70-х, мог не заметить только слепой: вместо рельсов под колесами движущегося состава оказались... змеи. Стихи - "ужастики" еще только входили в моду, и на меня, например, сильное впечатление производили кузнецовские строки: "Но колеса всего эшелона / на змеиные спины сошли".

А. Т., однако, не клюнул на приманку. Признавая "физиологическую" (так и сказал) одаренность поэтов "патриотического" направления, он отвергал идею русского мессианства (как и любого другого: марксистского, немецкого, еврейского), сетовал, что прервалась связь времен, предупреждал, что экспрессионизм часто ведет к фашизму.

- Ничего более мрачного я не читал в своей жизни! - сказал он мне, возвращая книгу одного "гения" из недр народных, привезенную мной из Москвы.

эолова арфа

Он пытался спасти не только шмеля, но и культуру - в поэзии, в слове, в отношении к женщине.

- Тушить окурки о тело своей любимой... Бр-р-р, - содрогнулся он как от боли.

- Да кто так делает, Арсений Александрович?

- Я слышал, мне говорили...

О "принципиальном бескультурьи" вел речь не раз...

- Ну сел на своего конька! - отмахивалась Татьяна Алексеевна. При всех своих неувыдающих статях, она тоже служила культуре. "Почтовая лошадь просвещения" как нельзя лучше подходило супруге А. А., хотя вряд ли ей польстило бы это пушкинское определение. И днем и вечером стрекотала машинка в ее комнате. Той весной Т. А. Озерская переводила "Унесенных ветром" американки Митчел.

К 70-летию я подарила А. А. кожаную шкатулку для носовых платков со стихами, где были такие строки: "Пока жену уносит ветер, / Который Митчел подняла, / Кто, неизменно свеж и светел, / Свершает женские дела?"

Супруги благосклонно приняли мою шутку.

- А как он натирает полы! - воскликнула Т. А., милостиво присовокупляя к стирке и глажке платков-трусов и чисто мужское занятие.

Между Т. А. и мной завязалась что-то похожее на дружбу. По вечерам А. А. редко выходил на прогулку. Прохаживались по слабо освещенным дорожкам и вокруг дома мы одни. Т. А. рассказывала о себе. Из дворянского рода. Дочь офицера. Старший брат - один из первых российских пилотов, летал на самолете "Русский витязь" и погиб, - это была незаживающая рана... После революции одно время работала трамвайной стрелочницей, мерзла. Потом - машинисткой. Окончила Институт иностранных языков. Участвовала в составлении словарей. Мика Морозов дал ей перевести отрывок из "Саги о Форсайтах", и ее сразу приняли на второй курс Литературного института.

Что бы ни приписывала ей литературная молва, она была Арсению Александровичу подходящей парой. Он любил сильных женщин. Т. А. посвящены его страстные стихи:

... Мне-то ведомо, какую -
 Ночью темной, без огня,
 Мне-то ведомо, какую
 Непокойной, молодою
 Ты бываешь без меня.
 ...Был и я когда-то молод.
 Ты пришла из тех ночей.
 Был и я когда-то молод,
 Мне понятен душный холод,
 Вешний лед в крови твоей.

Как радовалась она, когда поэт Павел Хмара привез журнал "Крокодил" с "поселковой повестью" А. Т. "Чудо со щеглом!"

тамара жирмунская "спасти шмеля" (арсений тарковский)

- Вы знаете, Тамара, какой тираж у "Крокодила?"

- Милльона два?

- Арсюша, слышишь: она говорит "два миллиона". Не два, а восемь! - и сияет так, как будто муж получил госпремию. (Он и получил ее, - но посмертно.)

У них были разные кошельки, разумеется, условно, но им это нравилось, давало, к примеру, возможность делать друг другу подарки...

Прежде чем расстаться с Тарковскими, хочу привести отрывочные записи из моего дневника за апрель-май 1977 года.

... Гуляли после дождя. А. А. высматривал в траве водосбор - сильно разрезанные листики, присобранные в манжетку, на которых серебрились капли дождя. Нагибаться с палкой ему трудно. Я сорвала такое растение, поднесла к его лицу, и он блаженно втянул капельку. В благодарность наломал мне веток с пушистыми "цыплятами", вспоминал о бедствиях в Елисаветграде, когда у его семьи отняли все, - остались одни матрацы и лира из воловьих рогов. Мать послала его к приятельнице взять денег в долг - для мальчика тяжелая просьба. И вдруг он нашел портмоне, набитое деньгами! Мать заставила его написать 30 объявлений о находке и расклеить по городу. Владелец не объявился. Жили на найденные деньги.

... Ездил с Тарковскими в Одинцово покупать А. А. джинсовый костюм. Купили. Он страшно доволен.

... Первого мая старая дама с неизжитыми комсомольско-молодежными замашками ласково мурлычет в ухо А. А.:

- Почему вы не смотрите по ТВ парад?

- Знаете, я предпочитаю другие наслаждения в жизни.

...Рассказывал о встрече с поэтом Александром Жаровым, который покровительственным голосом говорил ему: "Поздравляю тебя, Арсений..." - "С чем?" - "Ну, у тебя все так успешно складывается в последнее время..."

- Фу! Мне даже нехорошо стало. Вы знаете, кто он? Консультант КГБ по поэзии. Боюсь, похвалил меня не к добру...

И тут же, посмеиваясь над самим собой, придав лицу притворно-смирненное выражение:

- Мы - зайчики...

...С большим уважением говорит о польском Доминиканском монастыре, где недавно побывал. Колоссальная библиотека. Словари, энциклопедии. Там ему рассказали, как высший католический чин принимал одно духовное лицо из-за границы. Сидели за отлично сервированным столом, ели из серебра и хрусталя какую-то хреновину. На вопрос "почему?" последовал ответ:

- Я ем то, что ест мой народ.

эолова арфа

Причину крепости католицизма в Польше А. А. видит в том, что церковь там всегда была с народом. В России, как правило, нет. Исключений немного. Таким исключением был патриарх Тихон.

... - Когда ко мне приезжает дочка, мне хочется покормить ее, уложить спать, рассказать сказку, как маленькой.

...У А. А. несколько иное чувство юмора, чем у нас. Узнав, что мой муж Павел работает в журнале "Советская женщина", он развеселился:

- Работает в "Советской женщине?" Ха-ха-ха.

Любившая молодых мужчин, Т. А. обиделась за Павла:

- Не понимаю, что тут смешного!

- Как ты не понимаешь? Павел знает, что делать с советской женщиной. В ней надо работать. Ха-ха-ха.

...Много рассказывал о Блоке.

- Я его очень любил, но теперь он мне все меньше нужен.

В числе немногих А. А. хоронил в Ленинграде Любовь Дмитриевну. Ее живую описывает с юмором: величиной со шкаф или комод, красное лицо в белых узелках... Тогда на кладбище заглянул в могилу: вода стояла в яме. Брат Л. Д. стал доказывать, что хоронят не Блок, а Менделееву ("Блокам мы ее не отдадим!"). Ее воспоминания считает ужасными. Мне - строго:

- Вам нельзя их читать!

О Марине Цветаевой.

...Как-то А. А. навестил ее дома. Жила она тогда, кажется, в Телеграфном переулке. М. Ц. сидела на полу над листом газеты и счищала грязь с дорожных, на толстой подошве, туфель. Сказала, что ходила в этих туфлях по Парижу, это парижская грязь, она ее соберет и будет носить в ладанке на шее.

...А. А. ездил с ней в Тарусу к старшей сестре Валерии (Лере). М. Ц. послала его на разведку. Лера мыла пол шваброй. Вот ее слова: "Передайте ей, что, если она сейчас же не уберется, я ее этой шваброй смажу".

...Мур допекал ее, что вернулись. Он был полный, обрюзгший, ходил в коротких штанах, то ли подросток, то ли мужчина. Она ему жарила без конца яичницу (съедал за раз по десять яиц) и стирала рубашки.

...После начала войны была настроена пессимистически. Видела, как немцы прошли по Франции и Чехии. Думала, то же будет с Россией.

...Подарила Тарковскому носовой платочек, а его жене (А. А. Бохоновой - Т. Ж.) малахитовые бусы. Та была уверена, что Марина заговорила их и поэтому они ее душат...

В Чистопольской тетради Тарковского не случайно, думаю, упоминается "платочек": "А все платочек комкаешь кровавый". Имя Марины названо только в последнем X стихотворении. Весь цикл, в особенности же VIII стихотворение, - крик души:

тамара жирмунская "спасти шмеля" (арсений тарковский)

Я не ревную к моему врагу,
Я не страшусь твоей недоброй славы,
Кляни меня, замучь, но - Боже правый! -
Любить тебя в обиде не могу.

Цветаева обиделась на Тарковского за то, что он (в стихах, конечно) "накрыл стол на шестерых", забыв ее, седьмую. В "Осколках зеркала" М. Тарковская объяснила всю неправомерность этой обиды: "Как-то в гостях, в присутствии Марины Ивановны, папа прочел свое "балладное" стихотворение "Стол накрыт на шестерых...", обращенное к дорогим теньям - к умершим отцу, брату, любимой. Папа написал его 30 июля 1940 года, за несколько дней до годовщины смерти его Дамы, женщины в "немодных синих шелках", которую он "горше всех любил" и которой посвятил около двадцати стихотворений, в том числе и "Первые свидания".

Как следует из приведенного выше четверостишия, "в обиде" любить М. Ц. он не мог...

Десять лет прошло после нашего совместного пребывания в Переделкине. История переломилась. Я написала верлибр к 80-летию Арсения Александровича.

"В день Вашего юбилея / (а Вам всегда будет тридцать) / с одной небольшой компанией / я забрела к Вам на дачу**. / Конечно, она пустовала, / ведь Вы тут почти не живете, / приезжали на съемки, как мне рассказали, / но длились они недолго. / Что сняли телевизионщики? / Общее захламление? / Ваш холодильник "Север" / в глубине застекленной террасы? / Или сад, сырой, неухоженный, / но обдающий свежестью, / как ветка жасмина, что высунулась / из пышного зеленого рукава? / Чем больше общество занято / борьбой хорошего с лучшим, / а также плохого с худшим, / экономическими проблемами, / идеологическими пробелами, / искоренением пьянства, / "Памятью" на грани беспамьятства, / диалогом двух формаций, / ремонтом подземных коммуникаций, / который никогда не кончается, / тем больше оно нуждается / в таком, как Вы, поэте. / Сложном, как сложно все сущее, / от атома до универсума, / упорно держащемся за понятия, / поставленные под сомнение: / День творенья, душа, воздаянье, Страшный суд, / красивом во все возрасты, / воистину созданном / по образу и подобию... / Будьте же благословенны и долговечны, / ибо, если мы Вам наскучим / и Вы хлопнете дверью, / обнаружится такой дефицит поэзии, / который может привести к удушью, / еще живых".

**В подмосковном Голицыне.

Летом 87-го вместе с дочерью мы поехали в Матвеевское к Тарковским, повезли не столько мои стихи, сколько лекарство для А. А. Достал его (тогда это было не просто) детский врач Дмитрий Дегтярев.

Арсений Александрович был какой-то странный, нас или не узнал, или не захотел общаться. Зато Т.А. была сама предупредительность. Уса-

эолова арфа

дила его за стол, дала две книги стихов, ручку: "Подпиши!" Он подписал, очень аккуратно, - одну книгу нам, другую Диме.

Т. А. была уверена, что его подкосила смерть Андрея. У нее тоже умер сын. Единственный. Но она держалась. По ее совету, мы с Сашей решили посмотреть фильм "Дама с камелиями", который демонстрировался в доме ветеранов кино.

Услышав название, А. А. усмехнулся:

- Дама с камнями? - и больше ни звука...

Отпевали Тарковского в Переделкинской церкви. На Переделкинском кладбище рядом с могилой поэта было оставлено равновеликое место для... мы думали, жены, его неразлучной в течение 40 лет подруги, но в воздухе витало: Андрея... После похорон Т. А. устроила пышные поминки в Дубовом зале ЦДЛ. Пригласила тех, кто, действительно, был связан с покойным, за начальством не гналась. Была она в торжественном трауре, волосы высоко подняты и гладко причесаны, на лице - строгий макияж. Но моя Саша, которую не забыла позвать внимательная вдова, шепнула мне:

- Она красивая, как Смерть...

Еще раз собрав нас в Георгиевском зале Кремля по случаю получения Тарковским Государственной премии за книгу стихотворений "От юности до старости", Татьяна Алексеевна последовала за Флегетон - реку, опоясывающую Царство мертвых, по зову своего мужа.

Татьяна Кузовлева

Татьяна Кузовлева - известная поэтесса, родилась 11 ноября 1939 года в Москве. Окончила Высшие литературные курсы в 1971 году. Автор около двадцати книг стихов - "Волга" (1964), "Степная птица" (1977), "Тень яблони" (1979), "Избранное" (1985), "Дальний перелёт" (2005), "Между небом и небом" (2008), "Одна любовь" (2012) и т. д. Член СП СССР с 1966 года. Член СП Москвы. Лауреат премии "Венец" Союза писателей Москвы. Лауреат премии им. А. Ахматовой (от журнала "Юность" 2008 года).

Одной тревогой с каждым сведена,
Одной любовью связанная туго,
Я говорю: - Очнись, моя страна,
И встрепенись от севера до юга.

По-царски ты возносишь судьбы ввысь.
По-царски ты швыряешь оземь души.
Очнись, страна, в любом из нас очнись
И откровенья каждого послушай.

И разбуди всех, кто живёт во сне,
Всех, кому совесть небеса даруют,
Чтоб на вопрос: - А что в родной стране?
Не донеслось: - По-прежнему воруют...

И между нами связь не оборви,
Когда несёшь тебе по гребням буден
Я горькое признание в любви
Одной судьбы среди миллионов судеб.

Меж каньонов, карьеров, откосов сыпучих,
Где царапая дно, ветер гонит песок,
Где нависли жилища, как гнёзда, на кручах,
Где таинственной птицы звенит голосок;

Где нанизано небо на шпиль кипариса,
Где берёза роняет листву к декабрю,
Где листается книга цветочных капризов,
С лепестковым лепечущим лёгким "люблю" -

Там моя, не привыкшая к вечному лету,
Оживёт, отогреется, дрогнет душа,
Этот путь, это время и эту планету
В триединстве вобрать безоглядно спеша.

элова арфа

Я как будто забуду студёные ночи,
Нежность снега и вьюги настой колдовской,
Но окажется слишком короток и прочен
Поводок. Он всегда у меня за спиной.

Потому и мечусь между тех, кто любимы,
Где две суши одним океаном светло...
В нашей жизни, наверное, всё совместимо.
Но у каждого - время и место своё.

НЕ НАДО ЗАЖИГАТЬ ОГНЯ...

Тамаре Жирмунской

I.
...В пальто распахнутом по улице
Идёшь, подхваченная маем,
И лишь у горловины пуговица
Раскрылья лёгкие сжимает.

Короткой оттепели крестники,
Мы жили строчками крылатыми,
Влюблённые, почти ровесники,
Сплочённые шестидесятьюми.

Там вновь - весенняя распутица,
Вокруг то солнечно, то сумрачно,
Там ты опять идёшь по улице,
Слегка помахивая сумочкой, -

Несёшь среди говора московского
Лица рисунок романтический,
Как с полотна Боровиковского
Сошедшая в наш век космический.

II.

Скупей улыбки, встречи реже,
Но всё же в сокровенный час
В кругу ровесников мы те же,
И те же голоса у нас.

Мы пьём неспешными глотками
За то, что снова мы не врозь,

татьяна кузовлева стихи

За лучшее, что было с нами,
За тайное, что не сбылось.

И блещут тосты, строки, взгляды,
И смех взрывается, звеня...
Лишь зажигать огня не надо.
Не надо зажигать огня.

Памяти Беллы Ахмадулиной

Иным елей на сердце - гром оваций.
Другим - в тиши плетение словес...
Но как стихам без голоса остаться,
Серебряного голоса небес?

Без - льдинкою царапавшего горло...
Без - тело распрямлявшего в струну...
Как он звучал торжественно и горько -
Я ни один с ним голос не сравню.

В нем были беззащитность и отвага,
И плачу я, наверно, оттого,
Что - вот стихи. Их стережёт бумага.
Но голос, голос! - не вернуть его.

НОЛЬ

Он лишь образ... Пустое место...
М. Письменный. Маракис

Когда на сцену вызван Ноль,
Сперва как плод воображенья,
Он так искусно входит в роль,
Что обнуляется мышление.

И вот уже он не фантом -
Он ладно сбит и ладно скроен.
Он входит без стеснения в дом, -
А вслед за ним жильцов хоронят.

Его не распознать в лицо.
Изменчива его орбита.

эолова арфа

Ноль - ёрник, и его лассо
Вкруг шеи вкрадчиво обвито.

И с ним вращение Земли
И звёзд небесное вращенье -
Всё чертит в воздухе ноли:
Ноль - Смерть. И тот же ноль - Движенье.

Живую душу взять - изволь!
(За мёртвых душ в ответе Гоголь.)
Пока летит в пролётке Ноль,
Дай мимо пролететь. Не трогай -

Сшибёт. Погибнешь ни за грош.
А если и рванёшься следом,
Наткнёшься за углом на нож,
Застрав меж тем и этим светом.

Ни вера не спасёт, ни боль
За тех, кто жмётся у обочин,
И глянешь в зеркало - там Ноль
Подмигивает и хохочет.

В преддверье лета, в предвкушении сирени,
В высоких сумерках, где молча гибнут тени,
Где зверь готов смахнуть остатки лени
Ритмичными ударами хвоста;

Где в чашах спит голодный дух охоты,
Где так опасны рек водовороты
И дробная кукушкина икота
Отсчитывает годы неспроста, -

Там воздух над деревьями слоится,
Там всё острее проступают лица
Всех тех, кто так мучительно любим.
От нас совсем немного надо им:

Упомянуть имени, когда
На небе всходит первая звезда.
И, трогая свечи живое пламя,
Почувствовать, что нет границ меж нами.

татьяна кузовлева стихи

А в парке ночном, когда запахи листьев остры,
Меня окружают в молчании справа и слева
Сатир, проступивший в проломе дубовой коры,
И вросшая в ивовый ствол непорочная Дева.

Он рвётся к ней с дуба, спеленат, распят, одинок,
Запутавшись в космах, пробив древесину бесстыдством,
Весёлый Сатир, воплощенный соблазн и порок,
Пугающий Деву своим озорным первобытством.

Таинственно всё, что почти не реально на вид.
И жизнь многомерна, нам тьму превращений пророка.
Недаром под утро, потупившись, Дева молчит,
И тёмный Сатир замирает лукаво до ночи.

Недаром так непредсказуемо сходятся в нас
И стыд, и порок, и гульба, и приверженность долгу.
Иначе зачем бы, зажёгшись в душе, не погас -
Огонь, без которого жить и темно, и без толку.

Иначе зачем бы жила в моём сердце вина
За всё, что случайно, к чему не подобрано слова,
За то, что до вдоха последнего обречена
Душа отзываться ночному запретному зову.

Над навсегда и никогда
Горит обманная звезда -
Насмешливая и пустая.
Шаг в сторону - не есть расстрел.
Оставь в своей судьбе пробел,
Цепь до конца не замыкая.

И, странствуя между людьми,
Оставь пространство для любви
И для души оставь немного,
Пока не явлено тебе
Последнее звено в судьбе -
Знак, что окончена дорога.

Зачем считать свои года?
Они особой жизнью живы,

эолова арфа

Напоминая иногда
О том, как мы нетерпеливы,

Как мы сперва торопим их,
Потом спешим от них отречься,
И цифр пугаемся больших,
Чтоб ненароком не обжечься.

Но есть один простой закон,
Он отвергает зимний холод:
Тот, кто любим, - тот защищён,
И кто необходим, - тот молод.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Даниэлле

О это превращенье вечное:
Ещё не сброшен детства кокон,
Но бабочкой трепещет женщина
Во взгляде, в том, как вьётся локон.

Ещё и замкнутость и скованность,
И грусть, порой неодолимая,
Но видится сквозь замураванность
Та грация неповторимая,

Перед которой снег молитвенно
На землю падает усталую
И прикрывает нежно рытвины
Там, где её стопа ступала бы.

И я стою смущённо около,
И я смотрю, заморожённая,
Как крылья, влажные от кокона,
Расправленные, напряжённые,

Вот-вот свободой наполнятся,
Подхватятся её потоками,
И небом трепет их запомнится
И звездами, от нас далёкими.

И долго - в голосе ли, в жестах ли -
Пускай пребудет сокровенное:

татьяна кузовлева стихи

То - изнутри - свечение женское,
Во все столетия бесценное.

СТАРЫЙ ЗАМОК

Постой! Зачем входить туда, где, множа страх,
Летучей мыши писк пронзительно-печален.
Ведь прошлое давно здесь превратилось в прах,
Лишь силуэт любви впечатан вглубь развалин.

Вглядись, здесь призрак жив того, кто был влеком
Сто лет назад сюда неутолимой страстью,
Полураскрытых губ кто целовал излом
И кто на стол швырял тузы в четыре масти.

Ты видишь, он пришел. Гляди, его рука
Зелёного сукна касается любовно.
И он спешит туда, где шелестят шелка,
Где тесно для двоих и дышится неровно.

И, освещая свод, Луны сияет диск.
И призрак меж руин, как будто на арене.
Остановись! Оставь ему его каприз.
И пошади его - не тронь чужое Время!

ПОЛНОЛУНИЕ

Раз в месяц за окнами круглая встанет луна.
И сон отойдёт, а захочешь уснуть - не уснёшь.
Из многих причин непременно найдётся одна -
Такая, что душу безжалостно втянет под нож.

И вытянет узел ошибок, обид и потерь,
О чём про себя и на людях - уж лучше молчок.
Чему только щель приоткрой - и тогда твою дверь
Навряд ли спасут и щеколда, и ключ, и крючок.

Но всё же, но всё же с другой посмотри стороны:
Бессонницы, как и вампиры, боятся утра.
И звёздочка медленно гаснет близ полной луны.
И скоро рассвет - петушиного крика пора.

Он трижды взовьётся и трижды зарю возвестит.
И сон возвратится. Но всё же не ведомо мне:

элова арфа

Зачем в полнолуние так сердце тоскливо шемит
И что его тянет так неодолимо к Луне?

О лете жестоком, о зное, о дыме и гари;
Об окнах московских, слепых от удушливой хмари,
Об этих восьми бесконечных неделях, о многом:
О солнце, белевшем на небе зловещим ожогом;

О том, как за всполохом шёл огнедышащий всполох;
О выжженных напрочь лесах и обугленных сёлах;

О сгинувших в пламени людях, о рухнувших птицах...
Всё минет, но как мне от памяти освободиться:

Ведь там, где поднимутся снова леса и жилища, -
Под каждой травинкой там тлеет своё пепелище.

2010

Давать советы - бесполезный труд.
Чужих ошибок горестная повесть.
Но тайно ото всех в душе живут
Советчик - сердце и советчик - совесть.

И я их голоса в своей крови
Несу, храню и заглушить не смею.
И знаю: лишь перед лицом любви
Становимся мы чище и щедрее.

И понимаю: в будущем и днесь -
Вот человек, в нём всё смешалось чудно.
Люблю его таким, каков он есть,
Не жалуясь, что это слишком трудно.

Отмерена любовь на небесах.
Но даже здесь, где надо жить отважно
И где гуляют гирьки на весах,
Нам воздаётся за любовь однажды.

татьяна кузовлева стихи

Здесь Слово толкуется разное
И спутан порядок вещей.
Здесь преодоление соблазна
Бывает соблазна сильней.

Здесь гнева не меньше, чем боли,
И скользко так - только держись!
А в общем, обычное поле,
И в общем, обычная жизнь.

Не каждый здесь мечен любовью,
Как детскою оспой щека,
Как метит со страстью слепую
Пчела сердцевину цветка.

Но тот, кто и в пору шальную
Несёт, не боясь ничего,
Божественный след поцелуя, -
Тот вечен. Я верю в него.

Александр Тимофеевский

Александр Тимофеевский - известный поэт, родился в Москве 13 ноября 1933 года. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Печатался в журналах "Юность", "Новый мир", "Стрелы", "Континент", "Кольцо А", "Наша улица", в альманахе "Эолова арфа" и т. д. Автор многих песен, в т. ч. популярной песенки Крокодила Гены. Член Союза писателей Москвы. Автор книг "Песня скорбных душ" (М., "Книжный сад", 1998), "Опоздавший стрелок" (М., "Новое книжное обозрение", 2003), "Сто восьмистиший и наивный Гамлет" (М., "Самокат", 2008), "Размышления на берегу моря" (М., "Воймега", 2008), "Краш-тест", (М., "Время", 2009) и др. Лауреат премии СП Москвы "Венец".

Из последних стихов

НЕПРОЧИТАННЫЕ ПОЭТЫ

Вариации

"...Зверинец расположен в парке..."
 "...О, знал бы я, что так бывает..."
 Б.Пастернак

Л. Костюкову

1.
 Зверинец расположен в парке
 Вокруг со всех сторон овчарки,
 А мы находимся внутри,
 Захочешь - в дырочку смотри.

2.
 О, я не знал, что так бывает,
 Об этом вдруг не узнают,
 Об этом просто знать не знают,
 Пока щебечут и поют.
 Но, уподобившись дитяти,
 Природа ловит нас в сачок,
 Когда пространство еле тянет
 И время делает скачок.
 А старость - что такое старость,
 Во всяком случае, не Рим,
 А то, что от тебя осталось,
 Причем остаток этот мним.

Непрочитанные поэты -
 Все мы пасынки злой судьбы.
 Перед нами склеп интернета,
 Блогов сумрачные гробы.

александр тимофеевский стихи

Здесь лежат стихов наши тени,
Отшумевших страстей итог,
Все-то ждут, когда их заденет
Мышки остренький коготок.

ДАСИ

Ищу, не нахожу и снова
Ищу на полках словарей:
Даси - утраченное слово -
Мне утраченных милей.
И в страсти той неутолимой,
Как встарь велось на Руси, -
Даси, - я говорю любимой, -
Любимая, ты мне даси?

АНГЕЛ

Я в красных трусиках, важный,
Леплю кулички из песка.
Песок прохладный и влажный
И пахнет, как пахнет река.
А на краю песочницы
Огромная стрекоза,
Это мой ангел-хранитель,
Из кусочков неба глаза.
Глядит на меня и плачет.
И ни слова не говорит.
Я догадался сразу:
У ангела что-то болит.
Обнял его за колени,
Головой уткнулся в живот.
- Не плачь, - говорю я ангелу, -
До свадьбы все заживет!

Г. Нерпиной

Баба Юля, баба Люля, баба Юль...
Луг. Покосы. Абрикосы. Сад. Июль.
Абрикосы в медной мисочке делю -
Бабе Юле, бабе Люле, бабе Лю.
Вот проходит за забором почтальон,
Что-то страшное в конверте прячет он.
Папа с мамой - у них большая власть -

элова арфа

Все хотят меня у бабушки украсть.
Как бессовестная рыжая лиса,
Унесут меня за темные леса -
Папа с мамою сегодня мне враги,
Котик-братик, если слышишь, помоги.

ТАРУСА

Здесь пролетела птица Рух,
И потому везде разруха.
Шла, шла себе и в воду бух,
Таруса, милая старуха.
И по Оке круги и грусть,
И ни ответа, ни привета,
Я сказать вам не берусь,
Где Русь, та Русь -
Руси той нету.

Я последний в отделенье
Из оставшихся в живых.
Шесть умерших, в отдаленье
Еле-еле вижу их.
Как ведется, на рассвете,
Отступая в далеко...
Плачут жены, плачут дети
Оттого, что нелегко.
Отступая в край нездешний,
Где ни тропок, ни дорог.
Боже, я великий грешник,
Объясни, в чем твой урок.

В ОБРАТНОМ ПЕРЕВОДЕ

Я живу как раб галерный,
Я живу как негр кандалный,
Как в бараке в год холерный
Несменяемый дневальный.

Не вижу смысла в фарте я,
В удаче много ль проку?
Я партию за партией
Проигрываю року.

александр тимофеевский стихи

Рок смотрит на меня, форся,
С победною усмешкой,
А я дарю ему ферзя
И проходную пешку.
И рок победно шерит рот -
О, как же он наивен -
Не понимает, что живет
Подачками моими.

Я думал, все у Господа по смете,
По разрядке, как гласит указ.
Я думал, ад начнется после смерти,
А он внезапно начался сейчас.
Горят котлы, от вони сводит скулы,
Грызут нам души дети сатаны.
Мой личный черт - страшней, чем черт Вакулы.
Но, главное, не стало тишины.

ИУДА

Иуда был весьма интеллигентен,
Из вундеркиндов первый вундеркинд,
Подслеповат, носил очки на ленте,
Всегда висел на нем его прикид.
Был добр. Не мог принять решение сразу.
И горький стыд его терзал и жег.
Он на Христа смотрел молочным глазом
И, всхлипнув, говорил - прости, дружок.

МОЛЬБА

И черное, черное, ночи черней,
Что видеть нельзя, и нет силы,
Что телу страшнее могильных червей,
Что душу сожгло и убило.
Зажмурюсь, рукой закрываю глаза -
Бессмысленно, вижу все то же,
Что видеть нельзя и не видеть нельзя,
Прости меня, Господи Боже.
Прости меня, Боже, и душу верни,
Прости мне мои прегрешенья.
И Всеблагому целую ступни,
В слезах ожидая решенья.

эолова арфа

Я исчерпал свой срок,
Иссяк, и стоп-машина:
Моих земных дорог
Осталось три аршина.
В Астапово. Тайком.
Все бросив. Третьим классом.
Простыть под сквозняком,
Отведав хлебца с квасом,
И уходя во тьму,
И смертную истому,
Чтобы сказать Ему:
Ну, вот... теперь я дома.

Весь день гляжу уныло
На жухлую траву -
Вчера лишь лето было,
И где оно - ау?!
Упрятано в пакете,
Конец ему, привет,
И, как печать на лете,
В окошке бересклет.
Ждать осени недолго,
Все в тучах - посмотри,
Лишь бересклет в осколках
И капельках зари.

Как сохранить нам этот свет
Еще на час, еще на день,
Еще на много лет,
Тот свет, который жизнь родит,
Тот свет, который всех дарит,
А не рождает тень.

3. Миркиной

Я лесом шел вдоль колеи
И вдруг застыл на повороте -
Я услышал, стихи твои
Звучат в обратном переводе.
Там были капельки росы
Во мху, и папоротник пышный,

александр тимофеевский стихи

И яростный полёт осы,
И бабочки полёт неслышный,
И шум берёз, и птичий гам,
Осины робкой колыханье,
И солнце сквозь ветвей прогал,
И Бога ровное дыханье.

Стать одиноким,
Как цветок,
Или звезда,
Или, как ток
Случайно,
Забывавши в провода,
Как переходные калики,
Как кот Баюн
На острове Буян.
Стать одиноким,
Как Великий,
Или Тихий океан.

ГОРЫ И ЛЕС

Такая случается штука -
Вдруг мокро щеке и тепло...
Не надо ни слова, ни звука,
Чтоб сердце в любви истекло.
Молитва должна быть безмолвной,
Безмолвно молитесь в тиши.
Иначе он будет неполным -
Момент возвышенья души.

В окне лбы гор, а может, горы лбов,
Меж ними небо втиснулось, как блюдо,
Или как белый тук между горбов
Лохматого трехгорбого верблюда.
На ближней горке буйная листва,
Вторая - как застывшая цунами,
А третья нам видна едва-едва,
Чуть различимый силуэт в тумане.

Гор трехступенчатая линия -
Природы альфа и омега -
Сперва зеленые и синие,
А дальше - серые до неба.
Не знаю места их у Бога.

эолова арфа

Не в том загадка: выше, ниже ли,
Но суетится мысль убогая -
Потом, когда умру, увижу ли?

Ложатся горы в стих
Размерными рядами,
А облака на них
Ложатся бородами.
А сердце: ах, да ах -
От счастья замирая -
Ведь горы в облаках
Почти преддверье рая.

Вглядись, вкруг поля лес, как нимб,
И небо сочetalось с ним
Без швов, в одно сплошное целое,
А посередке - лошадь белая.
Лес, что ты вынешь нам из-под полы,
Какой сюрприз внезапно приготовишь:
Двух сосен обнаженные стволы
Напоминают ноги двух чудовищ.

Деревьев ценные стволы
И хвои пенные валы,
Весьма обыденные с виду,
Стремятся ввысь, где синь и свет.
А там сойдутся, или нет,
Как параллельные Эвклида.

Мы городские все чумные,
Для нас леса - миры иные,
Нам не ясна деревьев статья:
Что нам они напоминают,
Куда вершины устремляют
И что пытаются сказать.

В березняке нам птицы пели,
Дубы венками нас венчали
И тишиной встречали ели,
Снимая грусти и печали.
Обиды, сердца утишая,
От злобных мыслей стерегли,
Оберегали, утешали,
Никак утешить не могли.

Ты все твердишь мне "ненавижу",
Заместо прежнего "люблю".
А я ленив и неподвижен,

александр тимофеевский стихи

Не возражаю и терплю.
А я, тебе не прекословя
И не входя в докучный спор,
Смотрю без мысли на шиповник,
Как дети смотрят на костер.
Мне не понятно, кто я, где я,
В каких веках, в каком краю,
В чем суть, в чем смысл и в чем идея:
Я сам себя не узнаю.
Я между лесом и горами,
Статист в чужой какой-то драме,
А может быть, забыл слова.
Забывать легко. Меня же нету.
Ведь я не то, и я не это -
Не горы, и не лес - трава.

Николай Новиков (1930 - 2004)

Николай Георгиевич Новиков родился в Москве 16 декабря 1930 года. После окончания двух военно-морских училищ (подготовительного и высшего) служил офицером на Черноморском флоте, командиром торпедного катера. Сокращение малого флота Вооружённых сил, произведённое Хрущёвым, вынудило его, как и многих других офицеров с высшим образованием, уйти в запас. Плавал на океаноисследовательских судах капитаном. Работал в газетах Крыма и Москвы. Более четверти века отдал журналу "Юность" в отделе поэзии. Много лет и сил посвятил поэтической студии "Ключ", возрастив более 20 членов Союза писателей. Автор 21 книги стихов. Член Союза писателей Москвы. Умер 4 февраля 2004 года.

В 3-м выпуске альманаха "Элова арфа" за 2011 год напечатано более 40 стихотворений из творческого наследия Николая Новикова, триптих "Рай в аду", диптих "Без Бога", цикл "Веселие Руси", мини-поэма "Кому на Руси пить хорошо?"

КОНЕЦ ДВУХ ДИНАСТИЙ

Давно занимает меня это сходство
Конца двух династий, двух разных веков:
Сплетенье отчаянья и благородства,
Глумление циников, гнев простаков.

Кругом ликованье: разбиты оковы!
Печаль ясновидцев. Бурление идей.
Безумье, что броситься в пропасть готово.
Безжалостность масс. Фарисейство вождей,

Которые власть обретают в разладе,
Свивая интриги опасную нить:
Нет хлеба в Париже, и нет в Петрограде,
И женщинам нечем детей накормить.

И женская ненависть: "Фуй, австриячка!"
"У, немка-шпионка!" - вздымает толпу.
Поход возглавляет швея или прачка,
Оборвыши лозунги лепят к столбу,

По окнам бульжники метко бросают -
Кто в гневе, кто в злобе, кто навеселе,
И тот же испуг воцарился в Версале,
И та же растерянность - в Царском селе.

Похожи и ярость, и слухи, и страхи,
Похожи болтун, негодяй и герой,
И древа двух тысячелетних монархий,
Подпилены оба одною пилой.

николай новиков стихи

Все страсти похожи, но главное сходство
 Трагедий таких непохожих эпох -
 В достоинстве. Им отвечают на скотство,
 И с ним испускают последний свой вздох.

В нем юмор французский, с которым Людовик,
 Король, обращался к своим палачам,
 Смирение русское - с ним свою долю,
 С ним царь Николай свою гибель встречал.

Как родственно этих величеств величие,
 Которое тронуло даже лжецов,
 На них клеветавших... Но есть и различье
 Двух близких трагедий, двух дальних веков.

Народы, как люди, расходятся в этом,
 По-разному к ним подступает беда.
 Король осужден был взбешенным Конвентом,
 А царь был бандитски убит без суда.

Невинная кровь запеклась на одежде,
 Такой непохожей, и видишь скорбя,
 Что век восемнадцатый кончился прежде.
 А век девятнадцатый - позже себя.

ПРАЩУРЫ

Что знаем мы о пращурах своих?
 По правде говоря, совсем немного:
 Что крепостной крестьянский жребий лих,
 Гнет непосилен, а жилье убого,
 Да, было, было... И ярмо, и гнет,
 И роковая вечная отсталость...
 Но кто же наших предков упрекнет
 За те границы, что от них остались?!
 Просторы, на которых мы живем,
 Которые нас, нынешних, взрастили,
 Которые и знаем и зовем
 Мы Родиной своею и Россией.
 Да, темнота господствовала встарь,
 Но пращурь ли наши в том повинны,
 Что дедовский, что далевский словарь
 Уже мы растрясли наполовину?
 Неужто только горбились они,
 А счастья свет их лицам был неведом?
 Покрепче помнить: сами наши дни
 Обязаны трудам их и победам!

элова арфа

Обмолвилось бы прошлое о том,
Кто трезвенник, кто напивался в стельку,

Кого как звали, кто служил стрельцом,
А кто по Волге хаживал со Стенькой,
Но некуда ходить их помянуть:
Над прахом их грохочут эшелоны,
Речных морей отсвечивает гладь
И раздаются вширь микрорайоны.
Как бы корчуга корни нищеты,
Стальным ковшом эпоха грунт долбаёт...
Но предков неуклюжие черты
Потомкам презирать не подобает!

II.

Прапрадед мой в тамбовском жил селе,
Кропил землянку потом и слезою,
И сколько обитал он на земле -
Ладонь его была сплошной мозолью.
А внук его, мой незабвенный дед -
Три шпалы командирские в петлице, -
Проездив по земле немало лет,
Решил на ней под старость поселиться.
С лопатой мне запомнился, с косой,
Сверкающей, как сабля, в махе резком...
Я, человек сугубо городской,
Был в самой сердцевине - деревенским.
Меня, мальчишку, поднимал он в рань
Зарею любоваться, как царевной.
Не в каждом ли из нас проходит грань -
Та общая у города с деревней?!
Она проходит, сердце разделя,
Привязанности - надвое, пристрастья...
И пахарево пахарю - земля,
Тяжелое суглинистое счастье.
Но с гордостью я думаю о том,
Что мне досталось в доброе наследство
Способность упоения трудом -
От всех невзгод спасительное средство,
И тяготенья к средней полосе,
К ее метелям, грозам и пространству,
К восходам, к обжигающей росе...
И уваженье к русскому крестьянству.

Стихи предоставила для публикации вдова поэта Нелли Новикова.

Нелли Новикова

сказки

Новикова Нелли Ивановна - член Союза писателей Москвы. Печатается в журналах, выпустила 11 книг рассказов и литературных сказок.

ВОЛШЕБНАЯ РАКОВИНА

Каждый знает, что если большую морскую, а лучше океанскую раковину приложить широким отверстием к уху, то услышишь шум прибоя далекого моря.

И уж конечно, это знает каждый моряк - даже сомневаться нечего.

Так вот, жил да был в одном приморском городе беззаботный и расеянный человек. Звали его Виктор - победитель.

Ни с кем он особенно не воевал, но вот силу моря ему не раз пришлось отведывать. А получалось это потому, что он очень любил море. Даже профессию себе выбрал такую, чтобы не расставаться с морскими просторами - это была работа моряка.

Плавал он по морям и даже океанам на небольшом судне с таинственным названием "Моревед". Что он ведал, а чего не ведал, - это никому не было известно. Только мотала это судно морская стихия. Попадало оно в штормы до шести баллов, но всегда благополучно возвращалось в порт.

Так что просоленный морскими ветрами Виктор с годами всё больше привязывался к морю и кораблю. Даже в свободные от вахты дни он наслаждался прогулками по побережью.

Однажды он гулял по песку вдоль моря и вдруг, споткнувшись, увидел под ногами чудные раковины: небольшие, миндалевидные по форме, светлые, блестящие, как фарфоровые, как будто полированные, они лежали на песке небольшой кучкой.

Виктор подумал, что, видно, кто-то добывал из них мясо моллюсков или же искал жемчужины. Ведь в каждой раковине есть жемчужина, только величина неодинаковая: в некоторых - как горошина, а в некоторых - меньше просяного зерна. Он был знаком с такими раковинами, когда-то в Японии, Китае, Индии они даже заменяли деньги. Но это было раньше.

Стал он прикладывать раковины к уху, выясняя их ценность - в каждой шумел морской прибой.

Виктор подумал, что хорошо бы взять эти раковины, сделать из них ожерелье и продать в одном из ближайших портов. Можно ожерелье отнести даже в морской музей, чтобы все увидели, какие чудесные драгоценности рождает море. Его поместят в витрине и обязательно напишут - дар Виктора. Очень приятно.

эолова арфа

Виктор вспомнил, как когда-то значительно раньше, ещё мальчиком, вот так на берегу выбивающегося из-под холма ручейка он нашёл большую, очень древнюю раковину, которая зародилась более 400 миллионов лет и ко времени находки уже давным-давно окаменела. Она не была блестящей, но весила около двух килограммов и по-своему привлекала взор завитками. На боку у древней раковины Донакса до самого верху по спирали шли точечные дырочки. Виктор вначале думал, что раковину кто-то повредил, но музейный работник объяснил, что эти дырочки служили для усиления дыхания жившего в раковине моллюска.

Прослушал Виктор все раковины и дошел до несколько отличной от остальных:

- Ба, да это "морское ухо" - Галиотис! - воскликнул он. Серебристо-голубая, блестящая, с переливами, она прежде была носителем жемчуга.

"Да, в ней точно была мерцающая сине-зеленая жемчужина", - огорченно подумал он.

Повертел, повертел раковину в руках. Куда бы её приспособить? Подарить кому-нибудь, мелькнула у него мысль. Но раковина довольно маленькая. Кому подарить - может и обидеться. Мало уважения помещается в маленькую ракушку. Если бы в ней была жемчужина... А так и брошь не сделаешь, и в ожерелье не годится.

Ничего не придумав, Виктор размахнулся, пытаясь так бросить в море ракушку, чтобы она, как лягушка, проскакала по воде. Он в таких бросках камушков был большой специалист.

Отвел Виктор руку для броска, присел, но что-то заломило пальцы. Поднес он пальцы к лицу, а это створки сжали кожу одного пальца.

Только он хотел выругаться: "Ах ты злока!", - как вдруг раздалось какое-то шуршание или бормотание. Прислушался:

- Не бросай меня, моряк, а отвези на остров Крит, в Кносс, к моей родне... Я тебе за это добром отплачу.

Виктор растерялся. Никогда с ним такого не было, никакая ракушка с ним не говорила. Даже рапаны, сколько он их ни подносил к уху, передавали только шум океана. Небось показалось. Но услышал вновь:

- Отвези меня, моряк, на остров Крит. Добром отплачу!

Настроения думать, отчего, да почему и что потом, у него не было, и он как бы сам себе сказал:

- Хорошо, ладно.

И положил Галиотис отдельно от остальных в нагрудный карман. От растерянности даже в бумажку не завернул.

На следующее утро, собираясь в плавание, Виктор оделся во всё новое. Уж так получилось. Надел новый коверкотовый плащ, новые, только что купленные ботинки, даже рубашку надел новую. Взял с собой пакет с ракушками Каури, чтобы чем-то заниматься на досуге, и поспешил на свой "Моревед".

А костюм с "морским ухом" так и остался висеть в шкафу. О Галиотис он и не вспомнил.

нелли новикова сказки

Спешит он по улице, и что-то ему беспокожно и неловко. Даже стало казаться, что плащ жаркий, хотя утренний ветерок наверняка был прохладен; ботинки жмут, хотя он точно помнил, что покупал специально свободные, чтобы можно было одевать и в жаркую погоду, и в холодную на теплый носок. Хоть возвращайся домой и переодевайся в старое.

И тут он впервые вспомнил про обещание, данное ракушке. Виктор даже рассмеялся. - Ну как можно дать раковине обещание?! Такого не бывает! - шутил он сам с собой. Но слово вылетело уже - назад не вернешь, не поймашь. - Ах я сеянный, рассеянный! Как это я забыл вынуть ракушку из кармана...

Так он раздосадовал на себя, что готов был вернуться, но возвращаться домой было поздно. Времени до отплытия оставалось в обрез. Не опоздать бы к подъему трапа!

Когда он дошёл до "Мореведа", судно было готово к отплытию. Шло их судно в один из приморских портов, в воды которого какие-то океанские корабли на своём днище завезли зародышей рапанов, может, из Японского, а может, Желтого морей. Легко туристами раскупались большие раковины с оранжевой глянцевой каймой у выхода. Но красавицы оказались жесто-кими эгоистками. Злодейки стали так воинственно себя вести, что местные ракушки завопили о помощи. Вот и собрались на "Мореведе" учёные, чтобы придумать, как чужестранку удалить из страдающего порта. А Виктор учёным не был и решил отправиться прогуляться по городу, познакомиться с музеями, парками, кафе.

Надел он плащ, новые ботинки, посмотрел на себя в зеркало - неплохо! И сошел на берег.

Но уже после первого же музея Южно-Африканских бабочек он почувствовал, что ноги в ботинках почти немеют. Не может он в ботинках дальше идти. Хоть срочно новые покупай.

Просмотрел он свой кошелёк, а там достаток только на музей да минеральную воду, да ещё булочку. Ну разве что на шнурки от ботинок хватит...

Вспомнил, как собирался в плаванье, вспомнил про раковину "морское ухо" и ещё раз посетовал: "Сеянный я рассеянный. Что мне теперь делать?" К счастью, перед ним оказался комиссионный магазин, где можно было продать плащ, чтобы купить новые ботинки. Так он и сделал. Продал плащ не торгуясь.

Идёт Виктор довольный в магазин обуви, уже ощущает, как скинет жмушие ботинки и наденет другие. Но не тут-то было. Ботинки в магазине оказались такими дорожными, что он ничего выбрать не смог. Но в конце ему всё же повезло. Нашел он одни летние, парусиновые. Купил он их, переоделся и радостный заспешил на корабль.

Неожиданно полил дождь, да такой сильный, что промочил Виктора до ниточки. И его ботинки насквозь промокли. Так что, когда он дошел до судна, на ногах его была не обувь, а жалкие остатки её.

Хорошо, что он свои новые ботинки в магазине не оставил и уже на корабле смог обменять их на тапочки у своего товарища-матроса Вивош-

элова арфа

ки, как все его прозывали на судне. Почему его так прозвали и почему Виктор считал его почти другом, - тайна, покрытая пусть не мраком, но характером Виктора. Как удивился Виктор, когда на следующий день Вивошка подошел к нему с такими словами:

- Что ты раковину в ботинок засунул? Это для чего?

И протянул Виктору его Галиотис. Рассмеялся Виктор, взяв раковину. Так вот почему ботинки жали! Ну, хитрюга, куда забралась. А я-то думал... Постой, постой - остановил он себя. Ведь раковина лежала в одном ботинке, а жали оба...

А Вивошка после обмена стал частенько появляться около Виктора с предложениями:

- Я же тебе сделал одолжение, - говорил он, - поменял свои совсем не старые тапочки на твои новые ботинки, пойди и ты мне навстречу: подежурь на кухне за меня.

Хорошо, что это плавание было недолгим, а то неизвестно, в какие ещё переделки попал бы Виктор. Теперь он точно знал, что это происходило из-за того, что не сдержал обещания перед раковиной, "морским ухом".

Не прошло и недели по возвращению судна домой, как учёным понадобилась поездка на остров Крит, для уточнения условий жизни планктона и раковин в тех краях.

Обрадовался Виктор, узнав об этом. Решил, что обязательно отвезет Галиотис на остров. А то она ещё невесть что придумает.

Погода стояла на море приличная, и плавание было более-менее благополучным.

По дороге "Морское ухо" рассказывало ему о том, как жилось на острове, в Критском дворце. Как ею любовались на царском бокале. Через годы её закрепили на стене вместе со многими другими ракушками из их семейства...

Они так привыкли беседовать, что Виктор всё время носил "Морское ушко" в нагрудном кармане. Однажды ему досталось дежурство у руля в шторм.

Волны перехлестывали палубу, и видимость была плоховатая. Мимо скользили скалы. Он только хотел по команде капитана повернуть руль направо, как "Морское ушко" зашептало:

- Нельзя, нельзя там рифы! Бери левой, ещё левой.

На свой страх и риск он послушался. Выбравший помощник капитана закричал:

- Срочно поверни влево, так как на карту не нанесены рифы справа!

Увидев, что Виктор это уже сделал, помощник облегченно вздохнул: "Молодец!"

А молодец-то была Волшебная раковина - "Морское ушко"... Без её подсказки захлебываться бы им морской водой.

Поблагодарил Виктор волшебную раковину.

- Долг платежом красен, - ответила она.

Когда они пришли на остров Крит в порт Ираклион, то "Морское ушко" сразу попросило отнести её в Кносс - в район раскопок дворца царя

нелли новикова сказки

Миноса. Виктору жаль было расставаться со своей спутницей, и он попросил её побыть с ним еще несколько дней.

Гуляя по Ираклиону, Виктор обратил внимание на красочный плакат: "Спешите на Бал-маскарад, только два дня!"

Вечером всей командой они отправились на Бал-маскарад. Королевой бала была жена мэра города, а вот принцессой - пречаровательная волоокая юная красавица. Её вьющиеся каштановые волосы выбивались из-под короны. Сине-голубое платье, украшенное звездами, обтягивало её тонкую талию и свободными волнами ниспадало к ногам. Маленькая изящная туфелька иногда появлялась из-под края платья.

- Ах, что это за красавица! Настоящая принцесса! Хотя и дочь рыбака, - проговорил кто-то в толпе.

Виктор онемел от восторга. И тут же решил завоевать сердце принцессы, взять его в плен.

Но как!?

Он уже уныло опустил голову, как волшебная раковина заговорила.

- Ты ей понравишься, подойди к ней и пригласи на танец.

- А как же я приглашу?

- Лучше всего жестом рыцарских времен. Можешь приобрести нарядную карнавальную шляпу и подтвердить приглашение взмахом этой шляпы. Такой жест не может не тронуть юного сердца.

Виктор всё так и сделал. Взмахом шляпы в красивом полупоклоне он пригласил принцессу на танец, и она протянула ему руку.

Как вдохновенно они танцевали почти весь вечер! Почти... Потому что она была принцессой и должна была одаривать своей симпатией и других кавалеров.

Конечно, приятель Вивошка, увязавшийся за Виктором, тоже пытался пригласить принцессу, но она почему-то предпочла другого моряка с их судна.

Когда моряки возвращались с бала на судно, Виктор шёл как во сне.

Он полюбил бы принцессу всей душой, но боялся, что удачей он обязан волшебной раковине. Что к истинным чувствам девушки примешивались и усиливали их её волшебные чары. А ему хотелось настоящей любви.

По простоте душевной он рассказал Вивошке, как ракушка спасла судно и как помогла завоевать сердце принцессы.

Зависть овладела Вивошкой. Он тут же захотел завладеть волшебной раковинкой и стал выпытывать у Виктора, куда тот кладет её на ночь, где хранит. Виктор, даже не задумываясь, сообщил, что в нагрудном кармане костюма.

Наступила темная ночь. Все уставшие за день спали в кубрике. Только Вивошка притворялся, что сразу заснул. Он просто лежал с зажмуренными глазами.

Виктор долго ворочался, вспоминая бал-маскарад, принцессу, танцы. И только под утро крепко-крепко заснул.

Матрос Вивошка, услышав спокойное сопение Виктора, встал с постели и принялся за своё гнусное дело. Он не зря выводывал про рако-

элова арфа

вину. Открыв платяной шкаф, он достал из нагрудного кармана костюма Виктора волшебную раковину и положил её в карман своего костюма, надеясь с её помощью покорить сердце принцессы.

Мошенник украсть-то украл, а не додумался, что если раковина волшебная, то помогать она не обязана, а делает это, когда ей хочется и тому, кто ей понравится. Не захотела она ни в чём помогать мошеннику.

Вечером, когда Виктор и Вивошка шли на бал, у Виктора на лице была, грусть и печаль, а Вивошка сиял, как начищенный чайник.

Только они вошли в зал, как Вивошка, бросив Виктора, помчался приглашать принцессу танцевать. Раковине он приказал сделать так, чтобы принцесса приняла его приглашение.

Вивошка с разбега взмахнул рукой, выставив одну ногу, присел на другой. Но нога его подогнулась, и он уселся на пол около трона, а когда начал вставать - упал на бок, и волшебная раковина выпала из его кармана. Вивошку охрана оттащила к окну, чтобы он пришел в себя. А Виктор нагнулся за "Морским ушком". Бережно его протер и положил в карман, и затем он пригласил принцессу на тур вальса.

Тут они близко познакомились и узнали не только имена друг друга. Кстати, принцесса звалась Марианной. А главное - узнали, что полюбили друг друга с первого взгляда и жить друг без друга не могут. Когда они об этом рассказали королеве бала, то получили заверения в покровительстве её, а также мэра города. Венчание было в церкви, там же на острове.

Так Виктор оправдал своё имя - победитель. Приплыв на остров с волшебной раковинкой, - уезжал, завоевав любовь, победив чистое сердце Марианны. На свадьбу Виктор подарил Марианне ожерелье из Каури, которое вызвало у всех восхищение.

Они долго и счастливо жили в любви и согласии.

А как же волшебная раковина?

Виктор отвез её, как она и просила, в древний дворец царя Миноса, прямо к колоннаде северного входа. Вероятно, там она встретилась с родными, которые украшали и будут украшать покои ещё долгие, долгие годы.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГВОЗДИКА

Посвящается Селеновой Е.

В одном небольшом городке жил мастер на все руки. У него, как и у всех, было две руки, но они были такими ловкими, что казалось, будто их много.

Больше всего он любил превращать старую мягкую мебель в новую. Мастер долго возился, обивая ковровой тканью диван или кушетку, зато

нелли новикова сказки

к концу работы они так преобразались, что гости завидовали хозяевам и просили прислать к ним этого кудесника. Даже дряхлое кресло под его руками становилось похожим на трон. И трон он мог бы обновить, но этого почему-то ему никто не предлагал.

Его помощниками были разные ткани - хлопок, ситец, бархат, - всего не назовешь, и обивочные гвоздики, которыми эти ткани мастер закреплял в нужных местах.

Обивочные гвоздики лежали в поношенном чемоданчике, но не перемешанные, как это бывает у нерях, а уложенные по маленьким коробочкам. В одной - с длинными ножками, в другой - со средними, в третьей - с короткими. В одной - с красными шляпками, в другой - с синими...

Так что гвоздики могли разговаривать и играть только с такими же, как они: у кого была такой же длины ножка и такого же цвета шляпка.

В углу чемодана в небольшой коробочке изнывал от скуки в одиночестве обивочный гвоздик в зеленой шапочке. Уже все его друзья нашли себе постоянное место и покинули чемоданчик, а он, забытый, продолжал перекатываться с боку на бок в своём домишке. Гвоздику было очень грустно. Ведь когда лежишь один, словом перемолвиться особенно хочется, но не с кем. А кричать - не докричишься.

- Ах, лучше бы меня взяли на починку того подержанного стула, - вздыхал он. Я бы уже сейчас красовался своей шляпкой перед гостями.

И он гордо вскинул голову. Но мастер почему-то тогда, повертев его, вернул в темноту коробки.

Чем-то он не понравился... Может, его лихо сдвинутая набок шляпка не подошла?

- Если бы меня тогда прибили к обивке стула, - продолжал мечтать гвоздик, - наверняка среди гостей нашлась маленькая девочка или мальчик, которые восхитились бы моей шляпкой, и мы премило вели разговоры...

В этот раз, как только мастер приоткрыл чемодан, приступая к починке софы - огромного дивана, гвоздик высунул из своей коробочки вначале ножку, а потом покрутился-покрутился, и головка оказалась на свободе.

- Ура! - закричал он во всё горло и тут же прыгнул на пол, а затем закатился в угол за ножку стола, где и пролежал весь день и всю ночь, радуясь освобождению.

Утром, когда убирали комнату, его вывели из-под стола. Он уже испугался за свою судьбу, но в комнату вбежал веселый Мальчик и, увидев зеленую шляпку, воскликнул ликующе:

- Это - моё! Я давно искал его.

"Вот это да, - подумал гвоздик, - оказывается, меня ждали и даже искали. А я задыхался от скуки в чемодане".

Мальчик схватил гвоздик за ножку и помчался во двор.

- У меня нашелся гвоздик! - кричал Мальчик. Сейчас мы будем делать Ветрило. Расчудесную вертушку.

элова арфа

Гвоздик ничего не понял. Но ему было приятно, что он нужен.

- Ветрило разгонит все тучи! - кричал Мальчик.

Гвоздик огляделся. По небу носились белые и серые облака. Под ногами протянулась утоптанная дорожка, по краю которой стояли высокие деревья. Березы, осины, ели шумели, приветствуя гвоздик. В ответ он раскланивался, опуская сдвинутую набок зеленую шапочку. Слышите, что кричит Мальчик? - Мы будем делать Вертушку!

Мальчик вприпрыжку добежал от дома до сарая, где отец уже заготовил бумажный пропеллер - детскую мельничку. С кармашками, в которые должен ударять ветер и с шумом вертеть крутило. Увидав Мальчика, отец протянул руку:

- Ну, скорее давай гвоздик и приедем пропеллер к палочке. Красивый гвоздик, - добавил он. - Будет отличная вертушка.

Отец положил на палочку бумажный пропеллер, поставил в его середину

гвоздик и ударил осторожно молотком. Гвоздик мягко вошел в дерево. Отец поднял вертушку за палочку и подставил ветру. Закружилось ветрило.

- Гони, гони ветер, гони, гони тучи, - начал приговаривать отец.

- Чтобы не было дождя! - прокричал Мальчик и запрыгал вокруг отца.

- Вертится, вертится! - восклицал Мальчик. - Дай мне, пожалуйста!

Отец протянул ему игрушку.

- Вперед! - крикнул Мальчик. Повернул вертушку лопастями к ветру, и она закрутилась быстрее. Гвоздик гордо задрал шляпку. Он увидел, как дорогу перебежала рыжая белочка. Она спешила к своему дуплу, откуда выглядывала сестренка. Гвоздик их поприветствовал. На осине около деревянного птичьего домика с крыльчком для семечек сидели синички и быстро, быстро о чём-то переговаривались.

- Вероятно, обсуждают мою шапочку, а может, удивляются, как далеко я забрался на одной ножке...

Гвоздик вытянулся, стараясь казаться побольше, и сказал:

- Вы не заметили на ножке острый каблук? А это большое подспорье в ходьбе, особенно скорой. Если не заглубляться - летишь, отталкиваясь каблукком. А уж если углублюсь во что-нибудь ножкой, то меня не выдернуть и клещами. Я могу проткнуть своим острым каблукком доску какой хотите крепости. Даже ваш домик.

- Не надо, не надо, - запищали синицы. - Все тебе верим.

Вертушка вращалась, крутилась. Гвоздик торжествовал.

- Ведь если бы не я - разве получилась такая прелестная забава.

- Побежали! - крикнул Мальчик. Гвоздик замер боясь пошевелить ножкой и разрушить игрушку.

Мальчик помчался по дорожке к ребятам.

- Наконец-то и я нашел свое место! - подумал гвоздик.

И всё было бы прекрасно, если бы не соседский пес Полкан. Неиз-

нелли новикова сказки

вестно, как он прокрался во двор, но он выскочил на дорожку перед Мальчиком.

Мальчик споткнулся и упал. Вертушка отлетела к березе, ударилась о ствол и упала на землю.

Когда гвоздик пришел в себя, то шляпка его висела на одном ухе, бумажная мельница была помята. Всё нуждалось в срочном ремонте, как и сам гвоздик.

А Мальчик с рёвом, потирая ушибленную коленку, ковылял к дому.

Вот так печально закончилось бы приключение гвоздика, если бы мимо не проходил "Мастер на все руки". Он подобрал вертушку, побряхтел, поохал и решил ее починить. И, конечно, прежде всего он починил гвоздик, вытащил его клещами из палки, затем на паяльной лампе припаял к его ножке зеленую шляпку, и гвоздик заулыбался. Хотя шляпка у него теперь не была лихо сдвинута набок, как прежде, а ровненько сидела на ножке. Но и в этом виде он был лихим гвоздиком. Не поленился мастер сделать и новую бумажную мельничку. Прибил её гвоздиком к палке и понес Мальчику. Ведь Мальчик был хорошим. Добрым и даже послушным.

Это Полкан его не любил. Но он вообще никого не любил бегающего и прыгающего.

Как только мастер вынес вертушку во двор, она весело закрутилась под ветром. И гвоздику стало так весело, что он даже захотел петь, как папа Мальчика или сам Мальчик. Жаль только, что он ещё не успел научиться никаким песням от них. Поэтому он, как бы подражая птичкам, зацвенькал: цвень, цвень, цвень, в такт оборотам вертушки.

Юрий Кувалдин

ЗАКУРИТЬ

рассказ

Тут суть вот в чем. Мы с Широковым после коньячка вышли через длинную арку подворотни из Сверчкова переулка в Потаповский.

По старой Москве вечерней, синей.

Ну это там через двор, одна часть которого была ещё покрыта тонкой коркой почти черного льда, а другая казалась почти белой от высохшего асфальта, и вот между льдом и асфальтом пробегала зигзагообразная, как молния, линия длинной лужи, отражавшая в сумерках светящиеся кое-где окна домов и фонари, ну там, в этом большом дворе, где стоят каменные палаты семнадцатого века, красные, с белыми наличниками.

Словно во двор монастыря попадаешь.

Была неестественная для центра тишина. Мы сели на скамейку и выпили из белых пластиковых стаканов, которые хорошо были заметны в темноте, за два раза маленькую, уж чуть побольше тех двух, что мы проглотили прямо в клубе, в 250 грамм коньяка. От легкого весеннего опьянения захотелось закурить. И это при том факте, что я двадцать лет не курил. Широков, кажется, курил до недавнего времени.

В это время у Широкова в кармане зазвонил мобильник. Полный Широков какими-то тяжелыми движениями, с одышкой расстегнул пуговицы плаща, покопался в карманах, и извлек белого цвета мыльницу. Мыльница-мобильник была приложена к уху. И по откликам Широкова стало понятно, что его ведет на коротком поводке жена.

- Да я уже вышел из клуба, - оправдывался Широков.

От подъезда клуба я сразу пошел на противоположную сторону, к подворотне, ведущей на Малую Лубянку...

Правильнее было бы сказать, от подъезда Торгового дома Трындына. Об этом потом хорошо написала в своём блоге Маргарита Прошина:

"Я с Анной Гришуниной, заместителем директора библиотеки Плехановского института, от клуба МВД на Большой Лубянке пошла вниз к Лубянской площади. Вечер был синий, как у Михаила Анчарова вещь, которой мы зачитывались в юности «Этот синий апрель», кстати говоря - эту вещь хотели ставить в студии Владимира Высоцкого и Геннадия Яловича. Мы шли почти по сухому московскому асфальту, любуясь фасадами старых московских домов. На некоторых лепных карнизах сидели голуби. Дома я посмотрела историю дома № 13, в котором расположен ныне клуб МВД России, по Большой Лубянке, оказывается, он принадлежал одному из богатейших граждан Москвы купцу Трындину. Там, где играли в начале 60-х годов свои спектакли молодые Владимир Высоцкий, Георгий Епифанцев, Валентин Никулин, Елена Ситко и будущий писатель, студиец Юрий Кувалдин, у Трындына был огромный, как

юрий кувалдин закурить рассказ

ныне говорят, торговый центр, где продавалась оптика, которая в то время была столь же нова, как ныне компьютеры и мобильники. Обо всем этом мне рассказала перед началом великолепного концерта Анатолия Шамардина Нина Краснова, пригласившая нас на этот вечер. Анна Гришунина сказала, что, несмотря на иноязычные изыски певца, ей больше всего понравилось в его исполнении знаменитое танго «Утомленное солнце». Мы шли, и дышали предвкушением неминуемой весны".

На концерте я сидел рядом с Маргаритой Прошиной, напоминавшей мне одну из пышных светловолосых красавиц с рубенсовских картин, и однажды, глядя на сцену и состроив притворно грозную мину на лице, когда Шамардин запел песню о любви на японском языке, проронил:

- Убирайся со сцены, кому я сказал! - Конечно, это я проговорил тихо, а не так громко, как это кричат из зала расслабленные ребята в "Риме" Федерико Феллини, недовольные выступлением одного артиста. - Я кому сказал, уходи со сцены! - повторил я, и Маргарита Прошина заслонила лицо ладошкой и прыснула со смеху, при этом выразительно мелькнули красивые пальчики с бордовым маникюром.

- Мне тоже не нравится, когда Шамардин поет на иностранных языках, - сказала она.

- Да, - согласился я. - Теряется и смысл и сама художественность. Ведь в песне важно всё, и то, и другое. Я много раз говорил об этом Шамардину, даже предлагал программу из русских песен.

- И что же он? - спросила Маргарита.

- Но зачем, спрашивается, Шамардину на корпоративах и в ресторанах смыслы?! Там нужны два притопа, три прихлопа, что и здесь на концерте он показывает, выбегая со сцены в зал то ли с немецкими, то ли с греческими выкриками, которые бьются в стены, как шарики для пинг-понга, без душевного отклика зрителей.

- Шарики?

- Шарики... Вы же помните, Маргарита, как он здорово пел в галерее на моем юбилее?!

- Да, он пел замечательно, - согласилась Маргарита.

- Это потому, что я его ограничил пятью песнями из репертуара Георгия Виноградова.

В это время Шамардин закончил одну песню на греческом языке и собирался петь другую на итальянском, из репертуара, кажется, Клаудио Виллы. Я воспользовался короткой паузой и промурлыкал один куплет из Виноградова:

Счастье моё я нашёл в нашей дружбе с тобой,
 Всё для тебя - и любовь, и мечты...
 Счастье моё - это радость цветенья весной,
 Все это ты, моя любимая, всё ты...

- Какой чудесный вечер, - сказал Широков. - Надо бы добавить.

До этого Нина Краснова за успешное окончание концерта вручила мне маленькую, прямо-таки детскую, бутылочку коньяка, в сто грамм

элова арфа

объемом. Мы вернулись с Широковым уже в опустевший зал, сели на первый ряд, я отвинтил крышечку и дал выпить первому Широкову. Тот поднес горлышко к открытому рту, перевернул, и струйкой махнул сразу чуть ли не всю бутылочку, крикнул, посмотрел на остаток и, протягивая её мне, сказал:

- Не могу остановиться, пошла, как по маслу.

Я с усмешкой допил оставшиеся двадцать грамм и отломил по кусочку шоколада, данного мне Красновой на закуску.

Потом мы вернулись в фойе, где в углу Краснова торговала дисками и кассетами Шамардина. Мы подошли к её столику. У стены лежала толстая книга отзывов.

- Витя, напиши, - сказал я Широкову, кивая на книгу.

Широков исполнил незамедлительно просьбу почти стихами, возвышенно. Он очень любит Шамардина.

Следом склонился над книгой отзывов и я. Рядом толкались почитатели таланта Шамардина и довольно бодро покупали его записи. Краснова шелестела деньгами, принимала, давала сдачу. Я написал, что Шамардин пел на той сцене, где стартовали мы...

Ну, и так далее. И расписался. А перед автографом, для непонимающих, печатными буквами написал: "Писатель Юрий Кувалдин. 4 апреля 2012 года".

Широков тут же перехватил ручку, и тоже дополнил под своим плохочитаемым текстом, - у Широкова ужасный почерк, который никто, кроме него, не может разобрать, - так же печатно написал: "Поэт Виктор Широков".

В это время я склонился к порозовевшему от торговой суеты ушку Нины Красновой и спросил:

- Ниночка, нет ли у тебя ещё такой прелестной бутылочки?

- Есть! - весело сказала Краснова, и достала вторую "малышку", добавив: - Это, Юрочка, специально для тебя!

Тут высокая дама в черном длинном платье, черноволосая, с прямым пробором, оказавшаяся поэтессой Еленой Геринг, пригласила нас сказать несколько слов перед телекамерой клуба о вечере Анатолия Шамардина. Я сказал что-то хорошее, помянув и вдохновенную артистическую юность. И Широков тоже сказал что-то приятное в адрес певца и организаторов концерта, испытывая первые признаки радостного легкого опьянения.

В комнате, где в молодости с нами занималась сценической речью Татьяна Фёдоровна Рябчук, по мужу Ситко, за длинным столом уже пили чай. Мы с Широковым тоже присели, огляделись, но поняв, что нашу бутылочку здесь доставать неприлично, вежливо ретировались, попросившись с ведущим концерта черноволосым, в черной рубашке с белым шарфиком Сергеем Златкисом, который листал подаренную ему Красновой книгу её избранного, которую я недавно издал, и с самим Шамардиным, который был в красной рубахе навыпуск, как цыган, готовый угонять лошадей.

юрий кувалдин закурить рассказ

Через Сретенский и Бобров переулки мы вышли к ВХУТЕМАСу. Я вспомнил героя моего романа "Родина" Алёшу Саврасова, подумал вслух:

- Хорошо бы его пригласить третьим...

- Кого? - спросил Широков.

- Саврасова...

Мы шли по Кировской-Мясницкой мимо чайного магазина, мимо нового книжного с яркими витринами на той стороне в поисках винного отдела.

- Если на углу закрыт, значит, пойдём в сороковой, - сказал Широков.

Но на углу Лучникова-Большого Златоустинского, бывшего когда-то и Большим Комсомольским, переулка узкий магазинчик со стеклянной дверью был открыт. Стеллаж от пола до потолка был заставлен всевозможным спиртным.

- Вот бы при совке так! - улыбнулся Широков, и грузно склонившись, стал внимательнейшим образом осматривать нижние ряды.

Как раз в том месте и стояли плоские бутылочки коньяка в 250 грамм. То что нужно! Я снял армянский пятизвёздочный. Повернулись к кассе. Витя барским жестом остановил мою руку, полезшую в карман, и бросил на прилавок зеленую тысячу.

- Пойдем во двор к Нагибину, - сказал я.

- Пойдем, сказал Широков.

Тут у него зазвонил в кармане мобильник, и он сказал, что уже вышел и идёт.

Мы зашли в дом 7 по Армянскому переулку, в большой квадратный двор, описанный в своё время Нагибиным в одном из рассказов. Пошёл мелкий дождик. В углу стояла парковая скамейка из реек со спинкой. Но с навеса прямо на нее лилась вода. Мы постояли, раздумывая, где бы приткнуться. Колодец в три подворотни. Правая вела в бывший двор Нагибина. Всё там было перестроено, и огорожено. Пить мы здесь не стали, и я повёл Широкова проходным двором в Потаповский-Архангельский, из него в Сверчков, и на правой стороне во двор, где и сели на скамейку недалеко от боярских палат.

Иногда надо закурить. Хороший старый способ - стрелнуть у прохожих, которых в это вечернее время, практически, не было. Но вот как только у меня какая-нибудь мысль мелькнёт в голове, так сразу же она начинает материализоваться.

Навстречу шли молодые люди. Я спросил, нет ли у них закурить. Они сказали, что нет. Мы постояли с Виктором некоторое время. Стояли перпендикулярно Сверчкову переулку. Два желтобоких особняка, типично московских, начинали его от Потаповского. Пока мы так стояли, Широков заметил, что молодые люди остановились, покопались в карманах, и один, совсем юный, подошел к нам с раскрытым портсигаром. Я даже немного смутился от такого широкого жеста, высказанного нам, тем более таким странным образом. Сначала у них не было закурить. Потом у ворот другого дома они, подумав, покопавшись в карманах, решили

эолова арфа

одолжить закурить пожилым писателям. Хотя они, разумеется, не знали, кто мы есть. Причем всё это происходило в ранний весенний вечер, когда еще не совсем стемнело, но всё вокруг стало синим, и фонари зажглись уже, когда апрель только начал подтапливать кучи снега, и на сухой асфальт после солнечного дня потекли ручейки.

Я слышал живой голос Мандельштама сегодня ночью. Оказалось, мне приснился Лев Шилов, щуплый, интеллигентный, черные волосы зачесаны назад по моде 60-х годов. Он и остался в тех оттепельных годах. Помимо Осипа Эмильевича, Лев Алексеевич Шилов давал мне голос Макса Волошина для вечера в Литмузее на Петровке весной 1977 года, когда Волошину стукнуло 100 лет. Я снял с полки книгу Льва Шилова о звучащих голосах. Он работал в музее Маяковского на Таганке, где я частенько бывал на вечерах Окуджавы, Новеллы Матвеевой, Давида Самойлова...

- Я знал Лёву, - сказал Широков, убирая мыльницу во внутренний карман плаща.

Я не удивился, что Широков слышал мой внутренний монолог, как будто я ему говорил о звукоархивисте Шилове по мобильнику.

Потом Лев Шилов перекочевал на Ленинский проспект, и вечеров уже не проводил. У него там была студия для обработки звукозаписей. Хорошая половина его книги посвящена советским поэтам, к которым я потерял интерес, да и вся структура книги была советской, мертвой, для прохождения цензуры. Вообще звучащие голоса есть часть эстрады, для быстрого восприятия. Вот почему триумфовали при жизни Высоцкий и Окуджава. Теперь ажиотаж поутих, а на бумаге они все-таки слабоваты. Литература есть движение букв по бумаге, в тишине, в чтении про себя. Движение букв - Литера Тора. Звучащие голоса раздражают. Хочется одиночества и тишины с другими книгами, не звучащими. Лев Шилов был не в литературе, а техническим работником при литературе. И тихо жил и умер при литературе, в Переделкино.

Ну, и так далее.

То есть, я хочу сказать, что нужно сделать совершенно достоверный поэтический рассказ о том прекрасном концерте Шамардина в клубе МВД, и после него нашу прогулку по старым переулкам Москвы с Виктором.

Оказывается, фильм, в котором единственный раз вместе снялись в крохотном эпизоде Геннадий Ялович и Владимир Высоцкий, назывался «Наш дом». Вышел он на экраны в 1965 году, а снимался раньше, когда я с Яловичем и Высоцким ходил на репетиции в один клуб милиции на улице Дзержинского, дом 13. В этом же фильме снялся в эпизоде мой знакомый артист Николай Михайлович Бармин, добродушный в жизни человек, а здесь изобразивший правдоискателя, вступающего в конфликт с шофером междугороднего автобуса, подсаживающего пассажиров без билетов. Кстати говоря, у Бармина я взял некоторые черты для актёра Александра Сергеевича из моей «Вороны»:

«- Да так, - неопределенно махнул рукой Александр Сергеевич. - Слова. Помню, во время войны я снимался в роли комбрига. Входит ка-

юрий кувалдин закурить рассказ

питан, а я ему: “Как стоите перед комбригом?!” Да... Вот были роли! Вот были тексты! А теперь... Одно недоразумение. Не могут о простом сказать просто... Я всю жизнь играл в эпизодах, но! - Александр Сергеевич поднял палец. - Играл генералов. Фактура у меня генеральская. Запускают фильм про войну, так режиссеры уже знают, кто генерала будет играть, звонят, страничку с текстом на дом привозят. У меня там десять слов, но каких! Например: “Вторая армия ударяет в направлении Киев - Житомир!” А я стою у огромной карты, указкой вожу по ней, подчиненные мне командиры смотрят на меня во все глаза, каждое слово ловят! Вот было время, вот были фильмы!

Ветер шевельнул занавеску на окне. Где-то в кустах запел соловей. Затем вступила скрипка, поддержанная виолончелью...»

Я пишу о Николае Бармине потому, что сидел с ним много раз рядом на диване, и даже несколько раз выпивал. А он читал мои книги - «Философию печали», «Улицу Манделъштама». Он очень много читал, уйдя от жизни в свой единственный мир собственных иллюзий.

После того, как я сказал, что человек становится тем, кем хочет стать, я разовью мысль о том, что писатель - это не социальная функция, а совершенно автономное существование в одиноком создании своей вселенной. Многие, выбирая профессию, включают себя сразу в социум, определяют свои параметры, рамки, в которые они себя ставят, или, как пел Высоцкий, попадают в колею, по которой они, как трамвай, катят всю жизнь и безвестными исчезают. Конечно, это можно понять, поскольку невозможность жизни без еды делает из человека послушное животное, продающее свой труд за деньги. Но когда, имея на каждый день еду, деньги становятся целью этого животного, оно становится тройне зависимым от социума. Некоторые полагают, что деньги дают свободу. Нет! Деньги поработают человека, делают его жизнь невыносимой, уничтожают окончательно. Я говорю, что там, где начинаются деньги, там кончается искусство. Смысл жизни человека заключается в обеспечении бессмертия своей души, то есть воплощении себя в Слове, в персонификации. А деньги не имеют ни имени, ни фамилии, деньги бесцветны, и предназначены для тех, кто исчезает с лица земли бесследно. А уж собственность - худший вид кабалы! Ты голым пришел в этот мир, голым и уйдешь. Вот почему написано, что Бог есть Слово. Не денежные знаки, не собственность, а Слово, которое есть дух, ибо Слово нематериально. Писатель для меня - это Бог, который над схваткой, а не в толпе белых или красных. Писатель выходит вообще из социума. И это не профессия, это миссия, или служение, вот так, примерно, скажу высоким стилем.

А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка? Следом выливались фразы. Был в театре. Играли русского дурака Филатку. Очень смеялся. Как они хотят поскорее разделаться со мной, догнать и прибить гвоздями к забору при жизни. Горят огни родного агитпункта. Я сегодня все утро читал газеты. Читал стихи. Думал, что это пишут курские помещики, но оказалось, что это сочинение Евгения Лесина:

элова арфа

Южную Осетию еще не признали,
А там уже революция и война.
Предвыборные агитации всех задолбали.
Коробочка полным-полна.

Сняли фильм «Высоцкий-наркоман».
Скоро его покажут всем.
Если ты в шесть еще не пьян,
Значит, напьешься в семь.

Россия уверенно идет вперед.
Впереди неописуемое счастье.
Радуетя российский народ,
Что у него замечательные власти.

Им не совсем понятно, сколько может делать один человек! Постоянно будут стаскивать меня с пьедестала вниз, и приравнять к себе. Но я каким-то невероятным образом ускользаю. Придя на выборы, возьми бюллетень для голосования, зайди в кабину и съешь его. Потому что ты — инкогнито! Прибыл по особому распоряжению. Сегодняшний день - есть день величайшего торжества! В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я. Именно только сегодня об этом узнал я. Им остается только копить деньги на памятник мне, на который они накопят за 500 лет, как раз к тому времени, когда моя слава затмит солнце. Я и есть солнце.

Там, где теперь буфет, сидели репетировали мою композицию по Мандельштаму. Высоцкий опаздывал. Когда он вспотевший влетел, то с порога своим несколько ехидным мальчишеским голосом крикнул:

- Ну что, стакановцы, по стакану?!

Мы тогда постоянно искажали Стаханова под стакан, что более подходило к образу шахтера.

В школе-студии МХАТ пели сначала Епифанцев и Ялович. У них и учился Высоцкий. Он смотрел на пальцы Яловича, и говорил:

- Ген, ну покажи аккорды, Ген, ну покажи.

Длинноногий Ялович, выше Высоцкого на голову, сажал того рядом с собой, брал его пальцы и расставлял на струнах для правильного зажима.

До упора, то есть до самого утра, из угла слышался звонкий, без намёка на хрипоту, голос Высоцкого, поддерживаемый гнусавым голосом Яловича:

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознании познавший толк,
А я простой советский заключенный...

Именно этим "Й" в слове "советский" любовался в песне Высоцкий, и после песни так хохотал, что дрожали струны, и допевал:

И мой товарищ - серый брянский волк...

юрий кувалдин закурить рассказ

Вообще он был, как тогда говорили, духарной парень. И очень любил щипать за одно место то Лену Ситко, то прочих девочек, то Ирочку Голышеву, выскочившую за Вацлава Скраубе, который тогда играл в театре Станиславского, а мы погуляли всей студией у них на свадьбе.

В те времена было модно выпивать. Мода эта восходила к тостам зв Родину, за Сталина, о чём я когда-то написал в рассказе "Мейер", который напечатал в "Независимой газете" любитель стаканчиков гранёных Женья Лесин, хороший парень.

Ну и, конечно, без моего друга-толстяка Саши Чутко этот рассказ будет не полным. Мы сидели как-то у Чутко в гримерной в Театре Армии и, разглядывая друг друга в зеркалах, вспоминали юность. У Саши Чутко в гримерной стоит прелестное трюмо, в котором мы и отражались.

В 56 году открылся театр "Современник". Новый, ни на кого не похожий, странный театр, с другим дыханием, со своей странной интересной жизнью. Непохожий на театральные привычки того времени. Это потянуло за собой остальных. Курс, на котором учились Высоцкий с Яловичем, выпустил Павел Владимирович Массальский. Курс был сильный. Начинал этот курс Борис Ильич Вершилов. Великий педагог школы-студии МХАТ, ученик Михаила Александровича Чехова. Когда они учились на втором курсе, он скончался, к сожалению. Они закончили в 60 году, в 54 поступили. Когда пришел Массальский на курс, он сказал: "Я не смогу заменить вам Бориса Ильича, он такой потрясающий педагог, что его заменить не может никто. Я предлагаю вам вместе найти достойный выход из этой трудной ситуации". Он своими словами всех обаял, курс тут же пошел за ним, они вместе собрались, проучились два года и замечательно закончили курс.

И начали создавать свой театр в клубе МВД. Володя Высоцкий тогда не работал в театре на Таганке. Он был артистом театра на Малой Бронной, театра Пушкина. Уходил из театров, не уживался. Не уживался по разным причинам и по особенностям своего характера, которые ему потом мешали очень сильно. Он был то ли в свободном полёте, то ли в свободном пролёте. Начальник нашего ДК, сказал: "Ребята, выделили бы кого-нибудь из своей среды, который вел бы у нас театральный коллектив, а мы ему деньги бы платили".

Оказалось, что Володя нуждался, ему сказали: "Возьмешься? Давай-те". Когда я пришел туда, там было 10 человек. Высоцкий, совершенно еще молодой человек, вел с нами занятия по актерскому мастерству, вел этюды, упражнения. Мы знали, что он выпускник школы-студии МХАТ, что он хороший артист. Потом увидели фильм "Живые и мертвые", где он сыграл небольшую роль одного из солдат. Даже в крохотном эпизоде он был такой яркий, такой странный... Выпадал из ансамбля. Да, был такой интересный с его необычным голосом.

Конечно, теперь понятно, что Высоцкий ярко высвечивает всех. Действительно, это был поразительно сильный курс. И Валентин Никулин был. Они рассказывали, был такой педагог, он приходил к ним и читал лекцию о древнегреческом театре - Александр Сергеевич Польш. Он был

элова арфа

небольшого роста, широк в плечах, почти плоский, голова была без шеи, у него был бас. Все знали, что этим голосом он ломает стаканы. Их приняли, первое занятие по истории театра. Открывается дверь в аудиторию, очевидно от сильного пинка ногой, они вздрагивают, потом влетает старинный портфель кожаный, с монограммой, он летит, кувыркается и шлепается прямо посередине учительского стола, поднимая пыль. Они вскакивают со своих стульев, потом влетает трость, тоже с монограммой, шлепается рядом с портфелем. Они не знали, что им делать, к потолку прыгать, прятаться ли за стулья. Потом вкатывается на коротких ножках, которые двигаются как некие рычаги, человек с огромной, в плечах кося сажень, головой, небольшого роста и плоский. Голова вынимается из туловища без шеи, смотрит перед собой огромными глазами, не глядя на них, жутким голосом, от которого дрожат стекла, говорит: "Я Поль, но не Робсон, Александр Сергеевич, но не Пушкин. Я буду читать вам историю зарубежного театра".

Они с ним подружились, полюбили его, он к ним хорошо относился. С 3-го курса он с ними занимался. Однажды, когда сдавали ему экзамен по истории зарубежного театра и литературе, была такая история. Валентин Никулин пришел в школу-студию МХАТ, по-моему, из МГУ с филологического факультета. Он был образованным человеком, много читал и знал. Александр Сергеевич его любил. Валентин Никулин вытащил билет, Александр Сергеевич спросил: "Ну что там у вас, Валечка? - У меня Божественная комедия. - Что вы можете сказать по этому поводу? - Это божественно. - Идите, 5". Как только он вышел в коридор, то стал дико смеяться. Все стали спрашивать, что ты так смеешься? Он рассказал, как сдал экзамен Полю: "Смотрите ребята, какую записку мне Валька Буров передал". Вытаскивает записку, там написано: "Вале Никулину, от Вали Бурова: - Валечка, срочно напиши мне краткое содержание Дон Кихота".

Была история с Жорой Епифанцевым, который был мастер спорта по боксу. Яркий, энергичный человек... Центральная роль в его биографии - это Угрюм-река. До этого был Фома Гордеев. Это был случай, когда в школе-студии МХАТ, студенту разрешили сниматься в этом фильме. Фильм был интересный... А клуб на улице Нагорной? "И где-то в дебрях ресторана гражданина Епифана Сбил с пути и с панталыку несоветский человек. Епифан казался жадным, хитрым, умным, плотоядным, Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел". Это все во многом про Жору Епифанцева написал потом Володя Высоцкий. Спортивный человек, замечательно дрался, профессионально, интересно было с ним взаимодействовать. У них была очаровательная педагогиня по французскому языку. Она благоволила к Жоре Епифанцеву, уважала, нежно относилась к нему. Жора родился в поселке Камыш-Бурун Краснодарского края, потом жил с родителями и учился в городе Керчи.

Родители присылали ему деньги для занятий с педагогом французским языком. Он, естественно, пускал деньги на другие нужды. На занятия по языку не ходил, потому что всё время снимался в кино. Когда на-

юрий кувалдин закурить рассказ

ступил момент госэкзамена, надо было прочитать небольшую статью из газеты "Московские новости". На постановочном факультете учили английский язык, актеры французский. Когда очередь дошла до Епифанцева, педагогиня сложила губы бантиком в ожидании чуда. Ведь он же говорил ей, что занимается в свободное время со своим платным педагогом. Жора Епифанцев берет газету "Нувель де Моску": "Я, пожалуй, начну". Жора Епифанцев прочитал: "Лес де нувелес де москоус". Педагогиня упала в обморок.

Вообще, курс был удивительный. Володя Высоцкий после занятий с нами пел свои песни: "Я моря не видел вовек, хоть я обыкновенный человек", "Я здоров, чего скрывать, я пятаки могу ломать, а недавно головой быка убил...". Это его ранние песни, блатные. Форма была блатная, а песни были... в каждой песне была судьба, было приключение, какой-то переворот, который случался с этим человеком или с людьми. Театральная завкаска влияла на его сочинительство. Каждая его песня - это ... театральное. Именно с этими песнями в 64 году Высоцкий пришел показываться Юрию Петровичу. Юрий Петрович рассказывал, пришел в кепке, в буклевом пиджаке и пел блатные песни.

В студийные годы мы красного выпили столько, что хватило бы наполнить Язу, на берегах которой жил мой друг, врач-кардиолог, Юра Парийский. И вот мы как-то с горочки Николоворобинского переулка спустились с Высоцким и Севой Абдуловым в тот домик у реки. Ныне домика нет, хотя он был прочный, кирпичный, прошлого века. Но Юрик Парийский не стал знаменитостью, и домик сломали, хотя в нём выпивали и закусывали многие будущие знаменитости. Кухня была разгорожена клеёнкой, за которой стояла пожелтевшая ванна, в которую, однажды, Высоцкий бросил матрас, и спал там. Впрочем, Валерий Золотухин мне рассказывал, что через пару лет, когда Любимов взял Высоцкого на Таганку, они еще и не так отдыхали. Даже спали в ящике за кулисами, и очнулись прямо во время какого-то спектакля, где они не были заняты, но не растерялись, Высоцкий ударил по струнам, и прошли по сцене под хриплую песню:

В меня влюблялася вся улица
И весь Савёловский вокзал...

Зрители подумали, что так надо.

Явление Высоцкого - это явление блатной песни. Меня умиляет, когда лакировщики действительности называют его песни, да и не только его такого же стиля, городским романсом. Ничего себе! Это не городской, а гулаговский романс! Зверская страна, преследовавшая интеллигенцию, вообще умных людей из всех слоев, была превращена зверями в одну большую тюрьму. Один палач, Хрушев, хотел отделаться от другого палача, Сталина, но все они были заместителями должности императора Российской империи, задержавшейся в истории на 500 лет. Высоцкий заорал - а он именно орал, ибо ни музыкальной памяти, ни тем более аб-

эолова арфа

солютного слуха у него не было, потому что новому времени нужна была луженая глотка "оскорбленных и обиженных". Тогда ворвался с "Одним днем Ивана Денисовича" Солженицын, тогда зазвучал неподражаемый Окуджава, с песен которого и начался Высоцкий. Помню, он стоял у окна, постукивал в такт костяшками согнутых пальцев по подоконнику, и пел:

Вы слышите, грохочут сапоги,
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят из-под руки,
В затылки наши бритые глядят...

Разумеется, Булат имел в виду затылки заключенных, этап. Высоцкий пел именно "бритые", да и у Булата сначала было так, но с годами он стал всё приглаживать, потому что он не шел в атаку, как Высоцкий, а протаскивал антисоветские мысли через "гламур", как бы сейчас сказали, через свои несколько слащавые романы.

А ещё Высоцкий пел из Окуджавы самую пронзительную, пожалуй, песню:

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и тревоге:
"Что же ты гуляешь, мой сыночек,
Одинокий, одинокий?"

Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали ночи и короче и светлее.
Мама, мама, это я дежурю,
Я дежурный по апрелю...

В это время Витя Широков глубоко затынулся, и выдохнул с таким наслаждением, как будто возносился к куполу Меншиковой башни. Справа, за желтым особняком, виднелось здание бывшего "Московского рабочего", в который после крушения партийной империи я привел Нагибина, Искандера, Ковальджи, чтобы спасти, как говорил Дмитрий Евдокимов, директор, издательство от гибели. Юридически издательство из партийного (МГК КПСС) сделали писательским (Союз писателей Москвы). Кстати говоря, тогда и единый Союз писателей СССР со скандалами развалился на несколько осколков. Писатели объединились в наш, мой, Союз писателей Москвы, а вся номенклатура обосновалась на Комсомольском проспекте, 13. Потом я подружился с Нагибиным, бывал у него на даче в Пахре, издал его "Дневник", который сам Юрий Нагибин не увидел, внезапно покинув сей свет.

- Я тоже был на его похоронах, - сказал Широков. - А вы меня не упоминали! - с чувством добавил он.

Вот странная вещь, Витя всё время обращается ко мне на "вы", хотя я его зову на "ты". Впрочем, кому как нравится. Например, Кирилл Ко-

юрий кувалдин закурить рассказ

вальджи я называю по имени-отчеству и на "вы", а он меня зовёт "Юрой" и на "ты".

Да, в эссе "Нагибин" я не упомянул Широкова, потому что тогда просто не был с ним знаком. А он был влиятельным сотрудником "Литературной газеты". Время так складывается, что один попадает в "обойму", а другой нет. В чём тут дело?

Отвечу просто: в логосе. Как ты перенёс свою душу в текст, так и сохранишься в вечности.

Мы шли к Чистым прудам, в лёгком опьянении, покуривая. Небо открылось широкое, быстро темнеющее, с россыпью крупных звезд.

Я с какой-то юношеской жадностью затянулся, выпустил голубоватый дымок, и почувствовал легкость во всём теле, какую-то необычайную сладость и прелесть. Это чувство я испытывал в молодости, когда работал в одном министерстве, и мы всем отделом ходили несколько раз на день в роскошный буфет пить кофе. Да, то был настоящий кофе из шипящей машины, которая выпускала кофейный пар, наполнявший ароматом весь коридор, подходящий к буфету. Мы пили кофе в коридоре, выходили из буфета к окну, и курили.

Кофе и сигарета были ежедневным меню рабочего дня.

И поэтому я был очень худой и высокий, и все девчонки и женщины были стройными, и мужчины походили на легкоатлетов. Я доставал тогда прелестный «филипп морис» с фильтром шоколадного цвета, и это выделяло меня из окружения. Но я не брезговал и «явой» «явской». Потому что была похуже «ява» «дукатская». Первую свою сигарету, вернее папиросу, я закурил в пять лет под нашим огромным круглым столом. То был «казбек», который курил мой отец. И вот на моем дне рождения, когда мне исполнилось пять лет, мы с ребятами и девчонками забрались под стол и закурили. Взрослые были в другой комнате, но когда они почувствовали запах дыма, то, войдя, увидели самый настоящий дым, потому что, когда мы все — человек пять-шесть — закурили, задымилась еще и бахрома бархатной скатерти, не известно как и каким образом нами подпаленная. Искра, наверно, попала.

И теперь, в переулке, я наслаждался после коньяка хорошей сигаретой.

Дано мне тело, говорил Николай Гумилев, и спрашивал, что ему делать с ним. Тело должно сидеть за компьютером и писать рассказы. Тогда совершенно необычное удовольствие испытываешь от передвижения тела в пространстве. Нет, не в жизни. Движение тела в тексте. Особенно, если пошел вдруг ливень из одного единственного облака. Все тела побежали, а это тело замедлило шаг, совсем остановилось. Для этого тела главное событие - остановка. Для других тел - план жизни - передвижение с места на место. Тело делает самолеты на военном заводе напротив стадиона «Динамо». Дом для «Динамо» на Большой Лубянке построили в 20-х годах. КГБ - это «Динамо». В Главном разведывательном управлении тело изготавливает копии «Ракового корпуса» и «В круге первом». На ул. Дзержинского в доме номер 13 (теперь это Большая Лубян-

элова арфа

ка) тело занималось в театральной студии при Московском экспериментальном театре под руководством Владимира Высоцкого и Геннадия Яловича. Повторяю, всё это происходило в доме номер 13 по улице Дзержинского, ныне Большой Лубянке, в клубе МВД, до этого он назывался клуб Министерства охраны общественного порядка, а чуть ранее клуб Совета народного хозяйства СССР, это Никита Хрушев придумал Совнархозы и семилетки, и охладил пыл КГБ и МВД, отобрав у них многие дома отдыха, санатории и клубы. В это "окно" и попали мы, когда клуб вышел из подчинения силовым структурам, и где в 1919 году из торгового зала сделали зрительный зал со сценой и балконом, чтобы железный Феликс мог собирать своих орлов и докладывать им, сколько контры он пустил в расход.

Валентин Гафт вспоминал как-то, что его Владимир Высоцкий приглашал в клуб КГБ на Лубянке. Конечно, Валентин Гафт ошибся, он был приглашен к нам в клуб МВД, в дом 13. Я Валентина Гафта видел в зале тогда, он уже был достаточно известен, снялся с Михаилом Козаковым в «Убийстве на улице Данте».

И сейчас на Большой Лубянке дом 13 все тот же клуб МВД, правда, называется он Культурным центром МВД. Замечательный артист Театра на Таганке Феликс Антипов мне недавно сказал о Владимире Высоцком: «Надо было употреблять что-нибудь одно - либо водку, либо наркотики». Нет, Владимир Высоцкий не мог делать что-нибудь одно, он страстно хотел делать всё, он был страшно заводной, не сидел на месте, страстно хотел возвыситься, выдвинуться в другой мир.

Запредельный.

И опять выпивали, и не закусывали.

За водкой бегали в тот самый сороковой гастроном КГБ, который упомянул Широков в случае закрытия магазина в Лучниковом, в тот самый дом общества «Динамо», на задах главного страшного дома КГБ.

Потом тело остановилось, перестало жить в жизни, и стало жить в тексте.

Так появился писатель Юрий Кувалдин.

Виктор Крючков

Виктор Васильевич Крючков - родился в Рязани. Автор шести книг стихов, "Настыкье слов" (2009) и т.д. Член Союза российских писателей и Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель детской литературной студии "Этюд", лауреат Всероссийских литературных премий им. А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского (2009), Международного поэтического конкурса "Звезда полей" Николая Рубцова (2010), V Международного литературного фестиваля "Под небом рязанским" (2008). В альманахе "Эолова арфа" печатается с 1-го номера. Победитель Межрегионального фестиваля "Под небом рязанским" в номинации "Поэзия". Живет в Рязани.

Земляк Сергея Есенина, поэт Виктор Крючков поёт "по-свойски"

и ни в чём не подражает своему великому земляку, в отличие от многих рязанских поэтов, которые подражают Есенину. У Виктора Крючкова - свой голос, свой язык, свои "мысли и синтаксис", своё нестандартное художественное восприятие мира, свой материал поэзии, свои формы превращения этого материала в поэзию, своя стилистика и эстетика. Он стремится "к совершенству" и создаёт свою индивидуальную параллельную реальность, свою обитаемую планету Солярис с соснами из села Заокского, с "Рязанским Кремлём величавым", с Домским собором, с московскими электричками и домом Пашкова, и с Фебом и Эзопом и Лао Дзы, и с Талмудом и с Библией, и с бутылками, и с экраном телевизора, и с "кетчупом и макаронами", и с "крепким чаем на столе", и с "радостью познавания себя" и с "духом творчества", чем и интересен не только как явление рязанской поэзии, но и поэзии вообще.

Нина КРАСНОВА,
6 июля 2012 г.

СОЛЯРИС

"Разве не знаете, что вы храм Божий,
И Дух Божий живет в вас?"

1 Кор. 3:16

ВНОВЬ В ЗАОКСКОМ СЕЛЕ

Вновь в Заокском, в селе,
вновь я встретился с юностью, школой.
Мысли, синтаксис мой
без редакции, без протоколов.
Здесь не слышно давно
за лугами, леском пароходов.
Две соседки идут
(не как в городе) - там пешеходы.

В узких брюках, цвет в ночь,
и в сорочке из Вильнюса, в красном,
я стою на мостке
не один, возле лет невозвратных.
Я с портфелем всегда,
за границу могу отправляться.
Я зачем? -

эолова арфа

Арлекин!

Вам со мной не придется смеяться.

Здравствуй, юность! Что скажем сейчас?

Ты во мне и далёко.

И рисует закат

самолеты из красного шелка.

Никуда не летал,

в телевизоре видя "Известия".

Я вот здесь начинал,

на реке, вот на этом вот месте.

Вот на этой косе

пахло дегтем от лодки из дуба;

мы с тобою сюда

прибежали из сельского клуба;

дрожь от холода рук -

и в тебе непонятная рана

стала страхом начал:

одному хорошо - в капитанах.

В этой бездне лесов,

что упали в небесные гати;

в этих стрелках дорог

всей страны, что летят в навигатор;

новых мыслей проспект,

что обжили герои из строчек,

я у школьной сосны

в ожидании листьев из почек.

Как стремительна жизнь

поездами, любовью и мыслью;

кто-то в школу пошел -

здесь начало: в ведре с коромыслом.

Не забыл бы погост,

и про деда, и окские дали -

если парень с царём в голове,

скажет то, что еще не сказали.

Я себя не узнал

в переулках из дальнего детства,

только абрис домов

как какого-то странного действия;

в привокзальном кафе

(со студийцами сживал раньше),

в электричке в Москву

в дом Пашкова, для дел аспирантских.

виктор крючков солярис стихи

Этот мир. Кто я здесь?
Прохожу коридором и парком.
Кто со мною стоит
за витриной на зеркале лака?
В электричке, в окне,
что уносит пространство и время;
время воздухом дня,
а тревогой и красками в темень.

Кто же он, этот час,
на границе мечты и рассудка?
И плывут корабли,
косяком перелетные утки;
и пожаром горит
горизонт, за селом уходящий,
как он может всегда
ускользать, позабыв о вчерашнем?

То, куда мы спешим,
это роша из синего ситца;
это детства подъезд,
это небо, романа страницы;
это встреча с тобой
у метро в половине шестого;
это к Библии путь -
человек есть храм Бога живого.

Боже мой, я другой!
Это новый туман у причала;
невесомо плывут
мои мысли в садах и кварталах;
мои мысли идут
по бульварам. И пишутся строчки.
Что я ветру отдам?
Я со всеми в кафе - в одиночку.

**ВЫРЫВШЕМУ ПЕРВУЮ КАНАВУ
ДЛЯ КЛАДКИ КИРПИЧА В РИГЕ**

I
Под серый дождь, начертанный в асфальт,
иди, витийствуй, слушай: вязь ограды
из чугуна воспроизводит альт,
что держит мысль в лепечущих тирадах.

II
А в улке Гвардеса дома стеной,
и гулкие шаги уходят к крышам,

элова арфа

белесый цвет в квадратах надо мной;
и нет меня, и я себя не слышу.

III

Забывчивость - незримая тоска;
пришел в себя у Домского собора.
Стоп. В кирпиче застывшие века
и мастеров ушедших разговоры.

IV

И замкнутый средневековый двор,
и готика крестовой галереи,
под нефом базилики трубный хор,
и я, вдруг ставший в звуках менестрелем.

V

И как себе не объясню я в толк,
про ноги вспоминая на брусчатке,
что здесь когда-то рижский бранный полк
под ритм шагов оставил отпечатки.

VI

И облака спустились посмотреть;
и с крыш, дождями заполняя лужи,
забылись в улочках, собой стерев
пыль с витражей, кирпичных кружев.

VII

Чик, чик - чирик - на вензель посмотри,
витиеватым кренделем над входом;
лет триста зазывал: "Еда внутри",
и мы в харчевню с зазывным народом.

VIII

А улочка влечет за поворот,
за ней вторая, третья - мысли саднят;
и в сумерки открылись вдруг ворота -
процокал конь, на нём в доспехах всадник.

IX

Без слова "ночь" строка совсем бела,
мы всё определяем по контрасту,
и в переулках ночь своё взяла,
и в сумерках не нужен стен кадастр.

X

И прошлое ступает допоздна,
лишь изредка засветятся оконца,

виктор крючков солярис стихи

мои шаги как будто бы со дна,
и небо между крышами в колодцах.

XI

Рассвет. И плеск. Блеск на воде.
Качается на волнах Даугава.
Смотрю на город рыцарских побед.
Поклон тому, кто начал рыть канаву
для кладки кирпича! И в том завет.

МЕЛОДИЯ

Какая встреча нам дана?
И головы минует голос,
и мыслью совесть вплетена
в упругий в поле хлебный колос;

когда, качаясь на ветру,
он догорает в красках солнца,
когда я представляю ту,
тень зеркала на дне колодца,

что посмотрела в пустоту;
дойдя по брёвнам к водной глади,
вдруг ощутила слепоту
и свет в судьбе, что дядей даден

напоминаьем о родстве,
при встречах при дверях открытых,
о том семейном естестве,
когда стеснения забыты:

туника сброшена на пол,
а брат застегивает брюки,
выходит на крыльцо - и в дол,
в полёте окрыляя руки;

заполнив светом воздух дня,
прошёлся по аллеям парка
и за собой увлёл меня;
оставив размышлять у арки,

он вдруг взметнулся к небесам,
потом упал на донце пруда,
погладив спины карасям;
вдруг вспомнил строки из Талмуда

элова арфа

и стал вполне пристойным для
себя; и галстук, что от ветра
залез в подвалы у Кремля,
поправил, видя километры
просторов, гор, полей, морей,
где каждый гребень, с пеной схожий,
стремится к другу поскорей
(и думает, что "мы похожи");
о том, чья чистая душа
и бритва не касалась кожи,
не думает, как хороша
волна, чья сила у подножья;

и, отдаваясь ей сполна,
он погружается в пучину...
Такая нам судьба дана,
душа, с тобой писать картины

пространства, с воздухом, плащом,
надетым в дождь, идущий с ветром,
и ужина с тобой, с борщом
и наших жизней километры

в авто, и за стеклом, и тут...
какая амплитуда мысли!..
тебя в театр не зовут,
без нас с тобою щи прокисли;

вдруг вспомнил, как любовь ушла
давно, в миг, с танцверанды, летом
от слов, что на прокат взяла,
и смех до брачного банкета;

до свадьбы день... пришёл домой,
рыдал в стекло оконной рамы,
душа, ты приплелась за мной
и на меня смотрела странно,

дыша с той стороны стены,
а с этой запотели плечи;
просил спасения взаймы
и знал, за помощь не отвечу

и ни тогда, и ни сейчас;
зачем меня пеняла сватья,
ведь обливает с крыши грязь
не мысли о вещах, а платье.

виктор крючков солярис стихи

Какая встреча нам дана?
Ты ускользаешь, как и прежде;
Бог даст, ты на границе сна,
а может, молишься с надеждой,

СТАНСЫ

I
Каждый верует в чудо.
Телевизор забыт.
Мы с тобою откуда
тот туннель будем рыть?
Не нужны наши клятвы:
крепкий чай на столе;
мы словами опрятны,
размышляя о зле.

II
Этот день, непохожий
на Давидов псалом;
за окошком прохожий
мысль отправил на слом.
Наши встречи напрасны,
если жаждем удач;
расставанья как стансы,
пустота в них - палац.

III
Как зловещи проёмы
в доме на пустыре,
в них душа неподъемна,
как монета в дыре.
Так свеча на подносе
бледной кожей течёт;
так и мысли несносны,
как несданный зачет.

IV
Божий дар как ведение
по дороге благой.
Ну а жизнь ради денег -
это образ другой.
Тем скорей расstaёмся,
всё сказав до конца, -
от себя отшатнемся
в гулких залах дворца.

элова арфа

V

Утверждается мнение,
словно нету других;
растопырены перья
на заборах глухих.
А в небесных просторах
растворяется боль;
депутатские споры
превращаются в ноль.

VI

Как выходим из веры,
на прилавках скроив.
Чем же лица измерить,
если семь на двоих?
Нашим мыслям угодно
воплощать "монолит";
перед небом свободным
сребролюбье молчит.

VII

Поругание ядом
человека в труде -
торжество тунядщев,
всё проявивших в судьбе.
Восхитительна птица,
что парит над страной;
вот она не боится
видеть душу иной.

VIII

До чего же прекрасен
человек в день труда.
Рабство мысли опасно -
выйдет червь из гнезда.
В школу с книгой, с тетрадью -
это путь для ребят;
каждодневная радость -
познавание себя.

IX

Как рассвет проявляет,
где там тень, где ветла,
так и Бог разделяет
тайны мысли и зла.
Дверь закрыв, за порогом
не бросаешь ключи;
ты убил - вызов Богу,
совесть с водкой молчит.

виктор крючков солярис стихи

X

Зло есть самоубийство,
что посеешь - пожнёшь;
не поможет витийство -
маску не сбережёшь.
Тайна в слове! С лозою
про котлету забудь;
горизонты слезою
отправляются в путь.

XI

Мы едим ту же манну,
что жевали до нас;
и кресты из обмана
прекратили рассказ.
На заснеженном поле,
так, где с ветром верста,
я молчаньем невольно
у живого Христа.

ПРИЕЗД

И снова тот вокзал,
как чудо.
Откуда и куда?
Не буду
я с нею говорить
с бравадой;
Я от неё себя
отвадил.

Как в той своей мечте
в деревне,
я с нею нищим был
последним;
и в шалаше нашел
лишь жалость,
на рейс с пустым лицом
сажала...

Платформа. Товарняк
в два глаза.
По улице иду
с вокзала.
Рассветная Рязань,
вернулся!
На месте, вон на том,
споткнулся.

эолова арфа

Знакомый мой дворец,
с поклоном!
Здесь я актером рос
зеленым.
На сцене в нём сыграл
поэта -
пророческая роль
завета.

Ну, здравствуй, Первомай,
gros strasse!
Здесь школа, выпускной.
Гримасы
мечты, кино, любви,
надежды -
судьба берет оброк
с невежды.

Рязанский Кремль
величавый,
и кажется, вот-вот
отчалит
и поплывет один
армадой
с чугуною своей
оградой,
и с валом, как с бортом
эсминца.
Успения собор,
как птица.
И вдохновляюсь от
азарта,
и с духом творчества
я в завтра.

Стоит октябрь. Мечется луна
и шарит всё по мокрым огородам.
И думал: осень...не уйдёт она,
пока не бросит нервно листья в воду.

Не знал, что в дождь так буду тосковать,
что вместо зданий на краю Горроши
пейзаж с сосной у пруда вспоминать
и то, что столик наш с тобой заброшен.

виктор крючков солярис стихи

Сквозь дождь вокзал, трамвай, фонарь, экран,
витрины, сыр, картофель и колбасы,
программу партии, рекламу, кран,
диваны, стулья, кресла и матрасы.

Квартал к кварталу, я иду давно
и чьим-то взглядом вдруг сейчас разбужен...
А вот бачки для мусора, авто
на небесах не будут нужны.

ТЕМА

Непозабывтый взгляд,
вернувшийся ночами,
непозабывтый взгляд
на стенке с кирпичами;

во сне и в эту ночь,
что бродит на вокзале,
и тень его точь-в-точь
рукою показала

на гладь живой волны
с отливом, из мазута,
под звук стальной струны,
вдруг лопнувшей как будто;

и с запахом смолы
от лодки у причала,
распавшейся вдруг мглы
и чайки, что кричала

в стелившийся туман,
путь розовый от неба,
я, веривший в обман,
как в солнечного Феба;

я этого хотел,
пронзительного жала,
и в ней я онемел -
и время убежало.

Непозабывтый взгляд,
с дрожащими губами
и с волосами в ряд
над тонкими бровями

эолова арфа

вновь в свете из окна
от трепетного утра,
вот, кажется, она,
вся в белом, с перламутром...

Но подошёл рассвет,
с прохладой, к той границе,
когда усталость тем
уничтожает лица.

СОЛЯРИС

I
Подчиненность вертикальному ритму
в колоннах под куполом, в молитве,
когда в голосе к нему *ad libitum*,
я думаю о человеке,
что как тайна в своей свободе,
и когда возится на огороде,
и когда слушает тебя вроде,
а думает о Квебеке.

II
"Для людей работа - наслаждение".
Все рассмеялись над суждением.
"Для людей", - повторил Эзоп мнение.
Придворные царя Креза замолчали.
Равенство не рождает войны,
для всех одинаковы горы,
все неба над головой достойны,
чайки для всех прокричали.

III
Наша улица отстала,
отстала от капитала,
пока дома называла.
Как жить без бутика станем?
Появились новые лица
из другой духовной столицы,
водитель за погоду боится
в родимом Узбекистане.

IV
В документах есть всемирное братство,
есть католическое аббатство;
откуда же духовное рабство?

виктор крючков солярис стихи

Сон разума, дорогой, зря лелеешь.
Раб тот, кто угнетает другого,
убили бомбой Александра II,
Раскольников - самого себя "крутого"...
То пожнешь, что посеешь.

V

Образные выражения индивидуума
делают предмет речи видимым.
Я тому субъекту завидую,
кто видит в проводах электроны.
Счастье: вон парк плывет в тумане,
и я с пустым кошельком в кармане
парю в этом розовом обмане
к завтраку с кетчупом и макаронами.

VI

Я стремлюсь к самосовершенству,
к поэтическому блаженству
без рифмованного верховенства -
впереди спонтанные мысли
в ритме слов, в женской фигуре,
в лесопарке, в аллеях, в фактуре;
так и лезет Левитан в натуре
маслом в акварельные выси.

VII

В конце марта опять морозы,
за стеклом бутика бордовые розы,
с сосулечек капая слезы
на мои черные брюки.
А желание добиться ответа
делает нас зависимым от субъекта.
Это и есть конец света.
И руководят мысли, а не руки.

VIII

Я различаю ложь в разговорах,
на этикетках, в рекламах, в иконах,
в телевизионных микрофонах.
Где же увидишь себя реальным?
В мире много зеркал угодных,
каждый покупает поудобней;
но лишь во Христе человек свободен.
А в маске человек театральный.

IX

Помню на горизонте маленькую тучку,
вдруг она выросла в желтую кучку,

элова арфа

я крикнул Саньке: "Сматываем удочки!"
Над рекой вынули воздух точно.
Из лодки бегом в дом бакенщика на взгорье;
ветер все рвал и нес в пространстве вскорее,
кирпичи с брезентом поднимал на подворье.-
Ураган надо распознавать в точке.

X

Слово есть образ дела;
капелла литовская запела,
свистулька у пастуха засвистела.
Но не все слова на корневой основе:
актер на сцене играет,
директор на заводе управляет,
врач больницы исцеляет.
Что будет с декабрем новым?

XI

Легкий туесок из жичины
плетут для лесной малины;
вазы делают из глины,
а пользуются пустотой в вазе.
Лао Цзы ночью на берегу в тумане,
наверное, думал об обмане,
который сам оказался в капкане
между мыслью и водой из пруда на кухне в тазе.

XII

Любовь у всех одна и та же,
не пьют одну и ту же воду дважды,
идет по тропинке каждый;
не плывет парусник без цели.
Вися на ветке в самом себе, как небыль,
мечтает яблоко о небе;
и я в тайне не был.
А если бы яблоко съели?

XIII

Многое значит изменение формы,
надо заниматься спортом,
в офисе определяют униформу,
на работу берут с хорошей фигурой.
И пластика мыслей в предложениях
определяет дальнейшие движения,
и выбор рабочего поведения,
и модель костюма и его мануфактуру.

виктор крючков солярис стихи

XIV

Все начинается с точки;
в общаге замок на замочке,
на кухне висят порточки,
кто-то освободил сковородку от утки.
Закусывать нечем, сидим без дела,
Сашка выкрикивает: "Соседи съели!"
а Вовик повизгивал: "Сама улетела!.."
В студентах было: концерт дали жуткий.

XV

Хорошо быть частичкой нейтрино:
не зависеть от магазинов,
что тебе до карабинов -
пронизываешь себе Путь Млечный.
Правда, не увидишь футбольного матча,
не узнаешь любви к другому - незадача,
не споешь песни казачьей,
не прочтешь чеховской речи.

XVI

Кого многие страшатся,
тот многих должен бояться;
кто сможет над собой улыбаться? -
Зло само себя убивает.
Тот, кто привык жить обманом,
старается казаться честным и гуманным;
и как он выглядит рядом с белым туманом?
А сын отца, наверное, "добрым" называет.

XVII

Хорошо не воздействовать на человека годами
электромагнитными волнами,
не травить в его доме газами ночами,
не следить за ним на экране с инфракрасным излучением.
Хорошо не внедряться в его мозг, в мысли,
не навязывать идеи, которые прокисли,
не вбрасывать в зрение цветные картинки "миси-писи",
а прочитать Иоанново Откровение.

16 апреля 2012 г.,
г. Рязань

Дарья Корнилова

Дарья Владимировна Корнилова родилась 15 августа 1964 года в Москве. Окончила Московское медучилище № 14 и Московский стоматологический институт. Печаталась в газете "Еврейское слово" и в журнале "Мир Паустовского".

ОБРЕЗАНИЕ

Жизнь совершила забавный кульбит:
Когда были силы уже на излёте,
Спасён был в больнице антисемит
Путём обрезания крайней плоти.

Он всех евреев по кочкам нёс,
Выл, как раненая волчица.
Распухший член, диагноз - "фимоз":
Ни поношаться, ни помочиться.

Личные чувства - уже ни к чему.
Сорок минут иссекали препуций,
Клади швы и повязки тому,
Которому пятый пункт как пункт.

Кто с нюхом ищет и егерей
Делал в отделе кадров ревизию
Процентной нормы, а нынче еврей
Выполняет ему циркумизию*.

Лечение он получил сполна,
Рана затянулась нормально:
Операция - ведь она
Изначально венациональна.

Хедерам, бурсам и медресе
Пора дать отпор шовинистским угрозам:
Ведь нации, взгляды, религии все
Одинаковы перед фимозом.

20 января 2011 г.,
Москва

* Циркумизия - обрезание крайней плоти (лат.).

дарья корнилова стихи

СУХОСТОЙ

Сучья сухие со старой листвой
И недойный период коровы
Называются "сухостой".
Законы природы суровы.

Но всё запахнет и зацветёт,
И млеко даст вымя коровье.
В стихотворении речь пойдёт
Про мужское здоровье.

Спинной мозг или же головной,
Нервы ль тому причина,
Нейрорецепторы ли виной,
Мучается мужчина.

Будет ли обоюдным финал,
Не будет ли секс как бремя,
Если при коитусе в канал
Не выводится семя.

Налицо - дискомфорта факт,
И геморроя горше,
Когда половой нескончаемый акт
Изводит его и партнёршу.

Чтобы не юморил остряк,
Не зубоскалила сволочь,
Лечпроф под названием "Семья и брак"
Окажет по профилю помощь*.

12 мая 2011 г.,
Москва

* Лечпроф - лечебно-профилактическое учреждение.

МАТЕРИ ЛЮБИМЫХ МУЖЧИН

Герману Гецевичу

Часто свекровь и невестка друг другу приносят вред:
Изматывают претензиями - не покажется мало.
Открытие парадоксальное совершил Зигмунд Фрейд:
Мужчина влюбляется в женщину, похожую чем-то на маму.
Я на Симу Борисовну* нисколько не похожу:

эолова арфа

Человек я гражданственный, но не слишком советский,
В Партию не вступала, не поклонялась Вождю,
А общее между нами - только язык немецкий.
О Татьяне Натановне** мнение быть не может иным:
Улыбка, лучистый взгляд, в шевелюре проседь,
Внимание, сочувствие, стремление помочь больным,
Клиническое мышление, терапевтический профиль.
Сравнение с Риммой Васильевной*** - вовсе не пустяки:
Всегда стараюсь понять всё, что ты говоришь в кавычках,
Люблю о тебе заботиться, читать со сцены стихи,
Такая же точно толстушка и очкаричка.
Порою нам кажется, что занятость не превозмочь.
Разлука будет недолгой, ты потерпи, любимый.
Коли начнём жить вместе и народится дочь,
Дам ей твою фамилию и назову ее Риммой.

14 января 2012 года Москва

* Сима Борисовна Лапина - мать моего мужа, поэта Владимира Петровича Лапина.

** Татьяна Натановна Авербух - мать моего друга Народного Художника Льва Алексеевича Токмакова.

*** Римма Васильевна Милованова - мать моего друга, поэта Германа Александровича Гецевича.

Надежда Мухина

Книга в альманахе. "У набережной Москвы-реки"

Надежда Мухина родилась в Москве 18 марта в 1960 года. Окончила художественное училище и заочный университет искусств по секции станковой живописи. Член МСХ с 1993 года. Участница выставок с 1986 года. Работает в жанре пейзажа, натюрмортов. Её картины находятся в частных собраниях в России, Англии, Германии, Италии, Польши, Турции, включены в "Энциклопедию живописцев начала XXI века" (изд. ООО "Живопись-Инфо", М., 2008). Прозу пишет с 2004 года. Печаталась в альманахе "Истоки", во всех выпусках альманаха "Эолова арфа" 2009 - 2012.

До 2004 года художница Надежда Мухина писала картины маслом, в импрессионистическом стиле, в основном букеты цветов и пейзажи родной для неё Москвы, Гоголевский бульвар с деревьями и скамейками, бульвары Садового кольца. А в 2004 году на неё свалилось несчастье - у неё умер муж, который её очень любил и которого она очень любила, а потом её постигло новое несчастье, в результате которого она получила инвалидность. И после всего этого на неё что-то снизошло сверху, какое-то божественное озарение, и она, как бы под чью-то диктовку, стала писать прозу... чтобы не заикливаться на своих несчастьях и чтобы запечатлеть на бумаге свою жизнь, которая идёт и проходит, и дорогих ей людей, которые живут и умирают, и свои взгляды на мир, на творчество, и какие-то свои мысли, ощущения, наблюдения, умозаключения, которые если не записать, не зафиксировать на бумаге буквами, они исчезают, как если бы их и не было... Квартира Нади Мухиной за "Речным вокзалом" - это её мастерская. На стенах которой висят, а на полу стоят картины художницы. А на тумбочке перед кроватью у неё всегда лежат две главные для неё книги - Розанов и Бердяев, которых она всё время перечитывает, с карандашом в руке, и из которых выписывает для себя какие-то фразы, абзацы и целые страницы. Они питают её душу и вдохновляют на своё собственное творчество. А в застеклённом, почти антикварном шкафу 60-х годов у неё стоят все номера альманаха "Эолова арфа", где напечатаны её рассказы.

И вот она написала уже целую серию новых рассказов и назвала её - "У набережной Москвы-реки". И предлагает её вниманию читателей.

Проза Надежды Мухиной - такая же импрессионистическая, как и картины художницы, и вся бессюжетна, фрагментарна и состоит из красочных мазков кисти, таких, как "синие полозья на синем снегу", и из порывов ветра, и из глубокого дыхания Вечности, и при этом вся очень спиритуальная и философичная... "От Суеты Бытия страдает человек", "Мастер перестаёт быть им, если он начинает бороться за Место под Солнцем", - говорит Надежда Мухина своими устами и устами своих героев и персонажей, среди которых и богомольные старушки, и ворожеи, и советские светские дамы со спецбилетами в ГУМ и в платьях с натуральными мехами на плечах, и собирательница "артефактов", и мужики из деревни Корнёвка, и педагог(ша) художницы, и казахский абориген в тубейке и в атласном халате. Кстати сказать, она пишет прозу и от своего - первого - лица, и от третьего лица, и даже от лица своего мужа Германа, который когда-то был геологом и искал в сибирской тайге и в казахской степи нефть и полезные ископаемые, и которого в её сочинениях зовут Герард. Его душа вселяется в неё или летает над ней, как белая голубка Степушка, героиня из рассказа "Сокровенное", когда художница сидит за своим рабочим столом и пишет. ...От лица Германа Надежда Мухина даже написала смешанным рифмованным и белым стихом и верлибром по-

эолова арфа

эму, которую не без иронии, но и с некоторой ностальгией назвала "Герой рабочего революционного движения", это такой возвышенный гимн Времени.

В публикуемых материалах сохранена пунктуация, а кое-где и орфография автора, склонного ставить интонационные запятые и писать с большой буквы не только существительные, но другие части речи.

Нина КРАСНОВА,
9 июля 2012 г.

ПУТЬ В СФЕРЫ

Вместо предисловия

Мой путь в сферы "Эоловой арфы" к древним её напевам прислушался... Как трубадур, странствующий из города в деревню... А из деревни прислушивался ещё какой-нибудь чудака небесталанный!.. И не важно, сколько зрителей собралось на площадях, и не важно - сколько раз гонимы были поэты-трубадуры... Брошенные им вслед камни - в стихах их - расцветали чудными альпийскими эдельвейсами! Не было у них ни дома, ни приюта - а те, кто последовал за первым, не мыслил своего существования без придорожного ветра, пахнувшего полынью, разноцветием трав... Ведь именно этим - Природным - Зовом! - Нутряным - Вдохновлялась Жизнь их!..

...Струны арфы перебирал ветер на привале. О чём пел? О чём пел - то буйный, то тёплый, пахнувший дымом из труб - ветрило!..

...Давно уже нет трубадура. Но есть "Эолова арфа". Четырёхтомник!! Трудоголик - Альманах!

Он не из "новых русских корней" проклюнулся вдруг - птенцом желторотым! Не слаб он и духом: всё настоящее не слабо! Крепко "сбитое" рукою рязанской женщины: поэтом, прозаиком, главным редактором и издателем альманаха Ниной Красновой.

Петь дифирамбы и не дифирамбы - дело времени и критиков от литературы.

Высоко нравственная избрана планка! Не дешёво-романная!.. И не от "рязанской сохи"! И, конечно, не гламурное самолюбование перед Зеркалом Жизни. Перед Зеркалом Жизни стоим мы, как на исповеди.

Нине Красновой, ох, как не легко дело альманаховское, Соборное! - "Собранность духа" - беречь.

...В мире творческом - Дай Бог Мира.

Но на то она и крепкая Рязанская Косточка!! Деревцем проросла.

...Лишь одному Богу ведомы СФЕРЫ "Эоловой арфы". И Путь Светлый - всегда пройдёт в виртуальных, смутных, облачных завихрениях криминально-детективного чтения. "Время летит, а Вечность приближается". (12 добродетелей.)

Я желаю "Эоловой арфе" долголетия.

надежда мухина книга в альманахе

Чтобы затронули сердца читателей струны её. И ВРЕМЕНА 21-го века - не оказались безнравственной "пустышкой" в Колыбели Необъятной России.

Москва,
4 июля 2011 г.

ВСТРЕТИМСЯ НА ГОГОЛЕВСКОМ

Новелла

I

Да и правда - что за утро выдалось! Прекрасная тоскливость уходящего бабьего лета напоминала пейзажи Левитана. С той особенной русской трепетностью, что вызывает жалость и к опадающим листьям, и к ломким веткам, что, гонимые ветром, безропотно ложатся в землю, к полузасохшей мишуре цветов...

...И Василию Аркадьевичу - жизнь предлагала то счастливое утро, к которому он давно привык, и он боялся за Счастье! Или - он боялся, что всё это великолепие осеннего Царского Пира - вдруг исчезнет!..

И оттого, наверное, утреннее настроение было проникнуто всё Леви-таном...

С этими мыслями прогуливался по дворам. От души наслаждался: тихо... хорошо окрест... И лучше и быть не может в жизни! И есть, есть в царском кубке - рябиновые брызги!

Василий Аркадьевич, нет-нет, да заглядывал с видом интеллигентным в баки для мусора, и едва не "ахнул"! Наткнувшись глазами на бронзовую фигурку ангела. И, словно золотой слиток, бережно держал ангела на ладони. "Божественный дар..." - подумал он, и зачем-то посмотрел на небо. "Чудеса?" - и, не успев додумать философский смысл, как раз рядом с ним грохнулись неизвестно чьи... тапочки. Изрядно поношенные. И Василий снова посмотрел на небо: "К уютной постели манят поближе..." - он постоял ещё некоторое время, с тоской выскребая думу: "Пожили... Времени много... Так и сяк - скреби свою думу..."

И ПУСТЫННАЯ ДУМА ЖЖЁТСЯ В ДУШЕ...

"...Вечером... Вечером... Втихаря. В России всё - втихаря: "штопают белыми нитями - русский Дух!"

...И "не-шкни!!" злобным шёпотом. И втихую - белые тапочки...

"...Так, втихаря - тёк кровушкой, по берёзам, по ивушкам... Под образами почерневших икон - век прошлый. В глуши тайных оврагов, в подполе, под серыми гнетущими зданиями... Опрокинув в пасть стакан с водкой, вершили - казнь... Вершили - милость... перст кровавый указуя

эолова арфа

вверх! Но это для тех, кто втихую давно распростился с Богом... С дьявольской чернью обнялся, как брат. Не чураясь, потом, работы: вырезать на плечах погоны... Чтобы зубы крошились у героев гражданской войны. И не сгнули ещё?! Неужто - не сгнули?.. Лишь веки прикрыли под одеялом российских метелей!

...Доглядывает, 20-й!! "Улики, как яд, - догоняют медленной смертью".

...Василий Аркадьевич стал внимательно изучать "улики":

- ...Боже мой!.. Красота отвалилась от жизни! А ведь глаз радовал чей-то... Крылышки-то... будто листочек берёзовый, заломилась! - ласкательно сказал он ангелу.

- А за всех - окаянных - поставить покаянную свечу Христу Спасителю. - Христианская вера и здесь подмогла: о уликах, второстепенных... Других...

- А вот я пожалею тебя... Пригрею на сердце... Я, как и ты: с трещинами... на лице и на сердце. - Луч солнца скользнул по лицу ангела, и, как будто, улыбнулся он Василию. - И хорошо... Пусть хоть на чуть-чуть - а согрешь. - И почудилось Василию, будто - раз! второй! что-то сдвинулось внутри бронзового ангела. "Чем же ты не угодил человеку?.. И "голгофа" - вот! горбится, скрежесчет металлом крышка помойки под охраной злых мух".

Василий присел на скамейку, и со стороны казался - застывшей скорбью. Так неподвижна была его фигура.

...Что ни говори, а для одинокого пенсионера с котом "нечаянный подарок" был кстати. Что же тут подделаешь: ангел был в плачевном состоянии, и Василий понимал ценности. Шёл к дому, и недоумение его росло: "Выбросить из дома ангела?.. Очерствели". - Но, ругая про себя людей, он ещё больше ругал себя! И знал ведь, знал: "Нужда сделала дырку в карманах... Не мой это грех!.. Хотя, конечно, грешно продавать".

"Прости, бронзовый друг! Ты попадешь в добрые руки... знаю я одного ценителя... хотя многие по Измайловке считают его сумасшедшим... А он - вполне нормален. Любит красоту, просто. И тебя, друг мой - полюбит... А пока что ты найдешь приют в моём плаще".

Поднимаясь на лифте, Василий Аркадьевич вспомнил о яйце. Яйцо было его "н. з." (неприкосновенный запас). На крайний случай, если кот Тимошка взбунтуется от голода. Сейчас он разобьёт яйцо, сделает болтанку и покормит Тимошку.

Кот не понимал, почему должен голодать вместе с хозяином, и утром, с жестокостью тигра, прыгнул на живот Василия. Под его весом тот охнул, кот тотчас спрыгнул на пол и начал бить хвостом.

- Тимоша, милый, потерпи... - взмолился Василий.

Сейчас он улыбался, вспоминая утро. Тимофей вылизал яйцо и вопросительно взглянул на хозяина: "Вечером, вечером... Праздник будет!" - Кот потянулся и, умиротворённый, сел на подоконник.

надежда мухина книга в альманахе

II

...Василий Аркадьевич шёл Измайловской, проторённой дорогой, смотрел на развалы старины, здоровался со знакомыми продавцами и чувствовал приятную пухлость потёртого портмоне во внутреннем кармане плаща. У него были деньги. Случайные деньги. Наверное, "счастливые деньги", ведь они от Ангела.

...Василий не сразу почувствовал, что ему плохо, но головокружение было столь сильным, что ему пришлось прислониться к фонарному столбу, и вот тут - у него дёрнулась внутри тела пустота и сильно зазвенело в голове. "Господи, какая пустота внутри! - испугался он. - А ведь я не ел трое суток". - Но голода он не чувствовал, только пустоту, которая всё сильнее заглывала тело... И ёкнула душа Раба Божьего...

- Расплачивайся!.. - прогудел над ухом здоровый, бородатый мужик с серьгой в ноздре. Мужик с силой дёргал за цепь обливявшего, старого медведя. Медведь поднял морду, и глаза несчастного Василия встретились с медвежьими, и в каждом читалась невыносимая мука: "Видишь, и тебе плохо, хоть ты и не на цепи..." - говорил печальный взгляд медведя, он вздохнул опавшими боками, будто мехами старого баяна, опустил морду вниз, покорно плетясь за своим мучителем.

"Только б самому не упасть!" - ухало в пустоте, но вот и прохладный ветерок у сердца... Ветер постепенно прогонял пустоту в теле, и теперь Василий почувствовал звериный голод.

...С божьей милостью он доехал до дома, купил по дороге продукты.

Дома же выпил два стакана крепкого чая с молоком, съел булку с колбасой. Тимошка сидел на кухонном столе, и, как и его хозяин, быстро расправился с колбасой, теперь ждал молоко. Василий налил молоко в блюдо и поставил на пол. "Сокровище ты моё одинокое..." - подумал он про кота. Тимофей оторвался от молока и посмотрел на хозяина влюблёнными, изумрудными глазами:

- Пей, пей молоко... Пока я живой. Смерть и та - жрать просит. - Он вспомнил, как ему было плохо, и подумал, что сейчас же ляжет в постель, и всё будет хорошо.

ВАСИЛИЮ АРКАДЬЕВИЧУ СНИЛСЯ СОН...

...Василию Аркадьевичу снился сон.

Идёт он в глубокой осени, и земля не остыла, вбирая последнее тепло из одинокого пространства мира... Только листья, вдруг, стали минутами - быстрыми, колкими!.. Один лист прилип ко лбу, и он почувствовал, как сильно лист хлопнулся об его лоб. "Будто печатью пристукнул! Сгинь! Сгинь!.. Моя смертушка!" - Было пусто, безлюдно, глухо и маятно. Скамейки казались вопиющим нарушением безлюдия: "Кому они нужны, коли все умерли?" - Тут Василий почувствовал, как с силой дунуло в его сторону и листья облепили его тело и пытались пролезть

элова арфа

внутри, через рот - он хотел глотнуть воздух и открыл рот, и тут же, быстро, будто в сквозняк, в открытую дверь полетели листья... И внутренности его заполнились листвой, как будто Василий объелся чипсами. Он облизнул пересохшие губы. Теперь ветер гнал его вперёд, и он уже не бежал - летел!.. Летел - низко, низко, над Гоголевским бульваром. Подлетев к скамейке, он успел схватиться за край, и, вжавшись в скамью всем своим телом, тихо, жалобно заплакал.

Рядом, бочком, сидел человек и постукивал тростью.

"...Что же вы, голубчик, плачете?" - спросил человек.

Во сне Василий не удивился, что с ним заговорил Гоголь. "Это - сон..." - успокоил он себя и посмотрел на Гоголя. Великий классик вынул из кармана белый носовой платок, вытер лицо Василия и отлепил листок со лба.

"...Разве?.. Плакал? Плакал!" - молвил Василий.

"...Да уж, плакали. И - сильно".

"...Обезлюдело всё, почему-то?.." - Василий всхлипывал.

"...Спят все... Кыс... Кы-ся... Котёнок!.. - позвал классик неведомо откуда появившуюся кошку. - Тварь Божья! Настоящая - тварь! Нарожала роту котят, а греха нет на ней".

"...Вам видней с постамента", - испуганно заметил Василий. И казалось ему, то ли это ветер с ним говорит, и спрашивает... Или ещё кто-то, кому удалось заглянуть в душу... Василий видел, как сгорбилась спина Гоголя, он осторожно дотронулся до его плеча:

"...А что вы - думаете..." - он хотел было и дальше спросить, но - запнулся: отчего это Гоголь так внимательно изучает его лицо... и как будто ищет сравнение?!..

Но с кем - сравнивает?

"...ВРЕМЯ СНА - соединяло, сравнивало МЫСЛИ! Таинственная жизнь - ВРЕМЯ СНА: абстрактное, хаотичное и беспомощное движение жизни!.. И страдание, и страдание, и соединение душ!"

"...Мысли, неподвластные Времени, так явственно прозвучали в голове у Василия, что и осмелиться сказать что-либо классику он не мог?"

"...Мысли о Литургии, которую Гоголь писал в тишине духовной радости... О Российской Духовной Силе, которая держалась крестьянским устоем: Бога боялись. Василию казалось, что он прослушал "лекцию" и о нынешнем положении дел в России: худые дела! Дыра на дыре, а всё одно - латают ржавую крышу! Что как в решето - льются "бумажные" речи, да земля не приемлет речи те... Что болото - Земля стала. Да ведь и "болото" нынче - кусается по цене. Пышут пожаром леса... Литургия, лишь, утешит сердце пустытника... - Гоголь посмотрел на Василия и вздохнул, шевельнув бронзовым плечом.

Увы, все усилия Василия "понять Литургию" - вызывали лишь жалость к самому себе. Так в детстве бывает, когда вдруг, испугавшись, забываешься - слёзы душат!..

"...То ли это ветер играет, гонит листву, и от этого и создаётся Музыка Печали... О заблудших, в одинокой жизни. В одном он был прав, и... пожалуй что, и уверен! И уверенность, как сюрреалистическое, ужасаю-

надежда мухина книга в альманахе

щее кино, подтверждал чёрно-белый сон: во сне в "гости" может пожаловать кто угодно. Допрашивать с пристрастием! Самое неприятное, что - допрашиваемый, или испытуемый, отвечает безропотно. Лепечет - что ребёнок. Несёт околесицу - полнейшую бессмыслицу? Тут и Ангелы, пожалуй, усомнятся: "В себе ли человеке?.. "Пыток" вроде бы на теле нет... С лаской... только с лаской приступать надо..."

...И в левое, и в правое ухо несчастного шептали... Сон не мог препятствовать - ни страху, ни смерти. Тайные мысли во сне обростали "материальностью...". И что с того, что - Мысли озвучил Гоголь:

"...Кропотливое у вас желание?.. Это уж, как Господь захочет. Выжить, во что бы то ни стало - вам! Но вы сами знаете: не ваш ВЕК". - Покрытые папиной глаза Гоголя жгли душу Василия. Ему очень хотелось проснуться, но что-то держало его. Губы произнесли:

"...Продал ангела. Но это не мой ангел был! На помойке нашёл! На помойке...".

"...Душа у вас больно чувствительная. Разве можно так?.. Вы уж поберегите себя..." - Василий поднял голову и увидел в чёрно-белом сне беззвёздного неба - будто бы крошечные крылышки ангелов опускались на землю... Ему стало совсем горько, он заплакал. Заплакал тихо, надмирно... Попытался заглянуть в глаза Классика. Он надеялся увидеть - как отражаются в глазах Ангелы!.. Но тень окутала лицо его, и крылатка его - зашумела с ветром, вместе! И гнев, будто, навис серым туманом...

И только стук трости о землю - напоминал!

III

"Во сне с ума сходят - или не сходят?" - Эту проснувшуюся мысль Василия Аркадьевича разбудило громкое карканье: ворона сидела на открытой форточке, потом демонстративно повернулась в профиль и стала - точно, похожа на великого классика.

- Метаморфозы! - сказал вслух Василий и зажмурил глаза. Когда он открыл их, то ворона, шумно хлопая крыльями - вылетела вон.

- Конечно, метаморфозы... - снова успокоил себя Василий, но внутренний голос начал кропотливую свою работу - и наметил Василий Аркадьевич в этот же день ехать на Гоголевский. Для успокоения расшатанных, видением, нервов.

...На Гоголевском бульваре душный осенний вечер освещали фонари и пахло прелей, земной сыростью. Прохожих было не очень много, но почти все скамейки были заняты.

Василий же торопился, и шёл он так быстро и легко, как когда-то ходил в молодости. Глаза его блестели. Ему казалось, что он сбросил в метро лет двадцать, когда повертел перед лицом контролёрши пенсионным удостоверением.

- Молодой человек! Вернитесь!.. - крикнула вслед дородная контролёрша поверх напиральной толпы. Но какой-то внутренний азарт под-

элова арфа

сказывал ему: "масть к масти ложится! Все козыри в кармане!" - Он улыбнулся и взглянул в глаза проходящей женщине. Женщина улыбнулась ему непроходящей красотой послебальзаковского очарования. Они остановились друг против друга, будто бы фонарь над ними был теплее и светил ярче других... В этом тепле Василий услышал её низкий голос:

- Редко встретишь джентльмена... И я думаю, что не ошиблась: мои четвероногие так и тянулись... едва поводок удержала.

- И верно! Ваши собачки не ошиблись! Да и дамы полусвета - антиквариат... - Озорной, молодецкий блеск зажётся в глазах Василия. Он невольно любовался и дамой, и её дворнягами...

И фонари, и тёмные деревья, и переменчивые тени = всё это так напоминало картины французских импрессионистов: особенно Ренуара!

- Я здесь гуляю, - дама усмехнулась, - с полусветскими четвероногими. - Дама кивнула ему и вышла из того тепла, которое на несколько мгновений соединило их.

...Фигура в крылатке быстро прошла рядом и, очнувшись от светлых чувств, Василий крикнул:

- Николай Васильевич!.. - но человек пошёл дальше.

"Показалось", - подумал Василий и сел на пустую скамейку рядом с памятником. В ожидании неизвестно - чего?.. не заметил, как задремал в мире осеннего одиночества...

- Кар-р!.. Кар-р!.. - Раскрыв клюв, на плече Василия сидела ворона.

- Кыш! Кыш ты!.. Пошла отсюда... - зашептал Василий, и осторожно шевельнул плечом, пытаясь согнать птицу.

Ворона хлопнула крыльями, задев лицо Василия, взлетела, и чёрным силуэтом перелетела на плечо памятника Гоголя.

- Зараза! Вот, зараза! - заметив на лацкане плаща экскременты. - Платка нет! - он судорожно шарил в карманах плаща и достал белый носовой платок. Его прошиб пот. Вспомнил сон. Говорили: классик о литургии, он о ангеле... Платок!! "Что же это, Господи, вразуми!" - шептал Василий Аркадьевич. Вокруг никого не было - никто не мог вразумить его, или хотя бы - успокоить. Била мелкая дрожь. Всё же, начал тереть платком лацкан плаща: "Нагадила! Места мало на бульваре - меня выбрала". - Василий почувствовал во внутреннем кармане что-то плоское, твёрдое: "Сигареты я не покупал сегодня, или - покупал?" - этого вспомнить не мог. Вынув предмет, он, наверное, лишился бы чувств, но резерв нервной системы был не исчерпан: кольнуло в сердце. Оно заработало быстро, словно стрелки часов, которые крутила неподвластная ему жизнь: Василий держал табакерку...

IV

- Вам - плохо?.. Плохо? - Настойчиво говорил женский голос. Завыла собака. - Тихо, ты, Джулия... Будь умницей! - увещевала собаку женщина.

Василий Аркадьевич почувствовал слабый запах духов, вдохнул их - как нашатырный спирт, которым его приводили в чувство.

надежда мухина книга в альманахе

- Напугали меня до смерти! Не успели мы познакомиться, а вы умирать собрались? а? - говорила та самая дама, из полусвета.

- Я почти что - из "того" света!! Почти - еле ноги унёс. А вы вовремя обнаружили полупокойника... Вот, повезло мне.

- Мои собачки... По запаху: вечно их незнакомое тянет. Никак не отучу их... А вы, что же, бомж?!

- А вы не боитесь незнакомых мужчин?.. - дама усмехнулась: - Со мной четыре собаки. Метро закрыли, и что вы тут сидели?.. - Она присела на скамейку и стала внимательно разглядывать его лицо: её глаза заглянули в его глаза и, немного поблуждав в них, остановились на изогнутых бровях и, кажется, пересчитали все морщины на лбу, возле губ... И, найдя лицо вполне приличным, вполне красивым и наверняка - лицом порядочного человека, она переспросила:

- И что вы тут сидели?

- Встречи ждал... Дождался, вас.

- Ну, хорошо. "Тот" свет подождёт, "этом", раз вы ожили как раз к вегетарианским котлетам - приглашаю в гости. ...Пойдёмте уж, мужчина... Живу я на Сивцевом Вражке.

Василий распрямил затёкшие ноги и, опять почувствовав запах духов, глубоко вздохнул.

- Слава Богу! - дама удовлетворённо вздохнула.

- Так бы и шёл за запахом... Французские ароматы! - Василию стало совсем хорошо, и он взглянул на собак.

- А где вторая колли? - спросил он, чтобы нарушить ночную тишину.

- Вторая колли, кормящая мать, у неё двое щенков.

Василий от изумления ничего не сказал, ему хотелось курить.

- Курите? - спросила дама.

- Очень хочется!

Дама достала сигареты и протянула Василию. Они закурили и со стороны напоминали двух влюблённых - любовь которых охраняют четыре собаки.

...По дороге Василий Аркадьевич подсчитывал, сколько у дамы может быть собак?.. Интересное семейство, должно быть... Чутьё подсказывало ему, что дама не так проста: изюминка была в послебальзаковской женщине, и - достоинство! Достоинство?! Но кому сейчас это нужно? Но именно это и пленило его под фонарём, освещавшим человеческую жизнь бульвара в расцвете недоразвитого капитализма - как в недалёком прошлом, окна "ТАСС" освещали бурный расцвет социализма. Как всё меняется быстро...

- ...Всё от лукавства, - нечаянно пробормотал Василий.

- ...Лукавство свойственно человеку, - дама пригласила его войти в квартиру.

Вьедливое житие собачьего духа вернуло Василия в действительность: с ног сшибёт бывалого мужика.

элова арфа

- Где мы тут попрятались?.. Лохматые, лукавые! - Василий увидел здоровенную немецкую овчарку, которая тотчас обнюхала его, лизнула руку.

- Собаки признали своего. Поздравляю! - дама улыбалась. - Снимите свой плащ и проходите в комнату. Вы - голодны? И верно, не ели - перед "тем" светом?

- Как немецкая овчарка! Ста граммов колбасы с утра не куснул! Антиквариат не слопаешь, его ещё продать надо. - Василий сглотнул слюну: из кухни, словно яблочное варенье, плыли вкусные запахи еды.

...Он подумал, что хорошо бы быть собакой женщины... Есть из общей миски овсянку по утрам, а потом идти на прогулку, дожить до глубокой старости, любить свою хозяйку и ничего не знать о ТОЙ жизни - в которой живут люди. В прекрасной и страшной жизни!

Закурил, и почесал за ухом у кормящей матери колли. Колли лежала на диване и облизывала своё потомство. Василий заметил, что собаки знают своё место в доме, и каждая лежала на своём: дворняга спала в кресле из дорогого сердцу гарнитура с обглоданными ножками, вторая колли, видимо, была в другой комнате. Живописная картина неубранного жилища гармонично соседствовала рядом с аквариумными рыбками и антиквариатом, припорошённая прошлогодней пылью.

Но забвение старины не умерло: кипело и бурлило, переливаясь через край - кашей, в огромной кастрюле для светской семьи.

- Ваш кусок колбасы! - Перед Василием поставили поднос с двумя тарелками и хлебом: "Борщ!"

- Люблю - борщ! - он так быстро ел, что дама предложила вторую тарелку.

- На второе: морковная котлета с картошкой, - задумчиво произнесла дама.

Уже наевшись, Василий подумал, что для первого знакомства - это может показаться странным: старый кобель - ОН, потёртый сучками с помойки... Следы экскрементов ввелись в плащ. Она не могла их не заметить.

- Столько собак... а тут я ещё, на вашу шею... Благодарю вас.

- Их у нас девять! Пустяки!

- Я насчитал: восемь?

- Девятая - болеет, но думаю, выживет, дороговаты уколы. Больную на улице подобрали: простуда, истощение. Породистая лайка, девочка. Если выживет, назовём Джульеттой.

- Трагическое: Джульетта... на будущее, выбрали.

Дама усмехнулась:

- Я надеюсь, что к трагическому финалу Джульетта выздоровеет. А что мужчины выбирают: кофе, чай? - она вопросительно смотрела на гостя.

- Да хоть - индийский. Растворимый!

- С молоком?

- И чай, и кофе, и просто молоко - мой десерт!

- У мужчин похмелье бывает. Обычно к утреннему десерту брожение в голове происходит... Невыносимое!

надежда мухина книга в альманахе

Промолчав, Василий изо всех сил торопил время: он отрывал сон у хозяйки, а метро открывалось через два с четвертью часа.

- Я привыкла к ночным посиделкам, - успокоила дама. - Не волнуйтесь. Они пили кофе и молчали.

Дама:

"Он не бомж... Другой оденется, как лорд, а во взгляде что-то пристукнутое, серомямликовое... Ему за шестьдесят, и после борща, котлеты и кофе ему не придёт в голову мысль - отблагодарить меня: предложить совместную жизнь. Когда мне - под семьдесят.

...Свой возраст "умеет носить" элегантно, как и галстук.

...Порода - видна. Порода несёт себя миру, как подарок судьбы в стоптанных ботинках".

...Василий Аркадьевич, не желание - понравиться, увидел в женщине, и это его растрогало, - он сглотнул слюну и закурил:

"Немилосердное время проявило к нему - Милосердие. Пусть это смешно: она до смерти любит собак... Меня, вот, пожалела - под фонарём. Теперь мы сидим в тепле под бронзовым антиквариатом и пьём кофе".

...Он продолжал домысливать:

"Чувства отмирают в человеках, как ненужная, устаревшая деталь к новому автомобилю. Прошлому - лоск не нужен. И этой женщине лоск был бы не к лицу.

...Так вуалью прикрывают печаль на лице, а из-под шляпки выбивается седой локон".

V

Молчание длилось несколько минут, и кормящая колли взвела, прыгнула с дивана и побежала в прихожую.

- Колли обнюхивает ваш плащ... Чем же плащ её привлёк? - дама смотрела в прихожую. Колли бросалась на плащ, как и положено разъярённой, кормящей матери, разбуженной запахом кошачьего присутствия, лаем защищая потомство. Её соски болтались, наполненные за ночь молоком. и щенки начали скулить. Плащ упал, и колли уселась на него, удовлетворённая поединком с невидимым врагом.

- Громкогласный плащ у вас!.. Что там у вас: револьвер, маузер? Или миниатюрная пластиковая штучка, которая делает: бах!.. ба-х!.. Ведь вы кого-то ждали на бульваре? Ну?! Потом чуть не упали в голодный революционный обморок! Хорошо, что бомба не взорвалась... Голодных - полно! - с светским азартом говорила дама, распаяя своё воображение: - Голод - гонит людей на улицу, а улица - жестокая!

- Я произвожу впечатление голодного человека? - спросил Василий и в нервах встал из-за стола. - Если хотите, то я расплачусь: борщ, морков-

эолова арфа

ная котлета, две чашки кофе, плюс - сигареты. Я - расплачусь! К тому же, я - москвич! И улицы - не жестокие. Улицы несчастные. Московские улицы... И они тоже, не нужны! Как и мы с вами - никому не нужны! У вас - девять собак. У меня - один кот, плюс два человека: это - мы! Получается: двенадцать!

- Её-Богу, в остроумии вам не откажешь. Значит, я не ошиблась: в плаще револьвер, а объект не явился - чтоб не быть продырявленным?..

- Вы скудоумием не страдаете? - на полном серьёзе спросил Василий.

- Страдаю! - воскликнула она. - Страдаю!.. Стра-да-ю... Я НЕ ВАШ ОБЪЕКТ!!! И принесите плащ! Немедленно! Что в нём гремит?! - приказала дама, словно он был подобранной её собакой: "Не хватало команды: к ноге!"

Между тем, мама-колли перебежала с плаща и начала тыкать гостя в спину: "Это - к лучшему, - подумал Василий. - Что внутри табакерки, узнаем вдвоём".

Мамаша-колли проследовала за Василием в коридор, он поднял - плащ: казалось. Звук падающего предмета целился Василию прямо в лоб! Словно листом холодным, мокрым, стукнуло по лбу - его обдало жаром, который медленно стёк с тела Василия Аркадьевича, и его зазнобило.

...Табакерка классика отливала золотым налётом в пыли, на истёртом паркете Колли взвизгнула, и тотчас - тихий собачий ропот перешёл в лай.

- Что - там?.. Разрядили оружие?! - "Охренела, революционерка!" - выругался Василий про себя и вернулся в комнату:

- Вот, всё моё оружие! Довольны! - он положил перед ней плащ и табакерку.

...В отчаянном, безысходном молчании, как в хорошей мыльной опере, не хватало выстрела.

- ...А вы - ждали??? Ждали? Признайтесь!

- Если честно, то - да! Я - ждала! И откройте табакерку, - в глазах дамы мелькнул уже не азарт, а чисто бабье любопытство: она сама нажала на перламутровую кнопку - табакерка открылась.

У Василия потемнело в глазах, он успел схватиться за диванную ручку: "Вот и договорились..." - прозвучал в голове голос классика.

- Мы не договаривались... ни до чего... - простонал он.

- Опять ему плохо! Недоедает, что ли? - с неудовольствием произнесла дама. - А ты, умница... Умница, Джулия, учуяла подвох в ночном госте, - она похвалила колли за сообразительность.

Василий Аркадьевич почувствовал слабый запах духов с привкусом лимонных корочек... и собачьего дыхания: колли с усердием вылизывала лицо гостя, потом принялась за волосы, заодно облизывая щенков.

- Двенадцать... серебряных рублей... 1802 года... Табакерка из червонного золота?.. Откуда - это - у вас...

Василий протянул руку к монетам, пересчитал, потом внимательно стал рассматривать табакерку: чудо ювелирного мастерства. Чудо, что за табакерка, была! Перламутровая защёлка, а вензель на внешней стороне закручивался в буквы: "НГ". Василий молча собрал монеты и встряхнул табакеркой:

надежда мухина книга в альманахе

- Весомо! - сказал он. - Давайте попьём кофе, и я постараюсь всё рассказать.

- Мне кажется, табакерочка - известного мастера. Есть клеймо! В антиквариате я разбираюсь, не подделка. А вы, богатый человек, - не знали?..

"Все улики были на месте, и ворона перед лицом "органов" прокаркала бы: "Не-кар-ман-ник!!!"

Пока они пили кофе, Василий рассказывал события двух дней:

- А вы - спасительница моя! Спасительница!..

- В окружении собак - Ирина Аркадьевна!

- А я, Аркадьевич, Василий. С одним котом! Он под абажуром, в одиночестве радио слушает.

- И как теперь будете жить с богатством?.. Поделитесь с котом? - у дамы на мгновение зажёгся огонь в глазах, но тотчас был потушен, как неисправный светофор. У Василия заскребло в сердце: Тимошка решит, что хозяин его бросил.

- ...Подождите! Вы - слышите?! - Ирина Аркадьевна вышла в прихожую и сняла телефонную трубку: - Это - вас... Вас?! К телефону... - Она смотрела на него с выражением тихого помешательства в лице, и тянулась к нему, словно обездоленная дворняга, держа в руках трубку: - Представились - Классиком! Наверное, с постаментом... - шепнула она.

- Почему вы решили? - шёпотом спросил он.

- Глухой - звук! - отозвалась она. "По три чашки кофе выпили, и где взять спокойствие, когда покойники разгуливают по городу?" - Она лишь вымолвила: - У меня "дистония" началась. А если в дверь позвонит, открыть?.. - Василий Аркадьевич стоял в нерешительности, разглядывая телефонную трубку: "Гимн прозвучал... начало трудового дня", - соображал он, и решительно приставил трубку к виску, словно дуло маузера:

- ...Слушаю - вас! Господин, Гоголь!

- ...Милейший вы человек... Простите мою навязчивость... Видите ли, утра едва дождался... Если вас не затруднит - встретимся на Гоголевском... - в трубке зашипело, и Василий расслышал карканье:

- Извините её!.. - голос классика был силовым, наверное, от помех на линии, но в тот же миг каркнуло в трубку так громко, что Василий невольно отпрянул: "Не ворона - а громоотвод!" - Ирина Аркадьевна с отчаянием смотрела на новоиспеченного друга:

- Пойдёте?.. Пойдёте! Неужели?!

- Опаздывать неприлично, - Василий достал табакерку и протянул два серебряных рублёвика. - Сегодня можно купить колбасы, килограмма два. - На ходу написал свой номер телефона и сунул ей в руки.

- Василий Аркадьевич... Умоляю! Почему ОН выбрал вас? Почему?.. Неужели вы самый достойный человек? Но так не бывает?! Вы - не святоша! А я - два раза перечитывала "Мёртвые души".

- Достоин или нет - не знаю. Бог рассудит. Я часто бываю на Гоголевском... Нам теперь не разминуться.

эолова арфа

VI

...Странно, но Василий не чувствовал сонливости или усталости: три чашки кофе и резерв молодости несли его, как на крыльях, на Гоголевский бульвар.

- ...Господин - Гоголь! - Василий протянул руку классику.

- ...И страх прошёл! Вы рады меня видеть? - Гоголь пожал руку Василия.

- Рад! Очень - рад! - Гоголь улыбнулся: - Люблю, когда первый снег пушится. Ангелы садятся на плечи... Земля голая, и дух - такой!.. Русью пахнет особенно... - Он поднял кленовый лист, прижал к лицу. - Деревья патиной покрываются от холода - как и памятники, от времени...

Василий в немом восхищении смотрел на Гоголя, ему вдруг захотелось плакать - потому что, такая же печаль, казалось ему, давно уже сидит в нём, и он сжился. Притёрся к печали. Как притёрся каменный пьедестал к памятнику.

- Суший Ад! Метель и мгла! Сбрую с бубенцами пропилю ямщик в кабаке, да и замерз в дороге. - Гоголь пристально смотрел на Василия: "Печально... Если бы пропили, то - ладно... А так, всё на скамейке. Мелочь считаете..."

- В этом стыда нет! - Выпалил в отчаянии Василий. - Сейчас все только и делают: считают! - Классик поворошил листву тростью, словно что-то хотел отыскать.

- ...Поддержать - старость... Со стороны выглядит наивно. Разве Добродетель - Наивность? Скажите мне по правде? И если глупцы считают, что это так - то это Наивность, возведённая в проявление Высшей Мудрости. Новый век показывает фигу - Добродетели. И в интерьере нового века - вам не легко прижиться?.. Лучше купите новый плащ и утешьтесь. - Василий замылся: - Есть икона "Утоли Мои Печали". Икона у меня дома висит, старинная.

- Ну, ну... Печали! Вам ещё - жить и жить!

...Они смотрели друг на друга, и Василий подумал, что - вот так он сидел бы Вечность с Классиком... и ничего не надо было бы ему: ни этих проклятых денег, ни плаща, ни еды... Ушла бы суета - всё, всё бы ушло!!

...Они смотрели друг на друга, пока тусклое солнце чертило абстрактные, фантастические переплетения света и тени... И, когда теней стало всё больше и больше, зажглись фонари. Бульвар предстал в ином свете: загадочном. Тем таинственной - непостижимым для ума - предстало для Василия, всё происходящее с ним.

Чёрным силуэтом ворона уселась на плечо Гоголя и, каркнув, оставилась блестящим глазом на Василия Аркадьевича.

- Морока мне с нею. У вороны куча горластых детёнышей, а пристрастилась к дворянским собраниям. Однажды её потрепали изрядно! Всё от любопытства. Помню старую каргу, одно время у Пушкина крутилась

надежда мухина книга в альманахе

- стихи по ночам накаркивала. Докарабкалась: сыром подавилась. - Гоголь открыл табакерку, точную копию, какая была у Василия, вдохнул антикварный табак. Потом стукнул тростью - раз, другой! И пейзаж бульвара весь покрылся патиной. Между деревьями замелькали золотистые огоньки - так в церкви вспыхивают, потрескивают, колеблясь, свечи...

Гоголь поднялся, и Василий почувствовал, каким холодом потянуло от его тени. Холод коснулся плеча - он не мог пошевелиться. Состояние Покая было похоже на смерть: каменный исполин - ОН, пригвождённый к скамье, - был немощен! Василий Аркадьевич и слезу не мог выдавить.

...Слабый ветер обдувал спину его. "Со временем, - думал он с каким-то безразличием к своей участи, - со временем всё будет изъедено мелкими песчинками, и там, где сейчас волосы, образуется зелёная плесень. Никто - не отличит его от камня". - Василий не успел додумать: страшно ему или нет! - Колокольный перезвон Храма Христа Спасителя растопил холод. Соскользнув с плеча, темнота осторожно начала двигаться за спиной...

Василий чувствовал ужасную слабость, но и - как ни странно, прилив Счастья. "Откуда - Это?! Забытое... Да и отвык я... Отвык!"

...Прочитав "Отче Наш", он перекрестился и, поднявшись со скамейки, медленно пошёл по бульвару к метро. Он даже не взглянул на памятник. Он наслаждался живописными бликами света, особенно хороши они в окнах. И за окнами должно быть непременно - Счастье!.. В окна заглянуть невозможно... "Но у тебя есть своё - Счастье!" - с радостью подумал Василий о коте Тимошке.

...И терзавшие душу Василия ежедневные размышления о жизненном смысле: размышления, как размытая акварель цвета небесного, - перетекали в облака смога. Приобретая оттенок невзрачный, серо-мышиный. Сколько ни раздувай эту серость в небе, "мышеловка захлопнулась". И вопросительный знак будет вечно стоять над - СМЫСЛОМ. Как неизвестный солдат на посту.

И тебе, Василий, сколько б ты ни пыжился, - неизвестный солдат, он ведь не знает: что охраняет? от кого? "Чёрный квадрат" Малевича - тоже о каком-то тайном, претайном смысле...

ПРИТЧА О "ПРИБЫЛИ И УБЫЛИ"...

...Василий Аркадьевич взглядывал на "счастливые" окна и сравнивал со своим окном: на подоконнике тоскует кот Тимошка. Ему невдомёк, что в доме приютилась "Убыль", где-нибудь за диваном... но включённое радио отвлекает кота от пустого блюда.

"...Интересно, что стало бы с миром, если б "Убыль" - не выбивала в продавленном диване "Прибыль"! Господа-с!" - Василий вдохновенно тянул житейский смысл: "Да и к тому же, Убыль учит: Мудрости. Даёт силы в болезни, влюблённым дарит надежду построить свой, воздушный мост Любви!"

"...От Прибыли - "сытость" в горле костью может застрять.

От Убыли - и овсянка на воде, хороша для пищеварения..."

эолова арфа

"...Однако же, какое во мне присутствие духа!

Литургию Гоголя надо бы непременно прочитать...

В "метаморфозы" никто не поверит, даже в несчастливых окнах, в которых усердствуют о Прибавлении изо всех сил... Трудяги! Ничего, пусть - попотеют..."

...Ах, глотнуть бы из кислородной подушки - в реанимации у Природы!

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВАСИЛИЯ...

...Размышления Василия, если бы кто-то, сверхчувствительный, послушал их, - решил: человеку срочно требуется помощь специалиста по нервным болезням.

А так как время было в периоде 2000-го года, и грозная цифра - единица, или - кол, в простонародье! Прицеливалась выставить вперёд меткое копье и втереться в доверие к 2001-му году, то... и расстройство нервов было вполне понятным. Многие "членовредители по вере" ожидали срочного конца света, и закапывались в землю. Чтобы там, среди червей, обрести покой...

Ожидания что-то затягивались...

И те, кто был на поверхности земли или жили в глубоких, тайных пещерах, подстёгивали пришествие конца света: вериги, голодание, колючие приспособления. Способствовали членовредительству по Вере. В страстных молитвах проходило время их - но солнце по прежнему светило, и ни один метеорит не пытался пробуровать атмосферу. А то, что творилось в больших городах, в глухих, без электричества, деревнях, в богатеньких... В информационном потоке охрипшие стоны о помощи глохли! Их просто отключали, как радио. Но стоны вползли в мозг червями... Копошились там, в мраке черепной коробки, между переплетениями кровеносных сосудов. Между проводами нервного тока посылали сигналы "SOS!!!". И из слезящихся глазниц смотрели изнутри! И гнев нарастал. И червь набухал чёрной кровью... Нехорошей кровью, больной. Что рождало подозрительность, озлобленность, ненависть между людьми. И отдалялись они друг от друга - как и Конец Света.

...Без применения розог - мыкались люди.

VII

...Вернувшись домой, Василий Аркадьевич нашёл кота лежащим на ковре с вытянутыми лапами. Страх подполз к сердцу и начал потихоньку буровать дырочку. Малюсенькую, но достаточную, чтобы убить. Василий лёг рядом с Тимошкой и прижался небритой щекой к коту: "...Не умирай... Не умирай... - шептал Василий. - Прости старого дурака, Тимошенька..." - Он рыдал, как ребёнок, которого - все, все бросили! Не оставив даже любимого, и истёртого до дыр, плюшевого мишку. Он вжался в

надежда мухина книга в альманахе

тельце кота, в надежде услышать робкий стук сердца - а вдруг?! "Господи! И зачем я ушёл так надолго! Зачем?.. Зачем!" - Василий тихо выл.

...Спаситель возвращает утерянные надежды: тихое кошачье "Мяу!.. Мяу!.." - едва не лишило Василия чувств. Тимошка потянулся, зевнул и в недоумении уставился на своего хозяина, которому для чего-то понадобилось поваляться на ковре.

...Обывателю показалась бы вся сцена - комичной?.. Но разве Любовь выражается только словами?

"...Нет! Нет!.. И сто раз - нет! Я так же счастлив, как и - в восемнадцать!.. И запас Любви неисчерпаем. Впереди меня и Тимошки - Доброкачественная Старость!"

- ...Тимоша... Тимоша... - нашёптывал Василий Аркадьевич в ухо ко-ту, который терпел всё это шекотание, всхлипыванье, и старательно вылизывал лицо Василия. - Пойдём, сокровище ты моё одинокое, на кухню. У меня в кармане немецкий корм "Доктор Клаудер" для взрослых кот-тов, золотая табакерка классика с антикварными монетами, и его носо-вой платок.

VIII

...Нехитрые новости светского жития, как и старые журналы, инте-ресно перелистывать - страница за страницей.

...Знакомая дама Василия Аркадьевича вылечила Джульетту импортными уколами. Джульетта скоро станет мамой. К тому же Ирина Аркадьевна все-рвёз увлеклась Василием Аркадьевичем. Их часто можно было видеть вмес-те: они оживлённо беседовали, спорили, и даже - ругались. Потом быстро мирились, чмокая друг друга в щеку. Курили в две трубы, непрерывно.

...Дама его однажды призналась - что подобрала породистую борзую... преклонного возраста: "На ней был ошейник?.. А у меня была колбаса в кармане, в целлофан завёрнутая... Борзая и пошла за запахом... Назвала её Василисой Аркадьевной, - вымолвила Ирина Аркадьевна. - А панихи-ду вы заказали?" - спросила она.

- За Раба Божьего Николая, в Храме Христа Спасителя.

- И слава Богу! - она перекрестилась: "ПОКРОВ, нынче. ПОКРОВ".

...Василий Аркадьевич любил в одиночестве посидеть на "вешей" ска-мейке.

Пока он доходил от метро к памятнику, и голуби летели за ним: они узнавали фигуру в длинном пальто и шляпе, по одним, им - непонятым для людей, приметам.

Василий Аркадьевич доставал из авоськи пшено и щедро сыпал, слов-но пахарь, знающий - где именно взойдут обильные посевы: действи-тельно - голубей прибавлялось.

эолова арфа

- Пока живой - буду кормить! - приговаривал он, а для знакомой вороны приносил кружок колбасы или сыра.

Василий курил и радовался: "Чудно, живём?.. Ох, чудно... в окаянности, поголовном. Не обмишуриться бы?.. А всё-таки - хорошо, живём".

IX

- ...А что - не поторговать дыркой от бублика? - спрашивает засмущавшийся торговец рамой прабабушки, с покрытыми плесенью "антикварными" пятнами на раме. "Ни дать, ни взять: Измайловский клоповник, что - шулер, картёжник, ускользнувший от цепкого глаза ЧК".

- ...Деревянный... А дальше - что, пустота?.. - сосед с рамой, бронзовой, держится куда увереннее.

- ...Вид у неё купеческий... - рассматривает одну из вещиц на прилавке дама - приятной, нестареющей внешности, с яркими губами и блеском в глазах.

- А стёклышко имеется... Посмотритесь-ка! Полюбуйтесь-ка!.. К вашим губам и зеркальце старинное...

- Зареклась: не - покупать! Похожу - подумаю...

...Поторговаться - вот в чём сладость! Поговоришь, о том о сём, и оттепливается под полушубком: живот урчит здоровым голодом. Глядишь - и вынимает покупатель денежку импортную...

- Эй-Богу, купил! - шепчет сосед по Измайловке.

- Помахай деньгой над моим барахлом, - просит другой сосед.

"...Да, магические цифры с нулями - делают чудеса с людьми. Люди становятся "добрее" и даже улыбаются, и похлопывают друг друга по плечу: подключение к трепетно-нервной денежной физиотерапии. "Динамическими Токами", слегка потряхивают, но - лечат. Что, пожалуй, не по силам было бы, какому-нибудь заморскому чудо-магу?.. Умеющему летать вместе с голубями, и... высиживать чудо-золотые яйца "Фаберже" вместе с курами..."

"...Импровизация тленной жизни?!"

...Уважаемый Василий Аркадьевич пребывал в абстрактных мыслях, хотя у него прибавлялось седых волос.

С каждым днём Мысли обрастали нулями, словно увесистой пачкой денежных купюр, и рассовать их некуда было. И большой вопросительный знак пригнал к земле голову Василия, как те голые ветви за окном... Но Природа - знала, ожидая нового Возрождения. Дрожащие от холодного ветра, ветки лишь тихо постанывали... Василий Аркадьевич вздыхал, смотрел на далёкое небо и нет-нет да шептал про себя: "Время летит, а Вечность приближается..." - Слова из "12 Добродетелей" - особенно нравились ему; в коротком тексте всё было ясно связано Мудростью: Рождением, Жизненным Смыслом... Смертью.

надежда мухина книга в альманахе

...Василий Аркадьевич часто играл в шашки с Классиком. Шашки были искусно вырезаны из слоновой кости, а доска инкрустирована золотом. Точно волос золотой делил на квадраты поле доски.

...Так и Мысли - соединяются между собою, борются, и вот уже передвигается и обгоняет - раз! два! - на три комбинации, чёрные! Вроде бы - ничья! Одна осталась, из чёрной кости. Как одна и последняя, проклятая чёрная Мысль! Ах, её бы?!

Да не тут-то было. Глупая ворона смешала игру, долбанув по доске клювом.

- ...Разлетелись - Мысли?!. Не потеряли ни одной! - осведомился Гоголь.

- Пересчитал. На - месте! - Василий закрыл крышкой игру мыслительного процесса. - Красавица! - он погладил инкрустированные буквы: "Н. Г."

- Берегите подарочек мой... - с хитрецей сказал Гоголь. - МЫСЛИ - ТАМ... Да в храм пойдите. Нынче "Параскева Пятница". На вечернюю. Свечка два рублика. О упокоении душ Раб Божих...

Москва,
2010 год

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

некоторых дней моей жизни

Новелла

I

...Нет, нельзя жить только горем! Это расточительно, глупо и бессмысленно. Сколько всего прекрасного есть на свете!.. И в этих сверкающих витринах - они дают тебе понять: живи - радостно! Трать деньги! Ощущай удовольствие от покупок! Всё, всё - предоставлено. Лишь бы ты не грустил.

Улыбайся - Смотри: в лакированной вывеске "Блошиного рынка" оригинальные безделушки расположены со вкусом фотодизайнером.

...Красоте надо отдаваться со страстью! С упоением!.. Как любовнику или любовнице... Обонять Её всеми порами: порою хочется присесть к... "Завтраку на траве" Моне, и подслушать светские сплетни о Парижских интригах!..

...Лови мгновенья чудных ощущений! Они будоражат кровь, омолаживают и, право дело, - порою излечивают душевные раны. Даже немощ телесная - отступает, загорается блеском выздоровления! Не чудо ли это?!.. Не метаморфозы ли? Когда грёзы о "красивой жизни" - вот так, просто разложены перед тобою на прилавках под стеклом. На стеллажах антиквариат: распирает разноцветием бутылей, сундуки расписные, с резьбой, стоят, словно бабы отяжелевшие, отъевшиеся русскими блинами с икрой! Откуда всё это богатство!..

элова арфа

"БОГАТСТВО - ЛЕКАРСТВО ОТ БОЛЕЗНЕЙ!!!" - Кто-то из "Блошки" решил оставить свой автограф на вывеске. Я искренне желаю ему, или - ей, здороветь и радовать Бога своим выздоровлением.

...Красота поселяется в душе и вьёт, пока что - маленькое, гнёздышко...
...Красота - переселяется в твой дом, и вот уже и виноградной лозой перевешивается через лоджию!..

Разве можно жить без НЕЁ??? Это всё равно, что всю жизни - "девственной" ракушкой колыхаться, слушать шум прибоя... чувствовать, как дельфины брызжут радугой волн!.. И никогда, никогда не раскрыться: зерно жемчужное так и не выросло до настоящего ЗЕРНА. ...Ходить в неприглядных одеждах и стараться - а это совсем глупо - ровным счётом никому не нравиться?.. Ну что это за жизнь? Что за Неуважение к собственной персоне?.. Блаженная дикость - хотя... чего не увидишь в Мегаполисе.

...И даже если нет средств, чтобы приобрести что-то необыкновенное - можно утешиться... буклетом, набором открыток... И в долгие зимние вечера наслаждаться игрой света. Прямо из "Мулен Руж" светится, блистает и крутится мельница!..

А как известно - мельница всё перемелет. Не хлеб с маком - Красота, но требует к себе такого же "замеса", какой записан в старинных рецептах, которые хранятся в старинных сундуках за семью печатями!

...КРАСОТА - ЭТО ЛЕТО ЖИЗНИ!

...Нет!!! Нет! И Нет!.. Я не буду рассыпаться в эпитетах! Я не буду в сердцах "ублажать" красноречием...

Дикари с бубенчиками, и те - поклоняются Ей, Рисуют у себя узоры на теле, протыкают губы, носы и уши, чтобы побольше было "Богатства" на лице и на теле...

...Есть и новинки: точно так же, как и в мёде. "Нанотехнологическое искусство" под которое берутся огромные деньги - деньги импортные. И бегущая строка на мониторе, оказывается, отражает "Красоту Бытия"? Или что-то в этом роде: убогое, беспозвоночное, беспомощное владение кистью?.. С душою "бледною и хрупкою" - но с голосистым кукареканьем общипанного петуха! Новорусское в захлёбе - "ОНО" очень хочет в усадьбы... музейное, непременно чтобы было.

...Как говорила мудрая моя учительница по живописи Нина Ильинична Нисс-Гольдман, старейший член МОСХа, профессор. Познавшая Живопись, Структуру её - до самых до седых корней волос, ещё с прошлых, с начала 20-го века Парижских школ...

"Русская академия в Париже... Сейчас уж мало кто знает, что существовала такая в начале прошлого века. А ведь из неё вышли многие знаменитости. Здесь бывали А. Матисс, Ж. Брак, Ф. Леже, П. Пикассо, А. Модильяни... Мне выпала честь быть ученицей одной из участников этой художественной школы - Нины Ильиничны Нисс-Гольдман".

(23 - 25 января 2007 г., № 3 (535) газета "Россия".
Автор очерка - художник Надежда Мухина)

надежда мухина книга в альманахе

II

...Нина Ильинична тычет палкой об обнажённую доярку, что стоит, выпятив гипсовую грудь с сосками, будто бы налитыми молоком. Грудь - вот уже какое десятилетие охраняет мастерскую.

- Не облакачивайся на грудь! - делает мне замечание. - Вчера кто-то спёр у доярки ведро! Я заказала дворнику, пусть купит два нержавеющей. И обедать будем после сеанса!

- Хорошо, - соглашаюсь я, хотя у меня урчит в желудке.

- На голодный желудок будем работать!

"Из нержавеющей скульпторша, - думаю я, - и как мне повезло писать вместе с Нисс-Гольдман".

- Голод - Вдохновляет!.. Но только не чиновников. А ведь приходилось и их физиономиям, вид одухотворённый - из глины в металл отливать. То ли дело - Парижская кутерьма!

В своё время я скребла до умопомрачения: и мир гармонических пропорций у каждого скульптора свой был... Гармония требует Созерцания Натуры Божественной... и терпения: труд - пчелиный, но мёд скапливается.

...Пусть я, старая дура, но если в холсте нет и намёка, что относилось бы к живописи?.. Живописцем надо родиться - а ты работай, работай... это ко мне обращение.

- ...Из тебя выйдет - толк! Ты - колорист! Не ленись... Красота, как дамская шляпка, должна дополнять колорит обнажённого тела...

...Я, "заслужив обед" у Нины Ильиничны, теперь выпитываю Впечатления... Неторопливый шелест альбомов: Сезанн, особо любимый её, из "новых течений", конечно, Кандинский не перестаёт восхищать, - Нина Ильинична возвращается к Ренуару: "Чертовски хорош!!!".

- Разве можно придумывать что-то в живописи? Живопись - это Жизнь во всём. Никогда я не понимала "игры фальшивых мазил"? Похожи - на фальшивомонетчиков?.. - обращается она к Вечности и смотрит на антресоли: "Вот - моя Вечность..."

- ...Я месила глину, как мужик! У меня была длинная коса и одно платье. И - Страсть была! Страсть: эдакое тело прекрасного возлюбленного! Ах, сколько упорства требуют чувства любовные: вылепить их в мозгу! Влюбиться в это тело из глины, и - хлопнуть по заднице напоследок!

III

...Впечатления перетекают в вечернее чаепитие. Нина Ильинична рассказывает об одной скульптуре.

- Не буду говорить фамилии, всё равно это ничего вам не скажет. А была у него страсть - лепить из глины... подушки! Смятые, и так и смяк! И чтобы клочья пуха-пера торчали. Какой цели он добивался - было под завесой тайны. И скрипа двери боялся, как будто чекистам не всё равно - за какой десяток, другой вылеплено подушек?..

элова арфа

Дворник, татарин, всё мусор гипсовый, подушечный таскал на по-мойку. Спрашиваю его однажды, и представьте - татарин-то и раскрыл секрет! - "Хрен его знает... И не пьёт, а такую х...ню?! Балуется! Говорит: Интерпретации на тему... Ваяю! Нравится тебе? - Я мнусь, правда-то не каждому понравится: под "Данаю", стервец, косит! Она ж на подушке возлежит в ожидании любовника..."

Потом подушечный скульптор в больнице лежал. Жалко его.

- И уже с иронией продолжает: "Сейчас лошади рисуют - и никто в обморок не падает. И лошадям нравится, когда им сахар дают... Талант - ОН не выбирает..."

...Увидишь: 21-й век ещё не то - ВЫДАСТ!!!

- До 21-го дожить надо, - говорю я.

- Двадцать - с копейками!!! Разве это возраст для Гениальности?! Я намереваюсь прожить - сто десять лет! И ни копейкой меньше! А до рубля сравняться - это забота великих неудачников.

...Я всегда говорила: Жизнь - уже Сюжет.

...Я прожила день, и считаю - неплохо! И завтра будет другой Сюжет, но - мой! Только - мой!.. И завтра нас ждёт "Сирень".

- У меня нет холста, - говорю я.

- Борис закупил, разные, выбери... - Мы смотрим на сирень, она в большой банке из-под огурцов. Отяжелевшая, уже взбухающая взбухающая богатством жемчужных зёрен... И завтра!.. Завтра - моя кисть будет ласкать холст.

...И, засыпая, дома, чудилась мне "подушка из хрусталя"... Издававшая при этом мелодичные звуки... Звуки, навеянные сном безумного скульптора.

IV

...Жила Нина Ильинична по-"спартански". В мастерской на Масловке: раскладушка с матрасом, поверх - одеяло, подушка. Круглый стол, где мастихин, лупа - дополняли живописные натюрморты из репродукций: Виллема Класс Хеда - "Завтрак с крабом", или что-то фруктовое: Балтазара Ван Дер Аст - "Натюрморт с фруктами", голландской школы. Или, с обнажённой натурой, отражающейся в овальном зеркале, с цветами в белой вазе, бархатным чёрным платком с узорами, и непременно лимоны, кофейник... С вечера забытая репродукция Жана Жовено, француз, оттого и натюрморт - чувственно-любовный, "Женщина с зеркалом", 1912 год. - В ту пору Нина Ильинична как раз "штудировала" Натуру. И "Буханка хлеба" Евгении Малейной - не уступала французам. голландцам... Русский хлеб иностранцы любили.

Беспорядок, который назывался "классическим", не смущал старуху. Если писать натюрморт "Беспорядок" - то Натура прописана на Верхней Масловке, восседает на допотопной раскладушке и скребёт холст. В ведро "Доярки" кто-то положил пакет молока, белый батон, который начал плесневеть.

надежда мухина книга в альманахе

...К быту - относилась с пренебрежением, и воодушевлялась собеседником, если таковой появлялся. Грудастая доярка будто приветствовала гостя: ведро её слегка раскачивалось, и Нина Ильинична делала предупредительный жест: "Доярка" задалась гостя! А я... скучаю? Наверное, ухожу в Левитановскую "Осень"...

...Иногда я заставляла её полулежащей на своём спартанском ложе.

- ...Хорошо, что ты пришла. А я вот с Сислеем брожу вдоль Сены. - Моя молодость, увы, ещё не понимала - наше Творчество может окончиться. Я с грустью смотрела на сморщенные груши и яблоки, и драпировку - сморщенную... Будто бы скорбь - в складках приютилась: не чета Молодым - Старость! Молодые легко сдаются в руки Скупца, который держит акции "Успеха". Это маленькое, щупальцеобразное существо - сажает на крючок! И медленной, сладостной пыткой - насыщает наживку.

"...Дантов "Ад" трепещет! А Бог - в суровом молчании: мятущаяся душа художника не слышит ЕГО. Искушение - словно подиум! Презентация "Кислых яблок с древа Познания"...

- Что приуныла? У меня припасена ещё "не одна копейка Жизни"! Лета! Пока я ковыляю по Масловке, думаю: скольких же я - Пережила... Ну, да ладно! С писательницей Диной Рубиной я тебя ещё не знакомила? Нет? Борис говорит, что она - нарасхват! И без всякой бабей помпезности. В редакциях особы сидят с претензиями... И - особенный талант их раздражает? Печатают: "Бабы посиделки"...

...Во впечатлениях Нины Ильиничны не было того хаотичного восторга. К новым веяниям в искусстве она относилась с интересом, проматривая альбом какого-нибудь художника.

- ...И "Небожители" порою сваливались в канаву, Пьяные. В грязи: масса цветовых отношений! Иметь талант надо - из грязи" извлекать "цвет". А глина - это классический материал для творческого замысла. "Камень Вечности" - под "прессом времени". У Модильяни - впечатляют его "каменные головы"... Отшлифованные морем!..

- Опять вы о своём Модильяни! Поговорим о современных... - Гость Нины Ильиничны - молодой художник, но по всему видно: напористый в своих идеях.

- Современные, не современные? Кто придумал idiotские сравнения? С Модильяни, что - осовременилось бесполое тело, выкрашенное жёлтой охрой? А зачем Тело положили на доски, выкрашенные чистыми белилами? Контрастно. Тело - ВОПИТ! Хотя бы освещение притушили... Вы не согласны? - Художник, ничуть не смущаясь, говорит, что это - Впечатление... От Обнажённой, Модильяни. Альбом в Италии издан. Превосходная бумага, печать.

- Да, бумага. Я видела "Натурщиц" в мастерской самого Модильяни. И видела - как пишет Гений.

- Никто не спорит... - Художник несколько смутился и взглянул на большой холст: "Вы здесь так величественны... А кто автор вашего портрета?"

эолова арфа

- Пока работа не закончена... автор - мой большой друг.
 - Суеверничаете?..
 - В большом искусстве без этого не обойтись. Эта молекула, как блоха. Я давила блоху монументальной фигурой сталевара, Героя Социалистического Труда.
 ...Обмоем чаем вашу Плоскость, - Нина Ильинична постучала лупой по репродукции: "Превосходно изданный альбом..."

V

- ...Моди! Моди!... - Мечтательно проговаривает Нисс-Гольдман. - До чего он был слаб... Но чертовски красив! Талантлив! Часто просил займы: "Сеньора Нина!.. О, добрая сеньора Нина!.. Я знаю, вы берёте уроки у Бурделя... всего несколько монет... Вы - русская душа!.." - Конечно, кто устоит перед Красотой, которая просит займы!!! И я - давала. Но перед этим говорила Модильяни: "Рядом забегаловка: сосиски с капустой, кофе с булочками... а потом ты получишь вознаграждение - что съел всё это..."

...Нина Ильинична не была скрягой ни в деньгах, ни в творчестве, а её великолепные "зарисовки", или, как она говорила, Сюжеты переменчивые, ложатся на холст от Неаполя до Парижа, и до холодной революционной России 20-х годов.

"Холодный подмалёвок" придавал Революции сначала - Суровой Романтики, вслед за которой - Суровый Голод косил безнадёжную Романтику.

"...Сердца на копыя поднимем!" - Пели на похоронах Митрополита старинный стих.

"...Когда выходили из ограды монастыря, были сумерки. Около ограды стояли ряды нищих. В стороне - слепой, и с ним мальчишка лет тринадцати. Мальчишка держал чашку, куда ему клали пятаки. Они пели какой-то старинный стих. Мальчишка концы каждого стиха подвывал диким альтом. Мордочка его из-под шапки выглядывала острая. волчья. Помню слова: "Сердца - на копыя!.." - Писал в записной книжке художник Павел Корин, весной 1925 года.

...И сумерки, и звёзды, и огни прожекторов стадиона "Динамо" близ Масловки - сливаются, и будто бы свечи церковные, то тут, то там, за зелёной оградой листы - вспыхивают, гаснут...

Нина Ильинична уже включила настольную лампу, достала лупу из-под подушки, полюбовалась нержавеющей ведром "Доярки" у входа, и - углубилась...

...Бог знает, кто на сегодняшний вечер составит ей компанию из Великих.

...И воображение рисует что-то "Босховское". Где под мрачными сводами собираются Великие Грешники и заводят - Великие Разговоры...

Всем ИМ - уж определили потомки "Вечное Успокоение" в царственных музейных залах. Их картины "одеты" в рамы ручной работы. В которых мастерство резчика по дереву должно верно угадать: настроение, колорит, нюансы живописной манеры и т. п. - тонкости.

надежда мухина книга в альманахе

Со временем - сама "рама" рассматривается на предмет: каждое "Время пахнет по-своему". Музейные залы перенасыщены - Запахами Времени...

...Сюжеты - Жизни! Нет, nepозволительная роскошь выставлять некоторых из НИХ - на всеобщее обозрение.

Великие Разговоры - останутся Великой Тайной...

Москва,
23 - 29 мая 2011 года

У НАБЕРЕЖНОЙ МОСКВЫ-РЕКИ

Новелла

Московия речистая - как Москва-река журчит! Огибая плавно человеческие судьбы, которые жили по соседству с рекой в столь далёкие, отошедшие от парпетов, мостов, в столь давноотроческие мои лета.

...Дышащая прохладой зелёная вода, помнишь ли ты все лица, которые заглядывали на Тебя сверху...

...Брызга пенной волной радовала Ты сердце, волновала душу! А сколько песен слагали!.. Ужель и они, играючи с волной - за долгие годы всё прибывались к гранитным берегам, солёной слезою бередя душу морскую...

Словно русалка, притуливался одинокий парусник на середине твоей. Там и я неподалёку жила, работала, и подолгу заглядывалась на облачко плывущее как раз над волной. Не чудо ли это! А кто не видел этого чуда, вряд ли поверит моему всплеску памяти...

...Радовала Ты плотвой заядлых рыбаков, любителей. Ранним утром, словно солдаты на посту, славились они с парпетом - так прижимается тень к древнему камню.

...Радовала ты бегущий речной трамвай, пытящийся серым дымком. Он тянул свою лямку, как бурлак. И в отроческие мои лета, бывало, и я любила прокатиться от ЦПКиО им. Горького.

...И у набережной Москвы-реки, на Саввинской, 25, в мастерской, где работали мы. Подшучивал кто-то нехорошей приметой: соль нарочно просыпали на пол... И - то солоно, то сладко, весело - кружилась в "кадрили" невтерпёж суетливая жизнь. Ударный труд кипел, как в стакане: патетическими диспутами, склоками, обидами... - Под пулемётные выстрелы кнопок вражеской стороны - перебежали через газовые трубы в тыл сплетен... Сплетни расплетали и вновь заплетали интриги воскресных посиделок. Интрига вызывала мигрень, вот уже третий день у мадам... "А у меня - нет!" - Аллочка доставала косметичку, готовясь к таинству "камуфляжа" на лице.

...Дух соцреализма присутствовал во всём. Но было в духе том - эстетствование! Самолюбование в "романтическом барокко ли...". В "сере-

эолова арфа

бряном веке ли..." Но весьма скромен был шик буржуазно-богемный: наспех пришитая вуаль на шляпке, птицей летела на советские газовые трубки, строго прочерченные на планшете. Пока не закипал чайник и утренний кофе, словно некий "атрибут искусства" пили медленно... Чтобы творчество начало двигать стрелки на часах, и "пехотинец" наш бдительный - уж затачивал свой карандаш!

Художник - народ неприхотливый. Может работать в любых условиях, и тем приятней работа - когда тесно, всегда в загоне от срочных лозунгов, выставок, объявлений. Всё - на грани виртуозности и экспромта, и это - вызывало во мне трепет от собственной значительности: именно этого я и хотела!

...Мне нет ещё и 18-ти лет. Я - малолетка, пацанка. Я ещё пока что ученица. Взрослые мои учителя относились ко мне с "трепетной" заботой. За что я очень благодарна им - учителям, в осмыслении художественного подхода написания лозунга ли, по трафарету к 8 Марта, некролога, объявления и всех прочих милых радостей для души моей - когда я, погружённая в запахи красок, вдыхала их, будто это был свежий морской бриз. А клубы дыма у окна, словно джин, выпущенный из бутылки, был слегка пьян, без передних зубов. Это Славка Яценко, стараясь не дышать в сторону мадам Пехотиной, курил - стараясь тем самым отделить себя от мадам: внюхивался наш "пехотинец". А сердце моё трепетало от прикосновения к листу ватмана на туго натянутом планшете: как гладок он. Притягателен своей ещё "невинностью" невесты пред венчанием её короной. Где алтарём служит обшарпанный стол, да кастрюля с густым колером. И первые шлёпки ультрамарина очертают квадрат свадебной лентой! О, праздник красок!.. Великолепие беличьих кисточек!..

Почему выбирался именно синий колер, то здесь всё очень просто: газ горит синим пламенем! Символом "Союзгазавтоматики", Газпрома. И синюшная бледность, будто бы вены - плавно втекали в советские дома. Даря радость и казахам, и таджикам и чукчам, и северным жителям окраин. Словно нитью бисера по скатерти белой - тянулись трубы пролетариата! И все мы были в ту пору - братьями и сёстрами одной могучей семьи, СССР!

...Мастерская наша располагалась на втором этаже: большая комната с обшарпанной дверью, на тыльной стороне которой был нарисован Арлекин с цветком нарцисса в уголке опечаленных губ. Со временем эклектики прибавлялось: после Арлекина появился толстый дядька с трубкой в зубах. Он глядел со стены с прищуром, конечно, чуть-чуть он был пьян, и оттого не смущался трезвого взгляда мадам... Женщину довольно миловидную, изящную, если бы не было в её внешних данных, что-то от змеи... Её вечный карандаш всегда был при ней. Особенно любила рисовать глаза. Глаз было так много... Порой я удивлялась: это, наверное, для пушего порядка! Чтоб мы, черти, охламоны, не разрисовали всю "Союзгазавтоматику" - шутами, пьяницами, оголёнными девицами и наядами из Москвы-реки. За всем должен быть - глаз да глаз!

надежда мухина книга в альманахе

Вот мадам начальница и подвизалась. Власть - штука тонкая. И Пехотина пестовала её, будто бы маленького дитяtiu - на руках баюкая... Уголки её губ опускались вниз, и карандаш, будто бы жезл, меч карающий, тотчас появлялся в костлявой руке. Зловещий глаз долго искал исполнительную жертву: их было - шесть.

- Алла!.. Ресницы ты второй раз красишь! Трубы к Украине не могут ждать?! - На что Алла невозмутимо взглядывала на Пехотину и принималась подводить губы. Они были особенно эффектны! Будто две миниатюрные подушечки, и, оставшись довольна собою, Аллочкины глаза приобретали тот особенный блеск! Когда женщина знает: любима! Что - нравится!.. Что может позволить себе маленькую шалость: "...И пусть, злится... Пусть!.. Пусть!.. Не помеха - счастью!"

...Ах, эти дамские иголки, шпильки! То и дело шлёпались они, на шедевальный эскиз выставки. Нинон из текстильного вуза показывала кукиш под столом. Нет, она, конечно, вставляла изредка профессиональное слово по поводу колера:

- Синька, хороша. Тон - не тот! Водянистый? Газовые трубы не посоветски бледны?.. Поагрессивней - синего кобальта! Советую...

- Очень, очень много колера!.. И, девочки и мальчики, - за работу!!! - Мадам начальница нервно закуривала, постукивая костяшками пальцев по трубе:

- Здесь труба делает поворот к Украине... Тут что-то непонятное?? - Пока что колер синий подождёт. Карандашом она делала крестик и знак вопроса, и, будто полководец, решительно подходила к окну. Худое тело её подрагивало, как будто от нервного тика, - тянула она мысль... Так змея вытягивается, чтобы сбросить старую шкуру.

...Как помню, "выходы в свет" сопровождалась с благочинием. Будто бы пары собирались на купание в прудах, заодно обозревая окрестности Новодевичьего монастыря. Там же и обедали: булкой с изюмом, молоком и плавленным сырком "Дружба". Выходили продышаться, обсудить светские новости о кавалерах... Разве что кабриолета не было, да усатого гренадёра! Но об этих удовольствиях можно просто - домечтать... Тем более, что в Новодевичьем снимали сцены фильма "Юность Петра" режиссёра Герасимова.

Обычно, первыми выходили наш "пехотинец" с Аллочкой, подругой своей. "Пехотинца" просто распирало, как вулкан, который вот-вот задымит, и задыхающаяся Аллочка выложит ей все тайны: КТО?.. С КЕМ?.. Этого не может быть!! ОН ещё по-жа-ле-ет... Увы, любопытство не порок - досада!.. И на обочину не скинешь - подруги всё-таки...

...Пуская дым сигаретный, сразу из обеих ноздрей - словно породистая кобылка, которая так и норовит лягнуть, клацнуть зубами - но, услышав долгожданное, зазывное ржанье жеребца... Которых изредка выводили на Новодевичьем - дым тух в ноздрях мадам. Лениво потягивалась, зевала... Надоевшие окрестности приелись, а обшитые мхом крепостные стены вызывали мурашки по коже...

элова арфа

Аллочка же, стоявшая в отдалённой оппозиции от мадам, подруги, - нрава была весёлого, лёгкого. Всё у неё спорилось, вот только некоторые каверзы подруги - портили кровь. "Любовь - не без заноз!" - девиз свой Аллочка, не "людоедка", - несла с гордо поднятой головой. Яркие губы её, как стяг, стремились не к светлому коммунистическому будущему - к Поцелуям!!! Поцелуям!.. Поцелуям!.. Да и всё существо её, темпераментной, обольстительной "Данай" - совсем не шло к каторжному труду - социализма! К писанию лозунгов, объявлений и т. п. чепухи?.. "Зачем писать некролог?.. так хорошо просто мечтать... Красить губы!.. Я не для того создана!!!" - И глаза её особенно блестели из-под туго накрашенных ресниц... И вот тут, в самом мечтательном месте прошедшего свидания с возлюбленным - раздавался окрик мадам, подруги:

- Объявление - ждут. Алла!.. Забыла?.. - Тут как тут, и всегда в нужный момент, пучок "экс-графини" выглядывал из-под планшета:

- Я - напишу?..

- Да, сделаю... - Алла писала объявление, приклеивала фотографию и задумчиво смотрела на ещё не потрёпанное жизнью, сорока лет от роду, мужчину. Говорила: "Он погиб, как герой. У газовой трубы вентиль сорвало... А потом был взрыв".

...Наше "братское" сосуществование - как Дружба между народами, порою занозой впивалась в мою ладонь: "пиковой дамой" из колоды красной, выпадала "экс-графиня" с очень даже - не пыльной работой. Выводить канделябры, словно церковный писарь, над родословной...

Хороший почерк - ещё не значит: умные мозги. А от снесь графини порой - просто тошнило. Сама-то она из простых смертных будет. И, как ни странно, снесь ее тухла, когда она корпела над лозунгом: "Слава Трудовому Народу!". К ноябрьским праздникам.

...Об "экс-графине" Столбовой стоит отдельно рассказать. Столбовая носила образ загадочной "мадам Бовари". Пытаясь казаться графиней, очень много читала... Задумывалась у окна, глядя на полоску реки. Любила делать замечания: ярко, нагло краситься - признак дурного тона! Её вечный пучок на затылке больше напоминал белёсую мочалку после дождя. В общем, соответствовала обветшалому дереву. Вот только ложечек фамильных у неё не было: были чужие осколки разбитого зеркала, гребень и обручальное кольцо. Но о графских потомках говорила с упоением! О, что это были за канделябры речей!!! Переплетённые с враньём, величием и... она тоже была - графиней?.. Вот чудо?.. И, тасуя карты под планшетом, рассказывалась подпольным шёпотом вся родословная...

- Так, что - там? Что-о?!! - Пехотина выпускала две трубы дыма над газовой трубой и, тыча в пикового короля, опять выпускала: - Ну? Ну?.. Что - там!..

- У "пикового" черви... Крести - мешают! - Экс-графиня выпускала дым поскромнее, из одной трубы. - Но крести уйдут, - успокаивала она.

- Слава Богу. Я бы изгрызла крести! - и в руках Пехотиной тотчас появлялся карандаш. - Так что с графом твоим - рабочим с голубой кровью?

надежда мухина книга в альманахе

- А-а!.. С графом?.. В белых брюках!.. Ногу за ногу заложит - не оторваться! Порода - чувствуется... - графиня делала последний расклад и говорила: - Всё! Карты устали!.. Ус-та-ли-и... - Садилась на колоду, подперев голову рукой. Закрывала глаза. Тело её было неподвижно, будто мумия, застыла она... Никто не беспокоил её. Графиня копила энергию для нового расклада, и мадам наша ждала: за ней стояла очередь.

...Ох, уж эти Знаки Судьбы?.. И диетотерапия не нужна?..

...Но вместе с порывом двери - всезнающий, острый глаз - что третий! на лбу неземной "Аэлиты". Никто и не заметил "крестовую", пышнотелую зав. отделом. Пронзает она трубы из металла, и будто бы лазерным лучом - копошится во внутренности синего брюха. "Пехотинец" вмиг поправляет мундир ручной вязки, и кто-то, невидимый, сзади - кладёт спасительную подкову в ладонь: Вечный Карандаш. Подобострастно лепеча о непонятностях в загибе трубы к Украине, она старается всем своим телом - прикрыть тыл, где на стуле неподвижно сидит "мадам Бовари". Не спугнуть колоду под задницей - вот задача дня!!! И Аллочка, помахивая только что покрашенными - алым на ноготках - пальчиками, молвила скромно: "Колер ещё не положен... к Украине..." - Беззубым ртом улыбается Славка Яценко. Он только что сделал глоток из фляги и дал себе приказ: "Молчи, сукин ты сын! Молчи - собака, не дыши!.. Глоток - за молчание..."

После ухода "крестовой", кутаясь в шаль, будто в ознобе, Пехотина снова мечтала... О чём? Я не думаю, что о будущей выставке: колера было так много, и он медленно "вял", как цветок, - оседая на дно кастрюли...

...Красок, кистей и холст в пору ту - я ещё не носила с собою. Но была уже тайная страсть: хрустальный бокал пьянящим вином постепенно заполнялся... Который пили все Художники! Творческая капля моя, она ещё дрожала на кончике кисти, плавно перетекая в "бокал воображения"!.. Что это были за воображения, вспомнишь ли?.. То ли - Свет, что золотая шкатулка, резная, сквозь которую тени чудным колоритом разбегаются... Но дунет лишь слабый ветер с Москвы-реки - и серебром порочивается шкатулка...

А я уж тороплюсь. Полуденное светило припекает спину и гонит в полумрак "Союзгазавтоматики".

...Казалось, ну что особенного - вычерчивать синие трубы, которые плавно перетекали из одного планшета на другой? В этой извилистости, правильности было что-то от древних водопроводов, кои питали города, пашни, виноградники и сады... И Социализм - не отставал от Древних! ПИТАЛ!.. Ещё как - ПИТАЛ!! Пусть и дешёвой колбасой, ливерной, но - хлеб!!! Хлеб был хорош: булочки по 6 коп., сдобы, батоны, белые, по 13 коп. Всё без добавок. Без усилителей вкусовых. Молоко - хоть упейся! Было в этом "сытном" - всё привычное до боли. И любимое, и терпеливое! Нашенское!

эолова арфа

...Русская удадь!.. подходила как на дрожжах: замесить тесто для Всемирного Олимпийского Пирога!

...Звучал гимн Советского Союза!

Под его мелодию подстраивались негритянские бубны, и индусы с колокольчиками... И нежные звуки арфы придавали гимну некоторую лёгкость... А воздушные шары уносились с мелодией так высоко... Олимпийская вольница, не опутанная сетью рыбацкой, колыхалась, словно огромная ЧУДО - РЫБА - МИРА, БРАТСТВА, ЛЮБВИ...

И серебро, и золото, и самоцветы - всё переливалось под лучами московскими... Шли братья и сёстры - благословенные от древней Эллады!

И в вольнице той шёл маленький кампучиец. "...Ах! Ах!.. Ах!... - вздыхает моя мама Валентина Константиновна, и утирает слезу. - Ах, какое всё-таки ВРЕМЯ было!.. Хоть и наломаешься за день среди кастрюль да плит - а всё равно радостно на душе! ОЛИМПИАДА!" - И в третий, и в пятый раз слушала я её трогательный рассказ...

...Запомнила!.. Побросала, помню, кастрюли с борщом и Валентина, моя тёзка, выбегает из нарезочной и голосит так, будто браги опилась: "И-ИДУТ-Т!.. МИР-У - МИР-Р..." - Прослезились мы от радости такой. Дождались всё-таки, Счастья Необыкновенного! И конца и края нету колонне той. Первые уж в Лужники вошли, на стадион, а хвост всё тянется... Больше часа уж стоим и концерт бесплатный смотрим: пот градом с нас течёт - жара! А нам-то что, возле плит ещё жарче! Ей-Богу, спортсмены, как дети, - улыбаются, а мы им косыночками беленькими машем. И вот - азиаты, не то?.. Не то на белых похожи? Не понять. Бледные! Только лицо что-то у них пожелтели?..

"КАМ-ПУ-ЧИ-Я!" - прокричала директорша. - Видно плохо! "Кампучийцы!" - И вот маленький, телом щупленький, но по всему видно - спортсмен, что ли?.. Он и упал!!.. Вот и ужас тебе на обед! Беда!.. И упал и - лежит, недвижим. Повариха Валентина руки к сердцу прижала: "НЕ - ЗАВТРАКАЛ..."

"Голодный обморок! Несите... Несите спортсмена в ресторан!!! - голосит в рупор дикторша и машет в нашу сторону: - У нас обед давно готов!.. Го-то-ов!.."

Кампучийцы, видно, услышали, вой-то наш, советский! И заулыбались... И в барабаны бить стали - черти! Как шаманы.

Духов, что ли, своих звали в Первопрестольную? Да кто же "ИХ" допустит?!! А милиция на что? У нас своих чумовых хватает, которые за сто первый километр отъехали. Но, слава Богу, подняли свои же, на руки, и понесли...

"Платоническая Дружба между народами" у моей мамы - соответствовала духу времени: любите, дружите на здоровье, но... через кордон милиции. Лучше - по телевизору.

...Советский народ прямо-таки стосковался! Любви катастрофически не хватало! На - всех! Это чувствовалось в каких-то особых улыбках на лицах... И в глазах, которые обычно смотрели в глубь - себя!.. И выис-

надежда мухина книга в альманахе

кивали в недрах своих мечтаний - ПЛОДЫ ЗАПРЕТНЫЕ!.. Но сейчас - ПЛЕВАТЬ! Акварельные очертания "Светлого Рассвета Коммунизма" на горизонте мерещатся!.. Вон он - бледно-розовым, мраморным островом колеблется в море-океане... О, да... Там можно любить прямо нагишом, и в этом не будет стыда... На коммунистическом острове нет проблем с пьянством, с наркоманией, с проституцией в мозговых извилинах. Если извилин - вовсе, полторы... Да и те сглаживаются под общую мерку. Безобразия общественного порядка будет наказываться "распитием" кокосового молока... Поеданием бананов и зелени. Коренья коих - укрепят мозговое, нервно-трудоовое "насилие" не-нашенских, двуногих.

...И люди будут вспоминать о своих предках с нежной печалью... Будут зажигать свечи среди пальмовых рош!..

...О, мечты под покровом ночи, под всплески Москвы-реки! И думала я: "Неужели только лозунги, бесконечные газовые трубы и на десерт - капающие слёзы Олимпийского Мишки в Лужниках..."

...Но всё же - ТО БЫЛО ПРОРЫВОМ ЛЮБВИ! Глыбой царского мрамора. Чтоб плыл он, плыл... Крейсером "Аврора". Непотопляемым!.. И искал остров тот...

...И всколыхнулось в полуувядших сердцах!

...И выхолощенные чувства - так напоминали собою Любовь к Ближнему своему! Так напоминали Любовь к Богу!

...Что - Упустили?.. Что - не Вернётся!..

Москва,
2011 год

БЕЗЫМЯННЫЙ...**Рассказ**

...Давно ли он стал Безымянным? А вот этого я сказать не могу. Фигуру его я заметила, примерно, более года тому назад. Зимняя стужа, гололедица, и я, и он - осторожно идём, будто по минному полю. Идём навстречу друг другу. Втыкаем в мерзлоту трость.

Может, я заметила его только лишь потому, что сама стояла на - Грани!.. Как известно, болезные тянутся друг к дружке. Хотя сейчас время раздавило колесом и без того хрупкие кости. И "жёсткое дыхание" не может перечить - жестокому визгу заклинивших тормозов в головах Всечеловеческого Безумия.

И думала я - неужели никто не Видит? Никто?

А если кто и Видит, то отчего не поможет?

"...Чего - захотел... Ишь, чего захотел! Вон - пошёл-ка!!" - Ржёт Безумие каждый день.

эолова арфа

...А у старче, у него даже и потоотделения не выделяет организм: "И лук, и картошку - постным маслом умягчаю... Но вчера ли, кажется, слезинку выдавила Душа!.." - И верно, до собственной Безымянности ему - что тополиному пуху отлетающему с Духом дерева в небесные сферы. И пугается с птицами вместе, опускается на плечи, на землю, прогретую уж глубоко... Безымянный улыбается. Хорошо ему среди тёплого пуха существовать и ощущать себя частицей Бытия. Хотелось бы и поделиться с кем-то своими новыми чувствами...

"Эх-хе-хе!.. Да с кем же поделюсь?" - Он поправляет солдатскую, выцветшую панаму, из-под которой торчат убелённые волосы. Смотрит в землю: мягко в земле... пушисто, и сколько в ней чепухи разной... То ли листочек прошлогодний вмялся чьим-то каблуком, и получилось что-то янтарное... Долго он вглядывается в землю, уж кажется, все ложбинки да колдобины изучил - ан, нет! "Вон она - новая трещина образовалась у края асфальтированной дорожки". - Он очень занят... обследованием, и это доставляет немало хлопот! Но в этом и есть - Радость Жизни Безымянного! И что ему за дело, что кого-то кличут домой с балкона, что обедать давно пора. Его-то никто не окликнет, не пригласит в дом на чай с баранками...

"...Сейчас колымагу свою дотащу до дома и напьюсь индийского чая с баранками!" - И неопределённая улыбка вытягивает его длинное лицо, и в серо-голубых, водянистых глазах отражается что-то... весьма вероятно, похожее на Счастье.

...Хранимая Богом - Безымянная Немошь скребётся по земле русской. ...Катится, спотыкаясь, по земле русской тележка, которая дохрипела до партии "Единая Россия". Но слаб, тих голос Безымянного. Никто его не услышал в телефонной трубке... Шуршал кто-то? И Россия повесила трубку. Навсегда. Безымянный смирился.

...ОТЧАЯНИЕ сплюнуло на него! Сплюнуло свысока, прямо из серой, тяжёлой тучи, и голуби летели низко, ища пристанища. Хохотнуло ОТЧАЯНИЕ: "Да и чёрт с ним!!! А, может, с ним БОГ?.. - засомневалось оно. - А может, "Святая Праведная Блаженная Матрона Московская..." - С ненавистью смотрело ОНО в спину: "Хрен с два от отцепится от тележки! Того и гляди - мясо захочет!"

...Чертыхается и могильщик: "Безымянный, вон он какой - хитрый! Опытный. Проверяет всё!.. А то и двинет по хребту палкой! У-у-у!.. Сво-лочь!!! Руки - чешутся... Что ему стоит уютно лежать в гробу, сложив руки... Но, нет - Безымянный Дух Русский! Вот и ищет он - Дух тот... Лет за - сто! Ещё с гражданской войны!"

...Да у русских иммунитет давно захирел! Мрут от каждого чиха! Но это - ладно... Сами же себя - ИСТРЕБЛЯЮТ? Повидал этих - Истребителей - на кладбище: у батюшки Николая за день до десяти отпеваний будет. То ли дело - Япония. Потихоньку долгожительствуют себе после атомной бомбы... Уважительная нация! Старость у них - на Высоте!"

надежда мухина книга в альманахе

...Упорно думает Безымянный: впереди девятый вал сугробов, то и он, как командир своей посуды, должен сообразить - девятый вал штурмом брать! Выволочить Лодку! Ничего. Безымянный ещё цепок на Земле! - Я ловлю себя на мысли, как долго терпению его придёт конец и смерть не поманит: "В тебе одни гнилые кости... Солёные, как морская вода... Но ты упорный старче: ишь, как Лодку толкаешь, а в ней - килька... А я вот сетью рыбацкой тебя накрою, да багром и подташу..."

...Безымянного в городе и болезни не берут. Так упорен он в своей старости, что и напористость хворобы - истошила себя, донимать перестала.

У города к нему нет претензий. Он - всё равно, что спиленное дерево, которое поместили белой краской с пятизначным номером. Дорогу не перекрывает.

...В его вытянутом лице чувствуется натура, как будто и со смиренным глядящая в Мир стариковских раздумий: "Что утро, что ночь - как завтрак овсяной... Как ужин с хоккеем, где "Наши с Канадой!", я чаем хлебу "Канаду и Наших..." пятым стаканом! Кишки заполняют". - Изнутри, глаза его прочитывают каждый день... И морщины его переплелись между собою и узлы завязали - прочные, глубокие... Залегли в складках старинных карт - в которых моря, реки, отмели, порты... И нет им числа! И прочитывать названия нелегко: выщвели... Но в ветхости - чувствуется рука мастера, который рисовал изгибы Судьбы...

...Однажды, весной, увидела его руки - большие, как вёсла, на которых мокрые водоросли намотались за годы жизни. И в длинных трещинах, венах, как в старом дупле, казалось, вот-вот, прорвётся! И выльется тягучий сок крови.

...Напряжённо руки тянули за лямки повозки. Я смотрела, с какой яростью выдёргивал он из щели в асфальте свою посудину... И как всегда - ни на кого не глядел, ни у кого не просил сочувствия. Он сам по себе! Он всё делал молча! Так старый моряк, уже не матерясь, подпирает изо всех сил мачту - раздирая в кровь руки и сердце.

...И Молчание - Вечность! Жалость Безымянному вряд ли нужна. Не из-за гордыни: люди для него стали - как высушенное на холме дерево. Просто за деревом никто не ухаживал... Дерево - и иссохло. И не пошепчешься с деревом... Не доверишь - сокровенное, что в душе наболело...

...Я не знаю имени Его, и, если долго не увижу Его фигуру, то буду думать - Безымянный по-настоящему стал БЕЗЫМЯННЫМ.

Светлая ему память.

Но нынче я долго смотрела из окна и мысленно помогала ему тащить свою Лодку. Намело много снега - а Безымянный всё не сдавался! Никогда, никогда ОН не падал в стылую, цепкую Землю!

элова арфа

...Если Бог даст дожить до 9 Мая - наденет китель с орденами, начистит ботинки. А вдруг его пригласят на Парад Победы, на Красной площади!

...В Приглашении, наверное, будет написано так:

"Уважаемый Ветеран Великой Отечественной войны, Виктор Иванович... Помним Ваш Подвиг перед Россией! Безымянных Подвигов не счесть перед Историей страны..."

Вашу фамилию мы отыскали в старых военных архивах... напротив Вашей фамилии и номера военного билета - была печать: без вести пропавший... Но Вы - Живы. Будем рады видеть Вас на военном Параде Победы!

С уважением...

Президент Российской Федерации..."

И президентская роспись.

...Сорок пять дней Великого поста, светлый праздник Пасхи - осталось до 9 Мая.

Безымянный начал считать дни. Перед этим он Исповедовался и Принял Таинство Святого Причастия.

Конечно, ОН СВЯТО ВЕРИЛ В ДОБРО, и что всё будет так, как ОН МЕЧТАЛ ВСЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ...

И в этот торжественный момент его мечтаний - "трансформатор ЖИЗНИ" отчего-то заколебался... Ему вдруг стало "тесно дышать"! Тесно - жить в квартирах коммунальной системы!!

Виктор Иванович всё же оторвал листок календаря. До 9 Мая оставалось ровно сорок дней.

Москва,
апрель - май 2011 года

КРАСОТКА

Рассказ

...Бренность Жизни выполняла очень медленно. С какой-то ленивостью беспозвоночного вытягивалось трубочкой, взбухало - вновь вытягивалось и, отяжелевшее от съеденных в земле личинок, распласталось толстым червяком на обрывке газеты... На этом - жизнь червяка оборвалась! Растрёпанный воробей стервятником клонул брюхо, зацепил, яростно мотая беспозвоночное туловище, и, вспорхнув, уносил добычу, где слышен был писк, хлопотанье - в купель зелёного гнезда. Купель располагалась не так высоко, на ветке тополя, и мужчина поднял голову и разглядел два длинных клюва - червь был растерзан вмиг! Ему стало жалко, что так скоротечна Бренность...

надежда мухина книга в альманахе

Чьи-то ноги, обутые в сапожки, нахальным образом смутили Покой Бренности - ему стало обидно, как будто его оскорбили, и... нарочно! нарочно наступили на ногу! "Всё настроение испорчено!" - с тоской подумал он и бросил последние хлебные крошки. С неохотой поднял голову. Перед ним стояла девушка, лет 18-ти, не более. Её овальное личико будто молило: "Только не разбейте фарфор моего лица!.. Мои румяные щёчки ещё не чувствовали чужих, мужских губ... Верно, это шекотно?"

"...О!!.. Однако же! - оживился мужчина, и организм его переключился с Бренности на Юность: - Надо же?? И что она мнётся возле меня?" - Безбрежная мечтательность была спрятана в глубине её синих, чуть навывкате глаз. И как будто и не видела ОНА - ЕГО, а так... чуть-чуть приостановила взгляд.

- Ногу - разбила... - сказала она и быстро задрала плащ. - Вот!!! И чулок порвался!

- Не фарфоровая нога? - с интересом спросил он.

- Шутите? А я - на полном серьёзе!

- Что именно? - Её фарфоровое личико смотрело на него в упор, в обрамлении весеннего неба, ярко-зелёной листвы. И будто бы слюдяные окошки вкрапливались в листву и ещё больше подчёркивали алый мазок кисти на фарфоровых щёчках!

...И Бренность - хриплым, бабьим - всюю заголосила о ЖИЗНИ! И ветер шумел и пел - о Любви!..

И крикали утки в пруду, влюблённые в прогретую солнцем воду и в бублик!!!

...О НЕПОРОЧНОСТИ воробей прочирикал, и схватил последнюю крошку!

"...Старый дурак - ты ПОСМОТРИ!..

Сама ЮНОСТЬ - пришла к тебе!!!

...СА-МА... ПРИШ-ЛА-А!.." - И он сказал ей:

- Присядьте... Позвольте, я посмотрю ногу? - и она не смутилась, что он дотронулся до её колена и бережно подул. - Ничего страшного, - успокоил он фарфоровое создание.

- Как - подули.. Прям, ветерок! - Её пухлые губы зарделись маковым цветом... - Добрый вы мужчина. Вы не подумайте, я не какая-то...

- Что вы... Что вы! - Она слегка прижалась к нему. От неё пахло каким-то парфюмом, нет, скорей всего это был запах её молодого тела. У него слегка закружилась голова, и он вынул из пачки сигарету. "Наверное, хорошая девушка? - размышлял он. - Зачем бы ей приставать к пенсионеру?"

- ...Я - Тася! - она протянула руку. - Ну, давайте будем знакомиться?..

- И снова она улыбнулась ему непорочными устами "Девы Весны", которую запечатлел в одном из краеведческих музеев неизвестный крепостной художник.

- В этом году весна хорошая, тёплая... В этом году у меня не было сапожек, пришлось копить, чтобы в Москву уехать. Экзамены! В Щукинское...

эолова арфа

- Первый - тур? - спросил он.

- Ну, да... Ну, да! Тур!

Он искоса наблюдал за ней, и опять подумал: "Славная, конечно... Да не быть ей в артистках... Манерничает! Но - мила! Даже, очень - мила!"

...Он вспомнил фильм "Красотка" с Джулией Робертс - с древней профессией актриса справилась на - УРА!!!

"Ей-Богу, прямо "пособие" для иногородних леди".

Но фарфоровая держится неплохо.

- К сожалению, я не Ричард Гир из пентхауза...

- А кто этот - Ричард?

- Немолодой мужчина. Влюбился в шлюху.

- На пятьдесят - вы ещё вполне тянете! И Ричард - вам не соперник!

Вам соперник - ЛЕТА-А...

- Спасибо. Вы наблюдательны. Я дам вам денег на билет. И в следующую весну выучите басню: "Вороне как-то Бог послал кусочек сыра..."

- ...Кусочек - сыра!!! - Красотка рассмеялась, и он был поражён смелой образа: провинциалка забыла "ой-кать", от корявой словесности и следа не осталось - милая, скромная, красивая, это в ней было. И молвила "Дева весны", глядя в глаза его:

- С плесенью сыр предпочитаю! С вкраплениями плесени!

- У меня аппетит поскромнее: "Российский"... Без добавления плесени. Ну, что ж, а теперь признавайтесь - к чему весь этот спектакль?

И Дева Весны призналась ему, что она - загадала! Да, именно, загадала: если "ОН" клюнет! то урок мастерства в Шукинском она хорошо усвоила, и "Уличную зарисовку" покажет и получит "зачёт".

- Наверняка!! И... второй курс! А вы... Простите... Простите?!

- Прошаю! Хорошо! Предположим: вы будете играть Анну Каренину! Вассу Железнову!.. Здесь просто красивой быть?.. Это при ваших-то внешних данных?.. А как у вас идёт работа с внутренним образом? Страдание, боль - сыграть!!! А как у вас со "злойбой" обстоят дела? С - Ненавистью!!! С - потерянностью в жизни!..

- Такими категориями я ещё не мыслю... - пролепетали бледные, цвета старого фарфора, губы красотки.

- Но урок мастерства вы сдали на - "отлично"! Поздравляю!

- Вы же не злой... Зачем вы - так?.. Зачем вы всё это говорите мне?

- Я-то не злой... А очень даже добренький дяденька на пенсии. Не - плачьте! Профессия эта - продажная! Милая вы девушка... Вы, такая красивая. И представьте себя... в постели с каким-нибудь подонком, который и любить-то не может! Потому что - Любить - это надо всего себя отдать! Целиком!!! Пол-нос-тью... Вы могли бы влюбиться - ТАК!!! - В его голове была злость, ненависть к её красоте! Ему хотелось раздавить её! Смять каблуком, как червя - в землю!... "Старый дурак! Увлёкся на приманку!.. Стерва!!!" - И, стараясь не смотреть на неё, он быстро закурил.

- НУ!!! - повторил он. - Могли бы? - "Господи! Встряхнуть бы её... Ударить! Выбить из неё - это её "актёрство"! Кривлянье... Но что это со мной?.. ЧТО?!! Я хочу целовать Деву Весны... Хочу!.. Стерву!". - Он слег-

надежда мухина книга в альманахе

ка притянул её руку, поцеловал, и она не противилась: по-матерински её руки погладили его седину...

- ...Влюбиться бы! - просто сказала она. - Очень бы даже влюбилась!.. ПО-НАСТОЯЩЕМУ... Но... для этого надо - НАСТРАДАТЬСЯ!.. А я не знаю - что значит: НАСТРАДАТЬСЯ? - Он обнял её крепко.

- Узнаешь ещё... Узнаешь, малышка ты, красotka. Не торопись!..

Москва,
2011 год

ПОДАРОК

Рассказ

...Любая уважающая себя женщина может позволить себе милый пустячок. Пустячок должен быть элегантным и дополнять её внешние данные! Необязательно дорогим, но милым таким... Шарфик ли, сумочка, духи... Да всё что угодно!

И уважающая себя женщина, моя сестра, добивала меня своим милым напором... на женские слабости, но, увы, хватка у неё была, как у беззубой болонки, которую надо холить, мыть шампунем...

...Магазины, комиссионные, мы исходили почти все, и осмотрели антиквариат: от стульев неопознанной эпохи, банкетов с дырой в днище, и окончательно убедились - чашки битые, склеенные канцелярским клеем. Остались позументы с оборванной цепью.

- Нет, я не знаю, что можно купить? - Говорю я сестре.

- Можно подумать - я знаю? Подумай... Придумай! Ты брат или не брат, тогда для чего я тебя взяла? Какую рухлядь предлагаешь! Посмотри, на что это похоже! Обломки Римской империи, и причём - подделка! А - запах??? Ужас! Старина имеет определённый запах! По-ню-хай!.. Здесь всё пропахло общественной уборной... Запахи должны быть "антикварными", утончёнными... Интересно, неужели покупают вместе с клопами?.. - Вопрос этот, для её стерильной будуарной комнаты, был под грифом "секретно". И записан был в пыльную папку - "расходов, доходов".

- ...Оторвись от дивана. Он провалился. Купят - не купят? Сколько задниц проверяло диван на прочность! Он стонет!.. И не прыгай - пожалей антиквариат...

- Мне нужна вещь!

- Какая именно вещь!!! - Мы стоим у перекрёстка и в упор смотрим друг на друга. Нам начинают сигналить. Высовывается мужик-таксист, тычет в сестру пальцем: "Подвезти до отеля?.." - Но сестра моя не обращает внимания на хамство - жмёт мои нервы.

- Признайся, ты заходила в рюмочную!

- Что-о?.. Заходила! И - что?

эолова арфа

- И сколько раз!
 - Я не считала. Отстань со своей глупостью!
 - Я не собираюсь тащить тебя на себе.
 - Возьмём такси, - беспечно резюмирует сестра.
 - Хорошо, хорошо, я куплю тебе подарок, - говорю я, теряя терпение.
 - Наконец-то, дошло! - она облегчённо вздыхает. - Я подожду в кафе напротив. - Элегантно споткнувшись об угол дивана, из которого, словно джин из бутылки, выскочила ржавая пружина и, взвизгнув, начала раскачиваться, но, виртуозно увернувшись, сестричка исчезла в дверном проёме.

...Что же, пока она в кафе напротив будет заниматься медитацией, чтоб в кошельке моём оказалось достаточно денег для её пустяка. Будет раздувать благовония в стеклянной бутылки, чтобы ТАМ появилось что-то... Неопределённое?... С явными признаками "артефакта". Мне надо поторопиться, я направляюсь в отдел фарфора и стекла, и мой наметанный глаз обегает прилавок: Екатерина, Александр I и II, Павел... Вот, то что надо! Вот он, такой милый, премилый пустячок! Пепельница, хрустальная, оплетённая серебряной нитью. Не Фаберже, конечно, но работа отменная, и не подделка. Конец 19-го.

Хорошо, что антиквариат недалеко от Чистых прудов. Я перехожу улицу, вхожу в кафе. Сестра пребывает в том, туманном, мечтательном, отчуждении от мира... Глаза её особенно блестят, растрёпанные кудри... Сигарета, которую она держит изящно, слегка заломив руку, так напоминают "женщину пьющую абсент"... в рюмочной, где полно страждущих до дешёвого портвейна. О, я хорошо знаю её, и наверняка будет продолжение, и я срочно должен что-то делать.

- ...Мечтаешь... Мечтаешь... - ласково говорю я. - Но не возбраняется, сегодня твой день. - И я предлагаю сделать продолжение, дома. Она оторвалась от рюмки: она никого не видит, не слышит - она обоняет "абсент"...

- Да-а... - протягивает она.

"...Ох, уж эти утончённые в талии "интеллектуалы" из кордебалета и до литературных "умов". Дым трубой сливался с бульварным, с грохочущей улицей и стихи, как запойный пьяница с подворотни, с подножки трамвая "Аннушка" - безбилетный - всё интересовало, всё любопытствовало, всё искало во мне! Жаден я был до встреч! И оттого не скупился. И оттого слетались на Чистопрудный, как пчёлы на дармовой цветочный мёд! А я и рад! И потом, все очень любили выпить - оно и понятно: стихотворчество... Хампердинг, танцы. Каждый раз какие-то новые лица. И сестричка моя не отставала в дегустации... Любила танцевать и делала это с большим талантом, порою в одиночестве". Спросил как-то её, когда она кружилась у окна с бокалом красного:

- С кем плывёшь ты в ритме "блюза"...

- С Хампредингом! С кем же ещё? - она как будто удивилась, отчего это я не знаю, что любит она только его! Возмущённо топнула ногой.

- Так что ты решил?

надежда мухина книга в альманахе

- Дома. Продолжение.
- Вот и прекрасно. А подарок? Где - он?.. Где!
- В кармане.
- Ерунду какую-нибудь купил, - обиженно говорит она. - А мне хочется особенное...
- Ты порадуешься вместе с кумиром. Мне попался очень милый пусячок. Конец 19-го!
- Тогда я тебя люблю! Как же я тебя люблю! И Хампердинга тоже!
- ...Я беру её под руку, и мы медленно выходим из кафе. Вечерет. Московские окна бросают свет нам под ноги. Мы бредём по Чистопрудному бульвару и вдыхаем запах свежих почек на деревьях, молодости и лёгкого счастья прожитого дня.
- ...Дома сестра вспомнила, что купила Хампердинга:
- Совсем молоденького! Как жаль, что его нет здесь... Я бы всю жизнь... вот так, в танце!!! Ничего нет... Ничего не надо - три капли французских духов, музыка и Хампердинг!.. - она выпивает бокал, хлопает длинными ресницами, глаза её ищут глаза певца, блуждают по Чистопрудной квартире и уставляются на меня: "Танцую с Хампердингом!"
- Давай выпьем, - говорю я.
- Выпьем, выпьем... - тут же откликается сестра. Она протягивает пустой бокал, и я вливаю в него три капли коньяка.
- ...Хорошо, что я успела зацепиться за шторы! Я едва не вылетела из окна! Оно же - открыто!!! Вот подарок был бы ко дню рождения? - она топнула каблуками. - Ладно! - примирительно говорит она. - Но всё-таки даму надо слегка поддерживать!.. Мы же джаз танцуем?.. В конце концов, имею право на приятные мгновения? - Я замечаю ей, что на сегодня Приятностей было чересчур: "Рюмочная стоя аплодировала!!! Ещё бы, такая элегантная дама и так хорошо... дегустирует запахи?.. По - чуть-чуть!! Прямо - Высший свет!"
- И что?? Обалдел! Приятностей не может быть - чересчур! Одичал среди медведей... И как тебя ещё не сожрали??? И в танке не горюшь?! И в болоте не тонешь?.. И "зэки" у тебя не лентяйствуют??? А мох у тебя вместо волос расти начнёт!!!
- Зато ты с аппетитом - ешь! Ну что, за Элвиса Пресли или за Амстронга? Или... Нет, нет, выпьем за самую красивую пару, танцующую джаз! Ну как, тост? Только за нас!
- Кто бы сомневался?.. На "АЗЛК" никто не сомневается.
- Тебе нравятся духи?
- Я в трёх капельках твоих духов... Они пахнут фиалками! Но ты же знаешь - мне нужно Три Капли Французских духов!!! Спать можно только под музыку Хампердинга в каплях Франции!!! Что - непонятного? - она высовывает голову в окно: "Вот! Вот... Почти французские ароматы! Подойди - понюхай..."
- Успокойся. Ты будешь спать вместе с Францией и её духами. Три - Капли!.. Так мало по сравнению с целой жизнью? Но всё же, Париж тебе будет снится! Ты согласна? А это немало...

элова арфа

- Чтоб духи были завтра же!!! Духи пахнут свежестью, немного лимона, и с лёгким оттенком белого жасмина. Элегантная лёгкость должна слегка вскружить головы мужчин. Но главное - мою голову за-кру-жить... ЗА-КРУ-ЖИТЬ! Боже мой, всю жизнь я протанцевала...

- Ты опьянела, - говорю я. - И поздно уже, завтра твой день рождения, и потом, ты знаешь - в первых числах апреля я уже мчусь на Дальний Восток!

- Но что за вопрос, глупый? Для чего же я пью? За Дальний Восток, и чтоб медведь тебя не сожрал?.. ДА-А... АХ! - восклицает сестра. - Опьянеть вместе с Элвисом Пресли в день рождения!.. Надеюсь, Пресли не будет против, - твоего присутствия?.. А ты, запомни! Завтра ТЫ должен вспомнить про Париж и Духи!!! Французы умеют их делать! Без сомнения - Франция может всё!!! - сестра хлопает ресницами и вдыхает запах моих духов:

- ...Да, да!.. Завтра! Завтра... Это просто. Три Капельки из Парижа!

Москва,
2011 год

БЕЗГРЕШНАЯ

Рассказ

По правую сторону долины Пехорка, если смотреть с откоса - можно увидеть Михнево, деревню. В этом местечке кое-где уже обосновались красные домики с башенками, наподобие московских. Они стояли пока без хозяев и "смотрели" на быков, которые таранились на красные стены, как на флажки матадоров - их было с излишком, и быки с рёвом гнали свой гарем: упитанных коров.

Деревенька же, прижатая бочком, казалась совсем тёмной: солнце стояло в зените. Но окошки виднелись и поблёскивали. И лишь одна дряхлая старушка, прожившая всю жизнь возле огорода с двумя петухами и козой, никак не хотела отдёрнуть занавеску, на свет Божий поглядеть.

...Жила старуха дореволюционным укладом и всё знала наперёд: "Бог даст завтра дождя..." - Зевала и крестила рот почерневшими пальцами: "Петухи к курам норовят - пушай, Богово дозволение и мне на радость, - бормотала старуха. - Коза никуда не годится, а молоко было хорошее..."

...И как это было давно: ещё не старуха, а пожилая женщина, любила баловать кормилицу капустой. Но молоко вскоре окончилось у козы, и постаревшая в одночасье женщина загрустила. О чём грустила, она сейчас вспомнить не могла. Схватила за голову руками, и сердце её работало так быстро, что она тяжело вздохнула: "О, Господи! - опомнилась старуха. - Боже! А грехи-то забыла?" - Ей стало совсем худо: "Ведь умру скоро, и надо бы исповедаться... А что сказать о. Никодиму: она, безгрешная, желает спокойно помирать?.. Нет, нет, такого быть не мо-

надежда мухина книга в альманахе

жет на свете. Любого спроси, и любой скажет: ну кто не без греха?.. А то бы на исповедь очередь не стояла..."

Старуха тихонько заплакала, сморщенное личико её сжалось и похоже было на мочёное яблоко, пожелтевшее и мокрое.

Она заскулила и посмотрела в окошко: капли на стекле остаются после дождя... И показалось старухе, будто бы она, точно, что-то вспомнила и даже шевельнулась: "Вот ведь - вспомнила! Пришло на ум: соврать, нешто, и будет ей грех!" - Но, сколько ни думала, не могла сообразить - что соврать о. Никодиму?

"Так и скажу: работала и состарилась! Серединки не было. Некогда было греховодить! Был жених, и тот на фронт ушёл, и больше она его не видела, даже лица не могла вспомнить..."

К вечеру, выйдя из избы и подложив капусты козе, старуха посмотрела на петухов - они совсем не обращали на неё внимания и клевали зерно.

"Озорники мои! Баловники!.. - с любовью думала она. - Уж и перья в разные стороны торчат, а к курам так и норовят! Греховодники! Божьи твари - а греха нету на них!"

...Начинало темнеть. Длинные полосы вспаханного поля смыкались с небом, и такой же бесконечной, длинной - представлялась старухе её жизнь: прямой, как борозда. Никуда не могла свернуть или оглянуться назад её борозда...

"Пахарь идёт за плугом, а плуг делает борозду глубокой..." - старуха тихонько засмеялась, что вспомнила о борозде.

Она вернулась в избу и тихонько легла на кровать. Старая её железная кровать за всё время старухиной жизни - ни разу не скрипнула...

Старуха лежала на кровати, сложа руки на груди, и боялась пошевелиться. Она не боялась темноты - старуха боялась существования своего тела и не хотела производить звуков: на другой бок переверачиваться...

...За долгие годы она привыкла так засыпать, и не помнила - переверачивалась ли...

...Она привыкла жить тихо, и так же тихо - свербило чувство в полукаменных внутренностях, двигалось и подсказывало, но о чём?!

...Безгрешная Старость лежала на кровати, и, засыпая, грезилось ей, как о. Никодим кропляет святой водой первую борозду и читает:

"Ни град, ни засуха... злые помыслы не повредили чтоб семена - Осветлится пусть Душа перед большим Трудом!.."

Москва,
2004 год

**МИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ С ПИКОВОЙ ДАМОЙ,
ОТШЕДШЕЙ В МИР ИНОЙ**

...В мешках, на дне, хранилась память о социалистическом благополучии.

элова арфа

Мешки, с растопыренными узлами, привалены были к четырём углам её привычной к неуюту комнаты.

...Красный стяг, на котором вышито РСФСР, герб и изъеденная молью бахрама, - бережно доставали её старческие руки, надевались очки и искали дефекты "артефакта" - славных годочков лихих, Буденновских... Которые неслись с этим флагом, кромсая белогвардейские погоны. И погоны с каплями "голубой" крови - отливали серебром: свет из окна падал на них... Она скребла кровь пальцами, вздыхала и - в который уже раз - укладывала "красных" и "белых" в общую могилу необъятной Памяти.

...Алла Витальевна прищурилась, глядя на мою реакцию, спросила:

- Знаешь - какого года флаг? - и, опираясь на палку, подходила к другому мешку. - А в этом - из бархата - Парадный. В исторический музей хочу отдать. Нынешние детки в относительной сытости живут... Может, доживут и до Коммунизма! Что - молчишь?

- Разве что... Ленин воскресший? Но он первым поднимет руки вверх: "Буржуазия - победила! Увольте-е!.." - Ошарашит коммунистов и снова ляжет в хрустальный гроб.

- Ошарашила ты старуху! Люблю умных. - Алла Витальевна принялась копошиться в третьем мешке...

- Скажите, а сколько у вас флагов? - перебила я её копошение. - Всё-таки, такие артефакты, можно сказать... С революционных времён... Коллекция.

- Да-а... Накопилось за жизнь. И по мелочи... - она кивнула на мешки. - В Кремле работала! - Она гордо подняла голову - смотрела на стены.

- А там - что?..

- Лекарство не забыть принять!.. - И, ложась на продавленную кровать, сделала вид, что никаких тайных стен у неё не встроено. Наверное, она даже пожалела, что показала флаги? - Наоборот! Я с уважением относилась к прошедшему Социализму и уважала её светлую память. И пусть это - полуистлевшие флаги и скорбные погоны с "серебряными" каплями белогвардейцев...

И полуистлевшая старуха зачем-то показывает?.. Странно? "Действительно, а что ей надо?.." - Сомнения поселились очень прочно.

Вспомнила её умоляющий голос, что надо увидеться... Надо поговорить. Я всё отнекивалась, откладывала встречу.

...Утром позвонила. Чего она добивалась: "Чтобы кровь проступила в бессмертной душе!! - Чтоб скребла мою кровь - как и на белогвардейских погонах..." Тихий ужас начал заполнять сердце...

"Такого быть не может... Не может - такого - быть!!!" - И, вжавшись в трубку, - оглушительная скорбь, она внимательно слушала. СКОРБЬ заполнила квартиру... Переступила порожек на лоджию...

- ...Ты ведь хочешь поговорить?.. С мужем... - Трубка напряжённо ждала моего ответа. - Хочешь??? Приезжай! Приедешь?.. - И трубка, будто бы живое существо, слушала моё Смятение.

надежда мухина книга в альманахе

- Я приеду... - Я ехала в метро. "Если - это - правда?!!" - Голос сердца завопил!!! И грохочущие вагоны в темноте подземки... И тенями люди - входили, выходили... "уступайте место пенсионерам, детям и инвалидам..." - Я уже заболела. Прямо в дороге и заболела!.. УСТУПИТЕ МЕСТО!!! "...Разберёмся! Я сейчас приеду..." - Встала, вышла из вагона. Пошла на "свидание с мужем".

Поднявшись на её этаж в новом доме, всё как будто испарилось. Странно?.. И я была рада очень, увидев высокую даму, слегка напудренную, с укладкой благородных седых волос, в халате красно-бурого цвета в мелкий розовый цветочек. Первое, что я спросила:

- ...Когда - виделись?..

- Здесь. В моей комнате. Не далее. как вчера... ОН просил, чтобы ты приехала.

- ...Приехала... А зачем ему к вам было приходиться?.. - Но, кое-как успокоив меня, мы сели пить чай.

- ...Что тайного поведал? ЧТО?!! - Я пыталась добраться до истины! Высечь пламя лжи их груди её, и - плюнуть в ложь, чтоб - задымилась!!

- Ничего. Совершенно - ничего. Просто, просил приехать. И сейчас стоит за твоей спиной... - Она пристально смотрела, и даже не моргнула. Но, ничего... кроме мешков в углах... "Пол грязный", - отпечаталось в мозгах.

...Чашка в моей руке дрожала. а старуха всё наблюдала.

- Ну - что? Не расслышала??? Не - разглядела?! - спросила она, когда я всё оглядывалась... Оглядывалась... Зубы у меня стучали, и меня начало знобить.

- Вы - всё - врёт! - раздельно проговорила я. - Зачем вы это делаете?!! - И снова оглянулась...

- У меня - Связь. СВЯЗЬ!

- Когда же вы успели связаться... с покойным...

- И не только с ним... Успокойся! Я только добра желаю.

- А с Богом - есть СВЯЗЬ?!! Не вы ли - снайпером были на фронте!

- Не надо кошунствовать!! Я хотела, как лучше... И напрасно ты мне не веришь! ОН - стоял за твоей спиной!.. И я думала - ты почувствуешь?..

- Старуха суетилась возле стола и умильно смотрела на моё отчаянье: "Дружочек мой, успокойся. Я не ведьма". - Сзади кто-то погладил меня по голове. И снова я почувствовала пристальный взгляд старухи. "Как же, не ведьма!" - пронеслось в голове.

- ...Врёт - мать! Витальевна умеет врать. У неё в мешках ведьмины вещи... Флагов одних - уйма! Белогвардейские есть! И!..

- Марина - помолчи! - На меня дохнуло крепким перегаром.

- Водочки, выпьем? - Марина отставила какую-то немощную синопшную ногу и поведала, что сама слышала, - как мать, Витальевна, говорила...

- Имя твоего мужа называла? - И без стеснения перекрестилась три раза. - А я в тот день с утра не пила. Может, водочки сначала? А-а... Потом всё расскажу.

эолова арфа

- Я не пью.
- Марина, ты слышала: она не пьёт!
- Витальевна... Лучше достань из мешка серебряную клетку для птички... Ты ж её из Кремлёвской столовки приволокла...
- Замолчи! - Алла Васильевна опустила седую голову и простонала: "Старость угробила дочь, а внучок женился на бабе с двумя детьми. Марина пьёт беспробудно. ...Дружочек мой, я ни-ког-да не была ведьмой... Подруго фронтовой была!"
- Когда ОН снова придёт? - спрашиваю её.
- Дружочек... Откуда же мне знать? Я старый. больной человек... Поверь - до ведьмачества ли мне?
- "Железобетонная! И кажется мне, что она не врёт".
- ...От такого поворота событий - человека подчинить чему-либо легко. Я чувствовала сильное нервное напряжение: это не было страхом. Это было преступным навязыванием чужой воли. Я отказалась от вина, которое усиленно принялась предлагать... ПИКОВАЯ ДАМА! "Точно - Пиковая! И сейчас она будет тасовать колоду". И я не ошиблась.
- Хочешь, погадаю? Сегодня можно.
- Сегодня Родительская суббота, - уточнила я. - Не грех ли? - Но что-то, что было сильней моей воли, сильней перенесённых страданий, - пересилило.
- Погадайте!!

И так у меня появилась сомнительная дружба с Пиковой Дамой. Семейство её тоже было не без странностей. Внук, Олег, по совместительству служил в церкви Всех Святых на Кулишках. Рядом с метро "Китай-город". Дочь пила и втихаря продавала "артефакты" Сталинской эпохи. Квартира её, площадью более ста квадратных метров, в основном обставлена была... ящиками с гуманитарной помощью для оголодавших в нищете художников. И только в её, большой, комнате - видела я наличие мебели: шкаф, кровать, низкий столик рядом и два шифоньера, где под стеклом стояли отличные книги по искусству. Фотографии фронтовые... Два окна и балкон - соединяли её с миром внешних страданий.

...Однажды произошло вот что.

Попросила она купить для Марины ночную рубашку и две пары трусов. Что, день рождения у дочки, и хотела бы она сделать подарок. Я была не то, чтобы удивлена... Нет, ощущение было - будто бы мешок её антикварный истощился? Трусы и ночнушка - как атрибут материнской любви, вместе с довеском красного флага. Но... Всё же очень странная просьба... И я весьма настороженно отнеслась - но купила: две пары дешёвых трусов.

С безразличием приняла Пиковая трусы... Ну и ладно!

- Ночных рубашек, их что - не было в продаже?!
- Нет. Вы бы сами купили... - В голосе её чувствовалось раздражение, но, заметив, что я наблюдаю на её недовольствием, сменила тему. "Ага!

надежда мухина книга в альманахе

- подумала я. - Не купила ночнушку! Вот и хорошо сделала. Проказничает старуха: для иных целей предназначена ночнушка..."

...И вот, лежу я в кровати, время - около двенадцати ночи, и чувствую - с силой запрыгнула "кошка" НА НОГИ. и, ЛЕГЛА! Тяжёлая. "Ну, тварь!" - думаю. И с силой двинула ногой! "Брысь - пошла! Вон пошла, тварь Пиковая... Вон!!!" - И, распахнув одеяло, я резко встала. "Кошка" тяжело спрыгнула. Я сидела на кровати и смотрела в дверной проём... Рядом стояло кресло, на котором любил сидеть мой муж. Смотрела на кресло - оно поскрипывало, тихо так... "О!.. Проклятая Дама Пик! - Ты ещё здесь???" - вскрикнула я и с силой запустила тапочком в проём, грохнувшись об кресло, скрип вроде бы прекратился. Я осторожно вытянула ноги, ждала. И снова - прыжок! На этот раз кошка была поласковой: тихонько заурчала...

"У-да-влю!!!" - Под рукой ничего не было, я снова встала и пхнула в пространство ногой! "Пострашать!.. Сейчас удавку сделаю для Пиковой!" - Всё происходило так быстро, что я не успевала соображать: что бы мне ещё запустить!..

- Отче Наш!.. - громко начала читать слова молитвы. Прочитала молитву "Ангелу Хранителю".

"...Дружочек... Мой! Я не ведьма..." - звучало в голове. - Рубашечку-то ты нарочно не купила для доченьки моей..." - Но тут прозвучал гимн. Пробыло: двенадцать.

...Измучившись и потеряв чувствительность нервных окончаний, с онемевшими пальцами - я лежала.

Сна не было. Было что-то зыбкое... Что-то - беспокойное... Под утро снилось, как Пиковая Дама, водрузив красный флаг в горшок с кактусом, - села играть в карты. С кем она играла? То ли с тенью... Я видела только руки играющего в белых перчатках... Перебрасывая картами - игра вмиг окончилась словами: "Пиковую бьёт Крестовый Король!"

"...У меня Пиковая - козырная!! - завопила старуха. - Подлог!!!" - взвизгнула она, и красный флаг стал белым. Белые перчатки погладили растрёпанные волосы старухи.

"Капитулируете-е? Пиковую прощает Король козырной. - Перчатки убралась. Я проснулась.

...Ночное представление в свете утреннего солнца, будто - очищало, освятило моё жилище. Укрепило мою уверенность: без молитвы к старухе не ездить.

...У меня так было, и не раз: сны опережали события. Вот и сейчас... Долго я плескалась под душем - очищает вода. Едва вышла из ванной - звонок телефона. Я была почти уверена - старуха начнёт новую тему: "Тройка, семёрка... Туз!.. Ох! Какую бы вытянуть..." - И, сняв трубку, у меня едва не вырвалось: "Тройка! Семёрка! Туз!!!" - Некоторое время трубка молчала - молчала, и я... Наконец, чувствуя на другом конце провода - сейчас повешу! Трубка простонала, как тяжелобольное существо, моля о последних словах перед кончиной:

- Дружочек... Я так плохо спала. А ты - выпалась?

элова арфа

- Выспалась! Ночной рубашки у меня нет! Есть мужские трусы!
- Не шути так со старухой... Прости, дружок... - Трубка тяжело задышала, всхлипнула - очнулась: - Так ты простила?.. С рубашкой... Да бог с ней...
- Сон дурной видела, - ответила я.
- Дурной?! - у Пиковой появилось оживление в голосе. Умирающая, вероятно, глотком кислородной подушки реанимировала ночную встречу с Крестовым Королём?

...После этого случая - она заболела. Я не то, чтобы удивилась скорой расплатой её: играми с нечистой силой. Она и так давно дышала на ладан, и жизнь её продлевал внук Олег. Но и здесь без примеси ведьмачества не обошлось: старуха изо всех сил уверяла меня, что Олеженьку околдовала молодая ведьма с двумя шенками человеческого рода.

- Какой парень был! - она доставала доказательства: фотографии в Армии Спасения..., где он, Марина с мужем-испанцем в Италии. В Италии они общались в школе Волонтеров. А Пиковая, здесь, в полугодной Отчизне - не страдала от прибавления мясных отложений в теле. Номенклатурное её существование - давало ей свой доход в начале 90-х буйных, овчароподобных годов. И она грызла... Грызла свою кость "Милосердие России"... В "Милосердие" поступало огромное количество гуманитарной помощи, тогда мой муж и познакомился с нею, совершенно случайно: приятель его с Масловки шепнул про "тайные склады..."

А я - расплачивалась за "Милосердие" - картинами. Расплачивались и художники с Масловки, когда грузовик с продовольствием подгоняла властная рука Пиковой Дамы. О, в те годы выглядела она отлично! Статная, сытая, стояла она в окружении мешков, пакетов, коробок... Импортные вещи... Детское питание... Чечевица и дивный рис, и банки с сухим молоком и какао... И жульены! Самые настоящие жульены с грибами... Слегка подогреть прямо в банке... За эту Сытость - с меня причиталось... Я не роптала. Я была рада, что в доме есть еда, и муж был рад.

...Пожалуй, пора бы и закончить историю, которая до сих пор не даёт покоя: "И что Ей надо было от меня?.. Неужто в ночной рубашке дело было, да сорвалось..."

...Не хочу поминать словом дурным, ни покойную Марину, которую отпевал родной сын в церкви Всех Святых на Кулишках. Обезумевшая Пиковая - Алла Витальевна - сама вложила в гроб, в руки дочери "артефакт" с неподдельными самоцветами. Старинный крест был покрыт белой эмалью с вкраплениями самоцветов.

Последний раз виделась я с Пиковой Дамой на сороковинах. Больше не виделась.

Прожила она с год где-то после смерти дочери. И легла рядом.

...Я только могу сказать:

Царствие Небесное...

Москва, 29 - 30 июня 2011 г.

надежда мухина книга в альманахе

ГОРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ

...Помню Тбилиси. Что может быть прекраснее Тбилиси! Где жизнь - напоказ, и так же, напоказ молчат седые горы, утопающие в шапках облаков.

...От колоритных горцев и гордых грузинок пахнет французским одеколоном. Грузинское достоинство дефилирует в лакированных ботинках по тбилиским улицам - туда и обратно, без усталости: словно по подиуму на показе доморощенной моды, какой-нибудь мадам "де Вергуччи". Пока не зажигались тусклые фонари и оголённые до плеч дамы - под руку с усатым горцем - торопились в театр им. Руставели, чтобы напиться божаественной музыкой Россини в исполнении грузинских теноров.

...С лёгким оттенком юмора, вперемежку со вступлением к первому акту оперы Россини и пойдёт рассказ.

...Я, то ли проездом, то ли по работе - не помню, приезжаю в Тбилиси на пару-тройку дней. В городе у меня есть знакомые, есть старинный друг Гиви - он всегда рад моему приезду.

Выхожу из вагона, и сразу же вижу перед собой широкую улыбку Гиви.

- Тбилиси ждёт тебя, Герард! Изнывают барашки на столе... И виноградная лоза - чистой воды изумруд!

...Знакомо мне грузинское гостеприимство: Гордость впереди осла бежит!.. "Вот видишь - как мы тебя встречаем... министр - позавидует! Цени!"

Я стал говорить, что номер в гостинице забронирован...

- Какой номер? Какая гостиница?.. Там одни клопы. У меня жить будешь. - Гиви уже и машину заказал.

Хорошо, едем. Вот и дом Гиви. И действительно - народу полно. Шумно! Дымно! Пьяно!.. За стол усаживаемся. Друг Гиви, как и положено грузину, - тост говорит: "Что пьём мы молодое вино, и пусть молодая будет кровь друга, и остроумию Герарда - нет равных на земле Грузинской!"

...На следующее утро Гиви говорит мне: "Иди, пока. погуляй по городу... вечером в театр пойдём. Я билеты достал в лоду". - До вечера много времени, я прогуливаюсь по городу и прохожу мимо бань. И так мне захотелось в баню сходить грузинскую - будто по дороге, измочаленной грохотом повозок, в которых "дары полей" везли на рынок, - нахватал я "дары от сена-соломы", в которых уютно гнездились блохи, мухи, и паучки скребли лапками...

...До костей пробрала баня. Выпарил "нечисть" московскую, и грузинскую. Неторопливо облачаюсь в костюм: белоснежная рубашка, бабочка вокруг шеи. Всё как положено, чтобы идти в театр. Вечерней прохлады я как-то не почувствовал, потому и решил: самое приятное - у фонтана охладиться... вкусить сладость ветерка с горных вершин.

эолова арфа

И журчит за спиной воды - а мне грезятся источники с целебной водой... и как я силой молодецкой прямо-таки наливаюсь! Хорошо мне. "Да в театр гостю пора! - говорю себе. - Вместо шашлыка - оперой напитаешься!"

...Вот и театр им. Руставели. Публика вся роскошная! На оголённых плечах дам сверкают фамильные бриллианты... в золотые позументы обильно вкраплены изумруды чистой воды. Сверкание оттеняют чёрные фракы. Усаживаемся мы в кресла, Гиви расплывается в счастливой улыбке - и такие же счастливые, счастливые... так и плывут в ложу, прямо в Гивиное сердце!.. А мне не до того: нестерпимая боль пронзила тело.

- Господи! - говорю я. - Больно-то как!

- Потерпи, - отвечает Гиви. - Один час потерпи. Умоляю!

Но мне не до сантиментов - караул хочу кричать! И я начинаю свистеть от боли и почти кричу в ухо Гиви:

- Не вытерплю выступления к первому акту!!! - И всё это на виду... И бинокли уж нацелены в нашу ложу. Полный конфуз!

...Дома меня уложили в постель, навалили одеяла, но легче не стало. для медицинской практики?..

Гиви позвал - всех. В прихожей то и дело раздавался звонок, Гиви впускал. Совещание "кабинета министров Грузии" длилось более часа. Меж тем я страдал и тихо выл в подушку.

- ...Посовещались мы тут... Мнения разные?.. Но один я знаю рецепт от скорейшего выздоровления... Под облаками, в горах, живёт человек... - запел оду "Горе" мой друг.

"О, Господи, - думаю, - грузинское красноречие в могилу сведёт".

- Гиви... - взмолился я, - Не томи!

Гиви чешет бороду:

- Неужели так больно?

- Вызови врача... Богом прошу! Врача мне!!!

- Успокойся, дорогой, а то ещё сильнее заболит. ОН скоро будет. Жди!

В ожидании я задремал.

- ...Просыпайся... Просыпайся! Скорей!.. - Гиви тормозил меня. - ВРАЧ пришёл!

...Я смотрю в полном оцепенении всех частей тела: передо мною стоял здоровенный горец. Ростом - метра два. Смутный взор его разглядывал московского гостя, и будто бы взвешивал на глаз - сколько на всё протянет чужеземец для медицинской практики?..

- Нам было нелегко... - прояснил ситуацию Гиви. - ОН с высоких гор спустился... где снег лежит... разве что орёл чуть впереди его... Освободить тебя от боли. - Горец без церемоний сбросил пропахшую навозом бурку на старинные персидские ковры Гиви. Честно говоря, мне было жаль ковры, и Гиви тоже. Лицо моего друга слегка дёрнулось, как от тика, но вида он не подал. И я ещё раз оценил грузинское гостеприимство.

надежда мухина книга в альманахе

- Ничего, ничего... - успокоил Гиви горца, когда тот оглянулся на хозяйина дома. - Сапоги можно не снимать. Большой, вот... друг мой большой из Москвы. Ах, беда, беда, беда... - заохал Гиви.

- Вылечим - Москву! - и врач поправил кинжал в ножнах. "Или вылечит, или - прирежет, как ягнёнка". - И Гиви, как назло, оставляет меня наедине с этим чудовищем. А тот, видно, привык с овцами только разговаривать - вытаскивает для чего-то верёвку... Я и глазом не успел моргнуть, как ОН скрутил мне ноги и аккуратно так перевернул на живот... Задрал рубашку - адская смесь из мазей прожгла тело, и я сильно дёрнулся.

- Москва! Терпи... Не шуми... Не брыкайся! - посланник далёких гор уговаривал меня, будто своего барашка перед стрижкой шерсти.

ОН мял и давил поясницу, - приговаривая: - Не брыкаться, Москва! Иметь - терпение!.. Терпение. - Если бы я заблеял - то, думаю, доктор не удивился бы вовсе.

От запаха мазей у меня поплыло всё перед глазами... Гиви хотел было зайти, взглянуть - как продвигается лечение, высунул голову из-за двери - но тут же захлопнул обратно. Я, ни жив, ни мёртв - но чувствую, что экзекуция "вырезания ремней" на спине окончилась, и горец - как будто вытер "кровь" на руках о край черкески. Доктор развязал верёвку на ногах, и, будто младенца, легко перевернул на спину.

- Лежи, - говорит. - Младенцем станешь! В зеркальце смотришь утром. Себя не узнаешь - Дитя.

...Лёгкость во всём теле, которую я почувствовал утром, - привела в восторг! Мы с Гиви танцевали "лезгинку", и друг мой на радостях велел приготовить свежего барашка.

- Говорил я тебе... Говорил! Великий лекарь - горец! Его всё Тбилиси знает. Тебе очень повезло... ОН редко спускается с гор.

- А как же ОН узнал? - Гиви подпрыгнул на месте и многозначительно прошептал: - И я подумал: "Хитёр грузин со своими тайнами... По суекам, по поскрёбышкам, и у русских тайн - полны закрома!"

...У каждого народа есть свои глаза и уши - слова! Чтобы выразить этими словами Милосердие к чужой боли.

Москва,
2004 г.

СОКРОВЕННОЕ

Прожила 40 годочков. Бабий век перевалил за полдень. За тенью всё ещё доглядывает вдовство моё.

Всё ещё жду мужниной опёки. Привыкла к опёке.

эолова арфа

...Ведь любил как юноша 18-летний!.. Лю-би-л... очень...
 - Никогда так не любил!.. Стыдно просто... Мальчишество! - и улыбка такая же, мальчишеская какая-то на лице мужнином... Так матушку ребёнок любит!.. Муж - ребёнок мой... совсем недавно стал.
 - Да разве это стыдно - любить? - говорю ему.
 - Я уж и сгнил весь, и не противно тебе...
 - Нет. - Красивый у меня муж. Лицо благородное, измученное... просветлённое...

Жила у нас Степанида, голубка, белая, белая... Сядет, бывало, на грудь мужа да всё в губы целует, тыкается в бороду... хлопает крылышками... перетаптывается на груди...

- Степанидушка!.. - шепчет ей муж, а у самого слёзы... Степанида всё слёзы целовала солёные мужнины. Понимала - умирает (он). Жалела.

Мои слёзы не целовала, а только присяду в кресло передохнуть - она и взлетит на колени мои. Глажу её оперенье - ангел! Чистый ангел! Ни одного чёрного пёрышка.

Пришёл о. Максим. Собоковать мужа. Он идёт, а впереди Степанида.

- Видел чудеса... а такого!.. И что же, не летает? - спрашивает о. Максим.

- Нет.

- Пешеход, голубка... Божья воля... - а Степанида идёт впереди полы рясы батюшки, а батюшка за голубкой - не чудо ли это! Чудо!

- Божья воля... Божья... - и ладаном кадит, и голубку крестит.

- Вот и батюшка пришёл, - говорю мужу, а Степанида глядит на батюшкины приготовления к таинству, глядит внимательно, крылышки-то сложила, как перед причастием, ей-богу - вот вам и Вера.

На грудь мужнину села, на о. Максим смотрит: мол, давай уж... приступай к делу. Он и приступил к работе своей... И хорошо. Стою в дверях, смотрю - муж на меня смотрит...

- Хорошо мне, батюшка, - говорит муж. - Так хорошо мне давно не было.

- Вот и Слава Богу, - говорит о. Максим.

- Люблю - очень... - шепчет муж. Батюшка голову наклонил к нему, а Степанидушка-то прямо возле батюшкиного лица стоит, не шелохнётся. Слово боится пропустить!.. Слушает? Слушает... Понимает...

Степанида привыкла к домашнему существованию. А я думала: "В доме ангел". - Зерно клевала аккуратно, всё до зёрнышка подберёт, попьёт из миски водички и снова слёзы целует... слёзы пьёт мужнины... Он улыбается.

надежда мухина книга в альманахе

"Боль его в себя ангел брал - может, оттого и пешеходом был... Не летал! Нет, не летал!"

...Полетела весной. Сирень набухла!
...Полетел Ангел - а Душа Отлетела мужа.

...Весной стала пробовать крылышки Стёпа. Я со страхом, с болью какой-то... и тоской в сердце - наблюдаю...

"Ах, окрепла, окрепла, окрепла... душа её... Улетит. Не вернётся".

На ладони моей потопталась, я ей: "Стёпушка... Ты свидетель, утешитель мне была... и мужу. Может, и встретишь "его" ангелом".

Пшена ей насыпала, долго клевала с ладони моей...

Москва,
2012 г.

ПРЕДАНЬЯ

I

"...Бабка всё твердила: "Внучок, внучок, родители мои не собрались в одной могилке, теперь к кому костями приткнись? - к нехристям или пьяницам. Нет, уж лучше под яблонькой моей копайте могилку мне. Хучь она веточку склонит". - Мудрая была бабка. На скамеечке бывало сидит под яблонькой своей, на головке платочек беленький, так до ста одного года просидела и могилку свою сторожила. А в яблоньке образовалось огромное дупло от старости.

Точно как в церквушке нашей, столетней давности дупло. И никому нет дела. А чесать в бороде, как бы - думает... Хитрость одна от маеты, да от лени. А подпереть бы плечом чёрные брёвна, а заткнуть бы подолом рубахи дупло, которое вместо окон образовалось, чтобы не дуло стылым ветром в лики святых. Знает своё дело лишь вода реки Киндайка, грехи неотпущенные денно и ночью омывают берега, да в воронку потом затягивает. Крутятся, что черти, ошпаренные студёной водой.

...Сто лет живу, ровно как бабка моя, а заходить боязно в церковь. В ней - распря хозяйничает. И грызёт, что червь поганый, грехи.

...В прошлом годе знамение было, как раз на Вознесение Господне. Ждали батюшку. По большой воде должен был к нам быть. С ночи глаз не смыкал. Киндайка взбеленилась, плюётся в меня, зараза, пена изо рта, и давай гребешком ходить синюшим. Злющая! А глаз-то мой всё даль сторожит! Где рога оленя скала будет, вижу - зелёный луч пошёл... Ну, думаю, не к добру. Олень-то, он редко, редко просыпается. а тут Возне-

элова арфа

сение Господне. Так и чиркнул по воде лучом, так и затянуло лодку со двумя рыбаками в воронку, а батюшка живой остался. Слава Тебе, Господи!

Так бывает один, два раза в году, затягивает...

Неотпущенный грех, он жадный к чистой душе, хочется ему прилепиться, что ястребу к голубке белой, непорочной.

...Хошь - верь, хошь - не верь, не принуждаю никого слушать, а Знамению не требуется доказательств. На маковке церковной луч зелёный так и остановился, вроде бы вместо креста, где ему положено быть. Вот так-то! Святость пеленою смиренномудрого ожидания заволокло. На литургии, вместо молитв, глотала церквушка воду реки Киндайка. И нету горше горя, как глядеть на тень глубокую... скорбящую..."

II

...Бывало-то прижмёшься к копну сена, и Родиной запахнет. Обнимешь этот сладостный дух её и мнёшь, мнёшь... слотнув слезинку, утнёшься в материнскую, пахучую подушку, набитую соломой...

...И дуешь, дуешь ветер свой дыханьем сквозь пальцы... Всё думается о минувшем: прошлое на настоящее наложилось... Так тень ложится медленным крылом на очертанья древних символов... и горы, сглаженные временем, всё больше оседают вниз, когда же и они исчезнут, об них заговорят на разных языках. А я-то знаю про себя: Земля есть отражение Вселенной!

И то, что ум отроческий смущает, то не монаший ум... Лощины, реки. погосты и могилы, и отдых в диком поле, где одуванчик с ветром - сеет, сеет семена... А в ночи, так бывает только в Юности, на небо глядя - свечой горишь! Иных мечтаний, кроме как - познание, есть цель пути!

...Не пустынное хождение - трасса, которая и вела к заветному месту. Пётр спрашивал у местных, и говорили ему, что есть, есть деревня та! а вот скала?.. Чесали в бороде мужики, домашних подзывали...

- А зачем тебе туда? - спрашивали Петра и хитро уж посматривали: темнит парень! И Пётр торопился уйти. Подозрительность русского ума провожала его спину, и он невольно пытался сбросить чёрное крыло пересудов вслед. Он перестал спрашивать. У него был целый месяц свободы, и ещё у него было!!!..

...Утро! Синеющее всё окрест. Май! Пётр идёт по дороге и то на одно дерево глянет, то на другое...

Купы деревьев напоминают птиц лохматых, что застыли, что лапы их

надежда мухина книга в альманахе

- ветки! И - темны. Абрисом совиным, что ли... Неопределённо по окрасу. И кто их сотворил вдоль дороги? Сквозь будто бы рваные крылья глядело мироздание, тускнеющие звёзды... Делая птицу - дерево - каким-то неземным созданием... И - стоят! За трассой насторожённо подглядывают, в строгости! И что за дело этим непонятым созданиям до дороги? Изредка ощупывает их свет фар - глаза огромные чиркали, перемаргивались... Но уж устали моргать. Сникли и перья их... Четверть луны тухнет, синева растворяется в молоке тумана, и совы, и детёныши их, и другие диковинные птицы - постепенно проступают зеленью жизни. Вздрагивает со вздохом ветрило. И Покой, сам... И Пётр вздрагивает! С жадностью следит, как "птицы" превращаются в осины, в берёзы, прозрачный подлесок.

...В дрожащей пелене, в блёстках серебряных, будто рыбы в пене прибоя, выныривали машины и плыли... столь далеко от берега, то опускаясь вниз, то снова выныривая - гудели пароходы, трейлеры... Гудел весь мир божий! И душа божьего человека Петра - гудела! будто бы в нём был орган!.. Орган души - он вносил гармоничные ноты: и птицы, и деревья, и даже трасса - вслушивалась! будто новый, завёлся мотор. И чудная песнь была соловья!..

Но с последним аккордом всё ж застонала трасса, вздохнула больно подраненным медведем и, подняв морду вверх, - зарычала...

...Уж исполинскими бровями расходятся полосы трассы: налево? направо?

"А сверну-ка на просёлочную", - сверившись с картой, Пётр так и делает.

III

...Обломком трезубца - громы и молнии! Хохотал бес весёлый и смелый, запуская первые стрелы Весне.

...В Киндайке река серебрилась, будто бы в неё набросали миллионы серебряных монет с неба, до того славно Киндайке под проливным дождём. Бабы же выставили вёдра.

Поговаривали, что будто бы первый дождь в этих местах имел особую, целебную, силу. И, действительно, вода дождевая долго не портилась, ею умывались, особенно хорошо удавалась уха.

...Дух Нового Времени часто заглядывал в край Старинных Преданий. Столетних старцев с иконописными лицами знал наперечёт. Дух невольно залюбовался, как ловко бабы с вёдрами управляютя, перенёс свой взор на две скалы оленя. Задрив обточенные выступы камней к небу, напоминали скалы рога сохатого. Расщелина между ними из века в век всё больше разъединяла оленей, они смотрели друг на дружку большими, выпуклыми натёками пород.

У одного оленя глаз был прикрыт серебряным веком, у другого - то ли природа сделала свою работу, глаз был глубокого зелёного цвета. Буд-

эолова арфа

то огромный сверкающий изумруд. Когда солнце задерживалось у глаз, то его зелёный луч тянулся так далеко... Он будто высматривал что-то... Направлял куда-то... в поисках, как рельсы проложенные - Пути.

...Иногда, в стужу, Дух замечал, что зелёный глаз плачет, тогда, усаживался он между головами и что-то тихо напевал...

Соединяла оленей лишь узкоколейка, которая, стреножив навеки железного коня у входа в туннель скалы, уходила рельсами вглубь.

IV

Пётр и сам не заметил, как переступил Запредельное, Надмирное, Намолненное.

Киндайку перешёл вброд. Ливень молотом стучал по спине его, он прогибался... пополз на коленях...

Видел он и баб с вёдрами, полуголые стояли в реке. Найдя пещеру в скале, уснул его молодой организм.

...И сон его, как сплав диковинной породы в скалу войдя, слегка застыл - пронзённый опытом скитаний, бродил по фрескам, по писанью... Во сне легко взлетел к оленям и слушал древние преданья - стекали слёзы Мира с них.

И глаз оленя вдруг блеснул! Мороз по коже у Петра, он заглянул в глаза оленя, но дух его уж так силён - что нету сил Петру бороться! Зелёный глаз пронзил весь Мир и осветил, как зверя без цепи, - ужасное и смрадное Равнодушное Молчанье!

...Заплакал Пётр за всё Молчанье.

Да кто же пожалеет...

Да кто ж его поймёт...

...В краю, где говорят ещё старинные преданья, где живут памятью предков и старцы с иконописными лицами - Иконы, сами. Знают ли они о том, нам, городским жителям, неведомо.

Через реку Киндайку, вброд, пошёл Пётр.

Так проходит Юность - легко.

...Раздвинулись шторы, распахнулись окошки, весеннее светило не жгло его душу сомнением напрасного пути. Но вот и движение ума пробудилось: шелест переворачиваемых страниц, скрип перьев... дверь хлопнула, и кто-то прокашлялся... В этот же час, нарушая тишину умственной работы, заголосила баба, ругая свою корову.

Пётр, стоя у скалы Преданий, всё больше поражался её правильной округлости: "Человеком ли ты сотворена? И кольца, вон, читаешь, будто в срубе дуба. И Видишь, а не Смотришь - страницу за страницей в породе серебристой чешуйками блестят..."

надежда мухина книга в альманахе

И в яшме Видишь облик старца, так, на секунду он явил трудов своих многотерпенье! и сканью закрепил все многоточия... значение Глагола! Да здесь чудные самоцветы переплелись от края и до края! Внизу, всё мох власами мокрыми прикрыл, и гроты, и выдолбленные шербатые ступени. "Что там читали, наверху?! Наверно, то, что на земле, греха боясь, всю силу - решили выдолбить в скале! Решили выдолбить СТРАНИЦЫ".

И вот, прочесть пытаясь на странице, ладонь скользнула в углубленье букв.

...Цепляясь за буквы, я СМЫСЛ в них искал!
"отдав утреннюю свежую душу!"
Но так высоко, высоко... высоко...
Страница последняя и предпоследняя...

Но на что Буквам зарубка чужая?

Не знал предок пытливым, что у каждого места - свой АТТРИБУТ. У каждой тропинки - родник чуть звенит... У кресла трибуна, иль мавзолей.

...И ступени шербатые, очень тесные, будто обувка чужая, - седьмую не одолеть Петру. Вцепившись в буквы - так слился с Преданьем он... Так тень стучается под полуденным солнцем и в мрак превращает деревья, и мрамор темнел, как и лицом человек...

...По мрамору скользил глазами Пётр, из всех камней - он царь! И опоясал середину скалы Преданий багряной лентой - как мавзолей нетленный - перепоясал раны века: в свечах всё храмовое поле, в свечах земля пустынна так - опустошённая, стонающая болью, - так детское бывает только горе.

...И будь то предсказанье вешее или же Явь - в сознание нет границы, как и Вещего Пути по жизни нет.

V

...Ещё, по дороге сюда, вспомнил Пётр рассказ Христины, прабабки своей. Мудрая была, памятьлива, и говорила, что её бабка по материнской линии вот здесь, в этой церквушке у реки Киндайка, и разродилась. Обедню отстояла, и вроде бы и ничего. Только чувствует, что воды стали отходить. Поп к ней: "Что ж ты, сестрица, никак рожать собралась?"

"Так все под Богом ходим", - и осела она подле иконы Николая Чудотворца. А батюшка до того умилелся радости такой, что даже, говорят, сам подстелил ей полотенец, да за женщиной, что в церкви свечки продавала, послал.

Рассказывала прабабка Христина, что голос младенец подал, будто на звоннице за все колокола дёргал. А батюшка-то поцеловал в маковку розовую младенца и сказал, что хорошо в церкви рожать.

элова арфа

В 1911 году Розанов писал в своём "Уединённое":

"Да что же и дорого-то в России, как не старые церкви. Уж не канцелярии ли? или не редакции ли? А церковь старая-старая, и дьячок "не очень", и священник тоже "не очень", все с грешком, слабенькие. А тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно? Хоронили тут матушку, братцев, похоронят меня, будут тут же жениться дети, всё тут... Всё важное... И вот люди надыхали ТЕПЛА".

Москва,
2011 г.

ВДОХНОВЕННЫЙ...

Рассуждение о почти гениальном творческом акте

I

Люби кисть свою художник. Люби краски и палитру. Палитра - это Радуга Мира! Свет и Тень мечтаний... Палитра - это и любовница, и друг, и соперник одновременно!

...Соблазнившись Творчеством - не ропщи. Потому что бедность духовная - увеличивается Прибылью Духа Вдохновенного Творчества!.. И наступает тот момент, когда фанфары, кажется, взорвут сердце!.. Серая срывается хостина... Творец "обнажается" пред миром: обнажается и душа его - в акте, обременённом идеями... формами и, наконец, в самом акте Красоты Произведения... И сравнивая ту - и ту Красоту с послужившей Натурой - невозможно не преклониться перед НАТУРОЙ, послужившей Творцу вдохнуть акт вдохновенный, очистительный, почти божественный... Надмирный - перед Творением ещё не высохших красок.

...Освободился ли Дух Творца от страдальческого наваждения темой земной?

"Заземлённой"... Необъятной, как поле, пустыня, море... Заземлённое страдальчество ещё больше укрепилось в душе: Красивость и не-Красивость - ещё не есть отражение Бытия. Творец лишь и "приближается" к бытию, краски его весьма приблизительны, условны. В поисках новых форм в искусстве, он готов отождествлять себя с Титаном, срывающим с себя цепи брэнности... С Мучеником - срывающим с себя вериги, чтобы прийти в Мир и сказать Новое Слово!

Но и "новое слово" будет говорить голодный, нищий, бездомный человек: скорее всего ему предоставят "скорую психологическую помощь". И "глас божий" подхватит хитроумный "пророк". И, прикрыв левое и правое веко, займётся придумыванием - новых идей... Форм... И Слов!.. В какой-нибудь "реалистической" пьеске, где всё условно: а бытие придалено кирпичной стеной взаимонепонимания... И искусство уже не

надежда мухина книга в альманахе

творческий акт в Мир Сей - а некоторое недоразумение? "Героизм" столько раз репетировался?.. Но отхлещена по лицам актёров Свобода - каким-то жалким подобием: старцем, возмнившим себя чуть ли не Пророком! Хлебонасытителем Рабов... Работодателем - Творчества!! Распорядителем - Вдохновения!

...От суетности Бытия страдает человек. Если он даже и владеет кистью, и молится перед работой: страдания, сомнения, потери - переполняют чашу весов Счастья.

Какое же Равноправие может быть у "рабов жизни"?

II

...Каждый Творец хочет быть оригинальным перед другим. И тот, и другой трудились в поте лица. Но лишь один - приблизился... а другой прослезился от Радости им Сотворённого. И Творчество - разъединило их. Сделало врагами. Хотя им в равной мере было отпущено Богом таланта, трудолюбия, и чуть-чуть ложки дёгтя: чтобы не ленились, чтобы спорилась работа.

Один творец мало молился и в храм Божий не так часто открывал двери. Другой иступлённо молился: он свято верил, что творение его будет гениальным... В этом и было Искушение: "Молитва не есть Творчество".

Не такая ли картина наблюдается в мире интеллигентных - "вихри враждебные!.."

И сердобольное взаимопонимание кажется убогой безнравственностью: творец перестаёт быть им в яростной борьбе за Место под Солнцем!! И этот спор - нескончаем. И задумываются ли, когда-нибудь, почти гениальные творцы: отчего это они всю жизнь только и делают - что Приближаются?.. К Замыслу. ...Как приближается тень к замысловатому узору на выступах горных пород: блистает нерукотворное чудо! Вот он - Экстах Природы! Акт Нерукотворный...

III

...И "половинка от человека вздохнула". В данный момент человек ощущал себя "половинкой", не более.

Другая половина всё ещё суетилась у холста и с пристрастием изучала...

И почти гениальный творец не заметил шаркающих шагов перезрелого возраста своего. И теперь уже - не почти - а каждый день всё чаще садился в кресло. Всё тяжелее было руке поднимать кисть к холсту... Выпивал вино, и в тепле лёгкого опьянения легче было вновь и вновь погружаться в... эфемерное вдохновение... "Может быть - эфемерным ОНО было на протяжении всей жизни? И мне лишь - казалось... И сколько же раз мне казалось?.."

элова арфа

"...Холоден холст. Я натягивал холст с любовью, с мыслями о Боге. С мыслями об очищении от греха своего... Хотел бы и приблизиться к Исповеди. Изгрешился ли я в творчестве? Но творчество дарило радость людям, и я был весел, счастлив и пьян от проделанной работы! О, как восхищались моими картинами!.. И самолюбие моё уж переполнялось драгоценным вином: я лишь открывал рот, как будто для Причастия - и вино успеха услужливые руки учеников моих подносили к губам..." - Художник задёрнул халат, на котором не было и намёка на подмалёвок. Он даже не затонировал холст. Он помнил, как сладостен был хлеб, и лук вызвал у него тогда какое-то пьяное возбуждение! Он вспомнил, что вечером придёт натурщица. Бросил всё и помчался в магазин. Купил вина, попросил ветчины в нарезку, - улыбчивая баба с плотными ягодицами усмехнулась. Лицо её было некрасиво, и только чувственные губы почему-то заинтересовали его, почти "классической" формой. "...Да, я тогда хотел писать обнажённую с фруктами". - И к вечеру... К тому таинственному вечеру - готовился он с полным помутнением в голове. Хотя у него и раньше бывали женщины и делились с ним греховными утехами, и ничего не просили...

"...Красивый!!!" - говорили их истомлённые губы.

"...Самый!.. Счастливый!.." - смотрели их тела с картин художника.

...И Творец обнимал их всех! И пил вино за них, за всех!

"...Любили ли, вас?! Жалели ли?!.. Ласкали ли вас, как я ласкал!.. Кто выше меня возносился к Божьей Любви!! А получал в ответ удары судьбы... И молился перед Земной Мадонной... И перед МИРОМ стоял на коленях - чтобы в мире смятенного духа своего, от дыхания моего не сдунулось Вдохновение!!! Почти приблизилось которое к Гениальному..."

...ВДОХНОВЕННЫЙ! Почти со вскрытыми венами!! АКТ ПЛОДОТВОРНЫЙ Я свершал у холста.

Москва,
8 - 11 июля 2011 г.

СТРАСТНАЯ ИСТИНА

Повесть в рассказах

ВСЁ, ЧТО СОСТАВЛЯЛО МОЁ СЧАСТЬЕ...

Всё, что составляло моё счастье, - есть жизнь! Но не жизнь в счастье - в счастье не купаются, это не море, - а те маленькие капли, оставшиеся после дождя... Сверкают они, переливаясь на солнце!.. Лопаются в ладонях... и если их поднять - в просвете пальцев увидишь раду! Она имеет все оттенки: если ближе к синему, фиолетовому - это печаль, скорбь, а может быть, и смерть. Всё зависит от количества этих красок в жизни. Лишь на окраине выгибается одна, другая, струна - прямо от земли, буд-

надежда мухина книга в альманахе

то бы едва различимое... акварельное... бледно-жёлтое, розоватое или светло-оранжевое... Это те капли в радуге...

...У меня были эти капельки!..

Я держал их в ладонях! Особенно часто в тайге или далеко в горах - и их было много!.. Потому что счастья было много... Оно было в самом дне, для другого ничем не отличающемся - а в тебе всё светилося и пело, и звенело от стрекотания кузнечиков. От синего неба!.. И ты не думал, что рюкзак тяжёлый за спиной, ноги устали - ты шёл и не знал, сколько прошёл! И не важно было это, а важно было состояние Души!.. Ты шёл и слушал её... и ОНА давала Счастье... Оно всегда тихое, и улыбка была на лице. Я понял, понял... Это так просто и быстро и прекрасно! Как же я раньше этого не понимал, но оно есть - и пусть хоть на миг побудет со мною!..

РУНГА. ПУТНИК В ДОРОГЕ...

...Да и что же не расчувствоваться до слёз!

Что может сравниться со стародавним чувством, которое и сравнить-то не с чем! которое испытывали наши предки, садясь в телегу и едучи в поле. От прадеда, священника, из Рунги, что неподалёку от Волги. Когда прадед, подняв подол рясы, усаживался в коляску и ехал крестить, отпевать, мирить, а то и просто благословить прихожанина Рунговской церкви. Трогал вожжи и вместе с церковными заботами, незаметно и его лета двигались к седеющим власам. Старела его кобылка, но скрип дорожной брички!.. и тот, особенный запах пота.

...Ах! Какие лошадки в Рунге. Мы тайком пробирались в конюшню, ворошили сено и давай дёргать лошадей за хвосты, а они перебирают копытами и всё не хотят глянуть - кто это их за хвосты тербит. Всех лошадей подёргали, помнится, что и ползали между ногами их, а они осторожно перебирают... фыркают, хвостом машут прямо в лицо - и нисколько не страшно. Весело, интересно! Лошадки хрумкают сено и косят глазом... Года четыре мне!..

...Вспомнишь ли ту детскую ворожбу в копне сена. Глаз вороной был дружелюбен со мной - всё было со мной: синие полозья на синем снегу... Мужик ворожил над кобылкой, а все мы ожидали - вот, вот, сейчас ещё поворожит!.. и скошенный, влажный глаз её в полутёмной избе - сверкнёт! с вытекшей слезою, и мучительно, долго станет ползти по увлажнённой, лайковой коже. Жилится от потуг кобылка, ухом дрожит - может, к ворожейному шёпоту прислушивается!.. а мужик уж и жеребёночка оглядывает, приговаривая: "Посвети-ка!.. Посвети-ка чуть ближе!.. Живенький! Живенький!" - Ух! как старалась кобылка, как надрывно-страстно трепетали все жилы её под коричневой лайковой кожей. Оттого и плакала... плакала...

...И вот - "я"! изучаемый кропотливой внутренней работой от самой страстной Истины - от которой, и "я" понимаю с изумлением, что - нет,

элова арфа

нет! - не изнурилась душа... Она так же вздрагивает и вытягивается в жилу - до бесконечно-прозрачной!.. и вновь и вновь надувает парус в созерцательной бесконечности, где там, в океане Лет - Страстная Истина бьёт поклоны Жизни!

...И на этот день бежит впереди дорога.

Что я узнаю в этой дороге? Что откроется в новом человеке?..

...Никто не удержит дорогу! И не всякий православный положит крест, прежде чем идти...

...А может ли такое быть, что та Истина, гласившая, что "SOS"!!! - устарела? А?.. И к кому я еду, тот человек, похожий с лица на выцветшую, истёртую перчатку, - не швырнёт ли перчаткой в мою Истину!!

Но чего же бояться ИСТИНЫ - ЕСЛИ ОНА ДУРНО ПАХНЕТ!

...Езда в открытой коляске, резвая гнедая - всё это располагало путника в дороге к созерцанию облаков... и если, вдруг, нечаянно задумывалась лошадка, когда где-то вдали слышно было ржанье её собратьев по жеребинному роду... с миндалевидными глазами, с рыжей чёлкой и в серых яблоках орловского рысака, и их с ещё неясными, дымчатыми пятнами на груди жеребёнка... то резвая двухлетка вытягивала шею и глядела весёлым глазом на подсохшую апрельскую землю, на перелески, в которых уж задвигались жизненные соки и стекали капелью по стволам. Везде, всё - переключалось щебетом, цоканьем и другими непонятными звуками, которые шли от земли. И как быстро бегут тени, раскрывая пласты чернозёма... кой-где ещё оставались серые льдинки - и всё это волнует ноздри лошадки, да и коляска уж подладилась к дороге, и путнику радостно от быстрой воли окрест - он подлаживается к дороге... объехала ухабину легко коляска в том месте, где поднимался полосатый шлагбаум минувшего века.

...Как летит время!

ПЫЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК... СТЕПЬ...

Было уже за полдень, когда мужик махнул рукой и слегка дёрнул вожжи.
- Впереди кто-то? Бродяга если... становиться не стану.

- Посмотрим!.. - путник привстал и разглядел: в мешковатой одежде... лица видеть он не мог... вся фигура человека каким-то невообразимым перевоплощением "вытекала" из земли, и изобразила нечто абстрактное... колыхание не то холма, который того и гляди "рассыпется"... не то сникшее чучело, умеющее говорить.

Стегнув вожжой, мужик неодобрительно крякнул, - колыхание шевельнулось и подалось вперёд, к подъехавшей коляске.

- Через - степь?.. - с усилием раскрылись пыльные губы "человеческого колыхания".

- Через неё! - мужик крутил вожжой, да так ловко, будто б хотел заарканить - это самое "колыхание"... Но "колыхание" и не думало отступать, а слегка двинулось рукою вперёд...

надежда мухина книга в альманахе

- Что скажете? - мужик оглянулся на задумчивого путника и, не услышав ответа, выругался: "Чтоб их!.. Пробрал! и ни полсловечка - не проронят!" - Аркан его хлестнул со злостью в воздухе, но, к удивлению мужика, "колыхавшееся сооружение" приподняло на голове - нечто... плавно перетекающее из холма в шляпу, обшитую затейливой бахромой и завязанную на подбородке эдаким артистическим бантом. Шляпа поднялась и помахала перед остолбеневшим мужиком в приветствии!..

- Да-а??? - только и крикнул мужик. - Пыльный!..

..."Чего не вытворят с человеком дорога: всё расскажи! А я не пень, на котором растут мухоморы, - чтоб чертыхались да крестились, проходя мимо. И плюнешь порой на добродетельную хитрость: для иных - развлечение я! только что не скоморошничая... А я не пыльный!! Я нуждающийся гражданин с паспортом и неиспользованным проездным билетом до Нижнего Новгорода... вот! постою ещё у шлагбаума и пойду восвоёси - дальше пылиться!

...Богу-то глаза не запыхлишь: пыль на плечах православная! Так что крути версту за верстой со Ангелом Хранителем. Со мною он в странствии... крыла сложив, сидит поверх рюкзака и тоже ведь пыль глотает!.. сочувствует!.. Ему-то я доверяю, доверюсь... Я не жадным уродился - разделию вёрсты пополам. Ничего, скажу: вот вам - крест! добрые люди, коляска у вас добрая и лошадка - а я с краешку сяду, не потесню доброту".

И что за степь предстала путникам! Уж обдатые жаром, но не тем ещё, как из печи, а таким - поостывшим, изнывающим в собственном блаженстве, топорщился кустарник со взбухшими малыми листочками... Уж лужицы между валунами протягивались друг к дружке и, пересекая тени, сливались в каком-то бесконечном поцелуе... И трещины в земле, будто рукава бахромистые, обтрёпанные, - и по их краю опушили эту самую бахрому зелёной опушкой.

И бесконечным синим парусом небо!..

- Ишь ты! разневестилась как стелушка... - сказал уменьшительно-ласково про степь мужик и дал кобылке перейти на лёгкую рысь. - Пока что не выкинула чёрта Подколотная! Страстная же!..

- Эй, сосед! - послышался с другой стороны валуна женский голос. - Не молчь, сосед! Я изнемогла так!.. всё "Отче наш" голосю!..

- Дурища! Чего орёшь? Счас глазом зыркнет Подколотная, и пропадай "Марш Мендельсона"! когда в стелушке счас - самый любовный нектар... невестится...

- Я шёпотом... - баба подъехала совсем близко, - ты болотце-то объезжай - худо там. У меня с воза целый баран копчёный вывалился... и только рога и успела видеть! Подколотное болото, оно тоже невестится?.. - баба скособочилась в крендель, оперевшись обеими локтями об свои бараньи окорока, отчего одна голяшка, обёрнутая в холстину, вывалилась. -

элова арфа

У-у!.. Аж зубы сводит от километров, и все - подколенные! а горло так и смыкается от страха. - Погрозив кулаком, баба опять затараторила:

- Хочешь, баранью ногу дам? Бесплатно. У тебя, вижу, два христианина в коляске?

- Я их крестов не видал, - угрюмо ответил мужик.

- Бери ногу! Бери! Всё равно придётся заночевать.

- А-аскоромимся! Ногу прими! - прикрикнул мужик пыльному человеку.

С тем и разъехались...

НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ...

Нелирическое отступление - пыльному человеку, что оскомина на зубах: скрипит песок на зубах, не ворочается язык, голодно в желудке.

Неласковые мысли приходят в голову...

...Зачем вы пришли сюда, люди? Что надо от нас? Мы живём в песках, он греет, даёт приют - а вы роетесь в нём! нарушаете покой его обитателей.

Любому скорпиону ясно, если он не спрячется - его убьют! А за что убьют? Ведь он никого не трогает! шевелит песок, и нам хорошо от его шевеленья...

Мы же не желаем вашего?! Хотя легко можем превратить в песок всё, что люди понастроили над нами! Эти ненужные вышки, трубы, которые лежат в нас, нам больно, очень больно - мы терпим.

...Глубоко в земле сидит наша боль - не достать вам её! И вы ещё очень пожалеете, что явились без спросу! И думаете: ГЛАВНЫЕ НА ЗЕМЛЕ?

Мы!.. Мы превращаем в песок целые города, и вас, людей, - превращаем в прах!

Вы лежите в гробах, в надежде, что омертвелое тело защищено? Это на время... потом в мозгах заводятся черви и поедают мозги. Мозги никому не нужны, они отслужили свой срок.

А мы будем жить ВЕЧНО.

И СНОВА - НЕ О ЛИРИКЕ

Да нет же, нет! не "пыльный человек" разворошил всё, что есть на земле.

Механические идеи обогнали - идеи нравственные. Ещё надо было бы русскому человеку застрять, поспать в медвежьей берлоге. Да и "русский иностранец" хитёр, что бес: "человек мира"? Что это за корабль такой? Что за "воля заморская" выгуливает своё "я" по палубе этого корабля: мир-то, выходит, только на палубе...

...Да нет, многие сейчас расширяют ландшафт мироустройства, да и "пыльному человеку" любопытно: какая ж такая есть Воля у человека Мира? И уносятся в перспективу противоположную от Руси.

надежда мухина книга в альманахе

...И, объездившись по всем закоулкам Европы, глотнув пыли с Египетских пирамид, и взлетая в эфиры на ядре какой-нибудь чудо-пушки, - всё ворошится душа его. Неужто нет желания - от желаний ограничиться? Но безграничная душа жаждет новых страстей: что ей ад! Когда в "раю земном" заворачивает самый ад!

...Нет, не хватает мне духу нравочать и кошку домашнюю.

Намурлыкает себе человек какую-нибудь новую идейную революцию, и на какое-то время забрезжит в перспективе пейзажа "рай"... который опустился на землю, как сотканный из звёзд Покров Божьей Матери.

СТЕПНОЙ ЧЕЛОВЕК

...Как-то, лет много тому назад, и не в первый полевой сезон, ползая то на брюхе (не спугнуть зверя чтоб)... или же откалывая породу, или весь сезон топтал степь (мы искали нефть в Казахских степях, бурили, бурили без конца)... Повстречал я казаха весьма почтенного. В халате дорогом ходил, чувствовалось - в этих краях он хозяин. И так случилось, что переночевать мне негде, остановился я у его юрты, обрадовался. И так стал любезный казах меня обхаживать, а я сапоги не снял у юрты и стараюсь по-турецки сидеть, думаю - если сниму, то хоть беги вон из юрты. Пообтрепался я - до мытья ли... А внутри-то у него всё коврами выстлано, прямо стопкой по краям - признак богатства - много ковров. И верно, богатством не скупился казах. Усадил меня на ковры, столики низкие поставлены, еды много: тут и шурпа, по особенному сделанная, это большие куски мяса молодого барашка с приправой, и прочим чудом азиатской кухни. Лепёшки горой навалены, фрукты, кумыс - любил я его прохладную терпкость! вкус полынный... Разговорились мы, витиеватая речь казаха стелилась уменьшительно-ласково... стелилась, как и его ковры, испещрённые узорами, словами из Корана, к тому же на одном ковре, что висел по округлости юрты, - была приколата карта РСФСР, где флажками были отмечены города-герои. Под которой гора подушек, валиков... и, точно солдатские пилотки, взгромоздились друг на дружку тюбетейки всех цветов радуги.

...Такое пестрорядие уютилось в юрте! такой переполох! Но потом, как будто, этот базар испарился - и радуга базарная превращалась в обыденную повседневность, в обыденный наряд, носимый казахом, и раз в полгода, наверно, подвергался стирке его дочками.

Сам же казах был весь гладко выбрит - от подбородка и до макушки. Лицо имело яйцеобразный овал, и только торчавшие уши его подпирала тюбетейка, богато расшитая узором, в коих, наверно, и были вплетены заклинания против змей, скорпионов... отпечатков свежих каучуковых ботинок, - в таких случаях казах ложился на землю, замирал, притаивался... О, его слух и сам дух Ветра не заглушил бы!.. Что это был за слух... переданный ему по наследству. Конечно, слышал он передвижения и в соседствующей полустепи, из эры динозавров, остроносых парнокопыт-

элова арфа

ных и потому теперь - сказочных бандерлогов... В большом количестве шакаллились они по степи, сбиваясь в дикие стаи, и нападали по ночам... даже на верблюдов! Ну, и прочих злых духов, кои вели унылое существование. разбавленное лишь бешеной стихией, - тут и бесились духи в пыльном коловращении! Когда же всё оканчивалось, зарывались в песок и мирно дремали. И не было им дела до нашего копошения в степи. Лишь светило припекало их, да этот вечный!.. у которого от жары яйцеобразное лицо отчего-то не делалось "вмятку"!

...Здесь и приукрашивать нечего: всё на виду, всё на слуху. Казах кивал тюбетейкой, да так низко голову наклонял, чтоб глаз его хитрый не подметил я, и молвил:

- Трубы четыре подсчитал: две тут, за барханом пыль глотают, две в полустепи - там, точно, есть нефть! Сам слышал, как она, разопREVшая, бурлит... В одном месте так бурлит... оттуда даже змеи все уползли.

...А какая степь! Прямо в степи радуга рождается! Где ты видел, москвич, чтобы радуга в степи рождалась... Кино однажды привезли - все люди чёрные, и кидаю уголь... а потом белые зубы показывают. Наверно, так и живут под землёй?..

Немного оставши от приукрашиваний своих талантов и приоткрыв до половины, до одной ноздри, лицо - что яйцо! но так, чтоб глаз не казать, а ноздря, что ж! не велика честь - глотнув немалую порцию табачного дыма, ноздря казаха артистически выделявала разнообразные кренделя и баранки. Наверное, в свободное от охоты на бандерлогов время, казаха занимался медитацией: изгонял пришлого духа, потому что свой, одомашненный, - что осёл, упрямылся! спрятавшись за карту РСФСР.

ВСЯКОГО РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДУША...

Изучая карту РСФСР, я пытался определить месторасположение Подколodной степи (вот как колобродит фантазия - ей-богу, чисто молodая брага... и неудержимый полёт её не успевает накинуть уздечку: степь - душа... ворожба...).

...И ни живой души, и ни мёртвой.

...И запропастилась где-то в степи душа "пыльного человека", и ещё двоих...

...Всякого рода человеческая душа требует к себе - панорамное видение, объективной быть она не может, она всегда в сопротивлении: яд налит заранее, поровну, в чашу весов правосудия! Ну да не вздрогнет же чаша! в которой - ядовитей!!!

...Капли! Капли!.. Расплескались из чаши... Неужто те капли, чтоб напоить пыльного собрата своего?.. когда он, так нуждающийся в этом питье, -

надежда мухина книга в альманахе

опрокинется в безупречную бездну демонической какофонии "левостороннего" мира сего! Есть и правая сторона, у которой давно пересохло в горле.

... "О, ненасытная жажда Правды! Ты и яду выпросишь - и впрыснешь в Правду! и корону ты сплетёшь себе из высохших плетей лопуховых"...

...А что же, и живут "правдой", и не худо, и не бедно? а то и очень богато живут, приобретая своё движимое и недвижимое - особым таким талантом! Чёрт его знает, что это за талант такой? Что за плющ обвивается вокруг его, не давая таланту опрокинуться.

"Что праведнику смертно, то плющу ещё сладостнее жечь"... - рассудит научный человек, прикрывая белым халатом застиранную, до степени марли, рубашку. И не оттенит марля - ни улыбки, ни вниманья, ни жесты... И не упрекнёшь даже, не заикнёшься об убогости "пыльного человека". Он что хвощ - не чёрен, и не бел, не зелен, и не стар... А задуматься, глубоко глядя, панорамно: вот тебе и новая "мода на жизнь".

...Поверх повседневного халата казах надел атласный, багряный халат, пояс был из яркой жёлтой ткани, которую он вертел вокруг талии, как веретено, пока ни оканчивалась нить.

В таком убранстве он проводил меня. А я думал: "Всё у него - в деле!" Вот, пришёл к нему, скажем, и не бел - и не стар, человек! а он и рад. И что ему не порадоваться, когда уж с ишаком готов спорить. Слава Богу, воздух степной, расчищает он душу и поганой метлой гонит остроносых шакалов-бандерлогов, куда-нибудь подальше. За панораму абсурда, где что левое - что правое, всё в равной степени... За дорогу Лет, где всё было на кругах своих!.. Где только ещё ставили первую пробу на человека грядущего века!

НОЧЬ. СВЕТИЛО!..

...Ночь была короткая. Поморгали бездонные, небесные очи и засветились во мгле...

Огоньки, то там, то сям, повсюду - передвигались по степи... будто крошечные окошки, в которых засветили свечку, потом раздули и огонь в печи - и весь он вдруг раздобрел, слегка потрескивая кузнечиками... И, вздохнув из бездонного неба, - запылал!.. Запылал тёплым жаром восходящего Светила!

...О, достопочтенное Светило! Как славно ты светишь миру!.. Как добро ты светишь! Ты не скупаешь какой-то, чтоб прятать Свет в сундук... Пробежишь ли ты по борозде и осветишь ли маленькую норку, в коей полевая мышь юркнет и высунет пушистую мордочку...

Растопишь ли ты ледок апрельский, чтоб к Пасхе уж непременно было и сухо, и выметено всё из домов погребов, изб, лавочек и прилавочек.

...О, эта дивная,двигающаяся картина Руси! То убыстряешься ты, то останавливаешься - всё подвластно этому движению! И энергия земли, замерев

элова арфа

на миг - движется вперёд!.. Наступление важного действия в природе: Весны! Воронье карканье лишь оглушит внезапно слух и, подняв голову к небу, - засияет в серой её пустынной бездне!.. засияет дождевыми блёстками...

...И путнику ты - Свет! И скорбящему - радость! А уходящему в вечную Жизнь - даруешь ты надежду на просветлённую дорогу...

ХОДИЛ СЛУХ, ЧТО В ПРОШЛУЮ ПАСХУ...

Ходил слух, что в прошлую Паху в деревне Корнёвка, что отгородилась дубовой рошей с могучим подлеском версты на полторы от Подкольной степи, от степи стали происходить набеги на Корнёвку: воровали кур вместе с насиженными, тёплыми яйцами, гусей, посягали даже на самогон. Целое ведро этого народного напитка пропало в Страстную пятницу, без признаков следов, хоть бы и с копытцами... а тут, ни с копытцами, бесследно, в общем - никак.

И пришлось от недостаточности куриных - пробавляться перепелиными. В Чистый четверг батюшка глянул - у всех выставлены яйца на столах несоизмеримые по размеру: у кого с пятнышками, у кого поокруглей, но все - покрашенные в луковой шелухе.

- Это что же?.. у всех такие?.. - молвил о. Корней и хотел было призвать бога, допытаться, но, рассудив - что разнокалиберные... все суть есть от животворящих! занёс руку и, обмакнувши крест в святой воде, окропил.

...Нынче же с яйцами был порядок в Корнёвке.

...Всё происходило в какой-то келейной ворожке.

...В ожидании чудесного перезвона дальних церквушек в полночь... В разговлении утром, в шёпote молитв для себя и для родственников... и с каким-то вдохновенным, застилающим глаза слезами о помиловании Р. Б.

...Молились шёпотом для всех и для каждого. И всё в эти часы была одна Молитва... И всё было одной Истиной! Правдой перед не-правдой... О. Корней был одет в праздничные одежды, и глаза его были увлажнены.

...Распластав крылья по земле, дух Любви стремительно нёсся, чтоб успеть заглянуть в каждый предел, дотронуться до каждого православно-го... порадоваться за новокрещённого. И целовал самый воздух, потому что и в нём, в сладостном, немом восхищении шептались и троекратно целовались: "Христос Воскресе! Христос!.. Воскресе! Воскресе!.."

"...Воистину!.. Воистину Воскресе!.."

КОРНЁВКА

В самом слове - Корнёвка! было что-то надёжное, основательное. Если б случилось, к примеру, весеннее половодье - и вся степь бы стала бы руслом Волги? Вот бы ошетилилась Корнёвка! залютела! выставив вперёд флаг с гербом Корнёвки: на котором изображён мужик в лаптях, по-

надежда мухина книга в альманахе

вергающий вилами чудо морское... а в отдалении, на белом фоне, и сама деревня, на огромном плоту, в окаймлении барашковых волн...

Флаг был штопан, перештопан, а у мужика образовалась дыра в портках, видно, от ветхости сукна, и мужику-герою поставили заплату из бархатной, алой ткани. В довершение того, слово Корнёвка - обшили золотой нитью, чтоб посверкивала она в стан Подколотный! Ну, и - изболелась душа у православных: сколько ж можно грабить?.. Самый доход - и грабят! Да за душевный напиток роптали мужики, придумано было: отделяваться стародавним оброком.

Раз в месяц выставляли на окраину деревни ведро самогона, да десяток яиц, сваренных вкрутую, - что ж вы думаете? оброк куда выгоднее оказался!

...Что ни говори, а, как бы сказали в старину: "От Корней - КОРНЁВКА! Может, её корень до самого земного ядра пророс? А что вы думаете?! Вон, дуб, только что небо не подпирает... и облака сквозь него плывут?.. И чего ж Корнёвке не прорасти во - внутрь! Вон, степь, будь неладна - всем хороша, а названье ей кто дал? То-то, что непонятно..."

- А ещё непонятно - што этому Францевичу делать в Корнёвке?

- Што непонятно? Озеро очищает от ила. Зазеленело!.. што лягушачьей пузырчатой кожей... одни пузыри! А Францевич станет лебедей разводять... а тут курей то и дело ташат! Не напасёшься оброка...

В ДРЕВЕ ЕГО РОДОСЛОВОЙ...

- В самом деле - построить усадьбу? Дом?.. - сказал сам себе Францевич. Сказал, как отрезал большой ломоть хлеба: от самой Корнёвки он не воздвигал габаритных, кирпичных стен, а строился как бы ландшафтно... панорамно. Так, что ломоть его - в версте от низковросших изб - возвышался бело-розовым лебедем! В взмахе крыла его уж брезжила инженерная мысль!.. и будто бы плыл над озером, как плывут и растворяются в тёплом тумане невиданные города, оставляя невиданный свет на водной глади... И ни всплеска, ни звука...

...Побегав по земному шару, поучившись иноземным языкам, поистоптав свою долю и свыкшись - что такой ей и быть! не учёл он русских корней. Корней было так много, как и волос на голове. К тридцати годам корни начали сесть, но благородная проседь не просветлила ума. Францевич отпустил бородку, но и она седела от корней...

...В древе его родословной не было - ни листочка, ни ветви, ни цветка.

...Корень его жизни, души его Корень - была далёкая Отчизна, Русь. Когда, где и в каком из протухших, пропотевший от разномастных тел - номер отеля... Слушая "русское радио", уловил слух его об громе средь бела дня! Развал СССР.

эолова арфа

К утру, встав перед сколом зеркала, увидел он своё отражение: "Вот он - Раскол! Раскололи царство!.. Хотя и неодушевлённый предмет - зеркало, а - отражал... Что ж дальше? будет отражать?.."

Заметил он, что седые его корни сделались длинными, отросли до плеч... Наверно, это и была завершающая мысль его в Европе, пришедшая в голову, в то судьбоносное утро.

ОТ СТАНЦИИ ПЕРЕГОННАЯ...

От станции Перегонная в Корнёвку вела единственная дорога. Желаящих сойти на Перегонной бывало мало. Люди эти, обычно, становились как бы "стратегическим объектом" повышенного внимания... как и свежавыкрашенный полосатый шлагбаум, разделявший "до" красных и "после" красных... который не красили со времён гражданской войны. Теперь же, шлагбаум по нескольку раз в неделю поднимался и кивал жирафьей шеей.

И выходило, что в сомнениях, будто б, бродил по шпалам Перегонной дух "до" и "после"!.. иль вообще оба были в изгнании... Ну да, пошептавшись, держались то "до" красных, то "после" оных... и перепутались совершенно! и переругались, ссылаясь на время - которое в Перегонной показывало то два часа пополудни, то, вдруг, дёрнувшись, стрелка застревала на двенадцати... Обездвиженный механизм будто издевался! не одну сотню раз - заново перемирились, и Перегонная, плюнувши на кавычки - наблюдала... Была в фазе нейтрального события.

...На Страстной неделе жираф кивнул два раза: бабе с бараньими око-роками, да коляске с двумя неизвестными, третий был свой мужик, не "стратегический". Двое неизвестных мужчин в коляске, до странности - один как будто был "до"! в дорогом костюме, но без искры - покрасоваться. А за другого... да его и шакал не станет выслеживать, этот, точно, свойский, потому что всё в его жизни было - после"...

Но поскольку была Страстная пятница, то и Перегонная как-то судорожно переживала день, прислушиваясь: рельсы - гудят? все целы - шпалы?

...А степь! Что до степи, то жила она вольной жизнью, что бродяга, - хоть и лежали недалеко от жирафьего поднадзора проржавевшие трубы, привезённые ещё с советских времён, да так и не сгодившиеся: то ли железо было не той марки? то ли ещё что-то... Тем не менее и эта ценность потихоньку испарялась, как и самогон, и куры-несушки... Если что и выпадало у кого-то по дороге, то уж ни за что! не сыскать было. "Что с во-за упало, то попало!"

...Оставшиеся трубы не ждали милости от природы: наполовину вросшие в землю, дополняли они пейзаж жутким сюрреализмом. Да и скука

надежда мухина книга в альманахе

была смертная без них в степи. И ветер заползал... и будто бы орган издавал воюющие, замогильные звуки... Да какой-нибудь отчаянный бандерлог, отошавший, ржавый от пыли, находил себе прибежище, - воровал чужой оброк, вылакивал самогон и в глухой маете царапал по железу... чтоб выцарапать хоть какой гул - похожий на гул жизни!

...И глядят в замороженную Корнёвку сквозь быстрый бег облаков - на степь, поле, дорогу, шлагбаум... шпалы... мчится пыхтящий состав по рельсам, останавливается! и, примкнув немые губы к рельсам, хочется крикнуть Р. Б. - "И я был в этом товарняке!.. на этой соломе, в которой и скарб, и скотина, всё вместе - родила меня мать... Воловьими глазами телушка - наша кормушка - глядела, тыкалась... потому что состав всё тыкался, дёргался"...

...И, примкнув немые губы к рельсам, хочется крикнуть Рабам Божьим, у которых от имени осталось лишь две буквы - Р... Б...

И ДО МЕНЯ БЫЛ - МИР...

И до меня был - МИР...

...Отразилось младенчество моё на фотографиях. Печальная моя мамушка держит на руках младенца - это "я", сомкнув глазки, сплю... Узорчатое покрывало, кружева чепчика... Спустя многие годы, став художником, сравнивая фотографии с картинками Рафаэля, Беллини, Рембрандта... - все сюжеты на тему материнства волновали!.. Вглядываясь в лицо матушки - как и в образ Божьей Матери, думаю: а моя "Богоматерь" очень грустна... Отчего она грустна? Отчего?..

..."Рождение Венеры" Боттичелли она, конечно, видеть не могла, - выражение её лица печально-прекрасное не выражает той наивной прелести... юной безмятежности Венеры, выходящей из раковины - что будто б купель жемчужная, под ногами её!..

...Под ногами моей матушки коврик домотканый, на который опускает она свои ноги и баюкает... баюкает...

Москва,
2012 г.,
перед Пасхой

эолова арфа

ГЕРОЙ РАБОЧЕГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Поэма

I

...Кто мне скажет, что прошла
 Молодость далёкая!
 Всё я помню, что прошло,
 Да бродило, около...
 Мимо окон, за стеклом,
 Билась Жизнь - Кровинушка!!
 Не подвинусь, не сойду,
 Я с трамвая Аннушка"".
 У меня билет в кармане,
 Руки заняты цветами!
 У меня Душа Вздохнула -
 Выдохнула Любовь!..
 ...На ладонях чертит линии...
 Через сорок лет грубеют линии...
 Трепещут в сферах мачты...
 Полусерые улетают письма...
 В них я писал -
 В свой первый маршрут ухожу.

II

...Куда я? Куда?.. Безмолвен - геолог...
 К Вратам своим первым в Природу иду...
 Где настойки таёжной, духовной... Вдохнул!..
 И, как встарь, ухо к земле приложил...
 ...Сон, короткий...
 Будто - Прозрение!..
 Будто новое, зоркое, Зрение...
 Осмыслишь не сразу
 Намоленное...
 Лишь вздохнул я в царстве Свободы!!
 Из гневного... Гневного Царства.

...По приезде в родную столицу
 Я пятак, как подкову, на счастье берёт!
 И подкову гладил, под промокшей крышей
 Благословляя нехитрый постой:
 Хлеб да соль.
 Где старинный уклад согревался лампадой...
 На обратном пути валуны... Вечные старцы...
 Прячась в тени хранили Покой.

...Всё было так!
 Меж чёрных стволов заря уж скользила...
 Просыпаясь, ухала птица-вешун,
 Колдуя над сном...

надежда мухина книга в альманахе

Так день сменялся на вечер,
 И глаз оленя меж скал
 В топазовом меркнул закате...
 Ночь обнажалась... Нагая!
 Прижимаясь у Душе,
 И не было в ней ярких красок.

III

...Кто б мог подумать,
 Глядя со стороны на меня,
 Что в душе храню сокровища!
 Залежи!!
 ...Всё было так...
 Для Госплана - Труд, как траншея...
 И Труд помогал динамит.
 Труд задыхался, вспыхнув пожаром!
 И во мху плутал и мокнул в дожде... Приказ.
 "Товарищ геолог, у вашего нерва стальная,
 Из закалённой стали... Стезя!"
 Отец, генерал, в мускулах сына
 Понимал про себя...
 Прибавлялась страна количеством
 Не только лозунгов -
 Крутили фильм "Светлый путь".
 В чёрно-белом кино искали, бурили, пот вытирая,
 В чёрно-белом размытом кадре
 Сын до рассвета мёрз.

IV

...Ни звука, ни вздоха, в подушку.
 В подушке отягощённая Тайна...
 "Пигмеи" в штатском... Как мыши из нор...
 Шесть с секундами?... Сверяют часы.
 Есть указ у Госплана... "Спустили сверху".
 "ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЛАН ОСВОЕНИЯ ДИКОЙ ПРИРОДЫ".

...Циркуль вертит ось земную,
 И, ногтём отметив точку,
 Отхлебнув немного чая,
 Все отчаянные головы посылают в тьму такую...
 Где сам чёрт поджал бы хвост!
 Ну а я, пожалуй, рад,
 Что Таёжный, что Булонский
 Сына заприметил Сад.

...И не странник, и не узник,
 Я в "саду" работал четверть века...

эолова арфа

Изумлялся не на Век:
 Всё глядел, глядел в Природу...
 ...Гнало меня в дикие дали,
 Где сны примерзали к земле.
 Что гнало, где позёмка да ягель,
 Да берёзка сибирская - низкая, низкая...
 Зябнет и жмётся к шинели земли.
 Но ей, как и мне, выбирать не приходится...
 Красота к красоте и в тундре не скроется.

V
 ...И вот, уж билет покупаю...
 Стрелки часов подвожу.
 В зеркала советскую, столичную жизнь вставляю...
 Ужель не далёка Она!!
 И - мчусь!
 Начищая до блеска звезду на ремне!
 О, я был в своей тарелке...
 Мял в руках английскую шляпу...
 Чисто, ковбой! С сигарой...
 Мял в руках и рваный ватник, и сапоги,
 Не долго думая, в ГУМ бежал.
 ...Вот! "Новый Вавилон".
 По соседству с Кремлём.
 По спецталону в "светский этаж" выпускают...
 Здесь нет "советского быдла..."
 Здесь чванливо, капризно и, томно...
 Сан статских чиновников, их жён и детей
 Кокетствует тайно... При закрытых дверях.
 Тайно ощупывают норку, ткань "джерси",
 И на десерт лимонад и "Шанель № 5".
 Щеголяют по подиуму при закрытых дверях...
 А там, пониже... Да просто - внизу!!
 "Гоголь - моголем"
 Щеголяет народ вокруг фонтана!
 "Да-а, Свобода, как будто, тесновата в столице...
 Как неудобный, тесный диван,
 Под тенью дуба в Чистопрудном дворе.

...В этом кабаке, помнится,
 Встретил Валентину Серову...
 Среди пьяного быдла,
 Среди горького пива...
 "Что?.. Узнал?" - тянула пиво она,
 как и слова.
 "Узнал, узнал..." - и поцеловал её
 Солёную от сушек руку,
 Поклонился и вышел.
 Хлопнув кабацкой дверью!
 "Ах, как стояла!.. Взор устремив

надежда мухина книга в альманахе

Ни в Явь, ни в Покой...
С пустынной сцены...

...Слава богу, в столице,
Мостовая - не оползень в слякоть,
Скамейка - не подпиленный сук!
А "час - пик" -
Не мерцающая душа Тихого океана...
Там торжествует Свобода!!
Но, всё ж, успевал нанизывать
ИНТЕРЕСНОСТЬ...
Жемчужную россыпь...
Рассыпая хризантемы, фиалки...
У Врат "Терпение"...
...Смешно, по помню на Чистопрудном,
"Муфтою" взбренило быть?
Чтоб женские руки согреть.
...Я поцеловал незнакомые руки...
Потрепал по холке дворяшек дамы...
И уж только потом - мы!
Как будто влюблённые,
Нашли быстро тему Романа.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ...

...Лирическое отступление
Кутало руки в серую шаль.
Холёные пальцы я тихо сжал.
И осень обнял, и туман...
Рябь на воде, утки, клёны...
Была печаль в её неясных пока глазах...
В ненакрашенных уголках губ...
Смазанный румянец на щеке...
"Дворяняга лизнула", - подумал.
Её печаль передалась мне...
Я флюиды ловил и вдыхал
"Шанель № 5".

VI

...Мои дамы светского общества, дэ Бурзи,
Представленные в узком кругу подпольных дворян,
Особенно старшая, мудрая львица,
Сохранившая седые, благородные пряди волос,
Кое-что от наследства,
На "кое-что" питались собаки, утки в пруду,
Орлы - дворяне
Честь фамильную львица хранила,
Спину - прямой!
Генеалогическое древо оберегая

элова арфа

От какой-нибудь новой революции?
 Интервенции слепых и глухих?!
 Не дай бог, не сглазить б начальство.
 ...Селёдку две дочки её
 Разделявали профессионально!
 До плеч оголённые,
 Младшая, Надин, просто красавица,
 Выпивала слегка, по чуть-чуть...
 Да и старшая дэ Бурзи,
 Подзабыв о французском нюансе,
 Не чуралась напитка портвейн
 "Три семёрки".
 ...Предки их из французов были.
 Мемуары кухонного производства
 Я слушал внимательно,
 Чутко прислушиваясь к вою десяти, двенадцати собак.
 Обглоданные ножки старинного гарнитура
 "Павловский ампир",
 Честно говоря - было жаль.
 Да и собак, тоже.
 "Вот оно - русское сердобольство..."
 И вновь проникался любовью
 К раненому офицеру Наполеоновской армии.
 ...Старшая львица отхлебнула портвейн и все карты открыла:
 "По французской Линии... Вы понимаете, Герард?
 Отследили. Конечно, дворянство... - львица ещё отхлебнула. -
 ...Утюгом отпарили ткань.
 Вышитое изумительное древо Бурзей!
 А революция. как известно,
 Без рода - без крова?! - молвила почти бескровными губами. -
 Никаких удовольствий!!
 А ваш отец, Герард,
 В генеральском чине?
 В честь героя рабочего революционного
 Движения - родного сына назвал. Да-! Патриотично.
 А мы в честь Красной Армии
 К чёрту убрали приставку "дэ"!!
 На рога посадили приставку!
 И жизнь странным образом переменялась.
 Нравы - лающие?? Просто собачьи нравы!!
 ...Помните?.. Помните, на Чистопрудном,
 Вы хотели быть... "муфтой"?..
 Но это так по-дворянски! Со вкусом...
 Это так... несмело!.. Изящно!".
 "У вас собак прибавилось?" - разбил портвейном я чувства её.
 "Ровно - две. В нашем Роду
 Всегда держали собак. Их потом расстреляли.
 И чем коммунистам собаки мешали?" -
 ...Я и львица, вздохнув...
 Я "Три семёрки" распечатал, разлил,
 В уме ж, над колодой "колдуя"...

надежда мухина книга в альманахе

VII

Ближе к Пасхе у Врат "Добродетель"
 Толпился одинаковый на лица,
 И на одежду - народ.
 Шёпотом, тихонько, мелко крестился,
 Приплод пернатый раскрывал жадно клюв,
 Ухватывал бублик и плавал,
 Раздобрев, в Чистых прудах.
 ...Бублики, бублики... Плыли...
 "Богоугодное дело".
 "Интервенция Доброты".
 ...На других Вратах я читал
 "Рассуждение",
 Прислонившись к чугунным венкам,
 И долго смотрел на длинную очередь,
 Стрелотала толпа "пулемётной очередью"
 В Мавзолее тянулась.
 ...И Больнось в душе, есть она, есть!
 Так в старом дупле появляется вдруг
 Зелёный птенец!
 Пищит, дурачок, горланит!
 Страсти окрест птенцу невдомёк...

...В "Метрополе" Клавдия Шульженко
 К моему плечу прикоснулась.
 "Вы танцуете, молодой человек?
 Вы не отдадите мне ноги?!"
 Я вскочил, как ошпаренный супом!
 В глазах Клавдии шаловливый увидел блеск.
 "Ах, Клавдия, хорошо ты поёшь!" -
 Едва не сорвалось с губ, и я молвил:
 "Я прекрасно танцую... Прекрасно!
 Особенно вальс!
 А ваша песня о вальсе!!"
 "О, да-а... Я люблю..." - Мы смотрели глаза в глаза:
 "Это - Странно?..
 Сто раз - да!!! Я обожаю вальс!"
 "И я гладил песцовое, в блёстках,
 бледно-серое "тельце" - не иначе английский мех!
 Небрежно накинутый на её плечах...

VIII

...А потом упёрся ногами в границу Китая
 И сказал партийным: "Я не покину Родину!
 И героизм рабочего революционного движения!"
 Ослиное упрямство взыграло во мне.
 И откуда что берётся?!
 "Согласитесь, Герард. Хоть вы беспартийный,
 Согласитесь. Китай - не Сибирь..."

эолова арфа

"...Видит Бог! С камчаткой сросся душой.
 У китайцев ворота косые!" - но партийных не прошибёшь.
 "Не косее наших дорог!" - цитировали "Гоголя" мне.
 Партийные, конечно, шутили...
 "Граница рядом. Дурак ты!
 Скажи Партии "Да!!!". Три - года,
 Три года в Китае... Профессура - мечтает,
 Строчит доклады на китайском языке!
 А косые ворота мы подопрём русской душой!"
 ...Ух, гордыня меня распирала!
 Быстро кашу варили мозги,
 Не перловку - с маслом пюре!
 "прекрасно!" - сказал я.
 Только не надо меня выбирать.
 Выберу я Фестиваль Молодёжи в Москве!"
 А то!! Когда Молодость - Поэма!
 И революционная удаля напяливает красную рубаху!
 Время то - самое Красное - Красное!
 По кирпичику ударники "время" укладывают,
 Но наружный фасад мыслей
 Надёжно спрятан в тайге.

IX

Где ярко горели рубиновые звёзды,
 Пускали строго по Пропускам.
 У меня был Пропуск на Пиршество Жизни!
 ...Народу - не протолкнуться.
 ...Мулаты и чёрные, белые и жёлто-раскосые
 Расы! Всё смешалось под бой курантов
 В суровом Кремле!
 ...Гремел джаз до рассвета!..
 ...Чечётку выстукивали длинные негры...
 ...Кремлёвские звёзды глядели на нас
 И дрожали - отражаясь в брусчатке площади,
 Когда она сотрясалась от грохота
 И тихо, тихо - охала от безумия ночи!..
 ...Дорвавшись - Зверела интернациональная дружба!!
 Я был, как всегда, элегантен в рубашке "апаш".
 Было весело, пьяно, и любви много было.
 И у меня была Любовь,
 Всего на одну ночь.

...Прошло девять месяцев, и появилось
 В Москве много чёрных младенцев.
 Мамаши, русские красавицы,
 Белокурые... С голубыми наивными глазами
 Смотрели открыто!
 Не знали и толком... Да и откуда им было
 Знать!! Что ждёт, их...
 И детей их...

надежда мухина книга в альманахе

НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

...И наступил ногой 21-й век.
...Ночи Врата открыты Веку.
...Повешен Колокол. Он к новому отлитый Веку!
...Но тихо! Ночь его не шевелит.
...И детская рука - по нраву Веку!
...Проходят тени в царство сновидений - Века!
...Проходят с серой мышкой в Виртуальность.
...Торопит - Век!!
...И Мир, споткнувшись о подножие 20-го.
Уж в 21-ом ни за что - не споТЫКНЁТСЯ.
...Пречистое!.. Небесное Дитя!
Вся в облаках изменчива Душа.
Незримой цепью притяжение Земное
Качает люльку ВЕКА.

Москва,
2010 - 2012

Татьяна Черыгова

Татьяна Черыгова родилась в Ижевске. Окончила Театральное училище им. Б. Шуккина. Работала актрисой, режиссёром.

Поставила спектакли по произведениям Жан Жака Руссо, Александра Володина, Василия Быкова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, Жана Ануйя, Эмили Дикинсон.

Печаталась в газетах "Московский комсомолец", "Сударушка", в альманахах "Истоки", "Поэзия", "Автограф", в журналах "Юность", "Литературная учёба", в "Антологии русского верлибра", в альманахе "Эолова арфа" (во 2-м выпуске).

Автор стихов "В белом саду", "Небесное задание", "Призвание нашего слова", сборника сказок "Анютины цветы".

Живёт в Московской области, в городе Пушкино-на-Оке.

КАК ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

(Хокку)

Как жизнь прекрасна!
Времени не жалею,
любуюсь ею.

Как жизнь прекрасна!
Бабочка на запястье
села на счастье.

Как жизнь прекрасна!
Под твоим окном цветы
кем-то примяты.

Как жизнь прекрасна!
Соловей открыл дверцу,
приник к моему сердцу.

Как жизнь прекрасна!
Солнечный зайчик нашла
на глади стола.

татьяна черыгова стихи

Как жизнь прекрасна!
Словно ёжик в тумане
в новом романе.

Как жизнь прекрасна!
Весёлая ворчущка,
Бежит речушка.

Как жизнь прекрасна!
И в дождь, и в град нет преград
вернуться в свой сад.

Как жизнь прекрасна!
"Остановись, мгновенье!", -
выдохнул гений.

г. Пушино-на-Оке

Лия Елфимова

Лия Елфимова - москвичка. Печаталась в альманахе "Истоки" и других изданиях. В "Эоловой арфе" печатается впервые.

Кактус на окне,
собака во дворе -
Всё это мне знакомо...
Что я могу сказать тебе?
В жизни это не ново...

Как хорошо сидеть у окна,
Как хорошо быть рядом
С тобой,
и знать, что я - не одна...
И дни летят, словно парадом...

Как хорошо, куда хочешь, иди,
Или закройся дома...
Любовь моя вечная, снова приходи -
Тобою я в жизни ведома!

Пусть огоньки вечерами горят,
Пусть светит солнце над нами...
Весною пушинки от трав парят,
Пусть все говорят стихами!

Завтра встанет солнце,
и с рассветом
Озарятся все мои мечты...
Суждено мне быть твоим поэтом,
По судьбе или просто без судьбы...

Когда вижу я закаты и восходы,
Трепетно становится в душе...
Словно я - подсолнух, от природы,
Головой верчу -
и счастлива уже!

ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА

Плюшевый мишка расскажет о счастье,
Плюшевый мишка подарит тебе

лия елфимова стихи

Много любви, не без пристрастья,
Благополучья в твоей судьбе...

Были мы малыми, стали большими,
Мишка остался сам по себе...
Лапу ему мы за это пришили,
Что оторвали, - не больно тебе?

Да, и с годами, хоть стало скучнее,
Доброе сердце оставит он нам.
Плюшевый мишка не станет мрачнее -
Я его ни за что не отдам!

Когда вы сорвали в душе одуванчик
И сдунули прямо с руки -
Увидела я безымянный пальчик,
Как Библию от Луки...

Вы окольцованы, но не со мною...
Как вы клялись в любви!
Могу ли я
быть вашей женою,
Когда вы со мной на "вы"?

Чужая, немая, косая, глупая
Для вас я всё до сих пор.
Я знаю, нужна, вам совсем не такая...
И со мной не проигран спор!

Александр Александров

Александр Евгеньевич Александров родился 17 июня 1947 года в Москве, в семье военнослужащего. Закончил вечерний библиографический факультет Московского государственного института культуры. Член Союза журналистов Москвы, лауреат журналистской премии "Золотое перо", библиотековед, автор-разработчик государственной программы "Обновление библиотечного дела России", автор сотен статей, в том числе статей о защите окружающей среды. За свою журналистскую деятельность награжден Почетной грамотой Министерства природных ресурсов Российской Федерации. Автор четырех книг стихов и прозы.

Альманаху "Эолова арфа" он предложил стихи из своей книги стихов и прозы "Силуэты" (М.: НИИ-Природа, 2000 г.).

НАСТРОЕНИЕ

Я искал в музее воспоминаний в вещах:
 - Это тот стол, за которым он работал?
 "Нет. Но этот стол той эпохи", - отвечали заученно.
 ...Вот по бульвару, словно в полусне,
 Иду один. Луна. Отлив сугроба.
 Звонит в подошвы мне стеклом блестящий снег.
 И вдруг подумалось: ведь это уже было,
 Был и сугроб, и кто-то так же шел,
 Его ждал стол, перо и лист бумаги,
 А помнит все лишь вечный лунный серп...

ХИРУРГ

Светлой памяти хирурга Института скорой
 помощи Курбана Турсуновича Назырова,
 скончавшегося во время проведения им
 операции. Случилось это в 1966-м...

Намывшись
 И словно разбить испугавшись,
 Хирург свои руки приносит
 К столу, аккуратно ступая,
 Перчатки сестра пинцетом ему подает,
 И время уносится вскачь -
 Почти восемь часов у стола,
 Ах, как хочется пить,
 А в саду под окном,
 Голубая роса на цветах,
 Но сестра промокает тампоном
 Его бусинки пота на лбу и у глаз.
 Он, благодарно взглянув,
 Ей устало роняет: "Зажим!.."

александр александров стихи

СЛЕПОЙ

(Подражание Уитмену)

Случайному прохожему

Он что-то медлит,
Задевает проходящих трость,
И замирает рядом с тротуаром.
Находит трость асфальт,
Совсем ведь близко, справа,
И снова пустота...
Он столько лет проходит этот путь
С незрячими глазами. Он старик
И должен был бы ко всему привыкнуть...
Так думал подходя я: "Вам помочь?"
В вопросе слышит он участие небольшое,
Дань сострадания зрячего к нему.
Он медлит,
Еще раз коснулась трость,
И в тень упёрлась собственную твердо,
Шаг осторожный...
И без разрешения моя рука за локоть повела
Его по мелким плиткам тротуара,
И мне светило голубое небо,
В струе воды у ног кружилась спичка,
А рядом шел незрячий человек...

ТАКСОМОТОРНЫЙ ПАРК

Виктор бережно обтирает ладони
Ветошью черной, бензином и маслом пропахшей,
И, спрятав шершавой рукой
Красную точку огня,
Прикуривает около проходной.
Тесно прижались друг к другу
Ослепшие от солнца такси,
Растянув в улыбке стальные решетки,
Перемигнувшись фарами, медленно выезжают
За голубые ворота проходной.
Так лениво и осторожно
Из улья выползают
По утру ожившие пчелы,
Зашумевшие, медовоблещущие.

НА ПЛЯЖЕ

Ваза древних времен,
Найдена на берегу залива,
Вижу тебя, её сотворившая рука,

эолова арфа

Отпрепарированная веками -
Ты исчезла в душной коморке земли,
Но я вижу свершенное тобою
И узнаю о тебе.

ВОСПОМИНАНИЕ

Вот белая собака,
Похожая на наволочку,
Со следами недавнего сна,
И черными пуговицами,
Да, черными пуговицами глаз и носа.
...В белой шубке с вытертым боком
И тремя пуговицами вместо четырех,
Я стою перед собакой, похожей на наволочку,
Чем-то похожей на меня,
Мне три года.
Фотография - машина времени,
Отвези меня в детство.

РАЗДУМЬЯ. МОНУМЕНТ

Наверно, матери России
Кого-то ждут еще из вас,
Их жар надежды не угас...
Я столько вас встречал в дороге,
За монументом - монумент,
На перекрестках всех путей
Застыли вы и лица строги
И спрашиваете вновь у лет:
Что дальше будет?..

ПОДМОСКОВЬЕ. ТОРОПОВО

За близнецов я принял их,
Стоял же он на самой грядке,
А чуб в волосях золотых,
На джинсах у мальчишки латки.
Пацан тот кланяется вроде...
Над грядкой голову склоня -
Стоит подсолнух у плетня
И смотрит вдаль моей дороги.

В ЛЕСУ

Ветер мне свежит лицо,
Солнце светит - день хороший,
Тень забила под крыльцо,

александр александров стихи

Забываются пороши,
Лес простуженно сквозит,
Вдоль шоссе и вдоль тропы
Лезут пальчики травы
И роса дрожит.

НОЧЬЮ НА ГОГОЛЕВСКОМ БУЛЬВАРЕ

В ночном небе,
Темном, как густо заваренный чай,
На дне которого плавает
Лимонная долька луны
С сахарным блеском звезд,
Я хочу помешать
Ложечкой бульварного фонаря.

ТЫ ПОЗВОНИ

Ты позвони в дверь
И, когда я открою,
Скажи:
"Ты ждал меня? Здравствуй..."
Ночь выведет мое окно,
И над бульваром проявится
Настольная лампа,
Такая же, как на моем столе,
И по отливу сугроба
Замечутся волосы твои и руки.

МНЕ СНИТСЯ ТВОЙ ГОЛОС
(Подражание Яну Райнису)

Телефон знакомо пахнет тобой,
И начинаю я верить,
Что это смуглая ветка жасмина,
Которую ты сжимаешь в длинных пальцах.
Мы спускаемся с дюн к морю.
В сгустившийся воздух
Подбрасываешь ты белый
Комочек хлеба,
И чайка с лету подхватывает его.
Нежное, малиново-пепельное море...
Оно дышит...
Над горизонтом разливается
Алая в золотистом дыму река,
На засыпающем солнце
Волнисто покачивается
Белый комочек чайки.

эолова арфа

...Звонит телефон,
Мне кажется, я сплю,
Я сплю, и мне снится твой голос.

ОЖИДАНИЕ

Вечером,
Когда все красится
В темно-голубое,
Я у распахнутого настежь окна,
Смотрю, как дым от папиросы
Рисует в воздухе
Твою узкую легкую руку.

ОПОЗДАВШЕЕ СВИДАНИЕ

Приблизившись,
Ты протягиваешь мне
Руку в узкой черной лайке:
"Здравствуй!.."
Что мне ответить тебе?
Глупая лиловая туча
На серый пыльный асфальт
Роняет зябкие обрывки дождя,
Похожие на твои путанные объяснения
...А сердцу хочется летней тени аллей.

СИРЕНЬ

Ах, эти кисточки сирени,
Они на узкие колени
Тебе роняют свой букет,
И проявляется из тени,
В дурманном воздухе цветений
Твое смущенное лицо...
В спасительный прохладный куст
Я опускаюсь на колени,
Еще я слышу ветки хруст,
Ее томительную свежесть,
И, словно над обрывом свесясь
Касаюсь твоих уст.

НА ЛОДКЕ

Вспомни, как весело щебетало солнце,
А наша лодка плыла, плыла, плыла...
Помнишь влажную голубую лопатку весла?
Я вижу твоё смеющееся, в пятнышках солнц лицо,

александр александров стихи

Теплую загорелую шею,
Маленькие прохладные руки.
Рядом с лодочной станцией - домик на берегу,
Через запертую дверь нам слышались
Приглушенные голоса
Играющих под навесом в пинг-понг...
Где ты?

ПИСЬМО

Смолистым ветром двинских пристаней,
Тотчас пахнуло в воздухе весеннем,
Твое письмо... Мне кажется теперь:
Вот срок пришел - мы снова слово ценим.
С тобою мы уже не вместе,
Ведем беседу с помощью чернил,
Слова, лежавшие в конверте,
Аэрофлот нам вновь соединил.

ВОДОПАД В ЗАКАРПАТЬЕ

Шипя, бурля, гремя и воя
Летит тревожный водопад,
И тока девственный заряд
Под мост уносит за собою.
Не изменяя грозный лик
Через века летит свободный
Ничто его не устршит
И что мороз, владыка грозный.

ГЛАЗА РОССИИ

(Подражание Ксении Некрасовой)

Поэт бродил по недужной России
И душу всю ему заполнили глаза.

Елена Олейникова

Елена Олейникова родилась в городе Моршанске Тамбовской области 7 июля 1965 года. Окончила Тамбовское педагогическое училище № 2 в 1992 году. Работала в детском саду № 4 города Маршанска, воспитателем. В данный момент работает в Государственном бюджетном образовательном учреждении города Москвы - Центр развития ребёнка, детский сад № 1320 "Незабудка". Стихи пишет давно, печаталась в газете "Согласие (г. Маршанск), в журнале "музыкальная палитра" (г. Санкт-Петербург).

МОЛИТВА

Прохлада и покой в ночной квартире,
Лишь огонёк свечи слегка дрожит.
Дай, Господи, остаться в этом мире,
Дай, Господи, мне времени пожить.

Дай форточку открыть навстречу ветру,
Дай мне здоровья и чуть-чуть тепла,
Дай жизнь прожить, не потерявши веру
В людей, любовь и добрые дела.

Дай мне увидеть вечер тёмно-синий,
Где волны красит пламенный закат,
Дай мне вдохнуть холодных белых лилий
Торжественный и терпкий аромат.

Дай, Господи, не впасть в хандру и скуку,
И не грустить о прошлом на заре,
Дай, Господи, мне ждать из школы внуков
На лавочке под липой во дворе.

Дай силы мне на зло добром ответить,
Дай мужества лишения терпеть,
Дай, Господи, не быть обузой детям
И тихо, без мучений умереть.

О, Боже, если слушаешь, то слушай,
Прими, прими прошение моё,
Ты знаешь, лишь Тебе отдам я душу
И сердце благодарное своё.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Пусть душа молитвою наполнится,
Пусть уйдёт из сердца злая грусть.
Матушка Святая Богородица,
За сыночка я Тебе молюсь.

елена олейникова стихи

Тает воск свечи слезой прозрачною,
Плавно ходят тени по стене.
Ты пошли ему судьбу удачную,
Больнее ничего не нужно мне.

Будь ему в делах Ты светлой спутницей,
Сохрани его от злых людей,
Ведь не зря зовут Тебя Заступницей
И в молитвах просят за детей.

Я прошу за сына, за кровиночку,
Чтоб он не был в жизни одинок,
Чтобы к Богу узкую тропиночку
Он нашёл среди больших дорог.

Чтоб он беды перенёс безропотно,
Не устал бы верить и любить,
Чтобы помнил: в этом мире хлопотном
Не умом, а сердцем нужно жить.

В горький миг - в разлуке ли, в утрате ли -
В час любой на жизненном пути
Пусть хранит его молитва матери
И поможет от беды спасти.

В час полночный, в горькую бессонницу
Пусть уйдёт из сердца злая грусть.
Матушка Святая Богородица,
За сыночка я Тебе молюсь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Любимому сыну

Сон пусть коснётся лёгкой рукой
Щёчек твоих и ресниц,
Светлоголовый ангел мой,
Спи, мой маленький принц.
Тьмою окутан мир большой,
Звёздочки там и тут.
Ты поскорее глазки закрой -
Дети во сне растут.
Мягко ступая, бродит ночь,
Ходит по всем домам.
Детям уснуть должны помочь
Песенки любящих мам.

эолова арфа

Мудрый Господь со своей высоты
Смотрит на всех детей.
Сильным и добрым будешь ты,
Спи и расти скорей.
Видишь, летят к нам сны и покой
Стайками райских птиц.
Спи, черноглазый ангел мой,
Спи, мой маленький принц.

ХУДОЖНИК

Лишь набросит вечер тень
И в дома стучится дождик,
Тихой умницей художник
Бродит в стареньком плаще.
Он прошёл весь белый свет,
Видел он века и земли,
Полинял от бурь и снега
Чёрный бархатный берет.
Мудрый мастер, напиши
Всех дорог и дней начало.
Краскою кроваво-алой
Боль потерянной души.
Нарисуй счастливых лет
Ярко-золотые искры.
Пусть полёт волшебной кисти
На холсте рождает свет.
Над картиной поколдууй,
Вместе с музою послушной
Нарисуй людские души
И надежды нарисуй.
Мир привычный распиши
В краски яркие, маэстро,
Только пусть не будет места
Там для подлости и лжи.
Может, скажешь, где найти
Людям искренние чувства.
Ты же знаешь: лишь искусство
Может душу воскресить.
Ты давно сумел постичь
То, что жизнь цветная эта -
Лишь игра теней и света,
Лишь мгновение в пути.

елена олейникова стихи

ПЕТЕРБУРГ

Время не обмануть, не повернуть назад...
Строгий мой Петербург, светлый мой Ленинград.
Очередь на трамвай и над Невой мосты,
Благословенный край юности и мечты.
Снова к тебе лечу в давнем, знакомом сне,
Мрамор твоих колонн сердце разбудит мне.
Белых ночей вуаль, гордых кварталов ряд...
Было безмерно жаль мне покидать тебя.
Хочется ощутить свежесть сырых ветров,
Вот бы сейчас уйти в сумрак твоих дворов!
Роскошь твоих дворцов, серых туманов грусть...
Может, в конце концов, вновь я к тебе вернусь?
Может, как давний друг, встрече ты будешь рад,
Строгий мой Петербург, светлый мой Ленинград.

ЛЕТО

Яркой травой и цветами одето,
Солнечным утром, когда рассвело,
Тёплое, юное, звонкое лето
Лёгкой походкой в город вошло.
В тёмных лесах земляника поспела,
Слаще которой не сыщешь нигде.
Платьем невесты, прозрачным и белым,
Пух тополиный лежит на воде.
Спрячут весенние летние грозы,
Влагу их тёплую ловит земля.
Пахнет жасмином, ромашкой и розой,
И зеленеют луга и поля.
Хвалятся платьями в рощах берёзки,
И завели хоровод мотыльки.
Радуги яркой цветные полоски
Смотрятся в синие воды реки.
Солнечный ветер, проворный и смелый,
Чистый простор, золотое житьё.
Юное лето рукой загорелой
Настежь окно открывает моё.

Татьяна Мажорина

басни

Татьяна Мажорина живёт в городе Волгодонске Ростовской области. Член Союза профессиональных литераторов. Лауреат фестиваля "Под небом рязанским" в номинации "Басни".

КУРОПАТКА И СТАТИСТИКА

"Рост инфляции в стране
 Пережить бы как-то мне. -
 Куропатка причитает. -
 Каждый день, как на войне.
 Ежедневно мне зерно
 В рационе быть должно,
 А в кармане - "плачут мани".
 Пропаду! Не мудрено".
 Жук-статистик подсчитал,
 Как умножить капитал:
 "Брось клевать пшеницу, гречку!
 Пей водичку и фестал.
 Так фигуру сохранишь.
 Может быть, махнёшь в Париж?
 Цены авиабилетов
 Стали ниже. Что молчишь?
 Ниже плинтуса уже
 Стоят яйца "Фаберже",
 Стразы, крем, противогазы...
 Перья сбрось, и, в неглиже!"
 "Миленький, да я ж загнусь.
 Пусть в Париж летает Гусь!
 Без зерна в зобу - мне туго.
 На насест не поднимусь.
 И услуги ЖКХа
 Доведут ведь до греха:
 Впору счётчик к горлу ставить.
 Тут уж не до петуха".

Да, Статистика у нас
 Завралась и в этот раз.
 Куропатке бы пшенички.
 Ей, к чему, противогаз?..

*татьяна мажорина басни*СОБОЛЬ, КУНИЦА И ЗАЙЦЫ
НА ПИКНИКЕ В ЛЕСУ

Солнышко яркое светит весной,
 Соболь с Кунницей сидят под сосной.
 Рядом консервные банки лежат,
 Кости разбросаны, мухи кружат.
 Выпили рюмку, другую потом,
 Стали куражиться (просто содом),
 Резво так прыгать, толкаться, скакать,
 Травку топтать и цветы обрывать.
 Тут на экскурсию Зайцы пришли,
 Веток нагрызли, костёр разожгли.
 Взяли джин-тоник, вино и коньяк,
 Вот уже "лыко не вяжут" никак.
 Хлеб раскидали, бутылки вокруг...
 Солнышку стыдно так сделалось вдруг.
 Долго на всё это Ветер смотрел,
 Грозною бурей на них налетел.
 Соболь кричит: "Закончен пикник!
 Шкуру спасать нужно и воротник!"
 Бросили мусор, скорее бежать,
 Нет, чтоб огонь потушить, всё убрать.
 Вот уже ветки от жару трещат,
 Зайцы косые вовсю верещат:
 "Ой, помогите, спасите! Пожар!"
 Страшно им очень, коленки дрожат,
 Копоть и дым застилают глаза.
 С сосенки каплет скупая слеза...
 Как жаль! Погубили зелёный массив,
 Досталось и Соболю, Зайцам "косым".
 В ожоговом центре бедняжки лежат.
 Хватило б теперь на лечение деньжат.

А впредь над природой глумиться не смей,
 Последнее слово, запомни, за ней!

УТЯТА И БИЗОН

Как-то в бархатный сезон
 Новый русский наш Бизон
 Прихватить решил землицу:
 Деньги есть. И есть резон!
 Побережье присмотрел,
 План захвата вмиг созрел:

эолова арфа

Дам "на лапу" адвокату,
И устроим передел.
Свод кадастровый учил,
Что задумал - получил.
Терем выстроить высокий
Он прорабу поручил.
Прежде шли на водопой
Утки важною гурьбой,
А теперь - забор бетонный.
Хочешь крякай, хочешь вой!
Утки, высунув язык,
Перешли на гвалт и крик.
Только слушать "всяку челядь"
Наш владелец не привык.
И пошла "утина рать"
За семь вёрст воды хлебать.
Мыслимо ли это дело:
Уткам с жажды помирать?

Демократия у нас
Подвела в который раз:
Всё доступно для Бизонов.
Ну а уточкам - атас!

Проза и поэзия "Страны берёзового ситца"

Алексей Бандорин
г. Рязань

Алексей Васильевич Бандорин - поэт, публицист, баснописец, редактор, член Российского союза профессиональных литераторов (председатель правления Рязанского союза литераторов, руководитель секции поэзии РСЛ), Союза писателей России, Беллит-союза "Полоцкая ветвь", Международного сообщества писательских союзов и Международной федерации русскоязычных писателей. Дипломант и лауреат более 30 региональных, российских и международных литературных конкурсов, фестивалей и премий, обладатель гранта областной администрации в сфере литературы (2001), государственный стипендиат (номинация "Мастера", 2006, 2010). Член редакционного совета российского альманаха "Эолова арфа", ответственный за выпуск российского военного литературного альманаха "Рать", шеф-редактор межрегионального литературного альманаха "Под небом рязанским". Член-корреспондент МАИНБ (Международной академии интеграции науки и бизнеса, 2009).

А ТЫ КОГО-НИБУДЬ ЛЮБИЛ?..

Сверкает на солнце корона -
Резные, сквозные листья.
Клён поглядел удивлённо,
В мои погружаясь мысли.

Я - странник, влюблённый в дорогу,
Мои пропылились одежды.
Живу я одною надеждой:
Дойти бы когда-то до Бога.

А клён своё знает дело -
Растёт у лесной опушки,
Корона блестит на макушке,
Листва лишь чуть-чуть пожелтела...

М.Лермонтову

И поэт с поэтом говорит,
И поэт поэта понимает,
Даже не спросив: "А почему стихи твои
Кровоточат, как рана пулевая?",
Даже не спросив: "Зачем ты жёлчным был
И ненавидел так, что желваки ходили?",
Даже не спросив: "А ты кого-нибудь любил?",
Даже не спросив: "Тебя когда-нибудь любили?" ...

эолова арфа

Сестре Галине

Прости меня, ты много натерпелась,
Наплакалась навзрыд от братана.
Душа так долго враждовала с телом:
В меня вселился властно сатана.

Я сам не знал, что делал иступлённо,
Что говорил, куда свой правил путь.
Я был в себя до одури влюблённый
И искривлял свою земную суть...

Но я воскрес! Я больше не спесивый,
Лад на душе, и даль моя чиста.
Спасибо людям и тебе спасибо,
Что мне открыли истину Креста.

Л. Е. Б.

В Источниках летом, в начале июля,
Звёздною полночью на сеновале...
Вспомнил, казалось, забытую юность,
Вспомнил - как жадно мы целовались.
Падали звёзды, как яблоки с веток,
В сад - осыпались.
Вот мы и стали Ромео с Джульеттой.
Жаль, что расстались!
Навечно расстались...

Дочке Жене

Я сына ждал,
Как многие отцы,
Я сына ждал, предчувствуя удачу.
Но вышло всё,
Конечно же, иначе -
Но вышло так,
Что появилась ты.

Ты по моим стопам пошла,
Поэтом стала - всем на зависть.
Теперь мне внучку родила -
Таких я не видал красавиц!

проза и поэзия страны берёзового ситца

Л. С.

Подсказали карты мне
Выбор сделать правильный -
Мы с принцессой по весне
Чудо-свадьбу справили.

Благодарен картам я
За мою любимую:
С ней не тронет жизнь меня
Болью нестерпимую!

Л. С.

Бушуют страсти
В горячей крови -
В разгаре праздник
Нашей любви!

Шикарные розы
Цветут на столе -
Можно без прозы
Прожить на земле!

Людмила Салтыкова
г. Рязань

Салтыкова Людмила Фёдоровна - поэт, публицист, баснописец, детский писатель, литературный переводчик, редактор, ответственный секретарь правления Рязанского союза литераторов, член КС РСПЛ, член Союза писателей России, Беллитсоюза "Полоцкая ветвь", Международного сообщества писательских союзов и Международной федерации русскоязычных писателей. Дипломант и лауреат более 30 региональных, российских и международных литературных конкурсов, фестивалей и премий, обладатель гранта областной администрации в сфере литературы (2001) и государственной творческой стипендии (номинация "Мастера", 2005). Член-корреспондент МАИНБ (Международная академия интеграции науки и бизнеса, 2009).

В ДВИЖЕНИИ Я СУЩЕСТВУЮ

ДОРОГА

Дорога - волшебное слово,
Поет и трепещет душа.
Мне в путь бы отправиться снова,
Тропу одолеть и большак.

эолова арфа

Пешком, не спеша, иль попуткой,
Иль сесть на автобус-экспресс,
Иль рельсы выслушивать чутко,
На поле смотря и на лес.

В движении я существую.
Покой навевает тоску.
Надеюсь прожить не впустую
На этом недлинном веку.

АНКАРА - СТАМБУЛ
(Путевые заметки)

Автобус бежит среди гор,
В наушниках песни смеются -
Не наш среднерусский простор,
Не наши мелодии льются.

По остро-густым соснякам
За нами крадётся солнце.
Ракетно скользят к облакам
Столбы-минареты в кольцах.

В долинах лежат облака -
Дорога влетает в дымку.
Аул притаился у скал -
Не схожий с таёжной заимкой.

Зазывно ветряк помахал,
В ущелье речушка стынет.
Но вот, одолев перевал,
Стекаем по серпантину.

Стюарду "сенк-ю" сказав,
Смакую турецкий кофе,
Экзотика лезет в глаза,
Экзотику уши ловят:

То - горной козой музыкант
В наушниках сыплет звуки,
То - нежной сиреной талант
Гортанно меня баюкает.

Цветной городишко мне
Со склона мигнул игриво,
Под ним - желтоглазый туннель,
И снова - моста перила.

проза и поэзия страны берёзового ситца

Вот мрамора блеск морской
 Под сводом белёсо-синим.
 Там йодисто-свежий прибой.
 Босфор... Впереди - Россия!

Под гомон чужих речей,
 Под гул, в небеса разлитый
 Спешу возвратиться к ней -
 За месяц совсем не забытой

ЧЕРНОГОРИЯ - РЯЗАНИЯ

Черна Г?ра - разве горы?
 Это рощи - словно ночи,
 Это лес - темнее тучи,
 Вот что - Черногория.
 Не сравнятся с ней Мешёра
 И рязанская Солотча:
 Лес в Балканах выше, круче,
 Красит склоны горные.

А в Солотче и Мешёре
 Лес стоит в торфяник вросший,
 Спят озёра в старых руслах,
 Там Окою проторенных.
 Далеко от нас до моря,
 Быт людской - отнюдь не проще,
 Ну а в общем, жизнь у русских -
 Как и в Черногории.

Может, ниже наше небо,
 Рожь в полях рязанских сеют,
 А Балканы виноградом
 Всех гостей попотчуют.
 Черногорский Пётр Негош,
 Наши Пушкин и Есенин,
 Несмотря на все преграды,
 Прославляли ?тчины.

Мы кружимся в хороводе,
 Черногорцы в оро-коло -
 Словно Хорс, правитель-Солнце,
 Так славян приветствует,
 Чтобы братские народы
 Рук пожатием весёлым
 Приближали с чудотворцем
 Будущее светлое.

эолова арфа

В НЕПАЛ!

В. Силкину

Не бывала я в Непале
Со столицей Катманду.
Втайне же всегда мечтала,
Что туда я попаду.

Побывать на Крыше Мира -
Кто об этом не желал?
А вершиной Крыши Мира
Вправе славится Непал.

Сагарматха, Джомолунгма -
Гималайский Эверест,
Там под мудрым оком Лунным
Тишина стоит окрест.

Там родился Гаутами,
Шива с Вишну ждут гостей.
Кто придёт на встречу с нами,
Я скажу им: "Намасте!".

Я: "Привет!" - скажу короле,
И змее скажу: "Привет!".
Там Кумари лишь до крови
Мудрый всем даёт совет.

Мы в походах пели песню
Про Махендру и Лакшми.
А мечты всегда чудесней,
Чем прожитое людьми.

Я совсем не альпинистка,
Мне по силам лишь вокзал,
Мой Урал от них не близко,
А тем более Рязань.

Стали как болезнь-зараза -
Джомолунгма, Катманду...
Не бывала там ни разу,
Но, быть может, попаду!

проза и поэзия страны берёзового ситца

Евгения Масленникова (Бандорина)
г. Москва

Масленникова (Бандорина) Евгения Алексеевна (р. 1983) - поэт, член Российского союза профессиональных литераторов (Рязанский союз литераторов) и Союза писателей Москвы. Лауреат Всероссийской литературной премии "Эврика" (2008), IV Межрегионального литературного фестиваля "Под небом рязанским" (2007), Международного поэтического конкурса ""Звезда полей" Николая Рубцова" (2010), государственной стипендии (номинация "Молодые авторы", 2007). Автор сборников стихов "Подростковое безумье" (2005) и "Застоялось в душе ожидание" (2007).

ДОЧКЕ

Уходит мечта о детстве
Легко и неудержимо
(Ведь в нём ничего не изменишь,
Да и не нужно менять).
Случайно открыла дверцу
И выпустила - как джина,
Что мне на прощанье оставил
Умение всё понимать.

Не пусто в душе - открыто
Для новых надежд и сказок,
Для веры в большое счастье
И маленькие чудеса...
Я знаю, что прошлое шито
Из опыта и подсказок,
А в будущем - запах солнца
И голубые глаза!

Заползает под кожу тоска -
Это шкуру меняет усталость...
Лишь два дня, два последних рывка!
Переждать нужно самую малость!

Но уже нет желания ждать.
И бежать не осталось запала.
Чуть нажать - все равно, что прижать.
Чуть прибавить - и мозгом в астралы.

Постарела всего лишь душа,
Протрезвела от детского бреда.
Ведь от времени не убежать -
Пусть и тихо ступает по следу...

эолова арфа

Так чего мне бояться теперь,
Кроме слез в бирюзовых глазёнках?
Проживу я два дня - и капель
Заиграет на клавишах звонко.

Моя маленькая,
Не будь на меня похожею,
Я дарю тебе жизнь, но живи ее за себя.
Моя девочка,
Что судьбою тебе положено,
Принимай радостно, примеряй, любя.
Пусть всё будет легко!
Пусть всё будет солнечно!
И не слушай моих поучений седых -
Я состарилась, когда ещё петь положено.
Моя милая,
Будь счастливою за двоих.

Виктор Булатов
г. Рязань

Булатов Виктор Григорьевич - поэт, член Российского союза профессиональных литераторов; лауреат Международного поэтического конкурса ""Звезда полей" Николая Рубцова" (2010).

ДВАЖДЫ НЕ ЛЮБИТ ДУША

Уж сколь веков поэты вновь
Рифмуют вечную "любовь"
С живым, горячим словом "кровь".

А что поделаешь - Любовь,
Преодолев стальной засов,
Сильней по жилам гонит кровь,

Да так, что нет таких оков,
Чтоб успокоить эту кровь,
Когда её зажгла Любовь.

И сколь веков поэты вновь
Рифмуют вечную "любовь"
С живым, горячим словом "кровь".

проза и поэзия страны берёзового ситца

Любовь - это росчерк по небу
Сгоревшей в полёте звезды.
Любить - это значит безмерно
До счастья гореть иль беды.

Любить можно только однажды,
В бореньях невзгоды круша,
Как звезды не падают дважды,
Так дважды не любит душа.

Как от небесного разряда,
Застыну, будто истукан,
Когда разверзнется нежданно
В глазах бездонный океан.

Душа взволнуется в смятенье,
Но в этом нет твоей вины,
Коль станет вдруг до боли страшно
От океанской глубины.

Всю кровь до капли, до последней
Готов я в жертву принести,
Чтоб жизнь твою хотя бы на день
Сумела кровь моя спасти.

А коль на помощь не успею,
Я не умру назло судьбе,
Чтоб на земле как можно дольше
Хранилась память о тебе.

Когда ослабну я в бореньях
С моей нелёгкою судьбой,
Я попрошу себе тайм-аут
Пред тем, когда закончить бой.

И у судьбы суровой силы
Я ровно столько отмолю,
Чтоб мне успеть с последним вздохом
Сказать последнее "люблю".

Не та прекрасна, что красива
И взглядом кровь твою зажгла,

эолова арфа

А та, что сердцем полюбила,
Как подарила два крыла.

Ведь без взаимности душевной
Парить счастливо не дано.
С одним крылом не взмoeшь в небо,
Сколь сильным ни было б оно.

Ирина Позднякова

г. Рязань

Позднякова Ирина Юрьевна (р. 1979) - поэт, прозаик, публицист, литературный редактор, главный редактор журнала культурно-творческой интеллигенции инвалидов "Луч Фомальгаута"; член Российского союза профессиональных литераторов (Рязанский союз литераторов); лауреат I и IV Межрегионального литературного фестиваля "Под небом рязанским" (2004, 2007), государственный стипендиат (номинация "Молодые авторы", 2008). Автор 4 сборников стихов и прозы, в том числе "Когда весь мир как будто за горой: повесть" (2003), "Влюблённости: стихотворения" (2008), а также публикаций в региональных и российских коллективных сборниках, альманахах, газетах, журналах, на сайте.

ПРОСТО ТАК...

Я видела сон -
ни хорош он, ни плох - просто так.
но только в него
три заветных желанья вместились.
Желанья? Кому-то покажется -
суший пустяк,
а мне даже это немногое -
Божия милость.
Желание первое - просто увидеть тебя,
Взглянуть еще раз
в кареглазость смущенной улыбки...
Взглянуть без опаски, спокойно...
но все же - любя.
(Эх, легче пройти над обрывом по жердочке зыбкой!).
Еще - разделить бы с тобою, как прежде, ночлег -
нет, нет... в разных комнатах...
просто под общею крышей...
Былое доверие -
будто отпущенный грех.
Уснуть... и проснуться...
и вновь "С добрым утром!" услышать...
А третье... случайно рукою коснувшись руки,
спешить отпустить... и почувствовать вдруг промедление -
и пальцев пожатье... и смыть все с усталой души...

проза и поэзия страны берёзового ситца

как жаль, что все это -
лишь в хрупком мирке сновиденья!

Просто так.
Не в связи ни с каким разговором.
Просто в сердце - трепещет, как пламя, живой огонек...
Не пытайся понять, объяснить,
не ищи для меня ни похвал, ни укоров -
я по карте из строчек стихов
прошагала уже сто дорог...
Подарить бы тебе
вечно-жаркий осколочек солнца,
Чтобы стало теплее тебе и отхлынула всякая боль,
Чтобы в мыслях - все ясно, и чисто, и звонко,
А в душе - благодать, и покой, и любовь...
Мне б в ладонях своих
сохранить этот свет, чтоб согреться
можно было б не только сейчас и не только тебе...
Не кори, не проси -
мне от нежности некуда деться,
И пишу эти строчки,
опять покоряясь судьбе....

Горькая нежность в сердце
Смешана с ностальгией.
Снова под звездным небом
Воздух весенний пью.
Мне никуда не деться:
Стены мои родные
Помнят меня, а также
Многих, кого люблю...

Горькая сладость тайны,
Наполовину явной,
Боль пополам со счастьем,
Правда - а рядом сон...
Вот и листы тетради
Помнят о самом главном...
Мысли опять прорвутся
Через любой заслон.

Горькая нежность в сердце,
И изнутри, подспудно,
Как-то шемающе жалко
Времени, что прошло...

эолова арфа

Только куда мне деться?
Пусть все непросто, трудно.
Робко иду я дальше,
Но на душе - светло...

Надежда Юдина
г. Рязань

Юдина Надежда Николаевна - поэт, член Российского союза профессиональных литераторов (член РК Рязанского союза литераторов); лауреат II Межрегионального литературного фестиваля "Под небом рязанским" (2005) и Международного поэтического конкурса ""Звезда полей" Николая Рубцова" (2010).

И ОПЯТЬ...

Не лги, мы забудем никчемную грусть.
Я в мыслях чиста пред тобой - уверяю.
Забудем обилие утраченных чувств.
Не станем держать, что невольно теряем.

Рассудочно страсть мы свою умирим.
Расстанемся вдруг, соскользнув в недоверье.
И вовсе не важно, что рядом сидим -
Разлуки грядущей стоим мы в преддверье.

На струнах душевных моих не играй.
Не будет мелодии: точно я знаю.
Задев за живое, порой невзначай,
Мы так невозвратно большое теряем.

И опять я с тобой, и опять я молчу,
Лишь звенящая боль льется в сумрак густой.
Я не плачу, не лгу, не зову, не кричу,
В этот сумрак густой ухожу я с тобой.

Я пришла ниоткуда и уйду в никуда,
Между строк было столько ненужного лиха,
Да вот только не рад ты мне, это беда,
Ты не бойся, уйду незаметно и тихо.

Мой заснеженный Кай, не смогла отогреть
Я твои ледяные душевные струны.
Не судьба нам с тобой вместе тихо стареть.

проза и поэзия страны берёзового ситца

Ты прости, не смогла удержать, уберечь,
Сохранить пламя дерзости юной.

И вновь у камина загадочный свет
Невольно забытую грусть навевает.
И роскошь сверкающей зрелости лет
Уютную комнату вдруг наполняет.

Картины из прошлого так далеки,
Но живы еще, как огонь вот в камине;
Воздушны, безоблачны, хрупки, легки,
Свежи, как лесное дыхание, донныне.

На угольках былых воспоминаний
Уж яркого костра нам не разжечь.
Тоску смертельную и тихие страданья
Разлучница-судьба смогла навлечь.

На небе черном звездочки лучатся
И профиль пол-луны все оживил.
Но не бывает в жизни половины счастья,
Полразума, полсердца, пол-любви.

Свечи прощальный свет горит.
Нет, не горит, а лишь мерцает,
И время в никуда бежит.
Что завтра будет - Бог лишь знает.

Несовременная любовь
Исчезла, здесь - одни обломки.
Как было все у нас тобой -
Узнают, может быть, потомки.

Я шагаю просекой в тишине шемящей,
Ворошу я прошлое, как листву опавшую.
Не берите, демоны, душу мою грешную,
Не томите более сердца наболевшего.
Холодом повеяло от земли, от осени,
В тишине шемящей я иду по просеке.
Я прошу, я мучаюсь, изнываю, плачу.
Да, нельзя, наверное, жизнь прожить иначе.

элова арфа

Валентина Строгова
г. Рязань

Валентина Прохоровна Строгова - член Российского союза профессиональных литераторов Рязанский союз литераторов), руководитель секции авторской песни РСЛ и КАП "Ваганты", организатор фестивалей песенной поэзии на родине С.Есенина "Зимний сад" и "Вера. Надежда. Любовь" (с 2004); лауреат и дипломант 25 фестивалей авторской песни, 4 Российских творческих конкурсов ""Звезда полей" Николая Рубцова", I Межрегионального литературного фестиваля "Под небом рязанским" (2004., лауреат фестиваля "Под небом рязанским" (2012). Бард, автор нескольких сборников стихов и более восьмидесяти песен.

ВОЗВРАЩЕНИЕ...

ТИШИНА

По-над Русью звенит тишина,
Перезвоном торжественным радуя.
Очищения просит душа,
А на небе лазоревом - радуга.
Благовест отзовется во мне
Упованием древним Иаковля,
И услышу я, как в тишине
Хвалит Бога дыхание всякое.
Говорим: "Слава Богу за всё,
Что дарует Господь во спасение!.."
Ведь не зря в календарь привнесён
Светлый праздник - Христа Воскресение!

ПЁТР И ФЕВРОНИЯ

Без сомненья, брат, отбрось иронию,
Что в сердцах себя не изжила:
Расскажу тебе я про Февронию,
Что в деревне Ласково жила.
Мудростью прославилась девица,
С лета разнотравья припасла:
Мазями с молитвой и водицей
Князя благоверного спасла.
Он сразился с ворогом поганым,
Честь семьи достойно защитив:
В том бою смертельном был изранен,
Змея-искусителя убив.
Муромским стал князем, и девицу,
Что его спасла от злобных чар,
Он увёз с собою, чтобы жениться

проза и поэзия страны берёзового ситца

Против воли мстительных бояр.
 И княгиней став, богопослушно,
 Мудро стала мужу помогать,
 С ним она повсюду неразлучна,
 Между ними - мир и благодать.
 Камешком с чужого огорода -
 Заговор над праведной семьей:
 Мол, княгиня княжеского ль рода?..
 За Февронью Пётр стоял горой!
 Но не унимался хитрый ворог,
 Сеть плетя, и княжеской чете
 Всё ж пришлось покинуть злобный город,
 Плыть навстречу скорби, нищете...
 Дни минули - шлют гонцов бояре:
 - В городе - бесчинства и разбой!
 Князь, уйми скорей людские свары
 И смутьянов буйных успокой!..
 То был Божий промысел, как видно, -
 Как же было это не понять?!
 Пётр с Февроньей, позабыв обиду,
 В город воротились опять.
 С князем и княгиней благородной
 Снова людям радость и покой:
 Жизнь текла повсюду полноводной
 И миролюбивою рекой...
 Будучи в монастыше, решили,
 Что пришёл преставиться черёд:
 Вместе лечь во гробе поспешили,
 Зная, что любовь их не умрёт.
 Скажете: "Ну разве так бывает?.."
 Да не разлучит их человек!
 До сих пор во гробе почивает
 Двоица, нетленная вовек!
 Пусть достойны будут подражанья
 Их земная жизнь и их конец!
 Днем Семьи отныне называют
 Верного супружества венец.

ОБИДА

Лучше мне скрыться, чтоб не было видно,
 Как, догорая в огне,
 Жаром обдав, затихает обида,
 Горечь оставив во мне.
 Больно сжимает тоска и тревога -
 Впору сейчас зарыдать:
 Сердце не хочет таиться от Бога,
 Чувства свои укрывать.
 Вновь, мой Господь, на Тебя уповаю:

эолова арфа

Впредь не оставь, помоги,
Выручи тех, перед кем не права я,
Их от невзгод сбереги.
Счастья им дай, всё, чего они просят,
То, что годами мы ждём...
Мне же пошли молчаливую осень
С тихим, печальным дождём.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Стали блёклыми нивы,
Потускнели покосы.
Моют в озере ивы
Индевелые косы.

Лишь в лазури небесной
Нет увечья и тлена:
Лебединая песня
Вырвет душу из плена.

И она окунётся,
В вечный сон-безмятежность,
Где её не коснётся
Запоздалая нежность.

И мерещатся рая
Изумрудные росы...
Коротка жизнь земная,
Бесконечны вопросы.

БЕЗМОЛВИЕ

Снежное безмолвие. Белые поля.
Вновь хранит молчание Матушка-Земля.
- Гой ты, Русь могучая, ты взмахни крылом,
Ввысь лети над тучами, вспомни о былом!

О былинной силушке Трёх Богатырей -
Доблестных защитников Родины моей,
Родины-Отечества, что Господь хранил:
Он Крестом отечески нас благословил...

Часто равнодушие накрывало Русь,
А терпенье долгое вызывало грусть:
Чтобы не отчаяться, русская земля,
Песнями печалилась, грусти не тая.

проза и поэзия страны берёзового ситца

И в немой покорности долюшке-судьбе
Поклонялись русичи, Боже наш, Тебе.
И сегодня Господа искренне молю:
- Ты храни безмолвную Родину мою!

ВСЕПРОЩЕНИЕ

Снова привыкаю к одиночеству:
В прошлом - твои руки и глаза.
Зря надежда ждёт былое "хочется..." -
Вторит ей запретное "нельзя...".

Как, скажи, подняться мне над подлостью
В этой беспросветной темноте?
И смогу ли я простить всех полностью?
Силы ведь давно уже не те...

Вспомнив же примеры человечности,
Что слились в молитвенном "прости...",
Может, и удастся нам для Вечности
Души своевременно спасти...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Здравствуй, край берёзовый,
Листьев позолота,
Стройный подберёзовик,
С ряскою болото!

В эту хмурь осеннюю
Рада встречи с вами,
С томиком Есенина -
Ранными стихами, -

Что под образАми
Солнечного цвета.
Прав поэт: Рязани -
Края лучше нету!

элова арфа

Татьяна Рослова
г. Рязань

Татьяна Николаевна Рослова - член правления Рязанского союза литераторов (региональной организации Российского союза профессиональных литераторов), автор 8 сборников стихов и прозы (в том числе 2 - для детей), лауреат II Межрегионального литературного фестиваля "Под небом рязанским" (2005), Всероссийского литературного конкурса ""Звезда полей" Николая Рубцова" (2009), дипломант II Международной олимпиады искусств (под эгидой ЮНЭСКО, 2011).

ИРОЧКИНЫ ЗАБОТЫ

ПОИГРАЕМ В КУКЛЫ

Дочка кукол разложила
На своём диване:
Вот Марина, Лиля, Мила,
Миша, Коля, Ваня.
Слёзы хлынули из глаз
Горькими ручьями.
- Что же плачешь ты сейчас?! -
Интересно маме.
- Коля, Мила, Ваня, Лиля -
Собрались друзья!
Все места позахватили -
Где же лягу я?!

КОШКА ЛИЗКА

Наша кошка Лизка
Съела две сосиски.
Помыв немножко ушки,
Легла на две подушки.
Укладывала лапки
И прятала царапки.
Вертелась и урчала:
Сосисок было мало!

ПОДЛИЗА

Ира спросила бабушку Валю:
- Что, ты забыла, как кошку назвали?
Лизкой ведь кошечку нашу зовут.
Где ты Подлизу увидела тут?!

проза и поэзия страны берёзового ситца

Лапки пушистые, шубка и хвост.
В белых носочках. Маленький рост.
Пышные усики. В глазках - вопрос.
Цветок обкусает, если подрос.

Ну а Подлиза она почему?
Что она лижет - я не пойму.
- Любит облизывать руку мою -
Вот и зову так я киску твою.

ЕЩЁ ПРО КИСКУ

Ира видит за окном:
Киска бродит возле лужи.
Надо взять кисюлю в дом,
Ночью страшно, просто ужас...

"Ты зачем, моя малышка,
Убежала в темноту?" -
"Я поймала вместо мышки
В луже первую звезду!"

Елена Захарова
г. Рязань

Елена Николаевна Захарова - член Российского союза профессиональных литераторов, автор поэтического сборника "Благодарю свою судьбу", лауреат Международного поэтического конкурса ""Звезда полей" Николая Рубцова" (2012).

ВЕРИТЬ И ЛЮБИТЬ

КЛЮЧИ ОТ СЧАСТЬЯ

Мы все повенчаны с судьбой
И, находясь у ней во власти,
Мы ищем сердцем и душой
Те самые ключи от счастья.

Вникая в сущность суеты,
Не замечаем те мгновенья,
Куда стекают дни, часы
И дата нашего рожденья.

Познав причину, зная смысл,
Мы все торопимся куда-то

эолова арфа

И понимаем каждый миг,
Что в том судьба не виновата,

И, свято веря в чудеса,
Мы продолжаем ждать ответа
И, с верой глядя в небеса,
Благодарим судьбу за это.

МЕЧТЫ О ЛЮБВИ

Какое счастье быть любимым!
Любить и о любви мечтать!
Желанным быть, неповторимым,
Хранить любовь, всё понимать!
Благодарить судьбу за счастье,
Что посылают небеса.
Любовь случается нечасто,
Но я ведь верю в чудеса!

ЛЮБОВЬ

Любовь бывает искренней и верной!
Любовь бывает нежной, дорогой!
Любовь бывает чувственной, безмерной,
Желанной, постоянной, неземной!

Любовь бывает пламенной, волшебной,
Порой слепой, загадочной порой.
Любовь бывает искренней, душевной,
Наивной, ласковой, взаимной и большой!

С любимыми не надо расставаться.
Любовь как знак судьбы в душе хранить.
И тем, кто сможет с ней навек остаться,
Любовь поможет чудеса творить.

НЕБЕСНЫЙ ЗАВЕТ

Нельзя научиться любить.
Любовь - она есть или нет!
Её надо свято хранить,
Не требуя что-то в ответ.

Любовь - это тяга к добру,
Взаимных влечений портрет.
Любовь - это свет поутру,
Подаренный небом завет!

проза и поэзия страны берёзового ситца

ВЕРИТЬ И ЛЮБИТЬ

Не всё, пожалуй, поддается объяснению,
Хоть мы пытаемся, как можем, объяснить.
Но даже миг из своего рождения
Не можем повторить иль изменить.

Приходим в этот мир с предназначением -
Всем свет нести и доброту дарить,
И каждый год в день нашего рождения
Судьба нас учить верить и любить!

Наталья Ивахненко
(г.Рязань)

Наталья Владиславовна Ивахненко - род. в 1956 г. в Воронежской обл. Образование высшее, работала библиотекарем в Рязанской областной библиотеке, сейчас - в библиотеке Рязанской областной детской больницы. Член Российского союза профессиональных литераторов и Русского литературного клуба, автор сборника стихотворений "Подарки судьбы" и публикаций в альманахах "Рать", "Звезда полей". Лауреат I регионального конкурса "Первая строка" в номинации "Поэзия" (2010), победитель Международного поэтического конкурса "Звезда полей" им. Н.Рубцова в номинации "Пора любви" (2011). Лауреат фестиваля "Под небом рязанским"-2012.

СУТЬ ВЕЩЕЙ

МЕТЛА

Метла не станет ёлкой в Новый год,
Апрельским днём она не зацветёт,
И ждать плодов в июле - труд напрасный.
Как ни крути: метла и есть метла,
Всю жизнь дорожки пыльные мела,
Мечтая между делом о прекрасном.

Надеялась она: придёт денёк -
И превратится в сказочный цветок
Тот инструмент, чему хозяин - дворник,
И станут пчёлы виться и жужжать,
Нектар с тычинок нежных собирать,
Слова любви произнесёт поклонник.

Проходят дни метлы в пустых мечтах,
И лишь мужик в кирзовых сапогах
Из закуточка в свет её выводит,
Метлою выметая пыль и сор,

элова арфа

Чтоб чистым был всегда уютный двор.
А больше НИЧЕГО не происходит!

МЕТЛА. ВЕРСИЯ 2

Не убавляется метле забот,
Хоть каждый день старательно метёт.
Жизнь неуклонно мчится к завершенью,
Редеют прутья, треснул черенок,
Глядишь, забросит дворник в костерок
Предмет, негодным ставший к потребленью.

Однажды встрепенулась вдруг метла,
Пробормотав: "Была иль не была:
Сейчас иль никогда (хоть дворик жалко)!
По полной наконец я оторвусь,
Ракетой к небу звёздному взметнусь,
Всем докажу, что я не просто палка!

Я Маргарите верно послужу,
В ней подмечала много куражу,
Хотя в глазах её печаль-тревога.
Жизнь или смерть? А, впрочем, всё одно!"
...Раскрыто настезь сонное окно,
Маршрут по небу - лунная дорога.

Татьяна Куколева
(г.Рязань)

Куколева Татьяна Викторовна (г.р.1973) - член Российского союза профессиональных литераторов, автор поэтического и прозаического сборников, лауреат Международного поэтического конкурса "Звезда полей" им. Н.Рубцова (2010). Лауреат фестиваля "Под небом рязанским" (2012).

ОЖИДАНИЕ

НАМ С ТОБОЮ ПОВЕЗЛО

Тишина повисла в комнате,
Только слышно: за окном
Ворковать уселись голуби
Своим мягким голоском.

Разговоры все исчерпаны.
Мы общаемся без слов.

проза и поэзия страны берёзового ситца

Как в цепи, замкнулись нервами,
Загораясь на любовь.

Несомненные терзания,
Подозрительность и страх,
Откровенные признания,
Что застыли на губах.

Понимание: бессмысленно
Всё, что было и ушло.
Тишину нарушив, выскажешь:
"Нам с тобою повезло!"

ТАК ТОМИТЕЛЬНО ОЖИДАНИЕ

Так томительно ожидание,
Когда мизерны шансы на встречу.
Давит грусть, обнимает плечи
Что-то тяжкое, бесчеловечное.

Так томительно ожидание,
Если чувствуешь: не торопятся;
И дурацкие мысли сходятся,
О последствиях не заботясь.

Так томительно ожидание.
Одиночества море безбрежное.
И, когда замирает дыхание,
Каждый звук, каждый шорох - надежда...

АВГУСТОВСКИЕ МЕЧТЫ

Вновь на дворе гуляет август - зеленоглазый и горячий.
Он по пятам идёт за мною, загаром падает на плечи.
В порыве страсти резким ветром волос касается небрежно,
То извинения приносит, то смотрит вслед тепло и нежно.

Давно лелеет он надежду, что будет всё у нас взаимно,
И ночью летней сны нам дарит, в которых вместе мы, наивный!
Придет осенняя пора - так предначертано судьбою.
Венчальный звон гремит с утра - он для меня, но не с тобою.

эолова арфа

О ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЕ

Запреты поневоле
Стремишься нарушать.
Заманчиво на воле,
Поэтому - бежать.

Туда, где ширь безумно
Закружит, опьянит,
Морские волны шумно
Царапают гранит.

И плавно, не цепляя
Волшебных облаков,
Ты достигаешь рая,
Не ведая оков.

С разбега - и к воротам,
Не знаящим замка.
Там полная свобода,
С которой жить века...

Когда будет страдания вдоволь,
Когда сердце устанет моё,
Тогда выйду в зелёное поле
И услышу, как ветер поёт.

Он споёт мне о счастье зыбком,
О надежде, что тоньше, чем нить.
Он напомнит о прошлых ошибках,
За которые время платить...

проза и поэзия страны берёзового ситца

Марина Точина
г. Рязань

Марина Ивановна Точина работала медсестрой и сочиняла сценарии в стихотворной форме для своей больницы. Когда оказалась на инвалидности и потеряла сына, нашла своё место в поэзии, потом в прозе. Член Российского союза профессиональных литераторов (Рязанский союз литераторов). Автор сборников стихов "Цветы сирени", прозы "Иринка-картинка" и музыкального сборника "Вальс весны". Лауреат VII Межрегионального литературного фестиваля "Под небом рязанским" (2009).

НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНКЕ

Жили-были Медведь, Волк, Лиса, Хорёк, Ежиха и Заяц. Иногда они собирались вместе по какому-нибудь случаю. В том же лесу обитал и наш герой - маленький Кабанчик. Жил он по совести, много трудился, никого не осуждал, был скромн и незлобив. Звери не хотели признавать, что он лучше, добропорядочней их, и завидовали ему. За это все Кабанчика избегали и шарахались от него в сторону, и он не понимал, в чём же перед ними виноват, и очень страдал, оставленный всеми.

И вот обитатели леса сошлись на большой полянке. Собравшихся волновала свежая новость - кабаний грипп! Они важно уселись в круг. Молчание нарушил Хорёк:

- Вы слышали, вы слышали? В нашем лесу - заразная болезнь!!!

- А принёс-то её сюда тот самый Кабан, - сообщила Ежиха.

- А ты уверена? - спросил Хорёк.

- Да, об этом все в лесу говорят.

- Что же теперь будет с нами? - поинтересовался Заяц.

- У меня предложение: ни в коем случае не есть кабанье мясо! - встал Волк.

- Но ведь без этого и ноги скоро таскать не будешь, - горестно вздохнула Лиса.

- Слушайте, надо сделать прививку, - предложил Медведь.

Это предложение всем понравилось, кроме Ежихи. Она сказала:

- Раньше от птичьего гриппа делали прививку, а теперь от кабаньего. А я узнала, что сейчас специально заражают этими прививками, и от этого звери умирают. Что вы на это скажете?

Все крепко задумались. Наконец молчание нарушил Медведь:

- Тогда необходимо опасного Кабана истребить!

- Да, но как мы это сделаем? - заволновался Хорёк.

- А у меня есть баллончик с парализующим газом, - объяснил Волк.

- А у меня есть гарпун с ядовитым наконечником, от которого мгновенно наступает смерть, - похвастался Медведь.

- Тогда приступим к делу, устроим засаду и выследим злодейского Кабана, - предложила коварная Лиса.

Так и постановили.

Сгустились сумерки. Тревожно багровея, разлился вечерний закат. Друзья подобострастно поглядели на небо и начали свою молитву:

элова арфа

- О, покровитель зверей, пожалуйста, избавь нас от этой заразы! Мы жить хотим!

И тут случилось непредвиденное. Потемнело небо. Заволновался лес. Вскоре разразилась страшная гроза. Пошёл ливень. Полыхнула молния. Сильно раскачивало деревья в лесу. Поднялся ураган. В одном месте молния поразила осину и сожгла её. Звери промокли до нитки. От ураганного ветра две сосны упали на полянку и придавили несчастных зверей. Послышались стоны, приглушённые крики о помощи.

Вдруг откуда ни возьмись появился маленький Кабанчик, торопливо приближаясь, спеша на помощь попавшим в беду. Он и постарался освободить их из-под завала. К счастью, все остались живы, хотя были ужасно напуганы и поцарапаны ветками.

Тут гроза кончилась. Дождь перестал. Кто-то начал чихать, кто-то кашлять. Пока пострадавшие приходили в себя, Кабанчик быстро сбежал к себе домой и принёс горячий чай с малиновым вареньем и тёплую одежду. Когда звери переоделись и напились целительного чаю, им стало лучше, они поблагодарили своего избавителя, с которым совсем недавно хотели так немилосердно расправиться, и попросили прощения за то, что раньше его обижали.

Вот так рассеялся миф о кабаньем гриппе. Звери решили отныне жить в мире и любви. На ночном небе показались яркие звёздочки, и красивый месяц осветил лесную тропинку, по которой они, улыбаясь друг другу, возвращались по своим домам, став настоящими друзьями.

СКАЗАНИЕ ПРО ЛЮБУШКУ-ЛЮБОВЬ

Жила-была Любушка-Любовь, которая считалась желанной гостьей в каждом доме, и люди боялись её огорчить. И тогда она чувствовала себя счастливой.

Но прошло некоторое время, и в людях произошла перемена в плохую сторону, так как они подружились с Гордостью и Злойбой, а добрую Любовь и на порог к себе не подпускали. И когда в их сердцах появилась Вражда, которая нашёптывала на Любовь плохое, то между ними завязались Ссоры, а Равнодушие и Зависть стали их завсегдатаями.

Затосковала Любушка, заплакала, потому что её обидели люди, а она-то их любила.

- Почему такое? Как сделать, чтобы люди захотели стать добрыми?

Шла-шла она так по городам и сёлам и встретила свою сестру Надежду, которая спросила:

- Что ты плачешь безутешно, дорогая сестрица? Поведай мне!

- Как же мне не плакать, милая сестрица, ведь раньше люди дружили со мной, были благочестивыми, любили и желали меня, а теперь, когда я приближаюсь к их домам, они наглухо закрывают свои души. Видно, я теперь никому не нужна! Но всё равно надо им помочь, как-то на них повлиять, чтобы они исправились в лучшую сторону! - ответила Любушка и горько заплакала.

проза и поэзия страны берёзового ситца

- Хорошо. Помогу тебе. Я проучу гордецов! Попрошу Стихию. Кто-то, а она-то знает, как действовать, и тогда люди снова потянутся к тебе, - произнесла Надежда. - А ты пока отдохни.

Тут Любушка уснула, а Надежда позвала Стихию.

- Для чего ты меня разбудила?

- Люди испортились и обижают своим поведением сестрицу Любовь. Как их наказать, чтобы они задумались и исправились?

- Надо же: сама Любовь к ним стучится, а они её палками отгоняют прочь! Да, зло должно быть наказано! - согласилась Стихия. - Наведу-ка я на них Пожары и Наводнения.

Сказано - сделано. То тут, то там горят леса и дома. Испугались люди, заметались, некоторые даже погибли. Но оставшиеся в живых всё равно не смирились и ещё больше озлобились и стали роптать. Не вразумила их матушка Стихия, а когда прекратила Пожары и Наводнения, то Любовь проснулась и пошла посмотреть, как ведут себя люди. Вот появляется она то около одних, то около других и слушает, о чём говорят. А люди пререкаются-ругаются меж собой да деньги делят, а про Любовь-то и не вспоминают. Поняла она, что люди не извлекли урок из стихийных бедствий и продолжают жить по-старому. Любушка тяжело вздохнула, и рученьки у неё опустились.

Вот опять она, плача, идёт по белу свету и встречает свою сестру Веру, которая спрашивает её:

- Что же, Любушка-Любовь, не помогла тебе сестрица Надежда, люди не изменились в лучшую сторону?

- Нет, сестрица Вера! Они остались прежними.

- Ладно, не плачь! Попрошу Бога, чтоб Он наслал на людей Войну. Авось так мы добьёмся, чтобы люди образумились!

И когда Любовь, намаявшись, опять заснула, то началась Война, погибло народу ещё больше, Смерть, Болезни и Горе разгулялись по миру. И взмолились люди, чтобы Бог послал им Счастье. Но Счастье без Любви не может существовать. И тогда оно разбудило Любовь.

И ходят Любовь и Счастье вместе, но иногда и порознь. И поняли люди, что без Любви друг к другу жить нельзя, и начали жить по-новому.

Тамара Ковалевская

г. Рыбное Рязанской области

Ковалевская (Филиппова) Тамара Григорьевна - поэт, прозаик, член Российского союза профессиональных литераторов; лауреат Всероссийских литературных премий им. В. В. Маяковского, А. П. Чехова, А. С. Грибоедова, Всероссийского литературного конкурса ""Звезда полей" Николая Рубцова" (2009), лауреат фестиваля "Под небом рязанским" (2012).

ХЛЕБ С ГОРЧИНКОЙ

Варя дрожащими руками вынимала из печки душистый румяный хлеб и спешно укладывала на старенькое, но чистое полотенце, временами

элова арфа

посматривая на дверь. В её головке была одна мысль: только бы успеть, только бы успеть... Справившись с важным делом, девочка лет тринадцати быстро вышла из дома и побежала к своим друзьям, которые должны были прикрыть её, а точнее сделать всё, чтобы немец - надзиратель не заметил её отсутствия. Нелегко было это сделать. Перед тем, как они приступили к работе, этот немец построил их в шеренгу, посчитал, глядя на каждого, стараясь запомнить, а для этого прищуривал глаза и, как им казалось, колючим и строгим взглядом фотографировал каждого. А на нее он смотрел дольше всех. Наверное, ей это показалось, потому что она уже думала о том, что надо как-то спасти хлеб, чтобы не сгорел в жаркой печи, если его вовремя не вынуть из нее. И все же Варенька отважилась сбежать для того, чтобы вовремя вынуть из печи хлеб и не оставить своих друзей голодными. И ничего в этом не было странного, что эта девочка, еще совсем ребенок, но уже умевшая печь хлеб, да и не только это, заботились о таких же, как и она сиротах.

Война! Но для нее и тех, кто сейчас сидел на холодной земле и перебирал картофель после зимнего хранения, война началась гораздо раньше. Началась она тогда, когда их родителей с семьями выселяли не только из домов, но с их родных деревень. И уходили они в лес, строили шалаши, так и жили, пока не наступили холода. Когда совсем было невыносимо жить в таких условиях, возвращались домой, но никто их не ждал там, а в их домах жили другие люди. Да и возвратились не все. Кто от переживаний за семью и за все утраченное, кто от невыносимых условий - умерли. Это были в основном старики и грудные дети. А те, кто был покрепче, как-то выжили, хотя не так уж это было легко. Вот и Варина семья вернулась в свою деревню, лучше бы и не возвращались, но, как говорят, - судьба. Через какое-то время маму за горшок проса отправили в Сибирь, отец, братья и сестры умерли с голоду, а старшая сестра выжила и уехала лучшей доли искать. Так остались они вдвоем, Варя да сестра Оля, чуть постарше ее. Вот и собрала этих горемык добрая душа, и стали они жить одной семьей. Сами готовили, сами стирали, наводили порядок в доме, ставшим таким родным и милым. А печь хлеб - это было её дело, этой рано повзрослевшей и жалостливой девочки. Когда началась война и немцы заняли деревню, жизнь, и без того тяжелая, стала совсем невыносимая. Немцы что детям, что взрослым работу находили. Вот и в этот день выгнали всех перебирать картофель. Работа вроде и посильная, но ранняя весна не баловала теплом, и день на ветру голодным детям вынести было нелегко.

И вот Варя, радостная оттого, что спасла хлеб, уже почти подбежала к друзьям, как вдруг как из-под земли вырос надзиратель и, схватив ее за руку, начал бить плёткой.

Вечером уставшие, замёрзшие и голодные, усевшись за столом, дети с аппетитом ели душистый хлеб, каждый свою порцию, Варя откусила свой ломтик, и ей показалось, что он горчит, отложила в сторонку. На вопрос, почему она не ужинает, опустив голову, ответила: "Я завтра, сегодня устала очень".

проза и поэзия страны берёзового ситца

Как хорошо, что эти дети и Варя еще не знали, что их ждет впереди. И когда в неволе, в Германии, Варя и такие, как она, угнанные в 1942 году немцами в рабство, тайком воровали корм для свиней у хозяев, она вспоминала свой ломтик хлеба с горчинкой, ощущала его аромат, и ей казалось, что вкуснее его она никогда ничего не ела.

ТАЙНА

Худенькая семилетняя девочка стояла пред иконой Христа Спасителя и, не отрывая своих серо-зелёных глаз, смотрела в его бездонные очи. Всё вокруг перестало для неё существовать. Насте показалось, что взгляд Спасителя оживает и смотрит на неё строго, как будто беззвучно говоря ей такие слова: "Ты хотя и маленькая, а всё же должна знать, что хорошо, а что плохо. И прежде чем совершить какой-либо поступок, надо как следует подумать. Иди и думай, всё ли в твоей жизни так, как это должно быть".

Отойдя от стола, малышка медленно, уныло направилась к двери. Она Напряжённо думала - мысли роились в её маленькой головке. Мама, как всегда, была на работе, а девочка оставалась дома за хозяйку, и ей казалось, что вот сейчас она переделает все посильные дела - и на улицу, к подружкам. Но дела как-то не убавлялись, а наоборот. Так и солнышко незаметно садилось, и мама возвратилась с работы. И, увидев порядок в доме, да и во дворе, гладила её по головке и говорила: "Ты у меня как взрослая, спасибо тебе! Сегодня я могу позволить себе отдохнуть. Вон сколько ты на огороде картошки прополола!"

Так продолжалось не день и не два, это вошло в привычку - радовать маму. Маленькое сердечко Насти уже тогда понимало, как тяжело жилось её маме, оставшейся круглой сиротой вот в таком же возрасте, как и она.

Шло время... И она снова, оставшись одна дома, подходила к столу и смотрела в очи Спасителя. И на этот раз она видела улыбающийся и совсем не строгий взгляд, в нём отражалась безграничная любовь. И девочка радостно выбегала на улицу. Ей хотелось рассказать друзьям о том, что у неё есть учитель, который ведет её по жизни. Но тут же, спохватившись, умолкала. Зачем рассказывать? Это её тайна.

Кто подсказал этой крохе такой способ самовоспитания - тоже тайна. Но как хорошо, что она была, эта тайна!

эолова арфа

Владимир Орлов

СТИХИ

Владимир Борисович Орлов - поэт, прозаик - родился в 1951 г. в г. Рязске Рязанской области, занимается врачебной, литературной и общественной деятельностью, автор трех поэтических сборников: "Русь извечная" (2000 г.), "Иерусалимские холмы" (2002 г.), "Холст времен" (2006 г.) и ряда прозаических произведений (повесть-притча "Аграфена" и др.). Орлов В. Б. - главный редактор нового рязанского литературно-художественного и культурно-исторического журнала "Напутствие", председатель Рязанского регионального отделения Союза российских писателей. Автор является членом международного общества дружбы "Рязань (Россия) - Брессюир (Франция)".

РЯЗАНЩИНА

В поле вешем колючий татарник
настороженно смотрит в д?ли.
И не здесь ли ордынский всадник
дождался привычной дани?

Но из пепла проросшие бармы
прославляют скань и финифть -
красота залечила шрамы,
по-лебяжьи в веках ей плыть.

Одинок идущий странник
с прозорливым небесным взглядом,
как когда-то Андрей Первозванный,
путь свершает к вере и правде.

А в садах загустевших - мёдом
пахнет дивно на яблочный Спас...
И раздолье Руси - за порогом,
и не нужно чужих прикрас...

Говорят, здесь душа России
распахнулась во весь небосвод...
А в заснувших заводях синих
народилось так много звёзд...

Поутихли на вольнице кони,
стали редкими их табуны...
Но живыми останутся корни
древнерусской родной стороны.

ВРЕМЯ-РЫБА

Нам время-рыба блещет чешуёй
и отзеркаливает в колебанье бликов
всё сущее, сверкающей волной, -
от царств до звёзд, от мала до велика.

проза и поэзия страны берёзового ситца

И лист, качнувшийся на ветке, - упадёт;
и жизнь последние расставит метки,
и таинство исхода жрицей подойдёт,
всё завершая и смежая веки,
однажды и единожды, навеки...

А время-рыба с равнодушной немотой
пронзает бренное, как призрачные стены,
и все часы миров - никчёмное ничто,
и стрелки циферблатные в них - тени.

Мы не просители безвольные у жизни,
давно забывшие свой род и племя, -
нас жить упрямо приучили кремни,
в трудах своё мы сотворяем время...

ПАТЕТИКА

Т. С. Полищук

... Что ж, патетика, милою дурочкой
разлагольствуешь так неуёмно -
в колпаке шутовском и при дудочке
возомнила себя путеводной?!
... Ах, какая смешная особа -
обрядилась в наряды яркие -
ты павлину сейчас уподоблена,
странно действо твоё балаганное.
Что важнее - игра или искренность?
Что первично в тебе и что истинно?
На лице и устах твоих - выпренность,
и желаешь в других ты - близости...
Но уйдешь ты - и мертвенно-бледно
краски жизни тотчас остынут,
и останется - чёрно-белое,
словно свет изнутри кем-то вынут.

МОЛОДОЕ ВИНО

...Вино созрело -
в чародействе снов,
во тьме, в узилище неволи,
ещё не зная опьянения слов,
людской неверности и боли,
ещё не ведая, что лучшая в нас новь
под именем одним живёт - Любовь.

элова арфа

Вино созрело -
и весенне осветилось вдруг,
как будто бы преодолело
угрозы для лозы всех выюг,
как будто бы переболело
неверием в само себя,
как будто бы запеть хотело
в тебе, тобою, для тебя...

Вино созрело -
свой набирая аромат и дух,
готовясь расплескаться смело
весёлым смехом дев и молодых...

Вино созрело -
обратившись в слух:
ещё не праздник ли?
Ужель завечерело
и тайное свидание для двух
сейчас припело?

Вино созрело...

ФЛАМЕНКО

Зажигательный ритм фламенко
ослепляет вечер мгновенно:
над старинной гулкой брусчаткой
пламенеет платье испанки,
что подобна лани осанкой...
Брошь - поющая птица над веткой
из туманной оливковой роши -
взор единственный манит на свете
в суете многолюдной площади.
А любовь - несказанна и вечна -
вихрем танца округу полощет,
отлетело время беспечное -
только страсть огневая пророчит.
Смоль волос - как дарение ночи,
обещает укрыть сокровенное...
Обжигает любовь. А всё прочее -
не имеет теперь значения...

ВЕЕР

Веером шёлковых слов
ты навсегда отгорожена,

проза и поэзия страны берёзового ситца

только в свидании снов
прикосновеенье возможно...

Сумрак искрящейся ночи -
твои предвещают ресницы...
Соткано время из горечи,
дни в нём пленённые птицы.

Веер расцветенных слов -
как запах восточных кофеен:
близок тайны покров,
но ветром ответ развеян...

Абрис запретов строгих
бесчувственной тенью витает.
Полог меж нами... Полог -
невидимый и нетканый...

РАССВЕТ

Летающий зимородок низко
туман прошил цветной стрелой
и след небесно-бирюзовый
метнул в безбрежность пред зарёй...

Проснулся ветер, почивавший
у дальних вётел одиноко,
и путник первый, не уставший,
идёт дороною знакомой...

А солнце - самородок света -
хоругвь возносит над долиной.
Креститесь в храме небосвода -
за правду, с верой триединой...

ВСЕМУ - СВОЁ

Время лики и сцены свои разложило:
смех пузырится на губках ребёнка,
в лезвие вжалось желанье точила,
жёлтым пятном обнажилась кувшинка,
томно в беседке милуется пара,
не горит на воре соболиная шапка,
пьяный бредёт и валко, и шатко,
чайник вскипел и волнуется паром,
слон убегает - вслед грозная шавка,

элова арфа

ветка сухая от древа отпала
 и тихую стала, как мышка-полёвка,
 ползёт-поспешает куда-то бронзовка,
 пчела устремилась к цветку за нектаром...
 И, кажется, день проживу я недаром?
 А утро всему (как цветная заставка) -
 глянец наводит редакторской правкой...
 Вдруг рядом - кого-то навечно не стало,
 и мрамором стынет височная жила,
 и боль тишину бытия разможила:
 нам много дано, но как мало мы жили,
 как быстро из чаши своё мы испили!
 И выбора нет, и утеряны крылья...
 А мельница лет, всё не зная бессилья,
 свершает своё отрешённо из были...
 Проносится жизнь, словно конная лава...
 А слава? - Чёрт с нею! Она же шалава!
 А боль в западню загоняет - облава! -
 то сердце, как в саван, тоска зашивает
 и песни мои на кострище сжигает,
 вливаясь в меня неизбывной отравой, -
 так, видно, ей надо своё творить право...
 И в хор многозвучный сливается жизнь,
 и кто-то - кумир, кто-то - падает вниз.
 И, словно неожиданный, нечаянный приз, -
 сквозь сумрак услышу: "Не оступись..."
 И с трепетной верой, как с жизнью
 свиданья,
 я нового века приму достоянье.

ИЮЛЬ

Галунами пижмы золотыми
 луговины расшивал июль...
 И простор, как чудный храм отныне.
 Сказы пела птица Гамаюн...

Маревом стозвонным плещет день -
 морем зноя полнится округа.
 Кроткая и вкрадчивая тень
 прячется от солнечного плуга...

проза и поэзия страны берёзового ситца

Ольга Сидорова

СТИХИ

Ольга Сидорова родилась в Германии, в семье военнослужащего, живёт в Рязани. В 1974 году окончила Рязанское художественное училище. Печатается с 80-х годов. Дебютировала как поэтесса в областной рязанской газете "Приокская правда", печаталась в "Литературной газете", в журналах "Меценат и мир", "Утро", в альманахах "Вся королевская рать", "Литературная Рязань" и др. Автор-составитель сборника стихов рязанских поэтов "Нерифмованный вольный..." Автор поэтических книг "Лиственный дом" (1996 г.), "Табун Пегасов" (2001 г.), "И летит за мною облако" (2004 г.), а также автор диалогии "Время нелюбви" и "Время любви" (2009, 2011 гг.). Лауреат 2-го городского конкурса "Рязанский венок Есенину", обладатель Государственной стипендии министерства культуры РФ 2010 года. Член Союза Российских писателей.

"ЯПОНСКАЯ КУКЛА"

Перед картиной Б. Кустодиева

А девочка играет с куклой
 На подоконнике родного дома.
 А за окошком - сад иль парк,
 Что вырублен давно...
 Наверно, куклы нет,
 А девочки - подавно...
 Но есть картина.
 И на ней:
 Всё так же девочка играет
 С японской куклой:

Она побоялась, она побоялась
 Стать <анной на шее>, стать розой на платье
 И жизнь прожила, на себя лишь надеясь,
 Немножко на облаке, немножко в объятьях!

Немножко в объятьях двадцатого века,
 Что всем приготовил картофельный ужин.
 Он мог быть бы лучше, он мог быть бы хуже,
 Но стал он прошедшим и больше не нужен.

Он больше не нужен, он больше не нужен,
 Остался он в письмах проставленной датой,
 И в книжке расчётной цифрой квартплаты.
 Остался он только прожитым прошлым.

Остался он только прожитым прошлым,
 Написанной книгой, непостроенным домом:

эолова арфа

Остался утратой - могилой на взгорье,
Остался он комом в запершенном горле:

Дожить до июня, до буден,
Сияющих праздничной яхтой,
Сменившей тело утёнка
На гибкое, женское тело.

До солнца, всходящего нимбом,
Над головою кудрявой!
До нитки осеннего счастья,
Надетого ожерельем.

Прощай, моё лето! И лёгкость
Случайной руки на коленях!
И брошенного ребёнка,
Как и тебя, пожелаю:

Я снимала с себя
Платье твоих касаний и поцелуев,
Ночных разговоров и полдневного жара,
Неожиданной нежности и темноты:
Я снимала с себя
Радость, как наваждение,
Лёгкость, как дымку,
Раскованность, как маску,
Наполненность, как пустоту:
Но трезвости уступали они дорогу.
Настойчиво брела она вслед и шептала:
Это лиственный дом, не надейся:
И вот я снимаю с себя
Платье нашей любви:

А. С. Пушкину

И в проступающем тумане
Годами смытого листа
Всплывут привычно очертанья
Свечей и лиц. Зебрстая верста

Опять укажет путь - неблизкий и нетленный,
Туда, за край земли, в объятия вселенной,

проза и поэзия страны берёзового ситца

Где торжествует мысль, где властвует мечта,
Где оживает стих в глуби немого рта...

Навечно недописанная строчка.
На краешке бумаги белой - Псков...
На ней всё ставится и уплывает точка
Ползьями несущихся возков...

Н. Рубцову

"Не желей ты листья, не желей,
А желей любовь мою и нежность".

Н. Рубцов

Нежность, спрятанная в пальцах,
В пальцах стиснутое Время,
Время - пальцами на пяльцах -
Всадника стальное Стремя -

Стремя жизни новой, старой,
Когда всё перемешалось:
...Так не думай: что осталось?
Думай, что осталась нежность.

ДЕРЕВЕНСКОЙ СОБАКЕ

По - снегу, по - лыжному следу
Меж сосен, холмов и оврагов,
За мною бежит тот, кто предан,
И нам хорошо, что мы - рядом!
И весь он - азарт и движенье,
Собачьей любви напряженье,
Так люди не могут любить!
Бежит он по белому свету,
Что лучше, пожалуй, и нету,
Пока его схватит за горло
Обычная, тварная жизнь...
...И кинут в сугроб, как полено,
Не тело, что тленно и бренно,
А душу, что дом сторожит...

МОРОЗНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Морозное воскресенье.
Белый квадрат двора.

эолова арфа

Свеже-коричневы пятна
От вычищенного ковра.
Протоптанная тропинка -
Наискосок, до ворот,
Смахнула рукой снежинки
С почтового ящика в рот,
И дальше - в объятья улиц,
Где встречных людей толпа...

...И прогрустит до вечера
Белый квадрат двора.

Мелом
Нарисованная
Лошадка
Всем улыбается
Сладко-пресладко.
Глазом косит,
Гривою машет,
К людям идёт:
Говорят ей -
Не наша!

Она всюду гуляет
Денно и ночью.
Она забывает,
Где небо, где почва.
Она - это всё,
Что мне остаётся...
Эта лошадка -
Пегасом зовётся...

проза и поэзия страны берёзового ситца

Сергей Азинцев

СТИХИ

Сергей Азинцев родился в 1941 году в г. Белово Кемеровской области. Физик, доктор наук, профессор. Печатался в альманахе "Соло", в журналах "Нева", "Московский вестник", "Меценат и мир", в "Литературной газете" и т. д. Автор восьми книг, вышедших в московских и рязанских издательствах (романы, рассказы, прозаические и поэтические миниатюры, философское эссе, афоризмы, стихи). Член Союза российских писателей. Лауреат литературной премии им. Я. П. Полонского в номинации "Проза". Живет в Рязани.

Я был и книжник, и шалун,
Я был трибун, слепец и гений,
Но, обновляясь, много лун
Взошло над безднами сомнений...

Я пел, искал и бормотал,
Ловил концы - связать пытался. -
Зачем, зачем же я устал,
Под ветром перепутав галсы?

Зачем ресницами пленён,
Зачем мне душу рвут метели?
Зачем же облетевший клён
Набухнет почками к апрелю?

Какой я истины просил,
Кому я пел и с чем остался?
Зачем, зачем так много сил
Ушло, чтоб перепутать галсы?

Я стал никем, потом - ничем,
Под шёпот Неба плещут плёсы,
И только лишь моё "зачем?"
В потомках эхом раздаётся.

ПРИБОЙ

Прибой фильтрует сгустки янтаря,
Глубинным дразнит золотом даров,
А чайка над душой кричит не зря -
Чтобы на Суд был к полночи готов...

Волнуется и день, и ночь прибой,
Внимая глубине и звездам над собой.

элова арфа

Прибой души пророчит нам безумства,
Вскипая и вослед срываясь вниз,
До звездных далей силясь дотянуться -
До таинств и краев Господних риз...

В восторге ужаса беснуется прибой -
С провалами и небом над собой.

Катая годы, галечную малость,
Как Агасфер, не обрета причала, -
Дельфином редким побуждает радость,
А водорослью всколыхнет печаль...

И день, и ночь кипит во мне прибой
Меж бездной глубины и неба глубиной.

Прибой вольнолюбив, не терпит лоций,
И если шквал любви мне не дает уснуть,
То обречен: ведь шаткий челн эмоций
Не может парусом нащупать верный путь...

Под ветра вой гудит во мне прибой,
Пока не выбросит изжеванной щепой.

НА СКАМЬЕ

Окурок жизни тихо докурю,
Темнеет день, затихли все вокзалы -
Из россыпи небесной слишком мало
Я взял, но поздно звать зарю...

"А как же дом, и яблоня с дитём?" -
Подсядет бомж (других святых не дали),
Но я смотрю недоуменно в дали:
Ведь он толкует вовсе не о том...

Здесь впору - обезличенный полет,
Когда в объятьях исчезают двое -
Внутри и вне, - но конь стоит под Троей,
Чтобы в истории осталось: "не везёт!"

Здесь впору - бесконечной глубины
Мелькающие изредка провалы,
Но их на круг выходит слишком мало
Да и запомнились не более, чем сны...

проза и поэзия страны берёзового ситца

И бомж вздохнул, для нимба взял луну, -
Глаза его, как блюда, удлинены...
Довольствуется "неопределенным" -
Прописка в доме прячет сатану...

Теперь окурочок тихо докурю,
Уж для меня закрыты все вокзалы,
А свет... Но как его ни мало,
Он - жизнь: я все ещё смотрю.

Живуча тень от башни Вавилона:
Любовный шепот каждому знаком,
Язык синицы, мартовские звоны
И гимн меж сосен солнечной колонны,
И звонкий крик не сброшенных оков...

В раздразе волки розни Вавилона,
Рассясь по миру всеместно, насовсем:
Чем общий Путь, как и во время оно,
Им веселей страдания и стоны -
Язык всеобщий - строчки АКМ.

А все ж живуча башня Вавилона:
Даже не зная, колокол по ком,
Услышишь Небо, щель земного лона,
И ложь, и тон прощения с амвона -
Они остались общим языком...

Что за народ, куда давалась лира?
Кто сможет через страсти и века
Поведать тихо городу и миру
Ту весть, что устремит за облака?

Георгин, как непричесанная дама,
Растопырил темных прядей пук,
И спросонья ты - в оконной раме,
Облупившейся без мужних рук.

В этом сне к тебе вернулись косы
И его полузабытый лик,
Но теперь в зрачок вцепилась осень,
А в молчание - вороний крик.

проза и поэзия страны берёзового ситца

Нам говорят: "В начале было Слово" -
Оно одно останется в конце...

Стоит карельская сосна,
Как цапля, посреди залива:
Поправ четыре валуна
Своим подножием, пугливо
Косит с высокой синевы
На лодку, что втащили вы
К дикарке, ноги промолив,
И, отстраненная, молчит.

БЕЛАЯ НОЧЬ

В белесой тишине зеленый Зимний -
С галантной старомодностью лепнины -
Рискнул во дворик пригласить сирень,
Чтоб вместе перепутать ночь и день,
Придя к Неве с ней по брусчатке синей.

Владимир Пустовитовский

Проза. Книга в альманахе

Владимир Ефимович Пустовитовский - поэт "потерянного поколения", родился и живёт в Москве, стихи начал писать уже в зрелом возрасте. Печатался в альманахе "Истоки", и не только там. Выпустил несколько сборников. Член Союза писателей России.

В альманахе "Эолова арфа" Владимир Пустовитовский дебютирует как прозаик. Его рассказы - это лирические этюды, в которых он исследует тонкие материи души человека с их трепетной вибрацией, и его психологию, и его потаённые желания, и сложнейшие нюансы его чувств, и его скрытые, подавляемые им в себе, любовные инстинкты. Автор прекрасно владеет пером. Язык произведений Владимира Пустовитовского - ясный, прозрачный, чистый, но не дистиллированный, а насыщенный и обогащённый разными элементами современного языка, новыми словами и терминами, органичными для этих произведений и обозначающими новые современные реалии жизни, и делают прозу автора очень выразительной в художественном отношении и очень своеобразной и привлекательной. Поэт всегда - поэт, независимо оттого, что он пишет, стихи или прозу. И Владимир Пустовитовский в своей прозе остаётся поэтом, но реализовывает себя в новом жанре и в новом качестве, к тому же с успехом, с которым можно только поздравить этого универсально талантливого автора, и читателей "Эоловой арфы", которые будут читать его и получать читательское удовольствие.

Нина КРАСНОВА,
6 июля 2012 г.

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Часть I

Я стоял на балконе двенадцатого этажа и смотрел на Полярную звезду. Рядом со мной стоял давний приятель и об ступеньку железной лестницы открывал бутылку пива.

- По этой лестнице можно забраться на крышу, она проходит через балконы нашего стояка, - сказал Гордей, - в следующий раз устроим пивной день под небом.

Я не слушал его.

- Разорви молчание отшельницы, - просил я у Полярной звезды, и она отвечала, - сними меня с неба, не могу прибывать в одиночестве.

- Я не сделаю этого. Два одиночества невыносимее одного.

В ответ на мои слова далёкое дыхание звезды в объятиях вечерней грусти долетело до меня. Наш диалог оборвал Гордей. Он протянул мне открытую бутылку, на её горлышке возвышалась белая шапочка пены. Сделав несколько глотков, я вернул бутылку обратно.

- И это всё, на что ты способен, - упрекнул меня кореш. Он плеснул через край балкона живительную горечь ячменного хмеля, обтёр ладонью мокрое горлышко и присосался к посудине. Острый кадык над расстёгнутым воротником рубашки, словно запущенный механизм, равномерно поднимался и опускался. Через минуту рядом с батареей пустых бутылок на бетонный пол балкона встала ещё одна.

владимир пустовитовский книга в альманахе

- Последнюю посудину я осушил за четыре глотка, - гордо произнёс приятель, - правда она была не полная, но всё равно это победа.

- "Самая большая победа - это признание собственного поражения", - процитировал я кого-то из классиков.

- Опять ты с философией лезешь, - заворчал Гордей, - она сужает горизонты блаженного неведения.

Через стеклянную дверь общего балкона до нас доносился слабый гул снующего по этажам лифта. На площадке послышался шум открывающихся створок. Из кабины лифта вышла женщина и направилась к нам.

- Я не поняла, кто из вас поливает меня сверху, как цветок? - раздался воинственный голос. Перед нами стояла особа средних лет. Откидывая тяжёлую прядь волос на затылок, она смотрела то на Гордея, то на меня. Её глаза сверкали, как ночное небо в грозу.

- Это не мы. Это не я, - промямлил приятель.

- Это ты, - сказала женщина, обращаясь ко мне. От неожиданного вывода я сделал шаг назад и упёрся спиной в высокие перила балкона, за которыми начиналась пустота. Видя, что громы и молнии, обрушенные на меня, оказали устрашающее воздействие, незнакомка продолжила, - сейчас ты идёшь со мной, и я вручу тебе испорченную кофту. А завтра, постиранную и отглаженную, ты вернёшь её мне.

Женщина настолько была уверена в себе, что спускаясь по ступенькам, она не оборачиваясь. Она не сомневалась, что я иду следом.

Испорченную кофту я принёс домой и бросил в угол. Свернувшись комочком, она, подобно обиженному котёнку, легла у дверей на полу.

- Дура, - подумал я, - отдала незнакомому человеку вещь и решила, что я её стираю и верну.

Наскоро, как Господь Землю, я сотворил себе бутерброды и сел ужинать у экрана телевизора. Голодный желудок неразборчив, поэтому хлеб с колбасой исчезал в моей утробе вместе с кока-колой.

Следующий вечер прошёл без приключений. И тот вечер, который следует за ним - тоже. Проходя мимо кофты, превратившейся в пыльную тряпку, я с каждым разом был ближе и ближе к мысли, что надо спустить её в мусоропровод. Подойдя вплотную к моменту исполнения родившегося в глубине сознания предложения, я снял трубку зазвонившего телефона.

- Привет, это Гордей.

- Да, привет.

- Ты постирал кофту полоумной бабы?

Мне было стыдно, что я шёл за женщиной, как ослик на поводке, хотелось взять реванш над минутной трусостью.

- Я что? Похож на больного? - сказал я.

- Ты молодец, - похвалил меня приятель, - я сейчас возьму пиво и - к тебе.

Через полчаса зазвонила дверь. Захлёбываясь в соловьиных трелях, она настаивала, чтобы её открыли. Откликаясь на требования, я повернул язычок замка и распахнул деревянную конструкцию, разделяющую

эолова арфа

меня и гостя. Передо мной стояла она, "полоумная баба". Не дожидаясь приглашения, она переступила порог и замерла, уперев руки в бока.

- Я чего-то не поняла, прошло два дня, а свою вещь я не получила?

На этот раз метательница молний не была столь грозной, она лишь хотела такой казаться. Об этом сообщал её голос. В проёме двери полутьма прихожей стёрла черты лица, оставив только стройное очертание силуэта.

- Где у тебя свет? - спросила женщина. Не дожидаясь ответа, она нащупала шнурок выключателя и с силой дёрнула его. Незваную гостью облила светом лампочка Ильича. Её окружали облупленная на потолке штукатурка, пузырящиеся на стенах обои. Под яркие лучи лампочки попала и скукожившаяся в пыльном углу кофта. Не задавая вопросов, женщина взяла своё сокровище.

- Идём, - сказала она, и, словно ослик на верёвочке, я пошёл за нею.

В прошлый раз я стоял в коридоре и ждал, когда женщина переоденется и вынесет испорченную вещь. В этот раз всё было иначе. Пройдя два десятка ступенек вниз, я попал в другое измерение. Широкий коридор в стиле деревянного зодчества заканчивался ванной комнатой. Оставив меня один на один с тазиком и стиральным порошком, женщина ушла.

Ссутулившись над стиральной доской с мыльной водою и облокотившись на стиральную машину с электронной начинкой, я начал вспоминать тайны ремесла прачки.

- Какие успехи, - спросила хозяйка спустя час.

Провожая меня до обитых кожей дверей и отпуская с Богом, эксплуататор сказала:

- Завтра жду на глажку.

На следующий день под женским конвоем я снова был доставлен в хоромы. Со словами:

- Гладь! - я получил утюг и гладильную доску. Осваивая игрушку с яркими лампочками и компьютером на ручке, мне казалось, что я быстрее разобрался бы в пульте управления космического корабля или летающей тарелки, чем в этом приспособление для глажки белья. Прожжённая на рукаве дыра стала результатом всех стараний.

- Прощай беззаботная жизнь, - думал я, - мне отсюда не выйти.

Достав из столешницы ножницы, я начал резать кофту. Я растягивал удовольствие, вырезая птичек и бабочек. Одну бабочку я посадил на кухонный шкаф, другую на пенал. На холодильник я посадил соловья.

За стараниями я не заметил, как на кухню вошла незнакомка. Она прижимала к себе два огромных бумажных пакета. Из одного торчала французская булка, бутылка рома, батон сервелата. Второй пакет, казалось, сейчас лопнет, он был надут продуктами как резиновый шар воздухом.

Ник, - сказала она, - тебя так зовут друзья? - убирай свои рукоделия и накрывай на стол.

Голос, этот голос я уже слышал? Я хотел, чтобы незнакомка сказала ещё несколько слов. Но женщина, положив на стол пакеты, вышла. Про-

владимир пустовитовский книга в альманахе

бираясь на цыпочках, я открыл кухонную дверь и стал красться к уличной. Сложная комбинация дверных замков не поддавалась привычной логике.

- Меня зовут Лена, но мне больше нравится, когда зовут Элен, - прозвучало за спиной. Я узнал этот голос. Я повернулся и оказался в замешательстве: знакомый голос принадлежал другой женщине.

- Ты на стол накрыл? - спросила она.

- Накрыл, - соврал я, не соображая, что буду уличён.

- Приглашаю, - сказала Элен.

Доставая содержимое раздутых щедростью Элен пакетов, я пытался понять, что происходит. В данном уравнении для начального класса что-то не состыковывалось. Женщина вела себя так, словно мы были закадычные приятели. Через полчаса я отдался полностью на волю обстоятельств. Я вливал в себя обжигающий горло ром и закусывал тонким ломтиком хлеба, утяжелённым внушительной горкой чёрной икры.

- Сейчас мы пойдём гулять по крышам, - на полном серьёзе сказала женщина.

- Не могу, - ответил я, посмотрев в окна, завешенные с улицы темной ночью.

- Почему?

- Потому что у меня в глазах прыгают предметы. Потолок и пол менялись местами. Холодильник, так вообще постоянно падает на меня. Я, кажется, пьян.

- А я?

- Что - я?

- Я не прыгаю в твоих глазах?

Я протянул руку. Расставленные пальцы прошли рядом, не касаясь Элен.

Элен вскочила с места и потянула меня за собой:

- Ничего страшного, пошли, для меня это важно.

Мы вышли на лестничную площадку. Лифт, уставший рыскать по этажам, дремал в бетонном колодце. Тёплый весенний ветерок, страдая от статуса невидимки, хлопал стеклянной дверью, ведущей на балкон. На улице, украшая звёздное небо приплюснутым профилем, за нами следил месяц. Ухватившись за железные перила, я взобрался на лестницу, ведущую на крышу. Элен подала руку, и я без труда притянул женщину к себе. Напарница в юбке и туфлях не сделала и шага, как тонкие шпильки каблучков провалились в металлические пластины ступеньки. Элен дёрнула ногой и высокий каблук, отскочив от подошвы, полетел вниз, ударяясь о металлическую конструкцию. Второй каблук мы отломали сами. Медленно поднимаясь по ступеням и держась за круглые перила, мы оказались на крыше. Плоская площадка многоэтажного дома ещё отдавала тепло, накопленное за день. Поднявшийся ветер гудел в ушах. Где-то рядом мяукали кошки. Элен сняла туфли и подошла к краю. Маленький бордюрик отделял её от тёмного колодца двора.

- Тебе не страшно? - спросил я.

элова арфа

- Мне прекрасно, - сказала она и швырнула в темноту туфли. - Иди ко мне, - добавила женщина.

- Не могу, у меня крыша едет под ногами.

- Пустяки, - Элен схватила меня за рукав и потащила.

- Ты хочешь моей смерти, - сопротивлялся я.

- Если понадобится, то и смерти, - засмеялась Элен.

Подойдя к бордюру, я закрыл глаза. Мне казалось, что я лечу вниз вместе с домом. Я хотел взять за руку Элен, но она отошла в сторону, чтобы я не мог до неё дотянуться.

- Пойдём прыгать с крыши на крышу, - сказала она, входя в азарт мартовской ночи.

- Только под страхом расстрела, - сопротивлялся я.

- На, прогони страх, - сказала Элен и сунула мне в руку недопитую бутылку рома.

Обжигая горло, я осушил остатки огненной воды. Голова закружилась сильнее, а по венам побежал кураж.

- Идём прыгать, - согласился я, - только показывай, где земля, где небо. Входя в тень чердачной надстройки, я наступил кому-то на хвост. С истеричным мяуканьем из-под ноги выскочил кот и пропал в узкой щели приколоченных к надстройке досок. Следом за ним в крошечную тьму чердака сиганула его подружка, затащенная на крышу зовом природы.

- Спаси и сохрани, - застряло в груди.

Угол соседнего дома упирался в угол нашей многоэтажки, но был на целый этаж ниже. "Раздумья делают нас трусами", - я процитировал Шекспира и, сгруппировавшись, прыгнул.

- Теперь я, - крикнула Элен, - лови.

- Сумасшедшая, - крикнул я и расставил руки.

Всем телом она ударила меня в грудь и, свалившись на рубероид, мы покатались, пока не ударились о бордюр. Элен расшибла коленку, а я подвернул ногу и забил глаза пылью.

- Что случилось? - спросила Элен, останавливая платком на коленке кровь.

- Весенняя звезда, падая с неба, угодила в глаз.

- Не обманывай себя, это не звезда, это обычная соринка. Идти можешь?

Я попытался встать. Острая боль прошла по ноге. Элен села на рубероид, положила мою голову себе на колени.

Приплюснутый профиль месяца скрылся за дальним небоскрёбом. Огоньки ярких звёзд задул не стихающий ветер.

- Элен, зачем ты устроила эту прогулку? - спросил я, упираясь головой в её тёплый живот.

- Это нужно не мне, это нужно повести, которую я пишу.

- А причём тут я?

- Твой друг Гордей сказал, что ты пишешь рассказы. Ты должен мне помочь. Ты согласен?

- Согласен!

владимир пустовитовский книга в альманахе

Элен, забыв, что моя голова лежит на её коленях, босиком, в разорванной юбке и с перевязанным коленом вскочила. На освещённой первыми лучами солнца крыше она, пританцовывая, закружила вокруг меня.

- Так это твою кофту я изрезал на птиц и бабочек?

- Мою.

- Но ведь... - не успел я задать вопрос, как Элен ответила:

- Если женщина захочет, она за один день помолодеет на двадцать лет.

Часть 2

"Меланхолик примет за трагедию то, в чём сангвиник увидит лишь интересный инцидент, а флегматик - нечто, не заслуживающее внимания" - вспоминая выводы философа, я хотел изменить природу сущности. Но сангвиник из меня получался сомнительный, а флегматик - никудышный. Поэтому, лёжа с вывихнутой ногою на диване, меланхолик изучал облупленную штукатурку на потолке и висящую на одной петле дверцу платяного шкафа. Об Элен я старался не думать. После ночи, проведённой на крыше, я больше не видел её. Конечно, я был зол, но признаться в этом не решался. В открытое окно проникали чувственные оттенки майского вечера. Залетавший с улицы ветер поднимал параллельно полу шторы из грубой мешковины. В маленькую комнату постепенно начинали проникать тени от предметов. Читать надоело, мечтать наскучило, строить планы не было желания. Неожиданно ураганный ветер, влетев в окно, оборвал мысли. Неся первые капли дождя, он смёл со стола рукописи. Открыл толстую книгу и начал листать страницы. Потом опрокинул деревянный стул, раскорячившийся посередине комнаты. Вскочив с дивана, я допрыгал на одной ноге до окна. На улице уже, отстукивая барабанную дробь по опустевшим мостовым, шёл весенний дождь. Казалось, что земля слилась с небом, и только редкие зигзаги молний, отрываясь от чёрных туч, говорили о ложности гипотезы.

Подставляя лицо дождевым брызгам, я соединил створки окна и, упёршись лбом в крест оконной рамы, стал разглядывать залитый дождём двор.

Зазвонил телефон. Мембрана трубки виноватым голосом сказала:

- Это Элен. Ты ждал моего звонка?

Я готовился к запоздалому звонку и заранее знал ответ, но, услышав знакомый голос, голова забыла выученный текст.

- Наше соглашение остаётся в силе? - продолжила она.

- Какое соглашение?

- Заключённое на крыше.

Хотелось сказать что-нибудь обидное и бросить трубку.

- Я иду к тебе, - сказала Элен.

Глядя на пластинку засохшей штукатурки, упавшей с потолка на диван и разлетевшейся на мелкие кусочки, я придумывал ей наказание:

- Я открою дверь, если ты будешь в туфлях на шпильке, в короткой юбке и без нижнего белья, - сказал и положил трубку.

элова арфа

Через пять минут тёмную комнату наполнили трели звонка. Перевернув ручкой вниз швабру и опираясь на неё, я допрыгал до прихожей и открыл дверь.

- Привет Ник, - в дверях стоял Гордей, - я принёс молоко и хлеб, - сказал он, потом добавил, - и ещё пиво.

- Заходи, - сказал я.

Поставив на место перевёрнутый стул, Гордей сел и открыл две бутылки пива. Одну протянул мне, другую прижал к своим губам и поднял над головой, словно горнист собирающийся дудеть в горн. Содержимое бутылки, булькая в стеклянной ёмкости, Ниагарским водопадом залетело, в распахнутое настезь горло приятеля.

- К тебе полоумная не заходила? - ставя пустую посудину на пол, спросил Гордей.

- Какая полоумная?

- Ну та, которая заставила тебя свои шмотки стирать.

- Нет.

- Она на следующий день меня на улице встретила, о тебе расспрашивала: "где живёшь, как зовут, чем занимаешься".

- И ты ей сказал? - спросил я.

- Я был безмолвен, как покойник в гробу.

Я посмотрел на приятеля. Темнота, опустившаяся на улицу и проникающая в закрытые стёкла окна, коснулась его лица и придала Гордею вид покойника.

- Ты кого-то ждёшь? - отреагировал приятель на звонок в дверь.

- Нет, не жду.

- Лежи, я открою.

Гордей вскочил со стула и побежал на звонок. По дороге он дёрнул за шнурок выключателя, и трех рожковая люстра скупо осветила пятак комнаты одним уцелевшим в пьянках рожком. Из прихожей долетела короткая неразборчивая беседа. Уличная дверь захлопнулась и в комнату вошла блондинка с голубыми глазами. На ней были черные туфли на высокой шпильке, чёрная блуза и белая, до неприличия короткая, юбка.

- А вот и я, - сказала Элен.

На любителя живописи Джоконда не смогла бы произвести такого впечатления, какое на меня произвела вошедшая гостья.

- Ты меняешь возраст, цвет глаз и цвет волос, как фея в сказке, - вывралось из меня.

- Это принимать как комплимент или как упрёк?

- Как хочешь, так принимай.

- Да не сердись, Ник, - Элен села рядом. Увидев швабру, перевёрнутую кверху ногами и подпирающую подоконник, гостья аккуратно одним пальчиком столкнула её на пол, - я работала над повестью. Я - рабыня. Её воля - закон.

- Элен, ты говоришь о повести как о живом человеке.

- Она и есть живой человек.

владимир пустовитовский книга в альманахе

Я посмотрел Элен в глаза. Они были глубокой синевы моря. Казалось, что не хватает воздуха, чтобы вынырнуть из этой глубины, и она ташит на дно, не давая шансов на спасение.

- Тогда чем я обязан визиту?

- Нужна помощь.

- В чём?

- Я сама не знаю. Знаю только одно, что очень нужна.

Я посмотрел на загорелые ноги Элен, открытые почти до греховного места.

- А зачем этот фасон?

- Ты заказывал короткую юбку без нижнего белья.

- И как ты собираешься транспортировать калеку?

- Я куплю тебе костыли.

- Заманчиво. А со шваброй допрыгать не разрешается? Я к ней прирос.

Не отводя глаз от красивого лица, я видел внутреннюю борьбу. Неодписанная повесть требовала от избалованной роскошью красавицы опуститься на ступеньку моей неустроенности. Чистый лист бумаги, подобно океану, может нести воображение творца, словно караблик, раздувая паруса. Но так же он превращается в мёртвую гладь. И тогда паруса на мачте безжизненно провисают, и ты сходишь с ума от собственного бессилия. Это произошло и с Элен.

- Прыгай со шваброй, - сказала Элен.

Вспомнив о приятеле, я начал звать Гордея.

- Не зови, он ушёл.

Я посмотрел на Элен и поймал за хвост ускользающую мысль:

- Эта женщина не остановится ни перед чем.

Часть 3

Я сидел в кожаном кресле, тянул через соломинку пьяный коктейль и слушал Элен. Она читала написанную главу. Читала она великолепно. Моё внимание отвлекли дубовый паркет, на котором лежала шкура гепарда, кирпичная кладка стены, не закрытая обоями, кожаный диван, белее снега в горах, приглушённый свет резной люстры, журнальный столик и низкие стулья с мягкими подушками, потом камин с чугунной решёткой, и, конечно, огонь, засыпающий в камине.

- Тебе не интересно? - спросила Элен, отрываясь от чтения.

Я снова заставил себя слушать красивый голос. Видядвигающиеся губы писательницы, я думал: "Почему мне не интересно то, о чём она пишет?" - И вдруг открыл тайну, известную всем, кроме Элен, - грех, а не добродетель движет миром. Добродетель скучна, не скучны дороги к добродетели. Мои запретные мысли оборвала Элен. Она стояла, нависая надо мной как скала.

- Тебе не интересно? - спросила она.

Я понял, что посягнул на святое. Я не слушал исповедь души, евангелие раскаявшейся Магдалины. Такое не прощается. Элен была в ярос-

элова арфа

ти. Опираясь на подлокотники кресла, я вскочил и, стоя на одной ноге, положил ладони на плечи сердитой блондинки. Сильным движением я притянул её к себе и начал покрывать загорелое тело поцелуями. Женщина не сопротивлялась, она подставляла шею и щёки. Удивлённые губы открыли ряд белоснежных зубов. Но через несколько мгновений ущемлённый писатель взял верх над женщиной. Я почувствовал удар. Резкая боль со скоростью света побежала от паха к голове и тут же исчезла вместе с Элен, и журнальным столиком, и шкурой гепарда, и камином с засыпающим огнём...

Открыв глаза, я пытался понять, что произошло. Подо мною скрипел кожаный диван, рядом, рассыпав по подушке пряди волос, лежала женщина. Постепенно в темноте ночи, как на фотобумаге, стали проявляться предметы: журнальный столик с низкими стульями, камин, кресло. На полу, от проникающего в окно тусклого света, горели два огонька. Это были стеклянные глаза гепарда. Вспоминая, что случилось, я собрался одеться и уйти. В обозримой взгляду дали одежды не было видно, и только у окна стояли два новеньких костыля. Женщина проснулась и крепко обняла меня. Это была Элен.

За завтраком Элен рассказала сон:

- Мне снилось, что мир вернулся к началу времён и я ношу имя не Элен, а Ева. Я подхожу к древу познания и рву, но не один плод, а много плодов. Я ненасытно их кусаю, и мне открываются истины, границы добра и зла, - Элен замолчала, потом обдала меня взглядом синих глаз и добавила, - я решила, нам необходимо обокрасть квартиру.

- Какую квартиру? - заикаясь, спросил я.

- Я всё продумала, осталось подождать, когда ты сможешь ходить.

- Зачем тебе?

- Для познания новых ощущений, этого требует повесть.

"Вы, любите познания! Что вы сделали из любви к познаниям? Совершили ли вы кражу или убийство, чтобы узнать, каково на душе у вора и убийцы?",- процитировал я Ницше. Но Элен так глубоко ушла в свои мысли, что меня уже не слышала.

Конец

ЭШАФОТ

Очки, сидящие на носу, делали его нелепый вид ещё нелепей. Он смотрел на меня, как на бандерлога, и бубнил:

- Я дипломированный инженер, я не ошибаюсь. Прислоните ухо к холодильнику и убедитесь.

- Зачем мне прислонять ухо, если я знаю, что такого не может быть.

- Нет, вы прислоните!

Я прислонил ухо к холодильнику, но прислушаться было невозможно. По коридору ездил ребёнок на трехколёсном велосипеде и за всю

владимир пустовитовский книга в альманахе

красную армию махал шашкой. На кухне гремели тарелки, словно в оркестровой яме Большого театра, а в соседней комнате орал телевизор.

- Вы могли бы попросить соседей, что бы убавили громкость, - попросил я.

- Попробую.

Дипломированный инженер, как уличный фонарь, сутулясь высоко надо мной и отсвечивая стёклами очков, натянул до подмышек штаны, съехавшие в район впалой грудной клетки, прилизал на голове три волосинки и постучал в соседскую дверь.

- Софачка, убавьте на вашем телевизоре громкость на столько, чтобы я слышал биение вашего сердечка.

- А когда вы ко мне зайдёте?

- Сейчас поговорю с мастером и зайду.

Мы снова вместе с инженером приложили ухо к холодильнику.

- Вы слышите? Работает! - сказал инженер, держа в руке провод от холодильника.

В это время за другой дверью включили пылесос. Инженер посмотрел на меня и, поняв всё без слов, пошёл разбираться с хозяйкой пылесоса.

- Верочка, будьте так любезны, выключите ваш пылесос всего на пять минут.

- Доля, а вы ко мне зайдёте?

- Солнышко, конечно зайду, только с мастером поговорю.

Мы снова приложили ухо к холодильнику.

- Вы со мной не спорьте, холодильник к электричеству не подключен и все равно работает.

- Такого не может быть, - настаивал я.

- Но факт на лицо.

Я открыл дверь холодильника. Лампочка внутри была вырвана с проводами - свет не горел. Испаритель украшала огромная снежная шуба. А из шкафа шёл амбре знакомых московских помоек. Я был в растерянности. Как мне с неполным высшим образованием объяснить дипломированному инженеру, что холодильник без электричества работать не будет.

Из двери высунулись бигуди на женской головке.

- Фира, я сделаю телевизор чуточку погромче, я ещё не умею по губам читать, что они там за любовь говорят.

Через минуту высунулась из другой двери головка.

- Фира, так я включу пылесос, пыль в носу мне мозги щекочет.

Я понял, что тишины в коммунальной квартире не добиться. Я стоял, как полководец, сдающий врагу свою позицию, и искал этому оправдание. И я его нашёл.

- Знаете, что я хочу сказать, - начал я издали - холодильник к электричеству не подключен?

- Нет.

- А мотор работает.

- Работает, - повторял за мною инженер.

элова арфа

- И при этом морозит.
- Морозит.
- Так пользуйтесь своим железным чудом, и не платите деньги за электроэнергию.

- А вы говорили, что такого не может быть, - упрекнул меня инженер.
- Но если мы стали свидетелями феномена, значит может быть.

Инженер растянул счастливую улыбку, но тут же испугался свалившегося на него счастья.

- А за мною не придут?
- Если придут, покажите квитанцию, которую я вам выписал.
- Обязательно покажу.

Инженер натянул съехавшие на грудь штаны до подмышек и оголил волосатые ноги, торчащие из ботинок неизвестного размера.

Довольный своей находчивостью, я отправился мыть руки. Во дворе стоял эшафот. На нём, вместо плахи, красовался умывальник. По скрипучим деревянным ступенькам я поднялся наверх и включил воду. От ледяной струи, вырвавшейся с шумом из крана, по телу побежали мурашки.

Конец

ИСПОВЕДЬ ВОРИШКИ

Не знаю, у кого как, а мой спектакль начинается с антракта... Лежу я в Шанхае на мягкой простыне, чирикаю ляле о любви, хабарик докуриваю, а сам на выцветшие занавески пялюсь, и кажутся мне они не дешёвыми тряпочками, что в притонах болтаются, а тяжёлым занавесом, что в Большом театре висит.

- Перелезу через чесалку лялькину, - говорю я себе, - раздвину занавес и увижу волчке солнышко над ночным городом. А внизу перекрёстки в полосочку. Ханурики по тёмной ленте хилят. За дорогой чёлкина деревня спряталась. В неё фараон на арбе въехал. Поймал фунт дыма, а думает, вора списанного заныкал. Будет банки ставить.

А город наш сегодня особенно красивый. На улицах растяжки. С плакатов воры списанные на горожан тарашатся. Им бы в белую берёзу на нарах играть, а они берлогу делят. Я в церковь заходил, хотел Главному на кресте пару вопросов задать, но водолаз в рясе говорил:

- Приходи на исповедь, там и задашь.

После слов таких я впал в распятие, вдруг водолаз болото осиное прогонит, а истины не откроет. Я возражать начал, а он мне: "Шестёрка на подъёме, шевели рогами". Я хлеборезку от удивления открыл, значит, борода чукавая тоже из наших будет, по фени ботает. А он добавляет: "Возлюби ближнего, как себя самого", и смотрит так, будто я из деревянного тулупа вылез и стою перед ним тузом колыванским.

- Нет - думаю, - не прав он, во мне так много любви накопилось, и не только к ближнему, но и к дальнему. А после слов водолаза её ещё больше

владимир пустовитовский книга в альманахе

стало. Теперь я готов любую фиксу шофёрскую расцеловать, любого приезжего с фургоном на голове в хату пригласить, на столе шибан без плесени нарезать, горчиловку по ушастым разлить. Я теперь не то, что ближнего, всё народонаселение возлюбил. Но больше всего обожаю столицу мою. Когда удаётся у заезжей фиксы дурку сбить или у залётного фраера блёски с руки стянуть, я, от переполнения чувств, расцеловать могу.

За спиной бесовка в фарсунку сопит, словно на дудуке играет. Пойду поцелую её, пока спит.

Я подошёл, а она, как ребёнок, во сне улыбается. Она у меня хорошая, только до алтушков жадная. Я подумывать стал, - может, начать блины печь, но сосед, он за вшивик врагам вызвонит. Да и зачем в чужое дело впрягаться, если огольцы на руках, лишь сумочку у фиксы увидят, сами в неё по локоть прыгают. Да и как профессию менять, если первую кражу я в родильном доме совершил. Когда на Божий свет лез, у акушерки золотое кольцо с пальца своротил.

За окном волчье солнышко скрылось, блотной шарик выкатил. Мы с ним вместе на работу выходим, - ему на небо, а мне на три вокзала. Закрутил я гаврилку на шее, на ноги гнутики натянул. На дорожку в божницу помочился. И, вот, иду по улице, тёплый ветер в кронах деревьев таится, на проспекте растяжки треплет. Каждый дом мне знаком, каждое окошко дорого. За этим кореш жил, Семечкой звали. Он так по ширме бил, не то, что из брюк, из подштанников галюнок достанет. Не повезло, надели ему баранки на запястья. В чёлкиной деревне теперь библию в тридцать два листа изучает. А за этим окном Гагара живёт, ой, красивая. Её вывеска с глянцевых обложек не сходит. У неё гастролёр квартировался, они вместе дурь в газетку закручивали. Сейчас Гагара в депутаты тыркается - вологорка Тульская. А в этом подвале бандерша притон держит. Мы с нею, когда детьми были, в одном дворе росли. Она незрелым подросткам за вшивик чесалку показывала, а теперь в люди выбилась. Боже, какой город хороший, какие в нём люди милые.

Один подземный переход осталось перейти. На каком вокзале сегодня кости брошу? Не знаю. Вдоль стенки барабанщики загребала кверху ладошками тянут. Этим я не подаю. По афише видно, все вшивики на горчиловку спустят. Напрасно баланду им травить, бестолковку не отремонтируешь. А этому подам! Уж больно весело чувак на клавиши своей гармозы давит. Я знаю пятнадцать способов, как выдавить из себя слезу, а тут и выдавливать не надо, сама побежала. Прошёл я под землёю Авгиевы конюшни и оказался на Ленинградском. Он мне ближе дома родного. Домой никто грошик не принесёт, а тут они сами к тебе катятся. Подходит одна алюра, молодая симпатичная, одколоном пахнет, видно, весь фуфыр на себя вылила. Ей бы романы крутить, а она листовку суёт: "Голосуйте за Путина". С листовки пахан пятерню тянет: "Здрасьте, вам, я всем Рай на земле обещаю". Наверное, и его, как апостола Павла, Бог на время ослепил, - значит святой человек, хоть и пахан. Стою я, знакомые буквы под его вывеской отыскиваю. От такой баланды туман в горшке низом стелется. А тут волчица подкатывает, гроб

элова арфа

на колёсах везёт. Приняла меня за грузчика и гонорит интеллигентным голоском:

- Донесите чемодан до такси, пожалуйста.

Я, конечно, взял на плечо её майдан. От тяжести руки до колен опускаются. Сам не знаю, как получилось, но гуся я поджарил, волчицу на первом повороте потерял. Иду, соображаю: "Притараню вещички к себе в комышовку, избебровая бикса рада будет, гонарь нальёт, за Рай на земле тему обозначим, и зачем нам тогда Путин, и апостол Павел.

Бесовка, когда увидела меня с приданным, сразу выпячиваться перестала. Крутится вокруг гробика, а я не открываю, резину тяну, удовольствие продолжаю. Чувырла уже слюной брызжет.

- Открывай, - говорит, - гомонец улюлюканный.

А гомонец тот на ключик заперт, а ключик балабанка отдать запомнотвала. Хорошо в голубятне абакумыч железный прятался. Острым концом я на гробик налёг, он и открылся. Стою, как Али-Баба и сорок разбойников в одном лице, смотрю, - гробик по верхнюю кромку бюллетенями набит. Что делать с досадой такой?

- Иди, меняй бюллетня на зелёнку американскую, зарабатывая на черевички для королевы, - говорит моя. Посмотрел я на королеву некоронovanную и только плечами пожал:

- Напрасно ты звякало разнуздала, тебе и шкаликов на босу ногу хватит, а мне, если в хитрый домик попаду, хвостом не накрыться. А про себя думаю: "Надо вальсом чесать, пока за мои страдания напрасные, за мою работу неоплаченную, за мой талант неоцененный бесовка под глазами узоры не навесила, и всё потому, что любит меня, глупая". На Руси всегда так было, - кого любят, тому и морду бьют.

Конец

ЛЮБОВЬ

Кимры - чем запомнился этот город? Волгой, на берегу которой он стоит? Памятником Ленина на центральной площади? Нет, он мне запомнился девушкой, живущей в этом городе. Я не помню её лица, и не знаю, как её зовут, но я помню ту ночь, которая нас свела.

Я возвращался из клуба. Приятель остался танцевать. Мне казалось, что я найду дорогу в деревянный покосившийся дом, где мы с приятелем остановились. Дорогу мне освещали луна и звёзды. Фонари в эту ночь не горели, а может. их вообще тогда не было в городе. Сойдя с центральной площади, я оказался в замкнутом кругу улиц и домов, похожих в темноте, как братья близнецы. Я сел на лавочку. Где-то за забором лаяли собаки, чуя незнакомого человека. Я хотел на лавочке провести ночь, лег, но через минуту у меня заболел бок. Тогда я сел и стал ждать рассвета. В траве стрекотали кузнечики. А звёзды над головой висели так низко, что казалось - влезь на дерево и достанешь любую.

владимир пустовитовский книга в альманахе

В окне напротив зажглась спичка. Когда она потухла, остался гореть огонёк от сигареты. У меня появилась надежда узнать дорогу к дому.

Я подошёл к калитке и спросил:

- Как мне найти улицу Лермонтова?

- Не знаю, - послышался голос из окна. - Я сама в гости приехала.

Я вернулся к месту заключения и сел на лавочку.

Огонёк от сигареты всё горел.

"Огонёк надежды", - мелькнуло в голове.

Но сигарета догорела, и окно закрылось.

Я остался один. Чёрные окна с обеих сторон улицы неприятливо смотрели на меня. Я не знаю, сколько прошло время, но послышался скрип окна.

- Мужчина, Вы ещё здесь?

- Здесь! - обрадовался живому голосу я.

- Давайте поговорим, мне совсем не спится.

- Давайте.

- Вы подойдите поближе, а то своим голосом я в доме всех перебужу.

Я подошёл к калитке.

- У Вас собаки нет.

- Нет. Проходите.

Калитка была не заперта. Спотыкаясь о кусты, я подошёл к окну. Хозяйки ночного голоса не было видно.

- О чём будем говорить? - поинтересовался я для порядка, хотя мне было всё равно, о чём говорить, только не сидеть всю ночь в одиночестве на лавочке.

- Вы откуда приехали?

- Из Москвы.

- А Вы?

- О, я из далека, из Хабаровска. Я к бабушке приехала погостить на каникулы.

Девушка зажгла спичку, чтобы прикурить, и я на мгновение увидел её лицо.

- Вы курите?

- Нет.

- А я как видите.

- Мне нравится, когда девушка курит.

- Да чего уж тут хорошего.

- Не знаю, просто нравится.

- А Вы не пробовали закурить?

- Пробовал, да что-то не сложилось.

- А чем Вы в Москве занимаетесь?

- Пишу стихи.

- А хорошие?

- Не знаю, вроде не плохие.

- Я тоже в школе писала стихи, когда влюбилась.

- В кого? - полюбопытствовал я.

элова арфа

- В учителя по физики.
- А теперь не пишете?
- Нет. Прошла любовь, кончились стихи.
- Жалко, - сказал я, хотя мне было всё рано.
- А вы не почитаете свои стихи?

Я растерялся от неожиданного предложения. Не готовый к ночным путешествиям, я промок и давно уже замёрз. Она словно прочла мои мысли.

- А Вы залезайте в окно, я вас чаем напою. Только говорите на ушко.

Я подтянулся и перелез через подоконник. В комнате было ещё темней, чем на улице.

- Где Вы тут? Держите кружку, только чай чуть тёплый.

Я на ощупь взял из её рук кружку. Девушка наклонилась к моему уху:

- Сахар нужен?

Я по её примеру наклонился к её ушку:

- Два кусочка.

Я услышал всплеск двух кусочков сахара, упавших в кружку.

- Так Вы почитаете стихи?

- Почитаю.

Почувствовав губами её ушко, я начал читать.

- А Вы красивый? - девушка задала неожиданный вопрос.

- Очень. А Вы?

- Тоже очень красивая. Читайте дальше.

Я читал, читал и читал, губами чувствуя её ушко. А когда она мне что-то говорила, я чувствовал щекой её губы.

- Мне кажется, что я Вас люблю - сказала она.

- И мне кажется, что я Вас люблю.

- А Вы завтра придёте?

- Обязательно приду.

Начинало светать.

- Тебе пора идти, - сказала она.

Я спрыгнул с подоконника и побрёл по улице, освещённой первым лучом солнца. Я быстро нашёл неказистую хибару. Мой приятель спал. Я разделся, повесил одежду на стул, лёг в кровать. Спать не хотелось. Я начал вспоминать прошедшую ночь. И тут я вспомнил, что не знаю ни имени, ни адреса девушки, которую люблю.

Конец

НАТАШКА

Выйдя из метро на "Белорусской", мы были застигнуты врасплох. Вьюга, словно зверь, почуявший добычу, набросилась на меня и мою подругу. Выставив перед собой маленькую ладошку, девушка пыталась защититься от летящего в лицо белого чудовища. Дерзкие розы в руках На-

владимир пустовитовский книга в альманахе

ташки, подставляя бархатные бутоны мокрым хлопьям снега, тут же получали в награду белые крапины.

Оказавшись в людском муравейнике, девушка упрекнула не то меня, не то вьюгу, не то толчею:

- Не люблю вокзалы.

- Почему? - спросил я, чувствуя себя виноватым.

- Здесь люди расстаются.

Перейдя улицу Горького, мы свернули на Лесную. Прячась от вьюги за длинными коробками многоэтажек, я вспоминал дорогу к дому с балконом, торчащим над подъездом, как козырёк кепки над носом грузина.

- С кем рассталась ты? - я продолжил разговор, ожидая открытий.

- Не важно, - прозвучал высокомерный ответ.

Встречаясь с Наташкой несколько вечеров, я пытался вытянуть из девушки слова, словно нити из швов нарождающегося сюжета. Доверяясь своей интуиции, я выстраивал логическую цепочку догадок, - наверное, ты проводила близкого тебе человека. Тут я подумал, - стоит ли дальше заниматься дедукцией? - и решив, что стоит, продолжил, - наверное, это был твой жених, и ты проводила его в армию?

Наташка остановилась и посмотрела на меня. В серых глазах читалось удивление.

Плутая по кривым переулкам, мы подошли к знакомому козырьку балкона. Выйдя из снежного недоразумения, Наташка была похожа на Снежную королеву, я - на снеговика. В тёмном подъезде девушка сняла вязаную шапочку, и стряхнула с неё на лестницу белую корону, надетую январём. Через две минуты корона превратилась в лужицу, через три - мы поднялись на последний этаж.

- Игорь, - впуская в квартиру, представился молодой человек.

Всё говорило о том, что нас ждали. В комнате завешенные шторами окна придавали предметам таинственный вид. В хрустальном шаре отражались огни семи зажжённых свечей. В дальнем углу горели два глаза огромного сибирского кота.

- Присаживайтесь, где удобно, - предложил хозяин. Я сел в кожаное кресло, Наталья - на чёрный скрипучий диван. Гостеприимство Игоря на этом не закончилось. В высоких хрустальных фужерах нас ждал фирменный коктейль "Слеза комсомолки".

- За соблюдение ингредиентов и пропорций не ручаюсь, я не специалист, - сказал Игорь, показывая на фужеры с мутной жидкостью и долькой апельсина, насаженной на стеклянный край.

Не теряя время, хозяин перешёл к делу:

- Кому будем гадать? - и посмотрел на меня. Его взгляд говорил: "Всё идёт по плану". - Мой взгляд отвечал: "Отлично, ты похож на настоящего хироманта".

- Наталья хотела, чтобы ты ей погадал, - произнёс я, и посмотрел на подругу. Она уже тянула через соломинку сладкий алкоголь.

- С удовольствием. Наташенька, дайте мне вашу ладонь, - обратился Игорь. Девушка послушно протянула руку.

элова арфа

- Нет, сначала левую, - внёс коррективы Игорь. Свесив над хрупкой девичьей ладошкой длинные пряди волос, хиромант несколько минут рассматривал запутанные линии. Потом попросил правую руку. Наташа покорно протянула правую.

- Так, - начал Игорь, стараясь придать словам напыщенную весомость, - начнём с линии ума. Линия ума проходит под линией сердца - твой интеллект управляет эмоциями. Линия глубоко очерчена и выходит за границу ладони. Ты сейчас должна учиться.

- Да, в МГУ. На третьем курсе, - сказала Наталья.

- Линия жизни, огибая большой палец, говорит, что у тебя высокая самооценка, что ты настроена на успешную карьеру и что тебе стоит ждать помощь со стороны.

- После МГУ я собираюсь продолжить учёбу, - раскрывала секреты Наталья. "Слеза комсомолки" и внешние атрибуты комнаты помогли девушке поверить в фантазии Игоря.

- Мне не нравится линия сердца. Ты пережила романтическую любовь. После неё на сердце образовался вакуум, - последнюю фразу Игорь произнёс голосом плохого трагика.

- Меня бросил жених, я посадила его с Белорусского вокзала в поезд, и он уехал на родину.

Всё, что я не мог узнать от Натальи за время знакомства, узнал за короткий вечер.

- Тебя ждёт поездка, она будет недалёкой. Где-то в районе Золотого кольца, - говорил хиромант. - Это будет то ли санаторий, то ли дом отдыха.

Глаза девчонки расширились от удивления. Она не предполагала, что по ладони можно узнавать подробности судьбы.

- Да, Даниил приглашал меня в дом отдыха на выходные дни, - Наталья перевела взгляд на меня, она говорила, - я передумала, я поеду с тобой. Завершая мою аферу, из дальнего угла вышел сибирский кот и запрыгнул Наталье на колени. Он потёрся мохнатой мордочкой девушке о живот и потребовал ласки. Наталья запустила в чёрную густую шерсть ладонь, которая обещала девушке счастье и благополучие на ближайшие сто лет. Мурлыка, переполненный благодарностью, заурчал. Он выражал моё настроение.

Доехав до Звенигорода на электричке, мы пересели в автобус.

- Куда едем, молодёжь, - спросила кондуктор.

- До конечной, - ответил я.

Взяв оплату за проезд, она отмотала от рулона с билетами длинную пулемётную ленту.

- В дом отдыха, поди. - Пытала вопросами кондуктор, подпрыгивая в кресле на ухабах и гремя мелочью в кожаной сумке.

- Поди, - передразнил я.

Наталья, положив голову мне на плечо, смотрела в окно. Высокие белые сосны, выстроившись вдоль дороги, тянули к нам густые ветки. По-

владимир пустовитовский книга в альманахе

грузившись в раздумья, автобус встречали безлюдные остановки. Он остановившись и открывал двери, впуская свежий морозный воздух. Царство снега и вечнозелёных деревьев встречало отдыхающих, очумевших от красот зимы.

- Конечная, - объявила кондуктор. Открылись двери, и автобус вытряхнул пассажиров из заплёванного салона.

Зная, что меня и Наталью не поселят в одном номере, я прихватил паспорт приятеля.

- Где второй отдыхающий? - спросила мадам в регистратуре, открывая чужой документ.

- Стоит на улице. Бедолагу в автобусе укачало.

Женщина сочувственно посмотрела сквозь стеклянные двери на улицу и вписала две фамилии в амбарную книгу. Обман удался. Я взял ключ от номера и обещание от мадам, что к нам никого не поделят.

Казённый номер с тремя кроватями ничем не отличался от других номеров. В углу стоял столик и стулья. На стене висело зеркало.

- Что ты ищешь в зеркале? - спросил я.

- Своё отражение.

- Поищи, может, и моё найдёшь.

- Уже нашла, - сказала Наталья.

Она обхватила мою шею руками. Я ничего не видел красивее серых глаз. Пройдя через высокомерие и отчуждённость, как Моисей через пустыню, я добрался до обетованной земли под названием любовь. Я подхватил Наталью на руки и положил на железную кровать. Мы не заметили, как обрели крылья и поднялись в небо. Отрываясь друг от друга, мы вновь и вновь сливались в одно целое. Но поборов в себе демонов, я не приблизился к Богу. Я не искал любви Сущего, мне было достаточно любви Наташки... От долгого полёта под небесами крылья стали ослабевать, и мы вернулись на Землю в гостиничный номер, под грубое колючее одеяло.

- Хочешь я тебе погадаю? - сказал я.

- Хочу!

- Давай ладонь, - я пытался подражать Игорю, - не левую, правую, я открою Вам, сударыня, будущее.

Наталья протянула руку.

- Линия ума, проходя под линией сердца, говорит о том, что интеллект управляет эмоциями и главенствует над чувствами. Линия выходит за границы ладони, она глубоко очерчена...

- А вот и не правда, - перебила Наталья, - сейчас я совсем другая.

- Что, мой друг врал тебе? - сказал я и осёкся.

- Какой друг?

- Не важно.

- Игорь - твой друг? - спросила Наталья, - ты же говорил...

- Какой он мне друг, - оправдывался я.

- Ах ты негодяй! - Наталья вырвала из-под головы подушку и начала бить меня наотмашь. Стараясь закрыться руками, я пропустил несколько

элова арфа

ко ударов. Наволочка на подушке разорвалась. Из наперника по всему номеру полетели пух и перья. Серые глаза девушки горели. Подобно Везувию, завалившему пеплом Помпей, она засыпала перьями пол и кровати, стол и стулья. Поймав руку с выпотрошенной наволочкой, я прижал Наталью к груди и ждал, пока вырывающаяся из неё стихия успокоится. В костюме Адама и Евы, выплёвывая изо рта внутренности подушки, мы стояли у окна и не слышали, как открылась дверь, и в номер вошёл третий подселенец. Он так же незаметно вышел, как и вошёл. Наталью окончательно привел в чувства щелчок замка закрывшейся двери.

Снег лёгкими хлопьями опускался на дорогу. Он напоминал пух летающий по гостиничному номеру, из которого нас выгнали. Мы стояли на остановке и ждали автобус на Звенигород.

Конец

ЛЮБИМОВКА

Нашупав босыми ногами шлёпанцы и надев сомбреро, мужчина вышел из гостиничного номера. Ему предстояло пройти пятьсот метров, чтобы оказаться на берегу гигантской чаши с солёною водой, зовущейся морем.

Держа под мышкой толстую книгу и махровое полотенце, он запер на ключ стеклянную дверь. Над головою, на голубом своде чистого неба, застыло жёлтое пятно яркого солнца. В каждом шаге, в каждом движении мужчины ощущалась вальяжность и расслабленность, совершенно не свойственная ему. Он с любопытством разглядывал людей, проснувшихся раньше него, успевших принять морскую ванну и идущих навстречу. В первый день отдыха было интересно всё, каждая мелочь вызывала удивление. Проходящая мимо женщина, метнула из-под нарисованных бровей огонь притаившейся страсти.

- Никаких романов, никакой курортной чепухи, - дал себе установку мужчина.

По обеим сторонам маршрута стояли деревянные столики и брезентовые палатки. Чтобы заманить покупателей, все способы хороши. Продавцы зазывали каждого, кто готов был раскрыть свои денежные кладовые и купить, начиная от купальников и кончая мороженым, газированной водой и холодным пивом. Возле провисшей по бокам палатки стояли две подружки. Они выбирали крем для загара и очки от солнца. Споря о чём-то важном, они, как по команде, замолчали и повернули головы в сторону мужчины. Одна сурово сдвинула брови, другая мило улыбнулась.

- Нет, это не подружки, это мама и дочь, - решил отдыхающий.

Спустившись по бетонным ступенькам, он оказался в царстве песка и воды. Словно играя в детскую игру, волны выносили на мокрый песок одни ракушки и, поднимая с берега, уносили другие. Загорающих было мало, купающихся ещё меньше. Внимание привлёк единственный камень,

владимир пустовитовский книга в альманахе

сиротливо лежащий на берегу. Аккуратно сложив на его плоской поверхности пожитки, мужчина медленно подошёл к воде. Мокрым языком котёнка море лизнуло обе ноги. Притяжение воды было столь ощутимо, что поджарая фигура, недолго думая, бросилась в объятия солёной стихии. Одна лёгкая волна шлёпнула по щеке, как бы говоря по-дружески:

- Плыви.

Над водой поочередно замелькали то левая, то правая рука - мужчина поплыл. Даль бросала вызов, но пловец знал, что много лет назад вызов был бы принят, теперь же, когда сердце не переживало юного безрассудства, он проплыл не более ста метров и повернул к берегу.

На единственном камне сидела девушка. Она, закрываясь от солнца ладонью, читала книгу. Рядом, расстелив полотенце, с закрытыми глазами лежала женщина. Это были те самые мама и дочка, которых он принял за подружек. На появления мужчины они отреагировали по-разному. Мама подняла голову, открыла глаза и недовольно посмотрела на фигуру, загораживающую жёлтый раскалённый диск, после чего повторила те же движения в обратном порядке. Девушка, с нескрываемым любопытством одарила зеленью глаз мокрое существо, вышедшее из воды, потом, взгляд скользнул по маминой спине с расстёгнутым лифчиком, и приспущенными трусиками. Она, как бы извиняясь за себя и за маму, пожалала заострёнными плечиками. Мужчина сделал вид, что ничего не случилось. Надев сомбреро, сунув под мышку завернутую в полотенце книгу, он, с овладевшей им ленью, пошёл по берегу в направлении гостиницы.

- Вы забыли шлёпанцы, - окликнула девушка.

Мама подняла голову и строго посмотрела на дочку.

Мест, где можно коротать вечера в приморском посёлке было два: дискотека и кафе. Мужчина выбрал третье - чтение книги в номере. Очередной роман о криминальных разборках его интересовал мало, но выбора не было. Стрельбу и погони, разбросанные по страницам бестселлера, прервал стук в дверь. Сквозь матовое стекло вырисовывались очертания хрупкой фигуры. Не дожидаясь ответа, в комнату вошло милое создание. Это была та самая девушка, которая сидела с книгой на коленях под неустанным надзором родительницы.

- Вы не составите нам компанию. Мама и я хотим побродить по берегу, а там темно и много пьяной молодёжи.

- А почему нет? - самому себе задал вопрос мужчина. - Меня зовут Ричард, - выходя из номера, представился он загорелой красавице.

Девушка улыбнулась.

- Что, смешное имя?

- Нет, просто я сейчас читаю книгу о Ричарде Львином сердце, - девушка слегка покраснела и спросила: - А можно, я вас буду звать Львиным сердцем, когда мама не слышит?

- Тогда скажи, как я должен звать тебя?

- Дома меня зовут Незабудка.

- Хорошо, Незабудка.

эолова арфа

У моря было свежо и весело. Молодёжь жгла костры. Звучал смех и пьяные песни под гитару. Людмила, мама Незабудки, ждала свою дочь и Ричарда у моря. Она держалась особняком, но прислушивалась к разговору и постоянно одёргивала дочь, говорящую без остановки.

- А почему тебя зовут Незабудка? - поинтересовался Ричард.

- Я часто меняю друзей и быстро забываю их имена. Они обижаются и в отместку придумали это имя.

Мама с укором посмотрела на дочь, который можно было перевести так:

- Ты много говоришь о себе лишнего, знай меру.

Из Людмилы трудно было вытянуть слово. Только однажды она проговорила, что дома её ждёт парализованный муж в инвалидной коляске.

Начинало светать. Ричард проводил новых знакомых до номера в гостинице. Людмила оставалась неприступной, как стены Иерусалима, которые когда-то, много веков назад, штурмовал Ричард, король Англии. Незабудка на миг задержалась под кроной деревьев и прошептала скороговоркой:

- Спокойной ночи, Львиное сердце.

На следующий день Ричард уехал на экскурсию и, поздно вернувшись, завалился спать. Он проспал ночь, а также завтрак и обед. Вечером прибежала Незабудка, и снова три прибившиеся друг к другу фигурки бродили по берегу, среди пьяной молодёжи и костров до неба. Проголки стали ритуалом. Незабудка, не умолкая, говорила, а мама, то и дело, одёргивала её. Ричард принимал это как данность. Однажды, проводив молодую женщину и девушку до стеклянных дверей, Ричард сказал:

- Завтра утром я уезжаю!

Людмила как-то странно посмотрела на мужчину и первой вошла в свой номер. Незабудка на миг задержалась и тихо предупредила:

- Жди, Львиное сердце, я приду.

- Какая глупость, - подумал Ричард, возвращаясь в свои покои, - ей нет и шестнадцати.

Через минуту он забыл услышанное, а через пять уже лежал в кровати под тусклым светом настольной лампы. Ему хотелось быстрее дочитать и закрыть последнюю страницу наскучившего романа. Мелкие строчки на серой бумаге постепенно начали сливаться, глаза закрылись, книга выпала из рук. Своим весом она придавила короткий шнур настольной лампы и свет погас. Разбудили Ричарда женские руки, гладившие грудь и спускающиеся ниже. Влажные губы прижимались к уголку рта, липли к его губам. Ричард оттолкнул незваную гостью.

- Не делай этого, не обижай меня, - услышал он, едва проснувшись, - у тебя Львиное сердце.

Под натиском ласки Ричард сдался. Он уже мало понимал, что делает, власть над рассудком взяла природа. Ричард прошептал:

- Незабудка!

Но хрупкая ладонь легла на губы, закрывая дорогу словам и как бы, объясняя: - Не надо, не надо слов, слова придумали те, кто не способен изъясняться сердцем.

владимир пустовитовский книга в альманахе

После этого, подобно морю, их подбрасывали волны страсти и несли на остров, где есть место только двум одиночествам. В короткий остаток ночи застывшие в темноте предметы могли слышать редкие стоны и неровное дыхание, замирающее под низким потолком.

Когда объятия охладели, а для объяснения потребовались слова, женщина исчезла так же незаметно, как и возникла.

Ранее утро утопало в дымке. Улица к морю была безлюдна. По обеим её сторонам пустовали столы, ждущие хозяев, и земля, на которой скоро вырастут палатки с надувными матрасами и спасательными кругами. На крошечную центральную площадь подали доисторический автобус. Он урчал и сердито фыркал. Ричард вошёл в салон и сел около окна. Ему предстояло несколько часов пути до города, где на перрон уже подали скорый поезд.

- Постараюсь выспаться, - подумал он и закрыл глаза, но вздрогнув от неожиданности, открыл их. В окно согнутым пальчиком стучала Незабудка. Ричард ещё не видел её такой: синие круги под глазами говорили о бессонной ночи и повзрослевших за ночь мыслях. Она хотела что-то сказать, но автобус зафыркал сильнее и тронулся с места. Ричард привстал и поцеловал стекло, на котором с другой стороны лежала расплюснутая ладонь девушки. Доисторическое средство передвижения набирало скорость, и только одинокая фигурка осталась неподвижно стоять на дороге Райского уголка, в начале которого красовалась табличка с надписью: Любимовка.

Конец

МОСГАЗ

Утро было многообещающим. Ярко светило солнце. Достав из чехлов свои маленькие скрипочки, в траве давали концерт кузнечики. Дворник Ибрагим подмёл улицу и отложил в сторону метёлку. Во дворе дома на деревянной скамейке, вдыхая ещё не нагретый воздух, сидели дед Ефим и голубятник Гришка. Гришка пугал старика рассказами.

- Объявился в Москве человек, ходит по квартирам и представляется мосгазом. Детей и стариков убивает, кого топором зарубит, кого ножом зарежет. И нет от него никому спасения.

- И что же этого мосгаза никто поймать не может?

- Пытались, но всё азохн вей, так он и ходит по квартирам.

- Вейзмир, вейзмир, чтоб этого мосгаза черти в ад не пустили, чтоб он так и мучился без места прописки на том свете, - бубнил старик.

Напуганный рассказом, я пошёл к Мячику. В тёмной подворотне его дома была дверь. За этой дверью жила ведьма. Я сам видел её один раз. С тех пор я пробежал подворотню, чтобы не встретить её ещё раз.

Мячик меня ждал. Выйдя во двор и пробежав подворотню, мы завернули за угол. Убедившись, что рядом ни кого не было, приятель достал из кармана окурки.

элова арфа

- Один окуроч раскросилсч, - расстроено сказало он, - но ничего, ещс дс остало, кждому по одному.

Спрятавшисч за голубятней, мы закурили. Мячик пускал дым кольцами, я подражал ему.

- Я знаю одну урну, в ней всегда хорошие окурки можно найти, - хвасталсч Мячик.

- Покажсч?

- Конечно, покажу.

- Вы чем тут занимаетсч? - Раздалсч голос сверху.

Это был голос Гришки-голубятника. Он был суров, как карающий глас Божий.

Мы с Мячиком разбежались в разные стороны. Я не знаю, о чём думал приятель, но я думал о том, чем сегодня будут лупка. Если рукой, это не больно, но если шваброю или ремнём, то, как говорит поймавший нас за "преступлением" Пинкертон с голубятни:

- Азохн вей.

Лавочка во дворе была пуста. Я сел на самый край и начал болтать ногами. То ли она была высокой, то ли я был маленьким, но до земли я не доставал. Мимо летали стрекозы, бабочки. Одна бабочка села на плечо. Я загадал желание.

- Если поймаю тебя, то меня не будут лупить.

Но бабочка улетела.

- Глупая, я всё равно бы тебя отпустил, а ты спасла бы меня от родительского правосудия.

У меня заранее заболело то место, куда вечером опуститсч ремень.

В это время кто-то позвал меня. Я обернулсч. Передо мной стояла Соня. Она была такой красивой, что я влюбилсч в неё ещс в младшей группе детского сада. В руках она держала сачок. Она присела рядом со мной. Её розовые туфельки тоже не доставали земли, поэтому мы вместе болтали ногами.

- Пойдём ловить стрекоз, - предложила она.

Мы с Соней много раз ловили бабочек и стрекоз, убивали их и делали для них красивые склепы. Но в этот раз мне не хотелось никого убивать. До вечера было далеко, и я рассказал Соне историю про мосгаза. Нам стало страшно.

- Давай спрячсч под лестницей, чтобы он нас не нашёл, - предложила Соня.

Эта деревянная лестница вела на второй этаж. Над головой ходили люди, и от тяжёлых шагов на нас сыпаласч пыль и крошки. В каждом прошедшем человеке мы видели серийного убийцу. Я посмотрел на Соню. Розовый бант украшал её косу, а синее платьице подчёркивало цвет глаз.

- Хочсч, я тебе что то покажу, - тихо шепнула Соня.

- Хочу, - не сразу ответил я.

Соня подняла края платьица и сняла трусики. Мне показалосч, что я вижу два лепестка розы сложенные так, что между ними осталасч маленькая шелка.

владимир пустовитовский книга в альманахе

- Хочешь дотронуться?

- Хочу!

Я протянул руку и коснулся тёплых розовых лепестков.

- А теперь ты покажи мне.

Я молчал.

- А теперь ты покажи, - настойчиво повторила Соня.

Я расстегнул брюки и опустил их до колен.

Соня долго смотрела, потом протянула руку. Я почувствовал прикосновение её пальцев. Мы стояли и смотрели, иногда нежно касаясь друг друга. Нам не было стыдно. Мы забыли, что где-то ходит мосгаз и убивает стариков и детей. Мы забыли, что над нами по лестнице ходят соседы. Мы даже забыли, что кроме нас существуют люди.

- Соня, - раздался грубый голос,

Её звал отец.

- Соня, где ты? Я тебе говорил во дворе гулять.

Соня быстро привела себя в порядок и вышла из-под лестницы, а я прислонился к стене и ждал, пока темнота коридора за тяжёлой дверью ни проглотит Соню и её строгого отца.

На другой стороне улицы строили дом. Огромный грузовик свалил гору брёвен. Я забрался на самый верх, сел и стал ждать вечера, когда матушка позвёт домой. Время шло. Поторапливая наступление темноты, загорелся единственный фонарь на углу Стрелецкого переулка. Меня никто не звал. Очень хотелось есть, но больше хотелось спать. Я спрыгнул с брёвен и пошёл домой добровольно сдаваться. Меня обгоняли незнакомые люди. Они бежали вперёд и размахивали руками. Потом проехала пожарная машина. Подойдя ближе, я увидел причину паники - горел соседний дом. Жёлтым языком огонь лизал крышу и боковую стену моего дома. Стена почернела и была готова загореться. Кто-то давал советы, кто-то делал прогнозы, кто-то предлагал пари. Я стоял и не знал, что делать. Ко мне подошёл старший брат. В руках он держал кулёк, а в кульке чмокал соской младенец.

- Скоро и наш дом загорится, - сказал он. Потом добавил:

- Я долго думал что из дома выносить документы или сестру. Наверно, сестру всё-таки лучше? Как ты думаешь, я правильно поступил?

- Наверное, правильно?! - сказал я, мне хотелось поддержать брата.

Конец

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

Переверну песочные часы, и время потечёт в обратную сторону. Оно вернёт ночной поезд на станцию отправления. Мы едем в командировку: я и Кристина. Она сидит напротив, как ребёнок, подобрав под себя ноги. В руке, похожей на лебединое крыло, горит смартфон. Тонкие пальцы со скоростью стенографистки бегают по сенсорной клавиатуре. Из букв вы-

элова арфа

растают слова, из слов предложения. Предложения складываются в письма. Письма любви несёт до адресата электронная почта. Адресат на сердечные признания тут же пишет ответ. Ответ быстрее почтового голубя возвращается к Кристине. Я сижу рядом и смотрю в окно. Мелькают незнакомые станции, из темноты выплывают полустанки. Скорый короткими гудками разрывает на части густую безлунную ночь. Кристина иногда отрывает взгляд от яркого экрана, и в эту минуту наши глаза встречаются.

"Стесняется своего счастья", - думаю я и опускаю взгляд.

- Ты любишь её, - над ухом прозвучал гортанный голос. Я посмотрел по сторонам. Не понимая - зачем, посмотрел в квадрат ночного окна. Он был похож на чёрное пятно, загнанное в деревянные рамки. В купе находились только я и Кристина. Радуюсь, что это была всего лишь слуховая галлюцинация, я достал книгу и начал читать.

- Ты любишь её, - голос прозвучал вторично.

- Очень, - вырвалось из подсознания, и добавило, - очень люблю. - Нет, это не галлюцинация, голос звучал из окна.

Я посмотрел на Кристину, думая, что до неё так же долетели слова.

- Она не слышит. Её слух залит воском любви, - успокоил некто.

- Кто ты? - спросил я, глядя в тёмное стекло.

- Я - Чёрный Квадрат, Чёрный Квадрат окна.

- Почему Чёрный? - спросил я.

- Днём моя субстанция переходит в другие окна, ночные.

- И часто ты говоришь с пассажирами?

- Мысли читаю всегда. Заговорил впервые.

- Чем я обязан такому случаю?

- Устал молчать.

- Молчание - золото, - сказал я, решив блеснуть знаниями пословиц.

- Вначале было Слово, - возразил Чёрный Квадрат.

- Убедительно. Только какое отношение это имеет ко мне?

- Только Слово, сказанное Кристине, может заставить её посмотреть на тебя по-другому.

- Когда я обращаюсь к ней, мне кажется, что мои слова напоминают собачий лай.

Чёрный Квадрат замолчал. Стук колёс наполнял узкое пространство купе мелодией двух нот. Огни фонарей, царапая тусклым светом обшивку вагона, исчезали во мраке. Избушки смотрели на меня глазами потухших окон. За деревней потянулись поля и леса. Ночь за окном без луны и звёзд восстановила права на кромешную темноту.

- Посмейся над собой, - заговорил Чёрный Квадрат.

- Впору жалеть себя, а не смеяться.

- Посмейся над безрассудством.

- Каким безрассудством? - удивился я.

- В потребности любить. "Любить - значит быть человеком" - считает род людской. Даже в жалости вы нашли любовь.

- Но так и есть: жалеть - значит любить. - Сказал я.

владимир пустовитовский книга в альманахе

- Бросая нищему монету, ты его любишь? В жалости ничего нет, кроме снисхождения. Жалеть - значит жалеть, и ничего больше.

Стук в дверь прервал разговор. Не дожидаясь ответа, дверь в купе поехала в сторону.

- Чай заказывать будете? - спросила проводница, возникая там, где только что висело дверное зеркало.

- Два с лимоном, - сказала Кристина и посмотрела на меня. Наши глаза встретились. Её взгляд, словно гвоздь для распятия, не замечая прочности кожи и костей, вошёл в моё сердце.

Дверь на колёсиках закрылась. Там, где только что стояла проводница, снова появилось зеркало с нашими отражениями.

- Оборви молчание. Задай вопрос. Завяжется разговор. Поговори о безделице. Девушки любят болтать о кофточках, о причёсках, о красоте ногтей, - настаивал Чёрный Квадрат, опускаясь на ступеньку моей любви.

- Нет, что ты, никогда. Я говорил тебе про собачий лай.

- "Никогда" - это слишком долго. Начинай, - напирал голос. - Сердце, чтобы не прозябать в праздности, ищет привязанности. Эти привязанности вымышленные и вздорные. Она придумала любовь к тому, кого забрасывает письмами.

- Ты стараешься утешить или просто разыграть?

- Я - Чёрный Квадрат. Я могу менять цвет в зависимости от ночи и дня. Могу переходить из окна купе в окно дома или на полотно художника. Я - хранитель истин. Я - хранитель знаний.

Разговор прервала поехавшая в сторону дверь. Проводница, распахнув её, внесла два стакана с чаем и поставила на стол.

- Пей, - сказала Кристина, отрываясь от любовного воркования по смартфону.

В стаканах из тонкого стекла плавали дольки лимона, напоминая остатки кораблекрушения, а на салфетке лежали сахар и пластмассовые ложки, сложенные как кости на пиратском флаге.

- Истины пахнут плесенью, как сундук старьевщика. Мир изменился, - возразил я Чёрному Квадрату.

Мой собеседник молчал, вместе с ним замолчали колёса поезда, замерев у незнакомого полустанка. Неожиданно погас свет.

- Я ложусь спать, - сказала Кристина и отхлебнула остывший чай.

- Мне выйти?

- Не обязательно, - сказала девушка и погасила свет на экране своего телефона-телеграфа.

Чувствуя защиту темноты, разбавленную тусклым светом уличного фонаря, я украдкой, как вор, смотрел на Кристину. Она залезла под простыню и сбросила с себя одежду. Через минуту её рука вылезла из укрытия и положила на верхнюю полку джинсы и кофточку. Затем тонкие пальцы нащупали оставленный на столе смартфон и угашили его в девичью берлогу. Холм, образовавшийся на кровати, вспыхнул изнутри. Он сиял в ночном купе как хрустальный купол. Через простыню я видел Кристину, целующую полученное письмо.

элова арфа

- Заглянуть бы одним глазком в исповеди, - думал я, глядя в окно и рыская глазами по обрезанным краям кривых дорог. Под стук колёс я не заметил, как закрылись глаза. Мне снился поезд, подъезжающий к конечной станции. Вместо делегации нас встретила вокзальная цыганка. Она забрала у Кристины смартфон. Девушка пыталась возразить, но гадалка начала гадать. Пророчества были страшными. Кристина заплакала.

- Плачь, тоскуй. Тоска - это вирус, от него не придумали вакцину, - сказала цыганка. Она подмигнула и толкнула меня в бок. Потом ещё и ещё раз. Я проснулся и почувствовал, что кто-то задевает меня локтём. Неяркие нити света тянул ссутулившийся фонарь в узкое купе окна, обрисовывая фигуру, опустившуюся на колени.

- Кто здесь?

- Это я, - сказала Кристина. - Не могу найти смартфон. Я уснула, и он выпал из рук.

- Включи настольный свет.

- Не работает.

- В поисках потухшего смартфона мы обшаривали каждый сантиметр пола. Наши обнажённые руки и ноги прикасались. В какой-то миг моя ладонь легла на нежную руку девушки и застыла... Кристина замерла в ожидании.

- Обними её, - очнувшись от дрёмы, произнёс Чёрный Квадрат.

- Нет.

- Обними и поцелуй.

- Не могу.

- Женщины безрассудны. Кристина признавалась, но это придуманная любовь, вспомни Клеопатру, Цезаря и Марка Антония, - повторял Чёрный Квадрат.

И вправду, в какой-то миг показалось, что темнота сблизила нас. Кристина ждёт объятий и поцелуев.

- Ошибусь, и буду жалеть, - ответил я.

- Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть, - сказал Чёрный Квадрат.

- Замолчи. Я никогда не сделаю это.

- Никогда - это слишком долго, - повторил Чёрный Квадрат и умолк...

Когда я проснулся, солнце яркими лучами проникало в купе сквозь грязное окно. Кристины в купе не было. Воспользовавшись её отсутствием, я надел костюм и галстук, нас ждали долгие переговоры. Я посмотрел на себя в зеркало, и вдруг оно поехало. Дверь открылась, передо мною стояла Кристина. Она успела поменять джинсы на строгий костюм, а детскую улыбку на холодный мрамор обаяния.

Конец

владимир пустовитовский книга в альманахе

АЛЛЕЯ ПРИГОВОРЁННЫХ

Обдавая ветром, из тоннеля вынырнула электричка. Замерев у платформы, вагон распахнул двери, и очумевшая толпа внесла меня в салон. Набив пустое брюхо неповоротливыми телами, трёхглазый Левиафан начал набирать скорость, пока ни влетел в чёрную глубокую крысиную нору. В ближнем окружении кто-то читал книгу, кто-то дёргал головой в наушниках, кто-то досматривал сны. Рядом стояла девушка в норковой шубке. Большие карие глаза смотрели на меня.

- Не может быть, чтобы это очарование открыло имя первому представшему к ней идиоту, - думал я.

- Валерия, - на выходе из метро представилась девушка.

- Открыла имя, открой и сердце, - попросил я.

- Какую сторону: тёмную или светлую?

Я растерялся. От стыда был готов отречься от себя.

- Я видела тебя, мы ехали в одном вагоне, - продолжала Валерия.

- За это время я успел привыкнуть к милому соседству. Не бросай меня, возьми с собою.

- В каком качестве?

- Могу быть ветром, дующим в паруса. Звездой, показывающей дорогу. Собеседником, отгоняющим скуку.

- И куда мы поплывём?

- По кривым московским переулкам до ...

- До станции "Любовь"? - закончила предложение девушка.

Ей доставило удовольствие загонять меня в угол словами.

- Ближе, до станции "Дружба"! - сказал я, идя на хитрость.

- Я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной.

- А в любовь веришь?

- С первого взгляда? Не верю.

- А со второго?

- И даже с третьего - не верю! - ставя точку в разговоре, девушка добавила, - мы напрасно тратим время.

Она собиралась уйти, но, что-то остановило очаровательного циника:

- Любовь счастливых делает счастливей, а несчастных несчастней. Хочешь проверить? - сказала она.

"Циники всегда философы", - подумал я, сделав для себя открытие.

Девушка ждала ответ. Казалось, он парит в воздухе, надо только поймать. Глядя на снег, кружившийся над нами и над позолоченными крестами церквушки вдали, я сказал:

- Бог не любит счастливых людей, но несчастных он не любит больше.

Валерия грустно улыбнулась. Её глаза, вспыхнувшие на миг, погасли. Казалось, что там, в глубине, как в фотовспышке, загорелся магний и тут же сгорел.

- Что, Создатель требует подарить тебе любовь? На год? А может, на ночь? - спросила Валерия.

элова арфа

Я молчал. Сердце висело на ниточке, готовое оторваться и упасть в сугроб. Мне казалось, что, ничего не обретая, я всё теряю. И только тусклое мерцание надежды посылало робкие импульсы.

- А ты не боишься наткнуться на окаменевшую душу? - продолжала Валерия.

Я молчал. Она достала из сумочки свёрток, завернутый в газету и, показывая на него, сказала:

- Хорошо, жди, передам пакет и приду.

"Ты не обманешь?" - Мысленно с глупой наивностью спросил я. Валерия услышала не произнесённые слова, и вернула их молчаливым упреком.

Я стоял там, где мы расстались. "Суеверие делает жизнь поэзией" - сказал Гётте. Всё так, но страх не давал сегодня ощутить поэзию. Мне казалось, что я больше не увижу Валерию.

- Если она не придёт, это не будет горем. Это будет маленькой неприятностью, - уговаривал я себя.

От станции метро тянулась аллея. Я хотел придумать ей название. Оно пришло само: "Аллея Приговорённых". Вдоль узкой дорожки стояли сосны, от макушки до оснований закутанные в тряпку. Чтобы ветер не сорвал материю, её обмотали верёвками. Сосны напоминали людей, стоявших с мешками на голове и связанными руками, ожидающих казнь. Я стоял с ними.

"Придёт - не придёт? - гадал я так, как если бы гадал: - Повесят - не повесят?"

- А вот и я, - раздался голос Валерии. Она вышла из светящейся полусферы реклам.

- Теперь я свободна, - добавила она. Передо мной стоял другой человек. От высокомерия и цинизма не осталось и следа. Казалось, что сердобольный хирург вшил нам магниты, и они притягивали нас друг к другу.

Каменный мост, перекинутый через бездну, уводил от "Аллеи Приговорённых".

- Какие планы? - спросила Валерия.

- Исполнять капризы, - ответил я, стряхивая с себя остатки пережитого.

- Веди, куда пожелаешь, буду рада, - Валерия подняла руки и закрыла глаза. - Я свободна. - Добавила она.

Падал снег и таял на щеках девушки. В застывших каплях всеми цветами радуги играли огни реклам. Мы блуждали в залах картинной галереи, потом, на последнем ряду кинотеатра кидались воздушной кукурузой. Под вечер, вымотавшись и проголодавшись, набрали на кафе, спрятавшееся в тихом переулке.

- Что будем заказывать? - спросил официант.

Я тыкал в гляцевые страницы меню голодными пальцами, официант не успевал за мной записывать. Мы ощущали себя Гулливерами, а нам подавали еду в тарелочках для лилипутов. Еда быстро исчезала вместе с вином в двух урчащих желудках.

владимир пустовитовский книга в альманахе

- Мы заканчиваем работу, - предупредил официант.

Я посмотрел на часы. Большая стрелка, подгоняя маленькую, приближалась к ночи.

- Давай заберём остатки и махнём ко мне, - предложил я, и подумал: "Не согласится".

- Давай лучше ко мне.

В просторных комнатах сталинского дома нежилась роскошь. Над головой висела бронзовая люстра. Письменный стол из красного дерева прислонился к подоконнику. Со стола на нас смотрела фотография молодого человека. Валерия быстро убрала портрет в ящик стола:

- Наливай, - по-свойски сказала она.

Вина в бутылке оставалось на доньшке, закуска в пакете сваялась и выглядела несъедобной.

- Подожди, сейчас закрома потрясу.

Коротая время, я достал с полки самую зачитанную книгу. Ею оказался томик Шекспира. Я открыл наугад страницу и прочел первую попавшуюся строчку: "Король умер, да здравствует король".

Валерия не заставила себя ждать. В её руках на круглом блюде красовалась пузатая бутылка, лежали фрукты.

- Наливай, - снова по-свойски сказала она, - устроим поминки.

С каждой выпитой рюмкой Валерия становилась угрюмей.

- Достань фотографию, - приказала захмелевшая красавица, - и поставь на стол.

Я повиновался.

- Это с ним я сегодня встречалась, я отдала все его фотографии, а эту оставила.

Я смотрел на молодого человека. В первый момент казалось, что он смеётся. Теперь казалось, что через минуту из его глаз польются градины слёз.

- Повернись, - оборвав мысли, сказала Валерия.

Я повернулся. Она лежала в кровати. Халатик, в который она успела переодеться, валялся, сброшенный на пол.

- Иди ко мне, жду, - это были и приказ и просьба одновременно.

Услышав высокий дрогнувший голос, я хотел убрать фотографию.

- Не надо, пусть смотрит.

"Любовь умерла, да здравствует не любовь!" - подумал я.

Конец

"ОКНО" В МИР ХУДОЖНИКА АЛЕКСАНДРА ТРИФОНОВА
в галерее "На Чистых прудах"
14 января 2012 года

Где только ни проходили с 1996 года выставки художника Александра Трифонова, Лидера Третьего Русского Авангарда. И в Ахматовском центре, и в галерее "На Каширке", и в галерее "На Солянке", и в галерее "Кентавр", и в Литературном музее, и в Академии художеств, и Театре на Таганке, и в галерее А-3... Тринадцать персональных выставок и столько же коллективных, если не больше, причём некоторые из них проходили не только в Москве, но и в Нью-Йорке, и в Париже, и на Мальте, и в Загребе (в Хорватии), и в Братиславе (в Словакии), и в Нижнем Новгороде...

Александр Трифонов как появился на свет в 1975 году, в Москве, в семье писателя Юрия Кувалдина, так сразу и взял в руки карандаши и стал рисовать, а потом стал рисовать красками, акварелью, маслом... и с тех пор рисует, и рисует, и рисует... И "нарисовал", то есть написал уже, наверное, около тысячи картин.

Работал в учебном театре ГИТИС. Окончил полиграфический институт. Проходил срочную службу в Театре Армии. Художник МХТ им. А. П. Чехова. Член Творческого Союза художников России.

Ученик Казимира Малевича, Кандинского, Пикассо, Модильяни и всех великих художников, он испытал на себе влияние каждого из своих учителей, но обрёл свой собственный стиль, своё собственное лицо и создал в живописи свой неповторимый мир, идя от супрематизма и импрессионизма к новому направлению в искусстве - рецептуализму.

На этот раз его персональная выставка - под названием "Окно" - состоялась в галерее "На Чистых прудах", в здании, которое выполнено в суперсовременном стиле "атриум", синонимичном модерну начала XX века, и как нельзя больше подходит для работ Александра Трифонова, которые кажутся неотъемлемой частью интерьера этой галереи, как, например, картины Матисса в усадьбе мецената и коллекционера Щукина, которые французский художник когда-то писал специально для этой усадьбы, с учётом её конструкции и конфигурации и общего дизайна, и её метража, и высоты её потолков, и освещённости стен.

Картины Александра Трифонова разместились на двух этажах галереи, которые оба очень хорошо просматриваются и с нижних, и с верхних площадок здания, почти как в ГУМе. А в центре галереи, в её внутреннем дворике с лёгким белометаллическим ограждением скульптор Дмитрий Тугаринов, в поддержку молодому художнику, поставил скульптуру "Писатель Юрий Кувалдин", его бронзовый бюст, а на отдалении от него, по бокам - ещё несколько своих скульптур. Получился некий город Искусства под стеклянной крышей галереи, с колоннами, на которые опирается вся архитектурная система галереи, и с площадью имени Юрия Кувалдина, в чём есть и некий пафос, и некий юмор, и некий творческий замысел организаторов выставки Александра Трифонова.

окно в мир художника Александра Трифонова

Открыл вернисаж художника Михаил ТРЕНИХИН, директор по организации выставок. А вёл торжественную часть вернисажа писатель Юрий КУВАЛДИН, живая модель скульптуры Дмитрия Тугаринова, двойник своего памятника, оживший "каменный (то есть бронзовый) гость".

У микрофона выступили также:

Григорий КЛИМОВИЦКИЙ, искусствовед;

Аннамухамед ЗАРИПОВ, заслуженный художник России;

Ваграм КЕВОРКОВ, режиссёр, писатель;

Нина КРАСНОВА, поэтесса;

Александр ТРИФОНОВ, художник, Лидер Третьего Русского Авангарда;

Дмитрий ТУГАРИНОВ, скульптор, действительный член Российской Академии художеств;

Анатолий ШАМАРДИН, солист-вокалист оркестра Леонида Утёсова 70-х годов, золотой тенор России.

Посетители галереи слушали их, прогуливаясь от картин к картинам туда-сюда, как персонажи этих картин, дегустируя соки и вина, которые стояли на столах, и горячо аплодируя всем, кто выступал.

Вот краткая стенограмма торжественной части праздника.

Михаил ТРЕНИХИН, директор по организации выставок:

- Я поздравляю с Новым годом и со Старым Новым годом всех, кто пришёл сегодня в галерею "На Чистых прудах". Мы провели здесь много выставок разных художников, и это для нас, конечно, очень важно. А сегодня мы открываем здесь персональную выставку замечательного художника Александра Трифонова, которую мы назвали "Окно". Она получилась очень яркая, под стать живописи Александра Трифонова. Александр Трифонов - художник со специфическим мышлением. Когда-то, в пору своей юности, он работал художником в театре, и это не прошло для него даром, повлияло на его живопись.

Мне хотелось бы сказать, что при подготовке его выставки в галерее "На Чистых прудах" нам было очень и очень приятно работать с Александром Трифоновым.

Хотелось бы также обратить ваше внимание на скульптуры Дмитрия Тугаринова, которые есть на этой выставке и которые автор любезно предоставил нам для того, чтобы оттенить живопись Александра Трифонова. Эти скульптуры, как мне кажется, прекрасно перекликаются с живописью Александра Трифонова.

А сейчас мне хотелось бы предоставить слово писателю Юрию Александровичу Кувалдину.

(Аплодисменты!)

Юрий КУВАЛДИН, писатель:

- Я счастлив видеть работы Лидера Третьего Русского Авангарда Александра Трифонова в столь замечательной галерее "На Чистых пруду-

элова арфа

дах", где выставлялись лучшие художники, скульпторы нашего времени. В частности, я сейчас говорил об этом со скульптором Геннадием Красношлыковым, который здесь выставлялся. И я очень благодарен Мите Тугаринову, Дмитрию Тугаринову, который дал на выставку свои работы в поддержку художника Александра Трифонова. Я вспоминаю, что лет десять назад, а точнее в 1997 году, они (все мы) устроили в Доме скульптора выставку под таким очень символическим названием "Анτισоветская выставка, посвящённая 80-летию Великого Октября". И вот как раз тогда там были очень яркие работы Дмитрия Тугаринова, и Володи Буйначёва, Владимира Буйначёва, который тоже участвовал в той выставке, и в ней участвовал тогда ещё молодой 22-летний Александр Трифонов. Прошло много лет. И что меня и всех нас радует, это то, что Саша регулярно и планомерно, не обращая внимания на мнение авторитетов, гнёт свою линию в искусстве. В искусстве самое главное - быть самим собой. Но прежде чем быть самим собой, нужно найти самого себя. Когда глядишь на работы Саши, видишь, что он, конечно, впитал в себя опыт, скажем, Первого Русского Авангарда. У Саши, конечно, просматриваются какие-то элементы высокого супрематизма Казимира Малевича, но тем не менее, преобразуя и поэтизируя свой неповторимый мир, Саша добился, мне кажется, совершенно выдающихся успехов. Вот там, на втором этаже, висит его небольшая работа "Шопен", которая меня совершенно очаровала. Я увидел её здесь сегодня первый раз, а до этого не видел. Саша смог минимальными средствами выразить в ней и музыку, и образ, и историю этого великого композитора.

А вообще Саша... в своём искусстве нередко идёт от литературы, он в отличие от многих художников, литературен, и кое-кто, даже и из искусствоведов, ставит ему это в упрёк, как недостаток, а я считаю, что это не недостаток, а достоинство Саши, его заслуга...

Есть художники, которые говорят: у нас свой и только язык, мы говорим языком красок... и никакие мысли в наших картинах нам не нужны...

А Саша как раз всегда несёт в своих картинах мысль. Каждая его работа наполнена мыслью. За каждой его работой скрывается глубокая философия, его начитанность, его эрудиция, его близость к литературе. Сейчас я передам слово замечательному искусствоведу, специалисту по современному русскому авангарду Григорию Александровичу Климовицкому, который как специалист скажет несколько слов о картинах Саши Трифонова.

(Аплодисменты!)

Григорий КЛИМОВИЦКИЙ, искусствовед:

- Благодарю вас.

"Ну как говорить о живописи?" - Так закончил своё эссе о Дега Поль Валери. Действительно, живопись непереводаима на язык слов. И тем не менее, и тем не менее мы говорим о ней...

Прежде всего, название выставки Александра Трифонова "Окно". О чём оно говорит? Окно - это метафора мира, это всем очевидно. На мой

окно в мир художника Александра Трифонова

взгляд, есть одна существенная, главная проблема в творчестве нашего серьёзного художника - это традиция и творческое осмысление этой традиции. Я думаю, что не надо глубоко проникать в суть виденного, визуального в живописи Александра Трифонова, чтобы увидеть, что здесь автором использованы традиции, о которых здесь уже говорилось, русского авангарда, и не только русского, а западноевропейского. Причём автор это делает очень творчески, очень осмысленно и подчиняет это своему неповторимому, индивидуальному творческому замыслу.

Я должен сказать, что освоение традиций супрематизма Казимира Малевича, конструктивизма Эля Лисицкого, и присовокупить к этому пластические открытия дада, в частности, такого художника, как Макса Эрнста, - это задача очень сложная.

И добивается этого автор очень искусно, очень умело, сочетанием геометрических форм и воплощённого цветового решения. Причём я хочу сказать, должен сказать, что очень интересный пластический язык разрабатывает Александр Трифонов.

Обратите внимание, как он решает человеческую фигуру. Она условна, причём в этой условности художник добивается очень большой пластической и образной выразительности. Это всё вроде бы уже

было. (...) Но наш уважаемый Александр Трифонов, используя этот уже найденный в пластике приём, осуществляет это очень по-своему, очень по-своему подчиняя, я опять-таки повторяюсь, своей пластической задаче, чтобы решить картину как автономный художественный организм, чтобы все элементы там были подчинены основному: выразительности и, как говорил Кандинский, внутренней идее и внутреннему замыслу художника.

При этом я хочу отметить в этом моём кратком анализе, что главное в искусстве Александра Трифонова - это загадочность, которая, как некий магнит, притягивает к себе внимание зрителей.

Мне интересно творчество Александра Трифонова, ибо оно сулит нам, зрителям, дальнейшие художественные открытия. И я благодарю Александра Трифонова и галерею "На Чистых прудах" с сегодняшним открытием и хочу ещё раз поздравить замечательного скульптора Дмитрия Тугаринова, которого я знаю очень давно и которого ценю за его глубокое, полное оригинальной мысли и замечательной пластики искусство скульптора... Он мне грозит палкой... (Смех в зале!) Мить, иди сюда. Я взываю к аудитории в защиту себя от Мити с его палкой... Но тем не менее я хочу пропеть маленький гимн и в честь замечательного мастера Дмитрия Тугаринова!

Спасибо всем за внимание!
(Аплодисменты!)

Юрий КУВАЛДИН:

- Спасибо вам, Григорий Александрович.

А сейчас я попрошу сказать несколько слов о творчестве Александра Трифонова его коллегу, заслуженного художника России Аннамухамеда

элова арфа

Зарипова, чья выставка, кстати сказать, была в этой галерее перед Сашиной выставкой. Замечательная выставка!

Аннамухамед Зарипов, академик!..

Аннамухамед ЗАРИПОВ, заслуженный художник России:

- Я уже давно знаю художника Сашу Трифонова, четыре года, да. И в моей коллекции есть его картины. Это - замечательный художник. Понимаете? Вот я сегодня пришёл сюда пораньше. Ходил по галерее, внимательно рассматривал, разглядывал его картины... Они очень драматичны. Здесь есть какие-то отзвуки разных художников, и Казимира Малевича, и Макса Эрнста, и Пабло Пикассо... Но мы все - как дети, чисто художественно всегда учимся у кого-то из мастеров... и Саша учится у них. Но при всём при этом его картины - самостоятельны. И вот я хотел бы сказать самое главное. Они у него очень драматичны. В них есть конфликт какой-то непонятный. И этим они воздействуют на нас, на зрителей. Эта вот конфликтность - то синий цвет (кто-то сказал бы: ну как так художник использует открытый синий цвет?), а рядом с ним вдруг совершенно противоположный цвет, и они создают конфликтность, и в этом своеобразии Саши Трифонова, и это очень ценно. И поэтому я считаю, что он - художник замечательный, он имеет своё лицо. Он должен расти (и будет расти, и он растёт).

Здесь, на этой выставке многие его вещи прозвучали совершенно по-другому, чем на предыдущих выставках. Я видел его вещи на разных выставках, в разных выставочных залах. И мне кажется, что в галерее "На Чистых прудах" его картины не проигрывают, а выигрывают. Очень может быть, что само пространство галереи даёт им свои какие-то такие-то ещё свои плюсы.

У тебя замечательная выставка, Саша! Я поздравляю тебя с ней!
(Аплодисменты!)

Юрий КУВАЛДИН:

- Спасибо большое, дорогой Аннамухамед!

Теперь я хочу предоставить слово выдающемуся режиссёру... выдающемуся прежде всего почему? потому что он сделал фильм обо мне ("Жизнь в тексте", который был показан по телеканалу "Культура" 18 ноября 2011 года, и ещё раньше, в 2006 году. - Н. К.)

Ваграм Кеворков!
(Аплодисменты!)

Ваграм КЕВОРКОВ, режиссёр, писатель:

- Спасибо.

...Я вспоминаю выставку Александра Трифонова "Краеугольный камень". Вспоминаю, как Кувалдин сиротливо сидел в углу и готовился к вечеру. А люди ходили по залам и смотрели картины Александра Трифонова, которые висели там. И там была его картина "Ангел Аполлинера". Есть торжествующий свет в этой картине... и высота... такая нравствен-

окно в мир художника александра трифонова

ная, художественная высота... И люди, которые ходили по галерее, ментально шли к этой картине и невольно, подсознательно настраивались на её высокий тон.

Она совершенно возвышала и возвышает человека. Это вообще отличительная черта живописи Александра Трифонова, качество живописи Александра Трифонова, и, на мой взгляд, это есть главный критерий искусства... это или есть (и тогда есть искусство) или этого нет (и тогда нет искусства).

Живопись Александра Трифонова возвышала (поднимала) человека до такой высоты... (До такой высоты, на которой находился "Ангел Аполлинера" Александра Трифонова. - Н. К.)

(Аплодисменты!)

Я посмотрел новые картины Александра Трифонова. Они стали тоньше по композиции (и глубже по содержанию).

И я поздравляю художника Александра Трифонова с тем, что он всё время идёт вперёд, что он всё время находится в движении, идёт по своей дороге и осиливает её.

И вот уже сейчас, в расцвете своих сил... а в сущности он ещё очень молод... он совершил уже так много. И сейчас, глядя на всё, что он совершил, думаешь: а что он ещё может совершить? и что ещё предстоит ему совершить в искусстве?

Я поздравляю Россию с тем, что у неё есть такой художник!

(Аплодисменты!)

Юрий КУВАЛДИН:

- Слово поэтессе Нине Красновой!

(Аплодисменты!)

Нина КРАСНОВА, поэтесса:

- Каждый раз, когда я бываю на выставках Александра Трифонова, меня не перестают удивлять и восхищать его картины... И сегодня меня удивила и восхитила его совершенно превосходная выставка в галерее "На Чистых прудах".

Тут есть работы, которые я уже знаю, видела их на других выставках, в других галереях, в галерее А-3. Например, картины "Над вечным покоем", "Грачи прилетели", "Вечерний чай", "Виолончелист"... Я писала свои эссе о них, которые напечатаны в этом вот альманахе "Эолова арфа", который я держу в руках. А обложкой этого альманаха как раз послужила картина Саши Трифонова с окном, которую вы видите на титуле приглажительных билетов этой выставки и на новом обложке нового альбома Саши Трифонова...

Меня восхищают красивые линии, формы, композиционные построения, сочетания одного цвета с другим на его картинах. Мы с художником Виталием Копачёвым, директором галереи А-3, сейчас, несколько минут назад, говорили о том, как хорошо Саша использует, например, чёрный цвет, и к этому цвету притягиваются другие цвета, и получается

эолова арфа

очень красивая гамма, которая позитивно воздействует на все органы чувств человека...

О цвете в картинах Саши Трифонова здесь уже говорилось. А мне хочется ещё сказать о музыке в его картинах. Она слышится у него там везде. Музыка небесных сфер. И у него есть целая серия картин на тему "Музыка" - "Пианист", "Скрипач", "Гармонист", "Виолончелист", "Гитарист"... И к ним прибавляются новые и новые картины, и новые варианты этих картин, которые появились и на этой новой выставке: "Шопен", "Трио-Трифонов" и другие...

И есть у Саши на картинах такие ангелы... (Об одном из которых говорил Ваграм Кеворков, но Нина Краснова заговорила о них не в связи с речью Ваграма Кеворкова, поскольку заготовила свой "экспромт" ещё дома утром, а получилось, что она выступила в пандан Ваграму Кеворкову.) Эти ангелы летают у Саши по небу со скрипками в руках и играют на этих скрипках... Одного такого ангела он поместил на обложку моей книги "Имя", и есть у Саши такой "Огненный ангел" с красными крыльями и со скрипочкой. И у меня есть стихи об этом ангеле и об ангелах Александра Трифонова. Триптих

Я прочитаю его не весь, а отрывки оттуда.

(Аплодисменты!)

(Нина Краснова начинает читать стихотворение, но сбивается, потому что волнуется.)

Я никогда не читала этого триптиха на людях, на вечерах... Поэтому очень волнуюсь и поэтому запинаясь. Чем запинаясь, я лучше прочитаю его с листа...

Юрий КУВАЛДИН:

- Да, прочитай прямо по книге, по альманаху... как Женя Лесин, который любит читать стихи с листочков (и считает, что поэты и должны читать свои стихи только с листа, не упиваясь ими и самими собой, в отличие от графоманов, которые любят задалбливать людей своими стихами и читают их везде, где только могут, по сто раз одни и те же стихи, и поэтому очень хорошо помнят их наизусть).

(Я помню наизусть все свои стихи, с которыми я когда-то, в советское время, выступала от бюро пропаганды по всей Рязанской области и таким образом подрабатывала себе на хлеб, как многие поэты того времени, но сейчас я очень редко читаю свои стихи на людях, и поэтому новые стихи помню хуже, чем старые. - Н. К.)

Нина Краснова

"АНГЕЛ АПОЛЛИНЕРА" С КАРТИНЫ АЛЕКСАНДРА ТРИФОНОВА
И С ОБЛОЖКИ КНИГИ ЮРИЯ КУВАЛДИНА "ВЕТЕР"

Часть 1.

По полю лазурного неба плыл Ангел,
Над грязью земною плыл Ангел-пылАнгел,

окно в мир художника александра трифонова

Со скрипкой в руках, бессловесно, молчком,
Играя на струнах тончайшим смычком,
Играя мелодию сфер неземных
Для душ не для низменных энных - иных,
Играя для неких возвышенных душ,
Лицо подставляя под солнечный душ.

Это вот первая часть триптиха. Чистые ангелы Александра Трифонова, омытые солнечными лучами, сияющие внешней и внутренней чистотой. Вот его ангелы.

(Аплодисменты!)

Часть 2.

По небу за Ангелом я полетела.
У Ангела было не тело - полтела
От верха до пояса, было полАнгела
Без признаков пола. Бывает пол Ангела?
Был Ангелом он чистокровным, без пола,
И явным противником был не бейсбола
И разных других разновидностей спорта,
Не спрайта противником также, а спирта,
И секса ещё, да по пьянке при этом,
С рожденья у ангелов он под запретом.
Был Ангел надёжным помощником Бога,
С картины художника Ангел и с блага.

(Эту часть Нина Краснова прочитала с сокращениями, всего четыре первые строки.)

И последняя третья часть!

Часть 3.

Летела за ангелом ангелов стая -
Святая такая, такая святая,
Летела за Ангелом ангелов стая,
Вся тая в тумане и в небо вращая.
И ангелов этих с бесплотностью тел
Художник увидел и запечатлел.

Спасибо Саше за его искусство! И за вдохновение, которое он дарит мне как поэту своим искусством! У Саши Трифонова в его живописи есть то, что ценил Бенуа в живописи "мироискусников": "оригинальность", без которой нет художника, и свой собственный мир, неповторимый и ни на чей не похожий...

Александр Трифонов - это, я считаю, и это считаю не только я, - выдающийся художник нашего времени и лучший художник нового поколения в своём роде, не зря он - Лидер Третьего Русского Авангарда!

Спасибо Саше за всё! И отдельное спасибо - за прекрасное оформление им моих книг! Вот моя новая книга "Избранное" - в прекрасном

эолова арфа

оформлении Саши Трифонова! (Нина Краснова показывает всем эту книгу из своих рук.)

Я горжусь нашей творческой дружбой с Сашей Трифоновым и нашим с ним творческим сотрудничеством!

Спасибо тебе, Саша! Новых тебе побед в искусстве, новых высот!
(Аплодисменты!)

Юрий КУВАЛДИН:

- А теперь сам Саша скажет несколько слов!
(Аплодисменты!)

Александр ТРИФОНОВ, художник, Лидер Третьего русского Авангарда:

- Несколько слов скажу я.

(Обращается ко всем присутствующим.) Здрасьте! Люди задают мне такие вопросы: почему у моей новой выставки такое название - "Окно"? Почему - "Окно"?

Работы, представленные здесь, в своём большинстве сделаны мною за последние два года. И среди этих работ у меня сам собой стал возникать цикл, где центральную роль собой являло окно. И я специально стал использовать у себя этот приём. Потому что он облегчает мне мои творческие задачи, он облегчает мне построение композиции. Для того чтобы создать произведение, мне нужны какие-то жёсткие направляющие, будь то сцена, стол или оконная рама. На эти опорные вещи, как на некий стержень, как на некий скелет картины, я нанизываю фигуры, цветовые плоскости, детали, для того чтобы вся картина становилась более прочной. И здесь, на этой выставке представлен ещё ряд других картин, других циклов, но они все всё равно подпадают под общее название - "Окно". Потому что картина сама по себе - она есть окно художника, окно в мир художника.

Всё. Спасибо!

(Аплодисменты!)

Юрий КУВАЛДИН:

- А сейчас у микрофона выступит группа поддержки в лице заслуженного художника России, академика, член-корреспондента Дмитрия Тугаринова!

(Аплодисменты!)

РЕПЛИКА:

- Действительного академика!..

(Смех, аплодисменты!)

Дмитрий ТУГАРИНОВ, скульптор, действительный член Российской Академии художеств:

окно в мир художника александра трифонова

- Действительный член Академии... Как будто бывают не действительные члены...

(Смех, аплодисменты!)

Вообще-то я здесь, "На Чистых прудах", не выставлялся. Я здесь сейчас нахожусь в поддержку великого живописца Саши Трифонова, сына великого писателя Юрия Кувалдина!

(Смех, аплодисменты!)

Я принёс сюда свои скульптуры и бронзовую скульптуру, в которой у меня изображён вот таким, каким вы его видите, великий, гениальный Юрий Кувалдин - отец великого художника Александра Трифонова. И вокруг этого соответственно всё и вертится.

Вы пришли сюда. Большое спасибо вам! Я вас всех поздравляю с выставкой!

(Аплодисменты зрителей!)

РЕПЛИКИ зрителей:

- Хорошо выступил Тугаринов... Все хорошо выступили...

Михаил ТРЕНИХИН, директор по организации выставок:

- Сейчас в зал принесут закуски. И перед вами выступит певец Анатолий Шамардин!

(Аплодисменты!)

Анатолий ШАМАРДИН, по отцу донской казак, а по матери понтийский грек, который недавно ездил на свою историческую родину, в Грецию, и вернулся оттуда, облаканный средиземноморским солнцем, спел участникам и гостям вернисажа Александра Трифонова в галерее "На Чистых прудах" песню на стихи Фатьянова "В городском саду играет духовой оркестр", старинное танго "Утомлённое солнце", песню на стихи Нины Красновой "Если хотите", и несколько песен народов мира на греческом, итальянском, немецком языках, аккомпанируя себе на гитаре, как гитарист с картины Александра Трифонова... Инструменты с картин Александра Трифонова, и ангелы со скрипками сюрреалистично подыгрывали ему в унисон и в терцию. Академик Зарипов со своей спутницей пустился в пляс и подал пример другим посетителям выставки, некоторые из которых тоже пустились в пляс... Другие просто наслаждались пением певца в окружении прекрасной живописи Александра Трифонова... и лёгкими напитками и закусками на столах, красным и белым вином, апельсиновым соком, кубиками сыра на шпагах, сэндвичами, орешками, изюмом, сухарями, печеньками... И общались между собой, поднимаясь в высокие сферы высоких тем Искусства... Где же и пообщаться творческим людям, как не на вернисажах... Кино-и фотокамеры запечатлели всех, кто был там. А там были, кроме тех, кто выступал у микрофона, и директор галереи А-3 художник Виталий КОПАЧЁВ, и президент Академии Русского стиха, поэт и искусствовед Слава ЛЁН, и королева стекла скульптор Ольга ПОБЕДОВА, и культуролог Пётр КОБЛИКОВ, и

эолова арфа

скульптор Геннадий КРАСНОШЛЫКОВ, и художница Нина ШАПКИНА, и редактор телевидения Наталия МОЛЧАНОВА, и телеведущая телеканала СТС Ольга ШАТРОВА, и признанный мастер новейшей геометрической абстракции художник Сан САН (Александр КАРАСЁВ), и поэтесса Людмила ОСОКИНА, и библиограф Маргарита ПРОШИНА, и жена Лидера Третьего Русского Авангарда Татьяна ТРИФОНОВА, и его мать, директор издательства МХТ им. А. П. Чехова Анна ИЛЬНИЦКАЯ, и многие другие.

Праздник Искусства получился талантливым и весёлым, под стать своему прекрасному поводу, по которому все собрались в галерее "На Чистых прудах" 14 января, в первый день Старого Нового года (который отмечается только в России, где всё не так, как во всех других странах мира, а всё по-своему)!

Репортаж подготовила
поэтесса Нина КРАСНОВА

15 января 2012 года, 17:30 -
16 января 2012 года, 15:00.

Репортаж этот я подготовила 15 - 16 января, но у меня там в тексте были кое-какие неточности и пробелы, которые я только сейчас устранила и поэтому только сейчас вставляю этот репортаж, со своими фотоиллюстрациями, в свой Живой Журнал. Я делаю это накануне Крещения, с которым и поздравляю всех читателей моего Живого Журнала, в том числе и тех, которые не были на выставке художника Александра Трифонова, но могут посмотреть её не только на страницах моего ЖЖ, а и в самой галерее "На Чистых прудах", поскольку выставка продлится до 9 февраля 2012 года!

Адрес галереи: Москва. Чистопрудный бульвар, д. 5/10. Метро "Чистые пруды" или "Тургеневская".

Н. К.

"Наша улица" № 147 (2) февраль 2012 года

Ваграм Кеворков

рассказы

Ваграм Борисович Кеворков родился 1 июля 1938 года в Пятигорске. Окончил режиссёрский факультет ГИТИСа им. А. Луначарского, а до этого историко-филологический факультет Пятигорского государственного педагогического института. Работал на телевидении режиссёром-постановщиком (в 70-е годы вёл передачу "Спокойной ночи, малыши"), был диктором, актёром, конференсье. Член Союза журналистов с 1978 года. Печатался в альманахе "Истоки", в журнале "Наша улица", в альманахах "Московский Парнас", "Ре-Цепт", "Золотая птица", "Лесной орех" и во всех номерах альманаха "Эолова арфа", а также в газете "Слово" и т.д. Член Союза писателей России. Автор книг "Романы бахт" ("Книжный сад", 2009), "Эликсир жизни" ("Книжный сад", 2009).

Каждый просвещенный человек знает, что известный писатель Ваграм Кеворков родился 1 июля 1938 года. Вопреки общему мнению, что человек рождается, живет и умирает в своём времени, Ваграм Кеворков стал делать свою жизнь бессмертной. Как это так?! - воскликнет изумленный современник. Это восклицание нам вполне понятно, поскольку проистекает от зависти к небожителям, совладавшими со своим телом, усидевшими его за стол для переложения души в знаки в то время, когда все прочие современники бегали по ресторанам, баням, пивным и банкам. Тотальное одиночество для создания художественной прозы. Как напишем, так и будет. Так говорю не только я, так говорили первые сочинители текстов на заре человечества. Так появились апостолы, иными словами - писатели, написавшие религиозные тексты, создавшие Бога. Да, каждый писатель становится Богом по отношению к уже почившим и к еще не родившимся. Ваграм Кеворков к этому пришел интуитивно через многолетнюю режиссерскую практику на Центральном телевидении на Шаболовке, 37. Вот он, Ваграм Борисович Кеворков, в белых буклях, в нарядном атласном камзоле, идет, опираясь на трость, вместе с Василием Кирилловичем Тредиаковским по садам российской словесности...

Юрий КУВАЛДИН

БОЧКИН, "ГРИША" И ДР. ТОВАРИЩИ.

После десяти дней новогоднего отдыха в Рузе Бочкин расслаблено двигался по Хавской вдоль редакционного корпуса "Шабы". Сын в школе, его приятеля вчера с рук на руки сдали родителям, у жены сегодня отгул, так что с ужином будет порядок.

Внезапно заметил, что идущие впереди не входят в телецентр, а шаркаются от дверей и идут мимо.

"Облава!" - "въехал" Бочкин, и тут же перешел на другую сторону улицы. Оттуда глянул на вход - точно, рядом с мильтоном стоят кадравики: всех опоздавших "засекают", чтобы лишить премии.

"Слава вперед идущему, слава вперед смотрящему!", и Бочкин прошел до Лестева, там свернул к Шаболовке, у "Шуховки" вслед за другими опоздашками нырнул меж заборными прутьями, специально для таких случаев раздвинутых предусмотрительными телевизионниками, далее мимо ажурной вышки и первого - технического - корпуса до третьего - съемочного, там оставил пальто, шапку, взял номерок у гардеробщицы и спокойненько по переходу второго этажа в редакционное здание, где на первом этаже засада.

элова арфа

Преодолеl прокуренные пролеты лестницы, коридор и уверенно вошел в четыреста тринадцатую:

- Здравствуйте, Лариса Васильевна!

"Жирафа" - зав. отделом - впилась в него карими буркалами: неужели не попался?

"Одна! Я первый!" И как бы отвечая ей - мол, а я и не опаздывал, - Бочкин небрежно бросил кейс на стол:

- Я в третий корпус!

И вышел.

В коридоре нос к носу с редакторшей:

- Здравствуйте, товарищ Жюков! - приветствовал он ее со сталинским акцентом. - А у вас тогда неплохо получилось под Ельней!

- Плохо! - в сердцах бросила "товарищ Жюков". - Плохо!

Значит, она вляпалась-таки в засаду, и ее Ф.И.О. уже списаны с красной книжечки "Гостелерадио СССР" в проект приказа на лишение премии.

Жаль! "Товарищ Жюков" - белокурая, кареглазая - симпотная баба, особенно когда, опираясь локтями о стол, наклоняется к телефону и ярко-красные брюки обтягивают ее широченные бедра! "Ах, мама моя, мама, какая панорама!"

Но стремления к "левому" сексу не проявляла, видно, хватало ей криворотого мужа.

- Ой, я все понимаю, он ее обожает, - делилась с Бочкиным ее подруга, "самая-самая", - но ложиться с ним в постель - брр!

В буфете третьего корпуса наткнулся на "кофейника" Григоряна.

- Ты тоже через забор?

- Конечно! - улыбаясь, ответил "Гриша". - Я уже у Ларисы отметился! "Значит, я не первый сегодня! Ай да "Гриша"!"

Левка - "Гриша"-музыкант - "виртуозо", сам Вилли Ферреро на гастролях в Москве требовал его первым гобоем, и тогда Левку из городского "симфонищенского" пересаживали в Госоркестр, где оклады у всех под четыреста, - мог бы там и остаться, но чувствовал, что не надолго хватит его гобойного соло: дышалка барахлаила, сосуды лопались как нитки гнилые, правую ногу раздирали горячими иглами, а курил все больше!

- Гобой и табак - ваша могила! - врезал ему кардиолог.

"Е-е-о!" - сказал себе Левка, а очередная подружка поддержала:

- Сколько можно дуть в эту тростинку, раздирать себе легкие, сосуды рвать!?

И подался Левка - "Гриша" - на "помойку", на "теле", редактором в музотдел.

Левка окончил "Гнесинку" - "Гнусинку", как он ее называл, и музыкальных знакомств хватало, мог бы и Рихтеру при надобности позвонить, но того не особенно жаловали новые начальнички Левкины, - уж больно мнит о себе, капризуля, лучше кого попроще, хотя бы Власенко.

И Левка позвал Леву Власенку.

С ним Бочкин и "Гриша" сняли "Аппассионату", - все было заранее присоровано, свет выставлен, как в Голливуде, каждый кадр стал зри-

ваграм кеворков рассказы

мым образом музыки. "И видеть звук, и слышать цвет!" - вот что им тогда удалось!

Лапину после показа звонили многие знаменитости, и на них с Левкой стал коситься Аевич: как же это не он в гениях?

Аевич трудился прежде на радио, но когда там ввели должность главного, сцепился с Лаевичем, - других претендентов на главного не было, - оба талантливые, оба асы своего дела, темперамента у каждого на десятерых - драка вышла нешуточная: один ухнул в больницу с инфарктом, другой - с язвой желудка.

Вмешались "жрецы". "Лая" оставили главным на радио, "Ая" спихнули на "теле".

И он тащил и тащил сюда "своих", - так и появилась здесь новая заводотделом, подруга его подружки, до этого пахала музоформителем, хотя за плечами "консерва", "роялистка" вообще-то.

Попили кофейку с Левкой, пошли к Ариану: тот обещал накатать сценарий о военно-музыкантской школе. Надо ехать снимать на бывшую дачу Берии, в деревню Екатериновка, а сценария-то и нету.

У Ариана, слышно, засела Фаина, что-то впендрячивает ему. Бочкин чуточку приоткрыл дверь - Ариан красный и курит, и Фаина курит и красная.

- Признай сына своим! - и нога на ногу, чтоб аппетитные коленки наржу.

- Да я здесь вообще не при чем, у нее до меня эскадрон перебыл, так можно и Лапина отцом сделать!

Фаина замахала руками, как танцующий Шива:

- Ариан, ты совсем трекнул!

Бочкин аккуратненько прикрыл дверь, и они с Левкой похилили к себе в отдел. Левка помолчал-помолчал и раскололся: - Отец - Володя... - и назвал фамилию знаменитого оператора, всегда элегантного, обаятельного и поддатого, - Нинка с ним давно трахается, а с Арианом недавно, но Володю ей никогда не захомутать, а Ариана решила измором взять!

- А Фая у нее адвокатом?

- Угу!

Фаина обожала такие дела, - в редакцию пришла из ЦК комсомола, где все общественники и сознательные, но не монахи, и она не монашка, но ей Нину жалко! Ариан не женат, Нина не замужем, в самый раз партийно-комсомольскую свадьбу играть!

Конечно, если б Ариан был женат, - тогда просто вон его из партии за аморалку, и с работы вон, и вообще вон!

Вот главного "музыкалки" застукали с секретаршей, прямо на столе у него застукали, секретарша сама и организовала "патруль", - и все! Женился, как миленький, и был счастлив! Только умер скоро! Зато секретарша теперь сама там главным! - Левка хорошо излагал!

В отделе "куколка"-помреж советовалась с Ларисой Васильевной:

- Меня вчера один кадр с Кавказа пригласил в ресторан, обещал джидни подарить, - ийти?

эолова арфа

- Конечно, иди! Пожрешь, потрахнешься и еще джинсы отхватишь! - челюсть у заводилом отвисла в улыбке.

Помреж, проникновенно глядя в глаза начальнице:

- Спасибо, Лариса Васильевна!

- Пожалуйста! Я б и сама пошла, если б позвали! - завша, растроганная личной преданностью подчиненной, хохотнула баском.

Тут заглянул и зашел Аевич: - Лариса Васильевна, можно вас?

Завша тут же встала и пошла к двери, Аевич пропустил ее и двинул следом, жадно обтекавая взглядом ее весьма впечатляющую фигуру.

Левка хотел сказать что-то, но сдержался. Сказал потом, когда они с Бочкиным остались одни:

- Ее подружка вчера пришла ко мне и мы с ней так почесались! Если Аевич узнает, я пропал! Клянусь мамой!

- Знаете, Бочкин, Федя очень странно работает: разговор о милиции, а у него в углу кадра то глаз появится, то свисток свистнет! Как-то экстрагавантно все это!

Главный редактор, он же Толстяк, явно не понял Феदिного сарказма. "Экстрагавантно!" Не понял и вышел на четвертом этаже, а Бочкин понял и нажал кнопку пятого.

- Теперь о передаче молодежной редакции "Аукуцион"! - зал сразу же ответил смешком и рецензент Виктор Кудрявцев недоуменно глянул с высоты трибуны: - По-моему, это буржуазное название - "Аукуцион"!

Летучка - переполненный зал - покатила: вот это смехотура, - политический обозреватель, оказывается, человек малограмотный! "Аукуцион"! - надо же!

- Нет, серьезно, - Кудрявцев так ничего и не понял, - зачем нам этот "Аукуцион"?

Ну, ржа! "Такой кахей нам не нужен!"

- Товарищ Кудрявцев! - гендиректор ЦТ не выдержал. - Это слово произносится так: аукцион!

- Я и говорю: - Аукуцион!

Полный атас! Зал уже всхлипывает от смеха, а этот долдон все "аукуционит"!

Генеральный пытается спасти Кудрявцева:

- Переходите к следующей передаче!

- А я закончил!

Хохот и шквал аплодисментов!

Кудрявцев, растеряно улыбаясь, выходит из-за трибуны. В такт его шагам в зале издевательский топот десятков ног.

- Теперь о социалистическом соревновании! - Гендиректор пытается обрести серьезность. - Слово предоставляется товарищу режиссеру Мироновой!

Вконец развеселившийся зал устраивает "бурные аплодисменты, переходящие в авиацию!"

ваграм кеворков рассказы

Добравшись до трибуны и положив на нее шпаргалку, смущенная Ия начинает:

- Мы все время думаем, как еще больше урезать наши возможности, чтобы работать еще лучше!

Зал "подышает".

"Экстрагавантно"!

На партактиве ждали выступления зам.зав.сельхозотделом ЦК.

Зам.зав. был не похож на цекашных упырей. И фамилия у него была огородная - Капустян. Правильнее, наверное, Капустяну, но уж ладно, Капустян так Капустян, главное, что он, по слухам, без фанаберии.

- А почему, товарищ Капустян, в Москве третью весну подряд лука нету?

- Это наша ошибка, товарищи, наш просчет в планировании закупок, и нет нам оправдания!

Актальный зал на Пятницкой ответил аплодисментами, как бы оправдывая то, чему нет оправдания.

"Черт-те что! - возмутился Бочкин. - За что ему аплодисменты?"

Не выдержал, вскочил с поднятой рукой: - Товарищ Капустян, вам бы надо приехать к нам с луком, а не с пустыми словами!

На него зашикали, а седоватый с медальным лицом Капустян опять покаялся: - Три года подряд неурожай, но все равно нет нам оправдания!

И снова аплодисменты!

"ТЬфу! - ругнулся мысленно Бочкин. - Вот подпевалы проклятые! ТЬфу!"

Ариан, так и не родивший сценарий, уволился и, забрав личные вещи в бывшем своем кабинетике, ждал лифта. А из него Бочкин с Левкой, - как раз после съемки в Екатерининке.

- Эх, Ариан, - не утерпел Левка, прощально пожимая Арианову руку, - до зам.главного допер и уходишь! Обидно!

- Обидно не то, что ухожу, обидно, что когда помру и буду в могилке гнить, какой-нибудь молодой примат будет тут без меня девок дружить - вот что обидно!

Рослый, грузный Ариан легко шагнул в лифт, двери за ним захлопнулись и кабина тяжело пошла вниз, будто напрямик в преисподнюю.

- Жаль! - выдохнул Левка. - Хороший мужик был! Сожрали бабы!

Через пару недель Бочкин, как обычно, сошел с автобуса на Мытной, добрал до Хавской и, не спеша, дальше, той стороной улицы, что напротив редакционного корпуса.

Зачем приходиться к девяти, как требовали? Чтoб слоняться по коридорам или торчать в буфете? На летучку - да, конечно, к девяти, не опаздывая, а если с десяти съемка, то к половине девятого, чтоб все заладить, подвинуть осветителей с девяти раскатывать прожектора, опускать штанкеты, ставить рисующий, контровой, заполняющий, подбирать фильтры; уговорить технарей включить камеры не с десяти, а в девять,

элова арфа

чтоб сразу все проверить по кадру; проследить, чтоб с девяти до десяти артистов одели в костюмы персонажей, загримировали и чтоб они успели забежать в буфет хлебнуть кофейку, ибо на съемке, как говорится, надо быть в тонусе, а не в анусе.

Привычно скользнув глазами по зданию телецентра, Бочкин насторожился: люди валили мимо входа! "Опять облава!" Глянул на часы: "Ровно десять!"

Неспешно дошел до угла, пересек Хавскую и дальше по Лестева до Шуховки вслед за такими же злостными нарушителями трудовой дисциплины, как сам. Но что это? Почему так растеряны лица бывалых телевизионников? Лаз в заборе заделан! Густые переплетения стальной проволоки под силу перекусить только мощным клещам, а где их взять?

"Ну, хрен вам, иезуиты!" - и Бочкин зло двинулся обратно к Хавской, презрев потерянно топчущихся у бывшей дыры "бойцов идеологического фронта". "Надо прокантоваться до одиннадцати, в одиннадцать снимут засаду и можно будет спокойно войти через главную проходную, - не будут же эти олухи-кадровики торчать целый день?!"

Решив скоротать время где-нибудь поблизости, Бочкин прошел мимо зеленого глухого забора, за которым обреченные бедолаги годами безвылазно вживаются в чужую языковую среду, чтоб потом остаток жизни добывать импортные секреты родному населению, "работая" попутно еще на одну-две "конторы", - так легче быть на плаву и если "зацепят и поведут", "грохнутья" не как советскому, - всем иным и тюряга получше и срок поменьше.

Потом еще один забор - школьный, там юные балбесы с балбесками прикуривают друг у друга, хохмят, прикалываются. Недавно такая балбеска подвалила к нему в метро:

- Молодой любовью интересуетесь?

Он опешил:

- Ты что, голодна?

И получил в ответ:

- Во дурак!

Левка потом подтвердил:

- Конечно, дурак! Такую возможность упустил!

- Но ведь ей всего лет четырнадцать!

- Четырнадцать?! Ты бы узнал от нее много нового!!

Возле рынка зашел в комиссионку: поглазеть на шмотки "из-за бугра". "Аппетитно гниют, сволочи!"

В четверть двенадцатого, убедившись, что люди минуют шаболовскую проходную без затруднений, Бочкин и сам преодолел милицейский пост.

Из холла третьего корпуса позвонил зав.отделом, "наглеж так наглеж":

- Я здесь еще задержусь в репзале, есть возможность еще репетнуть с...

И назвал артистов, благо, они рядом, в холле, обсуждают что-то с режиссером другой редакции, - если надо, он им коротко объяснит, что к чему, и они подтвердят начальнице: "Да-да! С девяти репетируем!"

"И какой дурак будет с девяти репетировать?"

ваграм кеворков рассказы

В лифте их двое, Бочкин и Мира - мощный бифштекс, орошенный шанелью.

- И как вам режиссер Мира? - ее жадные губы растянулись в улыбке.

Он, все поняв, ответил:

- Нормально!

- А какая женщина! - и томно закатила глаза.

В редакции плюхнулась в низкое кресло, и короткая юбка не смогла скрыть ее соблазнительных прелестей.

Ванечка, вмиг охмелев от ее мясов, что-то зашептал ей на ухо, она довольно расхохоталась:

- Ванечка, отдаюсь только по любви!

А рыжий горбоносый Ванечка, враз употевший и раскрасневшийся, подошел к Бочкину и тихо:

- Я б ей все соски отгрыз, - ну и баба!

Бочкин, ободряюще подмигнув распаленному Ванечке, вышел и в коридоре встретил Лину, - а может, она его встретила?

Когда-то у них с Линой возникло что-то вроде амурчика-адиюльтерчика, но тогда Бочкин еще очень любил жену и их с Линой экспресс затормозил, не дойдя до конечной станции.

Теперь она глядела на него с улыбкой Джоконды:

- Знаешь, что о тебе говорит Мира? - "Ах, какой парень!"

И, взяв его под руку: - Мы с мужем и сыном идем на байдарках, давай с нами - хорошо будет!

И это "хорошо будет" сказала так, будто если б в редакции нашлось подходящее местечко, "хорошо" было б сейчас же, немедленно!

После командировки в Феодосию, где он вечерами далеко плавал, - именно там Мира впервые посмотрела на него, высоко подняв брови, - редакционные молодки норовили пройти рядом в каком-нибудь узкоречке, мазнув при этом своим крупом по его паху и кокетливо вякнув:

- Ой, извините!

- Не страшно! - отвечал Бочкин, и ему тут же поправочку:

- Не "не страшно", а какая хорошая попочка!

И однажды позвонили жене его:

- У него кто-то есть, он не реагирует на нас, значит, он сыт!

- А я?! - возмутилась жена. - Не в счет?!

- В счет, в счет, но, поверьте, у него кто-то есть!

И жена дома с ходу:

- Кого ты завел себе?!

"Эк мотает, а? Рубаху порвала, грудь исцарапала, у-у, кошка шипучая! О, что творит! Мотани-ка ее разок, Бочкин, мотани, чтоб летела и улетела! Нет, нет, а то потом срок мотать будешь! Так, теперь слезы! Значит, сейчас что-нибудь скажет!"

- Я думала, я мечтала, что ты все-таки сделаешь, наконец, карьеру и мы будем жить, как нормальные люди, жить за городом и ездить в город

эолова арфа

на служебной машине, и ты будешь получать много-много, чтоб мы могли каждый год ездить в заграничку, а ты! Милые - вот кто мы, милые, люди метро, отбросы! - и все это, всхлипывая.

- Чтоб ездить на служебной машине, надо быть главным редактором! - Бочкин еще пытается быть ироничным.

- Бочкин, Бочечкин, перейди в редакторы и будем ездить на служебной машине, Бочечкин! - и снова всхлипы.

- Через пятнадцать лет, раньше не выйдет!

- Прекрати! Я думала, все твои мысли в моей голове, а ты! Бочкин-Квочкин!

И разъяренной лисой устремила в их комнату.

Бочкин побрел на кухню. "Как талантливо мы жили раньше! Любовь и творчество! Сколько счастья было! А теперь? Где все это?"

- Бочкин, Лева, дорогие мои, ведь кроме вас никому, вы ж меня всегда выручали, а мне завтра опять в Питер на дубляж, я на вас, Бочкин, уже приказ сделал как на и.о., на месяц, - друзья, если вы меня не выручите, я погиб!

Теперь, похоже, им самим погибать!

На Левку лучше не смотреть: грубоватое лицо с могучим подбородком, мясистым волосистым носом и густыми черными бровями - как после нокаута!

Расчесывает массажной щеткой седеющие волосы, сперва на пробор, потом вперед-назад, - заставляет мысль проснуться, работать!

"Наверное, я несколько не лучше!"

Левка тупо уставился в угол, - значит, роется в своем секретном хозяйстве, вспоминает лабухов, певцов, музыкальные коллективы и коллективчики: кого бы взнудать, кто может спасти, вытянуть, сделать чудо? В болотистых глазах что-то мелькает, - вроде бы, возникло, срелось?

Закуривает, глаза яснеют.

- Возьмем Яну! Я ее еще никому не показывал. Чудесная девушка, будет ведущей! Возьмем ансамбль трубачей - в унисон дуют. Возьмем...

Что-то застревает в мозгу - Левка замолкает и снова упирается взглядом в угол.

И дернуло же их помочь Аевичу, выручить его! Ведь только-только прежнюю передачу сдыхали, еще поздравляют их с успехом на Интервидении, еще не отошли, не отмякли, но тогда у них был на работу месяц, сейчас - два дня!

Бочкин открывает окно - морозный воздух режет ноздри, врывается в легкие, изгоняя из них прокуренную шаболовскую гадость.

- Едем домой, Лева, не ночевать же здесь!

Медленно бредут по Донской. Молчат. Мыслят.

Через два дня записали все, что собрали и выстроили.

- Думаешь, кто-нибудь нам скажет спасибо за этот энтузиазм? - они после съемки одни в редакции, Левка опять массирует голову. - Никто и никогда!

ваграм кеворков рассказы

- А мы дураки?
 - Идиоты! Бочкин, у нас такая страна: если ты для нее стараешься, она на тебя плюет. Если ты на нее плюешь, она для тебя старается!
 "Ай да Левка!"

Не сразу уснул, во сне снимал, выходило переливчатое с искрой и он восхищался пластикой.

Под самый звонок будильника явился заяц - серый, ушастый, выли-зывает пузо. И тут спросонок: "Пушкин ворачивался, если встречал косо-го, иначе беда! Неладно, неладно, надо бы к девяти!"

И стало противно: "Трушу? Трушу!"

Позвонил "товарищу Жюкову":

- У меня предчувствие, - надо бы к девяти сегодня!

В автобусе вспомнил, как перед назначением Лапина двое матерых телевизионников "гудели" в Домжуре:

- Леха, ты народный артист, я тоже не хуй собачий, - что нам какой-то Лапин?!

Теперь, по слухам, оба в девять ноль-ноль в Останкино!

В девять Бочкин вошел в четыреста тринадцатую:

- Здравствуйте, Лариса Васильевна!

И сразу врубился: рядом с "жирафой" лежала амбарная книга, стра-нищу оглавила роспись самой начальницы.

Бочкин тут же запечатлел себя строчкой ниже!

В девять десять влетела Стоцкая, "украсила" завитушками третью строчку.

В девять пятнадцать начальница понесла книгу главреду.

В девять тридцать явилась "товарищ Жюков"

- Жукова, у вас второе опоздание за неделю! Вам нравится жить без премии? - завша смотрит, как расстреливает.

"Товарищ Жюков" краснеет, как ее брюки, и детский лепет про транспорт.

День прошел фифти-фифти; укладываясь спать, Бочкин с лёту трес-нулся о спинку кровати и вздохнул с облегчением: "Товарищ заяц сказал свое слово!"

И задумался: "Стоцкая - любопытно! Молоденькая, хорошенькая, особенно в зеленом платье с погончиками, была замужем за человеком вдвое старше себя, он антисоветчик, давно уж в Европе, издает там про-тив СССР, а Стоцкая, в соавторстве с молодым лоботрясом "издала" здесь чудного мальчика, папашка его сразу после рождения крохи уво-лился и слинял, а Стоцкая дала сыну свою фамилию и спокойно растит его - с помощью яслей, детсада и своих родственников, с бывшим му-жем-антисоветчиком переписывается, перезванивается, и ее, тем не ме-нее, терпят: нельзя уволить мать-одиночку! Видимо, если тронут, за гра-ницей такой хай поднимется!

Кого ж тут только нет: и жены диссидентов, и дети вождей, и потом-ки лидеров Коминтерна! Куда ты попал, Бочкин?"

элова арфа

У хитромудрой Аклиши в глазах смешинки:

- Ой, наш папа такой чудак! (Папа - это муж.) Он думает, что если у нас дома водопровод - это уже коммунизм!

- Нет, знаешь, мы не созданы для коммунизма! - это Наташа, она же Иго - бедрастый монголоид, предмет вождения всех мужиков. - Ведь коммунизм требует сознательности, готовности идти на уступки ради товарища!

- Ты только и делаешь, что уступаешь товарищам! - это Кира, тоже хитруля не из последних. И общее "Хи-хи-хи"!

- Я серьезно!

- Серьезно о коммунизме?! - Кира, вроде, изумлена, и тут уж хохот. И плевать на подслушки!

Бабенки решили гульнуть, - посидеть в кабаке, если повезет - в ВТО, значит надо выпялиться, обязательно выпялиться, чтоб кавалеры приглашали "дамов" и чтоб брошка была, где "перод", "две шага налево, три шага направо, а потом наоборот"! И "товарищ Жюков" надела только что пошитое синее платье с фестончиками и свое новенькое голубое пальто с песцовым воротником, и когда они, бабенки, полезли в трамвай, оттуда вывалился какой-то "в драбадан" пролетарий и, как "атакующий класс", исторг свой пьяный фонтан прямо на новенькое пальто "товарища Жюкова"! Злорадный хохот подруг обернулся рыданиями пострадавшей, это пальто было главным достижением ее жизни, как шинель Акакия Акакиевича, оно венчало собой и надежного криворотого мужа, и толстенную первоклашку-дочь, оно венчало собой семью и все ее везение в жизни, особенно место редактора Центрального телевидения, и оказалось обгаженным!

Пуще всех заливалась Стоцкая - добрая душа всегда чужому горю рада, а тут еще так смешно - новое пальто изговнять!

- Сволочи! - жаловалась Жукова Бочкину. - Я снегом оттираю блевотину, а они ржут! А как водку жрали!

Водку жрали, действительно, классно! И каждый тост был: "За мужиков!" Имея ввиду, что мужик - это не тот, кто приносит двести, а хотя бы четыреста! Потому что настоящие мужики заколачивают по восемьсот! Вон Лапин - девятьсот заколачивает, предгостелерадио долбаный, да еще надбавки всякие - члену ЦК, члену правительства, члену коллегии! Он, конечно, и не мужик вовсе, а так, пугало огородное, но заколачивает!

А комментаторы как заколачивают! Две тысячи в месяц! Вот бы словить такого!

И к Милке:

- Слушай, тебя ж сюда Михалков воткнул, ну скажи честно, ты с ним хны-хны?

- Девочки, милые, да я б счастлива была, он же на чай по рублю дает, но у него такие крали молоденькие! Куда мне!

- А за что ж он тебя сюда?

ваграм кеворков рассказы

- Он же почетный гражданин Пятигорска! А я, поэтесса местная, его вечер вела там в театре! Читаю свое: "От источников горячих вы у нас такой вот зрячий!"

А он мне на ухо: "От источников горячих у меня такой стоячий!"

Я чуть не усикалась!

Бабенки, уже под градусом, сами чуть не усикались от восторга.

А Милка:

- Ой, девочки, у нас же Стрельников Борис в "Правде", он же тоже пятигорчанин!

- Так он же в Америке! - вставила завша: дескать, у нее у самой дядя в Америке!

- Ну да! Уже десять лет! - согласилась Милка. - И вот он там Михалкова встречал, водил всюду, в стриптиз привел, в первый ряд посадил, а Михалков голяк увидал, рот раззявил, а тут вспышка!

- Как вспышка? - не "въехала" Стоцкая.

- Ну, блиц, фото! Стрельников сразу врубился, на сцену кинулся, вернул - фотопленка в руках! За пятьсот долларов выкупил! Фотокор "Лайфа" Михалкова с открытым ртом шелкнул! На обложку! Представляете, через голую жопу между ляжек какой-то блядищи лицо автора гимна СССР - представляете?!

- С открытым ртом! - закатилась Стоцкая.

- Ну!

Но посидели неважно: в ВТО не танцевали - вроде бы, негде, никто с ними не познакомился, все артисты только рюмку любили, деятели сраные! И швейцар сволочь: "Свободных мест нет!" Пришлось сунуть ему пятерку. Жалко пятерку!

Нет, что ни говори, а Центральное телевидение - это государство в государстве! Ну где еще можно тут же на работе купить отличную говяжью вырезку, заказать с утра и взять перед уходом домой сосиски и прочую колбасную чепуху - без всяких очередей! А к праздникам профком подкинет - за плату, конечно, - наборы с лососевой икрой, балыками и иными копченостями, какао "Золотой ярлык", арабским кофе самых разных сортов, сногшибательными конфетами и тортами, - так что, милые дамочки, тяните-волоките домой неподъемные сумиши, ловите такси и частников и добивайте своих домашних возможностями телевидения! И это все плюс к тому самому-самому, когда у задавших вопрос: - А где вы работаете? - резко увеличиваются глаза от небрежно брошенного в ответ: - В Останкино! "И ведь не врут бабы, и вправду, в Останкино - куда ж еще на работу в таком прикиде?"

Но, конечно, кое у кого ответы похлеще, чем какое-то "теле", - "В ЦК!" Тут уж у вопрошавших в зобу дыханье перло: еще бы, значит, этот Индивидуум одевается-обувается в спецотделе ГУМа, куда допускаются только партийные функционеры, политкомментаторы и особо выдающиеся журналисты! Жрецы! Ведь если они отовариваются по талонам в ГУ-

элова арфа

Ме, значит, и госдачей пользуются, и служебные "Волги" за ними закреплены! Одной ногой уже в коммунизме!

Бочкин не раз задавал себе вопросы: в коммунизме "от каждого по возможностям, каждому по потребностям". А кто, какие бюро или месткомы будут определять эти самые потребности, какие Клавдии Ефимовны или Марь Ванны вкупе с Игнатиями Навуходоносоровичами или Цезарями Львовичами будут решать это? И какова будет роль партии и гегемона-рабкласса в таких решениях?

И от этих вопросов коммунизм становился трухой, а от спецпаков и спецпакетов с деньгами "развитой" социализм оказывался до жути недоразвитым!

"Придумали системку! И как только мы еще существуем, как не лопнули?!"

Поговаривали, что и на космодроме бардак, а уж что творится на заводах "оборонки", Бочкин и сам знал от приятелей: двадцать дней мух ловят из-за отсутствия сырья или деталей, а в оставшиеся десять дней месяца не вылазят из цеха, штурмуя план и потребляя при этом ящики водки, которую "по требованию коллектива" доставляет к станкам не кто иной как начсеха! " В жизни всегда есть место подвигам!" И сверхурочным!

Кумач, кумач, кумач, натужные духовые оркестры, милиция, гебисты в штатском - "матюгальники" сдавленным горлом хрипят их команды: - Быстрее! Быстрее! Быстрее!

И тысячи взрослых людей, как дети, бегут, спотыкаются, посмеиваясь над собой, дабы скрыть ощущение неловкости - не шествие, а шутовство: догонят колонну таких же, как они, "верноподанных", упрутся в нее - и застрянут надолго, чтоб потом снова "шустрить" по команде своих "воспитателей".

"Клованы!" - Бочкина трясло от такого попраiania личности, от публичного унижения огромного количества человек, а активисты-оптимисты пускаются в пляс, хватанув перед этим пивка с бутербродами - торговые лотки со всей Москвы обильно загружены "подогревом" по случаю "такого замечательного календарного дня"!

Фальшь режет глаз и делает этот громадный ход людей жалким, нелепым и подлым: так нужные стране деньги - для пенсий, для больниц, для строительства - превращаются здесь в мыльный пузырь, - во имя чего? Ради предьявления неустанной "любви" к "вождям"?

Тысячи таких демонстраций по всей стране, "фюреры" - от главных до крохотных - принимают "ликующее" поклонение своих раболепствующих вассалов: - Ур-ра, товарищи!

А погода чудесна, как молодая любовь, самое в лес, в сады, в парки - нет, еще один выходной украден, - бездарно и оскорбительно!

"Клованы!!!"

В Клязьму приехалось поздно, в оконцах уж затеплились огоньки, кое-где прищурились ставенки.

ваграм кеворков рассказы

Недавний дождик все освежил, наполнил еловым, сосновым духом. Звезды на небе разгорались. "К погоде!" - просиял Бочкин и тут же споткнулся.

Ночью за облаками кралась луна, было тревожно и радостно: утром в молочном сумраке по грибы, аж за Манюхино, там, по слухам, ранний гриб, белеющий в проплешинах хвойной угрюмой стражи, и Бочкин уже предвкушал сладкое бремя заплечных коробов и огромных плетеных корзин.

Но еще затемно мелкими частыми гвоздиками застучал по крыше упорный дождик, и тающее в рассветном тумане Манюхино ехидно помахало Бочкину из-за мгlistой полоски дальнего леса.

Днем соседка звала водку пить, глядела приманчиво, но он предпочел дождливое одиночество и набухающие смутной надеждой слова, - авось, затрепещут они яркими красками в закоулках тягучих фраз.

Но слова не давались, разлетались, как птицы, а пойманные, безжизненно повисали в силках стылых строк, так и не достигнув высокого лёту.

К вечеру подъехала жена - в слезах, похоже, душа ее совсем заблудилась: - Как хорошо, что ты дождался меня! Так боялась, что ты уедешь! Господи, как я хочу детей от тебя! Ведь здесь, здесь я себя искалечила! Я не хотела рожать от Додика, но все было запрещено, я позвала местную бабку - это такое варварство! Сколько кровищи! А был мальчик, мальчик! Я должна, должна была его похоронить, зарыть, закопать, а я его в туалет, в этот самый сортир во дворе, в этот сортир, будь он проклят!

- Ты утопила его?

- Да-да, в говне, в этом сортире проклятом, в говне, - нет мне прощения! - рыдания едва не разрывали ей горло.

Он прижал ее к сердцу - оно переполнилось жалостью к ней, оно разрывалось от любви к ней, его трясло от сострадания, от горя, от овладевшего им ощущения соучастия в этом ужасном, постыдном, злом, подлом! "Боже, она это сделала от страха! Боже, прости ее! Прости ее - накажи меня! Вместо нее накажи меня!"

Обугленной горькой горбушкой осталась эта ночь в его памяти.

Хотя потом, когда она успокоилась у его плеча, был запах сосен и мерный шорох дождя, - от него так уютно на втором этаже старого деревянного дома, и был чай с клубничным вареньем, и было так, что, вроде, и не было ничего, - рыданий, раскаянья, сострадания, но было, было, и было принятие им ее греха на себя, и явилось отчаянное:

А жизнь, как акула, глотает все дальше,
И нет уже сил от несчастья и фальши,
И нет уже сил от забот и утрат,
И кто б ни спросил - ты один виноват!
Вся душа в крови!

- Это он здесь был тихий, а дома зевластый! Вершит! - Фаина никак не может успокоиться, что Ариан упущен, даже с сестрой его законтачила!

элова арфа

Зенки туда-сюда зырк-зырк, широкоскулая, толстогубая, крепенькая, ноль косметики - сельский корень! Даже самой странно, что когда-то она была директором нашей посольской школы в Бейруте и каждое утро ее начиналось с роскошного бассейна и огромного грейпфрута!

Теперь она каждую пятницу прет продукты - две сумищи и рюкзак - больной маме в Шатуру, и нет тогда никакой цекашницы-комсомолки, а есть переполненная электричка и она в ней, Фаина - стареющая баба без всякой надежды на личную жизнь.

Мужики сбежали из редакции в чудесный яблоневый садик между третьим и вторым съемочными корпусами.

Здесь можно не опасаться подслушки, можно позволить себе поерничать: - Телек - это брехаловка!

- Как соврем, так и будет!

- Чем хвалитесь, безумцы! Правда болеет, но не умирает! - О! Левка! Моралист-гобоист!

Похоже, Ванечку задело:

- Не ссы, Лева! Ты ж не член! Ни КП, ни СС!

- Над пропастью не ржи, Ваня!

- Значит, все-таки над пропастью?! - уцепил Бочкин.

- Правда всегда страшная! - отмахнулся Левка и задымил.

- Ты это случайно - не о газете "Правда"? - поддел его Ванечка.

- Случайно - нет!

А небо над ними без единого облачка, и вскоре агрессия истаивает вместе с сигаретным дымком, и начинается спасительный расслабон:

- А не мотнуть ли нам, братцы, на выходные в Софрино?

И покажется, что и вправду можно на пару дней закатиться в Дом творчества, и не нужно заботиться о семье, не нужно картошки-капусты, не нужен напряг с домашней уборкой и стиркой, и половики выбивать не нужно, - покажется, что они еще неженатые и беззаботные, и, ах, как это, черт побери, замечательно!

Увы! Покурят на свежем воздухе, и снова в свой обрыдлый четвертый корпус, задавись он, кормилец! И никакого Софрина, только скрипучий быт! И вправду: не ржи!

"Как-то сумно!" - и Бочкин спустился в медпункт.

- Так! - пожилой мужичок в белом халате воззрился на градусник.- Тридцать восемь! Немедленно в Первоградскую!

Устроили его в самом начале многолюдной палаты рядом с койкой смоленского прокурора.

Тот вел дела по реабилитации репрессированных в ежовщину, много рассказывал об этой своей работе, поражаясь человеческой подлости, ведь не было ни одного ареста просто так, без письменного навета.

- Спрашиваю:

- Зачем ты врал, что сосед контрреволюционер?

Отвечает:

ваграм кеворков рассказы

- А мне шкаф у него понравился, как соседа сослали, я себе шкаф и забрал, он и сейчас у меня!

И таких тысячи-тысячи! Язва желудка у меня из-за них! И самое главное, им ведь за подлость ничего не будет, даже судить не будут: что с них взять, они уже старые! А я б их всех сослал туда, где их жертвы страдали, всех до единого, сотни тысяч, только так можно выжечь скверну!

Помолчав, спросил:

- Как, по-вашему, что ждет нас? Сталин опроверг Ленина, Хрущев Сталина, Брежнев Хрущева, Потом опровергнут Брежнева, - что же будет?

Бочкин ответил без колебаний:

- Социализм!

- Что-о?! - прокурора аж подкинуло над койкой, он сел и смотрел на Бочкина в изумлении.

- Социализм! - спокойно повторил Бочкин.

И, глядя в глаза прокурора, добавил:

- Если, конечно, строй не реформируется!

Прокурор, не ответив, лег и отвернулся к стене.

И всю неделю до самой выписки не сказал Бочкину ни слова.

Юный ветерок овеял лицо, и радостно было идти дальше, туда, откуда летел этот замечательный ветер.

Бочкину нравилось человеческое разнотравье на берегах великой реки, наполненное то восклицаниями, то рокотом той или иной стайки людей, разных по языку, по вере, но единых своей едва уловимой общностью - волгари!

В свободное от "надзора" время он бродил по огромному базару - торжищу щедрой земли волжской, наслаждался ароматами снеди, жадно вслушивался в словесную разговорную массу, цепко вглядывался в лица тюрков, славян, угро-финнов, - а Волга, могучая, величавая, полноводная, невозмутимо текла на юг, как и тысячи лет назад.

С утра он убеждал местных телена начальников в необходимости при показе в Москве выйти за пределы ленинской темы, ведь Симбирск - это Гончаров, Карамзин - светочи, а есть еще Языков, Минаев, Варламов, да и историей не надо пренебрегать, - не зря же сюда заезжал Пушкин, чтоб увидеть, где томился в кандалах Пугачев! А Пластов, советский Пластов - он ведь тоже сын Волги!

А сама Волга! Сколь ни будь на ее берегу над исполинским простором, - все мало, может, и всей жизни мало, чтоб налюбоваться, нарадываться, надыхаться ею!

И обратной дорогой вагон покачивало, выстукивало:

- Во-ол-га! Во-ол-га! Во-ол-га! Во-ол-га!

Он любил это состояние покоя, когда мысли рождаются самотеком, как бы не зависимо от него самого, - чистыми родниками, живоносною силою. Тогда заново переживается все, что сделал в последнее время, и

элова арфа

неизбежна досада: уж не переснять, не переделать, уж мелькнуло в эфире, редко кого задев за душу.

А тут еще Илюша, фронтвик и отец двух сыновей-орясин:

- Нет, братцы, не ту мы профессию выбрали! То ли дело писательство: сидишь дома в трусах и шлепаешь на машинке! Не понравилось - клац, клац, клац - переделал! Клац - клац - клац - родил новенькое! Сам себе хозяин!

Но, вспомнив знакомых писателей, с утра до ночи сверлимых мыслью о том, что надо успеть, успеть к сроку, указанному в договоре с издательством, Бочкин усмехнулся Илюшиным иллюзиям.

Иногда Бочкина приглашали в ЦДРИ, в ЦДЛ - на юбилей.

В зале все те же люди - уважаемые и не очень, на сцене все те же поэты, с теми же словесами, что и пять, и десять, и двадцать годков назад, и те же песни, и те же певцы, но уже в париках и со вставными челюстями, и тот же художник, вот уже двадцать лет дарящий одну и ту же картину, - перед очередным творческим вечером он ее забирает у юбиляра, пакует в бумагу и дарит вновь - с теми же словами, поцелуями и объятиями.

А после, как всегда, фуршет:

- Выпьем и закусим, чем бог послал!

И даже бог посылал одно и то же: водяру и бутербродики с колбасой!

Бочкин с тоской смотрел на эти интеллигентские игры: "Затхлая жизнь!"

Только и оставалось, что выбраться к университету на горы, вобрать в себя простор над Нескучным садом, над Москвою-рекою, над вещим градом столичным - громадным и таким своим, родным, будто капля-кровинка в сердце!

И снова дышится славно, и снова счастлив Москвою!

Когда контролер подошел к ним и вопросительно поглядел на обоих, Кира протянула ему свой билет, а сама ждала, как же Юлашкин выкрутится: она четко помнила, что он билета не брал.

Контролер сделал просечку, вернул ей билет, а Юлашкин, заерзав, достал из кармана куртки какую-то красную книжицу и сунул ее развернутой едва ли не в нос контролеру, - тот даже слегка отшатнулся, но, прочитав, покивал понятиливо и двинулся дальше.

Юлашкин был смущен, и Кира смотрела на него с насмешливым интересом: "Что ж ты, шпиен - называется, надо было сказать, что билета нету, не взял, опоздал, пойти с контролером, в тамбуре сунуть ему эту свою шпиенскую ксиву, вернуться и сказать, что отмазался за полтинник! Так ляпнуться!"

А Юлашкин, поняв, что его раскусили, пошел ва-банк:

- Да, Кира, чуть-чуть я тебя не дожал! Если б не эта балда-контролер, ты б мне сейчас как миленькая выболтала, у кого дома висит Солженицын!

- Да он у всех висит!

- Как у всех?!

ваграм кеворков рассказы

- Ну, в тех больших домах, где я иногда бываю, у очень больших людей, даже секретарей союзов!

Кира врала отчаянно: фотопортрет А. И. Солженицына висел у нее дома, над их с Мишей и Таней рабочим столиком. Куда ей, мышке-норушке, скрипачке с последнего пульта, по счастью ставшей вдруг музыкальным редактором, ходить в большие дома к большим людям?

А Юлашкин озадачился: "О ком это она? Кабалевский? Хренников? Раухвергер? Щедрин? А что, Щедрин может! Надо Кирку получше прощупать!"

- Знаешь, Кир, - Юлашкин решил сыграть на доверии, - я Толстяка еще не щупал, не пробовал, а вот Аевича в момент расколос, но не буду его закладывать: он так смешно показывал всех наших шибздигов - и Толстяка, и Григоряна, и Игорей, - он точно, талантливый человек, пусть живет!

Но Аевич сам себя "заложил".

Привыкший на радио к травести, он и здесь назначил их мальчишками и девчонками - в кадре!

Нелепица вышла отчаянная, хохот на всю Москву, ЦТ пучило от злословия!

А тут еще с помощью ответсекретаря редакции-одессита - Аевич оформил этот ерундовый спектакль как фильм, с оплатой в десять раз больше!

На этом и поймал их Толстяк!

Пришлось Аевичу аллюром гнать к Лапину и в восемь утра убеждать того, что с оплатой ошибка вышла, что он отказывается от денег, он рад работать бесплатно!

Лапин внял - и убрал его из редакции.

Но вслед за Аевичем и Толстяк попался.

Режиссер Ливертовский, или попросту Ливер, фронтовик и партиец, на съемке в Клубе интернациональной дружбы - КИДе - решил, что израильский флажок среди флажков остального мира - это нормально.

Толстяк на просмотре сразу увидел эту крамолу, ведь с Израилем разорваны дипотношения, но на пересъемку нет времени, эфир сразу после просмотра. Что делать? Отменить эфир или выдать с израильским флажком? Толстяк эфир не отменил!

Лапин смотрел это и "диверсию" просек сразу. Толстяка вызвали "на ковер".

- Видели или не видели?

- Видел!

- И дали в эфир?

- Да!

И отправился Толстяк в детский аудиожурнал "Кругозор" расширять свой кругозор.

А "идеологический диверсант" Ливер чудом уцелел в партии: спасли боевые награды и офицерское звание.

элова арфа

Левка вернулся из столовой благодушным:

- Жизнь прекрасна и удивительна!

Ванечка тут же:

- "Человек выше сытости!" - воскликнул Горький после обеда.

- Горький не только это сказал! - Левка глянул весело. - "Речи правителей о желаниях народа подобны рассказу глухонемого о музыке!".

"У-тю-тюшеньки! Вот это приехали!" - и Бочкин показал Левке глазами на телефон: мол, подслушки же!

- Горький?! Так сказал?! - Ванечка потрясен.

А Левка все так же весело, будто и не заметил бочкинского сигнала:

- "Не надо обманываться: культура и государство - антагонисты!"

Ванечка совсем потерялся:

- Тоже Горький?!

- Нищше, Ванечка, Нищше! - рассмеялся Левка, он торжествовал, - неделю назад Ванечка ляпнул:

- Московские музыканты - это самые мудаки!

- Так кто же мудак, Ванечка?!

Ну уж, только не Ваня! С помощью тестя - районного начальника - он перевелся в книгоиздательство, ходит на "работу" дважды в неделю, а получает куда больше, чем на "телепомойке".

Да и Левка, болтун-болтун, а не дурак!

Теперь он каждый вечер в каком-нибудь ресторане сидит за отдельным столиком: пьет коньяк, ест икру, балыки - бесплатно, его угощают! Потому что, свалив "с помойки", он устроился инспектором агенства по охране авторских прав! И хлебно, и безответственно: проверять рапортички ресторанных лабухов с указанными в них авторами "сбаванных" в этот вечер песен. Чтоб авторы в ВААПе гребли "бабло" за звучание своих "опусов". И если лабухи забывают кого-нибудь внести в рапортичку, Левка делает страшные глаза, грозит лютыми карами и поэтому - на всякий случай - для него всегда приготовлен отдельный столик.

И домой Левка прет портфель с коньяком, шампанским, икрой, балыками, антрекотами, крабами - все "на шару"!

Узнав о таком замечательном месте работы Левки, Иветта тут же вернулась к нему, вопреки протестам папеньки-генерала, из-за неприязни которого к Левке и оставила когда-то мужа, отца своего ребенка, и теперь каждый вечер Левку преданно ждут в большой "сталинской" квартире жена и дочь: как не ждать, как не любить такого добытчика?!

"Так кто же мудак, Ванечка?!"

Мудаком оказался Бочкин.

Он осознал это, когда Федя, еще недавно молодой, талантливый, перспективный, а теперь старый, слабый, больной, жалкий, - нервически делился с ним:

- Ой, такую хорошую передачку сделал!

"Гьфу!" - мысленно крепко ругнулся Бочкин. - Добро бы спектакль, фильм, а то передачку он сделал! Говна пирога!" - он увидел в Федоре

ваграм кеворков рассказы

себя через пяток лет. Телевизионный Молох сгрыз Федю за какое-то десятилетие, сжевал и вот-вот выплюнет, не дав дотянуть-доработать до пенсии.

"И тружусь, и тружусь, и тружусь,

И уже ни на что не гожусь! - светлое будущее всего человечества!"

Когда спадает бензиновая гарь и в город прорывается пряный южный ветер, в центре Москвы пробуждается саванна: аж до Кремля доносится из зоопарка львиный рык, взволнованно трубят слоны, ржут зебры - победное тепло будоражит живое, и у стен ЦМШ с огромных деревьев ночью обрушивается звукопад соловьиных трелей, враз побеждая подражательные дневные пассажи скрипок и фортепиано, флейт и кларнетов! Природа - промысел самого Творца, город - создание человека, подобное муравейникам, термитникам и осиным гнездам.

Голуби рьяно топчутся у голубятни, на скамейках юные парочки сливаются в длительных поцелуях, старики и старушки кажутся себе молодыми и игриво поглядывают друг на друга из-под очков.

Но все это днем, ранним вечером, а ночью, когда нахлынет торжествующая зоосила!

Крепкая молодая рука проникла к ней под одежду, ее ноги жадно покорились ему. Мимо проходят пары, смущенные их эротической открытостью, одинокие мужчины и женщины, старики и старухи, и все завидуют им, переполненным яркой ликующей жизнью в самом центре Москвы!

"О, жизнь! Бывает ли что-нибудь слаще тебя!"

Левка, вдохновленный своим успехом у Иветты, которую втайне всегда любил, и счастьем постоянного общения с дочерью, был уверен, что вторым ребенком жена одарит его без промедления. Но Иветта все менее нежна с ним, разговоры о родах ее раздражают.

И Левкино сердце - мягкое, доброе, чадолюбивое - взбрыкнуло и ожесточилось:

- Раз ты не хочешь ребенка, значит, ты не любишь меня!

И гром грянул:

- Да, не люблю!

Левка, не в силах поверить услышанному, глядел на Иветту широко распахнутыми глазами, и она припечатала:

- Ты старый, я молодая, я новой любви хочу!

И добила его:

- Я тебе не верна!

Левка стал как серый камень, молча собрал чемоданчик, убрался в "свою" коммуналку и более с Иветтой не виделся! Никогда!

"Вы плачете, Иветта!"

О нет, Иветта не плакала! Высокая, красивая, сильная, она сразу ухватила "золотую жилу": по Левкиным "наколкам" - из его забытого блокнотика - "вышла" на эстрадный бизнес и стала как туристов отправлять небольшие концертные группы в Африку, Финляндию и соцстраны.

элова арфа

Ее хватало и дело крутить, и дочь растить, и "личняк" прихватывать.

А Левка "оброс" молоденькими подружками, на удивление ладными и красивыми.

Кого только не встречал Бочкин в крохотном Левкином пенальчике: и "Софи Лорен", и "Бриджит Бардо", и "Беату Тышкевич", и "Орнелу Мути", а уж замечательных мордашек иногородних!.. Бочкин диву давался: и откуда только этот кряжистый Левка выуживает таких красавиц?!

А Левка жаловался:

- У Ольгуши ножки как веретеночки, но только и говорит о театре!

- Она же театровед!

- Мне нужна мать моих детей, а не театровед!

Увы! Рожать красавицы не хотели!

И вся надежда детолюбивого "Гриши" была теперь только на дочь: авось, не обидет его, не обойдет внуками. Но дочь не спешила замуж:

- Папа, сперва образование, работа, квартира, машина, дача, а потом уже свадьба!

- Ну да! - вроде бы соглашался Левка. - А рожать лучше всего после семидесяти!

Дочь обижалась и не звонила ему.

В субботу Бочкин весь день трудился на монтаже, и воскресное утро было долгожданным просветом в тучах тягостной недели, но надо было идти звонить, три служебных звонка и все, можно будет расслабиться.

С трудом преодолевая усталость, он подвинул себя на поход к таксофону, а жена вдруг спросила:

- Надолго?

"Это она о завтраке, чтоб я не задерживался!" - и ответил:

- Да нет!

А когда вернулся и попытался открыть дверь ключом, оказалось, что заперто на фиксатор.

Удивленный, он позвонил, но открыли не сразу, и он ждал, не понимая, зачем закрыто, но одновременно начиная понимать то страшное для него, что, видимо, давно уж происходило, и стремительно вошел в дверь, едва она, в синем своем халатике, отворила, и сразу мимо нее в их комнату, чтоб взять из стола свой паспорт и уйти, уйти неизвестно куда, навсегда, и увидел сидящего в кресле сына с красными нацелованными губами, с притворной гитарой в руках, и будто нож всадили в него, - он с трудом добрался до стола, но паспорта не было, не было и сберкнижки, значит она и это предусмотрела.

И тут раздалось ее плачущее:

- Папа бросает нас, он хочет уйти к другой женщине!

- Какой женщине, что ты несешь?!

- Я знаю, знаю!

И тут же, пробежав коридор, выскочила к лифтам и завопила:

- Он хочет бросить нас, бросить! Хочет оставить меня с его сыном!

ваграм кеворков рассказы

Соседи начали выглядывать из дверей, и она, не скупясь на эмоции, наворачивала и наворачивала истерию - о, жертва, о, бедная, о, несчастная, о, брошенная!

А он смотрел на сына с нацелованными губами, механически брэнчащего на гитаре: "Эх, забрать бы тебя сейчас, но куда же уйдешь? Самому деться некуда!"

И понимал, что сын будет тянуться к ней, своей первой женщине, и что она крепко настроила сына против отца!

"О, жизнь! Бывает ли что-нибудь горше тебя?!"

В производственном отделе - молодые приветливые женщины, и мужики-режиссеры и ассистенты, - заказывая съемку, монтаж, озвучку, невольно "включают кадрж".

Женщины улыбаются мило, но "подбить клинья" под них так никому и не удается. Самцы злятся: "Вот бляди!"

Сидящая слева от входа брюнетка как-то по-особому глядела на Бочкина, и он однажды, развивая разговор с нею, спросил:

- А как ваше отчество? Неудобно как-то:

- Галочка!

- Удобно! - возразила она.

- Ну все-таки!

- Удобно!

- Ну все-таки! - уже укоризненно попросил Бочкин.

- Наумовна! - чуть не поперхнулась она и покраснела.

- Галочка Наумовна! Чудесно! - спасал ситуацию Бочкин. А у самого в голове: "Бедная ты моя чистая! Это ж надо так догнобить человека, что он стесняется национальности! "Свобода, равенство, братство и счастье всех народов!"

В пятницу в редакцию прибыл гость, известинец: в секретариат ЦК и газету пришла "телега" на бочкинский спектакль. "Я сидел, смотрел с женой и дочкой, и вдруг услышал: "И все это коту под хвост?!" Представляете? Я не знал, куда деваться от стыда перед женой и дочкой".

Идиот написал, а неглупые люди ломают голову, как бы ответить ему так, чтобы и Суслов, и Лапин, и "Известия", и сам идиот были довольны. "Товарищ Жюков" соорудила мощную отписку с упоминанием того, что спектакль удостоен премии и приза.

Известинец одобрил и разговорился:

- Мы с вами создаем общественное мнение, а нам так мало платят!

В самую боль попал!

Сквозь сон он услышал какие-то стоны, - ее стоны? Где она? Ее диван пуст! Откуда стоны? И тут увидел: она уже почти перевалилась за ограду балкона, - его рвануло к ней, он ухватил ее за руку, за ногу, почувствовал, что не удержит, заорал:

- Сын!

элова арфа

И, вцепившись, держал, едва не сползая вместе с ней в бездну, - она смертно стонала, она убивала себя, решила убить! "Держи же ее, держи!"

Подлетел сын, и вдвоем они втащили ее из-за ограды на пол балкона, - полуголую, рыдающую, убитую совестью! "Убить себя!! Боже, да ведь столько еще будет всего!"

Он еле приподнял ее, вдруг страшно тяжелую, доволоч, уронил на диван.

- Сын, воды!

Зубы ее стучали и едва не раздробили стекло, но он влил в нее четверть стакана, полстакана, стакан, - она обмякла, как эпилептик после припадка, когда стальное тело вдруг оказывается вялой массой мышц и костей, - обмякла, но все стонала.

С холодной жалостью он смотрел на нее, столь родную когда-то, боготворимую, да и теперь еще сердце рвется к ней, - но уже и чужую, враждебную.

"Вот попали! Все чуть не в пропасти!"

Стокая вошла с неприкуренной сигаретой, швырнула-набросила кейс на стол, усмехнулась победно:

- Все равно миром будут владеть евреи!

Бочкин показал ей глазами на потолок, на телефон и улыбнулся:

- Лирида, вас посадят!

Она усмехнулась все так же победно, но уже и скептически:

- Лире страдать не впервой!

В дверях сделала ручкой - мол, "Чао, бамбино!"

Слышала б она бочкинского деда еще перед войной:

- А я не хочу жить в этой жидовской монархии Ленина! - орал он в пивной.

Взяли его ночью. Выпустили днем. Через три месяца. Он уж только шептал разбитым расплюснутым ртом:

- Шавечкую власть люблю!

Так и умер, любя. С кровавой пеной во рту.

Два дня назад Бочкин услышал в останкинском коридоре:

- Все равно миром будут владеть гомосексуалисты!

Куколка-помреж заполошно влетела в отдел:

- Ирку убили!

- Какую Ирку? - завша оторопела.

- Мирзу, какую!

- Как - убили?!

- Любовник, художник по монтажу, знаете, длинный такой, приревновал к брату и топором по башке! Насмерть!

Через неделю еще новость:

- Сашку убили!

- Какого Сашку?

- Сладкова!

ваграм кеворков рассказы

- Как - убили?!
- Табуреткой по башке! Пили с соседом и допились! Череп треснул!
- Так, может, выживет?!
- Завтра похороны!

Через пару дней:

- Ия умерла!
- От запоя?!
- Да!

Потом:

- В учебке режиссер сорел! С сигаретой заснул! Знаете, хорошенький такой, чистенький, одинокий, педик, наверное!

- А что Чумак говорит?

Алан Чумак, экстрасенс, в учебке зам.главного редактора.

Алан сказал:

- Началось!

- Ну, все, ребята подали документы на выезд в Израиль! - жена явно в приподнятом настроении.

Ребята - это ее дочка с мужем.

- Значит, надо немедленно увольняться и устраиваться сторожем, иначе подохнем с голоду! - Бочкин давно уж готов к такому ходу событий.

- Ха! Пока наш КГБ проснется, два года пройдет!

"Экая самонадеянность!" - Я завтра же подам заявление и постараюсь выдраться поскорее: нас начнут трепать самое позднее через два месяца, а ребят завтра же исключат из комсомола и уволят!

- Три ха-ха!

"А вроде, умная!"

Вскоре молодые евреи из Голландии, Бельгии, Англии стали приносить приемнички, диктофончики, плееры, чтоб можно было сдать их в комиссионку и сносно питаться, ведь уволили ребят мгновенно. Как и предполагал Бочкин-Квочкин!

Развели Бочкиных сразу: оба заявили, что расстаются из-за невозможности иметь совместных детей (не зря Бочкин штудировал когда-то "Историю государства и права").

После чего жена, уже бывшая, вместе со своей дочкой, внучкой и зятем свалила в Израиль.

Сын поспешил жениться, и Бочкин оставил ему квартиру.

А себе купил развалюху в Тарусе. Круглый год топит печь: для тепла и от сырости, опять же еду готовит. Числится сторожем Дома культуры: ведет там драмкружок.

Иногда заходит в церковь.

А Левка-"Гриша" умотал в свой родной Ереван: преподавать там гобой.

Изредка он выбирается в окрестные горы, где когда-то звучал задумчивый дудук его отца - пастуха, и долго слушает тишину.

элова арфа

Ездит в Эчмиадзин. И под ликом Христа читает там на армянском то, что Бочкин в Тарусе читает на русском.

Я - свет,
а вы не видите Меня;
Я - путь,
а вы не следуете за Мной;
Я - ваш лучший друг,
а вы не любите Меня;
Если вы несчастны,
то не вините Меня!

ДЕТСКАЯ ВОДКА

1. "ЧИЖ" И КОЛБАСА.

Когда Гришке было шесть лет, он жил с дедом и бабкой, без мамы, и скучал о ней, но все равно жизнь была очень хорошая.

Рано утром, еще до завтрака, Гришка уже был на почтовой конюшне (жили во дворе почты), надо было выгрести навоз, напоить лошадей, засыпать им в длинные ясли овса или вилами набросать с конюшенного сеновала душистого сена.

А когда приходили конюхи, Гришка вместе с ними жесткой щеткой чистил лошадей, помогал запрячь их в телеги, чтоб с тетей Дашей-экспедитором ехать на вокзал за посылками, или отвезти посылки на станцию, или поехать к леснику за дровами, а на вокзал за углем, а если в телегах не было надобности, Гришка шел в темную кузню, рядом с конюшней, и там, ухватившись за веревку, тянул ее вниз, отпускал и снова тянул - помогал надувать меха, чтоб воздух из них шел на огонь в горниле и огонь горел сильнее, или стучал своим молоточком по раскаленной полоске металла, чтоб из нее получилась подкова или обод на тележное колесо или обруч на бочку, - "бух" - грохал по раскаленной полоске огромный молот кузнеца, "тюк-тюк" звонко отвечал ему молоточек Гришки. - Бух! - Тюк, тюк! -Бух! -Тюк, тюк! - весело получалось!

Иногда лошадей ковали, и тогда Гришка глядел, как широкоплечий и длиннорукий кузнец, зажав лошадиную ногу между своих так, чтоб можно было спокойно срезать острым кривым ножом наросты с копыта, потом, приложив к копыту подкову, вгонял молотком в нее и в копыто плоские гвозди с продолговатыми шляпками, загибая вышедшие сбоку острия и плотно прижимая их ударами молотка к поверхности копыта, - если не загнуть гвозди, подкова на бегу лошади может отвалиться вместе с гвоздями.

В поездках на вокзал Гришка всегда был за кучера, а тетя Даша, с пистолетом на боку, сидела, свесив ноги, сбоку или позади.

ваграм кеворков рассказы

Но однажды, когда конюхи уже ушли домой, тетя Даша пришла сильно пьяная и сказала Гришке, чтоб сегодня он ехал на вокзал без нее, дала ему накладную, наказав сдать по ней все посылки, а когда распишутся в накладной, что груз принят, привезти эту бумагу и отдать ей, и никому не говорить, что ездил один.

Тетя Даша помогла Гришке запрячь лошадей в одноколку, и Гришка отправился в путь.

До вокзала надо было ехать через желтую, выжженную солнцем степь, дорога была знакомая, и Гришка, важный от новой ответственности, погнав лошадей, стеганув их длинным кнутом, - Гришка сам сплел его из полосок кожи, нарезанных из шкуры павшей от килы гнедой Машки, - лошади побежали, но от натуги обделали навозом чуть не половину посылок.

Гришка остановил лошадок, нарвал у дороги полыни и стал счищать навоз с посылок, но полынь измазала своей зеленью бязь, которой были обшиты посылки, и на вокзале вышел скандал, посылки принимать не хотели, но Гришка сказал:

- Если не примите, тетю Дашу накажут!

Посылки приняли и в накладной расписались.

Пьяная тетя Даша спала на сеновале в конюшне. Гришка растолкал ее, дал накладную, а сам выпряг лошадей и завел в стойло, обтер их большой тряпкой, чтоб снять пот, засыпал овса в ясли, и только потом немного попоил.

Утром Гришка разбудил тетю Дашу, и она убежала на почту, а к вечернему выезду на вокзал опять пришла пьяная.

Теперь Гришка не гнал лошадей, он ехал и думал: почему тетя Даша напивается пьяной, и что в этом хорошего?

Так и не понял.

В воскресенье бабушка и соседка уехали на бахчу за арбузами, а деда затащили к соседу какие-то дядьки-начальнички, Гришка заглянул к ним и увидел на столе нарезанную кружками розовую колбасу, хлеб и водку. Колбаса так вкусно пахла, что Гришка, проглотив обильную слюну, поскорее убежал на двор.

Взял в конюшне палку-биту и стал гонять "чижа": сильно бил по краю маленькой толстой палочки, "чурбачок" подлетал, и Гришка лупил по нему, стараясь отбить как можно дальше. Потом шел к "чижу" по теплой пыли двора, подойдя к "чурбачку", сильно бил по краю его, "чурка" взлетала, Гришка лупил по ней большой палкой, "чиж" улетал, Гришка шел к нему, и все повторялось.

А нос в это время кричал о вкусной колбасе, Гришка глотал слюнки и говорил себе: "Не ходи, не ходи, а то...". Но дальше не думалось, и Гришка все же пошел, оставив "чижа" и битку в пыли.

Дядьки о чем-то спорили, Гришка вошел и остановился, упершись взглядом в колбасу. Ее стало меньше и Гришка чуть не сказал: "Дайте мне колбасы!" Но дядьки, потные и румяные, увидев его, закричали:

- И ему, и ему стакан!

элова арфа

Дед замахал руками, закричал:

- Нет! Нет!

Но его, пьяненкоого, и слушать не стали, налили в граненый стакан водки до краев и заорали:

- Пей до дна, пей до дна, пей до дна, пей до дна!

И Гришка, решив, что если выпьет, ему дадут колбасы, взял полный стакан и, вспомнив, как дед учил соседа пить спирт, вобрал в себя побольше воздуха, выпил водку - обожгло внутри, аж зажмурился, и стал медленно выдыхать.

- Ур-ра! Ур-ра! - заорали дядьки, Гришка на секунду даже о колбасе забыл, но, открыв глаза, тут же увидел ее, так вкусно пахнущую, и уже протянул руку к ней, но дед схватил его за руку и потащил домой, говоря:

- Скорей закусить! Скорей закусить!

Дома налил в мисочку борща из кастрюли, дал ложку, хлеб и сказал:

- Ешь, ешь скорей, а то окосеешь!

Гришка испугался, что окосеет, и стал быстро есть!

И дед сказал:

- Ну, молодец! Иди поиграй!

И слегка подтолкнул Гришку, чтоб шел во двор, а сам опять к соседу.

Гришка отыскал "чижа" и стал вяло гонять его - по жару. Вспотел и, пульнув "чурбачок" в сторону кузни, ополоснулся там из железной бочки.

Вспомнил про черепаху в деревянной бочке, запустил туда руку, но никого не поймал: наверно, черепаха по дну ползает, а в мутной воде не видно.

Вытащил руку из воды и смотрел, как по ней стекают наполненные солнцем капли, падают вниз и становятся пыльными шариками.

Кузня закрыта, а конюшня открыта - пустая. И телег нету. Значит, уехали на огороды - по выходным всегда так!

Гришка подумал, что хорошо бы сейчас с Алькой на речку, и пошел к воротам.

Увидел, что ворота не заперты на висячий замок, а просто прикрыты, и подумал, что обрадует бабушку, когда она приедет с бахи: ворота уже открыты, можно на телеге, полной арбузов, сразу въехать во двор!

Гришка потянул на себя левую воротину, потом правую - и ворота нараспашку, - вот они!

И Гришка с силой хлопнул по краю "чижа" и, когда тот подлетел, влупил по нему палкой-битой, и "чиж"брякнулся аж возле свинарника, и Гришка побрел к нему, с удовольствием погружая босые ступни в теплую пыль.

В свинарнике похрюкивал Борька, Гришка зашел к нему и увидел, что Борька грязенький, значит, сегодня свинарник не чистили.

Гришка приволок с конюшни охапку сена, Борька тотчас начал тереться о сено, и оно стало грязным, а Борька чистым! Гришка вилами выгреб на улицу грязное сено, Борька радостно похрюкивал и смешно толкал Гришку розовым пяточком: хотел есть!

Гришка сообразил, что дома есть отруби для цыплят и отправился за этим кормом для Борьки, но, едва ступил на веранду, вспомнил про кол-

ваграм кеворков рассказы

басу, показалось даже, что слышен чудесный запах ее, и Гришка, войдя к соседям, увидел: на тарелке лежал последний кусочек!

А пьяные дядьки закричали:

- О, кто пришел! Стакан, стакан ему!

И налили водки, и Гришка с мыслью об этом последнем куске колбасы зажмурил глаза, выпил водку, медленно выдохнул, открыл глаза и увидел: тарелка пуста, а какой-то дядька подносит ко рту последнюю колбасу и кладет ее в рот!

И Гришка закричал:

- А мне?

И дядьки страшно захохотали и закричали:

- Еще стакан ему! Еще стакан!

Дед схватил его за руку и потащил домой, и Гришка опять съел мисочку борща, а потом никак не мог найти отруби.

Когда бабушка и соседка въехали в распахнутые ворота и увидели, что на дворе никого, поняли: что-то не так!

А когда поднялись на веранду и зашли в свои квартиры, их встретило "пьяное царство": муж соседки спал, уронив голову на грязные тарелки.

А дед с внуком храпели на диване в облаке водочного перегара.

Гришка проснулся от криков.

Бабушка кричала:

- Сам пьешь и внука спаиваешь!

Дед кричал:

- Это они ему наливали!

Бабушка кричала:

- А ты что, не мог его защитить?!

- А ты почему его не взяла с собой, чертова кукла?!

Бабушка и дедушка еще долго кричали, но Гришка уже не слышал их: он спал.

Через год Гришка пошел в первый класс!

2. КЛЯКСА.

В воскресенье взрослые с утра отправились на огороды, а Гришку оставили дома, чтоб он мог спокойно выводить палочки с хвостиками.

Гришка затосковал: он любил огороды, ведь как здорово сажать картошку, капусту, фасоль, огурцы, кукурузу! А потом поливать это водою из речки - она рядышком с огородами. А собирать урожай!

Потосковал, потосковал и раскрыл толстую тетрадь с гладкой бумагой. Наверно, мама купила ее у тех, кто получал посылки из Германии, Гришке даже стыдно перед мальчишками-одноклассниками за эту тетрадь, ведь они, как недавно и сам Гришка, пишут на полях газет самодельными чернилами из раздавленных волчьих ягод и палочки-хвостики расплываются на серой газетной бумаге и становятся толстыми и смешными.

элова арфа

В тетради надо писать красиво, замечательно, на пять с плюсом, и Гришка решил постараться.

Но только начал писать, с кончика металлического перышка скатилась на бумагу чернильная капля! Клякса!

Гришка испугался! С самого начала, с первой же страницы испортить такую замечательную тетрадь! За кляксу учительница, конечно, поставит двойку, и мама расстроится до слез, и это будет ужасно, ужасно!

Гришка решил выдрать страницу!

Но выдрать так, чтоб совсем незаметно было!

Внимательно осмотрев толстую тетрадь, он увидел, что все листы склеены слева, и понял, что если аккуратненько "отслоить" один лист, мама ничего не заметит!

И стал медленно-медленно отклеивать злополучный лист с кляксой.

Он аж вспотел, пока отклеил его, но вышло чисто, было совсем незаметно, второй лист тетради выглядел точь-в-точь как первый!

А первый лист, с кляксой, надо сжечь!

И Гришка, чтоб взять спички, встал на стул, открыл дверцы "второго этажа" старинного буфета и увидел, что коробок лежит рядом с графинчиком водки и маленькой серебряной стопкой, из которой дед любит в обед "чекалдыкнуть".

Гришка взял спички, и в печке, открыв дверцу топки, сжег, спалил злосчастный лист с кляксой, - лист горел медленно, неохотно, корезился, скрючивался, но все же сгорел.

На душе стало легко, Гришка вспомнил, с какой радостью дед "чекалдыкает", и, когда клал на место спички, решил попробовать: взял графинчик и стопку, слез со стула, поставил "посуду" на стол, открыл нижние дверцы буфета, достал ломтями нарезанный хлеб, масленку и тарелку с зеленым луком.

Из ящика между этажами буфета вынул нож и, как делала бабушка, намазал масло на хлеб и накрыл это перышками зеленого лука.

Затем, как дед, налил из графинчика стопочку, вдохнул поглубже, выпил обжигающую жидкость и стал медленно выдыхать, а выдохнув, с жадностью откусил хлеба с маслом и зеленым луком. Оказалось - вкусно! Так вкусно, что Гришка съел весь ломоть!

Этого дед себе не позволял: откусив и прожевав кусочек, он наливал вторую стопку, выпивал ее и закусывал все тем же ломтем хлеба с маслом и луком.

Гришка подумал-подумал и намазал маслом второй кусок, налил вторую стопку, выпил и закусил сперва луком, а потом уже хлебом с маслом. И снова съел весь кусок!

После второй стопки бабушка обычно забирала графинчик у деда, чтоб спрятать водку в буфет, но дед кричал на нее "Чертова кукла!" и отбирал графинчик и наливал третью стопку!

И Гришка тоже налил себе третью стопку, намазал маслом третий кусок хлеба, выпил водку, закусил луком и хлебом с маслом, и опять съел весь ломоть.

ваграм кеворков рассказы

Потом, встав на стул, поставил графинчик и стопочку рядом с коробком спичек, закрыл дверцы и слез со стула.

Замасленный нож вытер о кусок хлеба, тарелку с хлебом вернул на первый этаж, там же поставил тарелку с луком, закрыл дверцы, нож положил в ящик, крошки со стола смел в ладонь и отправил в рот.

Почувствовал, что устал, лег на бабушкину кровать и уснул.

Когда проснулся, испугался, что скоро вернуться взрослые, а у него ничего не сделано, засел за палочки с хвостиками, выводил их долго, старательно, аккуратно исписал всю страницу, но, когда выводил последний хвостик, снова посадил кляксу!

Гришка страшно расстроился, чуть не заплакал, хотел опять вырвать лист, но пришли взрослые: привезли урожай.

Гришка рванулся к ним - помогать, но подумал, что от него может пахнуть водкой, как от деда после обеда, и, приоткрыв дверь в коридор, стал смотреть.

Мама вынимала из мешка большие вилки капусты, дед, стоя на табуретке, навешивал на бельевую веревку под потолком связанные початки кукурузы, а бабушка радовалась картошкам:

- Как поросятки! Как поросятки!

Гришка вернулся за стол и чуть не заснул, ожидая, когда закончится возня с урожаем.

Но вот взрослые вошли в комнату, мама сразу направилась к столу, и у Гришки замерло сердце.

Увидев кляксу, мама закричала Гришке:

- Марш в угол! Сейчас же!

Гришка ушел в другую комнату и там, стоя в углу, слышал, как мама жаловалась бабушке, что завтра Гришка получит двойку за кляксу, а ей столько пришлось заплатить за эту тетрадь с вошеной бумагой, а этот оболтус Гришка не ценит этого, не мог без кляксы одну страничку заполнить!

Взрослые сели обедать, дед налил себе водочки, и Гришка напряженно вслушивался: не заметил ли дед, что в графинчике водки меньше, чем было?

Дед не заметил, бабушка тоже, Гришка почувствовал, что глаза слипаются, потихоньку дошел до своей кровати, тихо лег в нее и заснул - аж до утра, до школы, когда мама уже ушла на работу.

За кляксу Гришка получил "пару", представил себе, как огорчится мама - до слез, и жалость сдавила горло.

"А если б мама узнала о водке?"

Следующую стопку водки Гришка выпил на выпускном вечере в десятом классе.

Эмиль Сокольский

рассказы

Эмиль Сокольский родился и живёт в Ростове-на-Дону. Окончил геолого-географический факультет Ростовского государственного университета. Автор публикаций об исторических местах России, литературоведческих очерков и рассказов. Печатался в журналах "Наша улица", "Аврора", "Музыкальная жизнь", "Театральная жизнь", "Встреча", "Московский журнал", "Берегиня дома твоего", "Подъём", "Слово", "Дон", "Дети РА" и других, а также в альманахе "Эолова арфа".

Письмо Нины Красновой Эмилю Сокольскому,
который прислал ей свои рассказы для "Эоловой арфы":

Великий мастер художественного слова Эмиль Сокольский!

Я получила и прочитала твои рассказы... И подумала: Эмиль печатает в прессе в основном свои статьи и эссе о поэтах, то есть выступает как критик и литературовед, и "читатели", которые не знают художественной прозы Эмиля, считают его только критиком и литературоведом, правда, не каким-нибудь, а первоклассным, но только критиком и литературоведом; а он писатель-то какой! куда до него иным титулованным "первоклассным" писателям, увитым лаврами! У тебя такая проза - в прямом смысле художественная, со своей совершенно особой словесной вязью, отличающаяся от всей современной прозы.

Спасибо тебе за твои чудесные рассказы! Я читала их с неизъяснимым наслаждением и вся упивалась ими и дышала чистым целебным воздухом пространств русского севера и среднерусской полосы, открывшихся мне в твоей прозе!

Я с радостью напечатала в своей "Эоловой арфе" эти твои рассказы. Они, разумеется, достойны более престижных альманахов и журналов. Но благодаря такой прозе, как у тебя, и таким авторам, как ты, "Эолова арфа" делается престижнее всех журналов и альманахов!

Обнимаю тебя, восхищаясь тобой не только как критиком и литературоведом, в том числе и красноведом, но и как писателем!

Твоя читательница и почитательница
Нина КРАСНОВА,
19 мая, 2012 г., 13:33 по московскому времени

ЗА ПОСЛЕДНИМ ПОВОРОТОМ

Сергей Алексеевич закрыл книжку, быстро положил её на край кровати (понятно было: читал без интереса, или только пролистывал), встал, поздоровался. Представились.

- Да, будем пока вдвоём, - он с бодрой предупредительностью глянул по сторонам, словно стараясь угадать, какое место вошедшему больше по душе. - Кроватей много, устраивайтесь хоть где. А завтра меня уже не будет.

- Уезжаете? - приветливо ответил Виктор, подлаживая сумку под кровать, которая спинкой упиралась в большую белёную печь (можно было

эмил сокольский рассказы

устроиться и у окна, напротив Сергея Алексеевича, но Виктор из деликатности не стал тесниться).

- Двух дней мне хватило, - Сергей Алексеевич снова занял полулежачее положение, машинально взял книжку ("Как терпеть недостатки ближних", прочёл Виктор) и примостил её на животе. - Больше и не нужно. Для меня, по крайней мере. А вы какими судьбами? Паломник?

Виктор неуверенно повёл плечом.

- В некотором роде...

Сергей Алексеевич улыбнулся, под глазами проступила сеть добрых морщинок, он сразу стал уютно-домашним и своим, хоть лёгкая борода и отдаляла его от Виктора: человек из другого мира, из другой эпохи. Впрочем, в монастыре - все другие.

- Понятно, сюда приезжают по разным надобностям. Кто - по вере, кто - пожить-поработать, заслужить угол, питание... А я - потому как стыдно: самый главный у нас в области монастырь, а вот не был, хоть и газетчик, должен бы.

- Решились?

- Мой приятель - хозяин иконной лавки. Давно звал: отдохни, надышись воздухом, напитайся благодатью.

Виктор присел на кровать, положив локти на колени и сцепив пальцы.

- А я вот сам, без приглашения... Учился на архитектурном, и церкви так захватили, что стал верующим. Пожил в трёх монастырях, и, вы правы, такую благодать испытал, переродился, понял: жить, как раньше жил, нельзя. Боялся в город вернуться: там всё это так легко растерять. Попробуй в людской толчее не раздражаться, не злиться, не осуждать... В церковь пойдёшь - восстановишься, но ненадолго, а монастырь... он держит крепко, тишина, свет в душе на много дней сохраняются... Я тоже на чуть-чуть - послезавтра обратно.

- Счастливый вы человек, - Сергей Алексеевич произнёс то ли сочувственно, то ли иронично: он уже не улыбался, но глаза по-прежнему шурились. - Я не потому обратно, что напитался благодатью. Виноват, грешный, но вера за шестьдесят лет ко мне не пришла. Что поделать, склад мышления рациональный, и воспитали не в том духе... Теперь ведь столько верующих, трудно поверить, что все искренние... Я не о вас, - Сергей Алексеевич снова по-домашнему улыбнулся.

- Что вы, я и не думал... - Виктор смущённо приподнял локти и снова опустил.

- Саша ехал сюда на машине с книгами и меня забрал. Дома сейчас тарарам, приехали внуки: неуправляемые, носятся, шумят, кричат, жена терпит, а я за две недели, честно сказать, от них устал. Вот тишину и получил. Представьте, устал и от тишины - угнетает! Мирской я человек, эта жизнь совсем не по мне...

Виктор с вежливым пониманием смотрел на Сергея Алексеевича, потом повёл плечом, говоря глазами: ничего страшного, есть верующие, есть неверующие; и совсем по-мирски, как бы извиняя, заинтересованно спросил:

элова арфа

- Но не напрасно съездили? Отдохнули? Природа, воздух...

- Конечно, конечно! - уверенно и даже с настроением согласно махнул рукой Сергей Алексеевич. - Как же напрасно. Всё так необычно: озеро с трёх сторон, леса. Впечатляет. Но только поначалу. Обошёл церкви, корпуса, на озеро посмотрел - простор! величие! А вечером подходить к берегу, знаете, жутковато, я два раза перед сном набирал воды в рукомойник, потому что за день всю расходую. К озеру - и скорее обратно. А после восьми тут всё вымирает: глухая тишина, и я один на всём свете. В девять крестный ход, трижды идут вокруг церковей, молчание полное. Этот фонарь со свечой... для меня, конечно, бутафория... не проникся, нет, не проникся.

- А на Святое озеро ходили?

- Не дошёл, - Сергей Алексеевич сожалеюще развёл руками и шутиливо-воинственно тряхнул головой: - Но ходил!.. Саша мне давно про него рассказывал: знаете, да? - там святому Антонию крестьянин посоветовал пройти на это место, где мы сейчас, самое красивое в округе, основатель обитель. Я, конечно, захотел найти озеро. А поди ж ты, без благословения нельзя. Как послушный гость, иду к настоятелю, он чего-то сомневается, колеблется, потом разрешает, но сказал так: если через полчаса озера не будет, сразу возвращайтесь. В лесу темнеет быстро, можно и пропасть...

- Не нашли? - Виктор произнёс скорее утвердительно.

- Саша говорил мне, что там, у озера, стоят кресты, и на них много завязок. С языческих времён поверье: завяжешь платок или полотенце - чаяния сбудутся. Увижу кресты с завязками - значит, я на месте. Так вот, иду-иду, а ни завязок, ни озера.

- Может быть, сбились? Что там хоть за путь? - Виктор придвинулся к кровати Сергея Алексеевича, словно удваивая внимание.

- Да всё как будто просто: отсюда, с полуострова, сразу налево. Две деревни - и лес. Прямо, прямо. Ни влево, ни вправо, прямо... По крайней мере, так мне объяснили, так я и шёл. Разве что-то забыли уточнить...

- А дорога интересная? - Виктор хотел сказать "красивая", но в голосе могли проступить романтические нотки - постеснялся.

- Да так, ничего, - как бы удивляясь задним числом, ответил Сергей Алексеевич. - Хотите сходить? Угор за угором, по сторонам - озёра. Первое - справа, к берегу не подойти, затоплен. К другим, если не лень, можно и спуститься. Но спускаться далеко, угоры высокие, да и вода не всегда видна из-за леса. Воздух чудо, ничего не скажу, а так всё однообразно. Ну что - лес он и есть лес. - Сергей Алексеевич провёл пальцами по лбу и обратил глаза в пространство, замедляясь в кратком воспоминании. - Обратно шёл - солнце светило, потом поднялся ветрище, сразу холод, темно, как перед ливнем. Погода у нас на севере может меняться каждые пять минут! Завтра, говорят, будет то же самое. Так вот - обошлось без ливня, снова солнце и снова ветер, хорошо - успел перед дождём, и как раз к ужину, а его жаль пропускать, кормят вкусно. И часто: кроме завтрака-обеда-ужина ещё и полдник. Отец Трифон считает полдник обязательным: пища постная, все должны быть сыты, мыслями на еду не отвлекаться. Я тут монаха спросил: а как же стоять на вечерней

эмил сокольский рассказы

службе с полным животом, ведь священный текст не воспринимается? А он отвечает: наш батюшка говорит - с пустым желудком любой воспримет, а вот потрудитесь-ка вникать с полным!

Вечером, на службе в храме, древние плиты которого устилала солома (чтобы не стыли ноги, как-никак осень), Виктор вспомнил справедливые слова Сергея Алексеевича и не сдержал улыбки.

Странное впечатление у него осталось от разговора... Оно как-то нарушало возвышенно-романтический настрой, казалось лишним в уже подступившей вплотную, столь ожидаемой им глубокой радости, сдерживало до дна очищающий душу тихий восторг, который, не оставляя места ничему другому, всегда охватывал его в монастырях... Виктор испытывал лёгкую досаду при мысли о том, что, попав сюда, в эту обитель, чуждую машинальных повседневных забот и постыдной социальной зависимости, кто-то не принимает всерьёз ни благоговейного соблюдения вековых обрядов, ни кроткого безмолвия немногословной, спокойной, предупредительной братии, ни благодати, растворённой здесь в самом воздухе, в озёрно-лесной тишине, нарушаемой лишь звоном колоколов, непреклонно-вечным, переливчатым, летящим, - как не замереть при этом звоне, не поднять глаза к небу, не перекреститься с порывистой благодарностью Всевышнему за чудо земного существования, за дар смирения, который даётся верой!..

Смирение Виктор сначала понимал только как умение прощать, не отвечать злом на зло, не реагировать на грубость и несправедливость. Но если варишься в котле мирской жизни? Не получалось по-христиански, хоть убей. На помощь пришёл старый добрый священник одной из церквушек вологодского захолустья, куда Виктора занесло во время его архитектурно-исследовательских поисков. "Заметьте, как легко мы даём оценки другим людям, - слегка наклонившись к Виктору, мягким баритоном внулшал батюшка. - Тот наполнил, другой не исполнил обещания, третий схитрил. Ну а мы-то сами молодцы, - а как же, конечно! А вот возьмём и поставим себе утром задачу: сегодня - никого не будем осуждать! Но ведь приходим на работу, с кем-нибудь слово за слово - и не сдержимся, кольнём чьё-нибудь имя! Так что же получается? Мы настолько слабы, что и ничтожную страстишку не можем в себе побороть? А других-то осуждать горазды!"

Вот оно в чём дело, понял тогда Виктор: с осознания того, что мы слабы и нам ещё трудиться и трудиться над собой, и начинается смирение. Мы никто и ничто - пока не победим собственных бесов.

Скорее, Виктор сейчас больше досадовал на себя: за то, что в городе так и не сумел прийти к тому смирению, которым проникался в монастырях. Невелика заслуга: просветляться и очищаться там, где ничто не мешает очищению и просветлению; стоит же покинуть обитель, и очень скоро всё идёт по-прежнему. И вот к этой досаде и примешивалась досада поменьше, правильнее сказать - смутное чувство неудовлетворённости от встречи с милым, приветливым человеком - должно быть, опытным, внимательным журналистом, - но почему-то не "проникшимся", тяготящимся тишиной, равнодушным к высокому покою монастырского житья; да и Святое озеро для него оказалось всего лишь историческим

эолова арфа

объектом, поводом для туристической прогулки. Лес как лес, вода как вода... Виктору втайне хотелось, чтобы сосед уехал уже сейчас; слушая почти безэмоциональный рассказ, он невольно прожил с Сергеем Алексеевичем его вечер, его дневную прогулку на озеро (до которого тот, вероятно, не очень-то и хотел дойти); рассказ Сергея Алексеевича Виктор воспринял, что ли, как впечатления среднестатистического паломника, странника, пусть туриста, наконец, и ему хотелось переписать этот рассказ на свой лад от начала до конца, заменив, отменив старый!

До крестного хода оставалось меньше часа. В комнату возвращаться было неохота, а идти больше некуда: темнота наступала стремительно, словно кто-то ответственный в монастыре следил за тем, чтобы вовремя убирать свет. Виктор задержал взгляд на озере (оно стало чёрным и густым, как жижа), и, решив подойти поближе, осторожно, почти боязливо, ступил на мосток, будто с наступлением мрака тот мог опасно уменьшиться в размерах. В холодном лунном свете куда-то стремительно утекала нервная рябь; казалось, озеро спешило за ночь выполнить какую-то беззвучную тайную работу, и то, что оно кое-где расслабленно поплёскивает у тростника, Виктор услышал позже, когда, нащупав теряющуюся в комковатой вязкой земле тропинку, необъятными, непроницаемо чёрными огородами пробрался из своего паломнического жилища к пугающе пустому водному пространству, чтобы наполнить рукомоиник.

Приближалось время крестного хода; Виктор подошёл к собору на пять минут раньше. Стояла такая тишина, словно всё вокруг сознавало, что даже случайный звук в эти мгновения недопустим; берёзы, сосны и высокомерно одинокая ель едва покачивались, словно сдерживая поднявшийся к вечеру ветер.

С десятком человек Виктор трижды обошёл скорбно темневшие храмы; шли молча, понуро, и только уверенный, дружный стук каблучков придавал священному обряду странный, до неуместности деловитый характер. "В монастыре много кошек, - вспомнил Виктор слова Сергея Алексеевича, - они иногда участвуют в крестном ходе", непроизвольно улыбнулся и тут же, устыдившись, преувеличенно нахмурился - вернул лицу серьёзность.

Рябь на озере не улеглась; две серебристые дорожки, отбрасываемые скудной цепочкой домиков противоположного берега (которые Виктор из-за красоты окружающего пейзажа сначала принял за дачи), перемигивались засыпающими бликами.

"Хождение по двору после девяти не благословляется", - покорно прошептал Виктор один из пунктов монастырских правил и медленно направился к дому. У входа задержался, недовольно всматриваясь в небо, обложенное слоистыми тучами: в лучшем случае будет такая же погода, какая сопровождала Сергея Алексеевича в его неудачном путешествии на Святое озеро. Виктора настоятель тоже предупредил: если озера долго не будет - немедля возвращайтесь...

Монотонные всхлипы дождя, будто не имевшего ни начала, ни конца, уверенно прорывались сквозь сон... В пять утра в комнату зашёл высокий,

эмил сокольский рассказы

в чёрном, привратник (в его фигуре было что-то будничное, бесстрастное, непреклонное): ему полагалось будить трудников и паломников к службе.

К полудню дождь успокаивался, однотонно-бледное небо едва заметно серело, а после и расчистилось. Чётче обозначились озеро и лесистые берега с короткой линией "дачных" домиков. Самое время в путь!

Быстро остались позади две невзрачные, безлюдные деревни, а с ними - и глубокие, доверху налитые мутной, тщательно взбаламученной водой ухабы. Дорога пошла наезженная, травянистая, упругая. Погода разяснялась; на короткое время повсюду разлилось и сразу повеяло теплом такое мягкое солнце, словно оно не верило своему появлению, и тут же с запоздалой торопливостью, в сопровождении порывистого ветра, его сменил пасмурный свет.

Озеро справа, о котором говорил Сергей Алексеевич, появилось быстро. Сходящий к нему берёзово-сосновый лес, казалось, не сумел вовремя остановиться: ринулся в воду, где и застыл.

Дорога забиралась всё выше на угоры; одно за другим протягивались с двух сторон широкие и длинные, похожие друг на друга озёра в жёлто-оранжевой оправе прибрежных болот. К ним вплотную подходили берёзы; за берёзами, как по приказу, строились сосны, а позади, уже чуждые берегу, мрачно темнели остроконечные ели. Когда листва надолго смыкалась, Виктор угадывал озёра по голубоватой, как небо, пустоте, - настолько высоко поднялась усыпанная иголками дорога. Изредка по склону, влажно пахнущему грибами, пятнистому от грязно-белого, похожего на плесень, ягеля к ним сбегали мшистые тропки.

Уже и полтора часа пролетело, а Святое озеро не показывалось - не было тех самых крестов с ритуальными завязками! На каждом повороте Виктор напряжённо всматривался вперёд, но видел лишь тесный коридор глинистой дороги, гордо-прямые сосны, простоватый, вздохмаченный орешник, праздничные ели да весёлые рябины (они кланялись потемневше-красными гроздьями). С тревогой Виктор подумал не о том, что, пройди он дальше, его застигнет непроглядная тьма, а о том, что Святое озеро и для него, пожалуй, оказывается недоступным.

Виктор дошёл до очередного, уже бесчётного поворота ("последний - и назад..."); дальше дорога поспешила под уклон, и... там, на исходе спуска, на ветках берёз, забелели завязки: одна, другая, третья!..

"Вот они, вот они...", шептал восторженно Виктор, спеша к цели, ещё мгновение назад столь неявной, ускользающей, почти недостижимой; теперь-то он был уверен, что иначе и не могло случиться, что радость движения к этой цели была залогом того, что награда воспоследует, - может быть, не столько непревзойдённая красота (её, этой красоты, достаточно!), сколько глубокая душевная радость от того, что прошёл со святым Антонием его путь, мысленно постоял с ним в молчаливом созерцании...

Да, озеро почти не отличалось от всех других озёр; просто дорога сошла с угора, деревья расступились - и вот оно, во всю ширь, светлое, спокойное, чистое, на три метра от берега виден каждый камушек; даль-

элова арфа

ний берег длился крутым овражком, угадывался залив - а может быть, пролив, и за сосновой гушей, обсадившей мыс, другое озеро?

Радость Виктора стала спокойней, осмысленней, и он не сразу осознал, что никаких завязок на самом деле над дорогой не было: за платки ли, косынки он принял просветы светло-серого неба, сквозившего среди редяющей листвы берёз. Завязки над дорогой были ему видением, знаком: не возвращайся, иди вперёд, осталось чуть-чуть! Вот оно, чудо, которое является только восторженному сердцу!.. Может быть, до этого поворота дошёл и Сергей Алексеевич - да вернулся, потому что... "не проникся"...

Виктор поднялся на горку, к подножию которой съехала дорога, и в небольшом углублении увидел несколько старых, почерневших деревянных крестов, полускрытых редким соснячком. С крестов свисали, как тряпки, вылинявшие, блёклые завязки разных оттенков... А по другую сторону горки открылось ещё одно озеро: скромное, неброское, уютное.

Виктор спешил назад, опасаясь дождя: снова стало пасмурно, разогнался ветер. Он шелестел, шуршал деревьями, шумел мчащимся поездом, и опавшие листья зарывались в траву, будто бы там пробегал какой-то суетливый зверёк. Опять, как в начале пути, всё вокруг насквозь пронизало солнце, веселя, расцветивая, преображая лес, и проглядывавшие за ним озёра покоились в наполненном, осмысленно-напряжённом, возвышенном молчании.

Невесть откуда наплыли грязно-кисельные тучи, стало холодно. Так же внезапно вернулось солнце - теперь смело-яркое, хоть и по-вечернему слабееющее, - будто для того, чтобы напоследок зажечь озёра, - и они горели нестерпимо для глаз.

И снова похолодало... В диковатом озере с подтопленными деревьями вода почернела, потяжелела, стала вязкой, особенно неприветливой. А озеро, обнимавшее монастырь, густо подсинило небо, которое, чувствовал Виктор, готовило какую-то очередную перемену.

Однако Виктор поспел в монастырь вовремя - тогда и разбушевался ветер. Близко подступающий дождь всё плотнее штриховал противоположный берег.

...После ужина Виктор снова вышел к пристани. Дождь ушёл. Ветер трепал листву деревьев и направлял течение куда-то влево, будто выгонял из него воду, стараясь перелить озеро в другое место.

ПРИЮТ БЕГЛЕЦА

В ту пору я много писал о Пушкине, точнее, о местах, которые его вдохновляли. В Михайловском и окрестностях просто отдыхал, в глухие уголки - бывшие усадьбы его друзей и знакомых, где он бывал или мог бывать, заряжался как в поход: случалось, пути вели туда нелёгкие. А в последний раз пришлось спасаться от пограничников, потому что лишь пойменный луг и река Лжа отделяли старинное имение Лямоново, далеко за Опочкой и безнадежно одичавшее, от Латвии.

эмиль сокольский рассказы

Но не всё же следовать дорогами Пушкина! Из Опочки я не стал возвращаться во Псков, а двинул на самый юг области, в городок Себеж, "псковскую Венецию", как его здесь окрестили, наверное, смекалистые журналисты, которые без штампов не могут и шагу ступить.

Главная улица шла по узкому полуострову; слева и справа к ней подкрадывалась вода, тихая, мирная, как в прудах; улица длилась, пока, легко изогнувшись, не ускользнула на горку. У подножья горы средневеково всматривалась в небо колокольня, а на самой верхушке, словно исполняя какой-то древний, церемонный обряд приглашения, высоко и крепко держал две своих башенки серый костёл. За костёлом разбредались к озеру короткие крутые улочки, будто лишь здесь, на оконечности полуострова, городок поспешил восполнить их недостаток.

Престарелая хозяйка ближнего дома, зорко и запоминающе взглядевшись в меня, крикливой скороговоркой посоветовала, куда постучать: вон, гляди, ворота, он возьмёт! Деревянная калитка, внятно шаркнув о нижнюю перекладину, открылась едва ли не быстрее, чем я постучал; передо мной безвопросительно возник мужчина в зелёной армейской рубашке на две пуговицы, в потёртых бледно-голубых джинсах и в глубоких галошах ... сколько ему лет? Могло быть и тридцать, и сорок, и больше: его густые тёмные волосы начинали седеть, багровое лицо огрубело, морщины легли на лоб как-то неаккуратно и преждевременно, а серые глаза выцвели, потускнели, и трудно было в них уловить хоть возможность какой-то живой мысли. В общем, любой бы признал в моём новом знакомом человека крепко выпивающего. Скорее всего, он и сейчас предавался этому занятию, поскольку когда на мгновение исчез и что-то кратко пробубнил в глубину двора - ему откликнулся некрепкий кричащий голос, будто тот, к кому обращался владелец дома, кто-то тряс, - и с вялой улыбкой, вряд ли имеющей ко мне отношение, вышел за ворота.

И повёл обратно, через Замоквую гору (на горе некогда высилась крепость, и поскольку Себеж был под властью Польши, гору окрестили не валом, а Заком), в первый же каменистый проулок; там, на узкой, накрепнённой к воде набережной стоял четырёхквартирный обшарпанный дом. О цене сговорились ко взаимному удовольствию и, чтобы не встречаться больше, я расплатился сразу за три дня. Предоставленная мне просторная комната пустовала, если не считать стола с электропечкой, тумбочки, короткой высокой скамейки и дивана. К стенке у двери небрежно крепился ручной умывальник, словно тот, кто его прилаживал, делал это наспех и в темноте; с середины потолка на длинном проводе свисала безрадостная голая лампа.

...А за косой линией обрыва колыхалось светло-голубое озеро: эти наперегонки бегущие под ветром барашки заполняли весь мир, лишь я выходил из дверного проёма общей прихожей, и только потом уже, мгновения спустя, замечал обрыв, скамеечку, недостижимые лесистые берега...

(И когда возвращался после прогулок в своё жилище, природа старалась меня перехитрить: вот колонка, где я набираю воды в ведро, одолженное у старенькой одинокой соседки с озабоченно-грустными глаза-

эолова арфа

ми, вот бульжный спуск, вот угол моего дома, отмеченный ясенем; а дальше - деревья смыкались вершинами, и большое зелёное окно заполняла синева, заставляя поверить, что это море; но спускался на несколько шагов - и границу ему устанавливали упрямые запредельные берега; теперь можно было уточнить: морская гавань).

Остаток дня я бродил по этому неказистому городку, и даже поднимался на колокольню, удивительно напоминавшую ратушу; но самый замечательный вид на Себеж открывался с его предместий, с Петровской горки - бывших укреплений XVIII века, наверху - голой, бугристой и неопрятной: горожане не прибирали после своих пикников. Себеж, весь собранный, с разом построжавшей ратушей, с повеселевшими детскими куполками костёла, представлялся мне теперь старинной гравюрой.

...Когда в мою дверь уверенно постучали, я мгновенно испытал досаду, уже зная, что войдёт хозяин и будет просить добавки денег: плата за проживание, конечно, за день пропита и требуется продолжение.

- Ну что, давай знакомиться: Павел, - он с преувеличенной уважительностью, повеяв на меня застарелым, утробным перегаром, протянул мне шершавую и липкую руку, затем сел на край скамейки и, виновато сутулясь, с фальшивой бодростью спросил: - Не подбросишь хоть чуть-чуть? Не хватает нам...

- Да откуда ж у меня, приезжего, деньги? - я старался не раздражаться и даже улынулся: мол, что за наивный вопрос. - Всё рассчитано, каждая ненужная трата бьёт по карману. Особо не разживёшься.

Павел, вроде и не пьяный совсем, а словно уставший от бесконечно наносимых кем-то несправедливых обид, размякший, осевший, как резиновый мяч, из которого утекал воздух, продолжал сидеть, не находя сил примириться с таким простым и огорчающим ответом. Однако я был непреклонен; в самом деле: давать деньги на пьянку, поощрять такие везиты?..

Свет горел тускло, оттого хозяин казался воплощением безысходной грусти, растерянности, почти несчастья. И мне стало жаль его. Конечно, всех пьяниц не пережалеешь, но сейчас, глядя на Павла, который сник, потух: как? всё? уходить восвояси? - я физически ощущал всю бессмысленность этих минут - гибло время, тик-так, тик-так, - отсчитывали часы, - и затосковал едва ли не до отчаяния.

- И что вы это... каждый день? - почти простонал я.

- А что ещё делать? - Павел вздохнул, но не посмотрел на меня, будто не был уверен в том, что заняться, действительно, нечем. Но тут же, как бы смутившись, наигранно оживился: - Нечего мне тут делать. Я бы рад завязать с пьянкой, но смысла не вижу. Хочешь, расскажу, как я в Себеже оказался?

Я оступело согласился, ожидая короткого разъяснения. Однако куда девалась его вялость! Павел рассказывал на удивление толково, связно, неторопливо; давящая меня досада постепенно улетучивалась.

- Была у меня нормальная семейная жизнь, пока не встретила Люда. Жена у меня с характером, всякое бывало, и ругались, и расходились

Эмиль сокольский рассказы

на неделю, на две, но то, что началось потом, ни в какое сравнение не идёт. - Павел помолчал, будто впервые пытаюсь осмыслить дальнейшее. - Я плотник, шабашил где придётся, и был объект у меня - дом новому русскому отделявали; а обедать ходил в закусочную, там Люду и встретил. Знаешь ли, ничего мне от неё серьёзного не надо было: она разведена, я женат, но Люда - она мягкая, покладистая; симпатичная - так вроде нет, просто обаятельная, глаза спокойные, я б сказал - неподвижные, - я ещё всё думал: слушает она меня или где-то там, в облаках?.. Зайду, поговорим немного, ухожу, а потом стал домою её провожать, хоть и жила она в другом районе. Не одна - с дочкой, взрослая дочка, в техникуме училась. Череповец большая деревня, рано или поздно всё узнаётся, и вот жена устроила мне разнос. Оскорбления пошли: такой-сякой, скотина, брехун, убирайся к своей шлюхе и так далее. Жить стало невыносимо, - хоть я и перестал Люду провожать, но всё равно - пошло поехало, попрёки, оскорбления, скандалы... Да, ещё... я сказал, что Люду не провожал, но мы виделись в других местах - где-нибудь в кафе, или за Шексной, на набережной, там вроде никто не мог нас выследить. Короче, отдушина мне нужна была, да и Люда уже ко мне привыкла...

- И что ж, только... ?

- Сначала да, только встречались, - перебил Павел. - А потом я снял квартиру. Жена доводила себя до истерики, орала "убирайся". Я тогда брал спальный мешок и уходил на Шексну, так спокойней было. А там и осень на носу, холодало, нужно что-то придумывать. Деньги тогда водились, без работы не сидел. Вот и подыскал жильё - себе с Людой. И как очередной скандал - уходил туда, а бывало и попросту, без скандала, не появлялся домой. Зима прошла, весна, никто из нас ни о чём не подзревал, а потом... кто меня вычислил, не знаю... Может, жены знакомая жила в подъезде... Да чего удивляться, провинция есть провинция! В одиннадцать вечера, мы уже и постель постелили, стук в дверь - резкий, громкий, мы не знали, что думать: милиция, что ли? Нет, жена. Вся белая от злости, отталкивает - откуда столько силищи, я еле на ногах удержался, - идёт в спальню... и там такое... Шлёпает Люду по лицу, по шее, за волосы рвёт... остервенела. И орала, наверно, на весь квартал: вымётывайся, мразь, - и так её, и сяк, ой... Люда одеться-обуться толком не смогла - выбежала из квартиры. Ну, и потом на всю ночь скандал; бедные соседи! Странно, никто не стучал, не звонил, спасибо...

Я уже не испытывал досады. Павел рассказывал так основательно, так последовательно, будто соблюдал законы жанра; тут уж не самооправдание пошло, а настоящее повествование.

- И тогда я решил: нужно убраться отсюда на время, изолировать себя от всего этого - от города, от жены, от Люды... И поехал в деревню к брату, в область, возле Кириллова. Вроде как на дачу. Брат мой там непутёвый, один, семьи не завёл, хоть ему уже полтинник; хозяйство держит, тем и живёт. И вот пробыл я там всё лето (жена не знала), хочешь не хочешь - нужно возвращаться, искать шабашки. Деньги кончились, и самое плохое - на обратный путь не хватало.

элова арфа

- Как не хватало? О чём же вы думали? - меня озадачила такая нелогичность.

- "Как не осталось"... Мы же там хорошенько выпивали, хоть я не пил в то время так много. Как все - в меру... У русского, знаешь, всё на авось, думал - как-нибудь доберусь! И вот оно "как-нибудь"... Пошёл я пешком. Идти сто двадцать километров. И никто не подбирает, да и некому - одна машина за час... Шёл часов пять, приустал, увидел справа - озеро, дым из-за кустов. Там трое рыбаков, костёр, уха. Говорю: ребята, можно посидеть с вами малость, - они так, радушно, широким жестом: садись, ушища сейчас сготовится, отказа не принимаем. Рыбаки - народ свойский, да и вообще у нас люди добрые... За ухой, за водочкой, разговорились, я рассказал про семью, про брата, как добираться домой. Они посочувствовали, говорят - если не спешишь, оставайся, мы домой сгоняем, отвезём рыбу, возьмём ещё еды и "горючего", и к вечеру ожидай. Не помню сколько - час, другой - просидели, поговорили. А потом они уехали, оставили хлеба, колбаски, грамм пятьдесят, на случай голода. Я сидел у кострища, сидел, есть уже ничего не хотелось, а потом лёг подремать.

Павел замолчал, провёл галошами по полу, затем исподлобья взглянул на меня - с безусловной теплотой, с искренней приязнью:

- Подбрось, будь другом... Подбрось, немножко... Раз такие воспоминания пошли.

- Да, конечно, конечно... - Я неожиданно согласился, растерявшись от такого перехода, а может, и потому, что хорошо понимал его: самому не единожды приходилось пешком выбираться из какой-нибудь псковской глухомани. - Но давайте уж дальше, я всё очень хорошо себе представляю...

Павел словно не обрадовался, не услышал согласия и, пряча радость, продолжал, как если бы и не делал паузы:

- Так вот. Я дремал или только собирался задремать, пока не загудела легковушка; подумал: ну, вот они, приехали, быстро управились, но нет - у тех был "жигуль", а тут "Ситроен". Выходят двое, улыбаются, один говорит бодренько так: "Как рыбалка? Мы тут тоже решили порыбачить, не помешаем?" О чём разговор, говорю, присаживайтесь, веселей будет. Познакомились; тот же самый вываливает из машины сумку, достаёт еду, литровую бутылку, смеётся: у нас тут и выпить на всех хватит! Думаю, хороший сегодня день, живём! Закинули они удочки, я обновил костёр; расстелились, сели; сыр, колбаса, помидорчики-огурчики, приятный разговор...

А потом полный провал. Полный. Я очнулся: не пойму ничего! И качает, качает, еду куда-то... Потихоньку в сознание проясняется: лежу на заднем сидении легковой, руки-ноги связаны. Дурняк жуткий, язык плохо слушается. Хриплю: "Где я?" Мне отвечают, усмеваются: "Ты в Мордовии"...

Павел поводит плечом, изобразил покорное сожаление и с ожидающим вниманием взглянул на меня: понял? Нет, я не понял.

- Так стал я рабом. На два года. Я и ещё двое мужичков, тоже бездомных. Одного на вокзале в Нижнем подобрали - познакомились, раз-

эмил сокольский рассказы

говорились, выпили за встречу... как со мной выпили... Налили какой-то дряни, и готов...

- Неужели те рыбаки навели? - мне стало почти страшно такой подлости.

- Не знаю... - Павел помолчал, поморщился и потёр нос. - Рыбаки вроде славные были, простые. Зачем им было наводить? Случайность, скорее всего... А второму просто предложили хорошо заработать, сказали - объект очень выгодный, сами увезём и сами привезём обратно. Увидели - мужик крепкий. Заезжий, где-то посеял документы, пристроился ночным сторожем на "железобетонке"...

- Где?

- Завод железобетонных изделий, во Владимире. Шёл домой с ночной, и его по-быстрому завербовали. Он, кажется, на радостях и домой не заходил, - снимал комнату у какой-то бабки. Такие вот дела.

Напахались мы хорошенько за это время! Наши начальнички, два бугая, возили нас с объекта на объект, и на нас троих держались эти стройки. С утра до позднего вечера. Жрать давали какую-то похлёбку, хлеб, консервы, спали где попало: на топчане, на досках, просто на полу. Откуда силы брались! А брались, другого выхода не было. Пришьют - и с концами, никто не узнает. Вымотались мы однажды дальше некуда, и вот тот мужик, владимирский, так обозлился, и выдал: всё, хватит - жить впроголодь, издёвки терпеть, вкалывать как на рудниках. Хоть насмерть забейте, а не буду работать. Его и увели, молча, спокойно, не те бугаи, а другие два - шкафы натуральные; морды тупые, глаза пустые, наглые... Как не мать их рожала. Принесли его минут через десять: еле дышит, даже стонать не может; три дня отходил, мы его жалели: что ж ты, Петя, заупрямился, что ты им хотел доказать, знал же - добром не кончится. Поотбивали ему что можно и что нельзя...

- Сбежать никак, ну никак нельзя было? - я подумал, что мне, неосведомлённому, не стыдно задать такой, может быть, совсем детский вопрос.

- Слушай же, - Павел слегка приободрился, резко вскинул руку и торопливо почесал затылок. - Понимаешь ли, дураков нет, без присмотра нас не оставляли, даже если и дверь запирали на замок. Да ещё и знать ведь надо, куда бежать: перевозили нас всегда в закрытой машине. Во дворе, за забором, высадят - вот и вся твоя территория. Так что два года мыкались мы не оттого, что лень было мозгами пораскинуть или задницу поднять дать дёру.

А случай всё-таки нашли мы! Везли нас в то место, кажется, больше суток; работали мы там как никогда долго, домина был громадный. Ваня сумел в течение дня выдернуть доску в заборе - там, где нижняя перекладина; со второй мучился, наверное, неделю - забито крепко, ничего не получалось, и такие вещи, понимаешь, урывками делаются; заметят - всё пропало, уже до смерти не убежишь, да и коньки отбросишь - отделают за милую душу. Мы чуть было не скулили от отчаяния. Но удалось ему отодрать, представь, удалось!

элова арфа

Павел улыбнулся во весь рот, обнаружив неровные желтоватые зубы, и локтем провёл по лбу, будто вытирал честный рабочий пот.

- Теперь нужно было ловить момент. А стройка подходила к концу. Мы затыгивали её как могли, причины придумывали всякие идиотские. Начальнички раздражались, а мы думали - всё, нас разгадали, только и ждут, когда разделять нас под котлеты. Когда осталось работать три дня - а ничего сочинить больше мы не могли, - выдался какой-то суматошный день: церберы наши что-то выясняли между собой, проблемы решали, и так всё, знаешь, нервно, на повышенных тонах. Приехала машина с крытым кузовом, мы выгрузили тяжёлые картонные коробки; ворота закрыли, машина осталась на улице. Шофёр копался, копался, не уезжал, а мы тряслись: уедет, сейчас уедет, сердце колотилось аж до боли: сейчас или никогда! А начальнички ушли в соседнюю комнату, и слышим - кричат, спорят, - в общем, разборки не на шутку. Мы поняли: пора. Пролезли по очереди, даже доски обратно приладили, не поленились, запрыгнули в кузов - а машина уже завелась, и дёрнула по грунтовке. С одной стороны поле, с другой - лес. На первом же повороте попрыгали в канаву и затаились.

- Зачем? - на этот раз я задал идеально глупый вопрос.

- Как зачем? - Павел даже плечи приподнял. - Тут же просто обнаруживают - нас нет! - и догоняют машину. Вот и слушай: пяти минут не просидели, как из ворот на всех парах вырывается машина шефа, просвистела мимо, догнала грузовик; водитель крутит головой, шеф орёт, машет руками, обнюхивает кузов, даже под машину заглянул... Ну что? - грузовик дальше поехал, шеф на тех же скоростях обратно. Только он за ворота - мы в лес. Там разделились - понятно почему? - чтоб, если поймают, не всех сразу.

Не знаю, как те, а я ушёл. Четверо суток плутал: просвета нет, хоть вой. Наверное, хуже только в пещере, в лабиринтах... Я боюсь чужого леса, в нём очень легко заблудиться. Вроде идёшь прямо - а на самом деле...

- Четверо суток? - выдохнул я и даже привстал.

Павел снова нервно зачесал затылок.

- Сначала я не в лес пошёл, а в кустарник и провалился там целый день в страхе, что меня найдут; мне казалось, что искать нас будут, если по логике, именно в лесу. И думал, конечно, как, куда и сколько идти; башмаки стоптаны, рубашка драная... В сентябре бархатный сезон только на юге... Потом как убитый заснул, проснулся от холода; ночь, луна яркая, и из-за неё я боялся идти в лес - а вдруг следят? Взял палку, шёл всю ночь, находил то одну, то другую разбитую дорогу, а в открытых местах пересекал наискосок поля, думал - так быстрее будет. Днём я спал в лесу: больно крепко страх засел, - и ещё я не уверен был, что убежал далеко, а не кружусь на одном месте. На вторую ночь какие-то силы оставались, а на третий день желудок стал бунтовать. Я пил откуда попало: из ручьёв, из луж, но так долго его нельзя обманывать, а от листьев, травы, всяких кореньев меня тошнило - горечь и только. Я стал чаще садиться, старался дремать. Но и это не выход: если ночью не двигаешься

эмиль сокольский рассказы

- и дрожишь от холода; что я делал? - сидел спиной к дереву, прижимал к подбородку колени. Однажды в такой позе проснулся - и аж пот пробрал всего насквозь... Представь: на тебя в упор уставились две светлые точки! Я заорал, с бешенством замахал палкой...

- Волк?

- Ну а кто... Он драпанул от меня так резко, что потом я уже и засомневался: может, привиделось?..

Когда я к вечеру вышел на железку - прыгал бы, танцевал, если бы ноги не болели и не пухли от колючей травы, от кустов, сучков, будь они неладны. Я и спотыкался на шпалах, и падал, но плевать хотелось: я радовался, что это - своё, прочное, теперь точно выберусь куда-нибудь, и пусть хоть милиция забирает, главное из рабства сбежал. Дотопал до станции, уже не помню какой, там даже и магазина нет, в дежурку вваливаюсь - две женщины, одна молодая, другая пожилая, испугались; я говорю: заблудился, хоть чаю налейте, всё расскажу! Они чай сделали с булками, бутербродами, я проглотил всё это и стал рассказывать вот как тебе. Что выяснилось: я в Тверской области, сегодня будет только товарняк на Псков, ночь езды; но что делать во Пскове? Та, что постарше, подумала-подумала и говорит: тебе бы в монастырь какой-нибудь трудником, возьмут, может, и без документов - смотря куда пойдёшь. Стали думать: в какой монастырь? Так и не придумали; и вот эта женщина снова говорит: тебе лучше так сделать. Доедешь до Бежаниц, а оттуда дуй в Терebene, - есть такое село между Новоржевом и Опочкой, там мою племянницу крестили, и настоятель, говорят, хороший, если, конечно, тот, старый, не сменился, - а старый - человек добрый, мудрый, хоть шуточки пошлые любит, но то мелочи, главное - доберись до Терebeneй.

Машинист сажать меня не хотел, но женщины уговорили, и рано утром я выпрыгнул из вагона в этих самых Бежаницах. Ну а там напросился к хлебовозу, машина ехала до Опочки как раз через Терebene. Он, наверное, так и понимал, что платить мне нечем, но посадил, чтоб одному не скучно было. Простой мужик; я и ему свою историю рассказал, так он подвёз меня к самой церкви, а из неё батюшка в это время выходил, и кричит: принимай, отец Георгий, гостя!

Видишь, как я говорю: без словечек всяких, и мата ты не слышал. Я и так-то человек мирный, но, как и все, грешен, а в Терebeneях отучился курить, сквернословить, стал верующим. И вообще, спокойным как никогда. Я не что чтобы атеистом был, а как-то серьёзно не задумывался обо всём этом. Много чего мне отец Георгий подсказал. Убедил меня, что виноватым нужно считать только самого себя, не спорить, не оправдываться. Смирение нужно, говорит, смирение; смиришься, признай свою вину и проси прощения. А смирение даёт вера. Это он всё клонил к моей семье. Пусть, говорит, супруга твоя беснуется и в Бога не верует, ты должен заботиться о ней, о сыне. Я забыл сказать тебе, что сыну моему сейчас двадцать, он во всём всегда был на стороне матери, - характер у него тихий, всегда под её дудку плясал... В общем, нужно мне примером

эолова арфа

своей любви, внимания, доброго отношения пробуждать в них любовь, терпение, уступчивость. Никакой резкости, говорит! Нежностью, тишиной всего добьёшься. А суровость, раздражение - это пороки сердца, болезни, их надо лечить, а пока ты болеешь - бесы пляшут от радости. Я возражал: какое же может быть смирение, когда тебя оскорбляют! И если даже оскорбляют другого. Молчать надо? Отец Георгий сказал: нет, это не будет смирением. Смирение - это когда ты не ожесточён, когда нет в тебе злобы, когда ты отвечаешь на зло добром и останавливаешь зло! Представь, говорит, у меня грязный стол; что я делаю - беру грязную тряпку? Нет, стол от этого станет ещё грязнее. Грязь увеличится! Поэтому я беру чистую тряпку. Но бывает, говорит, и так, что добро нужно защищать, злу давать отпор. Да, и кулаками. Для защиты добра и оружие брать приходилось, врага Руси громить!

Прожил я в Терехнях год, и знаешь, так деревня надоела! В Череповец потянуло, сил нет. Да как представлял эти переезды, эти пересадки, руки опускались. Отец Георгий видел, скучаю я, тяжело мне стали даваться церковные службы, и сказал однажды: "В Череповец отправить тебя не могу, а вот в Себеж - пожалуйста. Дам-ка я тебе ключ, поезжай, поживи немного; если не почувствуешь тяги вернуться в село - станем что-нибудь думать. Семью бросать большой грех, какая бы ни была". Эта комната ему от его бабушки, царство ей Небесное, досталась, он мотался сюда раз в полгода, оплачивал коммунальные услуги, договорился как-то, чтобы пеню не платить... И при первой okazji я приехал сюда с мешком - картошку, всяких овощей батюшка насовал... Месяц прошёл - перебрался я к одной... Вдова с сыном, оба выпивают немного, и вот приходил я к ней приходил, да ещё двое там околачиваются, дружки её мужа, нормальные ребята; и я сказал тогда: давай-ка переселюсь к тебе, чего бегать зря? Я почему так сказал? Понимаешь ли - дружки дружками, а мало ли что - по пьянке в постель к ней залезут, я и не услежу... А комнату эту сдавать можно - вот как тебе. Беда в том, что денег платить за коммунальные услуги нет, всё спустил, вижу деньги - удержаться не могу, будь она проклята, эта водяра...

- А не перестанешь пить - батюшка узнает, - я покачал головой одновременно и укоризненно и сожалеюще (жалел не Павла, конечно, а простодушного отца Георгия. И меня батюшка не одобрил бы: грешно на выпивку давать!)

- Узнает, узнает, - угрюмо хмыкнул Павел. - И моё пьянство не утаишь, город-то маленький. И жить скучно! А вот где душа распрямляется - так это на Замке. Не ходил за костёл? У-у! Там за ним обзорная площадка - в городе говорят "замок", потому что на том месте правда замок стоял. Красота, высота - взлететь хочется! А так - что?.. телевизор не смотрю, книжки читать неохота, а шабашек тут почти не бывает. Одно развлечение: есть выпивка - зовём друг друга, никогда не считаемся, кто и за сколько взял. Нет, что ли, страха Божьего во мне... Если батюшка не придет и не заберёт меня отсюда - пропаду совсем; а у меня - уехать сил нет. Грешен, грешен!

Эмиль сокольский рассказы

Павел снова пошаркал галошами под скамейкой, нервно покрутил головой, фыркнул и снова посмотрел на меня выжидательно и просяще. Я его понял.

Утром, едва я переступил порог прихожей - ударила в глаза, топя их, синяя, выглаженная ветром равнина. Озеро шумело; было прохладно и солнечно. Сначала я пошёл на Петровскую горку - посмотреть на утренний, ещё розово-туманный, плывущий в poblёскивающей синеве Себеж, а потом - за костёл, но теперь не в падающие переулки, а на Замок.

И словно попал на корму фантастического корабля. С трёх сторон меня обнимало воздушно-необъятное озеро; и если бы не берега, могло бы показаться, что здесь - край света; а так казалось, что эти берега - другой континент, а шумящая ширь голубой стихии - морской пролив... Ветер гудел, гнал мелкие складки волн, торжественно трепыхал, опустошал прибрежные тополя, осины и липы, не зная, куда развезть их листву и оттого заставляя её долго метаться, кружиться в бессмысленных порывах.

На Замок я выходил и в сумерках. Корма полуострова парила над серебристой пустыней; у берега складками шевелились волны, дальше всё было гладкое, льдисто-голубое; уже выглянула половинка луны, и видела, как далеко заплыли утки, как одна-одинёшенька еле движется лодка. Раньше всех засыпал недалний остров со своей непроницаемой жизнью, заколдованной в раскидистых низких ивах.

Сейчас, когда тихие серые сумерки накрыли город и медлили только с костёлом, я вдруг понял: а всё-таки не весёлый костёл - строгий; и до сих пор - под беззаботные клики играющих детей, под сосредоточенное шептанье бабушек - доносит XVIII век, - Польшу, Германию...

Вернувшись к дому, я долго не мог войти. Луна лилась на дышащую воду, заставляла её мигать сверкающими пятнышками, простилала лунную дорожку, на которой надолго приостановилась лодка, словно рыбак углубился в чтение; до берега дорожки не хватило, и она условно продолжилась прерывистой серебряной полоской. Плыли утки, подавали голоса, и недолгие разводы, которые они оставляли за собой, poblёскивали нитками жемчуга.

А где-то рядом, напоминая о земном, трещали цикады.

Поздно вечером я услышал в коридоре знакомое шарканье - это шёл мой хозяин. "Куда плывёшь, венецианец, в гондолах собственных галош?" - вспомнил я строчки Виктора Сосноры, обращённые к "принципиальному пьянице", блуждающему по февральскому двору. Иронический стих настроил меня на вчерашний доброжелательный лад, только рассказа сегодня не было - лишь просьба "добавить".

Я добавил. Грех...

Назавтра я простился с Себежем.

Юрий Крохин

литературоведение

Юрий Крохин - москвич, выпускник факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Журналист, литературный критик, эссеист, автор сценариев нескольких телевизионных фильмов. Работал в Гостелерадио СССР, в "Российской газете".

В 1992 году в издательстве "Книжный сад" вышла его книга "Профили на серебре" - первая книга о поэте Леониде Губанове и Самом Молодом Обществе Гениев. В 2001 году московское издательство "Аграф" выпустило книгу Юрия Крохина "Души высокая свобода" о поэте и правозащитнике Вадиме Делоне. В 2001 году "Вагриус" издал книгу об известной русской журналистке, живущей во Франции, - "Фатима Салказанова: открытым текстом". Его перу принадлежат многочисленные публикации на темы литературы и искусства в газетах "Культура", "Московские новости", "Аргументы недели", альманахах и сборниках "Стрелец", Втором Манделштамовском сборнике, "Между двумя юбилеями. 1998-2003. Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына" и др.

С 2001 по 2005 жил в Новой Зеландии, начал работу над книгой "С оттенком высшего значения", отрывки из которой публиковались в литературном журнале "Наша улица", "Российской газете" и других изданиях. В парижской газете "Русская мысль" была опубликована беседа Юрия Крохина с профессором Оклендского университета Брайаном Бойдом, крупнейшим исследователем творчества Владимира Набокова. В той же старейшей газете Русского Зарубежья на протяжении ряда лет печатались статьи и очерки Юрия Крохина.

В 2007 году принят в Союз писателей Москвы.

В настоящее время завершает работу над книгой, посвященной острым проблемам современной (и не только) русской литературы.

Вот главы из этой книги, предлагаемые читателям "Эоловой арфы".

АУРА ВЕЛИКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(О книге воспоминаний Сергея Мнацаканяна)

Однажды Владимир Набоков заметил, что мемуары пишут люди, у которых слишком скудное воображение, чтобы сочинять романы, и слишком дурная память, чтобы писать правду. Не стоит однако принимать всерьез лукавые слова блестящего парадоксалиста. Во-первых, и сам он на склоне лет взялся за воспоминания. Во-вторых, мемуары всегда неизбежно субъективны, избирательна сама человеческая память. Ну а доля правды в воспоминаниях зависит от автора...

Окиньте взглядом полки книжных магазинов и убедитесь: мемуарная литература издается. Кто же нынче пишет подобные вещи? Политики, актеры, спортсмены, - да кто угодно. А вот писатели и поэты, которым сам Бог велел запечатлеть прошлое, почему-то не пишут. Между тем литературная эпоха, которую мы привычно именуем советской, представляет собой картину неоднородную и пеструю, где, кроме унылых опусов придворных совписов, хватает сочинений не просто талантливых, но и подлинно великих. Так что "Ретроман, или Роман-Ретро" поэта Сергея Мнацаканяна (М., МИК, 2011. - 464 с. - тираж 3000 экз.) отчасти запол-

юрий крохин литературоведение

нил эту зияющую пустоту. И перечень имен тех, о ком идет речь в книге, и временной охват позволяют говорить, что подобных вещей нам давно не предлагали...

Книгу давнего приятеля читаешь с особым чувством. Вдруг открывается что-то доселе неизвестное, какая-то новая грань характера человека, вроде бы близко знакомого. Неожиданно узнаешь, что за десятилетия твой друг прожил бурную и насыщенную жизнь, и, хотя время подводить итоги, может быть, еще не настало, повествование о минувших временах, лицах и кипевших страстях увлекает и захватывает.

Переворачиваешь последнюю страницу книги и невольно задаешь себе вопрос: какую цель ставил себе автор? И шире: для чего вообще пишутся воспоминания? Наверное, они - своего рода уэллсовская машина времени, позволяющая окунуться в атмосферу былого, воскресить врагов и друзей, оценить скрытые пружины их поступков. Ну и так далее. Беспристрастность в мемуарах - явление исключительное. Как не выяснить отношения с теми, кто перешел тебе когда-то дорогу, увел любимую, предал? Как удержаться от хвалы себе?

Сергей Мнацаканян, чья книга мемуаров с многозначным названием "Ретроман, или Роман-Ретро" только что выпущена московским издательством МИК, этого последнего счастливо избежал. Автор довольно скупко говорит о себе; его внимание сосредоточено на судьбах тех литераторов (поэтов по преимуществу), с кем сталкивала жизнь. Из "Ретромана" возникает обширная галерея портретов поэтов действительно выдающихся - и малоталантливых, оставшихся в памяти одной-двумя строчками, запечатленных на скрижалях отечественной словесности - и начисто забытых.

По мере чтения мемуаров на короткое время даже возникает ощущение: перед вами сборник некрологов, ибо подавляющее большинство тех, о ком рассказывает Мнацаканян, ушло из жизни. Но постепенно этот мартиролог благодаря цепкой памяти автора, его изобразительному таланту оживает; словно в старой киноленте возникают и действуют персонажи. Они спорят, высказывают свои суждения о литературе и политике, выпивают и даже дерутся в знаменитом Пестром зале Центрального Дома литераторов. Мнацаканян искусно и деликатно соединяет в своих воспоминаниях мэтров нашей поэзии - Семена Кирсанова, Арсения Тарковского, Павла Антокольского, скажем, с фронтовым поколением - Николаем Старшиновым, Александром Межировым, Борисом Слуцким или более молодыми тогда "поэтархом" Андреем Вознесенским или "героем эпохи вырождения" Николаем Глазковым. Проходит перед читателем череда поэтов-сверстников автора - Владимир Шленский, Петр Вегин, Александр Тихомиров, Алексей Парщиков... Калейдоскоп имен! Кажется, в нем легко заблудиться, как в многостраничном справочнике Союза писателей. Но мемуарист находит для каждого выразительные и запоминающиеся характеристики, живые подробности - грустные, порой анекдотические, очень дозировано вводя прямую речь, вероятно, следуя ахматовскому предупреждению об ее опасности в мемуарах. Никаких ко-

эолова арфа

турнов, замирания перед авторитетами - спокойное, размеренное повествование...

Наряду с поэтами вспоминает автор и тех прозаиков, с кем встречался - по делам ли, по стечению обстоятельств. Впрочем, один из самых маститых наших писателей и начинал как поэт, мало того, был учеником самого Бунина!

Свои воспоминания о Валентине Петровиче Катаеве Сергей Мнацаканян озаглавил просто - "Классик". И действительно, Катаев, с его хрестоматийными "детскими" книжками "Белеет парус одинокий" и "Сын полка", в поздние годы жизни вдруг обрел второе дыхание. Да какое! Повести "Святой колодец", "Трава забвения", "Уже написан Вертер" и особенно роман-загадка, как окрестили его комментаторы М. Котова и О. Лекманов, "Алмазный мой венец" перевернули представления о возможностях современной прозы. Катаев, придумавший литературную школу или стиль - мовизм (от французского mauvais - "плохой") и игриво объявивший мовистом себя и своих "учеников" Аксенова, Гладиллина и других первоклассных авторов журнала "Юность", который он и создал, на самом деле обнаружил просто-таки недостижимое мастерство - стилистическое, композиционное, содержательное. "Алмазный мой венец" вызвал яростные споры, вплоть до обвинений писателя во лжи и клевете. Что и говорить, непростая книга, как непроста и личность Катаева.

Все эти противоречивые мнения о самом Катаеве и его романе Мнацаканян бегло упоминает. И высказывает очень верную, как мне показалось, догадку: почему же на старого писателя так резко обрушились и "правые", и "левые"? "Он своими поздними произведениями нарушил негласный договор, имевший место среди писательской верхушки, - пишет Мнацаканян. - Он оторвался от них, сам определил себе место на иерархической лестнице русской литературы XX века. Он без согласия современников, без решений писательских секретариатов и указаний ЦК сам вписал себя в пантеон бессмертных, поставил в реальный ряд своих великих знакомцев, занял место в кругу Маяковского и Багрицкого, Сергея Есенина, Юрия Олеши и Михаила Булгакова, Ильфа и Петрова, Нарбута и других знаменитых современников. Этого ему простить не могли и не простили".

В мемуарах Мнацаканяна возникает и еще один выдающийся писатель советской эпохи - Юрий Трифонов, и это особенно интересно по той причине, что Юрий Валентинович слыл человеком закрытым, избегал литературных "тусовок".

Казалось бы, зачем вспоминать сегодня о давно умерших знаменитостях прошлых лет - актуальность их произведений заслонена проблемами наших дней, этические дилеммы опять-таки вытеснены иными моральными критериями (или их отсутствием). Автор мемуаров вразумительно объясняет - и с ним нельзя не согласиться - такого качества литературы нынче просто не сыщешь. Вопреки идеологическим догматам, "социальному заказу" и канонам соцреализма в ту незабвенную пору нередко создавались великие произведения!

юрий крохин литературоведение

О Борисе Слуцком теперь вспоминают редко. Ну, была когда-то забавная пародия Леонида Филатова на стихи Роберта Рождественского с такими строчками:

Вспоминается такой казус,
Вспоминается такой случай:
Подхожу я как-то раз к кассе,
Эдак скромно, как простой Слуцкий...

Песен на его стихи, насколько помню, не сочиняли, фронтовое прошлое забылось - теперь вперед вылезли другие ветераны, многие из которых и пороха не нюхали. Когда нынче заходит речь о Слуцком, вспоминают его выступление против Бориса Пастернака, когда автора "Доктора Живаго" подвергли неслыханной травле. Мнацаканян, упомянув этот прискорбный эпизод, до конца дней мучивший Слуцкого, рассказывает о другом - о своих отношениях с незаурядным человеком и талантливым поэтом. В качестве секретаря парторганизации московских поэтов Борис Абрамович с пристрастием допрашивал молодого поэта Мнацаканяна, рекомендованного в Союз писателей. "Я взмок, отвечая на его вопросы, - пишет Мнацаканян, - многие из них мне были неприятны. Он спрашивал о родословной, о службе в советской армии, словно выискивая болевые точки моей биографии, уязвимые места судьбы. Итак, я взмок, но сегодня думаю, что достойно вышел из этой партийной парилки. Борис Абрамович был вполне удовлетворен тем, как я держался". Через два года на заседании приемной комиссии Слуцкий решительно поддержал кандидатуру Мнацаканяна. А спустя еще пару лет Сергей прогуливался со Слуцким по балтийскому берегу в писательском Доме творчества в Юрмале. Беседовали, хотя каждый думал о чем-то своем. Сергей написал стихи "Прогулка с Борисом Слуцким вдоль прибалтийского побережья в январе 1976 года. Юрмала. СССР". Правда, постеснялся в первой публикации дать посвящение. Вспоминает Мнацаканян, как при очередной встрече Борис Абрамович заинтересованно расспрашивал его, своего молодого коллегу, как жизнь, какие трудности, предлагал свою помощь...

Так складывается из трех-четырёх страниц текста образ человека неоднозначного, но масштабного, последовательного во всем - и в своих заблуждениях тоже.

Воспоминания Сергея Мнацаканяна отличает удивительная доброжелательность: в текстах не сквозит ни малейшей зависти по отношению к более удачливым коллегам, никаких интонаций превосходства или снисходительности к неудачникам. Удачно выбранные и к месту процитированные строчки стихов. Добрый и мудрый взгляд человека, знающего цену истинно талантливому поэтическому слову, творческой одержимости, терпимого и общительного... Упомянул об этом потому, что невольно сравнил книгу Мнацаканяна с недавно изданным "Автопортретом" Владимира Войновича. Автор "Чонкина", вспоминая друзей по писательско-

элова арфа

му цеху, отзываясь о многих жестко, без симпатии. А кое-кому (отнюдь не худшим!) достается язвительности и даже злости полной мерой. Вообще нередко воспоминания дают возможность свести счеты. Книга поэта Дмитрия Бобышева "Я здесь" - яркий тому пример. Один из четырех "ахматовских сирот", друг юного Бродского, он не сумел скрыть неприязни к нобелевскому лауреату (а также и к Сергею Довлатову), "сальеризм", если так можно выразиться, сквозит явственно. А что уж говорить о воспоминаниях поэта Владимира Алейникова, упоенного собой - и рьяно обрушившегося как на здравствующих ныне, так и умерших! Со всеми рассчитался бывший смогист!

Эти нравственные мотивации в значительной степени определяют ценность подобных сочинений. Ну что же, каждый пишет как он слышит...

По ходу чтения воспоминаний Мнацаканяна может возникнуть вопрос: откуда эти бесчисленные знакомства, неожиданные дружбы? В уютных уголках писательского дома на улице Герцена (ныне Большой Никитской) толпилось великое множество литераторов, творцов разного сорта, окололитературной публики, - место обладало притягательной силой. Заманчиво было оказаться в столичном Эдеме, увидеть знаменитостей в неформальной обстановке, а то и выпить рюмку с кем-нибудь из популярных личностей.

"История Пестрого зала - это история по крайней мере трех десятилетий советской литературы и своеобразная синематика жизни московских литераторов, которая прервалась только в начале девяностых годов прошлого века. Здесь бурлила, разворачивалась, шумела, напивалась, выясняла отношения, обменивалась синяками, сводила счеты, мирилась, дружила, похмелялась московская писательская тусовка..." Однако мемуариста не слишком занимают скандальные подробности тех отношений и встреч. Человеческие качества - одаренность, душевная щедрость одних и отсутствие оных у других, поэтические свершения - вот что интересует автора "Ретромана".

Затрудняюсь сказать, был ли Сергей Мнацаканян "поэтическим сыном класса ТУ или Боинга", о котором тосковал Вознесенский; скорее всего, родства тут не обнаружишь: иной темперамент, иная стилистика. Тем важнее написанное о кумире 60-70-х...

Говоря о Вознесенском, Мнацаканян употребляет придуманное Андреем Андреевичем словечко: поэтарх. И поэт, и патриарх русской поэзии! Ну что же, скромность, по-моему, никогда не угрожала автору "Треугольной груши". Однако воспоминания о нем Мнацаканян начинает определениями: "блестательный талант, невероятная судьба". Их знакомство состоялось в 1969 году, когда начинающий поэт Сергей Мнацаканян подарил прославленному сочинителю "Антимиров" свою первую книжечку. Действительно, в те годы известность Вознесенского была невероятной: "Его любили и безоговорочно принимали одни, - замечает мемуарист, - для других он был версификатором и, как бы сказали сегодня, популистом в поэзии".

юрий крохин литературоведение

Не скрою, в те годы и я был горячим поклонником поэзии Вознесенского; сумел даже прорваться на его моноконцерт в Зал Чайковского. Позднее, правда, остыл - и к стихам, и к личности новатора. Но это, как говорится, дело вкуса. Сергей Мнацаканян прав, когда утверждает: сумма приемов в искусстве, если вспомнить Виктора Шкловского, всегда свидетельство уровня. "Сумма приемов, доступных Андрею Вознесенскому, говорила о его незаурядных возможностях. Ну, и, конечно. У него была судьба. А такое редко выпадает даже очень талантливым людям". И рисует картинку: очередь на второй этаж Книжной лавки писателей на Кузнецком мосту. "Поэты и прозаики стояли за подпиской на трехтомник Вознесенского!"

Мнацаканян тонко анализирует поэтику Вознесенского, прослеживает его, так сказать, поэтический генезис и отдает дань уважения и симпатии старшему собрату. Хорош, очень искренен и убедителен фрагмент, посвященный Вознесенскому!

... Еще молодым поэтом Сергей Мнацаканян был принят (в те поры это было очень непросто и весьма престижно) в члены Союза писателей. А вскоре его пригласили работать ответственным секретарем творческого объединения поэтов Московской писательской организации. Мнацаканян не стал чиновником от литературы - никогда не стремился к должностям и званиям. Помогал собратьям-поэтам. Благополучно избегал писательских интриг и дразг, которых, увы, хватало. Писал стихи - искренние, не конъюнктурные, отмеченные печатью истинного таланта. И теперь, спустя годы, вспоминает литературную жизнь, в гуще которой находился, с грустью и юмором. Вообще в мемуарах Сергея Мнацаканяна отчетливо звучат ностальгические ноты. И это не просто сожаление о прошедшей молодости, а раздумья о том, что все мы потеряли с падением Советского Союза, о реальной, а не декларативной дружбе народов, поэтическом братстве вне зависимости от возраста и заслуг. Ведь и в самом деле - тут я полностью согласен с мемуаристом - появлялись превосходные произведения как в стихах, так и в прозе, несмотря на идеологический пресс и идиотическую цензуру. А нынче, в условиях свободы, единственным мерилом для издателей, увы, стали деньги...

Оглядываясь на жизнь, что бурлила в Пестром зале ЦДЛ, где рождались идеи, создавались и рушились судьбы и репутации, мемуарист констатирует: "Здесь до сих пор бродят призраки великой литературы и витает аура таланта и скандала. Увы, аура еще есть, а великой литературы уже нет. Того Пестрого зала больше нет и не будет..." И горечь осознания необратимости перемен так понятна!

И в так называемые лихие 90-е, и в "тучные" нулевые поэзия была не в чести. Ну не до стихов, когда людям - и литераторам в том числе - приходилось выживать, борясь с произволом всяческих чиновников, правоохранителей, с бандитами и нескончаемой инфляцией. Тиражи поэтических сборников, если таковые выходили, редко переваливали за тысячу экземпляров. Хотя, как ни странно, в последнее время стали появляться на полках книжных магазинов прелестно изданные томики Ахматовой и

элова арфа

Цветаевой, Пастернака и Мандельштама. Но, как известно, кесарю - кесарево. А вот с теми, оставшимися в 60-90-х годах прошлого столетия, хуже. И это вызывает боль и огорчение Сергея Мнацаканяна. "Вот, был такой поэт, был, а его неизвестность - укор всем ныне живущим собратьям. Но такова Россия, что поэты, которые прославили бы любую европейскую страну, не то что во второй ряд талантов не вписываются, они даже в третий не успевают попасть. А вот бесследно пропасть - это самое милое дело, это - по-нашему, по-русски, это - всегда пожалуйста"...

Под пером Сергея Мнацаканяна из тьмы забвения возникает фигура Александра Тихомирова. Характеризуя поэта, мемуарист утверждает: "Александр Тихомиров - это забытая боль нашего поколения, самый, может быть, истинно призванный для поэзии, но не свершившийся, не осуществившийся даже в малой мере, завершивший свой путь не вовремя. Слишком рано для того времени, когда сорокалетние люди считались молодыми писателями". Былая дружба делает воспоминания о Тихомирове особенно теплыми: автор находит у молодого поэта сходство с Борисом Пастернаком, причем не только внешнее, хотя о подражательности нет и речи.

Первая книга стихов Тихомирова осталась незамеченной, а вторая (сначала угробленная в "Молодой гвардии") вышла, когда поэта уже не было на свете.

В чем же дело, почему талант не только не лелеяли, а, напротив, ставили палки в колеса? Сергей Мнацаканяна находит весьма внятное объяснение: "О лед своей судьбы он обламывал ногти в течение всего своего творческого и жизненного пути. Мешала интеллигентность. Мешала скромность. Мешала, как ни странно, своей утонченностью, своей элитарностью его поэтический дар". И вот гримаса судьбы: Сергей Мнацаканяна сумел опубликовать в писательской многоотиражке "Московский литератор" большую подборку его стихов, когда жить поэту оставалось совсем мало. Позднее включил много стихотворений покойного друга в сборник "Живое слово". И теперь, в "Ретромане" - последний поклон...

В эпилоге автор замечает, что и сам не знает, зачем начал писать эту книгу. Но ответ содержится в том же эпилоге, и он весьма показателен: "Я испытываю какую-то тайную радость, что мне удалось найти время и проявить настойчивость по отношению к самому себе, чтобы написать рваные истории этих встреч без начала и конца и этих судеб, которые так долго переполняли и тревожили мою душу и мою память. ...Уже никогда не вернется в Россию тот великий процесс поэтической жизни, которая пульсировала в силовом поле советского искусства. Странная, конечно, была власть - на редкость деспотичная и одновременно романтическая: не зря поэзия казалась важной ее составляющей. Конечно, под надзором, но все же..."

Дочитываешь воспоминания поэта и понимаешь: ретроспективно оценивая и анализируя своих знакомцев и те времена, что были еще и нашей юностью, он пытается - и небезуспешно - постичь настоящее. И даже, может быть, заглянуть в будущее. Ибо неразрывна связь времен.

юрий крохин литературоведение

Книга завершается подборкой стихов Сергея Мнацаканяна, из которой и приведу четверостишие, выражающее, на мой взгляд, главную мысль мемуаров.

Первый - да будет первым, да будет второй вторым,
Да будет Адам Адамом, и Римом пребудет Рим,
Взметнется метель метелью, дымом взовьется дым,
Нет людей одинаковых - каждый неповторим...

Москва,
март-апрель 2012

РЯЗАНСКАЯ ПЕВУНЬЯ (О поэзии Нины Красновой)

Недавно в Москве в Центральном Доме литератора состоялась презентация книги "Избранное" поэтессы Нины Красновой.

Скромное это, почти семейное, мероприятие вел патриарх нашей поэзии Кирилл Ковальджи.

Изящно оформленный томик выпустило издательство "Книжный сад", предисловие написал народный артист России Валерий Золотухин.

"Почему современные критики не видят нашего "золота", которое достойно внимания? - спрашивает Золотухин. - Потому что российское золото лежит вне проездных путей, по которым привычно идут критики. И вот в Рязани намыли такой золотник, как Нина Краснова. Ее ни с кем из современных поэтов сравнить невозможно, потому что она такой мастер и так мастерски владеет разноритмикой, разнорифмикой, разноязычием, что просто диву даешься!"

Валерий Сергеевич, сам очень недурно владеющий пером, верно подметил своеобразие поэтического языка Красновой. Отметил он и кровную связь поэзии Нины с частушечной народной стихией, но это уже стало почти общим местом. Великий наш писатель Виктор Астафьев писал: "Никто из поэтов не умеет сочинять такие частушки, как Нина Краснова. Веселые, вызывающе-смелые, боевые, задорные, с крепкими словечками, со своим рязанским колоритом. С помощью частушек Нина защищается от грубых ударов судьбы, от тягостей жизни, поднимает настроение себе и людям..."

* * *

Нина Краснова предпочитает работать уединенно и вдумчиво, оберегая свои убеждения и пристрастия.

Выросшая в глубинной России (Нина - уроженка Рязани), она сохранила очаровательную наивность и непосредственность провинциала, укorenившегося в Москве и так и не принявшего до конца сумасшест-

эолова арфа

вия города-спрута. Меня умилил рассказанный Ниной эпизод, когда она принесла в редакцию "Московского комсомольца" свое стихотворение, которое заканчивалось строками:

Ах, Москва! Она неповторима -
Понимаю это все ясней
И как сахар быстрорастворимый,
Растворяюсь, растворяюсь в ней.

Сидевший в редакции чернобородый мужик стихи одобрил, особенно выделив удачный образ - "сахар быстрорастворимый". Нина спросила: "А вас как зовут?" Тот ответил: "Николай Глазков". Нина, конечно же, в ту пору не знала замечательного поэта "эпохи вырождения" (слова Глазкова) и никакого пиетета к своему собеседнику не испытывала. И похвалу его оценила, разумеется, гораздо позже.

По мере того, как рязанская девушка, ставшая студенткой Литературного института, осваивала Москву, обростала знакомствами в мире литературы, ее представления и взгляды становились шире, панорамнее.

Мне нравятся не только ее стихи, но и проза - фрагментарная, похожая на дневниковые записи, где размышления о стихах и их авторах чередуются с лирическими отступлениями, воспоминаниями о детстве и юности. Среди встретившихся в Москве личностей оказались такие непохожие Виктор Боков и Владимир Солоухин, Александр Еременко и Евгений Бачурин, Николай Старшинов и Кирилл Ковальджи. Своих собеседников и коллег Нина описывает зорко и доброжелательно, что придает ее прозе особый светлый колорит.

Очень хороши - своей аналитической глубиной, как-то органически уживающейся с эмоциональными оценками - эссе Красновой о Тютчеве, Пастернаке, других поэтах.

"Аллею Пастернака" Нина начинает с текстуального исследования хрестоматийного "Гамлета". Она приводит первоначальный пастернаковский вариант: "Вот я весь. Я вышел на подмости", который впоследствии поэт заменил на "Гул затих..." И Краснова заключает: "Строка сразу стала легче, удобопроизносимее, объемней. И наполнилась гулом зала и гулом века и наполнила этим гулом три другие строки..."

Но "Аллея Пастернака" - не сухое литературоведческое сочинение, а свободное парение, и Краснова все время обращается к блистательному любимовскому спектаклю "Живаго", где доктора-поэта играет Валерий Золотухин, вспоминает, как молодой выпускницей Литинститута оказалась впервые в Перedelкине, где ей писалось как-то особенно хорошо - от близости пастернаковской аллеи, наверное...

"Мало кто из русских поэтов доживал до такого преклонного возраста, как Тютчев, - пишет Краснова в своем эссе о жизни и творчестве Федора Ивановича. - Тютчев - позднеспелое яблоко, осенний цветок". И Нина убедительно демонстрирует творческую мощь, явленную поэтом на закате жизни. Она касается и такой деликатной темы, как любимые женщины Тютчева. Но тут ее рассуждения становятся достаточно спорными

юрий крохин литературоведение

и даже забавными. "Сколько женщин может иметь поэт? Наверное, столько, сколько он способен воспеть? Или столько, сколько ему нужно, чтобы создать типизированный образ героини своих стихов. Редко кто из поэтов может ограничиться одной женщиной. Ни одна женщина не может полностью заменить другую и сосредоточить в себе всех женщин. Каждая дает поэту что-то свое..."

Не знаю, может быть, и так, Нине виднее. Про любовь она знает, наверное, не менее чем умудренный Федор Тютчев. Любовь в ее стихах предстает не только высоким и духовным порывом, но и мощной земной страстью, "ночей наших пламенным чадом":

Не образумит нас холодный душ,
Жеманство нам не подобает.
Одежда с наших тел и душ
Сама собой спадает.
Мы рушим будничныи режим,
И, праздник плоти справив,
В обнимку потные лежим,
Себя друг с другом сплавив.

Оценив по достоинству чувственную откровенность Красновой, писатель Сергей Мнацаканян назвал ее эротическим символом российской поэзии...

* * *

Рязанские края - родина Сергея Есенина. И его первым из поэтов узнала и полюбила Нина Краснова. Но певец страны березового ситца не особенно повлиял на творчество своей землячки, она избрала собственный путь. Не зря такой питерский Евгений Рейн заметил: "Она очень своеобразный поэт, со своей тематикой, со своим голосом. Мне как раз нравится естественность ее письма".

Естественность - да. Но есть еще и стойкость, и мужество, с которыми русская поэтесса Нина Краснова продолжает писать замечательные стихи и прозу, идя наперекор нашему совсем непоэтическому времени. Валерий Золотухин в упомянутом предисловии заметил: "Я просто горжусь тем, что я с Ниной Красновой знаком, что я имею честь быть в ее свите". Присоединяюсь к этим словам.

Москва,
январь 2012

НЕ УМЕРЯЯ ВОСТОРГА
(О поэзии Натальи Горбаневской)

С Натальей Евгеньевной Горбаневской я познакомился весной 1998 года в Париже, когда по приглашению редакции газеты "Русская мысль" приехал во Францию. Собственно, инициатором этого приглашения бы-

элова арфа

ла именно она, потому что главный редактор Ирина Алексеевна Иловой-ская, которой в Москве передал я дискету с текстом книги о Вадиме Делоне, работать с ним попросила Горбаневскую. Наталья Евгеньевна стала, таким образом, доброжелательным и очень внимательным рецензентом рукописи. Благодаря ее советам я избежал некоторых серьезных ошибок. Она же готовила фрагменты книги к публикации в нескольких номерах "Русской мысли". Многого о Горбаневской в ту пору не знал, многое открылось позднее. Но именно в Париже услышал ее стихи в авторском исполнении, проникся искренней симпатией и уважением к замечательной поэтессе и обаятельному человеку.

Встретившись через много лет, в феврале 2012 года, в Москве, был счастлив получить из рук Натальи Евгеньевны свежеезданную книгу "Прозой о поэзии и поэтах". Одна из статей сборника, "Умерим восторги", критический отзыв о принципах составления собрания сочинений Анны Ахматовой в 6-ти томах, дала мне повод свою статью озаглавить "Не умеряя восторга".

Иосиф Бродский, в чьем нравственном (и интеллектуальном) авторитете сомневаться не приходится, заметил: "За равнодушие к культуре общество прежде всего гражданскими свободами расплачивается. Сужение культурного кругозора - мать сужения кругозора политического". Сегодня высказывание звучит особенно злободневно. И потому значительным событием представляется выход книги Натальи Горбаневской "Прозой о поэзии и поэтах" *.

* * *

Лидия Чуковская в "Записках об Анне Ахматовой" пишет: "Анна Андреевна в Лаврушинском, в писательском доме, у Алигер. Анна Андреевна уютно сидит на диване. У нее гости: Эмма Григорьевна (Герштейн), Наташа Горбаневская и Юлия Живова".

Наталья Евгеньевна помнит это - как помнит и все встречи с Ахматовой, когда с ее благословенья, так сказать, переписывала от руки "Реквием", помнит, как на поэтическом вечере в Политехническом прочитала перед обомлевшим залом запретные строки "Реквиема":

А за проволоккой колючей,

В самом сердце тайги дремучей...

Горбаневская утверждает: "Реквием" - одна из вершин поэзии Анны Ахматовой: "Это она, Анна Ахматова, личность, индивидуальность, могла не только описать пережитые ею события, но и произнести "бедные, подслушанные слова" своим "неповторимым голосом".

Преклонение перед великой Ахматовой объяснимо. Но дело в том, что и Анна Андреевна высоко оценила талант молодой поэтессы. Из той же книги Л. Чуковской: " - А вот эта женщина, - Анна Андреевна раскрыла сумочку и вынула листок со стихами Натальи Горбаневской, - ей не хочется, больно ей, но не писать она не может..."

Юрий Крохин Литературоведение

В последние годы поэзия Натальи Горбаневской получила повсеместное признание. Если прежде тиражи ее книг расходились в Русском Зарубежье, выпущенные издательствами Ардис, Руссика, ИМКА-Пресс и др., то с начала 90-х отечественные издатели регулярно знакомят публику с творчеством поэтессы. В каждый свой приезд в Россию Наталья Евгеньевна охотно выступает перед любителями поэзии, дает интервью. Почетный доктор Люблинского университета имени Марии Кюри-Склодовской, лауреат международного литературного конкурса "Русская премия", она участвовала в документальном телесериале "Они выбирали свободу", телефильме "Дуэль Вадима Делоне", документальной ленте Ксении и Кирилла Сахарновых "5 минут свободы".

Живущая ныне в Париже с польским паспортом уроженка Москвы, в августе

68-го Наталья Горбаневская вместе с друзьями - всего их было семеро, "великолепная семерка" - вышла на Красную площадь, чтобы показать миру, что не все в стране одобряют оккупацию Чехословакии, что есть у наших граждан чувство стыда и боли за страну, эту "империю зла", присвоившую право диктовать другим. Наташе Горбаневской тогда было 32 года, в коляске у нее лежал младший сын, Оська. Но она вышла на площадь! И прошла все круги ада советской карательной психиатрии, допросов и издевательств, не отступив и не сдавшись. Именно она полтора года (вплоть до ареста) была редактором и издателем "Хроники текущих событий", извещавшей мир о нарушениях прав человека в СССР. Прекрасная и страшная судьба!

Сегодня, оглядываясь на прошлое с Бутырской тюрьмой, спецпсихбольницами тюремного типа и инъекциями галоперидола, Наталья Евгеньевна, похоже, ни о чем не жалеет. А, оказавшись в постсоветские годы в Праге, пошутила: мы, дескать, вышли на площадь ради того, чтобы увидеть красоты столицы Чехии...

Но вернемся к книге Натальи Горбаневской.

Название "говорящее" - "Прозой о поэзии и поэтах" - намек или напоминание (возможно, неумышленные) об эссе Иосифа Бродского "Поэт и проза". Состав книги - статьи, рецензии, интервью Натальи Горбаневской. Опубликованы они были в основном в лучшей газете русского Зарубежья - парижской "Русской мысли", в которой она работала долгое время, некоторые - в журнале "Континент", где Горбаневская была "правой рукой" редактора-основателя Владимира Максимова. Интервью исследователю творчества Иосифа Бродского Валентине Полухиной печатались в других изданиях или книгах. Томик, что называется, плотный - короткие тексты следуют один за другим. Начинается все, разумеется, с Ахматовой, с которой Горбаневская познакомилась весной 1962 года в Москве, в доме Ардовых. "Позвонила, испытывая неловкость: "Хочу прийти, почитать стихи". Она говорит: "Приходите". Весной 62-го года я

эолова арфа

успела написать несколько стихотворений, включая два моих, условно говоря, "классических" - "Как андерсовской армии солдат..." и "Концерт для оркестра". И Анне Андреевне они очень понравились..."

Так начались в мае 62-го и продолжались до января 66-го года встречи и общение Натальи Горбаневской с великой поэтессой. "Она действительно меня любила, - пишет Наталья Евгеньевна, - это я могу сказать. Я же, когда ее видела, - будто каждый раз орден получала, и ни за что, незаслуженный. Но самое главное было даже не это. Самое главное - что я с ней начала становиться человеком..."

А далее в книге следуют рецензии на книги: "Ахматова и Фонтанный дом", "Анна Ахматова: последние годы", на первый том собрания сочинений Ахматовой в 6-ти томах и др. Они разнятся по тональности оценок: критерием для Горбаневской служит добросовестность и профессиональность составителей, как в случае собрания сочинений, точность и искренность мемуаристов. Когда речь заходит о воспоминаниях поэтов Виктора Кривулина, Томаса Венцлова и блестящего филолога Владимира Муравьева, то рецензент находит возможным процитировать каждого и сказать о нем несколько слов, благо всех их Наталья Евгеньевна знала лично. Откликаясь на книгу Романа Тименчика "Анна Ахматова в 1960-е годы", Горбаневская вспоминает, как однажды впервые привела 19-летнего рижского студента в комаровскую "Будку". А упомянутую выше рецензию завершает словами: "Этих свидетелей - нас - остается все меньше, но думаю, что это главенство Ахматовой еще впереди, что мы всё еще не до конца, не до самых глубин ее поняли и восприняли..."

Ну и, конечно, о Бродском, с которым Горбаневская была дружна с юности и до кончины нобелевского лауреата. Этот раздел открывается расшифровкой телефонограммы из Рима 22 октября 1987 года: "Я так рада, так счастлива, что не нахожу слов передать эту радость...Рада за всю славянскую поэзию, которая в течение всего лишь восьми последних лет дала миру трех лауреатов Нобелевской премии - Чеслава Милоша, Ярослава Сейферта и вот теперь Иосифа Бродского..."

В статьях и рассуждениях о поэзии Иосифа Бродского и о нем самом поражает искреннее бескорыстное восхищение; не так часто поэт говорит о своем собрате без тени зависти или ревности! Вот корреспонденция из Стокгольма в декабре 1987 года, где "Иосиф действительно был окружен любовью, и, наверное, это помогло ему, с его большим сердцем, выдержать все утомительное великолепие "нобелевской недели".

Горбаневская вспоминает (эссе "По улице Бродского"), как поздней осенью 60-го года Бродский приехал в Москву, позвонил ей, представился. Гуляли по дождливым улицам, разговаривали о стихах, о поэтах. Потом встречались в Питере, куда приезжала сдавать сессию учившаяся в университете заочно Наталья Евгеньевна. "Окончательно эта четверка поэтов ("ахматовские сироты" - Бродский, Рейн, Бобышев и Найман. - Ю. К.) вполне признала меня только вслед за Ахматовой, - пишет Гор-

юрий крохин литературоведение

баневская, оговариваясь - кроме Бобышева, "друга с первой минуты", а Найман и потом еще долго колебался..."

В день рождения Натальи Евгеньевны Бродский (а они оба - Близнецы, майские, с разницей в два дня) пришел с экспромтом: "Петропавловка и Невский без ума от Горбаневской".

И еще одно признание: "Уже тогда для меня он стал "первым поэтом" среди нас, а после смерти Ахматовой - и просто первым. Сейчас у меня такое ощущение потерянности, как бывает, когда умер старший в роде".

Потом, когда Горбаневская ушла в правозащитную деятельность, они не встречались - Наталья Евгеньевна не хотела "компрометировать" кого бы то ни было знакомством с нею...

Замечательная история: Иосиф Бродский был корректором сборника стихов Горбаневской "Побережье", выпущенного издательством "Ардис". Наталья Евгеньевна пишет по этому поводу: "Несмотря на все опечатки, я была необычайно тронута тем, что он был моим корректором. Честь великая, а хорошим корректором Иосиф Бродский быть не обязан".

В отличие от некоторых людей, однажды пивших кофе с поэтом и на этом основании причислявших себя к его друзьям, Горбаневская не афиширует душевные отношения с Иосифом Александровичем, а тонко и пронизательно анализирует (соображения эти, судя по всему, давно выношенные, устоявшиеся) особенности поэтики Бродского.

Можно и дальше пересказывать и цитировать то, что запечатлелось в статьях и интервью Натальи Горбаневской касательно Бродского. Но делать этого не стану в видах экономии бумаги; интересующихся отсылаю к книге "Прозой о поэзии".

Кроме драгоценных свидетельств памяти об Ахматовой и Бродском вы найдете у Горбаневской ее рецензии (и предисловия к книгам) на издания таких поэтов, как Семен Липкин, Геннадий Айги, Дмитрий Бобышев, Сергей Вольф и других. Ряд страниц посвящен польским друзьям - поэту и переводчику Виктору Ворошильскому, нобелевскому лауреату Чеславу Милошу. Пишет Горбаневская о погибшем в лагере поэте Юрии Галанкове, откликается на сборник писем прошедшего те же лагеря Юлиа Даниэля. Ну и, конечно, об Александре Галиче, к пятилетию со дня смерти автора "Мы похоронены где-то под Нарвой..."

Не могу перечислить всех поэтов и все книги, оказавшихся в поле зрения Натальи Горбаневской. Уже поименованные говорят о поэтических вкусах и взглядах самой Натальи Евгеньевны. Прозаические тексты поэта Натальи Горбаневской - их стилистика, тональность, интеллектуальная отточенность - заставляют вспомнить утверждение Бродского, что "поэзия это не "лучшие слова в лучшем порядке", это высшая форма существования языка".

Москва. "Русский Гулливер".
Центр Современной Литературы. 2011

эолова арфа

"...МНЕ ПРОПИСАЛИ НЕНАСТЬЕ"
(О поэзии Надежды Солнцевой)

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Анна Ахматова

...Она никогда не называла себя поэтессой. Ей вообще не свойственны были высокопарность, велеречивость; совершенно чуждо суетное - жажда известности, признания, земных богатств. Русскую речь любила до страсти, ревниво, трепетно. Потому остро ощущала разного рода устные и письменные нелепости, безвкусицу, была наделена обостренным филологическим слухом, непременно присущим, по утверждению Анны Ахматовой, поэту. И, конечно, тонко чувствовала подлинную поэзию, где ее кумирами были Мандельштам, Ахматова, Бродский...

Писать о творчестве Надежды Солнцевой сложно. Во-первых, она всячески сторонилась этой темы в разговорах. Разве что, вспоминая детство и юность, сдержанно рассказывала о своих первых стихотворных опытах. Во-вторых, ее поэтическое наследие исчерпывается сборником "Дерево-дождь", изданным "Современником" более двадцати лет назад, да подборками стихов в антологиях поэзии "Дыхание земли" и "Форма огня", что выпущены научно-издательским центром "Ладомир" в 2006 и 2007 годах. Весьма скромный объем поэтических текстов. К тому же и в сборнике, и в антологиях стихи не датированы, не сопровождаются комментариями. А сама поэтесса, как уже говорилось, обо всем, что касалось ее поэзии, предпочитала умалчивать.

После ее безвременной кончины в 2011 году остался архив - незаконченные вещи, наброски, черновики и пр. Судьба его, увы, мне неизвестна. Поэтому приходится довольствоваться тем, что опубликовано, а значит, выверено самой Надеждой Солнцевой. Это как вершина айсберга. Подводную его часть увидеть - прочесть, оценить - не судьба...

* * *

Надежда Солнцева избежала влияний, подражательности. В ее строчках не найти отзвуков других поэтов, даже самых значительных, любимых. Собственный голос, негромкий, без аффектации, без придыхания - отличительное свойство ее стихов. В них нет и тени того, о чем упоминал Георгий Адамович (в статье "О Цветаевой"): "Имеет ли основание, имеет ли даже право поэт красоваться своей избранностью и вещать, изрекать, вместо того чтобы говорить, да, именно только говорить нашим обыкновенным, общим, чудесным, в тысячу раз более выразительным языком?"

Ритмы ее стихов точны и музыкальны, рифмы изобретательны - и естественны. Разговорные интонации, если и встречаются, то очень органичны. Словом, мастерство налицо. Но эти формальные особенности не главное.

юрий крохин литературоведение

Надежда Солнцева выстроила собственный мир, в котором жила уединенно и куда не пускала даже избранных. Это - в реальности. А в стихах она предстает исповедально искренней, доверчивой, может быть даже чуть наивной. При этом в них - интенсивная духовная жизнь, стремление осмыслить мир с его безумием и хаосом, определить свое место в нем. В стихотворении о найденной в лесу записной книжке автор восклицает:

Не поднимай ее, оставь.
Никто не позвонит друг другу.
Немного сдвинулась по кругу
В ней зашифрованная явь.
Прощай же, книжка записная,
Теряй страницы, рвись, кружись!
Где ж ты, другая, запасная,
Еще не начатая жизнь?

О чем это? Да о том, что "нет ничего более страшного для человека, чем другой человек, которому нет до него никакого дела" (Осип Мандельштам). Эти строки - о том, в каком одиночестве существует поэт, и преодолеть его невозможно, да и не нужно... И о жизни, которая длится, привычная, монотонная, но - с ожиданием чего-то, что изменит ее, перевернет страницу.

Распахнуты радостно двери,
Предчувствие чуда с утра.
И буйные вспышки сирени
Из каждого плещут угла.
Паря над веревкой, рубашки
Взлетают почти к небесам...
И ужас, мгновенно объяввший, -
Что я почему-то не там!
Что жизнь моя
Вдруг оборвалась
В том давнем и дальнем дворе...
Как будто прекрасная завязь,
Погибшая в ранней поре.

Жизнь, которую откровенно, не таясь, любит поэт, - это не бездумное ликование, не бодряческие восклицания вроде "я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно". Ее жизнь - в постижении переменчивых настроений природы, в изумленном взгляде вослед неумолимо утекающему времени.

Природе русской не к лицу рыдания.
Она иначе выразит страданье.
Поникли ветви. Дождь. Чуть брезжит свет.
И кажется, такое состоянье
Еще продлится миллионы лет.

эолова арфа

Замкнувшись в глубине своих обид,
 Они приобретут несчастный вид,
 Нечаянно-прелестный и небрежный.
 Но перемены все же неизбежны.
 Возропщет лес. Взметется ветер прежний.
 И кто-нибудь калитку отворит.
 А что болело - больше не болит.

Философичность, элегическое настроение пронизывают все почти стихотворения Надежды Солнцевой. И при этом - мечты о счастье, выраженные светло и искренне, но - с пониманием его эфемерности, недостижимости. Ну примерно как у Толстого: "Счастья нет, есть лишь его зарницы".

Его нужно много, как солнца,
 Как влажных следов у колодца.
 Как дикой травы у вокзала,
 Проросшей сквозь рельсы и шпалы.
 ...Пусть жизни не хватит для счастья -
 оно не должно прекращаться!
 И в стихотворении "Юность":
 Так слепо пребывали мы в укрытье
 Своих надежд, понятных нам одним.
 Но к нам навстречу двинулись события,
 Пока мы только собирались к ним,
 Пока томились мы ненастоящей,
 Придуманной тревогой бытия.
 ...А из земли, от бренности кричащей,
 восстало счастье, чтоб убить тебя.

И еще одна тема, можно сказать, сквозная в стихах Надежды Солнцевой. Это птицы. С птицей сравнивает она улыбку, которая рвется за окна. Вдруг возникает соловей, прижившийся между строк. Или "птица синяя", летящая навстречу прохожему, чуть задевая его крылом. Это осень, когда птицы разлетаются так же, как разбредаются мысли и чувства. Птицам можно написать о долгой зиме, когда "подо льдом словно рыбы наши чувства живут", но весна вступает в свои права, и тогда:

Я пришла очень рано,
 Я на почте одна.
 Птицам шлю телеграмму:
 "Вылетайте. Весна".

Впрочем, птицы Надежды Солнцевой - не просто пернатые, а символ, образ свободного существа. Стать птицей - значит, оторваться от земли, от обыденности, воспарить. "Меня принимают в птицы" - так озаглавлено стихотворение, характерное некоторой декларативностью.

юрий крохин литературоведение

Просто, без репетиций -
Видно, пора пришла -
Меня принимают в птицы,
Выдали два крыла.

Но там, где "принимают в птицы", оказывается, нужно не летать по небу, а зубрить учебник, постигать птичью жизнь! Сидеть, как куры, никуда не спешить. Нет, все-таки лучше устремиться ввысь, в полет! Вспомним Двойную Звезду из гриновского романа "Блистающий мир". Непонятливый - как это человек летает? - писатель объяснял: это полет мечты.

Однако человек все-таки способен подниматься ввысь без крыльев и винтов. Ведь летаем же мы во сне!

Мне прописали ненастье,
Прикосновенье руки,
Чайную ложку несчастья,
Четверть таблетки тоски.
Солнце режим нарушает.
Стало все раньше светать.
Доктор уже разрешает
Мне понемногу летать.

* * *

Надежда Солнцева дебютировала рано и успешно. Ее первые опыты одобрили патриарх нашей литературы Корней Чуковский и строгий критик журнала "Юность" Станислав Рассадин. Публикации следовали одна за другой, юную поэтессу заваливали письмами восторженные читатели, приглашали на поэтические вечера, стремясь вовлечь в комсомольско-литературную тусовку. Впрочем, скоро наступила тишина. Может быть, причиной была дружба с Леонидом Губановым и участие в скандальном Самом Молодом Обществе Гениев (в котором, впрочем, она держалась особняком), вызовы в КГБ? Так или иначе, сборник "Дерево-дождь", ставший библиографической редкостью, вышел только в 1991 году мизерным по тем временам тиражом в 6 тысяч. А зеленоградские антологии "Дыхание земли" и "Форма огня" и вовсе никому, кроме их участников, не известны.

Стихов Надежды Солнцевой не сыскать в Интернете. В воспоминаниях о СМОГе на первые роли выдвинулись, не упоминая о трех соратницах - Надежде Солнцевой, Юлии Вишневской, Татьяне Ребровой, - "мэтры" Алейников с Кублановским. И все-таки хочется верить: рукописи не горят! И истинно поэтическое слово пробьется сквозь глухую толщу лет. Стихи Надежды Солнцевой, верю, найдут своего читателя...

Март 2012

Евгений Лесин

СТИХИ

Евгений Лесин родился в 1965 году в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов, в Литературном институте им. М. Горького (семинар Татьяны Бек). Печатался в журналах "Вопросы литературы", "Арион", "Знамя", "Октябрь", "Юность", "Дети Ра", "Время и мы", "Наша улица", в альманахах "Кольцо А", "Истоки", "Эолова арфа". Автор книг "Записки из похмелья" (2000), "Русские вопли" (2005), "Вулкан Осумбез и молодильные яблоки" (2010) и т. д. Член Союза писателей Москвы. Ответственный редактор газеты "Ex Lidris-НГ".

Есть поэты, которые пишут стихи редко, от случая к случаю. Причём одни поэты пишут - хорошо, а другие - плохо, а третьи - ни хорошо, ни плохо, а так себе, комси комса, как говорят французы. А есть поэты, которые пишут часто, и тоже: одни пишут - хорошо, а другие - плохо, а третьи - комси комса. Поэт Евгений Лесин пишет стихи не редко, а часто, а точнее - почти каждый день (не по принципу Олеси "Ни дня без строчки!", а по своему спонтанному принципу: "Ни дня без стихотворения!"), и иногда и даже очень часто - пишет не по одному стихотворению в день (или в ночь), а по два, по три и больше, и размещает их в своём Живом Журнале, не дожидаясь, пока кто-то напечатает их не в Живом Журнале, а в бумажном. И главное Евгений Лесин - пишет очень хорошо! Что удивительно. Удивительно-то не то, что он очень хорошо пишет стихи, а то, что он вообще их пишет, и притом часто и много, хотя работает в газете, а работает в газете, тот чаще всего редко пишет стихи, и чаще всего пишет не хорошо, а плохо, потому газета заедает поэта, как кого-то заедает быт. К тому же кто работает в газете, тот пишет в основном газетные стихи, а Евгений Лесин мало того, что пишет много стихов, но он к тому же пишет совсем не газетные стихи, которые ни в какие ворота не лезут. И не только в газетные, но часто и вообще ни в какие... Потому что они у него очень уж своеобразные и ни на что непохожие, то есть ни на чьи стихи непохожие, и как бы такие неправильные, не такие, как у всех.

Он говорит в одном из своих стихотворений:

А я в неправильной России
Живу неправильную жизнь. -

Вот и стихи он пишет тоже "неправильные", то есть не "трафаретные", не такие, какие пишут почти все поэты, а такие, каких кроме него никто не пишет. И вот это-то и хорошо! Тем более, что и пишет он их очень хорошо, притом по-своему хорошо, а не как те поэты, которые пишут, может быть, и хорошо, но не по-своему, и их стихи всё время напоминают то одного поэта, то другого, и тебе кажется, что эти стихи кто-то из поэтов уже писал раньше, если не конкретно эти стихи, то похожие на них. А кто-то из коллег и редакторов иногда говорит Жене Лесину, что нельзя и не надо писать стихи так, как пишет он, и советует ему писать по-другому, не так, как он пишет, а так, как пишут все, то есть как положено писать. А он говорит им:

Ну да, я знаю: так не надо,
Но по-другому не могу.
И не хочу. Да и не буду. -

И пишет и пишет по-своему.

А кто-то советует ему писать стихи пореже, потому что думает, что если писать стихи пореже (и оттачивать их побольше), то они будут лучше (а бывает наоборот: чем поэт больше оттачивает стихи, чтобы они были лучше, тем они становятся у него хуже).

Мне говорят, чтоб я писал пореже. -

евгений лесин стихи

Говорит Евгений Лесин. Но он и этих товарищей не слушает, которые советуют ему писать пореже, и пишет часто, а не редко, о чём я уже сказала несколькими строками выше.

А печатается Евгений Лесин, если говорить о его стихах, а не о его статьях, не часто, а редко. Что неудивительно. Потому что у него стихи, как я уже сказала несколькими строками выше, чересчур своеобразные и непривычные, то есть неформатные (да ещё очень часто они бывают у него и ненормативные, с ненормативной лексикой, которой он пользуется исключительно в художественных целях и которой он владеет в совершенстве, как и нормативной лексикой).

И я уже говорила несколькими строками выше, что он печатается в основном в своём Живом Журнале. А не все же читают Живой Журнал. Есть люди, которые вообще ничего не читают, но среди тех, которые что-то читают, есть люди, которые читают только то, что печатается в бумажных газетах и журналах.

И вот я решила напечатать стихи Евгения Лесина в бумажном альманахе "Эолова арфа", книгу в альманахе (а то у Евгения Лесина стихов - много, их хватит на много томов, а книг у него - не много, в отличие от тех поэтов, у которых стихов - мало, а книг - много).

Евгений Лесин говорит:

Не важно, кто печатает тебя.
Зато твои слова пробьются к людям.

Я решила напечатать в "Эоловой арфе" стихи Евгения Лесина, чтобы они как-то пробились к людям через этот альманах. Потому что я люблю Евгения Лесина и его поэзию и считаю Евгения Лесина самым интересным поэтом в своём роде, совершенно новым поэтом, единственным и неповторимым, каких до него не было, и не просто талантливым, а (я не побоюсь этого нормативного слова) гениальным! И, слава Богу, что не я одна так считаю.

Нина КРАСНОВА,
9 июля 2012 г.

** *

Предельно аккуратна и понятна,
Душа ни холодна, ни горяча,
Она порою даже неприятна -
Тяжелая работа палача.

Ведь надо у последней жалкой дряни
Копаться в отвратительном белье.
А после утешение в стакане
Искать. И в нежно любящей семье.

Опасная и трудная работа,
Но так велит великая страна.
А из углов тарашится мерзота,
И ненависть из каждого окна.

Откуда, право, ненависть полезла?
Так можно ненавидеть и врача.
Она для них чудовищно полезна,
Уютная работа палача.

элова арфа

Глядеть на них противно даже с вышек,
Тем более, что дел невпроворот.
А он все дышит, сука, падла, дышит,
И хочет жить, любимый наш народ.

ДЕД МОРОЗ В ДУШАНБЕ

пытался оскорбить чувства верующих своим внешним видом, но был пресечен группой молодых активистов

Новый год летал над землей.
И кричал он: чур меня, чур.
Шли антифашисты гурьбой.
Шли к победе мультикультур.

Обсуждали важный вопрос.
О победе дружбы всех стран.
Но навстречу шел Дед Мороз,
Видом оскорбляя Коран.

Каждый был задумчив и чист.
Каждый головой покачал.
"Дедушка Мороз, ты фашист!
Мы в тебя зарежем кинжал".

Новый год летал над землей.
Снег был и искрист и пушист.
Дед Мороз лежал неживой.
Потому что он экстремист.

* * *

То ли мы на паперти, то ли мы на площади.
То ли уже пьяные, то ли еще пьем.
Улица Дворянская, девочка на лошади.
Будто в 19-м веке мы живем.

Улица Дворянская, ныне Пионерская.
Голь замоскворецкая под любым кустом.
Водку пьет Посольскую сволочь министерская.
Спит кольцо Садовое беспробудным сном.

Жизнь мелькнула шуткою глупой и нелепою.
Фабрика "Ударница", фабрика "Рот-Фронт".
Мы идем по городу улицей Зацепою.
Катятся трамвайчики вдаль за горизонт.

евгений лесин стихи

* * *

Кого-то искренне просили,
Кого-то звали миражи,
А я в неправильной России
Живу неправильную жизнь.

Обида, горечь и досада.
Не пожелаешь и врагу.
Ну да, я знаю: так не надо,
Но по-другому не могу.

И не хочу. Да и не буду.
Друзья, добро и красота
Когда-то предали Иуду.
И наплевать. Все ерунда.

Все пустяки. И очень спорно.
И я, не ведая стыда,
Зачем не знаю, но упорно
Бреду неведомо куда.

* * *

Все теории ошибочны, и любая практика врет.
Справедливость и объективность ведут в никуда.
Все равно кому-то нравится и за душу берет
Полная фигня, полная туфта, полная бурда.

Чтобы ты ни делал, плохо или хорошо.
Все равно кого-нибудь ты раздражаешь и злишь
Не стой у Вселенной и у бога не стой над душой.
Всем не угодишь, всем не угодишь, всем не угодишь.

Люди любят похожее, так что сиди, не плачь:
Каждый кому-то нужен, как веревке крюк.
Так что любой палач, доносчик или стукач
Для кого-то сын, для кого-то муж, для кого-то друг.

Выучи наизусть и повторяй везде и всегда.
Вслух и про себя, даже если давно уже спишь.
Слезы, кровь и моча и прочее - тоже вода.
Всем не угодишь, всем не угодишь, всем не угодишь.

* * *

А если б я в газете не работал,
Меня бы не пускали никуда.
И никуда, конечно же, не звали б.
И били бы и чаще и сильнее.

элова арфа

А так, глядишь, еще кому-то нужен,
И, может, про кого-то напишу.
Кого-то посоветую кому-то,
В жури зачем-то где-то подремлю.
А что мудака - ну кто теперь хороший?

"Не важно, кто печатает тебя.
Зато твои слова пробьются к людям.
Огонь твоей души их осветит..." -
Так говорят, устало улыбаясь,
Друг другу и себе творцы-поэты.
Небрежно небожители взирают
С планет своих и со своих светил.

Ну, ничего, я буду злой и трезвый,
Когда засяду, чтоб вам было пусто,
Когда засяду, суки, подождите,
О вас воспоминания писать.

* * *

Мне говорят, чтоб я писал пореже.
Шедевры, дескать, требуют труда.
Пока одни и те же на манеже,
Идите-ка вы лесом, господа.

И там пишите вечные шедевры,
Шлифуя в муках чудо-словеса.
А мне всего лишь не мотайте нервы.
И забирайте ваши небеса.

Вполне прозрачна ваша паутина.
Вам хочется, чтоб меньше я писал.
А то и вовсе сдох скорей, скотина.
Ну вот уж хрен. Во весь Колонный зал.

* * *

Какая разница - эпоха,
Деревня, город, континент?
Везде всегда все очень плохо.
И все меняется в момент.

Всегда есть кто-то, кто беднее
И кто несчастней под Луной.
И наш фашизм всегда роднее
Нам и понятней, чем чужой.

евгений лесин стихи

* * *

Как-то очень странно во дворе.
Что-то непонятное в природе.
Птицы разорались в январе.
Вроде бы весна не на подходе.

Вроде календарная зима.
Вроде даже снег лежит на ветках.
Птицы, да вы что, сошли с ума?
Одурели на людских объедках?

Птицы голосят, и мне их жаль.
Дуб любой теленок забодает.
А ведь впереди еще февраль.
И того гляди - похолодает.

* * *

Б.З.

Он сидит, потому что и другие сидят.
Он мечтает и глядит в синеву.
Он мечтает, что когда освободят
Обязательно поедет в Москву.

Обязательно поедет туда,
Где устроено все удивительно хитро.
Где катаются под землей поезда
И называются очень странно: метро.

Где стоит такой большой мавзолей.
Где на Красной площади есть парад...
Никуда он не уедет из лагерей.
Даже если его освободят.

* * *

А кто-то старше и несчастней,
Моложе кто-то и глупей.
И всюду пасти, пасти, пасти.
Клыки озлобленных детей.

И отовсюду лезут жала,
Что предлагают благодать.
И жалко, сук их, и не жалко.
Обнять, зарезать и рыдать.

элова арфа

Хотя кого там, право, резать?
На чем тут держится душа?
Гляди, блевотное полезло.
Смотри, мерзотина пошла.

Бери шампанское сухое
И головой о парапет.
Давайте выпьем за плохое,
Пока хорошего здесь нет.

* * *

Я Жигулевское пью пиво Барное,
К стеклу трамвайному прижав лицо.
В окошке катится кольцо Бульварное.
Хотя какое же оно кольцо?

Где, хреновуха, ты, моя медовая?
Такая вкусная, что жди беды.
Поодаль плещется кольцо Садовое.
Кольцо - конечно же. Но где сады?

* * *

Не дискутируя с дерьмом
И прописными стукачами,
Ты все равно сидишь ночами
В тоске бессильной за столом.

Одни должны нас охранять.
Другие жить спокойно рядом.
Но если их встречаешь взглядом,
То видишь злобы лишь печать.

А у тебя полно проблем.
Иди, лавируй между с ними,
И всеми силами своими
Ни с тем не пачкайся, ни с тем.

НА БРАК АЧ И АС

Ты помнишь годы 90-е?
Ты помнишь годы 90-е.
Вокруг ходили гады злостные.
Стреляли всех бандиты толстые.

Мы пропивали бодро ваучер.
С веселой девкой бесполезною.

евгений лесин стихи

Потом лежали грустно в ауте.
А девку ту с утра зарезали.

Тогда еще по ресторациям
Мы не могли пройти расслабленно.
И на шоссе продажным грациям
Мы предлагали спирт разбавленный.

Топили мы тоску зеленую,
Огнем советским опаленные.
Хлестали водку мы паленую
В Чубайса бешено влюбленные.

Его стихи нам очень нравились.
Его романам все мы верили.
Потом над нами позабавились
И все хорошее просерили.

Тогда и мы пошли в политику.
Ругая власть свою бедовую.
И восхищенно пели критику,
Согласны с Дунеем Смирновойю.

Она печатала воззвания.
К народу русскому несчастному.
Ее прекрасные страдания
Вели нас к будущему ясному.

Но как-то было все неправильно.
И даже где-то в чем-то медленно.
Нас били больно, но затравленно,
Как будто все еще не велено.

Летали спутники советские.
Тонули лодки подмосковные.
Тиранил мэр площадки детские.
Гудели скрежеты зубовные.

Мы пили водку с коммунистами.
Они дразнили нас колбасами.
Мы обзывали их нечистыми.
Они дразнили нас чубайсами.

Пошла на зону комсомолия.
Галдели голуби таинственно.
Гранатометы в Анатолия
Стреляли каждый день воинственно.

эолова арфа

Сначала верили немногие
В Чубайса и приватизацию.
Теперь же нанотехнологии
Нам принесли модернизацию.

Плевать на ужасы лесбийские.
И на эрекции расцветные.
Они оденутся в российские,
Конечно, символы трехцветные.

И к алтарю пойдут веселые.
И к алтарю пойдут счастливые.
А бомжи, пьяные и голые,
Вовсю налакомятся сливою.

Примечание. Все персонажи и реалии - вымышленный бред автора.
Конец примечания

* * *

В жизни всякое горе случается,
К сожалению, с каждым из нас.
По вагону бутылка катается.
Одинокая, как пидарас.

Пидарас, пидарас, пидарашечка.
Непутевый солдатик любви.
Ты стоишь, как пустая рюмашечка,
И как взорванный Спас на крови.

Помнишь ты, как на улице пятеро
Тебя били у Храма Христа.
Ты ругал их обидно и матерно,
Потому что они гопота.

Они сняли с тебя все нарядное.
Но один был прекрасен и смел.
Шел за ним и запомнил парадное.
И позвал ты его на похмел.

Вы гуляли и в парке и в сквере и
Пили девичье вместе винцо.
А потом возле здания мэрии
Целовали друг другу лицо.

А потом был и секс под осиною.
Ты позвал его, что тут скрывать,
Делать дело в Россию единую.
Он позвал тебя протестовать.

евгений лесин стихи

Ты ударил его в груди белые.
Он ударил тебя в ордена.
Понял ты, что в страдании делает
Одинокая наша страна.

Загрустил ты, как сойка влюбленная.
Ох, не будет вам счастья рекой.
И тогда ему финкой каленую
В грудь ударил ты за упокой.

Он в глаза поглядел опечалено
И без гнева, с улыбкой сказал:
Поцелуй же меня на прощание.
И иди на Казанский вокзал.

В ресторане ты пил и размазывал.
Слезы просто рекою текли.
Ты и водку и песни заказывал.
А в конце заказал Журавли.

В жизни всякое горе случается.
И тревожится сердце, лишь тронь.
По вагону бутылка катается.
Одинокая бродит гармонь.

* * *

И.Ш., А.Г.

Они порой весьма убеждены.
И не всегда себя лишь защищают.
Но как же нашу жизнь отягощают
Они, что хуже уличной шпаны.

Они сидят в кустах и шебуршат,
Вооружившись фотоаппаратом.
Борцы с литературным плагиатом.
Как будто есть на свете плагиат.

Как будто можно образы украсть.
И что-то написать свежо и ново.
Пасут запатентованное слово,
Завистливо распахивая пасть.

Оставьте. Запечатайте уста.
Пишите сами, больше и свободней.
И не ищите правды в преисподней,
Сексоты, стукачи и гопота.

эолова арфа

* * *

Немного подморозило, похоже.
Стоят осоловелые дома.
И даже зябко ежится прохожий,
Как будто в моем городе зима.

Не мог одеться, что ли, и обуться.
На улице снежок и благодать.
А снег куда важнее революции.
Свободы все равно ведь не видеть.

* * *

Хоть на стукача, все равно молчок.
Хоть он депутат, хоть он людоед.
Ты давай стучи, стучи, стукачок.
Ты стучи, стучи, ведь и бога нет.

Бога нет, а ты не можешь молчать.
Бога нет, а только надо просить.
Все равно стучать - так и есть стучать.
Доносить - оно и есть доносить.

* * *

Не надо строить планы
И жить вчерашним днем,
Бутылки и стаканы
Оставив на потом.

Оставьте лучше споры
Любые навсегда.
А жулики и воры
Оставят города.

Оставят нам поляны
И спички под кустом.
Не надо строить планы
И жить вчерашним днем.

Не надо строить планы
Ни завтра, ни сейчас.
Бобры и тараканы
Построят лучше нас.

Построят без опаски
Один большой дурдом.
Все будущее - сказки.
И планы на потом.

евгений лесин стихи

Иди дорогой брэнной.
Карманами звеня.
Стоял по всей вселенной
И гвалт и болтовня.

Стояли истуканы
И процветал Содом.
Не надо строить планы
И жить вчерашним днем.

* * *

В нашей сказочке веселой
Все устроено ништяк.
Ты сюда приходишь голый.
И уходишь кое-как.

Кто-то в гроб, а кто в могилу.
Лучше завтра, чем сейчас.
Тут по морде, там по рылу.
Хорошо-то как у нас.

И в раю порядок адов
Возвращается на круг.
То ли бесы против гадов,
То ли пады против сук.

То ли нас, а мы крепчаем.
То ли мы, и нам зачтут.
Вот лимон. И кружка с чаем.
Дай хоть несколько минут.

* * *

Ильич грустил и ел из миски
На Красной площади один.
Теперь бунтуют феминистки
Здесь против пениса мужчин.

Ну ладно, власть и силовые
Структуры. Тут я все пойму.
Но есть и просто половые
Мужчины. Их-то почему?

Ведь были бабы разной масти.
И все - похуже мужиков.
Здесь дело именно во власти
А не в различии полов.

эолова арфа

Ильич печаль сдержат не в силе,
А я на лед боюсь упасть
Тех феминисток повинтили.
Саму себя боится власть.

Ну что сказать. Гляжу на воду.
Пускай бунтарки, что скрывать,
Скорее выйдут на свободу.
Хотя не хочется встречать

Их ни во власти, ни по жизни.
Не принесут они свобод...
Моей измученной отчизне
Ни с кем, похоже, не везет.

Замерз канал Водоотводный
И утки, зло и налегке,
Летят над площадью Болотной
Митинговать к Москве-реке.

* * *

Ну что сказать, ты видишь все сама.
Давай тебя поздравлю я, столица.
Гуляет в моем городе зима.
Мороз и солнце. Да и снег искрится.

Ты видишь все, что я могу сказать.
Теперь ты и нарядна и опрятна.
В такие холода легко гулять.
И пиво пить на улице приятно.

* * *

Послали к черту, идите к богу,
Одна дорога,
Стреляли в руку, попали в ногу,
Убили бога.

Сперва убили, потом запели,
Поют и скачут.
А если вспомнят в конце недели,
Сидят и плачут.

С тех пор, как люди убили бога,
Они так жалки.
Игрушек стало совсем немного.
Одни стрелялки

евгений лесин стихи

Одни стрелялки да молотилки.
Столбы да каски.
От коммуналки до вытрезвилки
Сплошные сказки.

* * *

Мы живем, как в дурном сериале,
Чьи герои глядят сериал,
Где участники тоже попали...
И так далее, я бы сказал,

Но не буду. К чему разговоры?
Поступила команда: успех.
И захрюкали зло режиссеры
Под холопский закадровый смех.

Под пустые и громкие драмы
Сериальных услужливых дам.
Лишь бы видеть рекламу рекламы
Грандиозных грядущих реклам.

Мы бы счастья себе попросили,
Но такое свисает со щек...
Хорошо как живется в России,
А сегодня и скидка еще.

В ХАОТИЧНОМ ПОРЯДКЕ

И.Я.

Что-то уснет на Манчжурии сопках.
Что-то проснется в лихой кутерьме.
Встанет навечно Москва наша в пробках,
Чтобы не гибла Россия в дерьме.

Чтобы не гибла Россия, давайте
Все, что похуже - скорее в Москву.
Вы приезжайте к нам и прилетайте.
И привозите траву и братву.

Мало у нас настоящих джигитов.
Жулики, воры... ну как с ними жить?
Надо в Москве нам побольше бандитов.
И чтоб халяла найти и купить.

элова арфа

Раньше в Москве было грязно и мерзко.
Дворников не было из горожан.
Ну а теперь все сверкает до блеска.
Прямо Баку или там Андижан.

Раньше все было ужасно и плохо.
Ну а теперь хорошо, хоть ложись
И помирай. Так подохла эпоха.
И пролетела дурацкая жизнь.

* * *

Евгению Мякишеву

От смешного Казанского собора
До пустого Казанского вокзала
Две бутылки, два разговора.
Бабочка надвое летала.

Прилетела на платную парковку
И сидит в естественной позе.
Пойдем, товарищ, на Каланчовку
Пить холодное пиво на морозе.

**СПАЛ С МАТРАСОМ ЗА БАБЛО.
ОБОБЩЁННЫЙ ПОРТРЕТ ОППОЗИЦИОНЕРА**

Сайентолог и уролог,
А еще антифашист.
К проституткам часто ходит.
Дед служил в НКВД.
Спал со школьницами в школе.
Член к тому же небольшой.
И по матери он Эйдман,
А еще антисемит.
И какашками кидался
Или, может быть, в него.
С анархистами он дружит,
А еще украл кредит.
Торговал он алкоголем.
Кинул друга на бабло.
Кандидат Другой России.
А по папе Зильбертруд.
Занимался сексом с негром,
А еще надел сачок.
Не приходит на субботник

евгений лесин стихи

И с Дудаевым дружил,
Идеолог Русских маршей.
А фамилия Ванштейн.
Испражнялся под картиной
И гражданка США.
На Манхэттене квартира.
Ламборджини золотой.
Кинул грабли под машину.
Член к тому же небольшой.
И какашка на капоте.
Трансвестита избивал.
Конференция плохая,
И пиписьки там летят.
Не служил в рядах Советской
И в российской не служил.
Сам себя сжигал и вешал.
Не горит и не висит.
К проституткам часто ходит.
Член к тому же небольшой.
Отдавал Чечню грузинам.
Спал с матрасом за бабло.
Испражнялся под картиной.
В глубь России заглянул.
Кинул грабли под машину.
Два процента за откат.
Финансист Другой России.
Наркомана обижал.
Обокрал несчастный Рамблер.
Дед служил в НКВД.
Сайентолог и уролог,
Спал с начальником своим.
К проституткам часто ходит.
Дед служил в НКВД.
И по матери он Эйдман,
А по папе Зильбертруд.

И т. д. и т. п.

* * *

Москва митингует. Зима не помеха.
Зима равноправно со всеми лютует.
Зато на Поклонной, наверно, потеха.
Москва по другим площадям митингует.

Москва митингует. Тут шарфик повяжут.
А туг, у вокзала, столица ворует.

элова арфа

И тут же бомжует. Замерзнет и ляжет.
А рядом другая Москва митингует.

А вот и колонны, колонны, колонны.
Конечно же, праздник. Хоть ветер и дует.
Ну, там, на Поклонной, понятно, поклоны.
А здесь, на Москве, где Москва митингует,

И люди другие. И лозунги тоже.
Терять-то им нечего, вот и рискует,
Здесь каждый рискует, помилуй их, боже.
Москва митингует.

Москва митингует. И ходит с плакатом:
"С пожизненным сроком!" А он негодует.
А, может, смеется, ругается матом...
Москва митингует.

Москва митингует. Похмелье не скоро.
Сначала победа им отсалюует,
Потом лишь начнутся грызня и раздоры.
Москва митингует.

Москва митингует. Россия бухает.
Кавказ обещает и дальше быкует.
Но ветер не носит, собака не лает,
Москва митингует.

Москва митингует. На площади жарко.
А кто-то в холодном подвале кукует.
И каждый мечтает, и каждого жалко.
Москва митингует.

Примечание. Разумеется, никакого отношения к совр. росс. действительности данное худож. произведение не имеет. Конец примечания.

* * *

Александрю Переверзину

Хорошо тут на улице: снег, мороз,
Солнце бьет наотмашь, и ветра нет.
Ты задай, если хочешь, любой вопрос.
Все равно не важен любой ответ.

Ты не бойся мороза, мороз не враг.
Только ты в сугробе не засыпай.
И коллег ты не слушай, у них, собак,
Может, зубы острые, но не лай.

евгений лесин стихи

* * *

Господь был не в ударе, а в экстазе,
Когда нас для чего-то сочинял.
И мы живем в его плохом рассказе.
Ругая то сюжет, а то финал.

Ругая его творческие планы.
Поток однообразной чепухи.
Писал бы там нам, Божинька, романы.
А лучше - неприличные стихи.

Я не могу читать и тихо славить.
Редактора сюда бы, подлеца.
Тут надо сократить, а тут добавить,
Переписать с начала до конца.

Ну, где редактор, черт, горит натура.
А вот и Черт выходит втихаря.
Ты не редактор, Черт, а лишь цензура,
Политкорректность, грубо говоря.

Отправить бы вас в отпуск или в ссылку,
За гонораром или же к врачу.
А я открою Балтики бутылку
И Северного что-нибудь включу.

О РАЗОБЛАЧЕНИЯХ

Время теперь такое.
Время просто отпад.
Если сделал что злое
Сразу разоблачат.

Будь ты хоть самый главный.
Будь ты хоть против всех.
Хоть латентный хоть явный.
Знаний тугой орех

Все равно ведь расколют.
Для властей и зевак.
Где и какую долю
Ты получил и как.

С кем ты бухал и трахал
Чем, кого и куда.
Слава - она как плаха.
Власть - она как беда.

эолова арфа

Каждый тебя ругает,
Смотрит тебе в карман.
В небе птичка летает,
Напевая коран.

Мирно лежит алкашик
И блюет на закат.
Антинашисты наших
Сами разоблачат.

* * *

Собака воеет, дни листая.
Осталась, видимо, одна.
Хозяин бросил или стая.
Причина ясно не видна.

Видна тоска. Будь я Некрасов,
Сказал бы Музе, мол, гляди.
А я собаке кинул мяса.
За мною только не ходи.

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА НИ О ЧЁМ

Стишки писали декабристы,
Гусары, цензоры, цари.
Писали девы, лицеисты
Из Петербурга и Твери.

Писали все, писали много.
Писали сутки напролет.
Одни хотели видеть бога,
Другие жаждали свобод.

А большинство - под юбки дамам
Пытались радостно залезть.
И не мешали дерзким планам
Ни брак, ни вера и ни честь.

Они писали, их читали.
Барков, Жуковский, Тютчев, Фет.
Одни стоят на пьедестале.
Другие - нет.

Писали карлики и гномы.
Писали много-много лет.

евгений лесин стихи

Писали барышням в альбомы,
Теперь куда-то в интернет.

Теперь и барышни попроще.
Короче юбки, выше нос.
Но так же плющит и полощет
Всех поэтический понос.

И половой вопрос тревожит
И коммунистов и едрят.
Поскольку прыщики на роже
В паху у юношей свербят.

Доступны ямбу и хорею
Финансы, космос и балет.
Поэт лелеет гонорею
На склоне лет.

Он ей гордится, он доволен.
В глазах его огонь горит.
Сегодня я прекрасно болен, -
Своей он внучке говорит.

А та в слезах его читает.
И тоже пишет о любви.
Он ей немного помогает.
Такая, братец, се ля ви.

Никто, конечно, не в ответе.
За что вся радость дуракам.
Она известна в интернете.
А он немногим старикам.

Вам хорошо кудрявым летом.
Нам хорошо, когда просвет.
Немножко стыдно быть поэтом.
А может, - нет.

ЗНАЮТ НОЛИКИ, КОМУ ПОСТАВИТЬ КРЕСТИКИ

И демократики
И патриотики
Несут плакатики
И рвут животики.

Нет ни билетика.
Молчит политика.

эолова арфа

Где арифметика.
Где аналитика.

На все вопросы
Соврут исусики.
Единоросики
Рисуют плюсики.

Рисуют крестики.
Рисуют свастики.
Тычинки-пестики
И головастики.

Не надо мистики,
Чтоб знать без палочки,
Кому на листики
Поставят галочки.

Сидят комарики
На круглом столике.
Все наши шарики
Зашли за ролики.

АНТИОРАНЖЕВАЯ ПЕСНЯ

Продаться власти поскорее
Или продаться подороже?
Или совсем не продаваться,
А громко пукнуть у Кремля?
А может, что-нибудь такое?
Ну, благородное геройство?
Жениться, скажем, на старушке,
Помочь ей яйца донести?
Хотя какие к черту яйца?
Пойти на митинг с транспарантом
"За божество! За вдохновенье!
За жизнь! За слезы! За любовь!"
А может, все-таки старушку?
Пусть не любить, через дорогу,
Большую страшную дорогу,
Прям через МКАД перевести.
И там, за МКАД, ее оставить.
Пускай голодные крестьяне
Ей песни грустные душою
Своею нежною поют.
А ты тем временем в квартире,

евгений лесин стихи

В ее пентхаусе на Бронной,
Освобождение России
Готовить будешь и омлет.
А может, все-таки продаться?
Госдепу ловкому продаться.
А после каяться и плакать.
Шпионов сдать и поутру
Лежать у божьего у храма
В убогом рубище, алкая,
Любви, надежды, тихой славы,
Взирая строго на РФ.
А небо, небо-то какое,
Такое очень голубое.
Антиоранжевое небо.
Антиоранжевой чумы.

СОКОЛ И КОПОТНЯ

Старею. Становлюсь неадекватным.
Напьюсь и сам не помню, что ору.
А хочется быть легким и приятным.
Особенно, конечно, поутру.

А хочется, чтоб Сокол и Капотня
Встречали пресловутого меня.
И Яуза, и Братовка, и Сходня,
И Химка, и, конечно, Городня.

ОСТАВАЙТЕСЬ ФРИКАМИ

Бесы бьются за прогресс.
Кто от скуки мается,
Кто в политику полез,
Кто в пророки тянется.

Поспокойней, господа
С царственными ликами.
Не стремитесь никуда,
Оставайтесь фриками.

Лучше мостик у ручья,
Чем война на местности.
Оставайтесь, как и я,
Дома, в неизвестности.

элова арфа

НЕПРОТИВЛЕНИЕ

Непротивление злу насилием.
Непротивление добру возражением.
Непротивление голоду изобилием.
Непротивление правде изображением.

Непротивление власти голосованием.
Непротивление бунту переизбраием.
Непротивление жизни любовным тщанием.
Непротивление смерти любовным тщанием.

Непротивление как ни в чем не участие.
Непротивление как божье спасение.
Непротивление как вера и счастье.
Непротивление. Непротивление. Непротивление.

НА ЛЁД КАНАЛА

Сады Эдема были под Москвой.
Наверное, в Опалихе, а может,
И в Дедовске. Наш день еще не прожит.
А прочее нам по фигуре с тобой.

Пойдем на снег, под звуки синевы.
Под вопли надоедливых моторов,
И под защитой тушинских просторов
На лед канала имени Москвы.

ЗАМИТИНГИ

Мы выходим на замитинг
Увеличивать зарейтинг
В лужниках идет залужинг
И лужков тут ни при чем
В лужниках неинтересно
В лужниках играли плохо
Очень плохо футболисты
А теперь тут хорошо
А теперь идет запетинг
И заходит ум за разум
Заедро замирный атом
Зазаборами вожди
Запало и заприроду

евгений лесин стихи

Замерло и до рассвета
Закидоны закордона
Зауралвагонзавод
То зарядье то замкадье
То гудит замоскворечье
Занарод и запобеду
И задевушку с веслом
В храм христа зашли девахи
Заблинами заголяя
Заголяя песни задом
Запевая закрасу
Скоморошечки такие
И хаврошечки лихие
Перевертыши смешные
Занесло и всех тошнит
Всех тошнит никто не вышел
Кто сидит а кто трясется
Мы поехали загород
А загородом вожди
Кто придет проголосует
Тот придет проголосует
Всех завсе заголосует
Заедино заедим
Закружило завертело
Занедужила столица
Занарод зароссиянский
Запер девку навека
Мы замитинги забудем
Мы зарейтинги поднимем
Ох, ты, Русь, куда несешься
Без руля и без ветрил?

ВО ВСЕХ ИЗБИРКОМАХ

Четвертое марта. Во всех избиркомах.
Раздали патроны. Налит самогон.
Зачем бесноваться во зле и в погромах,
Когда результат уж давно предрешен?

Четвертое марта. Гуляет столица.
И к урнам шагают и мэр, и премьер.
Стоит наблюдатель, красивый, как птица.
От КПРФ или ЛДПР.

Рабочих повсюду счастливые лица.
Они голосуют за праведный строй.

элова арфа

Достань бюллетени, товарищ Голицын.
А ты, Оболенский, ты урну прикрой.

А то ведь возможны любые кошмары.
А нам с ними жить шесть и более лет.
Во всех избиркомах сидят эмиссары
И урночки наши несут в кабинет.

А там растерзают себе на награды,
И галочки влепят во все бюллетни.
Товарищ Голицын, а может, не надо?
Не надо ни вбросов, ни прочей фигни?

Не знает Голицын, молчит Оболенский.
Зато голосует российского народ
Четвертого марта с тоскою вселенской...
А пятого марта и Сталин умрет.

Четвертое марта. Плают эфиры.
Подсчет экзит-поллов. И прочая муть.
Во всех избиркомах кифары и лиры.
Страну провожаем в последний мы путь.

Страну провожаем. И радостно машем.
Пока демократия пьяная спит.
Победа досталась, конечно же, нашим.
А лодки все тонут. И крысу тошнит.

ВЫБИРАТЬ

Между бегом от порчи.
Между снегом и тенью.
Боже, рожи, покорчи
Своему отраженью.

Между бредом и сбродом.
Между гнидой и сворой.
Поиграем с народом
В добрый ящик с Пандорой.

Между крысой и лодкой.
Между миром и морем.
Между бесом и водкой.
Между гарью и горем.

Между Русью и высью
Раскорячивать деву

евгений лесин стихи

Отвратительной мыслью
По сгоревшему дереву.

Между баней и бойней
Между волей и боем.
Быть бы мне поспокойней
Перед каждым запоем.

Перед каждой волною.
Перед каждым цунами.
Между мной и тобою
Между ими и нами.

Между брешью и вошью.
Между башней и башней.
То ли волюшку божаю.
То ли морок вчерашний.

Ты ни ахай, ни охай.
Просто пояс потуже.
Наконец-то все плохо.
Но ведь есть куда хуже.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Никогда оно не закончится.
Навсегда, видать, с нами вы.
Позади сто лет одиночества.
Впереди шесть лет синевы.

А потом еще. Да с присядкою.
Чтоб стихи и слезы из глаз...
Остается выпить украдкою
За кавказский рабочий класс.

Позабыты митинги, рейтинги.
Потекла под камень вода.
И баранов режут на Сретенке
Дорогие люди труда.

Потрясем козлиной бородкою,
Получив привычно под дых.
И на дно подводною лодкою
Без надежды и позывных.

элова арфа

А НАДО БЫЛО ЗА ЗЮГАНОВА

А надо было за Зюганова.
Ох, надо было за Зюганова.
Но не могу я за Зюганова.
Ох, не могу я за Зюганова.
Но надо было за Зюганова.
Не надо было за Миронова.
За Жириновского веселого.
И за высокого которого.
Не надо было за Миронова.
Совсем не надо за Миронова.
За легитимного Миронова.
Они пришли, они поздравили.
Они пришли, признали выборы.
Они хорошие и добрые.
Они не красные-ужасные.
Но вот пришли и вот поздравили.
И зря за них голосовали мы.
Зачем за них голосовали мы?
Уж лучше сразу бы признали бы.
Прошли колоннами согласными.
На все согласными колоннами.
К Москве-реке прошли колоннами.
И утопились бы колоннами.
Россия, Родина, колоннами,
Иди к реке, на все согласная.
Пусть да здравствует любимая.
А то, что надо за Зюганова.
Ну, надо было за Зюганова.
Конечно б, надо за Зюганова.
Да только толку, толку что?

СМЕШНАЯ

Старушка ела в кафетерии.
Мешала чай в своем стакане.
Крошила булку немудреную.
Была одна и голодна.
По сторонам глядела редко.
И как-то зябко. Торопливо.
Хотя куда там ей спешить?
Хотя какая там старушка.
Мне было лет, наверно, семь.
А может, восемь или девять.
А ей, ну, скажем, пятьдесят.

евгений лесин стихи

А то и сорок. Я не знаю.
 Она высокая, худая.
 Была какая-то смешная.
 Но как-то жалостно смешная.
 Худая, жалкая, смешная.
 Не знаю сам и почему.
 Ведь ничего-то в ней смешного.
 Вот чай, наверное, смешной.
 Старушка ела в кафетерии.
 И я тогда чуть не заплакал.
 И очень часто, вспоминая,
 Ее все время вспоминая.
 Хотелось плакать. Потому
 Я и заладил, что - смешная.
 Вот и сейчас.

* * *

Не глубоко, не культово, не знаково.
 Неряшливо, поспешно орошаю.
 И если я пишу не одинаково,
 То, значит, я все время подражаю.

Пронзительные, яркие, элитные,
 А кое для кого и элитарные,
 Народные, живые, самобытные,
 Открытые, большие, легендарные,

Загадочные, тонкие, великие,
 В сомнениях, в разгаре и в зените.
 Брутальные, отважные и дикие
 Воротят рыло. Ну и воротите.

КАФЕ "12 МАРТА"

То не ведут куда-то пьяного,
 То пьяный лег и там лежит.
 Аркадий Звездин из Иванова
 И до сих пор не знаменит.

И до сих пор по телевизору
 То Пугачева, то Кобзон.
 А горемычного и сизого
 Убьют бандиты без погон.

А может, все-таки с погонами.
 Какое дело детворе?

эолова арфа

Лежит усопший под иконами.
Лежит замерзший во дворе.

На одного напали семеро.
Звезда, кресты и триколор.
У нас поэт Аркадий Северный,
У вашей бандерши разбор.

Вы голосуете, как велено.
У вас великая страна.
У вас и молодо, и зелено,
И в баксах ваша чайхана.

У нас опять кого-то пьяного
Шпана зарежет за РФ.
Аркадий Звездин из Иванова
Поет, немного окосев.

Поедут люди электричками.
Завяжут Родину в узлы.
Мы улетим на речку птичками.
И не вернемся к вам, козлы.

О НАУКЕ

Наукой нужно овладеть,
Как бабою пустоголовой.
И приручить ее, а после
Помучить, довести до слез.
И если все же интересной
Она останется тебе,
Тогда ей можно заниматься.
А если нет - сиди пиши,
Сиди, стихи пиши, дурак.

ВОССТАНОВИТЬ БАССЕЙН "МОСКВА"

Восстановить бассейна "Москва"!
Восстановить его скорее!
И пусть вокруг цветет трава,
Обнимет пусть узбек еврея.

Пускай купаются друзья
И незнакомые нам люди.

евгений лесин стихи

А вот молиться там нельзя.
Так распахните счастьем груди.

Восстановите же бассейн.
Восстановить его так надо.
И пусть кагор, и пусть портвейн
Нам будет верная награда.

Восстановить со всей душой.
В угаре ямба и хорея.
Пусть Pussy Riot голышом
В нем искупаются скорее!

И все другие, каждый рад
Здесь будет плавать, не взыщите.
Освободите же девчат.
Бассейн скорей восстановите.

Восстановите же добро.
И православное здоровье.
Опять же - рядом есть метро.
А храм давайте в Подмосковье.

Там, по Рублевскому шоссе
Благочестивых много граждан.
Они-то верующие все.
Они-то храма точно жаждут.

И пусть у нас дуумвират.
Ведет Россию в двери рая.
Освободите же девчат,
Освободите Pussy Riot.

И пусть приятные слова
Нам скажет люди, душу грея:
Восстановить бассейна "Москва"!
Восстановить его скорее!

ПОНИМАЕШЬ

Понимаешь, ничего не хочется делать.
Ничего не хочется делать, понимаешь.
Живет и умирает только тело.
А ты как будто ничего и не теряешь.

Ничего не теряется во вселенной.
А значит, искать ничего не надо.

элова арфа

Будущее поманит стенкой здоровенной
Между различными кругами ада,

А они отличаются только названием.
Только понтами, говоря короче, престижем.
И управляет сволочным мирозданием
Та же сука, что выше, раньше и ниже.

АНАТОМИЯ ПРОТЕСТА

Неправду не пуская за порог,
Из виду не теряя главной цели,
Мы говорим не твОрог, а творОг,
А в мире настроения назрели.

Я фильм смотрел открытою душой.
Вникая в суть проявленных явлений.
Меня перепахало хорошо.
Лишило всех протестных настроений.

Я осознал, нет, больше - я прозрел.
Пока мы тихо мирно чешем репу,
Любой прыщавый натовский пострел
Нас продает на радости госдепу.

Какой хороший верности урок.
Не будут больше к власти лезть настырно.
Мы говорим не твОрог, а творОг,
А надо говорить - равняйся и смирно.

А надо бы по линии шагать,
Безмерно укрепляясь в нашей вере.
А также раскопать и разругать
Исламофоба Данте Алигьери.

И прочую классическую муть,
Всех экстремистов гнусные разборки.
Она идет, выпячивая грудь.
И верит в оперение тетерки.

АНАТОМИЯ ПРОТЕСТА 2

В телевизоре чистую правду
Говорит пропаганда добра.

евгений лесин стихи

Надевает страна моя траур.
И мой город не спит до утра.

Нет ни лучше тебя, ни прекрасней.
У Бульварного плачу кольца.
Сколько надо вам, граждане, казней,
Чтобы зло извести до конца?

Чтоб вам было уже покомфортней,
Чтоб никто вас ничем не пугал.
Не Болотная станет Капотней,
А лишь Водоотводный канал

Превратится, наверное, в Мойку,
И Невой обернется Москва.
И не надо про класс и прослойку.
У любого одна голова.

И пока вам не капли ни грустно.
Все проблемы решает ОМОН.
Змеи, змеи кругом, будь им пусто, -
Говорит тихо Лаокоон.

ПРИДУРОК И РУКОПОЖАТНЫЙ

Порою ляпнешь в споре бестолковом,
А может, и толковом, сгоряча.
Ну как же так - насилие над словом.
Советы стукача и палача.

Ведь ясно же - поймет любой разумный.
Любой, мол, тут вменяемый поймет.
И сразу вздох таинственный и шумный,
Политкорректный яд, а также лед.

Вы лучше пейте и стишки пишите
Про уток или - как его? - погром.
Любой разумный... Вы уж извините...
Вменяемый... А Вы-то тут при чем?

И встанет, как туман над Петербургом.
Ну, не филолог, а морская гладь....
Меня вы все считаете придурком.
Но я-то не обязан так считать?

Андрей Щербак-Жуков

СТИХИ

Андрей Щербак-Жуков родился 13 мая 1969 года в Москве. Окончил отделение кинодраматургии сценарно-киноведческого факультета ВГИКа. Шесть лет проработал в редакции газеты "Книжное обозрение". В настоящий момент - обозреватель "Ex Libris-НГ". Печатался в разных центральных газетах и журналах, а также в журнале "Наша улица" и в альманахе "Эолова арфа". Член Союза писателей России.

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

КОЗЛИК/ЕДИНОРОГ

Вдоль проселочной дороги
Ходит козлик однорогий,
Взгляд его предельно строг -
Будто он единорог.
Смотрит вправо, смотрит влево -
Взглядом строгим ищет деву.
Ноздри вишь, по холке дрожь...
Только ж деву ж где ж найдешь!

ГУСЬ И ТРИ КОТЁНКА

Посвящается Антону Первушину
и годовщине первого полета человека в космос

Отправили в ракете гуся и трех котят -
Котята похмелились и весело летят,
А гусь на них гогочет,
А гусь лететь не хочет.
Его посадили на Луне -
Весь экипаж хохочет!

Отправили в ракете лося и трех котят -
Котята похмелились и весело летят,
А лось на них топочет,
А лось лететь не хочет.
Его посадили на Луне -
Весь экипаж хохочет!

Отправили в ракете меня и трех котят -
Котята похмелились и весело летят,
А я на них не злился,
Я с ними похмелился.

андрей щербак-жуков стихи

Пока летели до Луны -
Весь экипаж напился!

У Луны двойное дно,
Экипаж давно
В... оно.

ПЛАЧ КРОКОДИЛА

Кто знал, что будет крокодилом?
Кто знал, что станет страшным львом?
Что будет жить, зарывшись илом
Иль с дерева смотреть кругом?

Или, как слон, трубить в саванне?
Как носорог, пугать народ?
Иль в грудь стучать по-обезьяны?
Иль тину мять, как бегемот?

Кто знал, что станет страшным зверем?
Приобретет зубов оскал...
И я не знал, я не верил...
А ты скажи, ты сам-то знал?

САЙРА И КАЙРА

На просторе
в стылом море
косяками ходит сайра,
а над морем
ей на горе
расправляет крылья кайра.
Знает сайра
в стылом море
много-много тайных мест,
но она бессильна в споре -
кайра
сайру
все же съест.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Поселились у реки
Непонятные зверьки...
Без какого-то названья
Нам, двуногим, в назиданье.

элова арфа

Основательные самки
 В небесах возводят замки,
 А беспечные самцы
 Строят под водой дворцы...
 В глубине ли, в высоте -
 Рушатся и те, и те.

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЕ

Любит,
 Любит
 трилобит,
 Что бы был проем пробит.
 Любит лбом долбить пролом он -
 Все долбит, долбит, долбит...
 А троглодит
 на всех сердит
 И выглядит -
 Ну, как бандит -
 Он три дня траншеею роет, а четвертый в ней сидит.
 Вот бы кто-то из светил
 Сих феноменов скрестил.
 То-то вышел бы гибрид
 Он - то роет, то долбит.

КАРУСЕЛЬ, ИЛИ АПОЛОГИЯ БЕГЕМОТУ

Почему-то, отчего-то
 Все хотят на бегемота.

Только дед, одетый строго,
 Захотел на носорога.

Только дамочка одна
 Захотела на слона.

А еще одна - со страху -
 Подалась на черепаху.

Парня три, а может два
 Согласились на льва.

И уж не нашлось дебила,
 Что б хотел на крокодила...

андрей щербак-жуков стихи

ЛАНГУСТ И МАНГУСТ

Посвящается Александру Громову,
подказавшему персонажей

У лангуста -
В глазках пусто.
То ли дело - у мангуста!
Глазом он стреляет шустро,
Поражает змей искусно -
Шеи им ломает с хрустом.
И покрыт он шерсткой густо -
Вид его ласкает чувства,
С ним не скучно и не грустно...
О достоинствах мангуста
Весть расходится изустно!
Что не скажешь про лангуста...
Но лангуста
Кушать вкусно...
Что не скажешь про мангуста...
У мангуста - гоно́р, спесь;
А лангуста надо есть!

ДВЕРЬ В ЛЕТО

Александру "Лысому" Никитину

Теплота -
От кота
И от кошки.
Хоть и ходят они прямо в окошки,
А потом из тех окошек дует.
Но мороз не берет ни в какую.
Потому что, если кот или кошка
Над тобою поколдует немножко,
То как будто теплой шубой накинёт.
Потому что знает жесты такие.
Потому что знает эдакие звуки,
От которых сразу греются руки,
От которых сразу греется сердце
И на сердце открывается дверца.
И тогда ныряет кот или кошка -
Прямо в эту дверь из нашего окошка.
И её не закрывает при этом,
А за дверью этой прячется лето...
Ветер дует,
А кошка колдует,
Но мороз не берет ни в какую.

эолова арфа

БЕССОННИЦА

Неполадки с головою -
В ней частенько кто-то воет,
В ней частенько кто-то стонет.
То ли волки, то ли кони...
Почему же кони - воют?
Неполадки с головою!

АНГЕЛ

А на крыше сизый сокол,
А под крышей черный грач,
А над миром всем, высоко -
Ангел, светел и горяч.

Сокол в небе ищет пищу,
У грача она в гробу,
Ангел смотрит, ангел свищет
И трубит в свою трубу...

Он оглянется неспешно,
Он отправится в полет...
Все вперед - спасать нас грешных!
Только, видно, не спасет...

Час придет, и клювом черным
Грач укажет нам маршрут,
И о том пути прискорбном
Перья сокола сплуют.

Татьяна Шведовская

СТИХИ

Татьяна Шведовская родилась в Алма-Ате, где закончила Политехнический институт по специальности металлург-технолог. Сейчас живёт в Москве. Кандидат технических наук, профессор МГОУ. Со студенческих лет состоит в Союзе журналистов СССР, теперь России. Стихи печатались в газете "Московская правда", журнале "Мир нравственности", альманахах "Орфей", "Истоки", в ежегоднике искусства "Пармская фиалка". Автор поэтической книги "Платье в листьях, зелень глаз", вышедшей в издательстве любимого ею журнала "Юность".

И КАК ЖЕ МЯГОК ВДРУГ ТОТ МАРТОВСКИЙ СНЕГ

Но Весну не остановишь,
Всё, она уже пришла.

То ждём, когда придёт зима,
Теперь же ждём, когда она уйдёт.
Мы ждали, когда снег укроет все дома,
Теперь же ждём, когда растает лёд?
Но как же сказочно хорош тот хрупкий иней,
Что в десятых числах марта на деревьях,
И как же мягок вдруг тот мартовский снег.
И эта хрупкость, и эта мягкость белою лавиной,
Но мы уж этим зимним кружевам не верим,
Мы знаем, что они падут на берег
Весны, растают всё же, и нам не будет жаль
Их. Почему? Ведь это же зимы роскошные наряды,
Когда спокойны были мы, спала печаль.
А нам уже нужны весёлые наяды
В растаявших озёрах, реках и ручьях,
Их плеск и смех, и чтобы не было ни льдинки,
И лёгкий шёлк на девичьих плечах,
На солнце чтоб сверкали дождика слезинки.
И закружится хоровода круг.
Зазеленеет всё вокруг.
Всё зацветёт, мой друг.
В конце же оборота круга завертит метель снежинок,
И не найти тогда в лесу тропинок,
И вьюга белою холодной лавиной,
Но и тогда дождёмся снова мы весны, мой милый друг.
А, может, ничего не ждать,
А радоваться снегу в марте,
Раствориться в нём. Тепло
Само придёт. Потом же одуванчиков нарвать,
Искать морские города на карте.
Весенних хороводов несметное число.

13. 03. 2012

элова арфа

ТАЛАЯ ВОДА

Радоваться даже серым краскам,
Или жёлто-горчичным,
Вагонов пролетающих мимо,
Пожухлой прошлогодней траве весной,
Островкам снега в лесу оставшимся,
Белым тонким стволам берёз.

Читать Борхеса и Бья Касареса.
Мутная речка быстрая.
Лёд розовато-мнимый.
Красные облачка тонких веток каких-то кустов.
В Туманово салатная башня.
Туманы в лесу. Речка Хмость.

Увидеть разливанное море растаявшего
Льда из окна поезда. Лакричная
Переводная картинка
С разбившимся золотым яйцом.
Второй день Пасхи.
Мелькнул Волчейки хвост.

Темнота елей густая
Всё так же загадочна. Бессолнечно.
Серые облака неуловимы.
Ширь полей. И так хорошо,
Хотя, как лужа, это море льда и снега растаявших.
Туманы весенних слёз и грёз.

Так будет... Так было всегда...
Не только в моей молодости.
Талая вода.
Ветки тонкие жимолости.

Как в лесу ручей играет
Среди льдов!
К Вязме подъезжаю,
День Пасхальный нов!

16.04.2012,
поезд "Москва-Смоленск"

ИЗУМРУДЫ ВЕСНЫ

Стало холодно в апреле.
Но Весну не остановишь,
Всё, она уже пришла.

татьяна шведовская стихи

Со стремлением и блеском
 Изумруды принесла,
 Изумруды трав и листьев,
 Ликование и пенье.
 Моментальное везенье.
 Что за дело ей до снега,
 Что недавно только был.
 Вот трава уже так сразу,
 Жёлтые цветочки в вазу,
 На щеках и жар, и пыль.

30.04. 2012

ВЛЮБИСЬ НЕВЗНАЧАЙ

Знаешь слегка тревожно,
 Что уже отцветает сирень,
 Что задержать невозможно
 Этот душистый день.
 Знаю, потом буду снова
 Ждать тюльпановый май.
 Цветенье деревьев фруктовых.
 Письма перечитай.
 Принеси друзьям лимбургский флай,
 Пейте с ним чай.
 Влюбись невзначай.
 Тайна ландышей, тай -
 на листьях блики, на
 Иконах лики, На -
 дя уезжает на Восток Дальний.
 Льни, льни
 К шелкам зелени,
 К кружевам,
 Улетай на острова.
 И даже Вы подарили слова,
 Рассказав, как цветёт айва.

25.05.2012

БЕЛОЕ, СИНЕЕ, ВИННОЕ

Карамелия.
 Офелия,
 Золотые волосы лия,
 Майская, фиалковая,
 Платье белое.

эолова арфа

Амелия,
Платье синее.
Страна Лелия.
Лилия,
Платье винное.
Карамелия. Офелия, Амелия, Лилия.
Белое, синее, винное.
Лелия.
Ганс Мемлинг
"Семь радостей Девы Марии".
Счастливая любовь у Рубенса - цветущая жимолость.
23.05 - 31.05.2012

МАЙ

Где мне взять изумрудное платье?
Кончается май.
Твоих тёплых рук объятья.
Английский занавес. Сливочное масло тает.
Май кончается,
Тепло и прохлада на качелях качаются.
То тепло вверх взлетает,
То прохлада - качели.
Майских дней карусели.
Из жемчужин на мне ожерелье.
И даже уже о сирени я так, как вчера, не сожалею.
Она ведь цветёт ещё где-то,
Я видела только что много светло-сиреневых веток.
А где-то уже она отцвела, ну и что же?
Успел охапку сирени нарвать прохожий.
Он так стремителен был,
Как этот май.
Кому-то её подарил.
Тепло и прохлада бьются о край
Хрупкой чашки весны.
И плещутся в чашке цветущих деревьев сны.
И нежность деревьев становится сильной,
Купы деревьев куполами обильными.
В окне электрички в травах холмы мелькают,
Речка петляет, блики сверкают.
И всё это в мае ещё, это в мае.
Берёзка ветер в косы вплетает.
27.05.2012

Олег Шведовский

СТИХИ И ЭТЮД

Олегу Шведовскому 30 лет. Москвич. Психотерапевт, кандидат психологических наук, преподает в МГППУ. Ведет Психологические Мастерские "Неформально" со студентами и школьной молодежью. Участвовал в международных психологических конгрессах в Кембридже, Лиссабоне, Сиднее. Состоит в Профессиональной Психотерапевтической Лиге. Пишет стихи, прозу, музыку. Со своей музыкальной группой "Tanatotantra" выступает с концертами. Печатался в "Московской правде", В альманахе "Орфей", в журнале "Юность". Автор книги с его рисунками "Сказки про мальчика Сашу". В издательстве "Юность" вышла книга стихов и прозы "Моментальное слово".

Связаны небо и слово
 Тем, что не видимы оба,
 Слово для неба не ново,
 Слово - неба основа.
 Плакучая ива над сердцем
 Роняет памяти листья
 В реку, где не согреться,
 В реку, где только забыться.
 Каждая буква дышит
 Травинкой, на берегу живущей,
 А из травинки, слышишь,
 Слова тропинкой бегущие
 Звенят, будто сказаны только,
 Даже прошли если годы,
 Сухие слова, да колкие
 Никогда не выйдут из моды.
 Эти слова беззвучно
 Можно в небо кричать,
 Разгонять ими тучи,
 А потом обратно сгонять.
 Не увидит никогда никто
 Сказанное этим летом
 Слово, упавшее на дно,
 Лучами чистого света.

ВЕСНА

Моя весна пришла незримо,
 Чуть ярче стал от неба свет,
 Лицу моей души без грима
 Открылся новый жизни цвет.
 Без слез, без смеха, без ухмылок
 Я в март вхожу, раскрыв пальто,
 И холод греет сердце пылко,
 И кажется, что все на свете - То.

эолова арфа

Те - числа, что бегут по лужам,
Рассчитывая алгебру любви,
Те - мысли, что Тот ветер кружит,
И Те - текущие по солнцу дни.
Я - Тот, который правды ищет,
Живу в Том самом лучшем дне,
И не богатый и не нищий,
Я на поверхности; на дне.
И ты, весна, пришла, как надо,
Ты - Та, и все на свете Так,
Не счастье, а скорее радость,
Не символ, а скорее - знак.
Я на пути, и путь мой светел
В любую ночь. В кромешной тьме
Мне кто-то путь звездой отметил,
И все шаги, шаги все - Те!

МОЛИТВА

Как в молитве, открываю двери,
Запертые болью на засов,
Так в Тебя, о Боже, верю
И читаю знаки между слов.
Верю в важность испытаний,
В то, что я Тобой любим,
В временность любых страданий,
В то, что в мире не один.
Я прошу Тебя, позволь мне
Стать задуманным Тобой,
Дай возможность покаянно
Мне принять с собою бой.
Я прошу, придай мне силы,
Прекрати иллюзий бег
Поддержи, направь, помилуй,
Я всего лишь человек.
Без Тебя здесь одиноко,
Плоско, суетно, мало,
И слова любых пророков
Искажаются давно.
Я открою настежь окна
Глаз своих слепых Тебе,
Дышит пусть, везде, где хочет,
Твой невидимый нам свет.

После многодневного молчанья
Небо будто прорвало,
Закрутились косы молний,

олег шведовский стихи и этюд

Из тяжелой крынки полной
Полилось на землю молоко
Меж танцующих деревьев,
Меж берез, осин, дубов
Дождь бежал, гонец апреля,
Обдавая землю прелью,
Пел он песню про любовь.
Каждой каплей полновесной
Падал с неба в землю Бог,
Чернозем разбавил пресный
Так, что травам стало тесно,
Захотелось травам в стог,
И, разбив земли оковы,
Устремились к небу ввысь,
Семена, как будто слово,
Сказанное небом слово
Смерти противопоставило вдруг жизнь.

ЭКОЛОГИЯ СЕРДЦА.

Кластер 15. Все цвета счастья. Белый.

Один или два раза в жизни тени вдруг становятся белыми - вспыхивает сверхновая. Ослепительный весь белый свет заливает асфальт грибным дождем и по блестящей серебром дороге плывут лотосы. И тогда я стою посреди пустого на века города по колено в искрящемся потоке летнего солнцестояния и наблюдаю собственную свадьбу. Вся в белом, с цветами жасмина в белокурых волосах она бежит по зеркалам луж, словно белая строчка белостишья по белой бумаге, и каждый шаг рождает вспышки брызг. И так мы добегает до вечных снегов на вершинах жизни, когда седина покрывает горные пики наших макушек. Там мы встречаемся с небом и превращаемся в перья той птицы, что летит бесконечно среди звезд, сверкая и переливаясь серебром.

Мы становимся белыми грибами, которые можно найти в лесах детства. мы оборачиваемся белками и складываем грибы в дупло, готовясь к бело-снежной зиме. И в белом-белом березовом лесу на белой-белой от ромашек поляне лежит белая-белая скатерть самобранка. И мы, всей семьей, сидим вокруг, улыбаясь друг другу. С нами Бог.

Счастье брести по улицам юного городка, где с домов осыпается штука-турка, а люди никогда не торопятся, потому что ночь никогда не наступит. А та, что случится, будет белой, будто северное сияние, и тогда - гулять до утра вобнимку, не замечая солнечных часов, чье тикание никогда не услышать.

Мой парус расправлен, руки крепко держат штурвал, и я ухожу в открытый океан навсегда. Не как турист, и не как торговец, и даже не как пират - я плыву по Млечному Пути домой, я - лотос, я - Джонатан Ливингстон, я Ганди, я - сияющий момент вечности.

Феликс Шведовский

проза

Феликсу 40 лет. Москвич: мальчишка Тверских-Ямских переулков. Окончил журфак МГУ. Кандидат исторических наук: диссертацию защитил в Институте востоковедения РАН. Состоит в Союзе журналистов России и в Союзе писателей России. Во время войны в Чечне неоднократно бывал там, выступая против нее. Участвовал в международных форумах против войны в Чечне в Гааге, Женеве, Страсбурге, Париже. Его привлекает восточная буддийская философия: путешествовал по Китаю, Японии, Индии, Непалу. Бывал в Пакистане, горах Тянь-Шаня, Памира, в Гималаях, в Тибете. У Феликса Шведовского вышли книги стихов "Отражение". Проза: "Литерософия", "Ученическая тетрадь", "Комарики". В издательстве "Юность" вышли: "Мозаика" и "Синдром юнца" (в двух изданиях - второе дополненное). В Петербурге вышла книга "Махапаринирвана суфра". В 2012 году в издательстве журнала "Юность" вышла книга Феликса "Их есть царствие". Печатался в "Литературной учебе", на страницах "Московской правды", в "Орфей", в "Лире", в "Истоках", в журнале "Человек", "Вопросы философии" и других.

ВЕТЕР ПО МОРЮ ГУЛЯЕТ

Белел парус в море, и чернела пещера в береговом обрыве. Из пещеры доносились крики о помощи, парус - тонул.

Искупавшийся в море, оплакан, даже если не утонул. Когда море ревет, слезы его солонь. Решать, что первое: "ревет" моря или "ревет" человека, - то же, что разгадывать загадку о курице и яйце. Слезы делают глаза красными - морская вода заставляет плакать кровавым поносом. Слеза и кровь соотносятся, как море и человек. То, что для человека смерть, для моря - лишь горе. Море оплакивает слабость живых существ. И чем тоскливей ему, тем больше человеческой гибели.

Моря - это несостоявшиеся океаны; поэтому люмпен-босьяки, несостоявшиеся в океане общества, любят у Горького море, чей острый запах и смех - те же чайки, выслеживающие рыбу.

Белогривым львам морским голову в пасть не кладь. Я раз попробовал, на одесском пляже, в той части, где полоса песка сужается, прижатая к воде скалистым обрывом. Было бело кругом, голова на миг отнялась, словно самолет попал в воздушную яму... Папа, шедший позади, уже держал меня на руках, а я тянулся к резиновой шапочке, сорванной волною и прилипшей к обрыву. Странно, кровь ниоткуда не шла. Значит, то был привет моря?

Мы лежали на топчанах, майка закрывала солнце от моего лица, у меня болел зуб, я стиснул им носовой платок, сложенный в восемь.

Люди - на краю моря, всегда. Редкие покидают пляж ради моря. Еще более редкие выживают. Но цунами уравнивает тех, кто слаб, и тех, кто отважился, но не смог. Только совсем редко набегают цунами.

Море сопротивляется, растворяет мои чернила в своей воде, не дает написать о нем, пока желание и мысль не затвердеют настолько, чтобы

феликс шведовский проза

стать острыми и пройти сквозь соль до коралловых рифов, жемчуга устриц и электричества шипоглазых скатов, чтобы увидеть Хэмингуэя и старика - интересующегося, правда, не бейсболом, а как завивать косички умеют китайцы, потому что внезапное их нашествие унесло мальчика, сделал батраком на реке Хуанхе, где рыбы и те узкоглазы.

НА ПЛЯЖУ

Пляж представляет из себя место, где люди, в одних трусах и лифчиках, или только трусах, или только лифчиках, - подставляют обнаженные части своего тела лучистому шару, который висит над желтым песком и желт также.

Шел фильм "Пляжные девочки", киностенд раскачивался на ветру, брызги шторма ударяли в него; пляж был пуст. Прошелестела бесшумная за морским ревом "Скорая помощь", ветер поднимал вдалеке облака пыли, а деревья и здесь уже гнулись. Люди попрятались, но в одном ресторане оркестр играл что-то легкомысленное; кружились две-три парочки; остальные хмуро стучали вилками, бегали молчаливые официанты и... Тут дверь отворилась. Пляж взбурвился, как одеяло, в складках появилась красноватая, ржавая водичка. Дверь захлопнулась, звякнув стеклом со старомодной надписью. Рыба набилась в складки со ржавой водой. Шторм постепенно затихал. Но до вечера люди решили не выходить - и улицы были пустыней, чем пляж.

Потому что пляж с рыбой перестал напоминать пустыню. И оттого, что на улицах никогда-то не бывает людей без дела, как на пляже, который словно широкий проспект, предназначенный не для передвижения, а для загара. В других городах уже начали понимать преимущество таких проспектов-лежбищ и, вместо того, чтобы создавать пешеходные Арбаты, стали посыпать летом главные магистрали мягким песком, а на Центральной площади, если рядом не оказывалось моря, устраивали озеро, забыв, что Гитлер хотел когда-то Москву превратить в пруд. Транспорт, конечно, приходилось трудновато, зато жители не разъезжались - и мэры городов чувствовали тепло доверенной им жизни так же, как она - солнечные лучи на хребте своего обиталища, подставившего усталую белую ее спину.

КОТТЕДЖ

"Коттедж был подвешен к аэроплану, плывшему в голубом просторе меж освещенных солнцем облаков. В коттедже застилали постели и готовились завтракать кофием с гренками. Из аэроплана спустили на нитке в трубу жареного цыпленка; скоро аэроплан Должен был сесть. Их ждала деревенька Избяных засек, где для них насыпали холм и уже выставляли охрану. Царская семья слушала, как камергер читает Карамзина,

элова арфа

и созерцала виды из распахнутых окон. Николай проделывал шилом дырочки в глазах Павла I, чей портрет дала ему маменька с чопорною завивкой. Сестренка поела оливки, и рожица ее вся лоснилась от масла. Камергер дочитал последнюю страницу и ждал указаний. Тишина царилла вокруг. "Они отыщут нас и в Засаках", - нервно сказала императрица. Порыв ветра качнул коттедж, шило выскользнуло из рук Николеньки и покатилося, но ветер качнул коттедж в другую сторону, и, замерев на миг посредине комнаты, шило вдруг приподнялось, точно пророческий палец, чтобы покатиться обратно. Николай нагнулся к полу. Папенька..." Сей лист формы кленового, почти такой же желтый, нашел Потапов в коттедже, куда они с женой только что заселились. Потапов материл строителей, что не вывели мусор. Жена бесстыже хохотала в ответ.

СЕРЕБРО ГОСПОДА МОЕГО

Услышав женский смех, я хватаюсь за ширинку в страхе, что расстегнута. На самом деле женский смех расплескивает серебро, и подсознательно я ишу, не пристало ли оно где на молнии. Сие ребро твое, Адам! - говорю себе. Они хотят засмеять твою нехватку одного ребра, чтобы стыд скособочил тебя обратно - и воскресил бы Еву внутри тебя, оздоровил все твои соки так, что пища, принимаемая тобой, освящалась бы без предтрапезной молитвы, а само тело могло бы стать хлебом если не рода человеческого, то семьи твоей уж точно. То есть обрело работоспособность и возвратило бы серебро наружу, сервизом и домашней купелькой, где, минуя попов, ты крестил бы твоих детей.

Серебро извлекают на следующий манер. Снег сдвливают в ладони, пока нужное не вытечет, - остаток-то и наш. Им бьют о жезл, она вздрагивает. След от такого снежка и есть серебро, которое соскабливают специальной монетой, с Лениным. Серебро добывают весной: снег тогда легче тает.

Молчание золото, а слово - серебро. Вон сколько здесь его. Скоблите и богатейте!

СОЛОВЕЙ МЫСЛИ

Летом в нашем саду пел соловей. Зимой там даже снегирей не было - только заснеженные скамейки, на крыльце нашей дачи горел вечерами фонарь. Когда налетал ветер или свистела метель, фонарь раскачивался. Тогда или шелестели листья в темноте, или мгла как бы подбеливалась. Фонарь был вместо луны. Луну сняли еще в 26-м году, по приказу Пушкина. Соловей пел по ночам и был невидим.

Мошкара кружилась у стекол фонаря, словно бал под соловьиное пение. Я выходил на крыльцо и шел в сад искать соловья. Он наверняка пел из определенного места, но дорожки туда не было, и я удовлетворял-

феликс шведовский проза

ся тем, что сядил на скамейку и съедал грушу со склонившейся надо мной ветки.

В комнате меня ждали вычисления жизни солнца; все домашние легли еще в десять; я был совершенно один. Мне было хорошо, но не хватало любви. Я успокаивал себя: где-то там, в будущем, любовь ожидает - глазная, без тревоги о верности. А пока я вертел в пальцах черешок груши и, не ощущая ребристость скамейки, внимал соловью. Иногда задирал голову и видел, как мерцали звезды или плыли заслонявшие их облака, едва вырисовываясь в свете фонаря. Такая это была тихая жизнь, как озеро лесное...

Теперь все переменялось. Пекись о хлебе насущном и о мыслях, бывших тогда, забыл. Казалось бы, думать - это произвольно, как дышать. Но мысли на самом деле надо выковывать, каждый день. Мало слушать соловья - необходимо находить его. Мысли, проплывающие обычно у человека в голове, есть лишь готовность, которая, буде невостребована, рано или поздно исчезнет, превратится в жизненный опыт, гораздо более бедный, чем юность мысли. Никто не знает, когда, для какого пожара понадобится его огонь но нужно поддерживать свой костер, не от случая к случаю - а любя саму способность мыслить, не столько мысли. Если бы у нас все поддерживали в себе костер, выявиться было бы не так легко. Но ты смешон с твоей преданностью - и тебя первого призовет на смешливый пожар. Жди. У нас не прождешь напрасно. Хотя ждать - означает отучиться от надежды.

Не хочу только следовать избитой тропой профессиональных мыслителей, мыслителей в той или иной области. Я сам леплю себе занятость. Со стороны скажут, из меня не вышло ничего путного. Но непутевые - потеряли пути вообще. У меня - путь, вдалеке от всех остальных, он мой - и мне достаточно этого. Втайне я верю, что такими тропами и ходят таланты. Однако вскоре я надеюсь избавиться также от этой надежды.

ТУСОВОЧНЫЙ МЕДИТАТОР

Посудина, куда сложены очищенные картофелины, набиралась водой. Вода ледяная, а скоро должна закипеть. В горах она кипит и ледяная. Зато посудина превратилась бы неизвестно во что на камнях ее реки. Сами камушки картошки становятся рассыпчаты, когда вода в посудине закипит.

Мы разминали картошку, клали в ее пар мгновенно таявшие куски масла. Обсуждали, обжигаясь, почему хороший человек привлекает. Не означает ли это, что больше - плохих. А если свести всех хороших, возможно ли станет полюбить кого-нибудь одного из них, или их любить в этом случае возможно только всех вместе? Но им самим каково? Не потому ли хорошие и разбегаются в разные стороны, чтобы их любили каждого по отдельности?

элова арфа

- Выделяться хотят! - поднял дед вилку. - А на самом деле сильный именно тот, кому любви не нужно, тот, кому любви в его коллективе достаточно.

Согрелся чаек. Посудина выпускала пар из носика резво, как паровоз...

Все разбрелись по комнатам, а я остался у плиты. Провести эксперимент. Самую большую посудину - таз набил посудиной по-меньше, и закрыл фанерным листом. Поставил на огонь. Сел читать "Гекльберри Финна"... Я заснул на табуретке, вздрогнул и проснулся в темноте. Со стены противоположного дома резала глаза неоновая лампа. Конфорка не горела. Таз стоял у моих ног. Без фанеры. Под тазом должен был быть кафельный пол. Но там было что-то другое, прогнувшееся. Привыкнув к темноте, я увидел, что это фанера. Я пошевелился на табуретке и почувствовал, как подо мной пружинит. Пол был фанерный. Посудина завертелась вокруг своей оси, стала подсакивать, вылетать из себя и со звоном раскатываться по фанере.

- Неужели внизу пустота?! - сказал я вслух и... проснулся. Мама сняла таз с плиты и трясла меня за плечо.

Марина Рогонова

СТИХИ

Марина Рогонова родилась 13 апреля 1959 года в семье военнослужащего в городе Соль-Илецке Оренбургской области. По образованию - музыкант, пианистка. Поёт в церковном хоре в одном из московских храмов. С 14 лет начала писать свои первые стихи для школьной газеты, в которой была главным редактором. Печаталась в "Пионерской правде", в журнале "Юность", в альманахе "Эолова арфа". С поэтическим творчеством Марины Рогоновой можно ознакомиться на сайте "Стихи.ру".

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Расширяется пространство.
Из него, как из тоннеля,
В ритме медленного танца
Шаг за шагом, еле-еле,

Вне гармоний и вне лада,
Без характера, сюжета,
Неоформленного взгляда,
Как детали от портрета,

Приближаются штрихами
В ярких красках Тени света!
Ароматными духами
Утончённого букета

Наполняют атмосферу!
Тут же, будто ниоткуда,
Укрепляя дух и веру,
В ожиданье дива! чуда! -

Слово вырвалось, как птица
Белокрылая, на волю!
Ввысь взлетев, уже кружится
Над простором, чистым полем!

Крик, просящий жизнь, как воду,
Я услышу и затихну;
Пусть вершит свободы оду!
Чур, меня! - ловлю я рифму.

17 октября 2008г.

элова арфа

ХУДОЖНИК И ПОЭТ

Художнику-Творцу
Убогость - не к лицу.
Ребёнок без терпенья -
Он в поисках мгновенья!

С пелёнок, взяв разбег,
Он мчится мимо рек,
Рисуя водопады!
Желанную прохладу

Под знойным солнцем лета
Родит он из букета
Ромашек полевых!
И вот уже затих

В полях уставший ветер,
Чтоб снова на рассвете,
Где облака в ажуре,
Под сводом-абажуром

Пуститься смело в пляс!
Поэт начнёт рассказ, -
Лишь кисть закончит дело.
И слово заалело,

Метнулось в полотно,
Как будто бы в окно
Влетела птица счастья!
Без этого участия

Познания не дано!
Но явится оно,
Когда к творенью рук
Поэт добавит звук!

23 марта 2009г.

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю дешёвое позёрство,
Жеманство, реплик невопад,
Бездарностей, юродивых, юродства
И хор, где каждый - на свой лад!

Я в чёрствых людях злобность ненавижу.
Амёбность презираю, тех,

марина рогонова стихи

Кто бьёт жестоко в сердце, пах и ниже,
Подвластных пошлости утех.

Я ненавижу сплетников и сплетен,
Пощёчин, брошенных врагом,
Душевных травм, - их шрамов и отметин,
Приход беды, и в горле ком.

Корысть и зависть, алчность - не приемлю! -
Жульё, искусство воровства,
Когда плюют на дышащую Землю,
Не видя своего родства!

Предателей прошу, но не забуду
Тот рок, застигший на пути,
И брошенную грязь под ноги грудой,
Мешающий вперёд идти.

Мне претит лицемерье, сквернословье,
Абсурдно сыгранная роль,
И вседозволенность и своеволие,
И радость за чужую боль...

Я не люблю бесстыдных и бесстыдство,
И наглый вид, - всем на показ!
И мерзких рож, ехидных и ехидство
Я не люблю! - И весь мой сказ!

16 октября 2009г.

МОЙ ГЕНЕРАЛ

"Мой принц - ни росл, ни мал"-
В кругу подруг шучу.
Тебя, мой Генерал,
Я повстречать хочу.
Мечтая о тебе,
Спешу на светский бал!
В моей ли ты судьбе
Живёшь, мой Генерал?

Мне снился вещий сон:
В сиянье блеска зал,-
И, под хрустальный звон,
Вошёл ты, Генерал!

Во взгляде твоих глаз
Прочла свои мечты!

эолова арфа

Кружил вальс в паре нас,
Ты мне дарил цветы!..

Уж сон идёт к концу,
И близится финал,
Где я иду к венцу
С тобой, мой Генерал!

Мечтая о тебе,
Спешу на светский балл!
Свершится ли в судьбе
Тот сон, мой Генерал...?

29 июня 2012 г.

НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ

Не покидай меня, когда
Не в силах вынести душа
Всей тяжести недуг.
Когда с приходом темноты,
Разрушив планы и мечты,
Покинет близкий друг.
Когда расплывчатым пятном
Весь Мир предстанет за окном
И только темнота,
Как ранний утренний туман,
Окутает, введёт в обман, -
Не покидай меня тогда.
Не покидай меня в тот миг,
Когда, удерживая крик
В себе, замкнушь на век.
Когда не станут понимать
Меня ни дочь, ни муж, ни мать
И место средь калек
Определят. Не покидай!-
Когда отправлюсь в ад, ни в Рай, -
За множество грехов
В наследство переданных мне
По неоправданной вине
От дедов и отцов.
Ослепну если я в пути,
Не буду знать, куда идти, -
Меня не покидай.
Когда споткнусь о свой порог,
Не покидай меня, мой Бог!
Прошу, - не покидай...

13-14 февраля 2011 г.

марина рогонова стихи

ДЕТСТВО

Запах трав и запах сена,
Брёвна и топор,
И мальчишку - звали Геной -
Помню до сих пор.

Белый домик. Под навесом -
Столик и скамья.
Где теперь он, тот повеса,
Где его семья?

Помню, как в саду вишнёвом,
Подарил цветок.
Я стояла в платье новом, -
От земли - росток;

Две косички, в них два банта
Бабушка вплела.
Он играл с другими в "Фанты", -
Я была мала.

Но его глаза-фиалки
Помню до сих пор...
Мячик, обруч и скакалки,-
Детства милый двор!

23 июня 2010г.

С СУМОЙ ПО ПЕРЕУЛКУ

В колдобинах дороги, -
Могла б, но не бегу;
Натёрли туфли ноги,
А снять их не могу.

У щиколотке юбка
Разорвана, в пыли.
Весь вид - убого-жуткий, -
Налипли ковыли.

Тот путь, куда рванулась,
Как к солнцу мотылёк,
Безумствуя, волнуясь,-
Всю с головой увлёт!

Я шла по кромке поля,
Где стелется трава,

эолова арфа

Где вечное раздолье,
Роскошные луга!

Где маки полыхали
Неистовым огнём.
Чернели нервно дали
Под проливным дождём.

Где молнии и грозы
Будили по утру.
Вставали сосны в позы,
Скрипели на ветру.

Стелился предо мною
Прохладою туман.
Под знойным солнцем, ноя,
Шумел сухой бурьян...

О! Как ты юн и молод!-
Желаньями горя,
К тебе вернулась, город,
Бродяжница твоя!

Иду по переулку
С сумой на перевес.
Нелёгкая прогулка,-
Велик был интерес!

16 июля 2011г.

Зульфия Алькаева

Литературно-философское эссе

НЕВЫПЛАКАННОЕ МЕЖДУТЕМЬЕ

(над книгой "Имитаторы Рабиновича, или небесный закройщик", М.: Захаров, 2010 г.)

Мгновение, остановись!
Оно и так стоит...
Звенит пергаментная высь.
И яблоко висит.

В. Рабинович "Еще вчера была метель", Синица ока, с. 46

Впечатлительные особы нередко обнаруживают у себя на голове шишку от ньютоновского яблока, тщетно пытаясь при этом вспомнить посетившую их некогда блестящую идею. У Вадима Рабиновича память хорошая, поэтому он прекрасно помнит все свои яблоки-эврики, а теперь еще и сложил их в одну большую корзину под названием "Имитаторы Рабиновича, или небесный закройщик" (М.: Захаров, 2010 г.).

В начальной главе книги "Завод" автор описывает свой первый яблочный удар, полученный от "солнца русской литературы" во время внимательного прочтения стихотворения "Песнь о вешем Олеге". Он настолько важен для Вадима Рабиновича, что становится его главной имитаторией и названием главки - "Между тем":

"Не между чем и чем, тем или этим. И даже не между быть или не быть, чтобы прыгнуть в это невыплаканное или."

"Несказанное, синее, нежное" (Есенин). Потому и несказанное. Субстанция поэтического. Над-национальное, над-мирное. Чистое между тем..." В пушкинском "между тем" Рабинович увидел все: "молч - мочь, искус - укус, точь-в-точь. Между тем - навсегда и навезде, - потому что именно тогда и там. При этом вселюдно бездомное. Бездомное..."

Серебряное между тем. Змеино ускользящее междутемье. Междуречье. Между нами - тобой и мной? А если не там, то где?..

Чувство... Для всех времен сразу, но и для каждого времени в отдельности. Взрыв чувства в противовес "ровному тону". Но... на фоне "ровного тона" - "синие ночи андалузских безлюдий".

Лорка:
Мне и вправду мало дела
До того, что птица с дуба
На другой перелетела.

Мало или много? Это не так уж и важно, потому что в пространстве между тем возможно всё. Вдруг и сразу..." ("Имитаторы", с. 15).

элова арфа

Между всем, что нам кажется важным, есть то, что по-настоящему важно, но все время притворяется второстепенным, прячется, проскальзывает мимо глаз, ибо это над-суть, божественная и таинственная.

Все время что-то взвешивая, сравнивая, идентифицируя, сомневаясь, стремясь в итоге обрести гармонию и счастье, мы упускаем из виду, что делать выбор между вещами и понятиями нам часто помогает райская птичка "ИЛИ", скромно присевшая на середку символических весов. Причем миниатюрное воплощение идеальной симметрии в виде союза и палиндрома "или" всегда с нами, как еле-еле слышная в лесу сует молитва сил, радеющих за нас.

Союз "или", набранный курсивом, чтоб не дай Бог не затерялся, стал главной жемчужиной одного из новых стихотворений Вадима Рабиновича.

Право выбора имея,
Ничего и никогда
Не имел и не имею,
Потому, что честь имея
Выбрать вещь или идею,
Или выбирал всегда.

И с вводными, по сути дела сорными словами, можно порой выплеснуть ребенка. Однако то самое "между тем", сказанное, собственно, как бы между прочим, безо всяких двойных смыслов, вдруг выползло из пушкинского текста и позволило себя рассмотреть.

Словно лабораторную лягушку, ученый и поэт Вадим Рабинович препарирует простое, на первый взгляд, словосочетание. Я же, как верный лаборант, позволю себе продолжить этот процесс...

"...Из мертвой главы гробовая змея, // Шипя, между тем выползала"... Контекст трагический, но интонация повествователя спокойна и тверда, как глас судьбы. Покой рожден исподволь, потому что трагедия ещё не наступила. Время есть. Напряжение уравновешено междутемем, застрявшим в просвете между змеей и ее роковым движением в сторону будущей жертвы. Для чистоты эксперимента округлим словосочетание, сомкнув его начало и конец. Получился браслет "МЕ-ЖДУТ-ЕМ", сердцевину которого составляет глагол "ЖДУТ", а замочек - симметричное "ЕММЕ", словно аналог электронного E-MAIL. Чего ждут, какой погоды, у какого моря? А главное - кто? Друзья или враги, ангелы или черти? Нет ответа. Он спрятан под замком и зашифрован в черном ящике вместе с информацией о готовящемся прыжке неотвратимого рока. "Между тем" в данном случае отмечает серьезный перевал, паузу пауз, час икс. На дно этой пропасти заглядывать бесполезно, там, похоже, хранится густок пустоты со свойствами беззвучия, безвкусия, бесцветия и безучастия. Те, кто "ЖДУТ", с завидным спокойствием ждут моментального спуска курка. Им все равно, что будет: выстрел или осечка, умрет герой или выживет. Таким, вероятно, бывает великое равнодушие Абсолюта.

зильфия алькаева о вадиме рабиновиче

Завораживающие слова Вадима Рабиновича про "серебряное между тем. Змеино ускользящее междутемье" изящно обрисовали в моем сознании окружность медальона после того, как в "Толковом словаре славянских, древнерусских и византийских терминов" Павла Мацкевича (Одесса, Астропринт, 2010) я нашла значение старинного слова "змеевики". Ими оказались древние подвесные амулеты. Делали их обычно из бронзы и меди, реже - из серебра, золота и камня. Самое интересное, что на лицевой стороне змеевиков изображали христианских святых, на обороте - челоуческие головы или фигуры, окаймленные змеями, а также заклинательные надписи. Амулет "междутемья" не уберег вешего Олега, потому что его задачей было лишь обозначить на линии его жизни момент истины. Это была шипящая чаша судьбы, предваряющая реальные чаши в будущем, чаши с брагой на поминках ("Ковши круговые, запенясь, шипят. // На тризне печальной Олега"). В самом деле, "будущее бросает свою тень задолго до того, как войти" (Анна Ахматова).

О, эти таинственные космические окружности, вечно зовущие к не осуществимому солнечному бытию!.. Какой-то циркуль все время плавит и гнёт прямую линию горизонта, преобразуя ее в окружность земного шара, вернее уже не шара - овала, ведь планета наша не идеально круглая. Необъятное ВСЕ умещается в овал НИЧЕГО. Яйцо с иглой жизни, как в сказке про Кашея Бессмертного.

НУЛЬ, НОЛЬ, ЗЕРО - далеко не пустое место, скорее, НЕЧТО, значимая пустота, сам по себе кололущий колокол, как в стихотворении Вадима Рабиновича "На тему колокола" ("Имитафоры", с. 166).

Просто так, от первой звезды,
Настраиваясь на астрал,
И на бескрай полой воды,
Колокол клокотал.

Все обертоны в один сводя
Стон - вокруг литеры О ...
Это был я, Все вывода
Из этого самого О-О-О:

Изучая пустоты и провалы, посвящая этим темам целые циклы стихотворений и главы книг, двигаясь НУЛЕМ, автор "Имитафор" заметил, что путь его освещает МЕЛ-ЛУН... Прислушаемся к тому же колоколу:

Глухо и гулко старая медь
Гасила волной волну,
Как если бы вдруг взревел медведь,
Волком взыв на Луну.

В основе экспериментов Рабиновича - золотисто-медный порошок, концентрат желтоватого света луны. Или не так - иначе. Это цвет белого света, озаренного светилами, бытующий в лаборатории алхимика, ведь

эолова арфа

и в Средневековье самые продвинутые алхимики собственно не золото искали, а тайные формулы света. Вадим Рабинович пишет про апельсиновое солнце, жарко фиолетовые небеса, белые и синие платочки в руках канатоходца, использует образы трехцветных синичек в стихотворении "Синица ока" и "Тише, воды! Ниже, травы!", исследует самую совершенную по форме букву "О", "воздуха корпускулы", делая все это именно ради процесса преобразования себя и мира. В его стихах и философских эссе возникают, главным образом, цвета добытчика философского камня, нужные для волшебства: белый, синий, фиолетовый, жёлтый, чёрный, оранжевый, красный.

В его "Синице ока" (с. 235) раненая птица превращает глаз поэта в око, и он открывает в себе "лицезренье на два мироздания", "синичествует серебром". В стихотворении "Тише, воды! Ниже, травы!" ("Синица ока", с. 237) измененные ударения в словах известной пословицы сразу задают повелительный тон. В "концертном зале", представленном поэтом, происходит какое-то нескучное творение чудесного мира, где обитают "медленны форели", "пугливы свиристели", "голубые льны". Над всем этим великолепием птичка Зинзивер "открывает свой бьеннале //музыкаю сфер". Разумеется, и эта пернатая теряет здесь своё первоначальное синичье значение (ведь Зинзивер - народное название большой синицы, которую также называют большим кузнечиком) и даже хлебниковское оперение она теряет, получая как бы новое назначение: быть птицей вещей.

В Зинзивере Рабиновича проглядывает птица-зверь, может быть, симург с чертами хищной птицы и льва. Согласно одним мифам, симург является птицей справедливости и счастья, по другим источникам она - сторож, восседающий на горе, отделяющей потусторонний мир, и призвана вешать о коние времен. В первой половине стихотворения Зинзивер служит всему человечеству, а во второй части становится как бы личным, интимным Зеро героя ("Вслед и я, как тень от тени - // От ниотчего, // Просквожу из поля зренья // В поле ничего"). Это его собственное колечко, угольное ушко, через которое нужно ловко и весело проскочить как ни в чем не бывало, лучше всего напевая что-нибудь легкомысленное: "...Или наконец: не знаю, // Здесь я или там, // Знаю только что по краю... // Там-па-рам-пам-пам..."

Из настенных часов Рабиновича вылетает не кукушка и не синичка, а Зинзивер кентаврического происхождения, как и сам его термин "ИМИТАФОРЫ", с одной стороны устремленный в имитацию прошлого, с другой - в вечно обновляющуюся стихию метафор, расплавленную лаву живого языка.

Есть время по Гринвичу, а есть по Львовичу, по Рабиновичу... "Круг распрямляется в стрелу, а стрела сворачивается в круг. Так живет время, если оно действительно живет" (с. 11). Это образное описание автора "Имитафор" согласуется со структурой найденного им пушкинского "междутемья". Тут вам и стрела, и круг - все в одном ларце. В ларце - яй-

зульфия алькаева о вадиме рабиновиче

цо, а в яйце - чья-то жизнь хоронится (может быть, хранится, а может, уже отпевается).

Двойственность налицо. А где ее нет? Она повсюду! Можно думать, допустим, что слово "артист" означает "не чист", а можно - "неистовый арт". А какой знак присвоить прилагательному "неистовый", если оно уже по смыслу слилось с некогда антонимичным собратом "истовый"?..

Утонуть в многозначности слов проще простого, но оно же и на берег выбрасывает. Русский язык даёт ответы на любые вопросы. Только правильно формулируй, не ошибайся, будь внимателен к мелочам. Почему, к примеру, именно жена должна идти за мужем, а не наоборот? Истина - кроется в буквах. МУЖЖЕНА в классическом порядке сливаются благодаря общей букве. А что происходит в ином ряду - ЖЕНАМУЖ? Общая буква в таком союзе удалена на максимальное расстояние и единого целого не получается, а в середине прочитывается несуразное "ЕНАМУ", символизирующее нечто неестественное и бесплодное, вроде евнуха.

Удивительно, но такое прочное и надежное слово, как "ДОМ", образовано от сверхнадежного - "ДЫМ". Но не будем торопиться с выводами. "ДЫМ" раньше отождествлялся с одним хозяйством (двором, очагом), отсюда и "подымные подати"... В словаре Мацкевича я легко нашла корень этой родословной. "Дым" берет свое начало от имени отца неба "ДЫЙ" (ДИВ), языческого божества древних славян.

Таким образом, "дом" подарен нам не кем-нибудь, а отцом неба. Потрясающе! Нематериальная небесная субстанция перешла во вполне осязаемую материальную недвижимость. Вот вам и доказательство первичности духа.

Если даже крыша над головой небесного происхождения, стоит ли задаваться вопросом, откуда есть пошел сам человек? Язык - это евангелие, свод разрозненных слов из молитв. И он сам есть народ, ведь в древности у славян слово "язык" означало также и "народ". Пренебрегая изучением языковых богатств, мы пренебрегаем собой.

Раньше за словарями гонялись, их коллекционировали, ими дорожили чуть ли не все мало-мальски образованные россияне. Теперь же уникальный словарь Павла Мацкевича (о нём уже упоминалось в статье), вышедший тиражом всего 100 экземпляров, не вызвал у издателей жаркого желания его переиздать.

Здесь я ставлю точку. Одну. Так как мысль завершена и, увы, пока нет намёка на иное прочтение. Были бы сомнения, возникло бы несколько точек и вместе с ними - неопределённость, исполненная радужных надежд...

Маленькие двойственности закрепляются на письме с помощью двоточий и многоточий. Вообще, знаки препинания, которые видно слегка, а не слышно вовсе, стоит расценивать, как полудрагоценные камушки преткновения в деле понимания языковых смыслов, так как никогда не знаешь, чего ожидать от краткой остановки.

элова арфа

Целое стихотворение посвятил Вадим Рабинович рождению запятой, вспомнив даже о том, кто изобрел эту странную загогулину: "Из великих революций // Я отдам признание той, // Как типограф Альд Мануций // Мир украсил запятой..." ("Революционное", Имитафоры, с. 6). Поэт сравнивает запятую с сердцебиением, непостижным уму, и представляет, как оно "камнем бросилось" "в ток нечленораздельной речи".

ЗАПЯТАЯ - это то, что за пяткой, что мы не видим, как своих ушей, но что несомненно существует. Пространство за пяткой идущего человека принадлежит двум временам: прошлому и будущему. Это место, которое уже как будто пройдено, так как оно позади. В то же время пятка его ещё не коснулась - вот-вот коснется - значит, это ближайшее будущее, уже отмеченное, неизбежное. Здесь можно сделать паузу, отчерк, перевести дыхание.

В Ниагару вырастая,
Взбился о камень ручей...
Так возникла запятая -
Препиналица речей.

Видимо, чтоб оглянуться
И остановиться чтоб,
Взял и выдумал Мануций
Запятую, морща лоб.
("Имитафоры", с. 6)

Запятая, вытянутая в струночку, рождает более четкую, прямонаправленную, острую паузу с иной энергетикой и наполнением, поэтому и название знака другое - ТИРЕ. Последняя "Е" произносится как "Э". Тир Э... Может быть, это тир Эрота, стрела из глаз любящего или даже пристальный взгляд любимой Родины, замаскированный во взоре трех орлов, выписанных в стихотворении Вадима Рабиновича "Перед изгнанием из Эдема и немного после" ("Имитафоры", с. 381-382)?

Три орла, как куропатки,
На меня уставят взор,
Нежный, как расстрел в упор.

Эту интуитивную версию прочтения "тире" подкрепляет его обратное звучание, дающее загадочное и красивое слово "ЭРИТ".

На Востоке "эрит" означает растапливать, плавить, а в переносном смысле - смягчать, вызывать приятное ощущение, доставлять удовольствие. А какое красивое и благородное дерево носит имя эрит! У него золотистая кора и древесина, светло-зелёные листья с золотыми прожилками. В некоторых областях дерево это считается священным. Изделия из него высоко ценятся. Воины и охотники предпочитают лук именно из прочной древесины эрита. А влюбленному юноше достаточно расчесать волосы своей избранницы гребнем из этой древесины, чтобы показать ей

зульфия алькаева о вадиме рабиновиче

и окружающим свою симпатию. Эрит еще называют деревом радости. В праздники люди украшают дома его ветвями, а дети обожают сжигать маленькие веточки в камине. При этом происходит искристая радужная вспышка, и помещение наполняется приятным сладковатым запахом.

Ощущение счастья и дыхание смертельной опасности сливаются в геометрии тире, в черточке, похожей на канат, протянутый через пропасть. Как бы ни был прекрасен эрит, а дома из него не строят, вернее, строили, а потом от этой идеи отказались. Дом из эритовой древесины в случае пожара сгорит за несколько минут, вспыхивая снопом разноцветных искр. Красивое и одновременно очень печальное зрелище. Эритовые рощи тщательно охраняют, чтобы не допустить вероятность возгорания: пожар в таком лесу имел бы катастрофические последствия.

То же смыкание Любви и Смерти в трагических паузах видит Вадим Рабинович, цитирующий и комментирующий строфу Пастернака из стихотворения "В низовьях" (1944 г).

Ах, как скучает по пахоте плуг,
Пашня - по плугу,
Море - по Бугу, по северу - юг,
Все - друг по другу!

"И светоречь поэта погружается в первоначальную немоту. Смерть: плуга в пахоте, пашни в плуге, Буга в море, юга в севере. Его в Ней. И всех во Всех. Друга в Подруге... Смерти в Любви. Но - ради новых взываний-возрадований. Возрождений. Рождений безродных Эротов. Бешеных яблоч-коней.

Но: вновь и вновь апельсин в полнеба. "Над небом голубым..." (Гребенщиков -Хвостенко).

Над страной Березосин!" ("Имитафоры", с. 381).

Человек живет словом. То, чего он не замечает, чему не присваивает имя, не существует вовсе. Разумеется, эта культурная реальность и представляет истинную картину мира. Чтобы понять язык, есть смысл выйти за его пределы, к началу всех начал, в безвоздушное пространство "до-словия", когда "Реял над поверхностями вод // Некий дух. Он формовал стихию" ("Имитафоры", с. 5).

"Из чего Все сотворено? - Вопросает В. Рабинович в главе "Перво-видение" (с. 383), - Неужели из ничего? А если из ничего, то чем и как? - Словом, то есть наречением замысленного, вызволенного речью Творца. Речью. Словом. Творимым и творящим сразу, пребывающим (точнее: становящимся) в нём самом."

Номо sapiens, лишенный дара речи, автоматически выпадает из контекста культуры и попадает в странный вакуум, впрочем, населенный энергиями эмоций; первородным гулом ветра, шумом моря и жаром огня; беременный атрибутами мира. Это такая захватывающая пустота гор-

элова арфа

ной вершины, с которой хорошо бы нырнуть в красивый водопад и при этом остаться в живых.

Постояв вволю на краю реальности, получив изрядную порцию адреналина от щекотливого ощущения опасности, Вадим Рабинович готов кануть из немоты в многоречивость, ощутив в самом себе "зарождение языковых культур". Он верит в творческий дух тишайших пустот, хранящих в себе до поры ген полиглота, и записывает имитафору: "В паузах затеваются новые смыслы" ("Имитафоры", с 11).

Хороший артист умеет держать паузу. Эта невидимая черточка чрезвычайно важна. В нее помимо замысла конкретной сцены помещается реальная жизнь, воспоминания и мечты актера и зрителей. Создается некая многомерность или провал во времени. Эффект присутствия объекта везде и нигде.

Подобная метаморфоза, по-моему, ярко выражена в палиндроме Елены Кацюбы: ТЕАТРАЕТ. За свой жизненный срок человеку дано свершить лишь одну сверхзадачу - изжить, истончить, обезвожить три вещи: время, место и действие. Ему нужно выполнить то магическое стирание личной истории, которому учил Карлоса Кастанеду его учитель Дон Хуан. И что останется? Шлейф слова, звука, дыма - слепок души, наконец.

В многообразии языков и мировоззрений есть скрытое единство. Вопрос как до него добраться?

"Переводчики переводят, а понимание по-прежнему иллюзорно, - сетует автор "имитафор", - потому что вечно на границе с непониманием" ("Имитафоры", с.9). Ошибка в том, что переводчик не переводит таинственные паузы и не проникает в сложную голографию слова. Иное дело - поэт. Прочитывая строфу из поэмы Николая Заболоцкого "Рубрук в Монголии", Вадим Рабинович умозаключает: "Рубрук (а поэт тем более) понимает два ино-язычия: свое и чужое. Без переводчика. Но каким образом? Каким органом? Орган полифоний соединяет разноречия жизни" ("Имитафоры", с. 9).

Все мелодии жизни кристаллизуются в одном, самом сложном и удивительном существе - человеке. Вот почему орган смыкается с органом (помните дневниковую запись Цветаевой: "Сердце - больше орган, чем орган?"), жалейка неотделима от чувственного глагола "жалеть", мандалина и скрипка издавна связаны с женским естеством... Человек и музыка, человек и звук существуют так же слитно, как "Слово" и "Бог". Проникнув в слово, приблизишься к пониманию чего-то несказанного и вечного. Ощувив гармонию речи, постигнешь ее смысл.

Путь от культуры одного народа к культуре другого лежит через речь. Между речами, реками простираются междуречья, географические и семантические.

В прямом смысле междуречья означают краткие остановки, стоянки, поселения. Когда площадь такой стоянки становится неизмеримо малой, в нее вмещаются уже не речи, а всего лишь ее пометы - междометья.

зульфия алькаева о вадиме рабиновиче

Междометья - это еще не слова, но уже вполне значимые звукосоchetания, взрывающие первородную тишину, создающие веревочные мостки, соединяющие людей. Птицы пересвистываются, люди перекликаются. Человеку, заблудившемуся в лесу, поможет лишь краткое и протяжное "Ау!"

Простая скрепа гласных между тем отражает загадочную дистанцию жизни "от" и "до", от пункта "У" до пункта "А". Новорожденный малыш плачет "Уа!" подзывая мамку, а старик тщетно восклицает "Ау!" в лесу людей, все меньше и меньше надеясь на отклик, все больше сознавая безлюдье конца. Недаром стихотворение Вадима Рабиновича, посвященное теме одиночества, так и называется "Ау!" ("Синица ока", М. Стратегия, 2008, с. 212). Прочитую две начальные строфы:

Отцветают цветы луговые
На октябрьском тошем лугу...
Отзовитесь, мои дорогие,
На мое отзовитесь ау!

Ни души... Даже малого эха
Мой отчаянный крик не извлек,
Словно кто-то случайный проехал,
Громыхнул и навеки умолк.

Только ли свое собственное одиночество сентиментально выплакивает поэт? Вадим Рабинович как будто сам не знает, куда угодит стрела его пронзительного междометья: то ли в "угол медвежий", то ли в "забытый погост"... По мысли автора, "после жатв, обмолотов и пахот" Россия отсыпается, ей нет дела до кручин поэта. Заключительное четверостишие, где "Ау!" незаметно преобразуется в зов пурги, еще раз убеждает в том, что поэта волнует судьба культуры его родины, которая все никак не "воспрянет ото сна".

И собака, и тихая лошадь
Тоже спят у вечерних ворот...
Отсыпайтесь, вам лучше не слышать,
Что вам сдуру пурга наорёт...

Плач по России Вадима Рабиновича ясно перекликается с печальными строчками Николая Некрасова, еще в позапрошлом веке указавшего на сухую ветвь в развитии русского народа, которая непременно отвалится без серьезных духовных преобразований.

Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинувшись закону,
Все, что мог, ты уже совершил, -
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

эолова арфа

"...навекы почил"... Заметим, что русский гений размышлял "у парадного подвезда" в 1858 году, а "Синица ока" Рабиновича вышла в свет в 2008-м (М.: Стратегия), то есть спустя полтора века. Для любого глубокого сна срок предостаточный. Видимо, пора уже мужика нашего пушками будить или окончательно махнуть рукой на непробиваемую толщу русского сугроба.

"Ах, сколько уже слез было пролито на российский флаг, а что толку? Национальная идея от этого не народилась", - возразит читатель. Разумеется, псевдопатриотизм может лишь раздражать. Однако к поэту, культурологу, философу и алхимику Вадиму Рабиновичу этот упрек не относится, ведь он всю свою жизнь возвращает России утраченные смыслы, причем делает это увлеченно, красиво, играючи, всюду меняя инфантильное "ах!" на ироническое "ха!"

Написав в 1979 году популярную книгу "Алхимия как феномен средневековой культуры", Вадим Львович позволил пытливым современникам рассмотреть через камеру-абскуру философию удивительно умной символики, недооцененную и почти перечеркнутую многими учеными и все же прорвавшуюся в соцветья последующих культур. Создав через 12 лет новый бестселлер "Исповедь книжочья, который учил букве, а укреплял дух", этот писатель и ученый напитал легкие нашей интеллигенции воздухом первокнижья. Что касается языка, то более бережного архивариуса, чем Рабинович, трудно сыскать. Ни русская классика, ни наив, ни заумь, ни современное гремучее разностилье не миновали его творческую лабораторию.

Его хватает на всё: и на детальный разбор литературного наследия, по преимуществу авангардистов, и на погружение в поле своей собственной самобытной поэтики. Необходимые паузы и изящные переходы между тем и этим он совершает виртуозно, памятуя о том, что поэт - это Артист, сыгравший Бога ("Имитафоры", с. 388).

Вадим Рабинович понимает: такова его планида - стоять над пропастями черных дыр и белых пятен, повисать между небом и землей, чтобы "синичествовать серебром". В автоаннотации к книге стихов "Синица ока" (с. 4) поэт описывает свой стиль жизни и впервые использует термин "имитафоры": "Так и живу - меж Этим и Тем. В междуречье... Сочиняю имитафоры и отпускаю их на волю. Лети, Синица ока! Зажигай море!.."

Не утонуть в сложных научных терминах, оставаясь понятным для большинства читателей, остановить азарт словотворчества во имя истинной поэзии - просто, если умеешь держать паузу. Для обозначения своей медитативной тишины наш герой выбирает архаическое слово "молчь". Его "молчь" образована от глагола "мочь" и в одном из стихотворений рифмуется с "ночью". Его молчь и немота продуктивны и неизбежны, а из ран печалей сочатся "многия мудрости". "Есть в опыте больших поэтов // Черты естественности той, // Что невозможно, их изведав, // Не кончить полной немотой" (Из поэмы Бориса Пастернака "Волны", 1932 г.)

зульфия алькаева о вадиме рабиновиче

...Однажды глубина ночи разверзлась, и речь полилась. Поскольку в начале была метафора, первую речь пропитала поэзия. Не потому ли само слово "стихи" входит в состав "стихий"? Мир – это "стихи" "и...": нечто ещё, неназванное, ждущее рождения-обозначения. Вот почему автор "Небесного закройщика" выбирает предметом изучения не только канун речи, но и канун всего, и человека в том числе.

Книга Рабиновича наполнена его личными открытиями. Причем автор погружает читателей в броуновское движение самого процесса исследования того или иного философского вопроса. В каждой главе будто варится очередной концентрат мысли, который при действенном участии добровольных лаборантов способен открыть механизм постижения тайны: и тайны конкретной, и тайны вообще.

Композиция этого необычного издания циклична и точна и похожа на часы: "Тик-так, – говорит она, – кит-кат. Хотите, я вас прокачу на китах?" Имя часовщика повторяется довольно часто. Тем не менее, оно не подавляет тонкий процесс жизни содружества "имитатор", ведь статьи и высказывания знаменитых коллег и друзей Вадима Рабиновича о нем самом и о его творчестве лишь конкретизируют суждения автора и обогащают поистине уникальный научно-художественный коллаж.

Академики и доктора, студенты и аспиранты, поэты и писатели в разное время, при разных обстоятельствах взяли в руки воображаемые кисточки и совершили оригинальные штрихи к портрету автора "Имитатор", этого многоликого Януса, который и сам не определился, какой лик основной: ученого или писателя, поэта или алхимика? Если ученые мужья В. Асмус, С. Аверинцев, М. Бахтин, Д. Лихачев, А. Гуревич, В. Миронов, В. Лекторский оценили алхимическое беспределье мысли Рабиновича, то А. Вознесенский, Е. Евтушенко, А. Межиров, С. Мнацаканян, К. Кедров, Л. Анненский взяли крен в сторону поэтичности природы. "Поэт природный" по слову Александра Межирова, Вадим Рабинович преобразился и стал "многоруким Шивой, влюбленным во всё, что обнимаешь или пытаешься обнять" в глазах Евгения Евтушенко.

Ускользающий от жестких реалий формальных атрибуций истинный облик Рабиновича балансирует где-то между "детским ликованием", присущим "только настоящим поэтам" и отмеченным его учителем Ильёй Сельвинским и трогательным откликом его ученицы Анны Рылёвой, ставшей уже доктором наук: "Он идёт, и в этом шаге умирают миры, умирает он сам, умирает культура. Он идёт. Он одинок". В ряду особенно объемных, 3D-образных эссе, стоит отметить замешанную на парадоксах статью Абдусалама Гусейнова "Рабинович и Бог", эмоциональный труд Льва Митрохина под названием "Большой ребёнок, или: Не обижайте Рабиновича!" и сочинение Андрея Битова "Рабинович как русская национальная идея". В числе наиболее интересных портретистов: С. Неретина, К. Разлогов, Д. Сарабянов, В. Стёпин, М. Уваров, Ю. Васильчук, В. Чистякова, М. Шульман и др. Причём всё это богатое словотворчество не имеет отношения к юбилейным осаннам, но округляет и конкретизирует ту уникальную интеллектуальную среду, вне которой Вадим

эолова арфа

Рабинович по сути не представим. Эту радужно искрящуюся личность и её заметные следы в истории, безусловно, в большей степени проявляют вдохновенные наброски коллег, чем, допустим, фотографии из домашнего архива, хотя они тоже в "Имитафорах" скромно присутствуют.

А теперь, как любит говаривать главный алхимик страны, вернёмся к нашим драконам. Вадима Рабиновича занимает поиск универсального магического кристалла, объединяющего не только разные языки, но и разные формы выражения культуры: от живописи и скульптуры до кинематографа и интернета. По мысли писателя, вся мировая культура может быть выражена с помощью игры имитафор, связки формул-ключей, открывающих главные жизнесмыслы Земли и человека.

Справиться со столь сложной задачей Вадиму Львовичу, безусловно, помогает синтетическое, объемное мышление, правильно сросшиеся в нем, казалось бы, не соединимые качества серьезного ученого и вдохновенного поэта. Переводить матрицы языка, человека и всей окружающей нас природы он считает как научной, так и литературной задачей. Пресловутый конфликт физиков и лириков умер в нем навсегда, уступив место дару блестящего исследователя парадоксов и черных дыр мятежного сознания. "Поэтический дар как импульс для философского озарения". Такое много говорящее название дал журналист радио "Культура" Анатолий Макаров интервью с Вадимом Рабиновичем, прозвучавшему в эфире 26 июня 2010 года.

"... Слышен ли и виден ли первоисточник в его непонятности и непонятен ли перевод? И узнан ли в нем первоисточник в первоначале непонимания? Не у разбитого ли корыта?.. А может быть, только наив и только футуристическая заумь - непереводимы, потому что понятны и так, ошарашивая удивлением непонимания, как ошарашивает мир впервые? Опыты личных авторских ответов и есть содержание этой книги..." ("Имитафоры", с. 10) В. Рабинович отмечает, что "тема Вавилонского столпотворения, свершившего всеземное разноязычье, являла себя в истории культуры во впечатляющих вариациях еще несколько раз".

Исследователь подчеркивает кровную связь Слова с Любовью. "Омоим язык (пламени) и язык (= речь) фундаментально значим, - утверждает он, - разноречие - разномыслие (понимающее непонимание) ("Имитафоры", с. 10). Задачу "понять не понимая" автор "Имитафор" называет смертельным номером, добавляя цитату из Давида Самойлова: "Надо себя сжечь, чтоб превратиться в речь". Все это значит, что переводчику необходим дар любви, приносящий ему, как влюбленному, немому озарения.

В лирике Вадима Рабиновича Любовь является эликсиром жизни и условием бессмертия.

Не вспомнишь ты, так вспомню я,
Когда мне будет очень круто.
Тогда еще одну минуточку

зульфия алькаева о вадиме рабиновиче

Я буду частью бытия.
И в стороне от всех дорог
Пускай я рухну... Но бессмертны
Твоих ладоней солнцепек,
Волос твоих степные ветры.
("Когда в минувшую войну", Синица ока, с. 39)

Кратковременную вспышку света может вызвать и своеобразный суррогат любовного огня - жар болезни. Это заметили и описали известные литераторы двадцатого века.

"То, что вслило в меня первый глубокий ужас, когда ребенком я лежал в жару: Большое... и моя кровь обращалась во мне и в нем, как в едином общем теле" (Рильке Р. М. Записки Мальте Лауридса Бригге. М., 1987, с. 57).

По мнению критика Виктора Иванова, "то, о чем говорит герой романа Рильке, есть тело болезни, через которое человек прикасается к подлинному бытию". Похожие ощущения испытывает и парень из стихотворения Яна Сатуновского. У него недуг "приводит к забвению всех вещей, забвению грезы этого света... Он утрачивает понимание слов, как афатик:

Парень, тюха-матюха,
Неземные глаза,
Помнишь,
парень,
макуху,
жмых, по-русски сказать?
- На дворе тихо-тихо,
Месяц, словно слеза.
Я болел вшивым тифом,
я забыл все слова.
(Сатуновский Я. Хочу ли я посмертной славы, М. 1992, с. 30)

В этом созерцании себя в природе - месяц словно слеза, запечатленный ее образ, - образ подлинного бытия заставляет забывать все слова, никого не узнавать..." (ИВАНІВ В. журнал Топос, 10/06/05, Воспоминание и забвение события в поэтике Яна Сатуновского).

Вадим Рабинович, однажды сам испытывавший краткую физическую немоту, спел в своих стихах гимн спасительному выходу в Любовь, пообещавшему ему не только вспышку озарения, но жизнь, озаренную и осмысленную.

Пожалела... Большого не надо,
Думал, что навеки замолчал,
Только вдруг из хриплого надсада
Я членораздельно замычал.

Складывались звуки в междометья,
До ре му мычалось, до ре лю...

эолова арфа

Замер Бог, а с ним все божьи дети
В ожиданье моего люблю.

12-20 августа 2007 года
("Праречь 2", Синица ока, с. 244)

Если вернуться к уже прозвучавшему вскользь вопросу философа - "Не у разбитого ли корыта?" - то мы ясно вспомним пушкинскую сказку "О рыбаке и рыбке" и придем к выводу, что не болезнь алчности старухи, но великая сила любви-сострадания ее старика-рыбака сотворила чудо и привела в его невод золотую рыбку. Сам старик ничего для себя не хочет: он лишь жалеет рыбку, просящую у него свободы, а потом проникается жалостью к своей безумной старухе, жаждущей дворцовой роскоши, и идет просить рыбку об исполнении её желаний. Он идеальный посредник, потому что нищих духом любит Господь.

"Есть страдивари сострадания. И больше нету ничего". Вадим Рабинович очень любит цитировать эти мудрые строчки Андрея Вознесенского. Сейчас, когда все мы стоим у разбитого корыта собственной многострадальной страны и мечтаем, может быть, о виллах, яхтах, иномарках, трудно представить себе такого Страдивари, который взял бы на себя наши грехи. Время спрессовалось. Его всё меньше остается на поимку золотых рыбок, да и водятся ли они в усталых морях? Не об этом ли сжатию пружины говорит и факт тотального исчезновения знаков препинания из современной поэзии? Паузы, как пузыри, ушли жить внутрь текста. Похоже, людям надо стать рыбками, чтобы дышать новой метафорой и творить чудеса.

Не сварить ли клей для починки пресловутого корыта?.. В самом деле. Будь корыто целым, а избушка поновее, потребовались бы тогда сказочные превращения? Не было бы ничего, кроме главного и единственного, как хлеб, чуда нехитрой жизни рыбацкой четы у самого синего моря.

К пониманию такого счастья надо идти порой всю жизнь. Мы так устроены, что сложное и фантазийное нам ближе и родней, чем до боли знакомое и привычное. Мы больны несбыточными мечтами, потому что природа нас самих для нас еще загадка. Возможно, лишь поэт и способен, по словам Пастернака, "...впасть к концу, как в ересь, // В неслыханную простоту". В своей поэме "Волны" Борис Леонидович поёт гимн простоте и сокрушается по поводу ее сиротливой, неприкаянной судьбы в суетном мире: "Она всего нужнее людям, // Но сложное понятней им".

В поиске своего философского камня Вадим Рабинович отправляется в диковинные миры Велимира Хлебникова и Алексея Крученых, собирая и пристально изучая придорожные камни типа "дыр", "бул", "шыл", а потом находя и более изысканные гибриды: "юйца", "хлюстра" и т.д. Отмечая для себя тот факт, что созданные русскими авангардистами слова пытаются вмести в себя функции существительных, глаголов и прилагательных одновременно, он все же ценит и любит в языке все прочное и устоявшееся, открывая в простоте полную полифонию смыслов. И опять же ярую иллюстрацию этой позиции мы находим в его стихах.

зульфия алькаева о вадиме рабиновиче

Цветная клей и сулька сва.
Уж не сосулька ли свалилась?
Кривым когтём перекрестилась
Одна ученая сова.
("Футуристический пейзаж", Имитафоры, с. 469)

На мой взгляд, это тонкая и добродушная пародия на известную кручёновскую строчку.

Немудрёные образы и понятия потребовались Вадиму Рабиновичу, чтобы описать, к примеру, человеческую жизнь, встроенную в необъятный космос. Само название его стихотворения об этом - "Канатоходец под куполом неба" ("Имитафоры", с. 7) - можно зачислить в ряд значимых имитафор.

Настежь руки. В руках лепесточки - великая малость.
Белоснежный один, а другой просто синий платочек.
О, какое спасение - эти платочки!
Чистый шелк. Равновесия вздох затаённый.
Это тайна моя, чтоб не сбить равновесье...
И зачем я влетел в эти лунные выси
На вселенском юру? Или сверху виднее?

Поэт и ученый сдерживает коней своей изобретательности во имя нужного ему триединства. Он отмечает три точки, удерживающие человека в пространстве: точку соприкосновения с канатом или с линией жизни, которая является зыбким моментом настоящего; синий платочек, символизирующий земную Любовь (по признанию Рабиновича, он был взят из песни Г. Петербургского и Я. Галицкого "Скромненький синий платочек"); и белый платочек, сотканный из полотна того, что мы называем белым светом.

"Чистый шёлк"... Как точно и многозначно! Могла ли быть другая ткань выбрана для спасительных "платочков" отважного канатоходца, если ШЁЛК слева направо несет в себе гладкое и легкое скольжение, а справа налево - КЛЁШ или крылатую, крестообразную распростёртость, позволяющую балансировать на канате времени.

На обложку своей книги "Имитафоры Рабиновича, или небесный закройщик" автор вынес креативный слоган: "Через термины к звездам". Но не думаю, что даже далекий от философии читатель всерьез запутается в этом термитнике идей. Он что-нибудь откроет для себя: не Это, так То. Переведёт дыхание, поплавает в безвременном пространстве "междутемья" и помолодеет, ведь между темами - это значит, Нигде, в космической пустоте, затаившей в себе лучшие миры.

Чтобы уяснить для себя до конца личный жизненный курс Вадима Рабиновича, я задала ему несколько вопросов о его отношении к основной имитафоре - "между тем", - не связывая ее напрямую с пушкинским текстом.

эолова арфа

- Ваше "между тем" - это своеобразное Memento mori, не так ли?
- Можно сказать и так, - согласился Вадим Львович.
- Мы уже выяснили, что начинку этого выражения составляет глагол. А кто же это те, которые "ждут"?
- Ангелы, конечно! Падшие. Ждать могут только они, - ответил философ.
- Час икс - это момент, когда могут произойти две вещи: трагедия или чудо...
- Скорей всего, будет чудо. Я так думаю, - решительно заключил Рабинович.

В этом он весь. В колпак с весельем подсыпает щепотку соли, добавляет унцию сахара в сосуд с грустью. А что вы хотите? Алхимик точно знает, почем фунт изюма. Вадим Рабинович давно открыл, что мир многозеркален. Куда безопасней быть в нем открытым и сверкающим, чем пугливым и тусклым.

Он по-нищеански уверен, что наука и поэзия должны быть веселыми и считает этот постулат одной из важнейших имитафор. Это можно объяснить дионисийским складом личности или следованием христианской заповеди о греховности уныния. Но мне больше нравится древняя карпатская легенда о Великой колдунье-мольфарке. В окружении полной пустоты она варила себе кулеш. Варила-варила, и стало ей скучно и одиноко. Тогда она выплеснула кулеш. Из него и возник весь мир: вознеслись горы, по земле потекли реки, по небу поплыли облака.

Когда Вадим Рабинович почувствовал себя одиноким, возник его уникальный мир идей и слов, понятий и образов... По ниточке, по жёрдочке, по мосточку преодолевать глухие бездны для него всегда занято. А подсчитывать рубли и доллары - бесконечно скучно.

Когда я произношу звонкое "Трам-парам-пам-пам" в конце сложнейшего по мысли, но легкого по письму стихотворения "Тише, воды! Ниже, травы!", то представляю себе беззаботного пастушка с хитрой ухмылкой Вадима Львовича, перебегающего по брёвнышкам через говорливую речку. Если есть у него свирелька, то, видимо, она такая же, солнечно-голосая, как в другом его произведении "Перед изгнанием из Эдема и немало после" ("Имитафоры", с. 381-382):

Сладко плачет между прочим
та, что ничего не хочет,
одинокая свирель.

Плачет свирель, а вместе с ней и душа, выплакивая свое неизбывное междутемье.

Эссе было впервые опубликовано в журнале "Зинзивер" № 6 (26) за 2011 год под заголовком "Портрет Вадима Рабиновича, или читая его новую книгу".

Анна Гедымин

"И ЛЮДИ ДУМАЛИ, ЧТО Я СМЕЯЛАСЬ..."

Так ли обременительны жесткие рамки?

(О книге Нины Красновой. Избранное: стихи. Предисловие Валерия Золотухина. - М.: Издательство "Книжный сад", 2011. - 416 с.)

Нину Краснову ни с кем не спутаешь. С ее неизменной словесной игрой, юмором, плачами, с ее очаровательными лирическими стихами, готовыми немедленно превратиться в песни:

Плывет лодочка по реке,
Ой, по Волге - не по Оке,
Такая легонькая,
Парусатенькая.

И эта узнаваемость тем более изумительна, что поэтесса не выходит за рамки традиции. Причем не какой-нибудь, а самой что ни на есть освоенной - традиции русской народной поэзии. Которая вообще-то сегодня переживает не лучший свой момент. Иные авторы или ограничиваются пейзажными зарисовками, или формально эксплуатируют фольклорную лексику, или, наконец, сводят всё к поднадоевшей риторике. А так, чтобы и петь, и думать, и жить, причем свободно, талантливо, со смехом, со слезами и естественными включениями современных реалий и фактов собственной биографии, - так, пожалуй, почти никто и не умеет. Вот Краснова - умеет.

"Избранное" Нины Красновой - это не просто собрание хороших стихов, а еще и в каком-то смысле познавательное чтение. Ведь мы на протяжении почти 400 страниц (и без малого пяти десятилетий!) соучаствуем в судьбе поэтессы, видим взросление ее души. Сразу оговорюсь: при этом я не имею в виду пресловутый профессиональный рост - премудростями стихосложения и прочими изначальными навыками наша героиня владеет с рождения, они попросту даны ей, как дается музыкальный слух или, например, чувство цвета - художнику. Более того, даже круг основных тем у Красновой практически не меняется: любовь (как правило, несчастливая); жизнь и смерть; близкие (мама, сестра, братья); родная Рязань - и неродная, но тоже любимая Москва; друзья; просто хорошие люди; русская природа... Но как порой шемяще, до сердечной тоски, отличаются друг от друга стихи на одну и ту же тему - в разные годы! Приведу совсем немного примеров. Вот - о любви. 1979 год: "Я люблю его, наверно, как никто и никого, / Но смотри - не умираю, но живу же без него". И - из конца сборника: "Я проснулась впотмах с ощущеньем беды, / Наиглавной и наивысшей... / С ощущеньем, что скоро умрет наша страсть / И ее мы не сможем спасти... / И едва дожидла до рассвета". От

элова арфа

обаятельного лукавства юности - к мощной интонации и почти непере-носимой трагедии зрелой души.

Другая тема: братьям и сестре о маме - в 1980 году: "Но такого нет у нас дружка, / Как родная наша матушка". А вот - год 2003: "Больше НЕТ У НАС с тобою, НЕТУ МАМЫ. / Больше НЕТУ НАС с тобою, НЕТ У МАМЫ". Традиционная для поэтессы словесная игра, но - сколько в ней скорби и отчаяния!

И тут невольно возвращаешься к одному из первых стихотворений книги - "Река", написанному в 1974 году. Сегодня, при взгляде из уже свершившегося будущего, оно начинает звучать пророчески. В миниатюре описана простая ситуация, которая вполне может стоить героине жизни: она почти не умеет плавать и вот-вот утонет, а этого никто не понимает:

Я к камышам прибрежным устремлялась
И плакала на обозрении у всех.
Но плач походит издали на смех.
...И люди думали, что я смеялась.

Нина Краснова - поэтесса высокого эмоционального градуса, во многом трагическая. И разносторонняя настолько, что способна с одинаковым блеском и озорную частушку сочинить, и романс, и при этом мужественно отмахнуться от беды, не показать свою боль и страх. Некоторые не очень внимательные читатели (или слушатели) потому и считают ее веселой и бесшабашной. Пусть считают. ("И люди думали, что я смеялась...")

Знаю, что многие любят поэзию Нины Красновой, читают ее книги, ходят на ее выступления. А кому-то она не близка - тут уж ничего не поделаешь, иначе не бывает. И все же прочитать "Избранное" поэтессы я бы посоветовала каждому. Потому что таких живых, таких искрящихся поэтов, как она, никогда не бывает много, а уж в наше склонное к усреднению время - и вовсе не найдешь. Недаром же о стихах Красновой с одинаковым одобрением отзывались такие разные мастера слова, как Виктор Астафьев, Владимир Солоухин, Евгений Долматовский, Тамара Жирмунская, Николай Старшинов, Андрей Дементьев, Виктор Боков, Андрей Вознесенский, Римма Казакова, Евгений Евтушенко, Евгений Рейн, а знаменитый артист Валерий Золотухин вообще написал к этой книге восторженное предисловие, где, в частности, сказал: "Я горжусь тем, что знаком с поэтессой Ниной Красновой". Словом, не пропустите.

"Литературная газета", 2011 г.

Анна Гедымин

СТИХИ

Анна Гедымин - известная поэтесса поколения девяностодесятиков, родилась 30 июля 1961 года в Москве, на Арбате, в семье инженеров. Окончила вечернее отделение факультета журналистики МГУ. Автор многих книг. Лауреат нескольких литературных премий, среди которых премия Московского комсомола, издательства "Московский рабочий", журналов "Москва", "Литературная учёба", Венгерского культурного центра. Член Союза писателей Москвы.

Ты для меня
 Больше, чем беда,
 Больше, чем вода
 В пересохшей округе.
 Ты для меня -
 И шальная толпа,
 И лесная тропа,
 И друзья, и подруги.

Давай
 Сядем, как в детстве, в трамвай,
 Чтобы лужи и брюки-клеш!
 Давай
 Ты никогда не умрешь!
 Лучше уж я...

И стану для тебя
 Солнцем над головой
 И лохматой травой
 У ограды.
 Чтоб все подруги твои
 И все супруги твои
 (И даже мама твоя!)
 Мне были рады.

Август. Полдень. Ёлок вереницы.
 Три недоразрушенных избы.
 Я сюда на запах медуницы
 Прихожу, как в детстве - по грибы.

И брожу своими же следами.
 И робею у церковных стен:
 Что просить нам - траченным годами
 Очевидцам бурных перемен?

эолова арфа

(Вон и туча шерится морозно,
Будто бы уже закончен суд!)
Славы - стыдно, пониманья - поздно,
А любви не просят, только ждут.

Боже, стать бы тем седьмым коленом,
На котором завершится мечь!..
Медуница нежно пахнет тленом -
Неужели горше запах есть?..

Ночь ушла, как лодка из залива,
В сонный час украдена не мной.
Разнотравно, как нечесаная грива,
Бережок топорщится речной.

Тьма ушла. Ну, стало быть, счастливо.
Зреют шишки, медлят облака,
Трогательно жгучая крапива
Тщетно поджидает чужака.

Вдруг, подбросив солнце, как монету,
Трижды ухнет леший из-за пня...
Вот бы хоть на миг, как чашу эту,
Ночь моя покинула меня!..

До чего мы с тобой не похожи!
Аж мороз пробирает по коже.

Веет вечер прохладой морскою,
Что неправильно под Москвою.

Крики часек и запах тины
С этой речкой не голубою
Так же явно несовместимы,
Как, наверное, мы с тобою.

Но я знаю: когда без тренья,
Словно в море с вышки, с размаху,
Я в иное уйду измеренье,
Неподвластное злобе и страху,
Недоступное сраму и блуду, -
Я и там тебя не забуду.

анна гедымин стихи

Воспоминание о восьмидесятих

...Нет, не перебивай! -
Полуночные кухни,
Всегдашний свет в окне,
Всегдашний жар в груди.
Потом умолкнет стих,
Потом держава рухнет
И жизнь утратит цвет.
Но это впереди.

Я помню - навсегда,
Какие там восходы,
Какая там любовь.
Постой, не говори!
Соседка в бигуди -
Как статуя Свободы...
Гори огонь, гори...

Это не мы устали -
это осень вновь подошла,
И пополнили память
звук вставляемого стекла,
Свист крыла.

Птицам привычно,
а нам еще предстоит
Узнавать этот свист,
этот прощальный вид,
Это спокойное что там над головой
И след, заросший травой.

Не люблю велосипедистов.
Никогда не любила.
Может быть, потому,
Что, когда избавлюсь от суеты,
упаду, усну,
Точно так же промчатся мимо
в свою прекрасную пустоту,
Сверкая спицами на лету.

Смуглый сентябрь за окном,
В чашке - лиловая слива...
Будет ли в мире ином
Так же красиво?..

эолова арфа

Темная теплая тишь,
Вьется дымок аккуратно...
Как ты по листьям летишь -
То от меня, то обратно -
Буду ль смотреть и смотреть?
А в промежутке
Будет ли так же болеть
Сердце за сутки?

Новый год,
бенефис вечнозеленых растений.
Елка вырядилась,
как будто школьница во хмелю.
Я в эти сутки
шарахаюсь от собственной тени
И тебя
забыть уже не пытаюсь - люблю.

День прибавляется,
мы, наоборот, иссякаем,
Жизнь отнимается у нас
без следствия и суда.
Я гонюсь за тобой,
как Герда гналась за Каем.
("Вам не холодно?" -
"Ах, помилуйте, как всегда".)

Спят пространства,
разлукой нашей казнимы.
Спят меж нами
самолеты и провода.
("Что вы думаете
про легендарные русские зимы?" -
"Ненавижу
эти чертовы холода".)

Так чего мы добились?
Давай с тобой подытожим:
Ты - как Этна в своих облаках -
в посторонней увяз судьбе,
Я - бреду в новый год
("Вам не скучно?") с поздним проходим
И, коль плохо будет вести,
расскажу ему о тебе.

анна гедымин стихи

Возвращайся!
Я постараюсь
возродиться к весне, как природа.
Возвращайся!
Я постараюсь
сделать радостным наше житье.
А иначе - уйди из памяти,
чтоб не было нового года.
И скорее, а то Куранты
уже затевают свое.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вдоль тропы гуляют сквозняки
И головки клонят васильки
Строго в направлении реки.

И, слышав медленный гудок,
Бурый пес натянет поводок
И поймает носом холодок.

Ну а в доме шелкают дрова,
Мысли превращаются в слова,
Понимаешь, что была права:

Здесь не бродит ветер перемен,
Пляшет пламя, что твоя Кармен.
Ничего я не хочу взамен...

Елена Исаева

СТИХИ

Елена Исаева - известная поэтесса и драматург поколения девяностодесятиков, автор многих книг. Лауреат премий "Триумф", "Венец" и т.д. Член Союза писателей Москвы.

Поезд "Москва-Петербург". Скорый.
Хлещет по окнам косым дождём.
Драма - это конфликт, который
Неразрешим бытовым путём.

Всё я в теории знаю точно,
Пьесы мелькают, как фонари.
Нет бы - задуматься этой ночью
И рассмотреть себя изнутри -

Все закоулки свои, обломы,
С кем и когда мне не повезло...
Мелодрама - это могло бы
Произойти, но не произошло.

Птицей в окошко давно не бьёшься,
Смотришь устало в чужую тьму.
Комедия - это когда смеёшься,
Может быть, вопреки всему.

Что ж я надеюсь на семафоры?
Что ж я иду бытовым путём?
Ведь от себя не уедешь в "скором",
И ничего не смоешь дождём.

Мало читаешь, не расширяешь словарный
Запас, мало гуляешь на воздухе свежем.
Не различаешь ударный и безударный,
Всё растворяется в какофонии, в промахе, в лаже...
Мало думаешь, мало дружишь и любишь мало.
Мало шепчешь целительных слов, нежных,
Не перетягиваешь на себя одеяло,
Стала почти незаметна и безмятежна.
Мало видишь вокруг оттенков, вещей, предметов.
Улыбаешься странно, почти виртуально.
Мир мрачнеет, если он фиолетов.

елена isaева стихи

Жизнь скучнеет, когда она бездетальна.
 Выбериайся, давай - начни хотя бы с простого -
 Открываешь словарь и читаешь за словом слово.

Анне Капустиной

В золотые часы,
 Когда сущее дремлет,
 От Медовой Росы
 Поднимаются стебли.
 От Медовой Росы
 Убыстряются соки.
 Жизнь кладет на весы
 Все долги и уроки,
 Добродетель, печаль,
 Счастье, веру, желанье...
 Не молчи, отвечай,
 Отзовись, Мирозданье!
 Для чего же Икар
 Разбивается, бедный,
 И поэзии дар
 Тратит юноша бледный?
 И зачем легион
 Все решает сраженьем? -
 Мир живет испокон
 Легкой влаги движеньем,
 Где рукой Небеса,
 Ничего не касаясь,
 Проведут, чтоб Роса
 Упадала на завязь,
 На деревья и мхи,
 Лица, здания, хвою...
 И Роса все грехи
 Перевесит с лихвою.

Ведь всегда сочинялось легко мне.
 Что ж мои ТАМ не слышал мольбы?
 Это Бродский сказал (ты запомни):
 "Выбор слов - это выбор судьбы".

Только тикают стрелочки в доме -
 Лишь они не приучены врать.
 Ведь всегда сочинялось легко мне...
 Трудно стало судьбу выбирать?

эолова арфа

Нового не надевала,
Не видала разных стран.
Только строчки сериалов
И компьютера экран.

Ничего вокруг не вижу
И не выхожу в народ.
Крем из города Парижа -
Неоткрытый целый год!

Я тоску свою зарюю -
Сразу сделаюсь другой -
Я сегодня крем открою -
Невозможно дорогой.

Упадет моя заколка
На широкую кровать...
Не могу же я так долго
Ничего не открывать!

Проникновенно говорит он,
В любви мне признаётся - лав-лив -
А я слежу за темпоритмом
И думаю: он не талантлив,

Он вязнет в дебрях комплимента,
Он действие сейчас "сажает"...
И мне профессия мешает
Серьёзность ощутить момента.

Он просит, чтоб решила сразу,
Я про себя решаю вяло:
Взяла бы в пьесу эту фразу,
А эту бы забраковала.

Была б во мне другая мерка,
Мы б закрепились в сплавах-сталях!
Но не могу без фейерверка
Ума и точности в деталях!

ВЗЛЕТНАЯ ПЕСЕНКА

Я пахну как июльский сад,
И юбка плещет на ветру,

елена isaева стихи

И нету мне пути назад,
И от любви я не умру!

Диспетчер, точностью знобя,
Напомнит, что лечу одна.
А у тебя, а у тебя
Такая верная жена!

Мне ничего не говори,
Целуй, как мертвую, в висок...
А возрождаясь, в дыти фри
Куплю "Паломо Пикассо".

1.

Тупо смотришь в ночное
Лобовое окно.
Было счастье ручное -
Приручилось оно.
Мир, представший непресным,
Заискрился слепя,
Но казалось нечестным
Взять его для себя.
Ожидая ответа -
Ниоткуда и вдруг -
Заслужил ли ты это
Отрешенье от мук? -
Тупо смотришь на дворник,
Побеждающий дождь.
На каникулы, школьник,
Ты уже не уйдёшь.
Не рыдая, не ноя,
Знай, тебе повезло:
Передышка - ночное
Лобовое стекло.

2.

Счастье горем сказалось,
А не наоборот.
Это просто усталость -
И однажды пройдёт.
Счастье всё не давалось -
Ускользало, слепя.
Это просто усталость
От самих от себя.

элова арфа

С чем ни соприкасалась,
Становилось видней -
Это просто усталость
И неправильность дней.
И казалось, казалось, -
Как бы там ни грешны, -
Это просто усталость,
А не чувство вины.

Не надо любить меня так беззащитно!
Куда от открытости этой мне деться?
И я ведь в конце-то концов не без сердца,
И каждый мой шаг до конца не просчитан.
Смотри, ты дождёшься! Улыбкою каждой
Ты сам приближаешь развязку! И что же
Получишь? С тобой разделённое ложе
От жалости, мой дорогой, не от жадности.
Но мне уже слышно, как свистнуло лассо! -
Сейчас захлестнёт... И от ужаса - сжалась...
Ведь я-то из тех, кто полжизни на жалость
Растратит, на страсть не оставив и часа.

Пока еще не покачнулось
Божественное равновесье
В любви - его не нарушают
Пейзажи за окном машины,
Которые важны обоим;
И места нет на свете лучше,
Чем та заправка у дороги,
Где можно выпить чашу кофе,
Не замечая никого,
А только глядя друг на друга;
И одинаково бесценна
Для них обоих та собака,
Пришедшая просить подачку,
Хвостом виляя дружелюбно;
И одинаково прекрасен
Певицы хриловатый голос,
О чем поющий? - все равно...
Пока еще картина мира
Не смазалась, не искривилась
Поступком, жестом или словом
Не-гармоничным, НЕ-ТАКИМ...
Пока еще "Балансировка"
Мелькает вывеской ненужной...
Ты вспоминаешь, как впервые

елена isaева стихи

Держать училась равновесье
На старом, синем, двухколесном
Велосипеде - оказалось,
Что это самый нужный навык,
Который подарило детство.

Я б из любых сюда вернулась стран,
Я б различала почерки в тетрадах -
Где Кулаков, где Ирка Кушельман,
Урбушкин, Кузьмин, Костюк, Калядин...

Где мы бредём по лужам вдоль весны,
И нам плевать на то, что жизнь фатальна.
Где мы ещё не разъединены
Ни социально, ни национально.

Хохочут одноклассники мои...
Кому на сколько выдали отсрочку?
А вспугнутые ими воробьи
Из стаи улетают в одиночку -

В Афганистан, в Америку, в тюрьму,
В болезни, в здесь ненужную науку.
Тебе бы было легче самому,
Когда бы Ты простёр над ними руку,

Когда б ты не оставил никого.
А мы идём с улыбкою дурацкой,
Не понимая счастья своего -
И Чернаков, и Якушев, и Шацкий,

И Шнеерсон, и Бердина... Слова,
Когда б могла, сложила бы в нетленку.
Моя пятиэтажная Москва -
Окраина на улице Дыбенко.

Я научусь смиряться и терять,
Но на чело моё не ляжет тени,
Пока я не устану повторять -
Богатырёв, Минаева, Еленин...

Судьба дарила в полной мере
Из рукава любой руки!
В пельменную на БТэРе
Меня возили мужики!

элова арфа

Виват, советская наука! -
В тот миг счастливейший сполна,
Где я рукой машу из люка,
Где - бауманцы и весна!

Виват - годам восьмидесятым,
Где начинается барьер.
Ещё не уступает Штатам
"Ракетный колледж СССР".

Ещё не все ушли на рынок,
Ещё не проданы умы,
Ещё ведётся поединок
За то, что называлось "мы".

...Они расстанутся навеки:
Уедет Глеб, сопьётся Стас,
Максим, чтоб выжить, за копейки
Две диссертации продаст.

Своей ненужные отчизне,
Высокопарно говоря,
Они мертвы уже при жизни,
Которая промчится зря.

Все их открытия откроют
В какой-нибудь другой стране...
Они "Столичные" докурят,
Они пельменей купят мне.

И под Высоцкого - по мосту -
До всех трагедий и обид...
... Там за Лефортовским погостом
Ещё пельменная стоит.

Когда на даче нету света,
Поскольку буря пронеслась,
Сидишь себе в разгаре лета
И со вселенной ищешь связь.
В сравненьи с миром за песчинку
Себя почувствовала чтоб.
Но в идеальную картинку
Вдруг сложится калейдоскоп.
И этот сумрак от осоки
Ползущий, наводящий дрожь,

елена isaева стихи

И эти жизненные соки,
В тебе играющие всё ж! -
Чтоб выходя в пространство, смело,
Крылом электропередач
Не задевая, полетела
Над крышами соседских дач...
Туда, где ты, ещё сутулясь,
Выводишь буквы с трудом,
Где детство, отрочество, юность
И всё, что там ещё потом.
И мама, очень молодая,
В ночи на кухне у окна
Сидит над картами, гадая,
Опять в кого-то влюблена.
И парты школьные - рядами!
И волейбольный мяч - лови!
И туфли - красные, как знамя
Твоей трагической любви.
ОН не оценит эти ноги!
Но листья жгут - они дымят.
И древнегреческие боги
Реальный идеал затмят.
И курсовая по "античке"
Прервёт линейность бытия!..
Мужчина, чиркающий спички
И эта фраза (пароль для связи): "Ты... моя..."
И Фрост, и Бродский, и Булгаков,
И чувство боли и вины,
И много-много всяких знаков
Эпохи, времени, страны...
И дальше, дальше - жизнь, плёнки,
Театр встреч, "удар весла"...
И, как засвеченные плёнки,
Быть может, что-то не спасла...
А что спасла - берите, нате...
И этот долгий взгляд в упор,
Когда вторгаются некстати
В судьбинный важный разговор...
И всё срастётся по-другому...
Картинка сдвинется, замрёт...
... Но издали, услышишь, к дому -
Вагага мальчиков идёт.
Смеётся новое столетье!
Им приключенье - света нет!
Какое счастье - жить на свете! -
Подумаешь, и вспыхнет свет.

элова арфа

ПОЛИТИЧЕСКОЕ

Ох, видать, мы что-то упустили,
Если бодро так идём ко дну.
Как же всех их матери растили,
Мальчиков разграбивших страну?

Что за книжки в детстве им читали
На ночь, перед тем, как гаснет свет?
Может, им в игре не уступали?
Может, не давали им конфет?

Может быть, они не посмотрели
"Щит и меч" и "Красных дьяволят"?
Что за песни матери им пели,
Чтобы жадных вырастить ребят?

Может быть, они не знали дружбы
И любви - прекрасной и большой?
Может, приласкать их просто нужно -
И они б оттаяли душой?

Чтобы каждый стал из них счастливей -
Долюбить немножко, дожалеть -
И они не дали бы России
Медленно и страшно умереть.

Пётр Кобликов

Пётр Кобликов родился в 1948 г. в Калужской области. Окончил Московский полиграфический институт в 1970 году. Работал в Вечном хранении отдела периодики Всесоюзной книжной палаты, в издательствах, включая "Прогресс", в редакциях периодических изданий. Преподавал будущим редакторам и студентам других гуманитарных специальностей, дважды был проректором высших государственных учебных заведений. Стоит в русском энтомологическом обществе, Московском обществе испытателей природы, входит в состав Президиума Академии детско-юношеского туризма, турист СССР. Автор многочисленных публикаций о природном и культурном наследии, статей о творчестве В. В. Набокова, о театре. Его предисловие помещено в книге Валерия Золотухина "Помню и люблю" (2004 г.). В течение ряда лет был ведущим и участником детских радиопередач на разных радиостанциях. Снимался в эпизодических ролях. Как чтец отмечен дипломами двух международных театральных фестивалей (в 2005 и 2007 гг.). Петру Кобликову посвящен телевизионный документальный фильм "Ключ от времени" (режиссёр О. Заславская, 2006 г.). С 2006 года Пётр Кобликов является главным редактором журнала "Детское чтение для сердца и разума". Автор "Оловой арфы", печатается там с 1-го номера. Член Союза профессиональных литераторов с 2012 года.

"КАК ПОЖИВАЕШЬ, ШЕН ТЕ?"

(О "Добром человеке из Сезуана" и новой Шен Те)

Я считаю Театр на Таганке не просто "все еще живым", а, более того, воскресающим к новой жизни, поэтому буду говорить хорошее.

Не думал, что снова обращусь к этой теме, но так уж получилось: зрительские впечатления, касающиеся перемен в спектакле "Добрый человек из Сезуана", настолько различны, что пройти мимо этого просто не смог.

Должен честно признать, что на спектакле третьего декабря не был, но знаю, что представление было принято зрителями восторженно, аплодировали стоя.

Я же был на предыдущем, когда Мария Матвеева дебютировала в роли Шен Те.

Итак, сравнить два спектакля не могу, был только на одном, поэтому впечатления именно о первом, впрочем, дополняемые и некоторыми другими впечатлениями...

Да, те же очки. Да, та же прическа. Да, те же вещественные атрибуты, что были у Зинаиды Славиной. И любопытен мне по этому поводу был отклик, надеюсь, не окрик, смысл которого заключается в том, что это был "хитрый ход".

"О приговоры, слишком скорые, скороспелые!"

Но мне многие годы не хватало именно таких очков, как до сей поры не хватает красной шали (не белой!): ну, не "сгорит в огне" этот жесткий город!

Не хватало именно белянских тупелек в сцене свадьбы, а теперь и они вернулись, и слова про них в песне свадебных гостей!

Есть знаковые предметы, несущие в себе смысл их изначальной принадлежности сценическому образу. И такое должно вернуться, если почему-то было утрачено. Вот почему теперь жду возвращения упомянутой

элова арфа

красной шали. И, кстати, изначального цвета зеленой - не болотного - тоже жду.

Читал я два разных перевода "Доброго человека", в том числе тот, где "Сычуань" и "Шен Де". Читал и по-немецки.

Читал и другие тексты Брехта. Что-то перевел сам: "ГОЛЛИВУД. Каждый день я иду на базар, где люди торгуют ложью". (Старался сохранить звучание, особенно ударных гласных, но один слог - лишний по сравнению с тем, как по-немецки).

Оказавшись в пространстве "фабрики грез", в мире торговли ложью, Брехт искал правды. И нашел ее в "Добром человеке". И сказал эту правду: в каждом человеке живут вместе, дополняя друг друга, и добрый, и злой.

Китайцы-то не случайно оказались персонажами пьесы: у них "Инь-Ян" - соединение женского и мужского начал - философская категория. Сам я нигде с таким взглядом на персонаж Шен Те - Шуи Та не встретился, но, наверняка, "открыл Америку", своим умишком додумавшись до того, что кто-то наверняка уже заметил давно, раньше.

Итак, добрый - злой, мягкий - жестокий, светлое - темное, "идите-стойте" (слова на светофоре, перед которым появляются три бога в начале спектакля - точно такой же светофор в шестидесятые был на переходе от метро к театру); кстати, и "зеленый - красный" - не оттуда ли?!

И: женщина - мужчина.

Итак, добрая Шен Те, женщина (инь), с одной стороны, а с другой - Шуи Та, мужчина (ян), злой. Так что Мария Матвеева и те, кто репетировали с ней ввод на роль Шен Те - Шуи Та, по моему мнению, правы: в том, что касается образа Шуи Та, то тут нужно играть именно мужчину!

А в том, что касается наивности Шен Те, то тут... Ну нет уж, какая тут наивность: "Что ты, в сущности, знаешь о любви? - Всё!!!". И раньше: "Она-то не может сказать нет!". И в конце: "Она давала!".

Не прачку, не кухарку выбрал Брехт в качестве главного персонажа, а простую... "Нищенку! Произнесем это жесткое слово!". А как там по тексту дальше, кто знает спектакль, помнит: там об источнике доходов.

Думаю, твердость в противостоянии жизненным обстоятельствам изначально присутствует в Шен Те, выросшей в "сточной канаве", и нужно было только надеть темные очки, чтобы скрыть мягкость взгляда на мир. А дальше все пошло само собой...

И еще я готов аплодировать одному наблюдению, о котором речь идет в отклике, побудившем меня к этим размышлениям: "крик на связках".

Валерий Золотухин спросил меня как-то: "Петя! Помнишь, как Зина паровоз перекрыть могла?".

Да, помню! Помню, что оглохнуть от реплик Зинаиды Славвиной - и Шен Те, и Шуи Та - можно было даже на галерке, даже в огромном "Серпе и Молоте", когда "Добрый человек" игрался там на выезде.

Так что и здесь Мария Матвеева права: это изначальный "голосовой режим".

И, между прочим, когда Славина, произнося реплики, смотрела в зал, она это делала так, что получалось как бы обращение поверх простран-

пётр кобликов о театре на таганке

ства зала ко всему миру. Это уж точно было не "окликните его": не о контакте со зрителем тут нужно вести речь, а об эпической наполненности ключевых реплик и пьесы, и спектакля.

Теперь про Шуи Та. Когда я прочел про "приблатненность", которой наделяет этот персонаж Мария Матвеева, то и от этого наблюдения был просто в восторге: да ведь это именно та изысканная "приблатненность", которой изначально было пропитано все представление - этим очищенным от нарочитости, возвышенным уличным духом, свойственным спектаклю в пору его появления.

Убежден, что во многом атмосфера именно "Доброго человека" вдохновила Владимира Высоцкого на поиски и обретение той эстетики, которая, будучи подпитанной миром "мотавших срок" людей в ватниках, оказалась востребованной и людьми в галстуках, и людьми в свитерах, и людьми в погонах.

(Отступление первое. Вскоре после того, как в одном еженедельнике я опубликовал свои "Таганские мгновения Владимира Высоцкого" (2005), где написал о том, что того Высоцкого, которого мы знаем, не было бы без Театра на Таганке, Юрий Петрович Любимов сказал мне, что я преувеличиваю, но при этом добавил: "Впрочем, сам Володя тоже так считал".)

С чем я согласен, так это с тем, что, возможно, по-настоящему "добрым человеком" является водонос Ванг. Я и сам писал об этом в "Кедах Водоноса" (альманах "Эолова арфа", 2009). И беды в том, что одним из артистов, занятых в этой роли, является Владислав Маленко, я не вижу: это великолепный артист, и обращаемые ему упреки "с точки зрения профессии" мне представляются необоснованными. "Щепка" - не "Шука": другая актерская школа. Вот откуда то, что у Маленко Водонос так натурально кричит от боли!

(Отступление второе: сам Маленко, поранивший руку гитарной струной, когда отмечалась одна из летних годовщин Владимира Высоцкого, улыбался, когда я пытался чистой белой бумажной салфеткой остановить ему кровь...).

Между прочим, Водонос кричит от боли и у Дмитрия Высоцкого, и это вполне согласуется с тем мнением, которое высказано в упомянутом отклике: "Водонос - живой, теплый". Живой! И сломанная рука у живого человека - далеко не условность.

(Отступление третье: "Дима! Береги руку!" - такие слова были однажды написаны после спектакля кем-то из зрителей-студентов на рулоне для отзывов, когда-то стоявшем в фойе.)

Что же касается того, как Маленко "интонирует" реплики... В упомянутых "Кедах Водоноса" я писал о своих, теперь уже давнишних, впечатлениях, суть которых в том, что этим артистом Ванг выведен на сцену как перепуганное, неуверенное в себе существо, и замечание одного из богов применительно к Вангу - Маленко вполне уместно: "Вши и сомнения, вижу я, наполовину сожрали тебя!". Вот, вот откуда и этот дрожащий голос, и эти, казалось бы, нелогичные интонации.

Не знаю, кто как, но я не вижу ничего такого, почему еще и Никита Лучихин, и Иван Зосин, и Александр Марголин "чужды" этому спектак-

элова арфа

лю в тех ролях, на которые они были введены - кто раньше, кто позже. Напротив, я считаю, что все артисты, вновь пополняющие труппу, должны пройти через этот спектакль как через школу "театра улиц". А Никиту Лучихина на срочном вводе в роли Племянника в семейке из восьми человек кто видел? А я видел: блестяще!

Прежде, чем закончить эти заметки, я просто обязан, просто повинен сказать самые теплые, самые добрые слова, обращенные Любви Селютиной. Эту актрису я ставлю в ряд тех великих русских актрис, которых видел на сцене в пору моего уже вполне сознательного детства и в пору юности.

Да, именно у Любви Селютиной Шен Те была мягкой, женственной, доброй, как бы извиняющейся за то, что нужно время от времени надевать брюки. Да, именно у Любви Селютиной резкий контраст между Шен Те и безжалостным Шуи Та был выражен, причем убедительно и ярко.

Поклон и восхищение актрисе, которая многие годы была занята в этой, по-видимому, самой главной роли Театра на Таганке.

Поклон и восхищение актрисе, про которую один театровед так мне однажды сказал: "Любовь Таганки".

Предлагаемая извне идея снять из репертуара "Доброго человека" представляется мне преждевременной, тем более, если под нее подводятся такой аргумент, как обвинение театра в предательстве эстетических принципов. Честное слово, эти упреки очень похожи на те, о которых можно прочесть в сохранившихся материалах "обсуждений" этого спектакля в пору его становления.

Впервые я был на этом спектакле ровно за сорок пять лет до того, как написал эти строки. Это были такие же темные декабрьские дни, и было очень холодно. Но как же этот спектакль отогрел мне тогда душу и сердце!

И после, тоже в шестидесятые, видел я этот спектакль не однажды. И каждый раз стараюсь побывать на этом спектакле именно в декабре - в те темные и холодные дни, когда так нужно отогреть и душу, и сердце.

(Отступление четвертое. Прошлогодний декабрь я пропустил, впрочем, пропустил и все остальные представления "Доброго человека" в прошлом сезоне из-за того, что не был Водоносом Дмитрий Высоцкий. О нет, это не было "против" Владислава Маленко, к которому я отношусь с уважением и симпатией. Просто я не был согласен с тем, как тогдашним таганским дуумвиратом Дима был выдворен из театра: наказание, даже если оно было необходимо, не обязательно стоило превращать в изгнание.)

А идея восстановить первоначальный вариант спектакля?.. Но ведь именно такое восстановление и состоялось!

Да, неплохо было бы перед прологом возобновить звучание голоса Брехта, несогласного с "эксплуатацией человека человеком". Да, есть еще над чем поработать, расчищая от наслоений времени первоначальное звучание отдельных реплик некоторых персонажей. Да, нужно вернуть

пётр кобличков о театре на таганке

"зеленое - красное". Да, даже восстановить утраченный антракт, который вписывался в логику спектакля, тоже было бы неплохо.

Да, не все еще вернулось. Но вернулось что-то такое, чего давно не было: вернулась реакция зрительного зала. И зрители смеются и аплодируют там, где и в шестидесятые годы зал взрывался от смеха и от аплодисментов.

И спектакль снова живет.

"Как поживаешь, Шен Те? - Хорошо!".

ЧТО ЗА СЕРДИТОЙ МАСКОЙ НЕПРИЯТИЯ?

(О "Венецианских близнецах" режиссёра Паоло Ланди)

Признаться, после того, как увидел свой текст И ЗАЛ ОТВЕЧАЕТ! на страницах сайта Театра на Таганке, обращаться к ВЕНЕЦИАНСКИМ БЛИЗНЕЦАМ больше не собирался. Но, читая появляющиеся и в изданиях, и в сети отклики на эту премьеру, понял: придется еще не раз заняться этой темой.

Пока что я пропустил всего три-четыре представления этого спектакля. Был и на допремьерных показах, с так называемой своей публикой, не сразу многочисленной. И вот что сейчас заметил: спектакль недавно поставлен, но уже пошел. Да, ему еще предстоит набрать силу, но уже сейчас понятно: получилось!

Читая в одном из изданий отклик на эту премьеру Таганки, я обратил внимание на сравнение режиссерской работы Паоло Ланди с тем, как Джорджо Стрелер примирил демократическую комедию масок с драматургом Карло Гольдони в гениальном, по мнению критика, АРЛЕКИНЕ, СЛУГЕ ДВУХ ГОСПОД. Сравнение было не в пользу Ланди, поскольку, по мнению критика, там, где у Стрелера виделась тонкая игра с традицией, у Ланди - лишь грубая игра на публику. Но тот же автор года три с половиной назад, восхищаясь гастрольными представлениями АРЛЕКИНА, писал о свойственном этому спектаклю знаменитого триестца сочетание площадной грубости сценического приема и грустного изящества этого же приема. Выходит, в одном случае грубость допустима, а в другом нет? Так в чем же тогда мера изящества, не в магии ли имени?

Кроме того, у Стрелера был АРЛЕКИН, у Ланди - ВЕНЕЦИАНСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ: как-никак, разницу даже просто между сюжетами обеих пьес не заметить невозможно. Но разница эта замечена не была.

Смутило меня вот еще что. Дело в том, что когда я учился классе в седьмом-восьмом-девятом, в моей школе было некое подобие того, что нынешние педагоги называют экспериментальной площадкой: нас учили постигать искусство театра. И одним из тех, кто нас этому учил, был Юрий Ульрихович Фохт-Бабушкин. Если кто знает и помнит, он какое-то время служил первым заместителем министра культуры СССР. Но это было десятилетия три спустя, а в пору нашего общения в начале-середине шестидесятых он особое внимание обращал на недопустимость наших попыток сравнивать одних с другими: драматурга с драматургом, режис-

эолова арфа

сера с режиссером, сценографа со сценографом, артиста с артистом. У же тогда авторитетный литературовед и театровед, он считал это признаком дурного тона. Почему? Он полагал, что одна индивидуальность, даже очень значительная, не может быть некоей эталонной меркой, прилагаемой к другой индивидуальности, пусть, казалось бы, и не очень весомой.

Именно с тех пор я крепко для себя запомнил, что подобного рода сравнения одинаково унизительны и для того, кого сравнивают, и для того, с кем сравнивают. Вот почему мне, между прочим, кажутся проявлением глубочайшего неуважения к Юрию Петровичу Любимову попытки сравнивать ЕГО Таганку с Таганкой уже НЕ-ЕГО и, тем более, ушедшее ПРИ противопоставлять наступившему ПОСЛЕ.

Я же, как всегда, избегая искушения сравнивать ДО с ПОСЛЕ, к удивлению своему заметил - впрочем, мнение это лишь высказываю, не навязывая его никому и даже пытаясь подвергать его сомнению - следующее: нынешняя пора перемен в таганском пространстве очень напоминает мне пору перемен в этом же пространстве в середине шестидесятых. Чем напоминает? Об этом - чуть дальше. Здесь же немного вот о чем: в пору прошлогодних драматических событий в таганском закулисье почти никто не вспомнил о том, что Московскому театру драмы и комедии (прочтите же эти слова, обрамляющие красный квадрат эмблемы Таганки!) исполнилось шестьдесят пять лет. Это значит, что до того, как в эти стены пришли и присоединились к существовавшей здесь труппе выпускники Щуки, ПРЕД-ТАГАНКА уже была.

А теперь и про то, чем нынешняя пора Таганки напоминает начало давнишних обновлений: сутью самих перемен. И тогда, и сейчас к устоявшемуся репертуару стали стремительно прибавляться новые спектакли. И тогда, и сейчас эти спектакли оказались принадлежащими не только исключительно одному творцу. Да, да: Юрий Петрович Любимов был тогда далеко не единственным среди таганских первопроходцев той поры. Вспомним хотя бы Петра Фоменко, Николая Эрдмана, Серафиму Бирман, Владимира Ворошилова, Теодора Вульфовича, Михаила Левитина. Этот список можно продолжать, но и перечисленных имен, по-моему, достаточно.

И вот еще чем нынешняя таганская пора похожа на ту пору уже почти полувековой давности: смелостью и даже, не побоюсь этого слова, озорством поиска. Как здорово, что побудивший меня к этим заметкам критик услышал и заметил пикантные реплики, звучавшие в спектакле **ВЕНЕЦИАНСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ!** Заметил их и я. Заметил и смеялся, узнавая мою любимую хулиганскую Таганку. Я ЕМУ ДАЛА!.. Ведь это же почти цитата из **ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА**, где в сцене суда свидетельница хвалит Шен Те.

И в **ДЕСЯТИ ДНЯХ**, и в **ПАВШИХ И ЖИВЫХ**, и в **АНТИМИРАХ**, и в **ЖИЗНИ ГАЛИЛЕЯ**, и в **ТАРТЮФЕ** много было такого - и словесного и, если можно так выразиться, телесного - что повергало в шок тогдашних пуристов. А если вспомнить отдельные сцены **МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ**, идущего и в наши дни, то нынешние **ВЕНЕЦИАНСКИЕ**

пётр кобличков о театре на таганке

БЛИЗНЕЦЫ в сравнении с этим спектаклем являют собой просто пример благонравия и целомудрия. Вот почему не могу я согласиться с обрашаемыми к Пауло Ланди упреками по поводу предложенного им провинциальным театрам товара (кстати, а не следует ли, руководствуясь этой формулировкой, и Таганку считать причисленной к провинциалам?) в виде размашистого лицедейства с немудреными шутками.

И не могу согласиться с упреком-укором в том, что Ланди является тележурналистом: итальянская камера, причем не только в художественном кино, всегда отличалась особой зоркостью, трогательной душевностью и человечностью.

(КОШМАРНЫЙ СОН: ВДРУГ НЕКТО РЕШИТ НАПИСАТЬ, ЧТО ЮРИЙ ЛЮБИМОВ - ЭЛЕКТРОМОНТЕР... ВЕДЬ БЫЛ ЖЕ!)

А про то, что РАСКАТИСТЫЙ голос Юрия Любимова по-прежнему просит отключить перед началом мобильные телефоны? Стоп! Голос Юрия Петровича, звучащий в записи, совсем не раскатистый, а добрый, приветливый, побуждающий зрителей к благожелательному восприятию начинающегося спектакля.

И зачем язвительные замечания по адресу зрителей и по поводу их вкуса в одежде? Помните, Кто сказал о том, что не важно, в какой одеждеходишь в храм, а важно, чтобы сердце было обращено - Кому?.. Я, кстати, в отличие от большинства прилично одетых зрителей, прихожу на Таганку всегда в свитере и с рюкзачком.

Кроме того, не могу понять, как БЕЗМЯТЕЖНАЯ публика может быть ШУМНОЙ. А чем плохо, что зрители спрашивают, где можно и в порядок себя привести, и чаю с холода выпить? Да, они пришли впервые, но ведь абсолютное большинство зрителей приходит на любой спектакль именно впервые.

Однажды я сам был свидетелем того, как пожилая зрительница, видимо, не зная, к кому обращается с вопросом о туалете, остановила шедшего ко второй двери (чтобы пройти через зрительный зал и в обход ступенек фойе выйти в третью) самого Юрия Петровича, а он спокойно и заботливо указал ей путь. И, между прочим, всегда, когда входил в зрительный зал проследить за ходом спектакля, перед тем, как погасят свет, спрашивал у оказавшихся рядом с ним зрителей, и не раз, удобно ли они обустроены.

И меня спрашивал, и уговаривал стул из фойе взять, а я все равно оставался сидеть на приступке у откидного места: смотрел на его волшебный фонарик.

Однажды, давно, когда он вдруг сам, с фонариком в руке, подошел ко мне в фойе - спросить про зрительские впечатления о Чацком, в котором, как я почувствовал, он сомневался (**ТУТ НУЖНО ЕЩЕ РАБОТАТЬ И РАБОТАТЬ**) - я, чтобы увести его от этой темы, обратил внимание на его фонарик и сказал мэтру, что он - Великий Светлячок Таганки! Он улыбнулся и стал рассказывать мне - автору познавательных рассказов о мире насекомых - о том, как светлячки теплой летней ночью в траве играют.

элова арфа

И еще я подумал тогда, что стал зрителем Таганки, когда Юрию Любимову не было пятидесяти, а еще - что свет его великого фонарика сквозь время, иногда не очень светлое и не очень теплое, пробился с той поры и до наших дней...

Да, больше сорока пяти лет назад я, промерзший до костей, худющий студент-первокурсник, готовясь на следующий день сдать зачет по истории искусств самой Нине Дмитриевой, впервые пришел на Таганку, и, спросив, где буфет, немного отогрелся стаканом чая за три копейки. А душу и сердце мне отогрел шедший в тот вечер хулиганский **ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЕЗУАНА: ОСТАЛАСЬ ОДНА ПРОСТИТУТКА ШЕН ТЕ...ОНА-ТО НЕ МОЖЕТ СКАЗАТЬ НЕТ!.. А МОЖНО МНЕ С НИМИ БЫТЬ ОТКРОВЕННОЙ?.. ЧЕМ ХУЖЕ НАМ ЖИЛОСЬ, ТЕМ БОЛЬШЕ НАС СТАНОВИЛОСЬ!.. Я УЖЕ ДВА ДНЯ НЕ ЕЛ И НЕ СМОГ БЫ ТЕБЯ ЛЮБИТЬ!.. ОНА ДАВАЛА!..**

Да, неладно стало что-то в королевстве авторов, пишущих о театре. Что скрывается за их сердитой маской неприятия перемен, происходящих в послелюбимовском таганском пространстве? Желание угодить покинувшему Таганку мэтру? Охота навредить артистам, режиссерам, администраторам, костюмерам, бутафорам, рабочим сцены и всем тем, кто продолжает работать на Таганке? Стремление отрицательно воздействовать на мнение зрителей? Необходимость отработать чей-то заказ? Не знаю. Но...

То известный критик, не вняв призыву голосом Юрия Петровича **ВЫКЛЮЧИТЬ**, да еще не глядя на сцену, так увлечен перепиской с кем-то по своему мобильнику, что светящимся экраном мешает соседям по ряду, а потом на страницах влиятельной газеты сокрушается по поводу того, что толпа, ворвавшаяся на таганские подмостки (я тут вспомнил про **ЭТА БЫДЛА, ЭТА СТАДА...**), стремится все осквернить и разграбить.

То бывший помреж Таганки, а теперь помреж другого театра, сетует на то, что новые спектакли, по ее мнению, не разобраны, а вводы на роли в идущих спектаклях никуда не годятся, пишет в своем блоге и про предательство, и про много что еще, такое, что мало не покажется.

То именитая дама-театровед в гордом одиночестве эффектно покидает зрительный зал во время январской премьеры, немного испугав зрителей и заметно помешав артистам, и при этом тут же шлет в сетевом ресурсе грозные проклятия Таганке.

Как же все это похоже на те нападки со всех сторон на Юрия Петровича Любимова, когда к обновлению таганского пространства приступал он. Как же нынешнее несовпадение отзывов иных театроведов с мнением зрителей похоже на разительные различия между реакцией критиков и зрительским восприятием того, что происходило на сцене Таганки в пору ее первого обновления.

И Юрия Любимова - вместе с его выпускниками-шукинцами - в каком только сценическом хулиганстве не укоряли, в каких только поправках традиций великого русского театра не обвиняли.

пётр кобликов о театре на таганке

Наверное, должно пройти какое-то время, чтобы критикам можно было сделать обстоятельные, а не поспешные, как сейчас, выводы о нынешних таганских переменах. Но уже сейчас, задолго до окончания первого послелюбимовского сезона, можно сказать: А ВЕДЬ У НИХ И БЕЗ МЭТРА ПОЛУЧАЕТСЯ!

Изысканное, возвышенное хулиганство Таганки и сегодня улыбается ее красным квадратиком эмблемы в обрамлении все тех же слов: МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ И КОМЕДИИ.

КАЛЕКА С ИНИШМАНА. Два месяца спустя
(О "Калеке с Инишмана" режиссёра Сергея Федотова)

Итак, в январе спектакль был поставлен, в феврале уже пошел, а про март можно сказать уверенно: спектакль идет!

Какие только критики и как только не навалились - простите за не очень литературное слово - на этот спектакль. И про школьный драмкружок, и про самодеятельность, и про то, что так теперь не ставят, и про то, что так в Москве не ставят, и про сценографию, что не такая: особенно не понравились профессиональным рецензентам шкаф (натуральный) и лодка (не натуральная).

А мне тот шкаф напомнил мое детство: похожий достался нам от прабабушки Евгении Александровны Житковой (дальняя родня Бориса Житкова: а вдруг и он видел этот шкаф?..) Наш каф не сохранился, но часть его резного декора я берегу до сих пор.

И еще вот чем меня тронул сценографический шкаф позади прилавка: тем, что он служит своего рода символом и, пусть простят меня снобы, чем-то вроде знаменитого ЧЕРНОГО КВАДРАТА. Это грубое двусторчатое, иногда, кажется, почти живое существо является не только геометрическим центром сценического пространства, но и средоточием - не побоюсь гиперболизации - смыслов человеческой жизни: он заполнен бесчисленными банками с горошком - и нелюбимой пищей, источником физического существования, и несостоявшимся средством добровольного ухода калеки Билли в тот мир, в который его хотели отправить утнувшие родители...

Думаю, не я один увидел в этом спектакле что-то свое, что-то себе дорогое. И не только среди предметов, присутствующих на сцене. Наверное, и среди персонажей есть такие, которые очень похожи на наших знакомых, на друзей, на родных, а то и на нас самих. В одном из персонажей, в Пустозвоне, я узнал свое: не звоню, если кого-то удержал от последнего шага, если кому-то денег на лечение дал, если сделал что-то, про что можно сказать, что помог, да еще люблю приготовить что-нибудь из моркови и свеклы.

А среди личных качеств остальных персонажей увидел тоже что-то очень мне знакомое. Например, очень дорогое мне, но редкое человеческое умение казаться хуже, чем на самом деле, а не наоборот. Например, спрятанное за грубоватостью расположение друг к другу. Например, скрытое кажущейся неприязнью сострадание.

элова арфа

И что-то очень, очень знакомое почувствовал я в этом спектакле с первого же раза... Да, вот оно: ЕДОКИ КАРТОФЕЛЯ Ван Гога - вот кто персонажи спектакля! И дело не только в том, что их хлеб насущный - картофель, горошек, картофель, горошек, тыфу (как в одном из монологов калеки Билли), - а в том, что весь облик, весь образ их таков. И впечатление это буквально подчеркнуто колористическим решением пространства, в котором они обитают. Пространство это - серо-коричневое: гризайль, как у Ван Гога на той самой картине.

Но все-таки обитатели этого пространства лишь внешне серо-коричневые. Каждому из них присуща своя яркость, своя узнаваемость, своя запоминаемость, причем независимо от того, кто из артистов в какой роли занят: роли отрепетированы настолько аккуратно и тщательно, что иногда даже невозможно сказать, кто играет в первом, а кто - во втором составе.

Думаю, очень правильным было решение назначить почти на каждую роль в КАЛЕКЕ ИЗ ИНИШМАНА двоих, а то и троих исполнителей. И дело тут даже не в том, что нужна так называемая взаимозаменяемость, которой в позднелюбимовское время практически ни в одном спектакле Таганки не было, а в том, что с режиссером Сергеем Федотовым поработала едва ли не половина труппы: артистам, соприкоснувшимся с незнакомой им эстетикой, с непривычной манерой репетиций, было чему поучиться.

Конечно, хотелось бы сказать буквально обо всех, кто занят в этом спектакле, и о том, как у кого какая роль получается, но в скромных по объему заметках обо всех и обо всем не скажешь. Но про тот персонаж, который упоминается уже в самом названии и пьесы, и спектакля, и про артистов, занятых в этой роли, сказать нужно обязательно.

Итак, калека Билли. В январских и февральских спектаклях в этой роли выходил на сцену Дмитрий Высоцкий. Об отношении так называемой профессиональной критики к актерским работам в этом спектакле, обусловленном общей неприязненной оценкой КАЛЕКИ (один отклик был даже примерно такой: ОБ АКТЕРСКИХ РАБОТАХ ДАЖЕ ГОВОРИТЬ НЕ ХОЧУ), подробно вспоминать не стоит. А вот зрительские впечатления, относящиеся к Билли - Дмитрию Высоцкому, не упомянуть невозможно.

Поэт Михаил, автор текстов известных песен и веселых детских стихотворений, выходя из зрительного зала с влажными глазами, сказал, что этот артист своим Билли пронзает сердце.

Певица Маргарита (Народная артистка России) была потрясена этой работой так, что не смогла после спектакля сказать артисту ни слова, опасаясь, что просто повиснет на нем и расплачется.

Поэт Геннадий увидел в Билли Дмитрия Высоцкого отголоски своей судьбы

Пушкинист и, кроме того, замечательный джазовый интерпретатор Равиль считает, что эта актерская работа повергает зрителя в состояние катарсиса.

пётр кобличков о театре на таганке

Поэтесса Людмила просила передать Дмитрию Высоцкому, что он проникает в душу.

Литературный критик Эмиль после спектакля не смог сказать не слова (глядя на него, я понял тогда смысл выражения ЗАХЛЕБНУТЬСЯ СЛЕЗАМИ), но в последующем отклике отметил способность Дмитрия Высоцкого существовать в роли каждое мгновение спектакля.

Загадкой оставалось поставленное в программках рядом с именем главного персонажа имя еще одного артиста: Филипп Котов. Впрочем, впечатления видевших репетиции этого артиста были весьма лестными. И все же: а что будет на сцене во время уже настоящего спектакля?..

И вдруг - уже в марте, два месяца спустя после премьеры - в роли Билли на сцену вышел Филипп Котов. Не знаю, правда ли, но говорят, что артист мечтал об этой роли еще в ту пору, когда был студентом театрального училища. Если это так, то, выходит, мечта сбылась.

Припоминаю, как Валерий Золотухин сказал мне однажды, что каждый артист вытаскивает роль из себя, из своего собственного, из своего личного опыта... И не могу не согласиться с теми зрителями, с которыми обменивался впечатлениями о Билли - Котове и которые полагают, что у этого артиста есть в сыгранном персонаже свое, им самим найденное, им самим прочувствованное. Да, согласен, есть детали, есть нюансы, свойственные этому артисту. Но самое главное, думаю, вот что: это ТОТ ЖЕ Билли, несмотря на различия и амплуа (берусь утверждать, что и на Таганке, как это ни пытались много лет отрицать театроведы, амплуа ЕСТЬ), и темперамента, и опыта, и просто облика обоих артистов, занятых в роли главного персонажа. И тут самое доброе слово нужно сказать Сергею Федотову, сумевшему разглядеть, распознать в двух таких разных творческих индивидуальностях способности и качества, позволившие растрогать публику до слез всем им троице - и режиссеру, и обоим артистам - дорогим Билли.

И как это здорово, когда сбывается мечта.

БОРОДИНСКАЯ БИТВА ВЕЛИКОГО МАСТЕРА

(Впечатления от премьеры "Бесов" режиссёра Юрия Любимова)

Лет пять назад перед одним из спектаклей, на который я пришёл в Театр на Таганке, я присел на антикварное кресло в фойе: мне нездоровилось. И вдруг я увидел идущего прямо ко мне и смотрящего прямо на меня... Юрия Петровича Любимова. Недомогание как рукой сняло, я быстро встал с кресла и выпрямился по стойке смирно. "Вы что это, Пётр? (Я помню, вас зовут как моего сына)" - укоризненно, но с улыбкой спросил он. Я ответил: "Я - простой зритель, и чувствую себя перед вами, великим режиссёром, всё равно, что рядовой перед маршалом".

Этот разговор я вспомнил сразу после премьеры "Бесов", поставленных Юрием Любимовым в Театре имени Вахтангова...

Мэтр, покинувший Театр на Таганке как вражеский стан, став полководцем без армии, нашёл себе новое, пусть и не такое большое, как

элова арфа

прежде, войско в другой армии, и двинул его против своих недавних соратников по Таганке. По крайней мере, именно так можно было понять сообщения о подготовке - как к сражению - к началу репетиций спектакля "Бесы", спектакля-укора артистам Таганки, спектакля, сцена для которого была найдена, и это тоже сообщалось, не сразу.

И вот "Бесы" представлены не только прессе, но и публике: три часа с антрактом, десятка два артистов, да ещё и несколько рабочих с антикварными креслами (то туда, то сюда) на сцене с живописным задником. А посреди сцены - великолепный, прекрасно ухоженный концертный рояль, за которым - в основном виртуоз Александр Гиндин с ассистентом, а после антракта - с несколькими тактами своей музыки - сам Владимир Мартынов.

Припоминаю, что меньше чем год назад один из откликов на премьеру "Маски и души", последней на Таганке работы Юрия Любимова, сам мэтр оценил как недопустимый по тону. Я долго выискивал недопустимость тона в тексте того отзыва театральной журналистки, не нашёл... и подумал в конце концов, а не является ли своего рода недопустимым, дурным тоном сам факт критического взгляда на работу великого полководца театра? Во всяком случае, незабвенная актриса Татьяна Журавлёва, отдавшая немало лет и сил Таганке, сказала в своё время замечательную фразу: "Любимов неподсуден".

Помня эти слова, я должен сегодня покаяться: когда знакомые зрители после премьеры "Бесов" спрашивали меня о первых впечатлениях от этого спектакля, я пытался уклониться от ответа. Но вопросы были настойчивы, и я - и именно в этом каюсь - не удержался: "Тяжеловесно и громоздко".

Больше о самом спектакле - здесь - ничего не скажу...

А скажу вот о чём: после антракта зрителей в той части зала, где было моё место, поубавилось на три четверти, а то и на четыре пятых (это на премьерном-то спектакле...), и, что меня ещё больше возмутило, зрители продолжали уходить и после антракта, мешая остающимся внимать ходу спектакля. Хорошо ещё, что сиденья в Театре имени Вахтангова закреплены и не хлопают.

Не знаю, прав ли я, но покинутая мэтром Таганка - что-то вроде Москвы, покинутой после Бородинской битвы, причём выигранной или проигранной, так до сей поры и не ясно. Только Таганка, в отличие от Москвы, не сгорела и не погибла, несмотря на то, что кому-то очень этого и хотелось бы. И не захватчики в неё ворвались, а пришли, сменяя друг друга, вполне достойные, пусть и разные по стилю, режиссёры. И все их четыре новых спектакля идут с аншлагом.

P.S. Поставив точку после этого текста, я пойду к Николе в Кузнецях - в церковь, в которой молюсь - поставит свечу Угоднику, а Чудотворную попросит о ниспослании все благ тому, чьё имя укажу в записочке о здравии: "Юрий".

30 марта 2012 г.

Герман Гецевич

СТИХИ

Поэт Герман Гецевич родился в Москве, в 1961 году. С 1981 года работает на "скорой помощи". Благословлён в поэзию Андреем Вознесенским. Автор нескольких поэтических книг, а также книг для детей. В середине 80-х гг. поэтические вечера Германа Гецевича в Москве, Ленинграде, Воронеже, Одессе проходили при полных залах. Стихи публиковались позже - в журналах: "Юность", "Новый мир", "Дружба народов", "Смена", "Новая юность", "НЛО", "Еврейская улица"..., в альманахах: "Стрелец", "Ной", "Диалог", "Путь к Арарату" и др.

ГРАНАТ

В горах, среди ступенчатых громад,
В сквозном преддверье каменного грота,
Под южным солнцем плавится гранат,
Как сердце урартийского народа.

Кто создал мир - Сарьян или Господь? -
Неведомо, но ярче нет природы,
Чем тот гранат, чья огненная плоть
Загадочней любой архитектуры.

Его плоды от зноя и жары,
Потрескались, припав к земле покорно,
И брызжут кровью из-под кожуры
Размякшие и сплюсненные зёрна.

В них алая заря заключена,
И естества магическая сущность,
О, как непредсказуема, страшна
Их тяжкая, мучительная участь.

Как жарок день, как сладок аромат,
Как целокупно празднество свободы,
Как дышит плодородием гранат -
Безумная фантазия природы.
1985

ХРАМ

В полуразрушенном, православном храме,
На виду у архангелов и у всех святых на виду,
Небо Тайной Вечери осыпалось над нами,
Словно листья августа в монастырском саду.

Вздыбились фрески, разбиты врата алтарные,
В руинах бывшего монастыря,
Лишь надписи выщерблены вульгарные
И склад строительного инвентаря.

элова арфа

Сдав душу в утиль, вновь бьются с жиру все,
С топором за поясом, пройдя полстраны -
Любители древнерусской живописи,
Предметов наживы и старины.

И кажется, нет ничего разрушительней
Чем пальцы торгашеской, нечистой руки,
Что приспособила к стопам Вседержителя
Ящик с гвоздями и молотки.

АНГЕЛ БИЛАЙНА

Мутной водой, растолчённою в ступе,
Автоответчик беду предвещает,
Прервана связь, абонент недоступен:
Не отвечает...
Не отвечает...

Что тебе стоит, перезвони мне,
Пусть твоя кротость слегка опечалит,
Только в ответ на мои позывные
Набранный номер не отвечает.

И на отчаянье - воля Господня,
Душу от станции вновь отлучает:
Там - поднебесная, здесь - преисподняя,
Но, ни одна из них, не отвечает.

Память комфортного жаждет досуга,
И телефон перед сном отключает,
Подлинник - в прошлом, подобье доступно,
А настоящее - не отвечает.

Не изгаляйся, будь благосклонной,
Трубку сними, может быть полегчает?
Хоть отпишись SMS-кой шаблонной,
В век телефонный - не отвечает.

В сердце тревоги улягутся разве?
От безнадёги меня уж качает:
Вот... Наконец... Дозвонился... На связи...
Что за проклятие? Не отвечает.

Боль рассосётся, как не бывало,
До болтовни наша речь обмельчает,
В зоне доступности ангел Билайна,
Но на звонки мои не отвечает.

Радость с мечтой прекратила общенье,
К пристани этой никто не причалит,

герман гецевич стихи

И за неделю одно сообщение:
"Ваш баланс менее 30 рублей
Абонент не отвечает.
Звонок за счёт собеседника".

**ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО
И ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА**

У зданья суда городского,
Бравату с лица соскребу,
И вспомню стихи Галанскова,
И Марченко вспомню судьбу.

Ведь те времена, не из лучших,
Что насыпью сроков легли,
Учили в застенках колючих
Людей оставаться людьми.

И не горевать о расплате,
Ковром не стелиться под власть,
Но в этом суровом раскладе
Им выпала чёрная масть.

В ШИЗО содержались по году,
Участники всех передряг,
Высокой ценой за свободу
Платили они в лагерях.

За смелость гражданских стремлений,
За праведность слов золотых,
Их можно без всяких сомнений
Причислить к разряду святых.

Пусть ночь обделила покоем,
Тот мрак рассосётся и так,
Ведь совесть свою под конвоем
Отправить нельзя на этап.

Пусть впроголодь гложет усталость,
Но жажду земли утолив,
Беда в должниках не осталась,
У смерти - особый тариф.

В заоблачных зонах страдания,
Заложникам злого ума,
Не нужно ничьё оправданье -
Их смерть оправдала сама.

эолова арфа

МОЛИТВА

Горечь засухи в каждой детали
Средь сожжённых лесов и равнин,
От жары над порогом завяли,
Обгорелые кисти рябин.

Словно клеток тюремные прутья,
Так страшна этих рук красота,
Боже правый, сними с них лоскутья,
Как страдальцев распятых с креста.

Ты пошли испытанье иное,
За былые грехи не кори,
Вся земля почернела от зноя,
У рябины запястья в крови.

Дай напиться корням хоть однажды,
Тяжесть крон освежи хоть на миг,
Чтоб не трескались губы от жажды,
Чтоб отлип от гортани язык.

Дай нам, Отче, дождя вместо глины,
Дажь нам днесь, чтоб развеялся смрад,
Чтоб запёкшейся кровью рябины
Не пылал над Россией закат.

Сокруши ураганным ударом
Сотни огненных стрел на Руси,
От Жар-птицы, грозящей пожаром,
Хоть рябину у дома спаси.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Золотухин. Путевой дневник (предисловие Нины Красновой)	3
Нина Краснова. “Болезнь” Валерия Золотухина	44
Татьяна Николина. Стихи	59
Кирилл Ковальджи. Прозаические миниатюры	66
Маргарита Прошина. Задумчива грусть. Заметки	74
Тамара Жирмунская. “Спасти шмеля!” (Арсений Тарковский). Эссе	78
Татьяна Кузовлева. Стихи	91
Александр Тимофеевский. Стихи	100
Николай Новиков. Стихи	108
Нелли Новикова. “Волшебная раковина”. Сказки	111
Юрий Кувалдин. “Закурить”. Рассказ	120
Виктор Крючков. “Солярис”. Стихи	133
Дарья Корнилова. Стихи	148
Надежда Мухина. “У набережной Москвы-реки”. Книга в альманахе	151
Татьяна Черыгова. Стихи	228
Лия Елфимова. Стихи	230
Александр Александров. Стихи	232
Елена Олейникова. Стихи	238
Татьяна Мажорина. Басни	242
Проза и поэзия “Страны берёзового ситца”	
Алексей Бандорин. Стихи	245
Людмила Салтыкова. Стихи	247
Евгения Масленникова (Бандорина). Стихи	251
Виктор Булатов. Стихи	252
Ирина Позднякова. Стихи	254
Надежда Юдина. Стихи	256
Валентина Строгова. Стихи	258
Татьяна Рослова. Стихи	262
Елена Захарова. Стихи	263
Наталья Ивахненко. Стихи	265
Татьяна Куколева. Стихи	266
Марина Точина. Проза	269
Тамара Ковалевская. Проза	271
Владимир Орлов. Стихи	274
Ольга Сидорова. Стихи	279
Сергей Азинцев. Стихи	283
Владимир Пустовитовский. Проза. Книга в альманахе	288
“Окно” в мир художника Александра Трифонова на Чистых прудах	318

Ваграм Кеворков. Рассказы	329
Эмиль Сокольский. Рассказы	358
Юрий Крохин. Литературоведение	374
Евгений Лесин. Стихи	392
Андрей Щербак-Жуков. Стихи	424
Татьяна Шведовская. Стихи	429
Олег Шведовский. Стихи и этюд	433
Феликс Шведовский. Проза	436
Марина Рогонова. Стихи	441
Зульфия Алькаева. “Невыплаканное междуемье” (Вадим Рабинович)	447
Анна Гедымин об “Избранном” Нины Красновой	463
Анна Гедымин. Стихи	465
Елена Исаева. Стихи	470
Пётр Кобликов. “Как поживаешь Шен Те?” (Театр на Таганке)	479
Герман Гецевич. Стихи	491

Эолова арфа
литературный альманах
выпуск 5
Москва
2012

ISBN 978-5-85676-145-9

Редактор Нина Краснова
Художник Александр Трифонов

Сдано в набор 21.07.12. Подписано к печати 07.08.12. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура “NewtonC”. Печать офсетная.
23,75 уч.-изд. л. (авторских листов). 31 п.л. (печатных листов). Тираж 700 экз.

Издание Нины Красновой
при поддержке издательства “Книжный сад”
www.krasninar.narod.ru